3 1761 08106732 4

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

1897.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

Декабрь № 12.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.
1897.

Контора и редакція „Сѣвернаго Вѣстника“ переведены на Б. Московскую, д. № 11.

СОДЕРЖАНІЕ

№ 12 „Сѣвернаго Вѣстника“ 1897 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

См. 3-ю стр. обложки.

Открыта подписка на 1898 годъ на

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ",

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Начиная съ майской книги 1897 г. „Сѣверный Вѣстникъ" издается

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Въ виду облегченія условій изданія, съ освобожденіемъ журнала отъ предварительной цензуры, редакція «Сѣвернаго Вѣстника» съ 1898 г. расширяетъ провинціальный отдѣлъ и проситъ лицъ, имѣющихъ къ тому возможность, доставлять матеріалы, пригодные для обработки въ областномъ отдѣлѣ, а также самостоятельныя замѣтки и корреспонденціи касательно явленій мѣстной жизни, текущихъ интересовъ мѣстнаго общества, народнаго образованія, дѣятельности губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, всевозможныхъ общественныхъ начинаній и т. п.

Въ первыхъ книжкахъ «Спв. В.» 1898 г. будутъ напечат. повѣсти **В. Микуличъ. В. Немировича-Данченко. Ө. Шапиръ**; «СОВРЕМЕННАЯ НАУКА» **Карпентера**, съ введеніемъ гр. **Л. Н. Толстого**. «О ГУБЕРНАТОРАХЪ» прив.-доц. **В. Гессена**, «ПРОЕКТЪ УГОЛОВНАГО УЛОЖЕНІЯ» проф. **И. Фойницкаго**, «МИЦКЕВИЧЪ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО» **В. Чуйко**. «РАБОЧЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЪ ЗАП. ЕВРОПѢ» **Я. Райхесберга** и мн. др.; въ приложеніи къ книжкамъ журнала будетъ данъ переводъ **книги** проф. **Штаммлера**: «ХОЗЯЙСТВО И ПРАВО СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКАГО ПОНИМАНІЯ ИСТОРІИ».

Историческій романъ Генр. Сенкевича «Крестоносцы», еще не законченный печатаніемъ по польски, будетъ окончень печатаніемъ въ «Сѣв. Вѣстн.» въ 1898 году. Новые подписчики получатъ двѣ первыя части его, напечатанныя въ 1897 г., отдѣльнымъ безплатнымъ приложеніемъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. Арефьевъ. К. Бальмонтъ, проф. Ө. Батюшковъ. П. Боборыкинъ. П. Вейнбергъ. М. Венюковъ, А. Волынскій. П. Ганзенъ. Н. Геренштейнъ, прив.-доц. В. Гессенъ. П. Гнѣдичъ, М. Горькій. Н. Дружининъ. А. Каменскій, Н. Карабчевскій. В. Каренинъ, проф. А. Кирпичниковъ. А. Коптяевъ. Б. Коржевевскій. Котъ-Мурлыка. Я. Крюковской, д-ръ А. Лозинскій, М. Лохвицкая, К. Льдовъ, Е. Лѣткова, В. Микуличъ, Н. Минскій. Вас. Немировичъ-Данченко, Вл. Немировичъ-Данченко, Ф. Нефедовъ. проф. Д. Овсянико-Куликовскій, проф. И. Оршанскій, д-ръ Л. Оршанскій, М. Петровъ, А. Рейнгольдтъ, Л. Саломэ, проф. В. Сергѣевичъ, С. Смирнова. В. Спасовичъ, А. Субботинъ. П. Тверской. гр. Л. Н. Толстой, проф. А. Трачевскій, М. Чайковскій. В. Чуйко. О. Чюмина, О. Шапиръ, В. Шеврокъ. А. Шеллеръ, проф. Л. Шепелевичъ. В. Ширковъ, проф. Е. Шмурло, проф. И. Фойницкій. К. Фофановъ, проф. Н. Холодковскій, І. Ясинскій. А. Эртель и мн. др.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи. **Главная контора**: Спб., Б. Московская. д. 11, въ **Москвѣ**— въ конт. **Н. Печковской**. Петровскія линіи.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

	Годъ.	Полгода.	Четверть года.	1 мѣс.
Для иногороднихъ съ перес. .	12 р.	6 р. — к.	3 р. — к.	1 р.
Въ Спб. съ дост.	11 »	5 » 50 »	2 » 75 »	1 »
Для заграничныхъ	14 »	7 » — »	4 » — »	— »

Для казенныхъ и общественныхъ учрежденій допускается подписка въ кредитъ.

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Декабрь № 12.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.
1897.

LIBRARY
MAR 5 1968
UNIVERSITY OF TORONTO

Контора и редакція „Сѣвернаго Вѣстника“ переведены на Б. Московскую, д. № 11.

СОДЕРЖАНІЕ
№ 12 „Сѣвернаго Вѣстника“ 1897 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

При этомъ № прилагаются: 1) Объявленіе книгоиздательства Германа Гоппе. 2) Для подписчиковъ, живущихъ въ городахъ, почтовые бланки для перевода денегъ отъ конторы «Сѣвернаго Вѣстника».

Мальва.

НАБРОСОКЪ.

(Окончаніе).

Въ нѣжномъ блескѣ утренней зари даль моря спокойно дремала, отражая перламутровыя облака. На косѣ возились полусонные рыбаки, укладывая въ баркасѣ снасти.

Привычная работа исполнялась молча и быстро. Сѣрая масса невода ползла по песку въ баркасъ и складывалась въ кучу на дно его.

Сережка, какъ всегда безъ шапки и полуголый, стоялъ на кормѣ баркаса и торопилъ рыбаковъ хриплымъ, похмѣльнымъ голосомъ. Вѣтеръ игралъ лоскутьями его рубахи и рыжими вихрами волосъ.

— Василій! Гдѣ зеленыя весла?—кричалъ кто-то. Василій, хмурый, какъ октябрьскій день, укладывалъ неводъ въ баркасѣ, а Сережка смотрѣлъ ему въ согнутую спину и облизывалъ губы—признакъ его желанія опохмѣлиться.

— У тебя водка есть?—спросилъ онъ.

— Есть—глухо сказалъ Василій.

— Ну, такъ я не поѣду... останусь у сухого крыла.

— Готово!—крикнули съ косы.

— Отчаливай давай! скомандовалъ Сережка, сходя съ баркаса.— Поѣзжайте... я останусь здѣсь. Смотрите—завози шире, чтобы неводъ не путать... Да сбрасывай его въ воду ровнѣе... петель не навяжите!.. Пошли!

Баркасъ столкнули въ воду, рыбаки влѣзли въ него съ бортовъ и, разобравъ весла, подняли ихъ на воздухъ, готовые ударить по водѣ.

— Разъ!

Весла дружно упали въ волны и баркасъ рванулся впередъ, въ широкую равнину озаренной воды.

— Два!—командовалъ рулевой, и, какъ лапы гигантской черепахи, весла поднялись по бортамъ...—Разъ!.. Два!..

На берегу у сухого крыла невода осталось пятеро: Сережка, Василій и еще трое. Одинъ изъ этихъ троихъ опустился на песокъ и сказалъ:

— Поспать еще...

Двое другихъ послѣдовали его примѣру, и на пескѣ скорчились въ комки три тѣла въ грязныхъ лохмотьяхъ.

— Ты что въ воскресенье не былъ?—спросилъ Василій у Сережки, идя съ нимъ въ шалашъ.

— Нельзя было...

— Пьянъ былъ?

— Нѣтъ. Слѣдилъ за твоимъ сыномъ, да за его мачихой—спокойно сообщилъ Сережка.

— Нашелъ заботу!—криво усмѣхнулся Василій.—Малые они ребята, что-ли?

— Хуже... Одинъ дуракъ, другая—юродивая...

— Это Мальва юродивая?—спросилъ Василій, и глаза его вспыхнули злобной тоской.

— Она...

— Давно-ли такой стала?

— Всегда была. У нея, братъ Вася, душа не по тѣлу... можешь ты это понять?

— Я понялъ ужъ... подлая у нея душа.

Сережка покосился на него и презрительно фыркнулъ.

— Подлая! Эхъ вы... землеѣды тупорылые! Ни чорта вы въ жизни понимать не можете... Вамъ бы только титьки были у бабы жирныя... а характеръ ея вамъ не надо... А въ характерѣ-то и весь цвѣтъ у человѣка... безъ характера баба—безъ соли хлѣбъ. Можешь ты получить удовольствіе отъ такой балалайки, у которой струнъ нѣтъ? Кобель...

— Ишь ты до какихъ рѣчей допился вчера...—уязвилъ его Василій.

Ему очень хотѣлось спросить о томъ, гдѣ и какъ видѣлъ вчера Сережка Якова и Мальву, но ему было совѣстно.

И придя въ шалашъ, онъ налилъ Сережкѣ цѣлый чайный стаканъ водки, надѣясь, что послѣ такой порціи Сережка сразу охмѣлѣетъ и самъ, безъ вопросовъ, разскажетъ ему про нихъ.

Но Сережка выпилъ, крякнулъ и, весь прояснившись, усѣлся въ двери шалаша, потягиваясь и зѣвая.

— Выпьешь—какъ огня проглотишь...—сказалъ онъ.

— Ужъ и пьешь ты!—воскликнулъ Василій, пораженный быстротой, съ которой Сережка проглотилъ водку.

— Умѣю...—кивнулъ тотъ своей рыжей головой и, вытеревъ ладонью мокрые усы, заговорилъ поучительно и съ удалью:

— Умѣю, братъ! Я все дѣлаю скоро и прямо. Безъ изворотовъ—валяй прямо и все! А куда попадешь, это все равно! Съ земли, кромѣ какъ въ землю, никуда не соскочишь...

— Ты хотѣлъ на Кавказъ уходить?—спросилъ Василій, потихоньку двигаясь къ своей цѣли...

— Уйду, когда захочу. Когда я хорошенько захочу,—я прямо разъ, разъ и—готово! Или по-моему вышло, или шишку на лбу набью... Просто!

— Чего проще! Вродѣ какъ безъ головы живешь...

Сережка насмѣшливо покосился на Василія.

— А ты—умный! Тебя сколько разъ въ волости пороли?

Василій посмотрѣлъ на него и смолчалъ.

— Видно частенько... А вѣдь это хорошо, что у васъ начальство умъ-то сзади на передъ розгами перегоняетъ... Эхъ ты, кротъ таракановичъ! Ну что ты съ своей головой можешь подѣлать? И куда ты съ ней угодишь? И чего ты, съ умомъ, можешь выдумать? То—то! А я—безъ головы пру прямо, и больше никакихъ! И навѣрное дальше тебя буду...

— Это пожалуй...—усмѣхнулся Василій.—Пожалуй ты и до Сибири дойдешь...

— Ухъ страшно!

И Сережка искренно расхохотался.

Онъ не пьянѣлъ, вопреки ожиданію Василія, и того злило это. Поднести еще стаканъ ему было жалко, а въ трезвомъ видѣ, пожалуй, отъ Сережки ничего не добьешься... Но Сережка самъ выручилъ его.

— Ты что же про Мальву не спрашиваешь?

— А чего мнѣ?—равнодушно протянулъ Василій, вздрагивая отъ удовольствія и какого-то предчувствія.

— Вѣдь она въ воскресенье не была здѣсь... Спрашивай, какъ она жила за эти дни... Чай, поди, ревнуешь вѣдь, старый чортъ.

— Много ихъ!—пренебрежительно махнулъ рукой Василій.

— Много ихъ!—передразнилъ его Сережка.—Эхъ вы, деревня лыкова помѣщика дикаго! Дай вамъ медъ, дай деготь—все у васъ кулага будетъ...

— Ты что ее все хвалишь? Сватать, что-ли, пришелъ? Такъ я ее самъ давно усваталъ...—насмѣшливо сказалъ Василій.

Сережка осмотрѣлъ его, помолчалъ и увѣсисто началъ говорить Василію, положивъ ему руку на плечо:

— Я это знаю... Мнѣ извѣстно, что она живетъ съ тобой. Я тебѣ въ этомъ не мѣшалъ,—не хотѣлъ, не надо было... Но теперь этотъ

Яшка, сынъ твой, около нея вертится—вздуй его до красна! Слышишь? А-то я самъ вздую... Ты мужикъ хорошій... хоть и дуракъ дубовый... Я тебѣ не мѣшалъ и ты это помни...

— Вонъ что! А теперь и... ты тоже за ней?—глухо спросилъ Василій.

— Тоже! Кабы я зналъ, что тоже... я бы прямо всѣхъ васъ посшибалъ съ моей дороги и—конецъ!.. А то—куда мнѣ ее?

— Такъ что-же ты тутъ путаешься? — подозрительно спросилъ Василій.

Сережку, должно быть, поразилъ этотъ простой вопросъ.

Онъ широко открытыми глазами посмотрѣлъ на Василья и засмѣялся.

— Чего путаюсь? Да... чортъ-е знаетъ чего... Такъ баба она... этакая—съ перцемъ... Нравится мнѣ... А можетъ мнѣ ее жалко, что-ли... А-ну тебя!

Василій смотрѣлъ на него недовѣрчиво, но чувствовалъ, что Сережка искренно, отъ души смѣется и искренно говоритъ, и что видовъ онъ на Мальву не имѣетъ. Но всетаки онъ сказалъ:

— Кабы она не тронутая и чистая дѣвка была—ну еще можно-бы пожалѣть. А такъ... чудно что-то!

Сережка молчалъ, глядя, какъ баркасъ далеко въ морѣ поворачивалъ носомъ къ берегу, описывая широкую дугу. Рыжее лицо Сережки смотрѣло открыто и было такое доброе и простое.

Василій какъ-то смягчился, глядя на него.

— А ты это вѣрно... она баба славная... вертячка только!.. Яшка... ну, я ему задамъ! Ишь щенокъ!..

— Мнѣ онъ не по душѣ... Деревней отъ него воняетъ... а я запаха этого не терплю,—заявилъ Сережка.

— А онъ ластится къ ней?—сквозь зубы спросилъ Василій, разглаживая бороду.

— И какъ еще. Онъ,—вотъ увидишь,—клиномъ войдетъ между вами,—увѣренно сказалъ Сережка.

— Я ему войду!

Въ дали морской вспыхнулъ розовый вѣеръ лучей восхода. Уже край солнца смотрѣлъ изъ позлащенной воды. Сквозь шумъ волнъ съ моря изъ баркаса долетѣлъ слабый крикъ:

— Веди-и...

— Вставай, ребята! Эй! Вставай къ неводу! — скомандовалъ Сережка, поднимаясь на ноги.

И скоро они, всѣ пятеро, уже выбирали свой край невода. Изъ воды тянулась на берегъ длинная веревка, упругая, какъ струна, и рыбаки, захлестывая за нее лямки, покряхтывая, тащили веревку.

Лямки были кожанныя и широкія, онѣ надѣвались, какъ пояса, и застегивались на животѣ, гдѣ къ нимъ прикрѣпленъ былъ ремень съ камнемъ или ракушкой на концѣ. Захлестнувъ этимъ ремнемъ веревку невода, рыбаки пятились задомъ, сильно упираясь ногами въ песокъ, и, сдѣлавъ такъ шаговъ десять, двадцать, послѣдній въ ряду отвязывалъ свою лямку, заходилъ впередъ и тамъ снова прицѣплялъ лямку къ веревкѣ, змѣей выползавшей изъ воды.

А другую сторону невода велъ къ берегу баркасъ, скользя по волнамъ, и мачта его рѣзала воздухъ, изъ стороны въ сторону качаясь въ немъ.

Солнце, великолѣпное и яркое, поднималось надъ моремъ.

— Увидишь Якова—скажи, чтобы онъ завтра побывалъ ко мнѣ,— попросилъ Василій Сережку, когда тотъ очутился рядомъ съ нимъ.

— Ладно.

Баркасъ присталъ къ берегу и, соскочивъ съ него на песокъ, рыбаки тянули свое крыло невода. Двѣ группы постепенно сближались другъ съ другомъ и поплавки невода, прыгая на водѣ, образовали изъ себя правильный полукругъ.

Позднимъ вечеромъ этого дня, когда рабочіе на промыслѣ поужинали, Мальва, усталая и задумчивая, сидѣла на разбитой лодкѣ, опрокинутой вверхъ дномъ, и смотрѣла въ море, уже одѣтое сумракомъ. Тамъ, далеко, сверкалъ огонь, и Мальва знала, что это пылаетъ костеръ, разложенный Василіемъ. Одинокій, точно заблудившійся въ темной дали моря, огонь то ярко вспыхивалъ, то угасалъ, какъ-бы изнемогая. И Мальвѣ было грустно смотрѣть на эту красную точку, потерянную въ пустынѣ и слабо трепетавшую въ неугомонномъ, никому не понятномъ рокотѣ легіоновъ волнъ.

— Ты чего тутъ сидишь?—раздался голосъ Сережки за ея спиной.

— А тебѣ что?—сухо спросила она, не взглянувъ на него.

— Любопытно.

Онъ помолчалъ, разглядывая ее, досталъ папиросу, закурилъ и сѣлъ верхомъ на лодку. Потомъ, чувствуя, что у нея нѣтъ желанія говорить съ нимъ, сказалъ ей дружелюбно:

— Чудная ты баба — то бѣжишь прочь ото всѣхъ, то чуть не всѣмъ на шею виснешь.

— Это тебѣ, что-ли, я висну?—равнодушно спросила она.

— Не мнѣ, а Яшкѣ.

— А тебѣ завидно?

— Мм... Давай прямо, по душѣ говорить?—предложилъ Сережка, ударивъ ее по плечу. Она сидѣла бокомъ къ нему и онъ не видѣлъ ея лица, когда она кратко бросила ему:

— Говори.

— Ты что Василья бросила, что-ли?

— Не знаю,—отвѣтила она помолчавъ.—А тебѣ зачѣмъ это?

— Да такъ... отъ скуки.

— Сердита я на него теперь.

— За что?

— Побилъ меня.

— Н-ну? Это онъ-то? Эдакій... тьфу! А ты—далась ему? Ай-яй!

Сережка былъ изумленъ ея сообщеніемъ. Онъ заглядывалъ сбоку въ ея лицо и иронически чмокалъ губами.

— Кабы захотѣла—не далась-бы,—возразила она съ сердцемъ.

— Такъ что-же ты?

— Не захотѣла.

— Крѣпко, значитъ, любишь сѣдого кота? — насмѣшливо сказалъ Сережка и обдалъ ее дымомъ своей папиросы. — Ну дѣла! А я было думалъ, что ты не изъ такихъ...

— Никого я васъ не люблю, — снова уже равнодушно говорила она, отмахиваясь рукой отъ дыма.

— Врешь, поди-ка?

— Для чего мнѣ врать? — спросила она, и по ея голосу Сережка понялъ, что врать ей, дѣйствительно, не для чего.

— А ежели ты его не любишь, какъ-же ты позволяешь ему бить тебя?—серьезно спросилъ онъ.

— Да развѣ я знаю? Чего ты пристаешь?

— Чудно...—тряхнувъ головой, сказалъ Сережка.

И оба они долго молчали.

Ночь приближалась. Тѣни ложились на море отъ облаковъ, медленно двигавшихся въ небѣ. Волны звучали.

Огонь у Василья на косѣ погасъ, но Мальва все еще смотрѣла туда. А Сережка смотрѣлъ на нее.

— Слушай!—сказалъ онъ.—Ты знаешь, чего хочешь?

— Кабы знала!—съ глубокимъ вздохомъ и очень тихо отвѣтила Мальва.

— Стало быть не знаешь? Это плохо!—увѣренно заявилъ Сережка.— А я вотъ всегда знаю,—и съ оттѣнкомъ грусти онъ добавилъ:—Только мнѣ рѣдко чего хочется.

— Мнѣ всегда хочется чего-то,—задумчиво заговорила Мальва.— А чего?.. Не знаю. Иной разъ сѣла-бы въ лодку и въ море! Далеко-о! И чтобы никогда больше людей не видать. А иной разъ такъ-бы каждаго человѣка завертѣла да и пустила волчкомъ вокругъ себя. Смотрѣла-бы на него и смѣялась. То жалко всѣхъ мнѣ, а пуще всѣхъ — себя самое... то избила-бы весь народъ. И потомъ-бы себя страшной смертью... И тоскливо мнѣ и весело бываетъ... А люди всѣ какіе то дубовые.

— Народъ гнилой,—тихо согласился Сережка. — То-то я смотрю все на тебя и вижу—не кошка ты, не рыба... и не птица... А все это есть въ тебѣ, однако... Не похожа ты на бабъ.

— И то слава Богу!—усмѣхнулась Мальва.

Изъ-за гряды песчаныхъ бугровъ, слѣва отъ нихъ, появилась луна, обливая ихъ фигуры и море серебряннымъ блескомъ своего сіянія. Большая и кроткая, она медленно плыла вверхъ по голубому своду неба, и яркій блескъ звѣздъ блѣднѣлъ и таялъ въ ея ровномъ, мечтательномъ свѣтѣ.

— Ты думаешь, вотъ оно что...—увѣренно заговорилъ Сережка, бросивъ папиросу въ воздухъ. — А кто думаетъ — тому скучно жить... Надо всегда что-нибудь дѣлать, чтобы вокругъ тебя люди вертѣлись... и чувствовали, что ты живешь... Жизнь надо мѣшать чаще, чтобы она не закисала... Болтайся въ ней туда и сюда, пока силъ хватитъ,—ну и будетъ вокругъ тебя весело...

Мальва засмѣялась.

— Это, пожалуй, вѣрно ты говоришь... Мнѣ иной разъ кажется, что если-бы... баракъ ночью подожечь—вотъ суматоха была-бы!

— Какая!—съ восхищеніемъ воскликнулъ Сережка и вдругъ толкнулъ ее въ плечо. — Знаешь что... я тебя научу... забавную штуку сыграемъ! Хочешь?

— Ну?—съ интересомъ спросила Мальва.

— Ты этого Яшку... раззадорила здорово?

— Огнемъ пышетъ...—усмѣхнулась она.

— Ну... страви его съ отцомъ! Ей Богу! Потѣшно будетъ... Схватятся они, какъ медвѣди... Ты подогрѣй старика-то, да и этого тоже... А потомъ мы ихъ другъ на друга и спустимъ... а?

Мальва обернулась къ нему и пристально посмотрѣла въ его рыжее отъ веснушекъ, весело улыбавшееся лицо. Освѣщенное луной, оно казалось менѣе пестрымъ, чѣмъ было днемъ, при свѣтѣ солца. На немъ не было замѣтно ни злобы, ничего, кромѣ добродушной и немножко озорной улыбки, да ожиданія отвѣта.

— За что ты ихъ не любишь?—подозрительно спросила Мальва.

— Я? Василій... ничего, мужикъ хорошій. А Яшка — дрянь. Я, видишь ты, всѣхъ мужиковъ не люблю... они сволочи! Они прикинутся сиротами, имъ и хлѣба даютъ и... все!.. У нихъ вонъ есть земство и оно все для нихъ дѣлаетъ... Хозяйство у нихъ, земля, скотъ... Я у земскаго доктора кучеромъ служилъ. насмотрѣлся на нихъ... потомъ бродяжилъ я по землѣ много. Придешь, бывало, въ деревню, попросишь хлѣба—цопъ тебя! Кто ты, да что ты, да подай паспортъ... Бивали сколько разъ... То за конокрада примутъ, то просто такъ... Въ холодную сажали... Они ноютъ да притворяются, но жить могутъ, у нихъ есть зацѣпка—земля. А я что противъ нихъ?

— А ты развѣ не мужикъ?—перебила его Мальва, внимательно слушавшая его быструю рѣчь.

— Я мѣщанинъ! — съ нѣкоторой гордостью отрекся Сережка.— Города Углича мѣщанинъ.

— А я изъ Павлиша...—задумчиво сообщила Мальва.

— За меня никого нѣтъ въ заступникахъ! А мужики... они, черти, могутъ жить. У нихъ и земство, и все такое.

— А земство—это что?—спросила Мальва.

— Что? А чортъ его знаетъ что! Для мужиковъ поставлено, ихъ управа... Плюнь на это... Ты вотъ говори о дѣлѣ... устрой-ка имъ стычку, а? Ничего вѣдь отъ этого не будетъ... подерутся только... А я тебѣ помогу! Вѣдь Василій билъ тебя? Ну, вотъ и пусть ему его-же сынъ за твои побои возмѣститъ.

— А что?—усмѣхнулась Мальва.—Это хорошо-бы...

— Ты подумай... развѣ не пріятно смотрѣть, какъ изъ-за тебя люди ребра другъ другу ломаютъ? Изъ за однихъ только твоихъ словъ?.. двинула ты языкомъ разъ, два и—готово!

Сережка долго съ горячимъ увлеченіемъ разсказывалъ ей о прелести ея роли. Онъ одновременно и шутилъ, и говорилъ серьезно, и самъ искренно увлекался своимъ планомъ.

— Эхъ, ежели-бы я красивой женщиной былъ! Та-акую-бы я на семъ свѣтѣ заворуху развелъ! -- воскликнулъ онъ въ заключеніе, а потомъ схватилъ голову въ руки, крѣпко сжалъ ее, зажмурилъ глаза и замолчалъ.

Луна уже была высоко въ небѣ, когда они разошлись. Безъ нихъ красота ночи увеличилась. Теперь осталось только безмѣрное и торжественное море, посребренное луной, и синее, усѣянное звѣздами небо. Были еще бугры песку, кусты ветелъ среди нихъ и два длинныя, грязныя зданія на пескѣ, похожія на огромные, грубо сколоченные гроба. Но все это было жалко и ничтожно предъ лицомъ могучаго моря, и звѣзды, смотрѣвшія на это,—блестѣли холодно.

Отецъ и сынъ сидѣли въ шалашѣ другъ противъ друга и пили водку. Водку принесъ съ собой сынъ, чтобы не скучно было сидѣть у отца и чтобы задобрить его. Сережка сказалъ Якову, что отецъ сердится на него за Мальву, а Мальвѣ грозитъ избить ее до полусмерти; что Мальва знаетъ объ этой угрозѣ и потому не сдается ему, Якову. Сережка зло смѣялся надъ нимъ.

— За-адастъ онъ тебѣ за твои шашни! Такъ оттянетъ уши, что они по аршину величиной будутъ. Ты лучше не попадайся на глаза ему!

Насмѣшки этого рыжаго, непріятнаго парня породили въ Яковѣ острую злобность къ отцу. А тутъ еще Мальва все мнется и, глядя

на него то задорно, то грустно, усиливаетъ до боли его желаніе обладать ею... И тоже все напоминаетъ ему про отца.

И вотъ Яковъ пришелъ къ отцу и смотритъ на него, какъ на камень посреди своей дороги, какъ на камень, черезъ который невозможно перескочить и обойти его нельзя. Но, чувствуя, что онъ нисколько не боится отца, Яковъ увѣренно смотрѣлъ въ его угрюмые и злые глаза, точно говорилъ ему:

— Ну-ка тронь?!

Они уже дважды выпили, но ничего не сказали еще другъ другу, кромѣ нѣсколькихъ незначительныхъ словъ о промысловой жизни. Одинъ на одинъ среди моря, они копили въ себѣ озлобленіе другъ противъ друга и оба знали, что скоро оно вспыхнетъ и обожжетъ ихъ.

Рогожи шалаша шуршали подъ вѣтромъ, лубки постукивали другъ о друга и красная тряпка на концѣ шеста лепетала что-то. Всѣ эти звуки были робки и похожи на отдаленный шопотъ, безсвязно и нерѣшительно просившій о чемъ-то. Волны-же морскія шумѣли, какъ всегда,— свободно и безстрастно.

— Что Сережка, пьетъ все?—угрюмо спросилъ Василій.

— Пьетъ... каждый вечеръ пьяный...—отвѣтилъ ему сынъ, наливая еще водки.

— Пропадетъ онъ... Вотъ она свободная-то жизнь... безъ страха... И ты такой-же будешь...

Яковъ не любилъ Сережку и потому кратко отвѣтилъ:

— Я такимъ не буду.

— Не будешь!—хмуря брови, сказалъ Василій.—Знаю я, что говорю... Сколько времени живешь здѣсь? Третій мѣсяцъ пошелъ, скоро надо будетъ домой идти, а много-ли денегъ понесешь отсюда? — Онъ сердито плеснулъ изъ чашки себѣ въ ротъ налитую сыномъ водку и собравъ бороду въ руку, дернулъ ее такъ, что у него голова тряхнулась.

— За такое малое время многаго здѣсь и нельзя добыть...—резонно отвѣтилъ Яковъ.

— А коли такъ—нечего тебѣ тутъ шалыганить—иди въ деревню!

Яковъ молча усмѣхнулся.

— Что рожу кривишь?—угрожающе воскликнулъ Василій, озлобляясь при видѣ спокойствія сына.—Отецъ говоритъ, а ты смѣешься! Смотри, не рано ли началъ вольничать-то? Не взнуздалъ-бы я тебя...

Яковъ налилъ водки и выпилъ. Эти грубыя придирки къ нему обижали его, но онъ крѣпился, не желая говорить такъ, какъ думалъ и хотѣлъ, чтобъ не взбѣсить отца. Теперь онъ немножко робѣлъ предъ его взглядомъ, сверкавшимъ сурово и жестко.

А Василій, видя, что сынъ выпилъ одинъ, не наливъ ему, еще болѣе освирѣпѣлъ, отчего сталъ спокойнѣе и рѣзче.

— Говоритъ тебѣ отецъ—ступай домой, а ты смѣшки ему показываешь? Такъ я-же тебя по своему... Проси въ субботу разсчетъ и—маршъ въ деревню! Слышишь?

— Не пойду! вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, твердо сказалъ Яковъ и упрямо мотнулъ головой.

— Это какъ такъ?—взревѣлъ Василій и, опершись руками о бочку, поднялся со своего мѣста.—Я тебѣ говорю или нѣтъ? Что ты, собака, противъ отца рычишь? Забылъ, что я могу что хочу съ тобой сдѣлать? Забылъ ты?

Губы у него дрожали и лицо кривили судороги, двѣ жилы вздулись на вискахъ.

— Ничего я не забылъ...—вполголоса говорилъ Яковъ, не глядя на отца:—ты-то. смотри, все-ли помнишь?

— Не твое дѣло учить меня! Разражу въ дребезги...

Яковъ уклонился отъ руки отца, поднятой надъ его головой и, чувствуя, какъ въ немъ закипаетъ дикая злоба, стиснувъ зубы, заявилъ:

— Ты не тронь меня... Здѣсь не деревня.

— Молчать! Я тебѣ вездѣ отецъ...

— Здѣсь въ волости не выпорешь, нѣтъ ее здѣсь, волости-то...—усмѣхнулся Яковъ прямо въ лицо ему и тоже медленно поднялся.

Они стояли одинъ противъ другого. Василій съ налитыми кровью глазами, вытянувъ впередъ шею, сжалъ кулаки и дышалъ въ лицо сына горячимъ дыханіемъ, смѣшаннымъ съ запахомъ водки; а Яковъ откинулся назадъ и зорко слѣдилъ угрюмымъ взглядомъ за каждымъ движеніемъ отца, готовый отражать удары, наружно спокойный, но весь въ горячемъ поту. Между ними была бочка, служившая имъ столомъ.

— Не выпорю?—хрипло спросилъ Василій, изгибая спину, какъ котъ, готовый прыгнуть.

— Здѣсь—все ровня... Ты рабочій и я тоже.

— Вонъ что-о?

— Ну, а какъ? За что ты на меня взъѣлся? Думаешь, я не понимаю? Ты самъ сначала...

Василій зарычалъ и такъ быстро взмахнулъ рукой, что Яковъ не успѣлъ уклониться. Ударъ попалъ ему по головѣ, онъ пошатнулся и оскалилъ зубы въ звѣрское лицо отца, уже снова поднявшаго руку.

— Смотри...—предупредилъ онъ его, сжимая кулаки.

— Я тебѣ... посмотрю!

— Брось, молъ!

— Ага... ты!.. ты отца? отца? отца?

Имъ было тѣсно тутъ, въ ногахъ у нихъ путалось кулье изъ подъ соли, опрокинутая бочка, обрубокъ.

Отбиваясь кулаками отъ ударовъ отца, Яковъ, блѣдный и потный,

со стиснутыми зубами и мрачно, по волчьи горѣвшимъ взглядомъ, медленно отступалъ передъ отцомъ, а тотъ напиралъ на него, свирѣпо махая кулаками по воздуху, слѣпой въ своей злобѣ, нелѣпый, какъ-то вдругъ и странно растрепавшійся—точно ощетинился онъ, какъ раненый кабанъ.

— Отстань... будетъ... брось!—говорилъ Яковъ, зловѣще и спокойно, выходя изъ двери шалаша на волю.

Отецъ рычалъ и лѣзъ на него, но его удары встрѣчали только кулаки сына.

— Ишь какъ тебя... ишь...—поддразнивалъ его Яковъ, сознавая себя болѣе ловкимъ и не боясь.

— Погоди... пос-стой..

Но Яковъ прыгнулъ въ бокъ и бросился бѣжать къ морю.

Василій пустился за нимъ, наклонивъ голову и простирая руки впередъ, но запнулся ногой за что-то и упалъ грудью на песокъ. Онъ быстро поднялся на колѣни и сѣлъ, упершись въ песокъ руками. Онъ былъ совершенно обезсиленъ этой возней и тоскливо завылъ отъ жгучаго чувства неудовлетворенной обиды, отъ горькаго сознанія своей слабости...

— Будь ты проклятъ!—захрипѣлъ онъ, вытягивая шею къ Якову и сплевывая пѣну бѣшенства со своихъ дрожащихъ губъ.

Яковъ прислонился къ лодкѣ и зорко смотрѣлъ на него, потирая рукой ушибленную голову. Одинъ рукавъ его рубахи былъ оторванъ и висѣлъ на ниткѣ, воротъ тоже былъ разорванъ, и бѣлая потная грудь лоснилась на солнцѣ, точно смазанная жиромъ. Онъ чувствовалъ теперь презрѣніе къ отцу; онъ считалъ его сильнѣе и, — глядя какъ отецъ, растрепанный и жалкій, сидитъ на пескѣ и грозитъ ему кулаками,—онъ улыбался снисходительной и обидной улыбкой сильнаго слабому.

— Разрази тебя громъ! Проклятъ ты отъ меня... во вѣки!

Василій такъ громко крикнулъ свое проклятіе, что Яковъ невольно оглянулся въ даль моря къ промыслу, точно думалъ, что тамъ услышатъ этотъ больной крикъ безсилія.

Но тамъ были только волны и солнце. Тогда онъ сплюнулъ въ сторону и сказалъ:

— Кричи!.. кому досадишь? Себѣ только... А коли у насъ такъ вышло, - я вотъ что скажу... чтобы сразу все кончить...

— Молчи! Уйди съ глазъ... уйди!—завозился Василій на пескѣ.

— Въ деревню я не пойду... буду тутъ зимовать... — говорилъ Яковъ, не обращая вниманія на эти крики, но не переставая слѣдить за движеніями отца.—Мнѣ здѣсь лучше... я это понимаю, не дуракъ. Здѣсь легче... И больше воли... тамъ ты бы надо мной верховодилъ, какъ хотѣлъ, а здѣсь—на-ко выкуси!

Онъ показалъ отцу кукишъ и засмѣялся, не громко, но такъ, что Василій, снова разъяренный, вскочилъ на ноги и, схвативъ весло, бросился къ нему, хрипло выкрикивая:

— Отцу? Отцу-то? А? Убью...

Но когда онъ, слѣпой въ своей ярости, подскочилъ къ лодкѣ, Яковъ уже былъ далеко отъ него. Онъ бѣжалъ, и оторванный рукавъ рубашки несся за нимъ по воздуху.

Василій бросилъ въ него весломъ, но оно не долетѣло, и онъ снова обезсиленый свалился грудью въ лодку и царапалъ ногтями ея дерево, глядя на сына, кричавшаго ему издали:

— Стыдился-бы! Сѣдой ужъ, а изъ-за бабы такъ озвѣрѣлъ... Эхъ ты! А въ деревню я не ворочусь... не ворочусь! Самъ иди туда... все равно нечего тебѣ тутъ дѣлать... она не...

— Яшка! молчи!—заглушая его крикъ, взревѣлъ Василій.—Яшка! Убью я тебя... Поди прочь! Прочь!

Но онъ уже шелъ и смѣялся.

Василій тупыми и безумными глазами смотрѣлъ, какъ онъ идетъ. Вотъ онъ сталъ короче, ноги его какъ бы утонули въ пескѣ... онъ ушелъ въ него по поясъ... по плечи... и вотъ—съ головой. Нѣтъ его. Но черезъ минуту немного дальше того мѣста, гдѣ онъ исчезъ, опять появилась сначала его голова, плечи, потомъ весь онъ... Онъ сталъ меньше теперь... Обернулся и смотритъ сюда. И что-то кричитъ.

— Проклятъ ты! Проклятъ, проклятъ!—отвѣтилъ Василій на крикъ сына. А тотъ махнулъ рукой и снова пошелъ; и скоро исчезъ за бугромъ песку.

Василій еще долго смотрѣлъ въ ту сторону, пока спина его не заныла отъ неудобной позы, въ которой онъ полулежалъ, прислонясь къ лодкѣ и упираясь ногами въ песокъ. Разбитый и изломанный онъ всталъ на ноги и пошатнулся отъ ноющей боли въ костяхъ. Поясъ сбился ему подъ мышки, онъ деревянными пальцами развязалъ его, поднесъ къ глазамъ, посмотрѣлъ и бросилъ на песокъ. Потомъ пошелъ въ шалашъ, и остановясь предъ углубленіемъ въ пескѣ, вспомнилъ, что именно на этомъ мѣстѣ онъ упалъ и что если бъ не упалъ онъ, то, можетъ быть, поймалъ бы сына. Въ шалашѣ все было разбросано. Василій поискалъ глазами бутылку съ водкой и, найдя ее между кулями, поднялъ. Пробка сидѣла въ горлѣ бутылки плотно и водка не пролилась. Василій медленно выковырялъ пробку и, сунувъ горло бутылки въ ротъ себѣ, хотѣлъ пить. Но стекло стукало его по зубамъ, и водка лилась изо рта на бороду, на грудь. Водка была безвкусная, какъ вода.

Въ головѣ у Василія было темно, на сердцѣ тяжело, спину ломала ноющая боль.

— Старъ я, однако...—вслухъ сказалъ онъ и опустился на песокъ у входа въ шалашъ.

Предъ нимъ было море-огромное, лѣниво-вздыхающее, полное силы и красоты... Смѣялись волны, какъ всегда шумныя и игривыя. Василій долго смотрѣлъ на воду и вспомнилъ жадныя слова сына:

— «Кабы это все земля была! Да черноземъ бы! Да распахать-бы!»

Ѣдкое чувство тоски охватило мужика. Онъ крѣпко потеръ себѣ грудь, оглянулся вокругъ себя и глубоко вздохнулъ. Голова его низко опустилась и спина согнулась, точно тяжесть легла на нее. Горло сжималось отъ приступовъ какого-то удушья. Василій откашлялся и перекрестился, глядя на небо.

...За то, что онъ ради гулящей бабы бросилъ свою жену, съ которой прожилъ въ честномъ трудѣ больше полутора десятка лѣтъ,— Господь наказалъ его возстаніемъ сына. Такъ, Господи!

Надругался сынъ надъ нимъ, больно рванулъ его за сердце... убить его мало за то, что онъ такъ надсадилъ душу своего отца! Изъ-за чего? Изъ-за женщины дрянной, зазорной жизнью живущей!.. Грѣхъ было ему, старику, связываться съ ней, забывая о своей женѣ и сынѣ...

И вотъ Господь, во святомъ гнѣвѣ Своемъ, напомнилъ ему, черезъ сына ударилъ его по сердцу справедливой карой своей... Такъ, Господи!

Василій сидѣлъ согнувшись и крестился, и часто моргалъ глазами, смахивая рѣсницами медленно рождавшіяся слезы, ослѣплявшія его.

А уже солнце опустилось въ море и на небѣ тихо гасла багряная заря. Изъ безмолвной дали несся теплый вѣтеръ въ мокрое отъ слезъ лицо мужика. Погруженный въ думы раскаянія, онъ сидѣлъ до поры, пока не уснулъ. Это было уже на разсвѣтѣ.

Черезъ день послѣ ссоры съ отцомъ Яковъ съ партіей рабочихъ отправился на баркѣ подъ буксиромъ парохода верстъ за тридцать отъ промысла въ одну бухту на ловлю севрюги. Воротился онъ на промыслъ черезъ пять дней, одинъ, въ лодкѣ подъ парусомъ—его послали за харчами. Онъ пріѣхалъ въ полдень, когда рабочіе, пообѣдавъ, отдыхали. Было нестерпимо жарко, раскаленный песокъ жегъ ноги, а чешуя и кости рыбъ кололи ихъ. Яковъ осторожно шагалъ къ баракамъ и ругалъ себя за то, что не надѣлъ сапогъ. Ворочаться на баркасъ было ему лѣнь, а еще онъ торопился скорѣе поѣсть чего-нибудь и увидѣть Мальву. За это скучное время, проведенное въ морѣ, онъ часто вспоминалъ ее. Ему теперь хотѣлось узнать, видѣла-ли она его отца и что онъ говорилъ ей... Можетъ быть, онъ избилъ ее?

Ее побить не вредно—смирнѣе будетъ. А то больно ужъ задорна, да бойка она...

Подумавъ объ этомъ, Яковъ усмѣхнулся.

На промыслѣ было тихо и пустынно. Окна въ баракахъ были открыты и эти большіе, деревянные ящики тоже, казалось, изнывали отъ жары. Въ приказчиковой конторѣ, спрятавшейся между бараками, надрываясь, кричалъ ребенокъ. Изъ за груды бочекъ доносились чьи-то тихіе голоса.

Яковъ смѣло пошелъ на нихъ; ему показалось, что онъ слышитъ рѣчь Мальвы. Но, подойдя къ бочкамъ и взглянувъ за нихъ, онъ отступилъ назадъ и насупившись сталъ.

За бочками, въ тѣни ихъ, лежалъ вверхъ грудью, закинувъ руки подъ голову, рыжій Сережка. По одну сторону его сидѣлъ отецъ Якова, а по другую Мальва.

Яковъ подумалъ про отца:—Зачѣмъ онъ тутъ? Неужто перевелся на промыселъ со своей спокойной должности для того, чтобы къ Мальвѣ ближе быть, а его къ ней не подпускать? Ахъ, старый чортъ! Кабы мать всѣ эти его поступки знала!.. Идти къ нимъ, или не надо?

— Такъ...—сказалъ Сережка.—Стало быть—прощай? Ну что-же! Иди, ковыряй землю...

Яковъ вздрогнулъ и радостно моргнулъ глазами.

— Иду...—сказалъ его отецъ.

Тогда Яковъ смѣло шагнулъ впередъ и поздоровался:

— Честной компаніи!

Отецъ мелкомъ взглянулъ на него и отвернулся въ сторону, Мальва и бровью не моргнула, а Сережка дрыгнулъ ногой и сказалъ густымъ голосомъ:

— Вотъ воротился изъ дальнихъ странъ возлюбленный нашъ сынъ Яшка!—и своимъ обыкновеннымъ тономъ добавилъ:

— Драть съ него шкуру на барабанъ... какъ овчину съ барашка.

Мальва тихо засмѣялась.

— Жарко!—сказалъ Яковъ, садясь рядомъ съ ними.

Василій снова, какъ-то нехотя взглянулъ на него.

— А я тебя, Яковъ, съ утра тутъ жду. Вчера приказчикъ сказалъ мнѣ, что ты пріѣдешь...—заговорилъ онъ.

Голосъ его показался Якову болѣе тихимъ, чѣмъ всегда, и лицо было тоже точно какое-то новое.

— Я за харчами...—сообщилъ онъ и попросилъ у Сережки табаку на папиросу.

— Нѣтъ отъ меня табаку тебѣ дураку,—отказалъ Сережка, не двигаясь.

— Ухожу я домой, Яковъ,—внушительно произнесъ Василій, ковыряя песокъ пальцемъ руки.

— Что такъ?—невинно посмотрѣлъ на него сынъ.

— Ну, а ты... остаешься?

— Да я останусь. Что намъ двоимъ дома дѣлать?

— Ну... я ничего не скажу. Какъ хочешь... не маленькій. Только ты того... помни, что я не долго протяну. Жить-то можетъ и буду, а работать не знаю ужъ какъ... Отвыкъ я, чай, отъ земли... Такъ ты помни, мать у тебя тамъ есть.

Ему должно быть трудно было говорить; слова какъ-то вязли у него въ зубахъ. Онъ гладилъ бороду и рука его дрожала.

Мальва пристально смотрѣла на него. Сережка прищурилъ одинъ глазъ, а другой сдѣлалъ круглымъ и уставилъ его въ лицо Якова. Яковъ былъ полонъ радости и, боясь выдать ее, молчалъ, глядя на свои ноги.

— Не забудь-же, Яковъ, про мать-то... Смотри, одинъ ты у нея,— говорилъ Василій.

— Чего тамъ?—сказалъ Яковъ, поежившись.—Я знаю.

— Ладно, коли знаешь...—недовѣрчиво взглянулъ на него отецъ.— Я говорю только, не забудь, молъ.

— Ну...

Василій глубоко вздохнулъ. Нѣсколько долгихъ минутъ всѣ четверо молчали. Потомъ Мальва сказала:

— Скоро зазвонятъ на работу...

— Ну, я пойду...—поднимаясь на ноги, объявилъ Василій. И всѣ остальные встали за нимъ.

— Прощай Сергѣй... Случится тебѣ быть на Волгѣ—можетъ заглянешь?.. Симбирскаго уѣзда, деревня Мазло, Николо-Лыковской волости...

— Ладно,—сказалъ Сережка, тряхнувъ ему руку и, не выпуская ее изъ своей жилистой лапы, поросшей рыжей шерстью, взглянулъ съ улыбкой въ его грустное и серьезное лицо.

— Лыково-Никольское большое село... Далеко его знаютъ, а мы отъ него—четыре версты,—объяснялъ Василій.

— Ну, ну... Я забреду... коли случай будетъ...

— Прощай!

— Прощай, милый человѣкъ.

— Прощай, Мальва!—глухо сказалъ Василій, не глядя на нее.

Она не торопясь вытерла себѣ губы рукавомъ и, закинувъ ему свои бѣлыя руки на плечи, трижды молча и серьезно поцѣловала его въ щеки и губы.

Онъ смутился и что-то невнятно промычалъ. Яковъ наклонилъ голову, скрывая усмѣшку, а Сережка былъ спокоенъ и даже легонько зевнулъ, глядя въ небо.

— Жарко тебѣ будетъ идти,—сказалъ онъ.

— Ничего... Ну, прощай, Яковъ!

— Прощай.

Они стояли другъ противъ друга, не зная, что имъ дѣлать. Печальное слово «прощай», такъ часто и однообразно звучавшее въ воздухѣ въ эти секунды, пробудило въ душѣ Якова теплое чувство къ отцу, но онъ не зналъ, какъ выразить его: обнять отца, какъ это сдѣлала Мальва, или пожать ему руку, какъ Сережка? А Василію была обидна нерѣшительность, выражавшаяся въ позѣ и на лицѣ сына, и еще онъ чувствовалъ что-то близкое къ стыду предъ Яковомъ. Это чувство вызывалось въ немъ воспоминаніемъ о сценѣ на косѣ и поцѣлуями Мальвы.

— Такъ... про мать-то помни!—сказалъ наконецъ Василій.

— Да ладно ужъ!—тепло улыбнувшись воскликнулъ Яковъ.—Ты не безпокой себя... а я ужъ!..

И онъ тряхнулъ головой.

— Ну... и все! Живите тутъ, дай вамъ Господь... не поминайте лихомъ... Такъ котелокъ-то, Серега, въ пескѣ я зарылъ подъ кормой, у зеленой лодки.

— А на что ему котелокъ?—быстро спросилъ Яковъ.

— Онъ на мое мѣсто опредѣленъ... Туда на косу...—объяснилъ Василій.

Яковъ посмотрѣлъ съ завистью на Сережку, взглянулъ на Мальву и опустилъ голову, скрывая радостный блескъ въ своихъ глазахъ.

— Прощайте-жъ братцы... иду я!

Василій поклонился имъ и пошелъ. Мальва двинулась за нимъ.

— Я провожу тебя немножко...

Сережка легъ на песокъ и схватилъ за ногу Якова, тоже было шагнувшаго за Мальвой:

— Тпру! Куда?

— Погоди! Пусти...—рванулся-было Яковъ.

Но Сережка схватилъ его и за другую ногу.

— Посиди со мной..

— Да ну у! Чего дуришь?

— Я не дурю... А ты сядь!

Яковъ сѣлъ стиснувъ зубы.

— Чего тебѣ надо?

— А погоди. Ты помолчи, а я подумаю, потомъ и скажу.

Онъ грозно окинулъ фигуру парня своими нахальными глазами и Яковъ покорился ему.

Мальва и Василій нѣсколько времени шли молча. Она заглядывала сбока въ лицо ему, а глаза ея странно блестѣли. А Василій угрюмо нахмурился и молчалъ. Ноги ихъ вязли въ пескѣ и шли они медленно.

— Вася!

— Что?

Онъ взглянулъ на нее и тотчасъ-же отвернулся.

— А вѣдь это я нарочно поссорила тебя съ Яшкой-то... Можно-бы и такъ жить вамъ здѣсь, не ссорясь,—говорила она спокойно и ровно; ни тѣни раскаянія не звучало въ ея словахъ.

— Зачѣмъ-же это ты?—помолчавъ спросилъ Василій.

— Не знаю... Такъ!

Она пожала плечами усмѣхаясь.

— Хорошее сдѣлала дѣло! Эхъ ты!—укорилъ онъ ее злымъ голосомъ.

Она промолчала.

— Испортишь ты мнѣ парня, въ конецъ испортишь! Эхъ-ма! Вѣдьма ты, вѣдьма... Бога не боишься... стыда не имѣешь... что дѣлаешь?

— Вотъ я и говорю—не знаю! А что надо дѣлать?—спросила она его. Не то тревога, не то досада звучали въ ея вопросѣ.

— Что? Эхъ ты!..—вспыхивая острой злобой къ ней, воскликнулъ Василій.

Ему страстно хотѣлось ударить ее, свалить ее себѣ подъ ноги и втоптать въ песокъ, ударяя сапогами въ ея грудь и лицо. Онъ сжалъ кулакъ и оглянулся назадъ.

Тамъ, у бочекъ, торчали фигуры Якова и Сережки и лица ихъ были обращены къ нему.

— Поди прочь... уйди! Разшибъ-бы я тебя...

Онъ остановился и почти шепталъ ей ругательства прямо въ лицо. Глаза у него были налиты кровью, борода тряслась, а руки невольно тянулись къ ея волосамъ, выбившимся изъ подъ платка.

Она же смотрѣла на него спокойно своими зелеными глазами.

— Убить бы мнѣ тебя, потаскуха ты! Погоди... налетишь еще... сломятъ тебѣ башку.

Она усмѣхнулась, помолчала, а потомъ, вздохнувъ глубоко, бросила ему:

— Ну, полно... Прощай!

И, круто повернувшись, пошла назадъ.

Василій рычалъ вслѣдъ ей и скрипѣлъ зубами. А Мальва шла и все старалась попасть своими ногами въ ясные глубокіе слѣды ногъ Василія. оттиснутые въ пескѣ, а попавъ въ этотъ слѣдъ, она старательно затирала его своей ногой. Такъ она медленно шла вплоть до бочекъ, гдѣ Сережка встрѣтилъ ее вопросомъ:

— Ну, проводила?

Она утвердительно кивнула ему головой и сѣла рядомъ съ нимъ. А Яковъ смотрѣлъ на нее и ласково улыбался, двигая своими губами такъ, точно онъ шепталъ что, слышное только ему.

— Что же... проводила, жалко стало?—снова спросилъ ее Сережка словами пѣсни.

— Ты когда пойдешь туда, на косу? — отвѣчала она ему вопросомъ и кивая головой въ море.

— Вечеромъ.

— И я съ тобой...

— Важно!.. Это я люблю...

— И я пойду!—рѣшительно заявилъ Яковъ.

— Кто тебя зоветъ?—спросилъ Сережка, щуря глаза.

Раздался дребезжащій звонъ разбитаго колокола—призывъ къ работѣ. Звуки торопливо скакали въ воздухѣ одинъ за другимъ, точно боясь опоздать, умереть въ веселомъ шорохѣ волнъ.

— А вотъ она позоветъ!—сказалъ Яковъ, вызывающе глядя на Мальву.

— Я? На что ты мнѣ нуженъ?—удивилась она.

— Будемъ говорить прямо, Яшка...—сурово сказалъ Сергѣй, поднимаясь на ноги.—Ежели ты къ ней приставать будешь—изобью въ дрызгъ! А пальцемъ тронешь—убью, какъ муху! Хлопну по башкѣ и нѣтъ тебя на свѣтѣ! У меня—просто!

Все лицо его, вся фигура и узловатыя руки, потянувшіяся къ горлу Якова, очень убѣдительно говорили о томъ, какъ это просто для него—убить человѣка.

Яковъ отступилъ на шагъ и сдавленно сказалъ:

— Погоди! Вѣдь она сама же...

— Цыцъ и все тутъ! Что ты такое? Не тебѣ, собака, барашка поѣдать, скажи спасибо, коли дадутъ костей поглодать... Ну... Чего буркалы пялишь?

Яковъ взглянулъ на Мальву. Зеленые глаза ея усмѣхались въ лицо ему обидной, унижающей усмѣшкой и она прижалась сбоку къ Сережкѣ такъ ласково, что Якова въ потъ бросило.

Они ушли отъ него рядомъ другъ съ другомъ и, отойдя немного, засмѣялись оба громкимъ смѣхомъ. Яковъ крѣпко тиснулъ правую ногу въ песокъ и замеръ въ напряженной позѣ, съ краснымъ лицомъ и тяжело дышавшей грудью.

Вдали по желтымъ, мертвымъ волнамъ песку двигалась маленькая и темная человѣческая фигурка; справа отъ нея сверкало на солнцѣ веселое и могучее море, а слѣва, вплоть до горизонта, все пески, однообразные, унылые, пустынные. Яковъ посмотрѣлъ на одинокаго человѣка и,—заморгавъ глазами, полными обиды и недоумѣнія,—крѣпко потеръ себѣ грудь обѣими руками...

А на промыслѣ закипала работа.

Яковъ слышалъ сочный, грудной голосъ Мальвы, сердито кричавшей:

— Кто взялъ мой ножъ?

Волны звучали, солнце сіяло, море смѣялось...

М. Горькій.

КАРОЛИНА НЕЙБЕРЪ.

(Die Neuberin).

Въ нынѣшнемъ, 1897 году, исполнилось ровно двѣсти лѣтъ со дня рожденія Каролины Нейберъ *). Личность эта такая необыкновенная и вліяніе ея на судьбы драматическаго искусства и литературы такъ необыкновенно велики, а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ немногіе знаютъ о ней что-либо **),—что, познакомившись съ ея жизнью и дѣятельностью, я

*) Для настоящаго очерка авторъ пользовался слѣдующими сочиненіями и статьями:

1) *Caroline Neuber und ihre Zeitgenossen.* Ein Beitrag zur deutschen Kultur-und Litteratur-Geschichte, von Freiher F. J. von *Reden-Esbeck*. Leipzig. 1881.

2) Его-же: *Deutsches Bühnen-Lexikon.* Stuttgart. 1879.

3) «*G. E. Lessing, sein Leben und seine Werke*» von *Th. Danzel.* I Band 1850. II Band von *Guhrauer*. Leipzig. 1854.

4) «*Gottsched und seine Zeit*», von *Th. Danzel*. Leipzig. 1848.

5) «*Hanswurst-Autodafe*» von *Emil Junghans* (Almanach der Genossenschaft deutscher Bühnen-Angehöriger, herausgegeben von Ernst Gettke. Leipzig. 1874).

6) «*Aus alten Büchern*», von *Wilh. Benneke* (Ibidem.).

7) *Hamburgische Dramaturgie*, von *G. E. Lessing*. Sämmtliche Werke. (24-ster und 25-ster Theil). Berlin. Vossische Buchhandlung 1791.

8) «*Die deutschen Comödianten*», drama in fünf Aufzügen von *S. H. Mosenthal.* Leipzig. 1863.

9) *Allgemeine Geschichte der Litteratur* von *Dr. Johannes Scherr.* Ein Handbuch in 2 Bänden. Erster Band. Buch III Kap. 2. Stuttgart. Carl Conradi. 1880.

10) *Litteraturgeschichte des XVIII Jahrhunderts* von *Hermann Hettner*. Dritter Theil. Braunschweig. 1864. Vieweg und Sohn.

11) «*Das Herzoglich-Meiningensche Hoftheater und die Bühnenreform* von *Robert Prölss.* Erfurt. Fr. Bartholomäus.

12) «*Die Meininger, ihre Gastspiele und deren Bedeutung für das deutsche Theater*», von *Hans Herrig*. Dresden. 1879. Grumbkow.

и 13) разными мелкими статьями въ нѣмецкихъ журналахъ и нѣсколькими справочными изданіями, какъ весьма устарѣвшими, такъ и новѣйшими.

**) Изъ русскихъ писателей о ней упоминаетъ одинъ Чернышевскій въ своихъ статьяхъ о *Лессингѣ. Эстетика и Поэзія.* Изд. М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1893, стр. 238-509.

счелъ себя просто обязаннымъ передать другимъ тотъ образъ, который теперь навсегда будетъ жить въ моей памяти,—глубоко-скорбный образъ непонятой души и мученицы за идею.

Страстная, чуткая и нѣжная по натурѣ, эта женщина втеченіе всей своей жизни, съ дѣтства и до смерти, испытала лишь разочарованіе во всѣхъ любимыхъ и близкихъ людяхъ, огорченія, оскорбленія, обманы и измѣны, все то, что всегда является наградой за «жаръ души, растраченный въ пустынѣ».

Талантливая, окруженная славой актриса, она любила свое искусство больше этой славы и не побоялась во имя его пойти противъ вкусовъ толпы. Художница, вѣрившая въ возвышающее и облагораживающее значеніе драматическаго искусства, она смѣло взялась за возрожденіе современнаго ей театра, желая на мѣсто праздной, пошлой и часто развращающей грубую толпу грубой потѣхи создать истинный «храмъ искусства», «школу народную». Для этой цѣли она переводила и принаравливала для нѣмецкой сцены французскихъ и англійскихъ классиковъ, сама писала пьесы, прологи и діалоги, хлопотала объ очищеніи сцены отъ балаганнаго шутовства такъ-называемаго *Гансвурста*, о созданіи литературнаго репертуара, объ обращеніи актеровъ изъ жалкихъ гаеровъ въ заботящихся о своемъ достоинствѣ артистовъ. Наконецъ, она была та первая антрепренерша, или какъ тогда говорили «принципальша», которая раньше всѣхъ привѣтствовала появленіе на драматическомъ поприщѣ молодого Лессинга и поставила у себя его *первую* пьесу. Но и художница втеченіе всей своей жизни терпѣла всевозможныя обиды, оскорбленія, страдала отъ непониманія окружающихъ, отъ интригъ, подвоховъ и подкоповъ враговъ, отъ равнодушія пошлой толпы, заслужила яростные нападки со стороны «патріотовъ своего отечества», обвинявшихъ ее въ высокомѣрномъ презрѣніи къ національному комическому элементу—(за ними скрывались нетолько приверженцы и послѣдователи такъ-называемой Бодмеровской школы, но по большей части просто защитники самаго разнузданнаго гаерства),—въ низкопоклонствѣ передъ французскими писателями, чуть-ли даже не въ «измѣнѣ отечеству».

И послѣ долгихъ лѣтъ страстной и упорной борьбы, послѣ ужасающихъ лишеній, буквальнаго голода и холода, Каролина Нейберъ должна была сначала бѣжать въ полудикую Россію, надѣясь хоть тутъ найти успѣхъ и сочувствіе, потомъ совсѣмъ оставила сцену и, наконецъ, умерла, одинокая, несчастная, забытая и брошенная всѣми.

Судьба и жизнь Каролины Нейберъ поистинѣ трагическія. И врядъ-ли найдется сочиненный романъ или драма, преисполненные болѣе романтическими подробностями и болѣе потрясающими сценами, чѣмъ истинная исторія жизни Каролины Нейберъ, или «Нейберши», какъ ее всегда звали и зовутъ. Пусть читатель судитъ самъ.

Каролина—Фридерика Вейсенборнъ, или Вейсенборнша (какъ тогда говорилось) родилась 9-го марта 1697 года, въ Рейхенбахѣ, гдѣ отецъ ея, Даніилъ Вейсенборнъ, былъ адвокатомъ. Когда Каролинѣ было лѣтъ 5, семья Вейсенборна переселилась въ Цвикау, гдѣ мать Каролины,—кроткая женщина, нѣжно-любившая дочь и старательно ее воспитывавшая,—вскорѣ умерла отъ огорченій, испытанныхъ ею въ семейной жизни и отъ послѣдствій жестокаго обращенія. Многое намекаетъ даже на то, что Даніилъ Вейсенборнъ былъ прямою причиною смерти жены. Дѣло въ томъ, что, несмотря на свою интеллигентную профессію, это былъ полу-дикій деспотъ, человѣкъ злой и жестокій, нетерпѣвшій противорѣчій, приходившій въ ярость по самому ничтожному поводу, и въ неистовствѣ непомнившій себя. Съ годами, благодаря все усиливавшейся подагрѣ, онъ сдѣлался совершенно—невыносимымъ для окружающихъ и невмѣняемымъ, а жизнь съ нимъ небезопасной для его дочери. Съ первыхъ дней дѣтства привыкла Каролина трепетать передъ отцомъ, ежечасно ожидать брани, самой грубой и площадной, и побоевъ. Еще крошечной дѣвочкой она съ ужасомъ слушала, какъ отецъ ругалъ и проклиналъ ея несчастную мать, кричалъ, что она бываетъ, «не у обѣдни, а у чорта», и яростно восклицалъ, что онъ «съ радостью увидитъ день, когда чортъ вырветъ ея проклятую душу изъ ея проклятаго тѣла («ihre verdammte Seele aus ihrem verfluchten Körper herausreissen wird»). «Съ дѣтства,—говоритъ Каролина,—я жила въ этой горести» (in solchem Jammer). По мѣрѣ того, какъ дѣвочка выростала, это дикое обращеніе нетолько не смягчалось, но стало принимать все болѣе угрожающій характеръ. Просто не вѣрится всему тому, что впослѣдствіи выяснилось изъ свидѣтельскихъ показаній во время процесса Вейсенборна противъ дочери. И холодно становится при одной мысли о томъ, что должна была вынести беззащитная дѣвушка. Палки, ключи, желѣзный совокъ отъ камина, костыль съ острымъ наконечникомъ, арапникъ,—все, что попадалось подъ руку, тѣмъ Вейсенборнъ и билъ жену и дочь, бросалъ въ нихъ тоже чѣмъ попало, топталъ ребенка ногами. Разъ онъ швырнулъ въ жену молоткомъ за то только, что она, идя въ церковь, не надѣла тотъ чепецъ, который хотѣлось мужу; молотокъ пролетѣлъ на вершокъ отъ ея головы и вонзился въ чугунную печку. Въ другой разъ Вейсенборнъ, по словамъ сосѣдки Варвары Эберсбахъ, «ласково подозвалъ къ себѣ дочь, а когда она подошла къ нему, онъ бросилъ ей въ лицо связку ключей, такъ что она, барышня (die Jungfer) бѣгала по дому, а ключи у нея висѣли на лицѣ. Отъ этого у ней остались шрамы на лицѣ»... А сама Каролина съ трогательною наивностью и простотою показала, что «der Herr Vater» никогда не обратился къ ней съ добрыми словами или наставленіемъ, такъ что когда она видѣла его, такъ, вмѣсто того, чтобы радоваться, она пугалась его, и лучше было-бы, еслибъ онъ ее добрыми

словами училъ. Она даже можетъ сказать, что онъ рѣдко звалъ ее по имени, напротивъ того *бестія* и *каналія* были ея обыденными *титулами*»... [1]) (Sie könne auch wohl sagen, dass er sie bei ihrem Namen wenig *genennt* (sic) habe, sondern *Bestie* und *Canaille* waren ihre gemeinsten Titul gewesen...)

Между тѣмъ Каролина была нетолько красавица и умница, но по своему времени и очень развитая и образованная дѣвушка. Она отлично владѣла французскимъ языкомъ, свободно читала по-латыни, умѣла писать и въ прозѣ и въ стихахъ. У Вейсенборна былъ письмоводитель, нѣкто Готфридъ Цорнъ, молодой юристъ, окончившій іенскій университетъ, человѣкъ способный, но трусливый, своекорыстный, дрянной и ничтожный, впослѣдствіи оказавшійся даже совершеннымъ негодяемъ. Но Каролина въ тѣ времена не могла этого знать, она видѣла въ Цорнѣ единственнаго образованнаго и милаго собесѣдника и, какъ Тизба, «въ своей печальной жизни, она не могла не полюбить». Она нетолько страстно привязалась къ молодому секретарю, но и призналась ему въ этой любви. Цорнъ благосклонно принялъ выраженіе этого юнаго чувства и не прочь былъ жениться на красавицѣ—адвокатской дочкѣ, тѣмъ болѣе, что разсчитывалъ на ея приданое и на возможность занять впослѣдствіе должность тестя. Вначалѣ Вейсенборнъ согласился на этотъ бракъ, но затѣмъ случилось такъ, что мать Цорна побранилась и поссорилась съ сестрой адвоката, старой Фритцшихой (die Fritzschin), Вейсенборнъ нетолько принялъ сторону сестры, но ударилъ госпожу Цорнъ, Цорна выгналъ изъ дому, а Каролинѣ приказалъ прервать съ нимъ всякія сношенія и запретилъ видѣться съ нимъ, подъ угрозой побоевъ и даже смерти. Но пятнадцати-лѣтняя Каролина осталась вѣрна своему чувству, и впервые проявила ту стойкость и твердость, которыми втеченіе всей своей послѣдующей жизни и отличалась. Она продолжала видѣться съ Цорномъ и не подумала отрекаться отъ него. Тогда Вейсенборнъ окончательно потерялъ всякую мѣру въ своихъ преслѣдованіяхъ и жестокостяхъ и такъ обращался съ дочерью, что она ежеминутно дрожала за свою жизнь. Однажды онъ пригрозилъ застрѣлить ее, и она, не выдержавъ, убѣжала изъ дому въ самый день новаго, 1712 года. Нѣсколько времени она скрывалась у добрыхъ людей. Сначала жила у дочерей стараго тряпичника Трюбигера, который съ отеческою заботливостью наблюдалъ за нею, потомъ, когда Трюбигеръ, самъ еле прокармливавшійся со своею семьею, не могъ долѣе держать у себя Каролину, ее пріютилъ у себя ея духовникъ Тимъ. Каролина въ это время была близко къ самоубійству, и добрый пасторъ долженъ былъ употребить всю силу своего убѣжденія, чтобы отговорить ее отъ этого ужаснаго намѣренія.

---

[1]) Показаніе Каролины на судѣ.

Всѣ эти добрые люди уговаривали Каролину вернуться къ отцу, но старая Фритцшиха только подливала масла въ огонь, возстановляла Вейсенборна противъ дочери, и всякій разъ, какъ Каролина подходила къ двери отцовскаго дома, Фритцше прогоняла ее съ ругательствами и оскорбленіями, а отецъ приказывалъ сказать ей, что онъ ее изобьетъ или застрѣлитъ, пусть она только вернется! Каролина умоляла Цорна спасти ее изъ этой каторги, писала ему отчаянныя письма, но онъ трусливо держался въ сторонѣ, заходилъ иногда къ Трюбигеру повидаться съ ней, но нетолько не отважился выступить на защиту несчастной дѣвушки, но даже малодушно совѣтовалъ ей вернуться къ отцу. Ей ничего не оставалось дѣлать, и она въ концѣ-концовъ должна была покориться этому совѣту и вернуться подъ мрачный отцовскій кровъ. Разумѣется, ей пришлось тутъ хуже прежняго и, не выдержавъ, она въ апрѣлѣ того-же года вновь бѣжала, на этотъ разъ вмѣстѣ съ Цорномъ, прямо въ Гратцъ, гдѣ Цорнъ обѣщалъ ей обвѣнчаться у какого-то знакомаго патера, а затѣмъ обѣщалъ и поступить на военную службу въ квартирмейстеры, такъ-какъ должность эта привлекала его своею выгодностью. А тѣмъ временемъ у бѣглецовъ не было ни гроша, они были голодны, хозяинъ гостинницы «Zum kalten Frosch», гдѣ они остановились, не хотѣлъ держать ихъ. Пришлось заложить шпагу, кафтанъ и «прекрасный парикъ» Цорна. Тогда Каролина, не могшая примириться съ мыслью, что ея «обожаемый ангелъ» будетъ лишенъ всѣхъ этихъ необходимыхъ украшеній, не задумываясь отправилась къ первому попавшемуся парикмахеру и продала ему свои чудныя бѣлокурыя косы. «Мнѣ слишкомъ жалко было его парика, а мои волосы все равно были ни на что мнѣ не нужны, я ихъ никогда не могла расчесать, такъ-какъ они были черезчуръ густы»,—вотъ съ какой умиляющей простотой отозвалась великодушная дѣвушка объ этомъ «проступкѣ», когда ее допрашивали на судѣ. Ибо, увы, неуспѣли бѣглецы на вырученные Каролиной $1^1/_2$ талера (!!) хоть немного подкрѣпить свои силы, какъ за ними явилась погоня. Даніилъ Вейсенборнъ по всѣмъ правиламъ юриспруденціи подалъ въ цвикаускій судъ жалобу на Цорна и Каролину. Каролину, которой, по его словамъ, не было еще 14 лѣтъ—онъ обвинялъ въ непокорности, самоволіи и похищеніи разнаго домашняго скарба, а Цорна въ «похищеніи и совращеніи» съ пути истины несовершеннолѣтней. Бѣглецовъ подъ стражей вернули въ Цвикау и засадили въ тюрьму. Началось формальное дѣло Вейсенборна противъ дочери и ея «corruptoris et raptoris». Оба обвиненія Вейсенборна оказались ложными и недоказанными, наоборотъ, слѣдствіе доказало, что Каролина убѣжала изъ дому безъ копѣйки денегъ и чуть не полуодѣтая, ибо выскочила на улицу въ минуту, когда собиралась уже отходить ко сну. Точно такъ-же всѣ свидѣтельскія показанія доказали, что излишней близости между нею

и Цорномъ не было. На этомъ-то слѣдствіи открылась и вся мрачная трагедія жизни Каролины, и всѣ тѣ ужасы, которые она пережила въ отцовскомъ домѣ, но на судѣ-же проявилось и все величіе души этой пятнадцати-лѣтней дѣвочки, которая по словамъ одной изъ свидѣтельницъ, «была совсѣмъ еще какъ дитя и прыгала, какъ козленокъ». Она не позволила себѣ ни единаго слова обвиненія противъ отца, ограничивалась лишь самыми необходимыми отвѣтами на вопросы, и только въ такомъ случаѣ, если это «требовалось» судомъ, и только жаловалась на то, что «батюшка даромъ подвергъ ее этому стыду и посмѣянію», ибо она сама-бы вернулась съ Цорномъ и вовсе не хотѣла оскорбить батюшку или проявить къ нему непочтеніе, а убѣжала она изъ дому и «вынесла весь этотъ стыдъ и срамъ» лишь потому, что батюшка такъ «немилостиво» съ ней обходился и грозилъ еще худшимъ. Мало того, она выставила себя какъ единственную и главную виновницу всего происшествія, какъ единственную зачинщицу бѣгства; Цорнъ оказывался пассивнымъ и даже не вполнѣ добровольнымъ ея соучастникомъ. *Она*, де, его уговорила, *она* подбила его бѣжать, *она* раньше явилась къ нему, чѣмъ онъ на что-либо рѣшился, онъ долго не соглашался и т. д. и т. д. Однимъ словомъ, Цорнъ оказывался, по ея словамъ, чуть не невинной, соблазненной жертвой. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы искать оправданія обвиняя отца, или малодушно спрятаться за спину Цорна, эта мужественная дѣвушка проявила истинное величіе души, смѣло взяла на себя отвѣтственность на все содѣянное и съ готовностью понесла наказаніе, къ которому приговорили, впрочемъ, ихъ обоихъ: семи-мѣсячному заключенію въ тюрьмѣ. Сидѣла она въ сыромъ и холодномъ казематѣ, какъ ребенокъ страшась темноты и одиночества, особенно по ночамъ, и потому, просила «добрѣйшихъ, преславныхъ, высоко-чтимыхъ, высоко-благородныхъ и высоко-премудныхъ господъ городскихъ судей» ввидѣ «снисхожденія водворить ее въ комнату тюремной прислужницы». Она страдала и отъ голода, такъ-какъ ея отецъ «безчеловѣчно не давалъ ни гроша на ея пропитаніе», а правосудіе въ тѣ времена мало заботилось о положеніи заключенныхъ. И тѣмъ не менѣе несчастная дѣвушка умоляла этихъ «добрѣйшихъ, высоко-чтимыхъ» судей «оказать ей милость и дозволить какъ можно долѣе пробыть въ тюрьмѣ, а не возвращаться въ отчій домъ». Изъ этого можно заключить, каково ей въ немъ жилось! Однако, срокъ наказанія истекъ, и ее водворили къ отцу. Нечего и говорить, что̀ ее здѣсь ожидало и насколько ея теперешняя жизнь еще ухудшилась противъ прежней. Прежде она могла поговорить хоть съ Цорномъ, теперь и его не было. Повидимому, со времени процесса и тюремнаго заключенія всякія отношенія между Цорномъ и Каролиной прервались, и Цорнъ исчезъ съ ея горизонта [1]). Впослѣдствіи оказалось.

[1]) Очень характерно то прошеніе, которое во время своего заключенія Цорнъ

что онъ уже съ 1709 года былъ женатъ, а въ 1722 году его судили за двоеженство. Какъ видно, это былъ совершенный негодяй.

Прошло почти пять лѣтъ. У Вейсенборна былъ новый секретарь, племянникъ Варвары Эберсбахъ, честный, скромный, тихій Іоганнъ Нейберъ. На этотъ разъ не столько сама Каролина обратила вниманіе на новаго товарища своей домашней каторги, какъ юный письмоводитель проявилъ безграничное обожаніе и преклоненіе передъ несчастной красавицей, хозяйской дочкой. А старый Вейсенборнъ съ каждымъ днемъ дѣлался невмѣняемѣе, и Каролина дошла уже до такого отчаянія, что когда онъ разъ прицѣлился въ нее изъ ружья, то она съ радостью упала на колѣни, умоляя его скорѣе убить ее. Нейберъ былъ не чета Цорну. Онъ не могъ вынести зрѣлища этихъ ежечасныхъ мученій, уговорилъ Каролину бѣжать, и Каролина дѣйствительно покинула съ нимъ отеческій домъ—и уже навсегда. Они бѣжали въ Вейсенфельсъ, вскорѣ тамъ и обвѣнчались, а затѣмъ поступили оба въ кочующую труппу актеровъ, состоявшую подъ управленіемъ Шпигельберга (1718 г.).

Огненная, полная скрытой силы душа нашла себѣ выраженіе и исходъ—передъ Каролиной внезапно открылось художественное поприще. Въ самое короткое время изъ нея выработалась замѣчательная актриса, исполнявшая почти съ одинаковымъ совершенствомъ трагическія, «пастушескія» и комическія роли. Переходя изъ города въ городъ, изъ труппы въ труппу, послѣдовательно играя подъ управленіемъ Шпигельберга, Гаака и г-жи Гофманъ, «Нейберша», (die Neüberin) вскорѣ сдѣлалась первою драматическою знаменитостью своего времени. Она восхищала, умиляла и потрясала зрителей силою своего трагизма въ серьезныхъ пьесахъ своего репертуара, въ высокопарныхъ и грандіозныхъ Haupt-und Staatsactionen, такъ назывались героическія пьесы, о которыхъ мы еще будемъ говорить ниже, и вслѣдъ затѣмъ заставляла всю залу хохотать до слезъ, когда, переодѣвшись въ мужской костюмъ, выступала въ импровизированной интермедіи, изображая поочередно, но съ одинаковымъ, неподражаемымъ самороднымъ комизмомъ, — стараго профессора-педанта, веселаго забулдыгу-студента, добродѣтельнаго лингвиста изъ Галле и преисполненнаго претензій франта. Слава Нейберши распространилась по всей Германіи, именно благодаря тому, что Каролина Нейберъ поочереди принадлежала къ составу почти всѣхъ знаменитыхъ въ тѣ времена «комедіантскихъ бандъ» или «привилегированныхъ» труппъ.

подавалъ на имя короля саксонскаго. Испрашивая себѣ и Каролинѣ снисхожденія и облегченій, какъ, напримѣръ, лучшей пищи и т. д., Цорнъ въ изложеніи своего дѣла все время выставляетъ Каролину какъ виновницу, зачинщицу всего, что случилось, и даже какъ особу «своими льстивыми рѣчами» (Schmeicheleien) «подвигшую его на любовь къ ней».

Въ то далекое время, когда ни Гайднъ, ни Моцартъ не могли существовать иначе, какъ «на службѣ» при дворѣ какого-нибудь «милостиваго» графа или епископа, и когда всякій живописецъ, писатель или музыкантъ зависѣлъ болѣе или менѣе отъ щедротъ какого-нибудь «высокаго покровителя»,—труппы актеровъ не могли и вовсе обходиться безъ такого, признаннаго и объявленнаго во всеобщее свѣдѣніе, покровительства и заступничества коронованныхъ и титулованныхъ лицъ. И вотъ, всякій антрепренеръ, или какъ тогда говорилось,—«принципалъ», прежде чѣмъ начать свое артистическое турне, долженъ былъ озаботиться о полученіи «привилегіи» или диплома на званіе такого-то герцогскаго, королевскаго или графскаго «придворнаго комедіанта», каковое званіе открывало ему двери всѣхъ городовъ, находившихся во владѣніи или подъ покровительствомъ его «милостивца», и служило всей труппѣ какъ бы охранной грамотой и паспортомъ. Безъ подобной «привилегіи» въ рукахъ часто нечего было и думать открыть свою жалкую лавочку-балаганъ въ стѣнахъ какого-нибудь достопочтеннаго Витенберга, и даже вольные города, вродѣ Гамбурга, не были равнодушны къ предъявленію «принципалами» привилегіи вродѣ нижеслѣдующей:

«Мы Фридрихъ Августъ, милостію Божіею король Польскій, великій герцогъ Литовскій, Русскій, Прусскій, Мазовецкій, Самогитскій, Куявскій, Волынскій, Подольскій, Подляшскій, Лифляндскій, Смоленскій, Сѣверскій и Черниговскій, герцогъ Саксонскій, Юлихскій, Клевскій, Бергскій, Энгернскій и Вестфальскій, Священной Римской Имперіи Эрцъ-Маршалъ и Курфирстъ, ландграфъ Тюрингенскій, маркграфъ Мейсенскій, также и Верхне- и Нижне-Лужицкій, бургграфъ Магдебургскій, княже-графъ (gefürsteter Graf) Генненбергскій, графъ Маркскій, Равенсберга и Барби, государь Равенштейнскій и проч. и проч. симъ объявляемъ:.. что послѣ того какъ Гаакова *банда* нашихъ бывшихъ придворныхъ комедіантовъ разошлась, мы *Іоганна Нейбера* и его супругу *Фридерику Каролину Нейбершу* признали и сдѣлали нашими придворными комедіантами, о чемъ здѣсь и въ силу этой открытой грамоты тако указуемъ, чтобы таковые со своею бандою всѣми за нашихъ придворныхъ комедіантовъ признавались и во всѣхъ нашихъ наслѣдственныхъ и курфиршескихъ земляхъ въ дозволенное время и повсюду, а такожде во время Лейпцигской ярмарки, и за недѣлю до оной и недѣлю послѣ оной невозбранно *дѣйствовали* и играли. Хотя они обязаны обычныя пошлины уплачивать, однако же сверхъ сего они отнюдь не должны быть обременяемы. А посему повелѣваемъ всѣмъ мѣстнымъ властямъ, а наипаче городскимъ совѣтамъ наипокорнѣйше о семъ блюсти и вышеписанныхъ Нейбера и его супружницу вмѣстѣ съ ихъ бандой отъ сего охранять. Подлинную сію грамоту мы собственноручно подписали и нашу королевскую печать

къ одной приложить повелѣли. Совершена и дана въ Дрезденѣ, августа 8-го, лѣта 1727-го.

Августъ, король р. п.

Скрѣпилъ I. Г. графъ фонъ-Флеммингъ.

Указъ Іоганну Нейберу о его супружницѣ — придворнымъ комедіантамъ».

Мы видимъ изъ нижеприведеннаго документа, что, побывавъ въ труппахъ Шпигельберга, Гаака и Гофманъ, Нейберы въ 1727 г. собрали собственную труппу, въ составъ которой они пригласили и переманили почти всѣхъ лучшихъ тогдашнихъ актеровъ, каковы: Лоренцъ, Кольхардтъ, Кохъ, Фабриціусъ, Зуппигъ, и, заручившись вышеприведенной привилегіей [1]), выступили съ этой труппой въ Лейпцигѣ, во время ярмарки. Но Нейберша не ограничилась тѣмъ, что собрала вокругъ себя лучшія артистическія силы своего времени, она задумала и гораздо большее. Она задумала пересоздать нѣмецкую сцену. То, что она видѣла на этой сценѣ, возбуждало ея скорбь и негодованіе. Отвратительныя напыщенныя пьесы, преисполненныя всякими кровавыми ужасами, убійствами и потрясающими преступленіями, грубыми эффектами и грубыми приманками для толпы, вродѣ теперешнихъ балаганныхъ пьесъ «съ пожаромъ, воемъ адскихъ собакъ и музыкой». Или еще худшія пьесы *ненаписанныя*, такъ называемыя Stegreifkomödièn, то-есть то, что у итальянскихъ актеровъ того времени носило названіе «comedia del'arte»,—когда авторы давали только общій сценарій, а затѣмъ каждый актеръ, не выходя изъ традиціозныхъ пріемовъ *свойственнаго ему амплуа* или *маски*, уже долженъ былъ импровизировать свою роль,—что приводило въ лучшемъ случаѣ къ произнесенію безобразныхъ виршей, а по большей части переходило въ неприличное гаерство и самыя грубыя балаганныя выходки. Было и спеціальное дѣйствующее лицо въ этой грубой пародіи на искусство, вся роль котораго сводилась къ этимъ выходкамъ и которое исключительно и безнаказанно потѣшало публику самыми площадными шутками и колѣнцами. Это былъ такъ называемый Hanswurst, арлекинъ или «Ванька-шутъ», увеселявшій грубую толпу своими то комическими, то циническими прибаутками, часто совершенно непозволительными и постоянно прерывавшій ими ходъ даже серьезныхъ и написанныхъ пьесъ.

Низкому уровню искусства соотвѣтствовалъ и низкій уровень артистовъ. Въ актеры поступали всѣ тѣ, кому нечего было дѣлать лучшаго въ жизни, труппы были переполнены пьяницами, игроками, чуть не висѣльниками. Нравы и привычки царили самые примитивные и распущенные, едва смягченные извѣстнаго рода актерскими традиціями, за-

---

[1]) Впослѣдствіи Нейберы получили еще привилегіи: Брауншвейгскую, Люнебургскую, Вольфенбюттельскую, Шлезвигъ-Голштинскую.

ключавшимися въ соблюденіи извѣстнаго «чинопочитанія» и «табели объ актерскихъ рангахъ». За сценой первый любовникъ и «благородный отецъ» имѣли право сидѣть тамъ, гдѣ второй любовникъ и комикъ должны были стоять, а на сценѣ всѣ должны были соблюдать извѣстные, общепринятые пріемы «владѣнія скипетромъ и жезломъ», и имѣть при себѣ требуемые, обязательные для всѣхъ «плисовые штаны», столь же обязательные для актера, какъ необходимъ былъ самому принципалу—красный жилетъ, составлявшій его характерную черту. Бо́льшихъ требованій ни къ кому изъ поступавшихъ въ труппу и не предъявлялось. Женщины и дѣвушки вели такую же развратную жизнь, какъ и мужчины. Попойки, безобразія всякаго рода, драки, безпорядки и—наряду съ этимъ—нищета, голодовки, унизительныя вымогательства актерами пособій и денегъ,—все это дѣлало то, что почтенные горожане по справедливости отшатывались отъ актеровъ, какъ отъ послѣднихъ проходимцевъ, и актеры того времени стояли отщепенцами въ обществѣ.

Все это Каролина Нейберъ задумала измѣнить и въ это-то дѣло всей своей жизни она внесла всю ту горячность, стойкость и выносливость, но также и весь тотъ задоръ, а часто и озлобленное раздраженіе, которые развились въ ней и изъ природныхъ чертъ и подъ вліяніемъ горькихъ испытаній молодости.

Прежде всего она взялась за обновленіе и облагороженіе репертуара. Она нашла себѣ вліятельнаго и полезнаго союзника въ знаменитомъ Готшедѣ, который, какъ извѣстно, былъ посредственнымъ поэтомъ и напыщеннымъ писателемъ, но несомнѣнно очень образованнымъ и культурнымъ человѣкомъ, глубоко-любившимъ искусство, скорбѣвшимъ объ его упадкѣ въ Германіи и горѣвшимъ желаніемъ поднять его надъ тѣмъ уровнемъ балаганной потѣхи, на которомъ оно находилось въ то время. И вотъ сама Нейберша, и Готшедъ, и его жена—тоже писательница—стали переводить и приноравливать для нѣмецкой сцены трагедіи Корнеля и Расина и драмы Шекспира, комедіи Мольера, Реньяра и Мариво́, стали поощрять и другихъ переводчиковъ, разыскивали все, что только можно было найти хорошаго у разныхъ современныхъ поэтовъ. Нейберша стала и сама писать прологи и діалоги въ стихахъ [1]), служившіе иногда вступленіями или заключеніями этихъ переводныхъ трагедій, а Готшедъ въ своихъ статьяхъ старался разъяснять публикѣ значеніе этого новаго облагороженнаго репертуара. Вначалѣ было очень трудно и даже невозможно совершенно отказаться отъ прежняго репертуара, такъ какъ едва можно было насчитать десятокъ настоящихъ, хорошихъ переведенныхъ пьесъ, которыя поэтому съ трудомъ выдерживали кон-

---

[1]) Какъ мы уже говорили выше, Нейберша очень легко владѣла стихомъ и писала какъ пьесы, такъ и просьбы и посланія къ высокимъ особамъ или друзьямъ очень часто въ стихотворной формѣ. Многія изъ ея произведеній напечатаны.

куренцію съ многочисленными грубыми самодѣльными «представленіями», къ которымъ къ тому же публика уже привыкла. Потребовалось много энергіи, самоотверженной преданности идеѣ, много таланта и благороднаго упорства, чтобы восторжествовать надъ грубыми вкусами и привычками толпы. Надо было также много упорнаго труда, чтобы актеровъ, привыкшихъ къ традиціоннымъ жестамъ и напыщенной ходульности прежнихъ пьесъ, пріучить играть съ бо́льшимъ благородствомъ, простотой и разнообразіемъ этотъ новый очищенный и возвышенный репертуаръ. Мы не должны заблуждаться насчетъ этой «простоты», въ наше вре́мя и она показалась бы ходульной, разъ большинству публики теперь пьесы Расина кажутся уже неестественно возвышенными и высокопарными, а мало-мальски пластическія позы иностранной артистки—«театральщиной» и «консервато́рскими пріемами». Но въ тѣ дни благородная чистота пьесъ Расина и изящная умѣренность, требуемая ими отъ исполнителей — были уже громаднымъ шагомъ впередъ. И Нейберша, съ помощью нѣсколькихъ понимающихъ и преданныхъ товарищей по сценѣ, неустанно работала надъ пересозданіемъ игры актеровъ, какъ она работала и надъ пересозданіемъ репертуара.

А кромѣ того она прилагала всѣ усилія къ тому, чтобы актеры не являлись на сцену почти что въ отрепьяхъ, или вѣчныхъ обязательныхъ «плисовыхъ штанахъ», неизмѣнно остававшихся на всѣхъ древнихъ и новыхъ герояхъ, на «Циннѣ», «Поліевктѣ» и «Юліи Цезарѣ»-какъ и на «волшебникѣ докторѣ Фаустѣ» или «Сидѣ». Опять-таки, мы не должны забывать, что въ то время, когда только что начиналось изученіе историческаго *быта* народовъ, когда археологія была еще совершенно неизвѣстна въ театральномъ мірѣ, и задолго до Тальма съ его костюмерной реформой,—въ тѣ времена, говоримъ мы, даже такая новаторша, какъ Каролина Нейберъ, не могла помышлять объ исторической вѣрности костюмовъ. Но когда въ ея труппѣ изображались цари и герои, царицы и волшебницы, они и являлись одѣтыми въ дѣйствительно царственно-роскошные костюмы. Когда по ходу пьесы полагалось быть *садамъ Армиды*, подземному гроту, или *храму славы*, — то декораціи дѣйствительно изображали сады, храмы и гроты, и прилагались вообще всѣ усилія къ тому, чтобы общее впечатлѣніе отъ всего: декорацій, освѣщенія, костюмовъ и всѣхъ аксессуаровъ получалось прекрасное, чарующее зрителя, художественное. Это было уже большимъ прогрессомъ и побѣдою вкуса надъ тѣми порядками, когда декораторъ могъ ограничиваться надписями «лѣсъ», «дворецъ цезаря» и т. д., выставляемыми на дощечкахъ въ назиданіе зрителямъ, большимъ прогрессомъ противъ грубо-подмалеванныхъ, заплатанныхъ и разорванныхъ холстовъ, передъ которыми выступали жалкіе, облаченные въ рваные плащи и дырявые сапоги представители «привилегированныхъ» королевскихъ и иныхъ

«бандъ», современныхъ Нейбершѣ. Мы не можемъ безъ улыбки представить себѣ Брута въ расшитомъ атласномъ кафтанѣ, Цезаря въ напудренномъ парикѣ и съ придворной шпагой, или Химену, «трагическую Ванессу» и Ифигенію въ одинаково-пышныхъ робронахъ, съ кружевнымъ платочкомъ или вѣеромъ въ рукахъ. Но для современниковъ Нейберши эти роскошные костюмы являлись необычайнымъ прогрессомъ въ сценическомъ искусствѣ, а актеры, облеченные въ такое великолѣпіе, невольно вызывали восхищеніе, вмѣсто прежняго презрительнаго сожалѣнія,—восхищеніе какъ дѣйствительныхъ любителей прекраснаго, такъ и тѣхъ праздныхъ зѣвакъ, которые за этимъ внѣшнимъ великолѣпіемъ неспособны были разглядѣть возвышеніе и содержанія сценическаго искусства.

Въ то-же время Нейберша заботилась и о внутреннихъ лучшихъ распорядкахъ въ труппѣ и всѣми силами старалась улучшить нравы, хотя бы среди своего маленькаго кружка актеровъ. Она съ материнскою заботливостью, но и материнскою строгостью, слѣдила за нравственностью молодыхъ актрисъ, старалась помѣщать ихъ у себя, не дозволять имъ завязывать легкомысленныхъ интригъ, а наоборотъ всѣми возможными средствами старалась эти мимолетныя связи завершать законнымъ бракомъ между влюбленными парочками. Она хлопотала и о молодыхъ безсемейныхъ актерахъ и о старыхъ бобыляхъ: устроила для нихъ у себя что-то вродѣ общихъ обѣдовъ. Она ревниво слѣдила, чтобы въ этомъ маленькомъ міркѣ царили по возможности дружескія отношенія, строго преслѣдовала интриги и кляузы и всѣ усилія прилагала къ тому, чтобы труппа была какъ-бы одною дружною семьею.

Не легко давался ей каждый шагъ на этомъ трудномъ пути, и всякая новая побѣда обходилось ей дорого, такъ дорого, что часто походила на пораженіе. Праздная толпа уже привыкла къ тому грубому винегрету, который предподносился ей подъ именемъ «Haupt-und Staatsactionen», и состоялъ изъ отрывковъ то оперныхъ, то драматическихъ, перемѣшанныхъ съ гаерскими дивертисементами, балаганными «адскими плясками», и ходульными трехъ-этажными виршами по адресу разныхъ современныхъ героевъ и историческихъ личностей. Все это, какъ мы уже сказали, обильно уснащалось еще безпрестанными вторженіями въ пьесу «арлекина», которому все прощалось, все позволялось, который развитаго зрителя оскорблялъ, а простоватыхъ слушателей развращалъ своими циническими рѣчами и тѣлодвиженіями. И вотъ, когда у Нейберши подъ руками оказалась хорошая сильная труппа и довольно обширный репертуаръ настоящихъ пьесъ,—она отважилась на борьбу съ этимъ всесильнымъ любимцемъ публики, съ этимъ традиціоннымъ enfant terrible всякой труппы. Она рѣшила не только очистить нѣмецкую сцену отъ этой язвы, но и совершить это съ нѣкоторою торжественностью. Въ

октябрѣ 1737 г., во время ярмарки въ Лейпцигѣ, по окончаніи трагедіи «Умирающій Катонъ», вновь взвился занавѣсъ и на сценѣ начался сочиненный самой Нейбершей «*Ауто-да-Фе* или *Злодѣянія, судъ и осужденіе недостойнаго, злонравнаго и преступнаго Ганса Вурста*». Въ храмѣ искусства засѣдали судьи въ черныхъ мантіяхъ; Искусство, Нравственность и Общественное Мнѣніе поочереди появлялись передъ ними и горько жаловались на безчинства, преступленія и злодѣянія Гансвурста. По выслушаніи всѣхъ этихъ жалобъ, надъ Гансвурстомъ былъ произнесенъ приговоръ, осуждавшій его на вѣчное изгнаніе съ нѣмецкой сцены и на ауто-да-фе. Послѣ чего кукла, облеченная въ пестрый костюмъ паяца и была всенародно сожжена на кострѣ, воздвигнутомъ среди сцены. Этимъ сожженіемъ Гансвурста какъ бы символически завершался разрывъ съ обветшалыми сценическими пріемами: послѣ низверженія «Haupt und Staatsactionen», и импровизированный комедіи—это изгнаніе арлекина знаменовало собою не только изгнаніе элемента грубо-развращающаго, балаганнаго и анти-художественнаго, но въ то-же время покончивались счеты и съ традиціонными *масками*, этими застывшими формами отживающаго искусства, на смѣну котораго народилось новое, болѣе жизненное, гдѣ вмѣсто *масокъ* являлись уже *типы*, *характеры*, *живыя лица*. Этотъ 1737 годъ былъ годомъ наивысшей славы Нейберши и наибольшаго ея вліянія. Фанатически-преданная высокому искусству, Нейберша исполнила свою завѣтную мечту, она торжественно заявила такимъ образомъ о преобразованіи торжища, гдѣ происходили «бѣсовскія ломанія» и «потѣшныя дѣйствія» въ ту «школу народную», въ тотъ храмъ, гдѣ будетъ совершаться служеніе одному истинному искусству. И она торжествовала въ день сожженія чучелы арлекина. Мало того, она такъ горячо вѣрила въ возвышающее и облагораживающее вліяніе этого новаго театра, что смѣло принялась хлопотать о разрѣшеніи играть по субботнимъ и воскреснымъ днямъ, что во время Нейберши такъ же строго было запрещено нѣмецкимъ актерамъ въ Германіи, какъ оно въ наши дни запрещено русскимъ актерамъ въ Россіи. Эти попытки не удались, они навлекли на Нейбершу преслѣдованія со стороны городскихъ магистратовъ, стоили ей многихъ издержекъ, хлопотъ и доставили много горькихъ минутъ. Вообще съ каждымъ годомъ положеніе Нейберши становилось все затруднительнѣе, а борьба, которую ей приходилось вести «на всѣ фронты», все обострялась.

Нейбершѣ приходилось бороться и съ интригами соперниковъ—антрепренеровъ, которымъ солоно пришлись всѣ ея новаторства и которые поэтому пускали въ ходъ всѣ дозволенныя и незволенныя средства, чтобы лишать Нейбера и его жену то той, то другой «привилегіи» и тѣмъ закрывать имъ двери то того, то другого города или городка. Въ этомъ отношеніи особенно много непріятностей, хлопотъ и горя доста-

вилъ Нейбершѣ нѣкто Мюллеръ, имѣвшій, благодаря своей женитьбѣ на дочери принципальши Гаакъ, впослѣдствіи бывшей за принципаломъ Гофманомъ, притязанія на наслѣдованіе бывшими Гааковскими «привилегіями»; онъ старался всѣми силами лишить Нейберовскую труппу ея первенствующаго значенія въ Германіи, и своими неутомимыми происками у разныхъ высокопоставленныхъ лицъ достигъ наконецъ, того, что захватилъ въ свои руки большинство «привилегій» Нейберши, заслуженныхъ столькими годами упорнаго труда.

Приходилось Нейбершѣ бороться и съ малодушіемъ и мелочными самолюбіями актеровъ, плохо-мирившихся со своимъ болѣе стѣсненнымъ положеніемъ и серьезными требованіями, предъявляемыми имъ Каролиной Нейберъ. И въ награду за всѣ хлопоты и заботы объ этихъ презираемыхъ современнымъ обществомъ отверженцахъ, Нейберша видѣла со стороны большинства изъ нихъ неблагодарность, интриги, подвохи, мелкую месть — вродѣ ухода изъ ея труппы въ труппу къ противнику за день до представленія, уже назначеннаго въ афишахъ.

Приходилось бороться и съ тупостью и косностью разныхъ городскихъ магистратовъ и, болѣе всего, съ пошлостью, грубостью и равнодушіемъ публики. Приходилось бороться и съ малодушіемъ честнаго и преданнаго товарища Іоганна Нейбера [1]), который втеченіе всей жизни помогалъ и поддерживалъ жену во всѣхъ ея предпріятіяхъ, былъ и секретаремъ, и антрепренеромъ, и кассиромъ, и режиссеромъ труппы, и своимъ практическимъ трезвымъ умомъ умѣрялъ и направлялъ слишкомъ увлекающуюся и вѣчно занятую высшими интересами Каролину; но онъ малодушно боялся всякаго «неуспѣха», а еще болѣе того «неполной кассы». А Нейбершѣ сплошь и рядомъ приходилось играть въ наполовину пустомъ балаганѣ, или даже *даромъ* передъ горстью фанатически-преданныхъ театру студентовъ; и это неудивительно, когда и въ наши дни лишь тотъ антрепренеръ можетъ разсчитывать на сборы, кто пробавляется опереткой или водевилями, а тотъ, кто задумалъ-бы играть одни шекспировскія или шиллеровскія пьесы, тотъ навѣрное скоро «прогорѣлъ»-бы. Нейберша хорошо изведала, что значитъ идти *противъ* вкусовъ толпы, что значитъ «неудачный сезонъ», раззореніе, долги, продажа съ молотка театральнаго имущества, распущеніе голодной труппы! Испытала она и всѣ тѣ царапины, уколы и удары, которыми ненавидящіе свѣтъ

---

[1]) Въ настоящее время уже вполнѣ опровергнуто вѣскими и документальными данными мнѣніе Давцеля, что будто главная роль въ театральной реформѣ принадлежала Нейберу, а не его женѣ. Наоборотъ, изъ всѣхъ документовъ явствуетъ, что онъ былъ лишь ея помощникомъ и поддержкой, и даже не всегда достаточно убѣжденнымъ и стойкимъ, а заправилой всего дѣла была она сама. См. Scherr'a, Hettner'a, а особенно von Reden—Esbeck'a, въ книгѣ котораго приведена масса подлинныхъ писемъ, афишъ и прошеній Нейберши.

филины и летучія мыши мстятъ всякой яркой, ослѣпляющей славѣ, именно за этотъ ея свѣтъ и блескъ. Узнала Нейберша хорошо, какъ отплачивается тѣмъ, кто «мечетъ бисеръ». Выпила она и всю ту чашу оскорбленій, которая обыкновенно преподносится всякой геніальной женщинѣ: «упреки, попреки и намеки» на безнравственность—вплоть до анонимныхъ писемъ и до подлѣйшаго печатнаго памфлета, которымъ пытались очернить и предать поруганію ея женское достоинство и честь.

Но больнѣе всего ей было то, что она встрѣтила самое обидное непониманіе со стороны даже и преданныхъ друзей искусства. Одни, изъ вражды къ готшедовскому направленію или изъ ложно-понятаго національнаго самолюбія, упрекали Нейбершу за ея «французоманію» и особенно осуждали за сожженіе Гансвурста, которое они не могли простить втеченіе многихъ десятковъ лѣтъ, утверждая, что этимъ она водворила на нѣмецкой сценѣ готшедовское, чопорное, придворно-педантское искусство и изгнала здоровый народный юморъ. Другіе,—и къ числу ихъ впослѣдствіи [1]) присоединился и самъ Лессингъ,—увѣряли, что это сожженіе было лишь пустой бравадой, и даже лицемѣріемъ, ибо изгнанный Гансвурстъ продолжаетъ де появляться въ пьесахъ, играемыхъ Нейберовскою труппою, лишь измѣнивъ свой пестрый костюмъ на другой, и сама де Нейберша играетъ роли чисто арлекинскія. Лессингъ въ этомъ неправъ, ибо Нейберша никогда и не думала изгонять комическій элементъ или комическія лица изъ своихъ веселыхъ пьесъ, но она упорно старалась изгнать элементъ *клоуновскій*, стоящую внѣ общаго сценическаго дѣйствія *маску* и вредный для вкуса публики окостенѣвшій балаганный типъ. Не мало горькихъ минутъ пережила Каролина Нейберъ, видя, какъ ненавистный ей Гансвурстъ, столь любезный публикѣ и актерамъ, находитъ преданныхъ защитниковъ и среди развитыхъ друзей театра и среди писателей. И это какъ разъ въ то время, когда ей такъ дорого было-бы сочувствіе!

Постоянныя неудачи, непріятности и борьба очень испортили ея характеръ. Она дѣлалась все болѣе раздражительною, все болѣе рѣзкой, и въ тѣ времена просто въ неслыханной формѣ высказывала свою горечь при видѣ того, какъ мало цѣнятъ ея благородныя усилія. Уже не разъ выражала Нейберша свое презрѣніе къ ничего-непонимающей

---

[1]) Какъ извѣстно Лессингъ вплоть до 1750 г вполнѣ раздѣлялъ мнѣнія и вкусы Готшеда: всѣ его первыя статьи и даже пьесы были написаны въ *готшедіанскомъ* духѣ, лишь послѣ 1750 г. онъ, въ своемъ послѣдовательномъ эволюціонномъ движеніи, переросъ готшедіанство, а «Миссъ Сара Самсонъ» (1755) знаменуетъ собою первый шагъ на новомъ пути. Но именно на Лессингѣ и видно (какъ справедливо замѣтилъ еще Геттнеръ) насколько готшедіанство являлось необходимою ступенью въ развитіи нѣмецкаго искусства. Для того, чтобы *отвергнуть* хотя-бы это напыщенное искусство, надо чтобы оно *было*. а до него не было никакого, и безъ Готшеда не было-бы можетъ быть и Лессинга.

пошлой толпѣ, надъ просвѣщеніемъ которой она тщетно работала столько лѣтъ, выражала она и гордое убѣжденіе въ правотѣ и высотѣ своихъ стремленій и дѣяній. Дѣлала она это то въ письмахъ на имя магистратовъ и высокихъ особъ, а то и въ афишахъ своихъ. Уже въ 1735 году она однажды жестоко возстановила противъ себя весь городъ Гамбургъ подобной афишей. Теперь она была еще болѣе раздражена и озлоблена. Денежныя ея дѣла пришли въ совершенное разстройство, труппа разбѣгалась, все большее число городовъ закрывало передъ нею свои двери, открывая свои балаганы другимъ труппамъ, придерживавшимся стараго пошлаго репертуара. Наконецъ, терпѣніе Каролины лопнуло и вотъ въ 1740 г., въ Гамбургѣ, она увидѣла себя въ необходимости распустить всю труппу или принять съ остатками ея ангажементъ въ Петербургъ. Глубокое презрѣніе къ равнодушной, безсмысленной толпѣ, глубокая скорбь передъ невозможностью возродить національное театральное искусство, горькое сознаніе своего безсилія передъ торжествующей пошлостью—довели Нейбершу до отчаянія, и она отважилась вновь на безумно-смѣлый шагъ. Когда, въ день послѣдняго представленія въ Гамбургѣ, окончилась пьеса, Нейберша вновь вышла на сцену и обратилась къ публикѣ съ импровизированной рѣчью, отъ которой камни заплакали-бы, еслибъ они могли плакать! Она «благодарила» благородную и высокочтимую публику за все то, что она видѣла и перенесла.

И какъ тотъ поэтъ, что благодарилъ

«За жаръ души, растраченный въ пустынѣ,
«За все, чѣмъ онъ обманутъ въ жизни былъ,

такъ и Каролина Нейберъ, могла-бы молить лишь о томъ, чтобъ ей недолго еще «пришлось благодарить». Но эта гордая душа благодарила еще Бога и «своихъ враговъ», за то, *что она никогда и ничѣмъ не поступилась, что она не можетъ упрекнуть себя ни въ чемъ безчестномъ, и что совѣсть ея осталась чистой и неподкупной, а сама она непоколебимой, среди всѣхъ несчастій и униженій...*

Ничего подобнаго никогда еще не слыхивали театральныя стѣны и театральная публика. Это была неслыханная дерзость со стороны какой-то презрѣнной лицедѣйки—и Гамбургъ навсегда закрылся для Нейберши. Уѣхала Нейберъ въ Петербургъ, но и тутъ ей не повезло [1]), и уже въ слѣдующемъ году она опять вернулась на родину. Но прежніе успѣхи уже не вернулись къ ней! Въ это самое время она разошлась и со своимъ бывшимъ единомышленникомъ и союзникомъ—Гот-

[1]) Ее пригласилъ въ Петербургъ Биронъ, но едва труппа прибыла въ нашу столицу, какъ скончалась Имп. Анна Іоанновна, контрактъ съ Нейберъ былъ нарушенъ, играть въ Петербургѣ не представлялось возможнымъ, и труппа должна была уѣхать въ Германію.

шедомъ. Готшедъ, опередившій свое время въ большинствѣ своихъ взглядовъ на искусство, пытался произвести окончательную костюмерную реформу; такъ онъ потребовалъ отъ Нейберши, чтобы при исполненіи ею *Катона*, актеры играли-бы въ тогахъ и съ обнаженными руками и ногами. Неизвѣстно, была-ли Нейберша несогласна въ этомъ вопросѣ съ Готшедомъ, или вообще уже разошлась съ нимъ, склоняясь на сторону только что выступавшаго на литературную борьбу съ Готшедомъ—Лессинга, и разглядѣвъ ничтожность Готшеда, какъ писателя, и его заблужденія, или была раздражена диктаторскимъ тономъ его наставленій и заносчивостью его требованій, или наконецъ Нейберша просто была утомлена борьбою съ косностью публики и единственный разъ въ жизни побоялась идти противъ всѣхъ вкусовъ и традицій этой публики,—какъ-бы то ни было, а требованія Готшеда встрѣтили со стороны Нейберши отпоръ, потомъ насмѣшки, потомъ вражду, наконецъ, дѣло дошло до открытой войны. Нейберша, озлобленная, раздраженная, часто незнавшая мѣры въ своихъ враждебныхъ выходкахъ, дала и тутъ волю своему злобному чувству. Пьесу Готшеда сыграли дѣйствительно въ «римскихъ» костюмахъ и стилѣ, но нарочно сдѣлали все это такъ каррикатурно, что возбудили гомерическій хохотъ всей залы. Вслѣдъ затѣмъ въ прологѣ, написанномъ Нейбершей къ реньяровскому «Distrait», авторша уже прямо выставила Готшеда въ пародированномъ видѣ. Пародія имѣла страшный успѣхъ, особенно благодаря тому, что всемогущій тогда графъ Брюль очень покровительствовалъ Нейбершѣ въ ея войнѣ съ Готшедомъ, принявъ сторону своего секретаря, поэта Роста, тоже враждовавшаго съ Готшедомъ. Вообще въ это время пѣсенка Готшеда была уже спѣта и звѣзда его сильно померкла. Но Нейбершѣ не слѣдовало такъ поступать, какъ она поступила, и ея образъ дѣйствій въ этомъ случаѣ объясняется лишь утомленностью и раздраженіемъ послѣ столькихъ лѣтъ непосильной борьбы.

Немного уже успѣховъ и побѣдъ выпало Нейбершѣ въ ея дальнѣйшей жизни. Однимъ изъ немногихъ радостныхъ моментовъ было ея знакомство въ 1748 г. съ Лессингомъ, принесшимъ ей свою первую пьесу «Молодой Ученый». Эта пьеса явилась для Нейберши воплощеніемъ самыхъ завѣтныхъ ея мечтаній: оригинальною нѣмецкой пьесой, написанной чистымъ, литературнымъ языкомъ, полной благородныхъ, возвышенныхъ идей, наконецъ, *первой* нѣмецкой пьесой, могущей съ честью занять мѣсто на ряду съ классическими, древними и новыми пьесами. И дѣйствительно «Молодой Ученый» является какъ-бы родоначальникомъ всей новѣйшей нѣмецкой драматической литературы. Нейберша угадала въ молодомъ студентѣ, обожавшемъ театръ и за это строго преслѣдуемомъ суровымъ отцомъ,—будущаго автора «Натана» и «Эмиліи Галотти». Она горячо привѣтствовала его первый драматическій опытъ и всѣми

способами старалась внушить ему довѣріе къ своимъ силамъ и желаніе продолжать работать въ томъ-же направленіи. Эти сношенія съ Лессингомъ были почти послѣднею радостью въ жизни Нейберши.

Со времени перваго распущенія труппы въ 1743 г., прежніе успѣхи и слава точно оставили знаменитую артистку. У ней оставался прежній талантъ и прежняя сильная воля и ясный умъ, но не было уже ни прежней красоты, ни молодости, ни чарующаго звучнаго голоса. Игра ея уже не привлекала толпы зрителей, какъ прежде. Большинство талантливыхъ товарищей тоже вышли изъ труппы. Денежныя дѣла все больше запутывались, большинство «привилегій» перешло въ руки болѣе счастливыхъ и *менѣе любившихъ искусство* соперниковъ, равнодушная публика не поддержала выбивавшихся изъ послѣднихъ силъ Нейберовъ. И въ 1752 г. они окончательно распустили свою труппу. Въ слѣдующемъ, 1753 г., Нейберша была, по желанію императрицы Маріи-Терезіи, приглашена на гастроли въ Вѣну, но попытка вновь играть была уже неудачной, голосъ былъ такъ слабъ, что уже не могъ поддержать всѣхъ намѣреній талантливой артистки, дебютъ ея лишь доказалъ ей, что пора окончательно проститься со сценическою дѣятельностью и удалиться въ частную жизнь.

Время было тяжелое. Саксонію опустошала силезская война. Лейпцигъ—первый городъ, гдѣ выступила труппа Нейберши въ 1727 г. и послѣдній, гдѣ она играла и откуда Нейберша, по распущеніи труппы, уѣхала безъ гроша въ карманѣ,—теперь былъ полонъ шума оружія. Пришлось переѣхать въ Дрезденъ и поселиться изъ милости у добрыхъ друзей, нѣкіихъ Лёберовъ. Но вскорѣ и здѣсь стало неспокойно. Сначала пришедшіе на постой солдаты заняли домъ, въ которомъ жили Нейберы. Они обошлись почтительно со старыми комедіантами и оставили имъ ихъ комнатку, и Нейберша, все еще не сломленная жизнью, бодрая и дѣятельная, сидя у окна этой комнатки, среди этой шумной военщины, продолжала какъ ни въ чемъ не бывало писать свои стихотворенія на разные случаи и стихотворныя посланія къ немногимъ, остававшимся въ живыхъ и вѣрными, друзьямъ, старавшимся хоть издалека помочь знаменитой, впавшей въ нищету артисткѣ. И эти стихотворныя посланія свидѣтельствуютъ о прежней, несокрушимой силѣ духа; въ нихъ нѣтъ ни жалобъ на судьбу, ни оскорбленнаго самолюбія, вслѣдствіе своего униженнаго положенія и зависимости отъ друзей, а лишь слышится глубокая благодарность къ тѣмъ друзьямъ, которые ее не покинули, и прощеніе тѣмъ, кто ее забылъ. Но вотъ умеръ вѣрный товарищъ трудовой жизни, старый другъ Іоганнъ Нейберъ. И этого удара Нейберша уже не могла вынести, онъ ее сломилъ и нравственно и физически—и она опасно заболѣла. Въ это самое время перемѣнное военное счастье вывело саксонскія войска изъ Дрездена; непріятельское войско стало бомбардировать городъ. Домъ Лёберовъ былъ разрушенъ. Лёберы съ

больной Нейбершей бѣжали въ Лаубегастъ, маленькое мѣстечко на берегу Эльбы, гдѣ они нанимали дачу у одного знакомаго. Но едва этотъ хозяинъ узналъ, что несчастная больная — бывшая актриса, какъ отказался держать ее въ своемъ домѣ. Умирающая, выбившаяся изъ силъ Нейберша должна была вновь искать себѣ пріюта и нашла его у бѣднаго крестьянина Георга Мёле, у котораго и поселилась. Одиноко доживала она свои послѣдніе дни; даже пасторъ, за которымъ она посылала, отказался навѣстить «комедіантку». Но глубокая вѣра, внушенная ей благочестивой матерью, та вѣра, которой она, презрѣнная комедіантка, не измѣнила никогда втеченіе всей своей жизни, которая не покидала ее ни въ цвикаусской тюрьмѣ, ни въ ужасномъ родительскомъ домѣ, ни среди славы и блеска сценической карьеры, ни среди испытаній послѣднихъ лѣтъ,—эта вѣра не оставила ее и тутъ. Когда она, почти безъ силъ, вошла въ комнатку, уступленную ей Мёле (изъ которой уже не вышла живою)—и увидѣла въ окно горы, напомнившія ей о дѣтствѣ, о тѣхъ далекихъ дняхъ, когда она еще счастливыми глазами смотрѣла на міръ Божій,—то изъ груди ея вырвалось не проклятіе, не укоръ злой судьбѣ, а чистыя, вдохновенныя слова того псалма, который весь довѣріе и надежда: «Возвожу очи мои къ горамъ, откуда пріидетъ помощь моя. Помощь моя отъ Господа, сотворившаго небо и землю. Не дастъ Онъ поколебаться ногѣ твоей, не воздремлетъ хранящій тебя... Господь сохранитъ тебя отъ всякаго зла, сохранитъ душу твою Господь. Господь будетъ охранять выхожденіе твое и вхожденіе твое отнынѣ и во вѣкъ».

30 ноября 1760 г. Каролина Нейберъ скончалась. Пасторъ въ Лейбенѣ, близъ Лаубегаста, отказался отворить ворота кладбища для проклятой лицедѣйки. Тогда Мёле съ друзьями перенесли ея гробъ черезъ кладбищенскую стѣну и тутъ же и погребли Нейбершу. Въ 1776 году нѣсколько преданныхъ друзей, бывшихъ въ то-же время друзьями литературы и искусства, поставили скромный памятникъ, прекрасный по своей красотѣ и съ прекрасною надписью, но поставили они его не надъ могилой—такъ какъ благочестивые горожане Лаубегаста сочли бы оскверненіемъ своихъ могилъ, еслибъ среди нихъ возвышался памятникъ актрисы, — поэтому памятникъ воздвигли на берегу Эльбы, недалеко отъ дома, гдѣ скончалась Каролина Нейберъ. А въ 1852 году,—по случаю возобновленія могильной плиты на могилѣ, очутившейся съ расширеніемъ Лейбенскаго кладбища уже не у ограды, а по самой серединѣ его, и по случаю возстановленія монумента,—небольшой кружокъ писателей, художниковъ и сценическихъ дѣятелей, со знаменитымъ Девріеномъ во главѣ, устроилъ цѣлое маленькое торжество въ честь Нейберши. Дѣятели нѣмецкаго искусства, движимые справедливымъ и благороднымъ желаніемъ заявить передъ людьми и свѣтомъ, насколько они себя чув-

ствуютъ обязанными этой убѣжденной провозвѣстницѣ лучшихъ временъ для нѣмецкаго сценическаго искусства, этой упорной труженицѣ, этому честному и неподкупному борцу за идею,—собрались во множествѣ въ Лаубегастъ и Лейбенъ. Устроивались шествія, возлагались вѣнки, развѣвались флаги и гирлянды, произносились рѣчи, летѣли ракеты и римскія свѣчи, гремѣла музыка. Хорошо, что все это *было*, и это позднее умиленіе передъ «подвигомъ» Нейберши со стороны благороднаго потомства—хоть отчасти смягчаетъ ту горечь, которую возбуждаетъ печальная повѣсть ея жизни. Увы! эти запоздалыя сожалѣнія и прославленія—какъ и всегда,—служатъ утѣшеніемъ лишь намъ самимъ. Бѣдная лицедѣйка, такъ пламенно вѣровавшая въ свое священное призваніе, не могла слышать ихъ, а если и слышала ихъ душа ея — то они были теперь ей тоже, что вѣтерокъ въ полѣ—чуть доносящіеся отголоски забытыхъ «скучныхъ пѣсенъ земли».

Въ заключеніе позволю себѣ привести прекрасныя слова лучшаго біографа Нейберши, фонъ-Реденъ-Эсбека, которыми онъ начинаетъ свою книгу о Нейбершѣ, эпиграфомъ имѣющую извѣстный стихъ Шиллера:

Kannst du nicht Allen gefallen durh deine That und dein Kunstwerk,
Mach es Wenigen recht; Vielen gefallen ist schlimm.

«*Если ты не можешь многимъ нравиться, пусть твои дѣянія и искусство будутъ хороши для немногихъ*»,—такъ думала Каролина Нейберъ, когда она изгоняла со сцены Гансвурста.

«*Многимъ нравиться—худо*»—и она отказалась отъ одобренія черни. Эти золотыя слова женщины, вдохновленной всѣмъ, что есть благороднѣйшаго и возвышеннѣйшаго,—стоили ей въ жизни богатства, славы и покоя, но она пріобрѣла *то* сокровище, которое не покупается на земномъ торжищѣ, она купила себѣ «своими дѣяніями и искусствомъ» безсмертное имя, она пріобрѣла *ту* награду, къ которой стремилась ея идеальная душа. *Актриса* Нейберъ воспламенила одного поэта къ тому, чтобы нѣмецкое искусство изъ темноты, въ которомъ оно бродило, вывести на свѣтлую дорогу. «*Принципальша*» воодушевила Готшеда съ братіею и учениками поручить дѣтей своей музы Нейбершѣ, и изъ этого духовнаго союза возросли тѣ первые цвѣты вѣнка, которымъ она украсила Мельпомену.

«Болѣе ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, Каролина Нейберша и ея современники давно спятъ подъ хладной землей, но тѣ цвѣты, которые она насадила, цвѣтутъ и понынѣ, и прекраснѣе чѣмъ когда-либо, потому что въ Лессингѣ, Гете, Шиллерѣ и другихъ богатыряхъ они нашли вѣрныхъ пѣстуновъ».

Влад. Каренинъ.

По поводу законопроекта объ адвокатурѣ.

Въ прошломъ столѣтіи, въ разгаръ спора о томъ, можно-ли сохранить въ уголовномъ процессѣ пытку, какъ средство для доказательства вины и невинности, Кохъ, авторитетный въ то время въ Австріи юристъ, доказывалъ, что Беккарія и его послѣдователи проповѣдуютъ чрезмѣрную мягкость въ обращеніи съ обвиняемыми, что въ пыткѣ вовсе нѣтъ ничего дурного, нужно только, чтобы пытали по-человѣчески: «wenn nur menschlich torquirt werde». Съ тѣхъ поръ прошло сто лѣтъ съ небольшимъ, но умъ нашъ уже отказывается понимать, какъ можно было когда-бы то ни было соединять въ мысли человѣческое обращеніе съ пыткою. Трудно, конечно, намъ стать вообще на точку зрѣнія той эпохи, когда пытка считалась цѣлесообразнымъ средствомъ для добыванія истины въ уголовномъ дѣлѣ. Однако, на такомъ-же сравнительно недалекомъ разстояніи отъ насъ въ прошедшемъ былъ изданъ гуманной императрицей Маріей-Терезіей уголовный кодексъ, носящій ея имя—Theresiana, въ которомъ не только пытка главнѣйшее средство разслѣдованія, но для вящшей наглядности имѣются рисунки съ образцами орудій пытокъ и картинки съ примѣрнымъ видомъ примѣненія ихъ палачами на дѣлѣ. Тутъ имѣется и сцена завинчиванія рукъ и ногъ въ тиски, и растягиваніе обвиняемаго за конечности на лѣстницѣ съ поднесеніемъ къ обоимъ бокамъ пучковъ зажженныхъ свѣчей, установленный размѣръ и видъ коихъ изображенъ на особомъ рисункѣ, и т. п. Трудно, крайне трудно теперь переселиться мыслью въ міровоззрѣніе того времени. А на этихъ рисункахъ все имѣетъ дѣловой и спокойный видъ: палачи носятъ парикъ съ косичкой сзади, обвиняемый смотритъ на чинимую надъ нимъ расправу съ любопытствомъ; ни страданій на его лицѣ, ни ужаса на лицахъ палачей. Намъ трудно теперь стать на эту точку зрѣнія; а въ то время, какъ видно изъ указа императрицы 1768 г. при обнародованіи Theresiana, этотъ законодательный актъ, оказывается, считался прогрессивной мѣрою:

въ указѣ пояснено, что это сводъ изъ ранѣе дѣйствовавшихъ законовъ всего «наиболѣе естественнаго и справедливаго», что въ нихъ нашлось, а про подробное описаніе пытки и наставленія къ ней сказано, что это способъ для введенія въ точныя границы расправы надъ обвиняемыми. Изданъ былъ этотъ интересный памятникъ недавняго еще законодательства съ оффиціальной обложкой, на которой императрица была изображена окруженною эшафотомъ, костромъ, колесомъ для четвертованія и прочими инструментами заплечнаго мастера. Вдумываясь въ эти взгляды, при которыхъ умѣли согласовать съ требованіями справедливости пріемы пытки,—изъ желанія если не оправдать, то хотя-бы надлежаще понять ихъ, задаешь себѣ вопросъ: какъ-же пытка служила своему назначенію? что при ея помощи усматривали судьи временъ прошедшихъ? А усматривали они въ способности устоять на заявленіи своей невинности при тѣхъ рафинированныхъ страданіяхъ, которыя причинялись послѣдовательнымъ рядомъ разнообразныхъ орудій пытки, доказательство дѣйствительной невинности испытываемаго. Странно это и мало понятно съ современной точки зрѣнія. Какое, въ самомъ дѣлѣ, можетъ имѣть отношеніе къ вопросу о томъ, совершилъ-ли данный субъектъ приписываемое ему дѣяніе, то, насколько терпѣливо выносятся имъ страданія отъ вбиванія гвоздей подъ ногти или прижиганія на огнѣ обнаженныхъ боковъ? Однако, были времена и, притомъ, времена, длившіяся цѣлыя столѣтія, когда глубоко вѣрили въ существованіе этого отношенія. Съ точки зрѣнія того, что мы называемъ здравымъ смысломъ, это граничитъ съ логическою нелѣпостью, не говоря уже о жестокости душевной; но тогда на это съ полною искренностью смотрѣли совершенно иначе. Всякое время имѣетъ свой здравый смыслъ.

Чтобы критически опровергнуть правильность прежней точки зрѣнія, которая въ свое время имѣла такую-же убѣдительность для современниковъ, какую теперешняя точка зрѣнія имѣетъ для нашихъ современниковъ, есть только одинъ путь; это—показать противорѣчіе съ самимъ собою, въ которое приверженцы той точки зрѣнія впадали. Это мы дѣйствительно и видимъ, если обратимся къ процессамъ о вѣдьмахъ и колдунахъ. Для доказательства вины по этимъ обвиненіямъ лучшимъ въ свѣтѣ почиталось собственное признаніе. Но такъ какъ дѣйствительнаго сношенія съ дьяволомъ никто, вѣдь, изъ этихъ обвиняемыхъ на своей совѣсти не имѣлъ, то удивительно-ли, что подъ пыткой многіе изъ нихъ оставались непоколебимы въ увѣреніи, что они ничего о дьяволѣ не знаютъ и вполнѣ невинны! По нашему, если кто-нибудь изъ нихъ признавалъ противное, то это только могло быть подъ вліяніемъ мученій, причиняемыхъ пыткой, и желаніемъ въ минуты отчаянія какой-бы то ни было цѣною, но избавиться отъ нихъ. Не такъ разсуждали въ тѣ времена. Молчаніе на пыткѣ, отрицаніе своей вины, что считалось полнымъ

оказательствомъ невинности для всѣхъ обвиненій, въ дѣлахъ о колдовствѣ не признавалось за такое доказательство. Молчаніе на пыткѣ приписывалось особому упрямству колдуновъ, а ихъ выносливость—содѣйствію дьявола, который давалъ имъ средство, противодѣйствующее мученію отъ орудій пытки, и такимъ образомъ доказательство невинности въ другихъ случаяхъ здѣсь становилось доказательствомъ противнаго, т.-е., сношенія съ дьяволомъ, которое обвиняемые на пыткѣ отвергали. Ясное дѣло, что предубѣжденіе противъ колдуновъ было такъ глубоко и непоколебимо, что одно подозрѣніе противъ нихъ было уже равносильно доказательству; розыскъ и слѣдствіе производились затѣмъ не для установленія дѣйствительности, а для подтвержденія того, въ чемъ съ самаго начала у судей не было сомнѣнія. А въ такихъ случаяхъ разумъ у человѣка всегда оказывается послушнымъ орудіемъ воли и прихоти, доводя до виртуозности находчивость въ пріемахъ, которыми факты и наблюденія подгоняются подъ законные результаты.

Кодексъ Маріи-Терезіи былъ составленъ подъ вліяніемъ воззрѣній, эманципированныхъ отъ вѣры въ вѣдьмъ и колдуновъ. Въпа раграфѣ 7 артикула 58 въ немъ съ чувствомъ нескрываемаго самодовольства говорится слѣдующее: «съ самаго начала нашего царствованія мы распорядились, въ виду замѣченныхъ въ большомъ количествѣ неправильностей, которыя допускаются изъ-за предразсудка въ такъ-называемыхъ процессахъ о колдунахъ и вѣдьмахъ, чтобы до постановленія по этимъ дѣламъ приговоровъ они были представляемы на наше высочайшее разсмотрѣніе, и въ результатѣ этого оказалось, что за все время нашего царствованія до сихъ поръ еще не было обнаружено ни одного колдуна и ни одной вѣдьмы, а всѣ возникавшія по этому поводу дѣла—послѣдствіемъ надувательства, глупости или тщеславія привлекаемыхъ лицъ».—Освобожденіе отъ этой вѣры еще далеко не значитъ, однако, чтобы произошло и полное освобожденіе отъ тѣхъ пріемовъ мысли, которые вырабатываются въ умѣ подъ вліяніемъ продолжительно порабощавшихъ ее предубѣжденій. Наглядный тому примѣръ намъ представляетъ та-же Theresiana въ другомъ мѣстѣ. Пытка, какъ сказано, употреблялась для признанія невинности въ случаѣ, когда обвиняемый отвергалъ и подъ страданіями свою вину. Но какъ-же быть, когда въ винѣ нѣтъ сомнѣнія, а отрицаніе на пыткѣ служитъ формальной помѣхой къ постановленію обвинительнаго приговора? А очень просто. Надо пытку продолжать и возобновлять до тѣхъ поръ, пока не добьются желаемаго признанія. Согласно съ этимъ, въ параграфѣ 13 артикула 38 сказано: хотя, какъ правило, признано, что пытка должна быть произведена за одинъ разъ и въ одинъ день, но такъ какъ опытъ показалъ, что такое примѣненіе пытки у нѣкоторыхъ субъектовъ вызываетъ скоро потерю чувствительности къ страданіямъ, къ числу какихъ субъектовъ относится большая часть привыч-

ныхъ къ упорному запирательству евреевъ и всякіе вѣдомые злодѣи, то для этихъ субъектовъ должна быть пытка продолжена на 2 или 3 дня съ соотвѣтствующимъ раздѣленіемъ ея пріемовъ.

Всѣ эти историческія реминисценціи приходятъ невольно на память при ознакомленіи съ опубликованнымъ на-дняхъ министерствомъ юстиціи проектомъ новыхъ правилъ объ адвокатурѣ съ выдержками изъ матеріала, послужившаго ихъ источникомъ. Въ проектѣ этомъ мы читаемъ статью 4-ю слѣдующаго содержанія: при принятіи въ число присяжныхъ повѣренныхъ лицъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій должно быть наблюдаемо, чтобы число ихъ въ округѣ каждаго окружнаго суда не превышало десяти процентовъ общаго числа присяжныхъ повѣренныхъ, имѣющихъ мѣсто жительства въ предѣлахъ того округа. Статья эта представляетъ собою новшество принципіальнаго свойства, на которое не было ни малѣйшаго намека въ уставахъ 20-го ноября 1864 г. и, по общему ихъ духу и направленію, даже и быть не могло. Въ рѣчи, сказанной министромъ юстиціи при открытіи общаго собранія коммисіи, въ которую былъ внесенъ для обсужденія новый проектъ, однако, въ главную заслугу его поставлено то, что при всѣхъ измѣненіяхъ, вводимыхъ имъ въ организацію адвокатуры, проектъ этотъ «вмѣстѣ съ тѣмъ, остается вѣренъ тѣмъ основнымъ началамъ и взглядамъ, которые усвоены нашимъ законодательствомъ со времени реформы 20-го ноября 1864 г.». Тѣмъ болѣе, поэтому, данныя и соображенія, которыми оправдывается столь существенное отступленіе отъ принциповъ, усвоенныхъ нашимъ законодательствомъ, возбуждаютъ любопытство. Но приступая къ ознакомленію съ этимъ матеріаломъ, сразу наталкиваешься на знакомую уже издавна картину подчиненія разума и всей его изобрѣтательности—на служеніе субъективнымъ чувствамъ и предубѣжденію. Пріемы разсужденія совсѣмъ не новы; ново только то, что въ ихъ власти находятся умы, призванные къ изданію законовъ въ такую эпоху, когда законодательные акты не возвѣщаются уже болѣе готовыми заповѣдями, а считается необходимымъ предварительно опубликовывать проекты ихъ съ матеріалами, служащими объяснительными и оправдательными документами предпринимаемыхъ измѣненій.

Психологическая проба, которой можетъ быть подвержена разнаго рода аргументація, направленная, будто-бы, къ отысканію истины, а въ дѣйствительности къ оправданію того заключенія, которое въ душѣ признано за истину до начала этой умственной работы, облегчаетъ пониманіе многихъ явленій въ общественной и культурной жизни, съ которыми безпристрастному разуму столь трудно иначе примириться. Надо только при критической оцѣнкѣ такой аргументаціи помнить, что здѣсь разсуждали не по тѣмъ пріемамъ мысли, которые употребляются, напримѣръ, при отысканіи неизвѣстнаго рѣшенія задачи по извѣстнымъ ариф-

метическимъ даннымъ, а примѣнялись обратные пріемы—вродѣ употребляемыхъ для разгадки понравившейся шарады. Съ этой точки зрѣнія довольно вразумительно объясняется многое, что иначе не укладывается ни въ какія логическія рамки. Что такое, напримѣръ, антисемитизмъ? Очень просто: антисемитизмъ есть отвращеніе къ еврею, возведенное въ политическое ученіе.

Образчикомъ разсужденій по указанному шаблону служитъ въ матеріалахъ особое мнѣніе одного изъ приглашенныхъ лицъ. Мнѣніе его состоитъ въ томъ, что надо болѣе всего бороться противъ принятія въ присяжные повѣренные тѣхъ изъ евреевъ, которые для устраненія формальнаго препятствія въ этихъ случаяхъ принимаютъ христіанство. «Я утверждаю,—заключаетъ онъ свое мнѣніе,—что лучше увеличить процентъ евреевъ-нехристіанъ до 15%, даже до 20%, чѣмъ ограничить цифру ихъ 10%, а въ то-же время причислить къ числу имѣющихъ право на вступленіе безъ ограниченія евреевъ-неофитовъ». Казалось-бы, что доказательства того, какое печальное въ нравственномъ отношеніи явленіе представляетъ ренегатство, достаточно очевидны для всякаго образованнаго человѣка и что они, навѣрно, не нуждаются въ аппробаціи доводами семинаристскаго риторства. Не такъ поступаетъ авторъ особаго мнѣнія. Онъ аргументируетъ горячо и, можно сказать, съ пѣною у рта отстаиваетъ свое убѣжденіе. «Россія создана русскимъ народомъ. Ему, вложившему во всѣ устои своего строя народное міросозерцаніе, принадлежитъ право требовать, чтобы охрана этихъ устоевъ поручена была не тѣмъ, кто только знаетъ, а тѣмъ, кто вѣруетъ, кто насквозь пропитанъ началами народности». Что, спрашивается, общаго между этими соображеніями и печальною стороною ренегатства? Развѣ кто-нибудь говорилъ, что русскихъ людей обяжутъ закономъ обращаться за помощью въ своихъ процессахъ къ крещеннымъ изъ евреевъ адвокатамъ? Да вовсе нѣтъ никакой логической связи между этимъ аргументомъ и недопущеніемъ ренегатовъ въ адвокаты. Аргументъ этотъ обнаруживаетъ гораздо больше, чѣмъ авторъ хотѣлъ. Изъ тирады этой ясно, что для достойнаго замѣщенія адвокатскаго служенія годятся только тѣ, кто вѣруетъ въ то, что онъ имъ рекомендуетъ. Но вѣдь это уже вопросъ совершенно иного рода. Съ этой точки зрѣнія надо подвергать сыску всякаго поступающаго въ адвокатскую корпорацію,—вѣритъ-ли онъ въ цитированныя выше начала или онъ ихъ только знаетъ, а если окажется, что онъ не такъ въ нихъ вѣритъ, какъ того требуетъ русскій народъ, то отвергать исканія такого нечестивца, какого-бы онъ ни числился вѣроисповѣданія. Переходъ въ другую вѣру слишкомъ рѣдко бываетъ искрененъ, заявляетъ авторъ. Примѣры противоположнаго давали люди не отъ міра сего. «Вспомнимъ,—восклицаетъ онъ,—первые вѣка христіанства, вспомнимъ Іустина Философа или Амвросія Медіоланскаго.

Ананій былъ печальнымъ исключеніемъ». Было-бы очень любопытно, здѣсь—еслибы въ отвѣтъ на призывъ автора можно было внезапно сдѣлать перекличку всѣмъ 1,938 христіанамъ присяжнымъ повѣреннымъ, числящимся въ Россіи въ настоящее время,—сколько изъ нихъ оказалось-бы способными вспомнить то, что имъ предлагаетъ авторъ особаго мнѣнія. Надо. притомъ, сказать, что когда очередь дошла-бы до самого автора, то врядъ-ли и его самого можно было-бы признать вспомнившимъ то, къ чему онъ приглашаетъ другихъ. Думается. по крайней мѣрѣ, что тотъ, кто знаетъ не по названію только дѣла и дѣянія подвижниковъ христіанства (не говоря уже о тѣхъ, кто ихъ нетолько знаетъ, но въ нихъ и вѣруетъ), тотъ не станетъ ссылаться на первые вѣка христіанства, на Іустина Философа и Амвросія Медіоланскаго для подкрѣпленія своего предложенія о томъ, чтобы кого-то законодательнымъ путемъ лишить извѣстныхъ правъ и производить, притомъ, это лишеніе по правиламъ учета процентовъ. Аргументація того, кто дѣйствительно вспомнилъ-бы объ этихъ примѣрахъ и поученіяхъ, могла-бы въ вопросѣ о ренегатствѣ логически привести только къ одному заключенію: смотрите, что вы дѣлаете со святымъ дѣломъ вѣры,—изъ внутренняго палладіума нравственности и добрыхъ чувствъ вы превратили ее во внѣшній признакъ для отличія между людьми и на этомъ основаніи не поведеніемъ нынѣ стремятся достигнуть душевнаго просвѣтлѣнія, даваемаго идеалами христіанства, а погонею за внѣшнимъ званіемъ христіанина добывать матеріальныя преимущества, съ этимъ званіемъ связанныя! Но какое дѣло до логики автору особаго мнѣнія.

Переходимъ къ мотивамъ самихъ составителей проекта. Логическое построеніе и пріемы изслѣдованія мы встрѣтимъ тутъ тѣ-же, — только оффиціальный тонъ не даетъ такого простора нервозности, подобной той, какую обнаруживаетъ авторъ особаго мнѣнія. Какіе-же приводятся основанія для принятія ограничительной мѣры по отношенію къ евреямъ? Въ этомъ отношеніи, вмѣсто доводовъ, даются готовыя утвержденія, вродѣ слѣдующихъ: «неоднократно удостовѣренные предосудительные и недостойные званія присяжнаго и частнаго повѣреннаго поступки евреевъ съ достаточной убѣдительностью указывали на вредное вліяніе большого прилива евреевъ въ среду повѣренныхъ»; такой приливъ евреевъ съ противными христіанской нравственности воззрѣніями, свойственными ихъ племени, долженъ-бы оказать тлетворное вліяніе на общій уровень нравственности и на характеръ дѣятельности сословія присяжныхъ повѣренныхъ; даже не достигнувъ численнаго преобладанія, еврейская часть присяжныхъ повѣренныхъ, при свойственныхъ еврейскому племени единеніи и способности къ сплоченному, согласному и настойчивому дѣйствію, могла-бы получить власть сословнаго управленія и подчинить и остальныхъ присяжныхъ повѣренныхъ ея нравственнымъ воз-

зрѣніямъ и проч. Послѣ соображеній общаго свойства подобнаго рода слѣдуетъ указаніе въ цифрахъ на угрожающій размѣрами прirостъ еврейской адвокатуры и, наконецъ, какъ на наиболѣе серьезный доводъ, указывается на то, что наплывъ евреевъ въ адвокатуру вызывается закрытіемъ для нихъ, вслѣдствіе ограничительныхъ мѣръ, доступа на службу и другіе виды юридической карьеры, и что потому должно въ согласіи съ остальными вѣдомствами и юстиціи принять противъ нихъ такія-же мѣры.

Развѣ послѣдній доводъ не обнаруживаетъ совершенно инквизиціонные пріемы мышленія? «Наплывъ, наплывъ евреевъ»—кричатъ ревнители судебъ русской адвокатуры. Министерство изслѣдуетъ вопросъ и оказывается, что это продуктъ искусственныхъ мѣръ, употребляемыхъ не евреями, а надъ евреями. Какой, казалось бы, выводъ изъ результатовъ этого изслѣдованія, какъ не тотъ, что нужно указать несправедливость мѣропріятій остальныхъ вѣдомствъ, которыя гонятъ евреевъ въ эту профессію, заставляя ихъ въ ней искать единственнаго убѣжища, совсѣмъ уже не сообразуясь съ тѣмъ, чувствуютъ-ли они въ себѣ къ ней призваніе или нѣтъ, годятся-ли къ ней или нѣтъ? Такъ нѣтъ же. Найдя причину этого нежелательнаго явленія не въ евреяхъ, а внѣ ихъ воли и желанія лежащею, результатъ ея все же ставится на счетъ евреямъ и служитъ оправданіемъ къ принятію новой ограничительной мѣры противъ нихъ. И это дѣлаетъ министерство, носящее имя юстиціи; но гдѣ же, гдѣ тутъ справедливость? Другія вѣдомства такъ дѣлаютъ, говорятъ, а потому и мы должны. Но это не доводъ для юстиціи. А если въ другихъ вѣдомствахъ начнутъ пороть, развѣ это доводъ для юстиціи послѣдовать ихъ примѣру? Если же стать на ту точку зрѣнія, что разныя вѣдомства осуществляютъ задачу одного и того же правительства и что поэтому не можетъ быть разногласія между ними, то и это не резонъ для принятія такой мѣры въ министерствѣ юстиціи, потому что, во-первыхъ, мѣра эта не была сразу принята всѣми вѣдомствами и, значитъ, каждое вѣдомство можетъ къ ней отнестись самостоятельно, а, во-вторыхъ, министерство юстиціи можетъ въ своихъ мѣропріятіяхъ остановиться поближе на вопросѣ о значеніи вообще ограниченій со стороны требованій юстиціи. Ему скорѣе, чѣмъ другимъ, не можетъ не быть извѣстнымъ, что запреты и ограниченія самое вопіющее изъ средствъ государственнаго вмѣшательства. Куда же, спрашивается, дѣваться этимъ молодымъ людямъ, тѣснимымъ со всѣхъ сторонъ? Если каждое изъ вѣдомствъ заботу о нихъ сваливаетъ на другое, то послѣднее по очереди именно въ общегосударственныхъ интересахъ уже не можетъ открещиваться отъ нея. Да, наконецъ, развѣ для министерства юстиціи не ясно, что коли учебное вѣдомство приняло ограничительныя мѣры относительно допущенія евреевъ въ гимназіи и университеты, то въ очень скоромъ

времени самъ собою прекратится «избытокъ» образованныхъ евреевъ? Слѣдовательно, ссылка на остальныя вѣдомства можетъ быть оправданіемъ министерства юстиціи только при желаніи не отстать отъ другихъ на этомъ поприщѣ, а отнюдь не какъ доказательство государственной необходимости.

Въ фактическихъ доводахъ матеріаловъ имѣется еще одинъ—неравномѣрность распредѣленія еврейскаго элемента по разнымъ мѣстностямъ. И въ этомъ отношеніи выводятся грозныя указанія статистики, такъ что для составителей проекта представляется страшнымъ въ этой перспективѣ если не весь горизонтъ будущаго русской адвокатуры, то нѣкоторыя его части, надъ которыми особенно сгустились зловѣщія тучи еврейскаго нашествія. По этому поводу, однако, возбуждается невольный вопросъ: почему, имѣя сгруппированнымъ цифровой матеріалъ, касающійся состава адвокатуры въ разныхъ мѣстахъ имперіи, составители не захотѣли имъ воспользоваться для сопоставленій, которыя сами собою напрашиваются для каждаго, кто дѣйствительно хочетъ изслѣдовать вліяніе на адвокатскіе нравы племеннаго его состава? Когда есть такія данныя, какъ то, что въ Саратовскомъ округѣ на 61 присяжнаго повѣреннаго имѣется всего 1 еврей, въ Казанскомъ на 61 ихъ имѣется 4, а въ Варшавскомъ округѣ на 495 ихъ 75 (15,1%) въ Одесскомъ на 179 ихъ 30 (16,7%),—то какъ не изслѣдовать, какая разница обнаруживается въ профессіональномъ поведеніи адвокатовъ тутъ и тамъ? По проекту полагается, что безнаказанно для чистоты нравовъ русской адвокатуры болѣе 10% евреевъ въ ея составъ не можетъ быть примѣшано; какъ же въ самомъ дѣлѣ не подумали, что для такого заключенія не будетъ болѣе неотразимаго доказательства, какъ показать, какая разница въ нравахъ этой корпораціи тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ евреевъ, и тамъ, гдѣ они имѣются; затѣмъ, еще болѣе замѣтную разницу между тѣмъ, гдѣ ихъ немного, и гдѣ ихъ больше замѣтнаго предѣла въ 10%? Ничего подобнаго такому сопоставленію въ матеріалахъ не сдѣлано. Изъ указаній, имѣющихся въ нихъ по другимъ поводамъ, видно, что составители проекта располагали полнымъ сводомъ цифръ о дисциплинарныхъ дѣлахъ, какъ совѣтовъ, такъ и окружныхъ судовъ, замѣняющихъ совѣты. Да если бы эти данныя не были собраны, то вѣдь министерству ничего не стоило добыть ихъ въ самомъ подробномъ видѣ. Насколько это было-бы приличнѣе голословнаго заявленія о неоднократности «удостовѣренныхъ» предосудительныхъ и недостойныхъ званія присяжнаго повѣреннаго поступковъ евреевъ. Да этотъ матеріалъ вовсе даже и не такъ интересенъ для констатированія поступковъ самихъ евреевъ. Извѣстно вѣдь, что евреи не только искусны въ предосудительныхъ дѣйствіяхъ, но особенно умѣютъ прятать концы въ воду и ускользать отъ преслѣдованія. Интересно не это, а то «тлетворное вліяніе, которое они имѣютъ на общій уровень

нравственности и на характеръ дѣятельности сословія присяжныхъ повѣренныхъ»; надо думать при этомъ, что, развращая своимъ примѣромъ товарищей-христіанъ, не на столько же они ихъ оевреили, что тѣ отъ нихъ переняли и специфическій талантъ избѣгать отвѣтственности за предосудительныя дѣйствія. Министерство имѣетъ вѣдь достаточно средствъ для того, чтобы установить, по какимъ дѣламъ, казавшимся судамъ предосудительными, по какимъ защитамъ, оказавшимся неприличными, выступали тѣ или иные адвокаты. Въ матеріалахъ содержится указаніе на прежній проектъ преобразованія адвокатуры (1893 года), составители котораго, между прочимъ, констатируютъ, «что въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ стали проникать такія личности, которыя нерѣдко отклонялись отъ строгаго исполненія ихъ долга и, не будучи въ состояніи противостоять соблазнамъ незаконныхъ или не вполнѣ добросовѣстныхъ дѣйствій, встрѣчающихся въ практикѣ каждаго адвоката, являлись не сотрудниками суда въ дѣлѣ разысканія истины, но пособниками лицъ, заинтересованныхъ въ сокрытіи или извращеніи этой истины». Предприняты-ли были теперь сравнительныя разслѣдованія по дѣламъ тѣхъ и другихъ округовъ для того, чтобы установить, относится-ли этотъ, какъ назвалъ его министръ юстиціи, «безотрадный приговоръ» только къ дѣятельности адвокатовъ въ одной мѣстности, а не въ другой, или болѣе къ дѣятельности ихъ въ одной мѣстности, чѣмъ въ другой? Ничего этого предпринято не было. Статистическія цифры собирались только для того, чтобы наглядно подтвердить размѣры возможнаго вліянія евреевъ, а что вліяніе это есть и будетъ тлетворно, въ этомъ сомнѣнія нѣтъ. Цифрами въ отвлеченномъ видѣ составители пользовались еще для того, чтобы успокоить страхи тѣхъ, кто боится еврейскаго преобладанія: сдѣланы примѣрныя выкладки, показывающія съ точностью, вычисленною въ цѣлыхъ и въ дробяхъ, что при принятыхъ проектомъ правилахъ о численности общихъ собраній въ нихъ никогда не смогутъ имѣть большинства евреи. Сдѣлано это не только въ виду «свойственнаго еврейскому племени единенія и способности къ сплоченному, согласному и настойчивому дѣйствію», но и по причинѣ качествъ прямо противоположнаго характера, которыми для антитезы надѣляются адвокаты-христіане: «рядомъ—сказано въ матеріалахъ—съ разрозненностью и безпечнымъ отношеніемъ къ своимъ интересамъ, составляющими обычныя свойства русскаго характера». Въ чемъ именно сказалось на дѣлѣ въ средѣ адвокатовъ-евреевъ сплоченное и согласное дѣйствіе въ преслѣдованіи какихъ-то своихъ особыхъ цѣлей, объ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія. Что же касается безпечности и другихъ легкомысленныхъ чертъ, которыя приписываются русскому характеру, то врядъ-ли составители, не говоря даже о томъ, насколько они правы въ этомъ относительно русскаго характера вообще, имѣли основаніе распространить эту черту на корпо-

ративную дѣятельность адвокатовъ-христіанъ. Извѣстно вѣдь, какое дружное дѣйствіе не разъ обнаруживалось, когда возникалъ вопросъ о закрытіи доступа евреямъ въ присяжные повѣренные или въ помощники.

Былъ и еще одинъ интересный поводъ для провѣрки, существуетъ-ли различіе въ профессіональныхъ привычкахъ адвокатовъ разной національности. Въ проектъ вводятся новыя статьи о гонорарѣ; устанавливается, что кліентъ имѣетъ право обратиться въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ съ жалобою на чрезмѣрное вознагражденіе, выговоренное себѣ его адвокатомъ, и, если совѣтъ съ этимъ согласится, то назначаетъ по своему усмотрѣнію размѣръ вознагражденія, которымъ должно довольствоваться; причемъ, условіе о неустойкѣ, включенное въ договоръ кліента съ адвокатомъ, признается въ этомъ отношеніи недѣйствительнымъ. А по уголовнымъ дѣламъ признаются недѣйствительными всякія условія о вознагражденіи не за трудъ по защитѣ, но еще и въ зависимости отъ исхода дѣла. Не касаясь вопроса о томъ, насколько умѣстно и приличествуетъ регулировать закономъ то, что составляетъ область не обязанностей, а добродѣтелей гражданина, здѣсь по интересующей насъ темѣ рождается иного рода замѣчаніе. Новшество, вводимое этими статьями, обязано своимъ происхожденіемъ, очевидно, свѣдѣніямъ о чрезмѣрныхъ гонорарахъ, получаемыхъ повѣренными и защитниками. Извѣстно, притомъ, всѣмъ близко стоящимъ къ дѣйствительной жизни нашихъ адвокатовъ, что значительное большинство изъ нихъ еле покрываетъ заработками насущныя потребности свои и своей семьи. Такъ что свѣдѣнія о такъ называемыхъ «кушахъ» относятся, главнымъ образомъ, къ отдѣльнымъ единицамъ, пользующимся по своимъ талантамъ и заслугамъ громкими именами. А такъ какъ такія имена считаются единицами и о каждомъ ихъ шагѣ говорятъ повсюду, то свѣдѣнія о нихъ получаются легко безъ особыхъ разслѣдованій. Такъ вотъ, въ виду общеизвѣстныхъ фактовъ этого рода, не умѣстно-ли было задаться вопросомъ,—разъ склонность къ кушамъ пріобрѣтаетъ значеніе признака особыхъ свойствъ,—кому же по вѣроисповѣданію изъ адвокатскихъ знаменитостей принадлежитъ пальма первенства: евреямъ, лютеранамъ, католикамъ или православнымъ (разумѣя въ числѣ послѣднихъ даже ревнителей православія?) Но никакихъ такихъ вопросовъ незачѣмъ было себѣ задавать составителямъ проекта, разъ тлетворное вліяніе евреевъ было поставлено готовымъ базисомъ для соотвѣтствующихъ заключеній. Такъ какъ, однако, согласно существующему обычаю, пришлось законопроектъ снабдить статистическими данными, то произведены и цифровыя выкладки, но настолько лишь, насколько ими можно было въ частности подтвердить выводы изъ готоваго общаго положенія.

Способъ, какимъ собирался въ этомъ отношеніи матеріалъ для проекта чрезвычайно характерно отразился на томъ, въ какомъ видѣ этотъ про-

ектъ теперь опубликованъ. Ограниченіе пріема въ повѣренные по вѣроисповѣдному различію, какъ уже было сказано, есть мѣра вполнѣ новая, радикально отличающая проектъ отъ уставовъ 20 ноября 1864 г. Мотивы къ этому новшеству весьма интересны и, если у составителей проекта было по этому поводу разногласіе, то, конечно, тѣмъ болѣе интересно ознакомиться съ доводами противныхъ мнѣній. Изъ примѣчаній къ ст. 4 проекта видно, что одинъ изъ участниковъ былъ противъ введенія какихъ бы то ни было ограничительныхъ правилъ пріема для евреевъ (въ матеріалахъ нѣсколько разъ повторено, что подъ выраженіемъ проекта «нехристіане» должно просто понимать: евреи). Но въ приложеніяхъ къ матеріаламъ этого особаго мнѣнія не находимъ. Соображенія и доводы этого единственнаго защитника непоколебимости основныхъ началъ уставовъ 20 ноября не удостоены такого вниманія. Можно бы подумать, что, такъ какъ опубликованы матеріалы только въ выдержкахъ, то не могло найтись достаточно мѣста для печатанія особыхъ мнѣній. Но дѣйствительность показываетъ другое. Мнѣніе о различіи, которое нужно установить между крещенными и некрещенными евреями, тоже принадлежитъ только одному лицу; однако, оно напечатано. Но, быть можетъ, теперь опубликованы только тѣ мнѣнія, которыя, расходясь въ частностяхъ, одобрены въ принципѣ принятіемъ ихъ въ основаніе тѣхъ или другихъ частей проекта? Оказывается, что и это не такъ. Въ приложеніяхъ опубликовано особое мнѣніе одного только лица, высказавшагося за предоставленіе женщинамъ права получать свидѣтельства на веденіе чужихъ дѣлъ, каковое мнѣніе принципіально отвергнуто составителями. Итакъ, рѣчь идетъ о лишеніи правъ у цѣлой группы лицъ въ составѣ населенія страны, притомъ, лицъ съ дипломами высшихъ учебныхъ заведеній, идетъ объ этомъ рѣчь при пересмотрѣ законодательнаго памятника величайшаго культурнаго значенія, въ которомъ и намека нѣтъ на такое ограниченіе, и мнѣніе того лица, которое стоитъ за неприкосновенность прежняго начала, не удостаивается вниманія настолько хотя-бы, чтобы привести его наряду съ другими особыми мнѣніями. Ну развѣ что-либо подобное мыслимо въ эпоху, когда законодательные акты уже признается нужнымъ опубликовывать во всеобщее свѣдѣніе до ихъ утвержденія въ видѣ предполагаемаго проекта съ мотивами, по отношенію ко всѣмъ, кромѣ евреевъ? «Конечно—говорится въ одномъ мѣстѣ матеріаловъ—не можетъ быть и рѣчи о совершенномъ недопущеніи евреевъ въ среду присяжныхъ повѣренныхъ. Изъ евреевъ есть лица безупречныя въ нравственномъ отношеніи, дѣятельность коихъ не подаетъ поводовъ къ какимъ-либо нареканіямъ». Вотъ-вотъ, начинаетъ казаться, въ этомъ мѣстѣ, разумъ беретъ свое надъ всѣми преградами и переводитъ разсужденіе на единственно возможную въ данномъ вопросѣ почву индивидуальной оцѣнки дѣятелей

по лицамъ, а не суммарно по вѣрѣ или племени. Ничуть не бывало. Тотчасъ за этимъ мѣстомъ слѣдуетъ иное: опасность-де представляетъ не наличность въ составѣ присяжныхъ повѣренныхъ отдѣльныхъ членовъ еврейскаго исповѣданія, но появленіе такого количества, которое, тлетворно вліяя, и т. д. и т. д. Вѣдь пока уровень воззрѣнія стоитъ на той точкѣ, что евреи по племеннымъ своимъ качествамъ не могутъ оказаться для христіанской среды ни при какихъ условіяхъ безупречными въ нравственномъ отношеніи, до тѣхъ поръ еще можетъ разумъ мириться съ огульными обвиненіями въ зловредныхъ наклонностяхъ и предосудительныхъ, развращающихъ всю атмосферу дѣйствіяхъ. Но когда уже разумъ дожилъ до такого пониманія людей, что онъ ничего человѣческаго не можетъ ни для одного изъ нихъ признавать чуждымъ, тогда признаніе цѣлой національности, цѣлой группы людей виноватыми въ порокахъ и безнравственности, развращающихъ все, приходящее съ ними въ соприкосновеніе, есть логическій абсурдъ.

Провѣряя совокупность всѣхъ высказанныхъ нами соображеній относительно ограничительныхъ мѣръ о евреяхъ, вносимыхъ въ проектъ, можно задаться вопросомъ: да не есть ли это желаніе разрѣшить пресловутый еврейскій вопросъ на основаніи нѣсколькихъ избитыхъ (у насъ именно —избитыхъ!) положеній о равенствѣ всѣхъ людей, о политическихъ послѣдствіяхъ христіанскаго ученія о прощеніи грѣховъ и еще нѣсколькихъ такихъ же положеній? Вовсе нѣтъ. Рѣчь здѣсь не объ еврейскомъ вопросѣ въ его такъ называемомъ грозномъ объемѣ. Здѣсь вопросъ о значеніи умственнаго просвѣщенія и о правахъ, съ нимъ связанныхъ. Вопросъ этотъ поставленъ ребромъ по поводу евреевъ, окончившихъ высшія учебныя заведенія, но рѣшеніе его противъ евреевъ есть тягчайшій приговоръ надъ результатами нашего просвѣщенія вообще. Доколѣ евреи почитались надѣленными отъ природы свойствами, несовмѣстимыми съ требованіями высшей морали, нельзя было и просвѣщенію ставить въ вину то, что оно ихъ не могло въ этомъ отношеніи преобразить, какъ нельзя винить университеты за то, что евреи выходятъ изъ нихъ съ такими же курчавыми волосами и орлиными носами, съ какими они въ нихъ поступили. Но коль скоро считается уже, что «нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ присяжныхъ повѣренныхъ изъ евреевъ есть лица безупречныя въ нравственномъ отношеніи», немыслимо относить къ винѣ ихъ племени то, что университеты не сдѣлали ихъ лучшими, чѣмъ каковы они по своимъ племеннымъ свойствамъ. Для того, кто не любитъ курчавыхъ волосъ и орлинаго носа, носители этихъ чертъ не станутъ, конечно, милѣе отъ того, что они прошли университетскій курсъ; даже, можетъ быть, наоборотъ. Но это дѣло вкуса и чувствъ. Еслибы законодатель нашелъ удобнымъ руководствоваться въ своихъ мѣропріятіяхъ чувствами этой части гражданъ, то онъ бы это сдѣлалъ въ формѣ,

соотвѣтствующей такому намѣренію, а именно сказалъ бы: лишаются права на то-то и то-то лица съ курчавыми волосами и орлиными носами. Но когда онъ говоритъ, что лишаются этого права лица, правительствомъ же удостоенныя диплома высшаго образованія, потому что они обладаютъ нравственными свойствами, тлетворно вліяющими и т. д., то тутъ приговоръ надъ ними есть неизбѣжно приговоръ и надъ просвѣщеніемъ. Во избѣжаніе недоразумѣнія, надо сказать, что правильное отношеніе къ воспитательному значенію просвѣщенія вовсе не требуетъ, чтобы каждаго, получившаго университетскій дипломъ, считали нравственно безупречнымъ. Требуется только одно: чтобы по отношенію къ этимъ лицамъ была презумпція, что каждый, прошедшій образованіе до высшей школы включительно, изъ нея вышелъ, благодаря этому, свободнымъ, по крайней мѣрѣ, отъ тѣхъ низшихъ нравственныхъ качествъ, съ которыми человѣкъ даже при бдительномъ контролѣ за его поведеніемъ все-же морально тлетворенъ для окружающаго. По отношенію къ евреямъ проектъ исходитъ изъ противоположной презумпціи и въ то-же время признаетъ, что они подъ вліяніемъ образованія могутъ освободиться безъ остатка отъ племенныхъ чертъ своего нрава; слѣдовательно, вина въ противномъ должна пасть на самое просвѣщеніе. Просвѣщеніе, не могущее справиться со своей задачей настолько, чтобы исключить подобную презумпцію относительно лицъ, его вкусившихъ,—что это за просвѣщеніе! Или, вѣрнѣе, каковы въ такомъ случаѣ культурныя упованія, которыя вообще смогутъ осуществиться чрезъ просвѣщеніе?

Въ данномъ случаѣ вопросъ не объ евреяхъ вообще, а объ евреяхъ, получившихъ высшее образованіе, притомъ, вопросъ не о томъ, чего можно отъ нихъ ожидать, а только о томъ, чего безъ прямыхъ доказательствъ противнаго отъ нихъ не слѣдуетъ ожидать. И если бы доказательства мнимой надобности въ принятіи ограничительныхъ мѣръ противъ нихъ были диктованы разумомъ, а не чувствами, то полная несостоятельность этихъ доказательствъ была бы очевидна для всякаго съ перваго взгляда. Вѣдь—нельзя перестать повторять этого—рѣчь тутъ о томъ лишь, чтобы не руководствоваться традиціонными предположеніями, а примѣнять требованія одной и той же справедливости къ лицамъ одной и той же категоріи. Рѣчь вѣдь не о томъ даже, чтобы признать принципіально въ еврейскомъ народѣ, какъ цѣломъ, такую или такую-то часть пригодною для занятія профессіею, на поприщѣ коей представители его заслуживали не разъ полное одобреніе, а о томъ лишь, чтобы въ учрежденіи, которое принимаетъ въ свой составъ не иначе, какъ провѣркою индивидуальныхъ качествъ каждаго претендента, евреи подвергались провѣркѣ въ тѣхъ самыхъ качествахъ, какія испытываются у всѣхъ другихъ претендентовъ. Здѣсь вопросъ стоитъ уже, чѣмъ при требованіи гражданскаго равноправія. Равноправіе подразумѣваетъ право на то, чтобы

происхожденіе и религія гражданина были игнорируемы при занятіи имъ должностей или профессіи, каковы бы ни были личныя его качества. Здѣсь же вопросъ сводится къ тому, чтобы дозволили еврею наравнѣ съ другими доказывать обладаніе извѣстнаго рода качествами. Чего можно тутъ бояться? Если еврей не способенъ обладать этими качествами, онъ не выдержитъ испытанія; если же онъ окажется ими обладающимъ, то что же потеряетъ корпорація адвокатовъ отъ поступленія въ нее еще одного члена «безупречнаго въ нравственномъ отношеніи»?

Новыя правила, притомъ, въ отношеніи принятія въ присяжные повѣренные содержатъ во себѣ одно, усиливающее контроль прокуратуры и судебныхъ палатъ. А именно: прокурорамъ предоставляется опротестовать всякое постановленіе совѣта о принятіи новаго члена корпораціи, такъ что отказать въ принятіи можетъ самостоятельно совѣтъ, а для принятія въ составъ корпораціи одобренія совѣта еще не достаточно. Слѣдовательно, для принятія производится, такъ сказать, пропусканіе каждаго претендента чрезъ двойное сито корпоративнаго и судебнаго контроля.

Когда въ 1882 г. въ числѣ другихъ мѣръ, принятыхъ послѣ еврейскихъ погромовъ, была и такая, которая гласитъ: воспретить евреямъ производить торговлю въ воскресные дни и двунадесятые христіанскіе праздники,—то смыслъ этой мѣры объяснялся условіями среды, въ огражденіе интересовъ которой она предпринималась. Тутъ имѣлись въ виду исключительно лавочники; среди же лавочниковъ, конечно, есть много такихъ, которые не имѣли возможности получить иного воспитанія, какъ то, какое даетъ лавка, т. е., съ понятіями объ исполненіи требованій христіанства болѣе въ его обрядовой сторонѣ и, притомъ, настолько, насколько оно не идетъ въ ущербъ матеріальнымъ интересамъ; готовымъ же ущербомъ матеріальнымъ, по этимъ понятіямъ, почитается всякій заработокъ сосѣда. Отъ этого въ результатѣ получилась запретительная мѣра для предупрежденія одного изъ поводовъ раздраженія противъ конкурентовъ, которая приведена въ связь съ христіанскими требованіями, а для евреевъ, которые, хотя и безъ приказанія, не торгуютъ по субботамъ, влечетъ за собою закрытіе лавки на два дня въ недѣлю. Послѣднее у раздраженнаго конкурента вызываетъ только одно замѣчаніе: тѣмъ лучше. Но вѣдь это мораль лавки и только для лавочниковъ ее можно связать съ требованіями христіанства.

Не лишне, кажется, указать еще и на то, что внесеніе ограничительныхъ мѣръ въ узаконенія такого рода, какъ учрежденіе сословія адвокатовъ, врядъ-ли можетъ быть отнесено къ условіямъ, морализующимъ это сословіе. Мѣры эти вѣдь прямо поддерживаютъ ту языческую гордыню, которая возвеличеніе себя ищетъ не собственнымъ совершен-

свованіемъ, а униженіемъ окружающаго. Надо также думать, что несравненно болѣе будетъ содѣйствовать укрѣпленію дѣйствительно христіанскихъ идеаловъ въ адвокатской средѣ отличіе узаконеній объ ней въ этомъ отношеніи отъ узаконеній другихъ вѣдомствъ, чѣмъ внесеніе ограничительныхъ оговорокъ. Эти оговорки лишь укрѣпляютъ «еврейское» плѣненіе умовъ и въ средѣ адвокатской. Что касается гордыни, то для образованныхъ людей у насъ имѣется любопытный примѣръ того, чего они для собственнаго достоинства должны особенно избѣгать при сопоставленіи въ мысляхъ себя съ другими гражданами. Въ прошломъ еще столѣтіи и въ законодательствѣ и въ литературѣ для обозначенія простого народа былъ употребителенъ терминъ «подлый» народъ, а языкъ его назывался «подлымъ» языкомъ. Теперь всякій образованный человѣкъ навѣрно по этому поводу только краснѣетъ за своихъ предковъ. Но почему, спрашивается, перестали говорить въ такомъ тонѣ о нижестоящихъ? Оттого, прежде всего, что перестали такъ о нихъ въ сравненіи съ собою думать. Отчего же перестали такъ думать? Конечно, не отъ того, что теперь нѣтъ нижестоящихъ, а только отъ того, что вышестоящіе и пользующіеся передъ другими преимуществами стали сами просвѣщеннѣе.

Есть, наконецъ, и еще одна сторона въ этомъ вопросѣ. Неужели-же не приходитъ въ голову подумать о томъ, что ограничительныя оговорки содержатъ въ себѣ горечь для тѣхъ десяти процентовъ, которыхъ готовы признать за безупречныхъ въ нравственномъ отношеніи? Каково образованному человѣку съ безупречною нравственностью думать, что онъ въ своемъ положеніи подвергается учету по какимъ-то процентнымъ правиламъ, точно исцѣлившійся отъ заразы, что его принимаютъ въ извѣстную среду только какъ сносную часть неизбѣжнаго зла? Слѣдовало бы подумать: это одно—что за пытка, пытка людей за нѣчто, въ чемъ они не повинны. Или, быть можетъ, полагаютъ, что этихъ людей подвергать пыткѣ можно, если только пытать по-человѣчески?..

А. Гольденвейзеръ.

* * *

I.

Сулитъ блаженство, но не счастье,
Влюбленный взоръ твоихъ очей.
Въ немъ нѣтъ любви, въ немъ нѣтъ участья;
Ты дашь блаженство, но не счастье,—
Лобзаній жадныхъ сладострастье
Во тьмѣ удушливыхъ ночей.
Сулитъ блаженство, но не счастье,
Ревнивый взоръ твоихъ очей.

II.

Лови крылатыя мгновенья,
Они блеснутъ—и отзвучатъ.
Не для любви, для вдохновенья
Лови крылатыя мгновенья,—
Мы ищемъ бездну для забвенья,
Намъ для восторга нуженъ адъ.
Лови крылатыя мгновенья
Они блеснуть и отзвучатъ.

М. Лохвицкая.

Туртель-муртель.

Разсказъ.

Можетъ быть, это искаженное экарте... А, впрочемъ, чортъ его знаетъ, что это такое—мы не филологи.

Изъ разговора съ провинціаломъ.

I.

Въ большой комнатѣ, съ низкимъ потолкомъ и обоями неопредѣленнаго цвѣта, около ярко горѣвшихъ ламп, съ страшно-раскаленными стеклами, сидѣло за круглымъ столомъ человѣкъ десять. Каждый держалъ по картѣ въ рукѣ, пристально и сосредоточенно смотрѣлъ на нее и чего-то ждалъ. Старый полицейскій чиновникъ въ растегнутомъ мундирѣ, съ узенькими погонами на плечахъ, металъ банкъ. Онъ точно также былъ сосредоточенъ и углубленъ въ карты, бралъ одну колоду, потомъ другую и третью. Деньги лежали кучками—рублевыя и трехрублевыя бумажки. Отъ времени до времени молча жадно протягивались руки, и потомъ лицо выигравшаго озарялось на минуту блѣдной улыбкой, между тѣмъ какъ глаза сосѣдей ревниво впивались въ него. Клубился табачный дымъ. Окна, выходившія въ садъ, были раскрыты настежъ: это происходило лѣтомъ, въ концѣ іюля, въ мѣстечкѣ Кулиничахъ.

И домъ, и садъ стояли надъ рѣкою, по ту сторону которой разстилалась даль, уже сильно затуманенная вечернимъ паромъ. Звѣзды блестѣли на небесахъ, и огни дальнихъ костровъ тоже мерцали на горизонтѣ, какъ звѣзды.

Мальчикъ или молодой человѣкъ,—можетъ быть ему было лѣтъ 15 или 20, въ такомъ онъ былъ переходномъ возрастѣ, такъ неопредѣленны были черты его лица и фигуры и такой-же переходный костюмъ былъ на немъ—сидѣлъ у одного изъ раскрытыхъ оконъ и то

смотрѣлъ на играющихъ, внимательно прислушиваясь къ ихъ отрывистымъ замѣчаніямъ, то задумчиво переводилъ взглядъ и вперялъ его въ эту нѣмую даль, таинственную, загадочную, манившую его къ себѣ, можетъ быть, какъ контрастъ съ тѣмъ, что онъ видѣлъ вокругъ себя. У него были темные, тревожные, временами странно-сверкавшіе глаза.

— Ваня!—сказалъ полицейскій чиновникъ, обращаясь къ молодому человѣку.—Что, мать приготовила закуску? Ступай!

— Сейчасъ, папаша.

Онъ всталъ и такой онъ былъ высокій и тонкій. Голову держалъ нѣсколько понуривъ. Въ походкѣ его не было увѣренности. Онъ шелъ вяло, но на порогѣ, выходя изъ комнаты, оглянулся.

— Ну, что тебѣ надо? Чего смотришь? Что ты хочешь сказать?—раздражительно спросилъ отецъ, который только что проигралъ деньги.

— Я ничего... такъ,—сказалъ мальчикъ и ушелъ.

Надо было пройти гостиную, въ которой не было свѣта. Онъ ощупью дотронулся до стола. Лампа зазвенѣла.

— Не разбей тамъ ничего! Экій пентюхъ, съ позволенія сказать!—крикнулъ полицейскій чиновникъ и потомъ, когда сынъ уже не слышалъ его словъ, онъ продолжалъ кричать, обращаясь больше къ гостямъ.—Наказалъ Господь. Этакая дубина выросла, и представьте, вотъ сидитъ на шеѣ! Не знаю, что съ нимъ дѣлать... въ писцы опредѣлить. Силъ моихъ нѣтъ. Ничего поручить нельзя.

— Да оставьте, Николай Павловичъ, оставьте,—успокоительно замѣтилъ сосѣдъ.—Ну, чего тамъ! Отличный мальчикъ... дай Богъ каждому имѣть такого сына. Болѣзненный... вялый. А все пройдетъ.

— Да, но лучшіе годы упущены...

— Берегите; карта бита.

Николай Павловичъ вздрогнулъ и на его пожиломъ лицѣ, съ поразительно черными, впрочемъ, какъ всѣмъ было извѣстно, крашеными усами, пробѣжала судорога сдерживаемаго гнѣва и, можетъ быть, того страстнаго отчаянія, которое испытываютъ только картежники. Онъ забылъ о сынѣ и съ горемъ смотрѣлъ, какъ земскій начальникъ Инвалидовъ придвинулъ къ себѣ нѣсколько пачекъ рублей.

Между тѣмъ Ваня вошелъ въ спальню матери. Она лежала на постели. У нея болѣла голова. Лампадка, теплившаяся въ углу, передъ нѣсколькими иконами, въ числѣ которыхъ были и «благословенія», съ вѣнчальными свѣчами подъ стекломъ, озаряла ея лицо мигающимъ краснымъ свѣтомъ. Глаза были опущены.

— Ну?—спросила она, не поворачивая головы.—Что тебѣ, Ваня?

— Отецъ прислалъ сказать, что надо закуску приготовить.

— Все съѣли уже. Поздно посылать, и куда? Вѣдь, неловко все въ домъ брать. Самъ знаешь, на отца и безъ того косятся. Сколько

доносовъ! И въ газетахъ ужъ печатали... Эти карты съума меня сведутъ. Новая игра какая-то, не правда-ли?

— Туртель-муртель.

Прасковья Михайловна простонала точно отъ зубной боли.

— Ахъ, силъ моихъ нѣтъ,—произнесли она.—Туртель-муртель... ужасно.

— Но что-же дѣлать, мама? Они жрать хотятъ.

— Ступай къ Машѣ и скажи, чтобы она тамъ чего-нибудь нашла въ кладовой. Есть еще кусокъ сала. Пусть нарѣжетъ и подастъ. Все равно, съѣдятъ. И водку чтобъ подала.

— Отецъ будетъ недоволенъ.

— Недоволенъ?—вскричала Прасковья Михайловна и внезапно поднялась на постели. — Гдѣ моя шляпка? Подай кофточку! Помоги. Спасибо. Такъ скажи отцу,—возбужденно проговорила она:—что я ухожу изъ дому совсѣмъ. Куда я пойду—не говори. Къ Аглаѣ Павловнѣ. Тамъ нѣтъ раззоренія. Мужъ Аглаи Павловны получаетъ по крайней мѣрѣ вдвое меньше, чѣмъ Николай Павловичъ, а какъ у нихъ хорошо! А все потому что нѣтъ картъ. Туртель-муртель... Нѣтъ, не удерживай! Я не въ состояніи выносить, умру!

— Мамочка, не въ первый разъ. Это давно. Подожди, и я съ тобой. Пускай отецъ распоряжается какъ знаетъ.

— Ваня, милый! Не хочешь оставлять меня одну?..

— Видишь, мамочка, поздно ужъ теперь къ Аглаѣ Павловнѣ идти, а давай лучше прогуляемся. Выйдемъ въ садъ, да къ рѣкѣ. Тамъ такъ хорошо... ты не можешь представить себѣ, какъ хорошо! Столько звѣздъ и ни одной тучки на небесахъ. У меня грудь разболѣлась отъ дыма и, вообще, такое напряженное состояніе въ домѣ. Насколько я понялъ, отецъ проигралъ всѣ деньги, которыя привезли урядники.

— Казенныя деньги! Своихъ не было. Въ прошломъ мѣсяцѣ онъ тоже проигралъ всю недоимку.

— Но отыгрался,—тономъ надежды сказалъ Ваня.

— Онъ былъ счастливъ, а ужъ теперь не везетъ! Ну, уйдемъ скорѣй, скорѣй! Чувствую, что не сегодня—завтра надъ нами стрясется страшная бѣда. Знаешь, у меня чуткіе нервы, я всегда этимъ отличалась. Передъ тѣмъ, какъ умерла наша Нюточка, я мѣсяца за два стала скучать и тосковать. Сама не знаю, что со мной было. Помнишь? А вѣдь, совсѣмъ здоровенькая была и глаза такіе ясные...

— Многія женщины предчувствуютъ,—пояснилъ Ваня.

Прасковья Михайловна сдѣлала движеніе къ сыну, тотъ наклонилъ голову и она поцѣловала его въ лобъ.

— Умница. Пусть отецъ нападаетъ на тебя. Я не вѣрю его характеристикамъ. Поэтическая душа. Онъ не понимаетъ тебя, Ваня!

— Пойдемте.

— Хорошо, но знаешь, Ваня, гулять такъ гулять до зари. Стой! Захвачу папиросы. Еще не куришь, Ваня?

— Нѣтъ.

— Не кури, хотя это такъ утѣшаетъ въ горѣ.

— Зато я, должно-быть, пьяницей буду,—объявилъ Ваня.

— Что ты! Какъ можно такъ говорить!

— Право, мамочка, по временамъ такую чувствую наклонность. Такъ-бы и влилъ цѣлый стаканъ и забылся-бы. Не хорошо, что я забыться не могу.

— Не огорчай меня, ради Бога, не огорчай!—со слезами заговорила Прасковья Михайловна.

II.

Тишина, до сихъ поръ царившая въ домѣ, была нарушена. Поднялся страшный крикъ. Это спорили изъ-за картъ. Громче всѣхъ раздавался голосъ Николая Павловича.

— Отецъ можетъ выигралъ,—сказалъ Ваня.

— Ну, тѣмъ лучше... Все равно, уйдемъ.

— Нѣтъ, ему все-таки везетъ,—веселѣе произнесъ Ваня.

— Да, да... Но не сегодня—завтра. Этого не избѣжать, пока онъ не броситъ, — шепотомъ сказала Прасковья Михайловна и вышла черезъ заднее крылько въ садъ. Сынъ шолъ рядомъ съ ней.

Они повернули въ низкую аллею, состоявшую изъ густыхъ, разросшихся кустовъ сирени, и молча обогнули кругъ, въ которомъ были посѣяны и плохо взошли цвѣты, распространявшіе слабый ароматъ въ воздухѣ. Садъ былъ маленькій, онъ скоро кончился. Они очутились надъ обрывомъ. Налѣво все еще не погасла вечерняя заря. Она разливалась желтымъ удлиненнымъ пятномъ надъ рѣкой и тускло отражалась въ ней. Изъ-за рѣки, изъ того туманнаго далека, гдѣ мерцали костры, неслись отголоски унылой пѣсни.

Нѣкоторое время мать и сынъ молчали.

— Мама, неправда-ли? Смотри, это просто ужасъ сколько звѣздъ. Я часто думаю о нихъ и всегда радъ, когда бываютъ такія ночи. Ахъ, я несчастный человѣкъ.

— Ну зачѣмъ-же!—воскликнула Прасковья Михайловна и схватила руку сына.—Ты только начинаешь жить!

— Ахъ, я нигдѣ не кончилъ курса.

— Но, и отецъ твой не кончилъ курса, а вышелъ въ люди.

— Ну, мама, я не нахожу, что быть полицейскимъ чиновникомъ значитъ быть человѣкомъ. Мало.

— Однако, какъ-же ты смѣешь такъ говорить объ отцѣ, Ваня! Конечно, онъ играетъ и разоряетъ насъ, но ты обязанъ ёму. Какъ никакъ, ты одѣтъ, все на тебѣ отцовское и все, что ты знаешь отцовское.

— Мама, я ничего не знаю. Все равно, еслибы отецъ и не дѣлалъ того, что онъ дѣлаетъ теперь... все равно... Все это компромиссы. Повѣрь, мама, мнѣ было страшно больно читать эту корреспонденцію объ отцѣ. Не прямо названъ, но всѣ знаютъ, что это объ отцѣ, и сразу догадались. Я тогда зашелъ сюда, на это самое мѣсто, и рыдалъ, какъ маленькій. Отецъ сердился, говорилъ, что будетъ жаловаться, что привлечетъ къ суду, но какъ-же можно привлекать, когда будетъ подтверждено, что это не клевета? И самое угнетающее для меня это то, что я читаю книжки и кажусь себѣ даже развитымъ человѣкомъ, достаю журналы, нахожу тамъ благородныя мысли и самъ понимаю, почему онѣ благородны. И въ то-же время я понимаю, что для практической жизни, для борьбы за существованіе я неспособенъ и не буду способенъ. Нѣтъ у меня никакого особеннаго таланта. Что-жъ, что я стихи пишу? Вѣдь, очень плохи, ни въ одной редакціи не печатаютъ. Музыкантъ я тоже... Въ душѣ чувствую, а какъ стану пальцами перебирать, ничего не выходитъ.

— Ты еще такъ молодъ. Присядемъ, Ваня. Я устала. На скамеечку. Какая сырость, однако.

— Я постелю тебѣ свое пальто, мама.

— А главное, ты получилъ это въ наслѣдство отъ меня,—не то съ уныніемъ, не то съ гордостью произнесла Прасковья Михайловна.— Когда я была дѣвушкой, то такъ любила мечтать и ко мнѣ въ родительскомъ домѣ относились всѣ почти такъ-же, какъ къ тебѣ. Думала-ли я, что буду женой становаго? Куда, все равно, это прошлое. Теперь всѣ мои мечты о тебѣ. Молюсь о тебѣ и моя молитва будетъ услышана. Не отчаявайся, Ваня, въ тебѣ столько задатковъ, они не заглохнутъ. Только воли нужно немножко, воли, Ваня, больше воли!

III.

— Воля есть воля,—началъ Ваня,—то-есть хотѣніе, принужденіе себя къ чему-нибудь и воля тоже—свобода. Мнѣ и то и другое надо. Я читалъ гдѣ то, что вотъ если я стану смотрѣть кому-нобудь въ затылокъ, то онъ хоть и не знаетъ, что я смотрю, а обернется. Это волей достигается. А у меня воли нѣтъ, потому что я смотрѣлъ-смотрѣлъ на Инвалидова, все хотѣлъ, чтобъ онъ проигралъ, а онъ не проигралъ.

— Это ужъ къ магнетизму относится.

— Ну магнетизмъ... одно и то же. Есть-же объ этомъ огромныя изслѣдованія. Какое счастье узнать все!

— А свобода зачѣмъ тебѣ, Ваня?

— Какъ-же зачѣмъ, мамочка? Мнѣ свобода нужна,—съ убѣжденіемъ сказалъ молодой человѣкъ.

— Что ты подразумѣваешь подъ свободой? Развѣ тебя стѣсняютъ дома? Тебѣ все предоставляютъ, что только въ нашихъ силахъ. Хочешь утромъ гулять—гуляешь, на охоту ходишь, въ гостяхъ бываешь. Вонъ, напримѣръ, у Зайцевыхъ бываешь и даже не говоришь, что къ нимъ ходишь.

— Неужели моя жизнь — свобода? — съ огорченіемъ вскричалъ Ваня.—Еще-бы недоставало, чтобы меня на привязи держали. Съ своею волею-то вотъ смотри цѣлыя сутки на круглый столъ, гдѣ идетъ туртель-муртель или драгомировскій винтъ съ разными присыпками и курочками. Или слушай какъ каждый день являются урядники, какъ отецъ диктуетъ письмоводителю бумаги, да и меня заставляетъ писать: отъ выше писаннаго числа за номеромъ такимъ-то... И всѣ эти гости, которые у насъ бываютъ и у которыхъ я бываю... Свобода? Я напередъ знаю, что они скажутъ и какъ улыбнутся, и почему улыбнутся, и какіе зубы покажутъ. Нѣтъ! Свобода — деньги. О, еслибъ деньги у меня были! Еслибъ тѣ деньги, о которыхъ ты разсказывала, что твой дѣдъ зарылъ подъ старой липой въ ожиданіи француза. И забыть про нихъ!

— Да, представь себѣ, забылъ! Не могъ найти. Но что говорить объ этомъ!—сказала Прасковья Михайловна со вздохомъ.—Можетъ быть и денегъ-то немного было. Тогда на ассигнаціи считали. На нашъ счетъ немного выйдетъ.

— Но сколько-же онъ зарылъ?

— Можетъ быть тысячи три...

— Мама, раньше ты говорила съ такой увѣренностью? Вѣдь не солгалъ-же дѣдъ!

— О нѣтъ, онъ былъ правдивый человѣкъ. И отецъ мой былъ правдивъ. Я отъ отца слыхала.

— Но скажи, пожалуйста, какъ же, зная, что деньги въ усадьбѣ, продавать имѣнье? Слѣдовало бы перерыть все рѣшительно и тогда уже продать. Представь, что кто-нибудь найдетъ теперь, хотя бы теперешній владѣлецъ... Ну, каково мнѣ будетъ? Я не выдержу этого, мамочка, я наложу на себя руки.

— Не фантазируй, Ваничка, это не хорошо. Мало-ли предки наши чѣмъ владѣли! Отецъ разсказывалъ, что въ старину мы были князьями.

— Князьями, мамочка?

— Это ужъ судьба такая.

— Я понимаю, историческіе законы... Но мнѣ-то отъ нихъ не легче, мнѣ безконечно тяжелѣе отъ этихъ историческихъ законовъ. Можетъ быть, оттого я такъ сознаю въ себѣ свою подавленность, болѣз-

ненно чувствую свое человѣческое достоинство. И отъ того мнѣ такъ тяжела моя обстановка. Инстинктъ. Но вотъ деньги бы, деньги. Напрасно думаешь, мамочка, что я только къ вину склоненъ.

— Я вовсе этого не думаю. Ты на себя самъ...

— Ну положимъ, я чувствую, есть. Но и къ игрѣ большая наклонность. Только не съ этими господами. Я увѣренъ, что они всѣ противъ отца,—въ особенности рыжій, котораго привезъ съ собой земскій начальникъ. Цѣпочка какъ у цѣпной собаки, и онъ ею гремитъ. Совсѣмъ арестантъ. И стриженной низко-низко. Вотъ онъ выигрываетъ много денегъ, но я увѣренъ, что потомъ дѣлится со всѣми. Воля... Напримѣръ, если бы у меня была воля, я крикнулъ бы: «Мошенники вы всѣ!» Отецъ меня, правда, отдулъ бы: ужъ не пожалѣлъ бы кулаковъ.

Темный сводъ небесъ быстро прорѣзала падучая звѣздочка, оставивъ послѣ себя на мгновеніе лучезарный слѣдъ. Это была точно горючая слеза.

— Прелесть! Ты замѣтила?

— Ваня!—начала Прасковья Михайловна,—а на что тебѣ деньги? Ты что бы съ ними сталъ дѣлать?

— Что бы я сдѣлалъ съ деньгами? Во первыхъ, я сейчасъ уѣхалъ бы. Я дня не остался бы здѣсь. И прямо въ большой городъ. Тамъ я нанялъ бы себѣ комнатку, обзавелся бы книгами и черезъ годъ выдержалъ бы экзаменъ. Все же я прошелъ шесть классовъ. Это было бы нетрудно при добромъ усиліи и тогда ни о чемъ больше не думаешь, ничего не стыдишься и не боишься. Получилъ бы аттестатъ и... ты думаешь—въ университетъ? Нѣтъ, я хотѣлъ бы инженеромъ быть. Мнѣ нравится строить мосты и желѣзныя дороги. Я когда мечтаю, мамочка, то всегда воображаю себя инженеромъ. И все бы такое строилъ солидное, геніальное—чтобы весь міръ удивлялся.

— А стихи писалъ бы?

— Я стихи отъ бездѣлья пишу. У меня нѣтъ таланта. Стихи это только признакъ, что душа не пустая... И мнѣ бы хотѣлось непремѣнно быть такимъ инженеромъ, чтобы пріѣхать потомъ сюда—чтобы это скоро было, мамочка, лѣтъ черезъ пять или десять—и всѣхъ удивить! И всѣ эти господа, которые такъ унижаютъ меня и моего отца своимъ соболѣзнованіемъ, стали бы за мною ухаживать, льстить мнѣ. А я привелъ бы ихъ на свой мостъ и сбросилъ бы по одному въ воду, въ воду, въ воду,—сердито проговорилъ Ваня и нервно расхохотался.

— Все умныя вещи говорилъ, а закончилъ глупостью,—строго произнесла Прасковья Михайловна.—Непріятно, что ты до сихъ поръ говоришь глупости.

— Глупости? А скажи, мама, къ тебѣ не приходитъ никогда—вотъ

когда ты смотришь на звѣзды и, вообще на природу —какая-то необыкновенная тоска? Просто не знаешь, что бы съ собой сдѣлалъ. И когда начинаютъ падать звѣздочки, неправда-ли, что это небо плачетъ—и тоже отъ тоски, отъ ужаса передъ нашей пошлостью! Какъ же не сбросить въ воду? И я знаю всѣ ихъ продѣлки, всѣ низости. Инвалидовъ кричитъ о томъ, что онъ дворянинъ, что у него честь, а онъ нечестный. Я не противъ дворянства, а тѣмъ болѣе мнѣ ненавистно, что онъ такъ унижаетъ дворянство. Предводитель развѣ не говорилъ, что это нашъ позоръ? Помнишь, въ прошломъ году?.. А вдругъ самъ выступилъ въ защиту Инвалидова. «Нѣтъ,—говоритъ,—мнѣ его жаль»? А почему? Потому что у Инвалидова хорошенькая жена.

— Ваня, Ваня!

— Но, мама, я понимаю... А мужики совсѣмъ не хотятъ никакихъ школъ—все выдумываютъ въ газетахъ—имъ не нужно считать и читать. Они хотятъ, чтобъ податей съ нихъ поменьше брали. Они готовы были бы совсѣмъ ничего не платить и смотрятъ вотъ на этихъ господъ, которые тамъ упражняются въ обыгрываніи отца, съ такой ненавистью, какъ будто они покоренные. а это ихъ побѣдители и угнетатели. Ничего гражданскаго, никакой общественности. Тоска и мерзость. Вонъ—небо заплакало опять.

— Послушай, Ваня, мы съ тобой совсѣмъ какъ дѣти какія! И я тоже хороша! Старуха, сижу съ тобой, ушла изъ дому.

— А худо здѣсь?

— Не худо, а только ты на меня наводишь уныніе, Ваничка! Я боюсь, когда ты такъ разсуждаешь. Что изъ тебя выдетъ, въ самомъ дѣлѣ? Какъ бы не вышелъ...

— Соціалистъ? Мамочка, изъ другого я тѣста. Я съ широкимъ горизонтомъ. Но это пустое. Вѣдь, не въ соціализмѣ дѣло, а въ томъ, чтобъ взять да и...

Онъ не договорилъ и, какъ недавно нервно смѣялся, такъ теперь нервно всхлипнулъ. Слезы катились по его лицу. Прасковья Михайловна наклонилась и стала обнимать его голову. Лицо у него было мокрое. Онъ вырывался.

— Не обнимай мама! Нѣтъ я не стою участія.

IV.

Такъ сидѣли они и волновались, разговаривали, обнимались, обмѣнивались полусловами и въ глубинѣ души казались другъ другу больными, жалкими, и каждый вѣрилъ, что онъ сильнѣе другого. Находя облегченіе во взаимномъ участіи, они въ то же время думали, что поддерживаютъ другъ друга,—мать, отдавая сыну свое сердце, сынъ ста-

раясь быть съ матерью откровеннымъ, насколько это было въ его силахъ, потому что, хотя онъ и былъ недорослемъ, но считалъ себя выше ея.

Между тѣмъ ночь совсѣмъ стала темной и даже та полоска зари, которая растягивалась по горизонту надъ рѣкою, совсѣмъ погасла. Погасли костры. Звѣзды стали ярче, тревожнѣе, и то и дѣло скатывались по небосклону. Наступила минута, когда оба, и мать, и сынъ, смолкли, уставши отъ обмѣна чувствъ и взаимныхъ утѣшеній. Все молчало кругомъ. Сколько ужъ времени просидѣли на этой скамейкѣ, они не могли опредѣлить. Должно быть сидѣли давно. Можетъ быть, туртель-муртель уже кончился и Николай Павловичъ, раздосадованный тѣмъ, что «въ домѣ никого нѣтъ и никто на него не обращаетъ вниманія», ходитъ теперь по пустымъ комнатамъ—гости уже ушли—смотритъ на загаженный полъ, на изломанныя карты, на чадящія лампы и вслухъ проклинаетъ жизнь, по обыкновенію, восклицая:

«Боже, Боже, какой я несчастный человѣкъ! Есть-ли такой другой въ мірѣ несчастный?»

При этомъ онъ, конечно, проигралъ деньги: лучше думать о томъ, что онъ проигралъ! Худое надо предполагать всегда скорѣе.

Въ воздухѣ жалобно прогудѣлъ колоколъ. За нимъ послѣдовалъ второй ударъ и третій.

— Три часа?

— Погоди.

Опять колоколъ ударилъ три раза, послѣ промежутка, и было уже ясно, что это набатъ. И въ самомъ дѣлѣ, за садомъ вздрогнуло зарево.

— А я думала, что заря. Я думала, что какъ же это: она, вѣдь, была тутъ. Ахъ, гдѣ же горитъ?

Ваня уже вскочилъ, трепеща всѣмъ тѣломъ, и даже зубы у него стучали.

Съ каждой секундой зарево разгоралось и, при свѣтѣ его Прасковья Михайловна замѣтила, какъ страшно блѣденъ былъ Ваня. Но такъ-же блѣдна была и она.

— Уже давно, Ваня! Я вотъ смотрю, что заря-то странная какая! Ужъ я думаю, съ полчаса... Пойдемъ. И-шь, искры!

Но это были не искры, а голуби, которые кружились надъ пожаромъ. Набатъ раздавался все громче. Другая колокольня подхватила его грозные призывы и повторяла въ отдаленіи, и тотъ набатъ казался эхомъ.

— Ваня, что-жъ мы на пожаръ, а тамъ вдругъ отецъ и онъ увидитъ насъ!

— Все равно и завтра увидитъ.

Онъ повелъ мать за руку мимо сада, по самому краю обрыва и

вскорѣ они вышли на улицу. Но горѣло не такъ близко, какъ имъ казалось.

— Это за Петропавловской церковью. Какъ свѣчка стоитъ.

Почти всѣ дома спали, но въ нѣкоторыхъ раскрывались ставни, изъ оконъ выглядывали сонныя и испуганныя лица.

— Гдѣ горитъ?—спрашивали у Вани и Прасковьи Михайловны.

Они возбужденно объясняли, что за Петропавловской церковью. Обгоняя ихъ, бѣжали люди. Они сами ускорили шаги. Запахло въ воздухѣ гарью. Пожаръ разгорался.

— Странно, мама. Отчего я радуюсь, что пожаръ?—прерывающимъ голосомъ спросилъ Ваня.

— Какъ тебѣ не стыдно! Не говори такъ!

— Честное слово, такой восторгъ беретъ. Я чуть не прыгаю. Скорѣй, скорѣй, мама, а то догоритъ и мы всего не увидимъ.

— Послушай, голубчикъ, гдѣ это горитъ?—обратилась Прасковья Михайловна къ мужику, бѣжавшему навстрѣчу.

Онъ только махнулъ рукой.

— Шибко горитъ!

V.

Они прошли мимо Петропавловской церкви, съ колокольни которой гудѣлъ набатъ, а сама она стояла вся бѣлая, и макушки ея сіяли, озаренныя огнемъ,—и очутились на площади. За темными силуэтами лавокъ прыгали широкіе огненные языки. Эти лавки казались точно выкроенными изъ синей сахарной бумаги.

Прасковья Михайловна взглянула на сына.

— Положительно красавецъ,—подумала она.

— Мы прибѣжали изъ первыхъ. Еще бы! Другимъ надо одѣться. Ахъ, какъ хорошо, просто праздникъ!

Перерѣзавъ площадь, они зашли за лавки: горѣли двѣ лачуги.

На улицѣ, озаренной свѣтомъ невѣрнаго пламени, были разбросаны жалкіе пожитки: некрашенные стулья, бѣлый столъ съ шкафикомъ, перина, иконы. Голосила женщина, окруженная дѣтьми. Мѣщанинъ, которому принадлежали обѣ лачуги—въ одной изъ нихъ онъ самъ жилъ, другую сдавалъ и этимъ кормился, — стоялъ въ отчаяніи и растерянно произносилъ:

— Ребятушки, помогите, не дайте!

— Что, у тебя заштрафовано?—спрашивали его.

— Какое заштрафовано!

Люди, раньше прибѣжавшіе на пожаръ, вяло хлопотали около двора, старались руками разломать заборъ и не могли этого сдѣлать. Другіе стояли кучкой и ругали вольную пожарную команду. Съ нѣкоторыхъ

поръ она заведена была въ мѣстечкѣ и объ этомъ много писали въ газетахъ, хвалили его за то, что оно такое либеральное, передовое. Въ этомъ мѣстечкѣ много богатыхъ купцовъ и дворянъ, и начальникъ пожарной дружины не пропускалъ ни однаго табельнаго дня, являлся въ соборъ всегда въ своемъ мундирѣ; у него была и каска съ султаномъ, и штаны съ генеральскими лампасами.

— А какъ до дѣла придется, никто пальцемъ не кивнетъ. Лежатъ себѣ на пуховикахъ. Гдѣ Сиволаповъ-то?—кричали голоса.

— Что съ тобой, Ваня? у тебя слезы на глазахъ! Родной мой?—сама со слезами спросила Прасковья Михайловна.

— Мамочка, пойду, не могу...

И не успѣла Прасковья Михайловна остановить сына, какъ онъ кинулся къ горѣвшей лачужкѣ, ворвался въ калитку и исчезъ среди пылающаго двора. Прасковья Михайловна закричала не своимъ голосомъ:

— Держите его, не пускайте! Спасите моего мальчика!

Вновь подоспѣвшая толпа народа приняла ее за погорѣвшую женщину, другіе узнали, что это жена станового и стали за ней ухаживать. Мѣщанинъ, отъ котораго сильно пахло виномъ, любезно допрашивалъ ее:

— Сударыня! Вашъ благородь! О комъ изволите биспокоиться... объ Иванѣ Миколаевичѣ... Вашъ благородь... Они зачѣмъ-же тамъ? Позвольте, я въ единое мгновеніе... Сдѣлайте одолженіе, вашъ благородь!

— Эй трубъ сюда, трубъ! Эй, пожарная команда! Дьяволъ ее побери!

Прасковья Михайловна была до извѣстной степени успокоена тѣмъ, что Ваня минутъ черезъ пять появился передъ нею, весь пропахшій дымомъ и съ искрами въ волосахъ, которые она потушила руками.

— Ваня! Ахъ Боже мой! Что-же ты сдѣлалъ? Ахъ, герой мой! Спасъ кого? Кого, кого?

— Никого я... Мнѣ скучно, мамочка, — равнодушно сказалъ Ваня.—И вдобавокъ вѣтеръ утихъ,—громко сказалъ онъ.

— Слава Богу, что вѣтеръ утихъ!—подхватилъ одинъ изъ зрителей!—Кабы вѣтеръ больше, бѣда была-бы, и такъ займется та еще избенка, да вотъ эстая тоже должна сгорѣть. По забору пойдетъ. Заборъ разломать, ну, дѣйствительно... ужъ тутъ какъ по ниточкѣ до клубочка доберется...

Въ споръ ввязалась дѣвчонка.

— А усадьба-то господина Прасолова?

— А относительно усадьбы садъ есть. Листъ не пуститъ.

VI.

Лачуги уже догорали и, въ самомъ дѣлѣ, и у третьей избенки начала дымиться крыша, когда, сверкая касками, на громыхающихъ дро-

гахъ, запряженныхъ тройками въ великолѣпной наборной сбруѣ, прикатила вольная пожарная дружина. Сиволаповъ не забылъ надѣть свои генеральскіе панталоны, золотой мундиръ и прицѣпилъ султанъ. Онъ былъ очень величественъ, ни дать, ни взять наполеоновскій маршалъ. Остановившись среди площади, Сиволаповъ сталъ отдавать приказанія зычнымъ голосомъ:

— Ломать лавки! Монополизировать! Не надо ломать лавокъ! Руби заборъ! Крышу разбирать! Трубу валить! Монополизировать!

Онъ приказывалъ, а семья погорѣльцевъ продолжала выть. Приблизившіеся къ пожару люди стояли большею частью молча, но странное чувство радости, въ которомъ такъ откровенно признавался матери Ваня, свѣтилось и во многихъ другихъ глазахъ. Какой-то вольнодумный «посадскій», увидѣвъ, что онъ стоитъ возлѣ жены станового и ея сына, началъ вслухъ порицать полицію:

— Съ какихъ поръ горитъ, а до сихъ поръ хотя-бы одна душа! Ни тебѣ сотскаго, ни урядника! А становой-то! Сейчасъ прибѣгаю къ нему, говорю: «Ваше благородіе, горитъ пожаръ, говорю... Пожалуйте на пожаръ, распорядитесь, какъ вамъ законы велятъ.—«Пошелъ, говоритъ, дуракъ, туда-сюда. Я спать хочу, говоритъ. Я вторую ночь не сплю, съумасшедшій, говоритъ».

— И пожаръ-то неважный, возразилъ другой «посадскій».

— Не важный! не видишь? Третій домъ горитъ.

Несмотря на усилія вольныхъ дружинниковъ и на распоряженія пожарнаго генерала, третья лачуга вспыхнула, какъ стогъ сѣна.

— Лавки ломать! Ломать! Монополизировать!

— Какъ-же можно ломать! Что вы, помилосердствуйте!—закричали голоса, должно-быть, принадлежавшіе торговцамъ.—Полиціи нѣтъ, а вы будете ломать!

— Плевать на полицію!—крикнулъ генералъ.—Монопо...

Прасковьѣ Михайловнѣ стало обидно, что порицаютъ ея мужа и плюютъ на полицію. Но такъ-какъ она была дама хорошаго тона, то не вступилась, а только сказала вслухъ, обращаясь къ сыну:

— Уйдемъ отсюда. Насъ оскорбляютъ.

Пожарный генералъ пришолъ, между тѣмъ, въ изступленіе. Онъ страшно ругался. Дружинники работали не такъ, какъ надо. Багры, брошенные на бревна, упали въ огонь и въ рукахъ остались только древки. Лопнулъ насосъ. Стали привинчивать запасную кишку. Смотрѣть на эту операцію столпились всѣ дружинники. Ввинчивалъ самъ генералъ и не умѣлъ.

— Вотъ какъ! Вотъ какъ!—кричалъ онъ.—Вы не туда! Отъ себя! къ себѣ! Не видите сами, чортъ-бы васъ побралъ!—ревѣлъ Сиволаповъ. Онъ весь измазался.

Надъ дружинниками сталъ смѣяться народъ.

— Какъ-бы только машина не сгорѣла!

— А лошади важныя!

— Что-жъ въ нихъ толку? Кабы лошадей посадить на мѣсто дружинниковъ, ну тогда толкъ, можетъ, и вышелъ-бы.

— Мамочка, они читали Свифта?—сказалъ Ваня, слегка толкнувъ мать.

— Какого Свифта?—спросила она.

— Неужели ты не слыхала, мамочка!

— Ваня, оставь. Не такое время. До того-ли мнѣ? У меня сердце не на мѣстѣ. Пойдемъ домой.

— А мнѣ хочется посмотрѣть, какъ пріѣдетъ отецъ и что онъ будетъ тутъ дѣлать.

— Онъ способенъ совсѣмъ не пріѣхать,—сказала Прасковья Михайловна.—Съ ужасомъ этого жду. А потомъ пойдутъ новыя жалобы и мы окончательно погибнемъ. Боже мой, Боже!

— Монополизировать!

VII.

Прошло съ полчаса. Примчался урядникъ и накинулся на пожарнаго генерала.

— Но вы по закону должны подчиняться мнѣ. Какъ-же вы мнѣ говорите, чтобъ я убирался къ чорту? Вы оскорбляете меня при исполненіи моихъ обязанностей. Я здѣсь начальникъ!—послышался голосъ генерала.

— Врете, вы не есть начальникъ.

— Я есть начальникъ!

— Ошибаетесь!

— Но вы забываетесь! Гдѣ вы? Я вамъ прямо скажу: ты урядникъ, вотъ что я тебѣ скажу!

— Не извольте такъ разсуждать. Поворачивай лошадей. Эй, ты, если не хочешь въ кутузкѣ насидѣться!

Пожарный генералъ собрался съ силами, понимая, что минута горячая и что нужно быть хладнокровнѣе, рѣшилъ обратиться къ здравому смыслу урядника.

— Ну, хорошо... Въ двухъ словахъ—и вы поймете все. Надо монополизировать. Это главное. По вашему, по старинному нужно лить воду прямо въ пожаръ, а я вокругъ пожара. Въ этомъ вся разница. Гдѣ я лью, тамъ не можетъ загорѣться.

— Черти, вы уже допустили загорѣться четвертому дому... Начинаетъ... При такой-то погодѣ!

— Что слушаться его! Прочь, дьяволъ!—закричалъ урядникъ.— Въ огонь, въ огонь лей воду! Такъ!

Пожарный генералъ вырывалъ кишку изъ рукъ урядника. Но тотъ крѣпко держалъ кишку. Сотскіе, по его приказанію, забрались на машину и качали воду. Слышно было, какъ трещитъ вода, внезапно превращаясь въ паръ. Черный дымъ взвивался кверху. Искры летѣли во всѣ стороны, голуби неустанно кружились на высотѣ церковнаго креста, который тоже, какъ и они, былъ озаренъ краснымъ свѣтомъ. Изъ сосѣднихъ домовъ, несмотря на то, что дружинники успокаивали публику, стали выносить вещи.

— Къ вамъ не дойдетъ!

— Скоро утро, и если теперь пожаръ не потушатъ, поднимется заревой вѣтеръ. Тогда и церкви не устоять.

— Неужели, мамочка?—прошепталъ Ваня, вздрогнувъ.

— А ты все радуешься? Несчастный мальчикъ! Иногда я такъ посмотрю на тебя, Ваня: злости въ тебѣ сколько! Ужъ отчего бы это у тебя? Но погоди! Тушатъ.

Мимо Вани и Прасковьи Михайловны прошелъ человѣкъ съ расквашеннымъ носомъ. Онъ прижималъ тряпочку къ лицу. Это урядникъ такъ тушилъ пожаръ.

Пожарный генералъ нѣкоторое время праздно расхаживалъ по площади и жаловался народу на полицію. Народъ сочувствовалъ ему. (Всегда пріятно слышать, когда говорятъ противъ полиціи и ругаютъ ее). Но, увидавъ, что урядникъ дѣйствуетъ успѣшно, Сиволаповъ рѣшилъ пристать къ его «партіи».

— Теперь разумѣется, когда монополизація сдѣлана, можно и централизацію... На центру, на центру!.. Осторожнѣе, чтобы опять не лопнуло! Ты, качай!—обратился онъ къ какому-то мальчику, съ горечью замѣтивъ, что дружинники одинъ за другимъ разбрелись. Впрочемъ, человѣка два-три, сверкая своими касками, работали подъ командой урядника.

— Такъ-то у насъ,—наконецъ горестно замѣтилъ онъ. Самодѣятельность только на словахъ, а на дѣлѣ какой-нибудь урядникъ беретъ верхъ — и мысленно онъ строчилъ уже корреспонденцію въ популярную газету о томъ, что вчера въ ночь съ такого-то на такое-то число вспыхнулъ пожаръ и грозилъ мѣстечку серьезнымъ бѣдствіемъ, но, благодаря разумной дѣятельности начальника вольнаго пожарнаго общества, почетнаго гражданина Анатолія Ивановича Сиволапова, пожаръ былъ монополизированъ и т. д. и т. д.

Къ нему подошелъ урядникъ и насмѣшливо сдѣлалъ подъ козырекъ:

— Ты урядникъ,—хорошо, пусть... А что я Николаю Павловичу,

конечно, не доносилъ, но теперь мой долгъ, наконецъ. Вѣдь онъ къ вамъ не очень-то благоволитъ.

— А наплевать. Короче объяснить, въ долгъ не отпускаемъ изъ лавки.

— Однако, не извольте клеветать на начальство. Въ долгъ! Въ долгъ! За форму-то генеральскую васъ не похвалятъ. Кто утверждалъ вашу форму? — закричалъ, наконецъ, урядникъ грозно и оффиціально.

Пожаръ догоралъ. На пожарищѣ чернѣлись только трубы. Стало прохладно и темно.

Сиволаповъ почувствовалъ неловкость въ колѣнкахъ, но не обращая вниманія на урядника и, не отвѣчая ни слова, онъ далъ приказъ обозу удалиться и самъ величественно уѣхалъ, взобравшись на дроги.

Урядникъ смотрѣлъ ему вслѣдъ съ недвижностью монумента.

VIII.

— Не пріѣхалъ!—говорила Прасковья Михайловна, идя съ сыномъ домой.—Или очень усталъ... Да какъ-же не устать: вторую ночь... Или проигрался. Во всякомъ случаѣ, мы доберемся незамѣтно и сцены никакой не будетъ. Сцена отложится до радостнаго утра! — смѣясь и дрожа сказала Прасковья Михайловна.—Ахъ, Ваня, съ горя, съ горя!—прибавила она и оперлась на руку сына.

На другой день въ квартирѣ станового всѣ поднялись поздно. У Прасковьи Михайловны головная боль, которая терзала ее еще вчера, возобновилась съ удвоенной силой. Накинувъ черную кружевную шаль, такъ что лицо ея было все въ тѣни, она вышла въ комнату, гдѣ вчера происходила игра. Прислуга до сихъ поръ ничего не убрала. Валялись на столѣ карты. Полъ былъ затоптанъ. Бѣлѣлись раздавленные мѣлки. Въ послѣдней комнатѣ стояла бутыль съ водкой на днѣ и на тарелкахъ остатки того сала, о которомъ она говорила вчера.

Она разбудила Ваню. Не успѣлъ онъ умыться, какъ всталъ Николай Павловичъ. Сверхъ ожиданія, онъ былъ спокоенъ. Только на его старомъ, безпокойномъ лицѣ легли еще какія-то новыя темно-желтыя тѣни. Усы у корней были бѣлые, а на концахъ черно-фіолетовые. Онъ молча выпилъ чай, не дотронулся до французской булки, выкурилъ толстую папиросу, наконецъ, застегнулъ мундиръ, надѣлъ фуражку и отправился въ канцелярію. (Такъ назывался маленькій флигелекъ, находившійся тутъ-же на дворѣ. Тамъ работали уже письмоводитель и писарь).

— Ваня,— произнесъ онъ на ходу.—Нутка, за мной!

Сынъ повиновался, обмѣнявшись взглядомъ съ матерью.

— Сюда, Ваня!—повторилъ отецъ.

«Что такъ ласково?» подумалъ молодой человѣкъ.

— Ну чего же идешь позади? Чего робѣешь? Поровняйся со мной. Куда ты вчера исчезъ?

— Я такъ... ушелъ. Пожаръ начался, такъ ушелъ на пожаръ. И мать тоже на пожаръ ушла.

— Пожаръ, говоришь, былъ? Ахъ, да, прибѣгалъ какой-то мужиченко. Ну да урядникъ доложитъ... Такъ небольшой пожаръ былъ?

— Сгорѣло четыре двора.

— Урядникъ сейчасъ доложитъ. Да. Не распространяйся. Ну, такъ вотъ что я хотѣлъ тебѣ сказать, Ваня: ты уже большой и, конечно, не я виноватъ, что ты не кончилъ ученья. Я ничего не щадилъ, нанималъ учителей, опредѣлилъ тебя въ гимназію. Получаю-же я маленькое жалованье. Жизнь дорога, но я покупалъ тебѣ книги и что нужно. И карманныя деньги давалъ, помнишь?

— Помню.

— И когда ты захотѣлъ имѣть часы, я тебѣ часы купилъ. Кстати, куда ты ихъ дѣвалъ?

— Подарилъ товарищу.

— Видишь, богачъ! Я въ послѣднемъ себѣ отказалъ, а ты часы, которые стоятъ двадцать рублей, подарилъ.

— Испортились и не шли. Часовой мастеръ сказалъ, что они стоятъ семь рублей.

— Часовому мастеру повѣрилъ, а мнѣ не вѣришь. И этого ты не имѣлъ права дѣлать, и семирублевые часы дарить. Ну все равно, это прошлое. Такъ что я... къ чему это?... Помнишь, ты лакомился, набиралъ въ лавкѣ сластей разныхъ и, когда я пріѣзжалъ, я платилъ твои долги. Можетъ быть, я въ это время простое сало ѣлъ, а ты колбасу и конфеты... да, простое сало, и гостей угощалъ саломъ... Гм... да!

Сынъ молчалъ и стоялъ передъ отцомъ, потупившись. Отецъ, который былъ ниже его ростомъ, старался смотрѣть ему въ глаза. Во всѣхъ движеніяхъ Николая Павловича сказывалась какая-то застѣнчивость, что рѣдко наблюдалъ въ немъ Ваня. Онъ былъ съ нимъ обыкновенно рѣзокъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ остался въ шестомъ классѣ и вышелъ изъ гимназіи.

Послѣ паузы Николай Павловичъ началъ:

— Однимъ словомъ, Ваня, такъ дальше продолжаться не можетъ, т. е. я къ тому говорю, что я усталъ служить, можетъ быть, выйду въ отставку или мнѣ предложатъ выйти... Нужно маму содержать. На какія же средства содержать тебя? Если я не вылечу изъ этого стана, меня переведутъ въ болѣе скромной... мм... мм... я рѣшилъ опредѣлить тебя на мѣсто.

— Писцомъ въ канцелярію?

— А что? Если я самъ началъ писцомъ и дослужился скоро до становаго. Это не Богъ знаетъ какое мѣсто, но оно обезпечиваетъ. Можетъ быть и ты дослужишься до чего-нибудь. А нельзя балбесомъ рости. Ты по цѣлымъ днямъ палецъ о палецъ не ударишь. Я щадилъ твое самолюбіе и рѣдко пользовался твоими услугами. Ты, вообще, презрительно относился къ моему дѣлу. Тебѣ бариномъ хотѣлось бы быть или, по крайней мѣрѣ, казаться. Все вздорныя идеи! Читаешь безъ толку все, что придется! И ходишь, и воронъ ртомъ ловишь. Такъ этому надо положить конецъ. Подъ командой какого-нибудь Бондаренка,—который сидитъ въ моей же канцеляріи и строчитъ на меня же доносы (очень возможно)—ты не будешь. Но—ты уѣдешь сегодня къ земскому начальнику. Сегодня, сегодня! И жить будешь. У него хорошее имѣніе. И что называется на виду будешь. Обращаться онъ будетъ съ тобой ласково, а ты старайся. Да, да. Вотъ. Скорѣй ступай къ матери, скажи, чтобъ она приготовила бѣлье... Сколько есть. Можешь взять мой новый чемоданъ. Все уложи, что тебѣ нужно. Послѣ обѣда уѣдешь. Именно сегодня.

Онъ произнесъ послѣднія слова отрывисто, отведя глаза отъ сына, и, не оглянувшись, направился прямо къ флигелю.

Ваня, выслушавъ отца, не счелъ нужнымъ спорить. У Инвалидова, такъ у Инвалидова.

«И душно здѣсь», сказалъ онъ себѣ и эту новость пошелъ сообщить матери. Она заплакала, когда узнала, что должна разстаться съ сыномъ, обняла Ваню; хотѣла многое, многое сказать; однакоже, не возразила ничего. И ей показалось, что это въ порядкѣ вещей, что такъ и надо, что куда же, въ самомъ дѣлѣ, ростить еще Ваню?

— Въ этомъ есть хорошая, сторона,—предупредительно утѣшала она его.—У тебя будутъ свои деньги. Ты будешь къ намъ пріѣзжать на праздники. Мы можемъ переписываться.

Она даже оживилась, головная боль ея прошла. Ей было непріятно только, что такъ внезапно и не все бѣлье вымыто. Придется послать при оказіи часть вещей.

— Это какъ пожаръ,—сказалъ Ваня, когда все было уложено и онъ остался вдвоемъ съ матерью въ ожиданіи отца и обѣда.

— Все въ жизни, Ваня, такъ. Я, напримѣръ, никогда не забуду, какъ пріѣхалъ къ намъ на хуторъ Николай Павловичъ. А я была такая вертушка и, конечно, молодая. И мнѣ онъ не показался сначала. Одна тутъ подруга со мной была. Я ей говорю: «Вотъ какой противный идетъ», а черезъ три недѣли онъ сдѣлалъ предложеніе, и я приняла. Думаю, что-жъ не вѣкъ въ дѣвкахъ сидѣть!

IX.

За обѣдомъ Николай Павловичъ былъ какъ-то сдержанно нервенъ. Нѣсколько разъ онъ молча пожалъ руку Вани. Обѣдъ былъ лучше чѣмъ вчера. Постаралась Прасковья Михайловна. Но всѣ мало ѣли. Николай Павловичъ налилъ сыну стаканъ вина и предложилъ чокнуться.

— За твое будущее!—сказалъ онъ.

— Я не прочь чокнуться,—сказалъ сынъ.—За ваше здоровье.

— А за мое будущее?—спросилъ Николай Павловичъ.—Да, братъ, его ужъ не будетъ. И за прошлое нечего пить. Какое прошлое у станового? Э, жизнь горемычная!

— Скажи, пожалуйста, Николай Павловичъ, какъ же вчерашняя игра кончилась?—робко спросила Прасковья Михайловна.

— Какъ вчерашняя игра кончилась? Тебѣ нечего объ этомъ знать! съ раздраженіемъ произнесъ Николай Павловичъ.—Я, вообще, не люблю, когда вмѣшиваются въ мои дѣла. Жена должна обѣдъ готовить—да! и, когда мужъ говоритъ: нѣтъ-ли чего закусить? прислать, а не уходить на пожаръ. Я не поѣхалъ на этотъ пожаръ, я—полицейскій чиновникъ, хозяинъ мѣстечка! а ты—фуръ-фуръ! Прилично-ли? И бросить на произволъ судьбы. Скажу вамъ вотъ что, господа: что пережить такую ночь, какую я пережилъ вчера, не дай Богъ никому. И ни слова больше!

Но Прасковья Михайловна, окончательно оробѣвъ, еще спросила:

— Эта игра туртель-муртель называется?

— Ни слова больше—закричалъ Николай Павловичъ и ударилъ колакомъ по столу, такъ что зазвенѣла посуда. Впрочемъ, тутъ же спохватился, взялъ себя въ шенкеля, какъ онъ выражался, обуздалъ себя, и съ натянутой улыбкой, внезапно вернувшись къ той застѣнчивости, съ которой онъ говорилъ съ сыномъ утромъ, сказалъ:—Ну, ну, что же ссориться. Ваня уѣзжаетъ. Я послалъ уже за подводой. Э, горемычный я! Эхъ, жизнь!

— Отчего ты такъ торопился, Николай Павловичъ, съ этимъ?—почти прошептала Прасковья Михайловна.

Онъ взглянулъ на нее, беззвучно раскрылъ ротъ—должно быть, хотѣлъ обругать—и потомъ проговорилъ, отчеканивая каждое слово:

— Оттого, что я далъ слово, ма-туш-ка!

X.

Послѣ обѣда Николай Павловичъ долго и сосредоточенно курилъ и пускалъ такія кольца дыма, какихъ давно Ваня не видѣлъ, и отъ времени до времени произносилъ:

— Мм... мм... д-да... такъ-то... ахъ, Боже мой!—и т. п.

День между тѣмъ склонялся къ вечеру. Тѣни удлинились. Передъ крыльцомъ остановилась подвода, которая должна была увезти Ваню,— простая телѣжка. На ней сѣно, увязанное веревкой. Мальчикъ въ большихъ сапогахъ сидѣлъ на облучкѣ.

— Чемоданчикъ придется въ ноги поставить,—говорилъ Ваня съ гримасой.—И тряско. Мама, у меня непремѣнно печенка отобьется. Я предчувствую. Мнѣ мучительно ѣхать на этомъ, я знаю.

Мать связывала его узлы и старалась гладить его по лицу и головѣ.

— Другъ мой, отецъ ѣздитъ на такихъ-же подводахъ часто, а ты подумай, во сколько разъ онъ старше тебя.

— Онъ другого воспитанія и закала, конечно. Ну! Въ послѣдній разъ!

— Какъ въ послѣдній разъ? Ты такимъ тономъ это?..—воскликнула Прасковья Михайловна.

— Надоѣла тяжелая жизнь, мама. Ты скажешь, что я только началъ жить, а я думаю, что человѣкъ всегда имѣетъ полное право не...

— Не кончай, не кончай... Ты нарочно... Чтобы напугать... злой... Отецъ то-же самое говоритъ. Богъ знаетъ, что! Ну, я сейчасъ пойду, побѣгу, буду унижаться и тебѣ дадутъ рессорный экипажъ. Къ Сиволапову пойду... къ этому хаму...

Разговоръ о рессорахъ неожиданно выросъ въ споръ и мать и сынъ наговорили другъ другу колкостей. Когда Ваня слышалъ отъ отца какія-нибудь «горькія» истины, то молчалъ и подавлялъ въ себѣ всякій протестъ. Онъ боялся отца, несмотря на свой возрастъ. Но если мать что-нибудь говорила, съ чѣмъ онъ не соглашался и что казалось ему узкимъ, онъ часто обрывалъ ее. «Вы говорите глупости, мамочка», или «ты, мамочка, ничего не понимаешь». Иногда и хуже было. Онъ, какъ отецъ, стучалъ по столу. Такъ и теперь, Ваня сильно хлопнулъ дверью. И какъ разъ это случилось въ ту минуту, когда Николай Павловичъ, привлеченный оживленной бесѣдой между матерью и сыномъ, вышелъ изъ своей комнаты.

— Это что? Гм... да?..—сказалъ онъ, противъ обыкновенія, не строго. Только глаза его сверкнули.—Ваня, нехорошо. Все съ матерью споришь, даже... передъ отъѣздомъ. Въ чемъ дѣло?

— Ничего, ничего... такъ... Въ самомъ дѣлѣ, у мальчика болѣзнь. Николай Павловичъ, онъ не можетъ выносить, когда трясетъ кибитка.

— Нѣсколько верстъ? Я далъ-бы тебѣ тарантасъ, но мнѣ самому нуженъ. Сейчасъ ѣду по экстренному вызову исправника. Завтра утромъ долженъ явиться... Ну, ну!

— Не найдется-ли у тебя двухъ рублей,—мрачно и вполголоса сказалъ Ваня, обращаясь къ Прасковьѣ Михайловнѣ.

— Буквально ничего нѣтъ,—возразила она съ испугомъ.

Вдругъ Николай Павловичъ схватилъ сына за руку и крѣпко сжалъ ее.

— Прости меня, Ваня!—старчески разбитымъ и какимъ-то судорожнымъ голосомъ произнесъ онъ.—Я ужасно виноватъ передъ тобой! Я такъ виноватъ... Бываютъ такія положенія... что-то роковое, подлое...

— Что такое? что съ тобою?—вскричала Прасковья Михайловна.

— Отецъ, что ты, что ты!..—забормоталъ Ваня.—Мнѣ ничего не надо... Я ничего противъ тебя не имѣю. Я самъ виноватъ, что не кончилъ учиться.

— Не то. Что ученье!.. Ну, не будемъ долго разговаривать!—съ усиліемъ, стараясь быть серьезнымъ и хладнокровнымъ, едва преодолѣвая себя, началъ Николай Павловичъ.—Уѣзжай, времени терять нечего. Въ Пустомъ Хуторѣ ты долженъ быть къ девяти часамъ. Слово дано...

— Вѣдь, недалеко, Ваня!—почти радостно воскликнула Прасковья Михайловна.—Ты пріѣзжать будешь. И навѣрно, и мнѣ можно будетъ...

— И ты, матушка, пріѣдешь, и ты. Ну, прощай, Ваня!

Ваня сѣлъ въ телѣжку и длинныя ноги стѣсняли его.

— Ужасно неудобно,—раздражительно шепнулъ онъ матери.—Придется все впередъ наклонившись сидѣть. Грудью на колѣнкахъ.

— Да ужъ не такъ неудобно, что ты! Не мучь мать!—попросилъ его Николай Павловичъ, уловивъ его жалобу.—Съ Богомъ!

Мальчикъ тронулъ лошадь. Ваня, держась обѣими руками за сидѣнье, повернулъ лицо въ сторону матери и отца. Чувство жалости къ нимъ шевельнуло его сердце.

Всю дорогу онъ ждалъ, что вотъ начнутся у него колики, но или дорога ровная была, или телѣжка не такая тряская, какъ можно было предполагать. Напротивъ, очутившись за околицей, среди ржаныхъ полей, на которыхъ мѣстами уже начали убирать хлѣбъ, онъ почувствовалъ себя бодрѣе. Медовый запахъ цвѣтовъ и гречихи распространялся въ воздухѣ. Пахла трава—чабрецъ, та чудная, душистая трава, которой такъ много въ степяхъ и ароматъ которой какимъ-то таинственнымъ образомъ направляетъ грезы степныхъ жителей въ даль, въ эту туманную мучительно-сладостную даль.

Слегка подпрыгивая на телѣжкѣ, Ваня мечталъ самымъ неопредѣленнымъ образомъ, какъ мечтаетъ молодость, у которой нѣтъ почвы подъ ногами, но которая тѣмъ не менѣе все-же на что-то надѣется, уже просто потому, что впереди много времени, а въ настоящемъ много здоровья и нерастраченныхъ силъ. Бывая у Зайцевыхъ, онъ встрѣчалъ тамъ молодую дѣвушку, Настеньку, о которой всѣ говорили, что она глупа. Но эта глупая дѣвушка ему нравилась, хотя онъ ей этого не высказывалъ и никому въ этомъ не признавался. Теперь онъ кстати думалъ и о ней.

XI.

Вдали показалась усадьба Инвалидова. Окруженная серебристыми тополями, она была освѣщена заходящимъ, солнцемъ и стекла оконъ сверкали издали, какъ золотыя пластинки или раскаленные уголья. Телѣжка направилась къ парому. Паромъ не заставилъ себя долго ждать и мужики сейчасъ-же перевезли Ваню, какъ только узнали, что онъ ѣдетъ къ земскому. Въѣзжая во дворъ пустохуторской усадьбы, Ваня приготовилъ нѣсколько словъ, чтобы сказать ихъ Инвалидову, который выйдетъ встрѣчать его. Слова были съ большимъ достоинствомъ: «Отецъ прислалъ меня къ вамъ служить и я постараюсь... Надѣюсь, что и вы въ свою очередь постараетесь...» что-нибудь въ этомъ родѣ.

Но Инвалидовъ не вышелъ на крыльцо встрѣчать Ваню, и онъ очень долго ждалъ, чтобы кто-нибудь указалъ ему, куда ему дѣваться съ чемоданомъ и двумя подушками. Оказалось, что самого Инвалидова не было дома. Онъ еще не пріѣзжалъ. Зато молодого человѣка позвала къ себѣ m-me Инвалидова.

— Садитесь!—сказала она ему, окинувъ бѣглымъ взглядомъ всю его фигуру и улыбнувшись. — Я васъ напою чаемъ, а между тѣмъ подъѣдетъ мужъ. Онъ ничего не говорилъ, что беретъ новаго письмоводителя, но тѣмъ лучше. Повидимому, вы на своемъ мѣстѣ. Вы, по крайней мѣрѣ, производите на меня благопріятное впечатлѣніе... Какой мы молчальникъ! Ну-те, ну-те, смѣлѣе!.. Садитесь и пейте.

Надеждѣ Алексѣевнѣ было уже лѣтъ подъ сорокъ, но она считала себя молодой и когда при ней говорили «съ осужденіемъ» о молодежи, то она оскорблялась за нее.

— Не нападайте на молодежь!—говорила она.—Вы не понимаете ее, потому что вы принадлежите къ другому поколѣнію.

Но молодежь, которую она, по ея словамъ, понимала, вѣроятно, пришла-бы въ нѣкоторое смущеніе, еслибы поняла Надежду Александровну. О ней всѣ были того мнѣнія, что она хорошенькая и она сама усердно вѣрила этому. Дѣло въ томъ, что красота ея относилась скорѣй къ прошлому, чѣмъ къ настоящему. Время провело довольно опустошительные слѣды на ея бѣлокуромъ, когда-то блѣдно-розовомъ, теперь мучнисто-багровомъ лицѣ. Даже глаза потускнѣли. Годы пощадили только волосы, которые были бѣлокурые, пушистые и очень кросивые волосы. Можетъ быть, свѣжа была ея шея, которую по этому она любила показывать. У нея была дурная привычка курить и такъ много, что отъ вѣчныхъ папиросъ слегка зачернѣли ея пальцы и руки дрожали, какъ у пьяницы. Но табакъ ее возбуждалъ. Кромѣ того, онъ наполнялъ какую-то пустоту въ ея умѣ, которая все стремилась разростись до размѣра гнетущей тоски, въ особенности, когда она оставалась одна.

— Мнѣ-бы надо было,—сказала она, обращаясь къ молодому человѣку,—пойти и пріодѣться, потому что всѣ говорятъ, что я кокетка... Знаете, есть такой романсъ: «Говорятъ, что я кокетка»... Ха-ха. Но вы такъ молоды, что простите меня. Къ тому-же вы внезапно пріѣхали, я васъ не ждала... А что если это недоразумѣніе?

— Что именно?—спросилъ Ваня.

— Вашъ пріѣздъ. Это въ высшей степени неожиданно, а Сержъ любитъ все обдумать и двадцать разъ посовѣтоваться со мной. Я знаю, что онъ былъ у вашего отца, онъ собирался къ нему заѣхать. Взялъ съ собой денегъ на игру. Я потому только отпустила, что онъ сказалъ, что будетъ туртель-муртель. Мнѣ самой такъ хотѣлось посмотрѣть. Новая совсѣмъ, вѣдь. Вы не знаете, въ чемъ она заключается?

— Не знаю.

— Но развѣ вы не видѣли?

— За послѣднее время постоянно, но не игралъ. Кладутъ двѣ или три колоды картъ, я не припомню... ну и показываютъ, какая масть. Это должно совпадать. Мнѣ кажется только, что игра эта нече...

— Что вы хотите сказать?

— Что, вообще, нехорошо играть въ карты.

— О, какой пуританинъ! Впрочемъ, молодежь всегда такъ. Я сама... Но, это идеалъ, а жизнь требуетъ, чтобы и въ карты поиграть, хотя-бы просто изъ любопытства... потребность волненія крови... крови... Ваша мамаша, навѣрно, уже пожилая женщина?

— Можетъ быть, немного старше васъ.

— Какъ немного? Я слишкомъ молода для такого сына, какъ вы... Pardon... мнѣ тридцать лѣтъ.

Ваня съ сомнѣніемъ посмотрѣлъ на Надежду Александровну.

«Что-же говорили, что она молоденькая, хорошенькая?.. Какъ люди значитъ, лгутъ!»

— Вы смотрите и провѣряете мои слова? — прищуривъ глаза и улыбнувшись, сказала Надежда Александровна.—Я сохранилась для своихъ лѣтъ, правда! Ну да что!.. Я не люблю напрашиваться на комплименты. Не въ моихъ правилахъ. Вы не курите? Вы студентъ? не кончившій?

— Я не кончилъ гимназіи.

— Мужъ говорилъ о вашемъ ростѣ. Такой высокій-высокій... Но вы не показались мнѣ высокимъ. Встаньте-ка, помѣряемся. Ну вотъ, видите-ли, я вамъ не по плечо, а выше уха! Вы только на полъголовы выше... Что-же, у васъ призваніе быть письмоводителемъ?

— Ни малѣйшаго.

— А почему-же вы согласились, если мужъ предложилъ?

— Сергѣй Леонидовичъ не предлагалъ. Мнѣ отецъ передалъ, что онъ предложилъ, и отецъ за меня согласился. Я только повиновался отцу.

— Послушный сынъ. Рѣдкость въ наше время.

— Я согласился по особымъ обстоятельствамъ.

— По какимъ-же именно?

— Я недостаточно съ вами знакомъ, чтобы разсказывать секреты.

— Но неужели я не внушаю довѣрія? Ничего не значитъ, что мы только-что познакомились. Вы должны были слышать обо мнѣ, какъ и я о васъ. Неправда-ли, вы слышали обо мнѣ только дурное?

— Какъ смотрѣть на вещи.

— О-о, но вмѣсто комплиментовъ вы говорите дерзости, молодой человѣкъ. Ну, садитесь-ка поближе! Такъ что-же вы именно слышали!

— Какъ сказать?.. Ничего особеннаго... Но, какъ-же такъ сразу?

— Трудно сказать правду въ глаза, не такъ-ли?

Ваня посмотрѣлъ на молодую старуху и сказалъ:

— Дѣйствительно дурное—что будто за вами очень ухаживаетъ предводитель дворянства.

Надежда Александровна встала и расхохоталась.

— И только? И вы считаете это дурнымъ? За мной не одинъ Вершинскій... многіе. Я привыкла къ поклоненію. Ахѣ, но какой вы комичный! Очень, очень рада, что у васъ только это имѣется противъ меня.

— Чему-же радоваться? Не все-ли вамъ равно?

— Но вы безподобны!

— Нѣтъ, не все-ли вамъ, дѣйствительно, равно? Я не представляю для васъ рѣшительно... Случайно попалъ къ вамъ за чайный столъ... Можетъ произойти, напримѣръ, что завтра-же не понравлюсь Сергѣю Леонидовичу и уѣду, и мы никогда больше не увидимся.

— Уже потому увидимся, что вы оригинальны. Я люблю оригинальныхъ молодыхъ людей,—объявила Надажда Александровна.—Странно, что вы не кончили гимназіи при вашемъ прямомъ умѣ. Признайтесь, но вы рѣдко бывали въ женскомъ обществѣ?

— Постоянно съ матерью. Но бывалъ... у Зайцевыхъ бывалъ.

— Разскажите, какія-же тамъ дамы вамъ нравились?

— Дамы... Не люблю дамъ.

— Часъ отъ часу не легче! А дѣвушки?

— Дѣвушки... Мнѣ все равно. Я думаю такъ, что еслибъ ужъ пришлось полюбить кого-нибудь, такъ на всю жизнь, или вовсе не любить. Это, должно быть, страшная вещь.

— Охъ, голубчикъ мой, большая разница нравиться и любить. О любви я васъ и не спрашиваю. Какая ужъ тутъ любовь!

Ваня ничего не возразилъ. Онъ углубился въ стаканъ и сосредоточенно пилъ чай.

Прибѣжали дѣти Нодежды Александровны: два мальчика и хорошенькая дѣвочка лѣтъ двѣнадцати.

XII.

— Гдѣ вы пропадали?—обратилась къ нимъ Надежда Александровна.—Я васъ такъ долго ждала.

— Мы ходили гулять, были на полѣ, видѣли, какъ какой-то господинъ ѣхалъ.

Мальчики стали пересмѣиваться. Дѣвочка фыркнула въ носовой платокъ

— Вы опять что-нибудь натворили, конечно?

— Нѣтъ, мамочка. Мы разсказали m-lle Armandine, что это ея женихъ пріѣхалъ, что нашъ папаша можетъ дѣлать что угодно, потому что онъ земскій начальникъ и что завтра ее будутъ вѣнчать. Она обидѣлась и надулась и теперь въ своей комнатѣ и сказала, что не будетъ чай пить и уѣдетъ въ Сюиссъ. Тамъ нѣтъ земскихъ начальниковъ,—болтала дѣвочка вполголоса и ласкалась къ матери.

У ней были такіе же бѣлокурые прекрасные волосы. Еслибы Ваня былъ проницательнѣе, онъ замѣтилъ бы, что все это говорилось для него. Дѣвочка была такая же кокетка, какъ мамаша. Она такъ лукаво посматривала въ его сторону и ждала, что мать представитъ ей молодого человѣка или скажетъ:

«Вотъ рекомендую, моя дочь».

Но Надежда Александровна обманула ея ожиданія и сказала:

— Полно вамъ глупить. Сейчасъ пойдете къ m-lle Armandine и скажите чтобы она напоила васъ чаемъ. Я пройдусь съ гостемъ. А если папа пріѣдетъ,—то мы ушли въ садъ, и, прибавьте, что я на него недовольна.

Въ свою очередь Надежда Александровна потерпѣла фіаско. Ваня нехотя всталъ. Но едва они сошли по ступенькамъ террассы, едва Надежда Александровна предложила ему ботаническій вопросъ: «вы не знаете, какъ называется этотъ цвѣтокъ?»—онъ не зналъ, что отвѣтить на это—какъ съ порога балкона раздался непринужденный хохотъ.

— А, куда! Ужъ обрадовалась!

Дѣвочка, слѣдившая изъ окна за тѣмъ, куда идетъ мама, громко хихикнула. Надежда Александровна повернула назадъ.

— Сержъ! Ты, наконецъ, пріѣхалъ!—и тутъ же напустилась на него:—Ну, какъ тебѣ не стыдно! Не предупредить и вдругъ прислать молодого человѣка! Да еще вечеромъ... Ну гдѣ же мы его положимъ спать? Ему нужно же комнату, если онъ будетъ у тебя письмоводителемъ.

XIII.

— А Туртель-Муртель?.. Эй Туртель-Муртель, пойдите-ка сюда!—крикнулъ земскій начальникъ.

Ваня и не трогался съ мѣста.

— Сержъ пожалуйста, вѣжливѣе — шопотомъ попросила Надежда Александровна.

Инвалидовъ сталъ хохотать.

— Ну, Наденька, еслибъ ты знала, Но подожди, не вмѣшивайся. Слышите, говорятъ вамъ, Туртель-Муртель!

Ваня сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Лицо его было блѣдно, нижняя губа тряслась, а брови страшно нахмурились.

Инвалидовъ представлялъ собою типъ разжирѣвшаго помѣщика средней руки, который наканунѣ разоренія рѣшилъ пойти въ земскіе начальники, чтобы какъ-нибудь свести концы съ концами. Онъ былъ какой-то горизонтальный: широко разставленные уши, плоское лицо, большой ротъ, узенькіе глаза, тянувшіеся къ вискамъ. Ноги были разставлены циркулемъ, а руки — въ карманахъ широчайшихъ брюкъ. На немъ была лѣтняя пара въ широкую клѣтку. Соломенная шляпа съѣхала на затылокъ. Бакенбарды торчали въ обѣ стороны.

— Что? бѣлены объѣлись? Въ которомъ часу пріѣхали? въ семь? Могли и въ девять. Разсказать? А? Надя! Этотъ господинъ... ярыга этотъ... отецъ его... сѣлъ играть и сталъ метать банкъ, не имѣя за душой ни копѣйки. Такъ нѣсколько пустыхъ бумаженокъ было. И самъ же позвалъ! Ахъ, чертъ тебя побери... Я дворянинъ... Ну и счастье повалило! Бацъ, бацъ, бацъ—рублей триста за нимъ... Размѣняйте-ка, говорю, записочку... Записочки онъ эти выдумалъ свои собственныя... ассигнаціи нѣкоторымъ образомъ. А онъ и тово... «я долженъ отдать казенныя деньги».—Что-жъ, давайте... «Но по товарищески»... Волкъ тебя заѣшь, какой-же я товарищъ господину Зернышкину! Слушайте, слушайте, Туртель-муртель!

— Ахъ, Сержъ!

— Наденька! Я буду еще рѣзче, если ты не дашь кончить.

— Но я могу уйти?—спросилъ Ваня и губы его все трепетали.

— Нѣтъ!

— Вы даже не поздоровались со мной,—сказалъ Ваня.

Помѣщикъ остановилъ на молодомъ человѣкѣ тяжелый взглядъ своихъ тусклыхъ глазъ.

— Хе-хе-хе! Наденька, дальше самое любопытное!—продолжалъ онъ.—Начинаетъ просить становой, что называется, пардону. «Я, говоритъ, погибну и т. д. У меня, молъ, предписаніе ѣхать къ исправнику. На меня уже былъ доносъ, что я казенныя деньги... Завтра я, говоритъ, долженъ недоимку непремѣнно полностью... Вы меня погубите, будьте благодѣтелемъ», и т. д. и т. д. А-ты знаешь, я терпѣть не могу раскисающихъ душъ. Не моего поля ягода. Хорошо. «Ну чертъ съ вами, не нужно. А въ такомъ случаѣ, я возьму у васъ сына».

Такъ думаю: что онъ на это скажетъ? «То есть какъ это?».— А такъ, какъ въ старину проигрывали дѣвокъ. А надо тебѣ замѣтить, вотъ этотъ молодой человѣкъ сидитъ и глазъ съ меня не спускаетъ... Я изъ за него нѣсколько разъ проигрывалъ. Такъ вотъ я и тово: «Пришлите сына. Пусть отработаетъ...» А самъ въ полной увѣренности, честное слово, что хоть онъ и Зернушкинъ, но не согласится... А онъ согласился! Ха-ха-ха! — «Такъ завтра?». — «Завтра». — «Смотрите, къ 9 часамъ онъ долженъ быть у меня въ усадьбѣ».—«Будетъ». Однимъ словомъ, видишь, диллема какая: или сынъ, или казенныя деньги. Вы свободны, г. Туртель-Муртель. Письмоводитель у меня есть и никакой мнѣ вашей работы не нужно, я старый баринъ и даю вамъ отпускную. Но только скажите папашѣ все, что вы сейчасъ чувствуете, если у васъ есть чѣмъ чувствовать. Ха-ха-ха! Наденька!

Лицо Вани изъ бѣлаго стало краснымъ и опять побѣлѣло. Надежда Александровна готова была броситься къ нему и попросить прощенія за мужа. Но она боялась мужа. Онъ на многое смотрѣлъ въ ея поведеніи сквозь пальцы. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ ей обязанъ и заступничествомъ предводителя дворянства, когда, по почину, какъ онъ былъ увѣренъ, Николая Павловича, было разслѣдовано одно беззаконное дѣло его и ему предстояла строгая отвѣтственность. Но все же натура у ней была мягкая и, въ концѣ концовъ, она всегда подчинялась ему. Въ его характерѣ было что-то прямолинейное,—никакихъ оттѣнковъ чувства и грубость. Она принимала это за силу.

Она играла глазами, чтобы умилостивить мужа и ободрить въ то же время Ваню. И тутъ какъ разъ у ней образовалась пустота въ головѣ. Она достала папиросу, закурила и стала сильно затягиваться дымомъ. Это успокоило ее. Она потупила глаза, стараясь прислушиваться къ тому, что говорилъ Сергѣй Леонидовичъ, а когда она подняла глаза, Вани уже не было, а на балконъ входила m-lle Armandine съ дѣтьми.

XIV.

Ваня машинально прошелъ нѣсколько комнатъ. Онъ не искалъ дороги. Онъ шелъ, точно давно зналъ расположеніе дома и, когда ужъ былъ во дворѣ и собаки, завидѣвъ чужого человѣка, бросились къ нему и стали лаять, онъ подумалъ:

«Куда же теперь?»

На собакъ онъ не обращалъ вниманія. Его даже не удивило, что онъ не боится собакъ. Вообще же, онъ былъ по этой части большимъ трусомъ. Преслѣдованіе собакъ земскаго начальника только возвратило его къ дѣйствительности. И собаки, чувствуя, что онъ не боится ихъ, стали отставать. Онъ вышелъ за околицу усадьбы, держа фуражку въ

рукѣ. Потъ проступилъ у него на лбу. Онъ вынулъ платокъ и отеръ лобъ.

— Такъ вотъ, куда-же?—вслухъ повторилъ онъ вопросъ.

Странное спокойствіе наполняло его душу,—точно въ согласіи съ этимъ спокойно догоравшимъ вечеромъ. Позади, на пригоркѣ, возвышалась усадьба, окруженная серебристыми тополями, которые казались теперь розовыми. Впереди сверкала точно полоса полированнаго золота, мѣстами покрытая синей эмалью, извилистая рѣченка. Спѣлые колосья несжатой ржи искрились налѣво. Рожь была почти бѣлая. Лиловые васильки на пыльныхъ, сухихъ чашечкахъ, стрекозы, шуршавшія въ воздухѣ, птицы, пролетавшія въ поднебесьѣ и оглашавшія вольное пространство своимъ крикомъ—они спѣшили на ночлегъ и окликали отставшихъ товарищей—и какая-то свинцово-багровая тяжелая даль, скрывавшая въ себѣ мѣстечко Кулиничи, гдѣ нерадостно протекла его нѣжная юность подъ родительскимъ кровомъ,—все это, вмѣстѣ со множествомъ неясныхъ образовъ, воспоминаній, впечатлѣній, почерпнутыхъ изъ жизни и вычитанныхъ изъ книгъ, слилось въ одинъ общій фонъ, чтобы еще рельефнѣе опредѣлилось на этомъ фонѣ страшное оскорбленіе, только что нанесенное ему. Въ сердцѣ его зіяла рана и такая глубокая, что онъ не видѣлъ ея дна. Тутъ ужъ нельзя было ни возмущаться, ни плакать, ни проклинать. Это было такое отчаяніе, такое безъисходное горе, что оставалось только покориться, какъ покоряются люди, смиряясь предъ неизбѣжностью смерти. Все они боятся ея, удивляются, какъ это могутъ умирать другіе, насколько возможно избѣгаютъ ея тамъ, гдѣ она, на самомъ дѣлѣ, не преслѣдуетъ ихъ. А потомъ, когда вдругъ встрѣтятся съ ней лицомъ къ лицу и она устремитъ на нихъ свои глубокіе глаза, не имѣющіе ни зрачка ни рѣсницъ, и оскалитъ на нихъ свой ротъ, лишенный губъ, они впадаютъ въ такое безсиліе воли и такъ оцѣпенѣваютъ,—какъ голуби предъ раскрытой пастью удава. Послушно, не разсуждая, бросаются они въ ея объятія. Какое тутъ сопротивленіе.

Ваня даже не разбиралъ своего положенія. То, что случилось съ нимъ, при всемъ его раннемъ пессимизмѣ, было выше его пониманія. Этого онъ не могъ даже предвидѣть. Онъ допускалъ, что отецъ въ состояніи былъ выгнать его изъ дому, сказать ему: «Отправляйся на всѣ четыре стороны. Ты балбесъ, не учился. Что мнѣ съ тобою возиться? Не хочешь работать самъ, съ какой-же стати я на тебя буду работать? Мать слабая женщина. Разумѣется, она огорчена, но будь-же мужчиной хоть немного. Перенеси этотъ ударъ, который ты получаешь отъ руки отца. Уходи!» Онъ могъ предположить еще худшее; отецъ его возненавидѣлъ, поколотилъ, пересталъ его кормить, отказался отъ него, проклялъ. При всемъ своемъ самолюбіи, Ваня зналъ, въ концѣ концовъ, что съ извѣстной точки зрѣнія цѣна ему грошъ. На эту точку зрѣнія отецъ нерѣдко

становился. Всѣ остальныя точки зрѣнія могли погаснуть въ душѣ отца. Осталась только эта и, слѣдовательно, тутъ есть логика. Съ ней можно посчитаться. Такъ и преступникъ, котораго казнятъ за дѣло, знаетъ, что люди жестоки, что законы еще жесточе людей, но что всетаки онъ заслужилъ свое наказаніе. Онъ всходитъ на эшафотъ, ложится на плаху и умираетъ. Да, да. Всего можно было ожидать, только не этого! Проиграть въ карты сына! Послать его на глумленіе, на позоръ. Развѣ можно это забыть? Развѣ это «логично?» Чудовищная пошлость! Ужасомъ вѣетъ отъ этого, мертвечиной.

Все, что было нѣжнаго въ душѣ молодого человѣка, вся эта любовь, которая постепенно воспитывается въ дѣтяхъ по отношенію къ виновникамъ дней ихъ и которая, несмотря ни на какія превратности судьбы, ни на какое суровое обращеніе, никогда не увядаетъ окончательно, мгновенно была растоптана, безпредѣльно унижена и безжалостно убита. Это ничего, что отецъ отправилъ его въ карточную кабалу. Инвалидовъ могъ смотрѣть на эту кабалу, какъ на выгодную аферу. Но онъ даже не потрудился подумать о томъ, способенъ-ли этотъ господинъ хотя на такую деликатность. Все равно, однако, если-бы и способенъ былъ. Нѣтъ, нѣтъ! Это убійство. Вмѣстѣ съ остаткомъ нѣжнаго сыновьяго чувства, въ сердцѣ юноши Николай Павловичъ убилъ и этотъ чудный вечеръ, и эти облака, и эту радость, которую прежде испытывалъ юноша, когда любовался природой, и его инстинктивно тянуло къ выраженію своихъ затаенныхъ радостей и восторговъ въ стихахъ. Если-бы мертвецъ могъ выйти изъ могилы и взглянуть на такой вечеръ, то великолѣпіе его красокъ и формъ не тронуло-бы его. Оно показалось-бы ему чуждымъ, давно умершимъ вмѣстѣ съ нимъ. Ваня шелъ, какъ мертвецъ, и все было кругомъ мертво.

Онъ увидалъ вдали паромъ. У парома стоялъ его извозчикъ и о чемъ-то толковалъ съ паромщикомъ. Кажется, тотъ не хотѣлъ его перевозить или требовалъ, чтобы онъ подождалъ, пока подъѣдутъ другіе. Но и эта караковая лошадка, и этотъ мальчикъ въ широкой шляпѣ, придававшей ему сходство съ грибомъ, и оба эти паромщика показались ему тоже мертвецами. Рѣка была мертва, какъ Стиксъ. Смерть впереди и смерть позади.

— Баринъ, зачѣмъ вернулись?—спросили его паромщики съ недоумѣніемъ.

— Развѣ нельзя? — раздался голосъ, знакомый Ванѣ, но очень смутно. Онъ не сразу сообразилъ, что это онъ самъ говоритъ.

Но онъ ничего не сказалъ больше. Мертвые люди искоса посматривали на Ваню. Онъ казался имъ такимъ же страннымъ, какъ они ему.

— Такъ что-жъ, перевезти васъ?

— Перевезите, перевезите!—возвысивъ голосъ, сказалъ маленькій извозчикъ.—А вашъ чемоданъ?—спросилъ онъ.

Ваня промолчалъ — не потому, чтобы ему странно было еще разъ услышать свой голосъ, но какъ-то безполезно казалось ему отвѣчать.

— Надо заплатить за весь паромъ,—говорилъ старшій паромщикъ.

Ваня машинально пошарилъ въ карманѣ. Денегъ у него не было. Стоя на краю помоста, случайно взглянувъ внизъ, онъ увидѣлъ свое изображеніе. Одна сторона лица была въ тѣни и казалась какою-то голубою, другая—освѣщена солнцемъ и была красна, какъ мѣдь. Два широко раскрытые глаза отвѣтили ему мертвымъ взглядомъ.

— А гдѣ тутъ купаются?—спросилъ онъ.

— Вишь, баринъ купаться еще будетъ. Проваливай, братъ, подожди. А можете гдѣ угодно. Подальше—вонъ тамъ за кустами, чтобы, неровенъ часъ, господинъ Инвалидовъ не увидали. У насъ приказъ, что-бъ не раздѣвались зря. А особливо здѣся. Здѣся—и, Боже мой! Оно, правду сказать, грубый народъ, учить надо...

Ваня не слышалъ, о чемъ еще говорили паромщики и какъ они объясняли заботу земскаго начальника о водвореніи нравственности и хорошаго тона среди мужичья. Онъ уже шелъ по берегу рѣки, къ тѣмъ кустамъ, на которые ему было указано, минулъ ихъ и все смотрѣлъ на воду. Паромщики взглядомъ слѣдили за нимъ. Такъ пришелъ онъ къ мѣсту, гдѣ теченіе рѣки было стѣснено двумя холмами.

Прозрачныя синія тѣни лежали надъ рѣкой. Надъ рѣзкими, твердыми очертаніями холмовъ, въ пространствѣ, образуемомъ ихъ вершинами, виднѣлся краешекъ неба. И на тускнѣющей лазури блѣднымъ огнемъ мерцала вечерняя звѣзда.

Ваня вспомнилъ, что и вчера онъ видѣлъ ее и даже хотѣлъ писать къ ней стихи. Но теперь она была совсѣмъ другая. Въ ней не было жизни. Она была совсѣмъ, совсѣмъ чужая ему.

Ваня какъ-то внезапно былъ потерянъ изъ виду паромщиками. Они издали смотрѣли на него съ легкимъ безпокойствомъ. Стали разспрашивать у извозчика, что это значитъ, что молодой баринъ вернулся.

— Ужъ не влетѣло-ли ему отъ Инвалидова. Отъ него станется.

Заговорились на нѣсколько минутъ и, когда оглянулись, Вани не было. По гладкой поверхности рѣки расплывались круги.

«А ежели онъ съ собой чего сдѣлалъ?» — подумалъ одинъ изъ нихъ.

Другой былъ того же мнѣнія, и сказалъ вслухъ, въ отвѣтъ на такую же мысль, промелькнувшую и въ его головѣ:

— Не господское дѣло.

Они еще постояли полминуты, но потомъ поддались своему безотчетному опасенію и послали мальчика.

— Бѣги, покличь барина! Рѣка тутъ прямая, берегъ виденъ. Куда ему дѣться!

Мальчикъ побѣжалъ къ кустамъ орѣшника, наклонившимся надъ рѣкой, и подалъ голосъ:

— Нѣту!

Паромщики наконецъ и сами побѣжали. Фуражка плавала на водѣ.

Безмолвно и ужасно было въ этомъ мѣстѣ. И вечерняя звѣзда, еще нѣсколько минутъ назадъ такая тусклая, теперь ярко вспыхнула и дрожала въ рѣкѣ, спокойствіе которой было такъ неожиданно нарушено.

Максимъ Бѣлинскій.

Законъ экономіи въ умственномъ трудѣ [1].

Чтобы составить себѣ представленіе о различныхъ способахъ и типахъ угнетенія, обратимся къ міру физическихъ или механическихъ явленій и посмотримъ, какимъ способомъ можетъ быть здѣсь достигнуто торможеніе движенія. Представимъ себѣ пароходъ на ходу. Внезапно усмотрѣна опасность, ожидающая пароходъ на его пути; требуется возможно скорѣе остановить дальнѣйшее движеніе. Простѣйшій способъ состоитъ въ томъ, что прекращаютъ выходъ пара, закрываютъ кранъ. Но такъ какъ по инерціи пароходъ продолжаетъ нѣкоторое время еще идти впередъ то съ цѣлью достигнуть болѣе быстрой остановки судна—пароходу дается задній ходъ. Находясь подъ вліяніемъ двухъ противуположныхъ силъ—инерціи и двигательной, пароходъ дѣйствительно скоро останавливается. Однакожъ, при этомъ являются новыя неудобства. Съ одной стороны, машина получила-бы слишкомъ сильное, вредное для ея конструкціи сотрясеніе, при рѣзкомъ измѣненіи направленія. Съ другой стороны, такъ какъ сила инерціи быстро истощается отъ тренія, сопротивленія воды, а двигательная сила, теперь толкающая пароходъ въ обратномъ направленіи, остается прежней, то весьма скоро наступило-бы обратное движеніе парохода. А между тѣмъ мы предполагаемъ, что требуется именно его полная остановка. Это дѣлаетъ необходимымъ введеніе новаго третьяго фактора — разряженія двигательной силы посредствомъ выпусканія паровъ. Разряженіе, истощая двигательную энергію, косвенно участвуетъ въ достиженіи цѣли—ослабленіи, замедленіи движенія, т.-е. въ торможеніи. Мы видимъ здѣсь 3 способа подавленія движенія. Одинъ заключается въ введеніи препятствій для двигательной силы, т.-е. въ измѣненіи мѣста приложенія силы. Въ данномъ случаѣ паръ, задержанный въ цилиндрѣ, вмѣсто механической работы идетъ отчасти на внутреннюю работу сгущенія пара, отчасти на сообщеніе какъ пару, такъ и стѣнкамъ цилиндра молекулярнаго дви-

[1] См. «Сѣв. Вѣстн.» 1897 г., № 11.

женія. Принципъ введенія препятствій можетъ быть осуществленъ различно—въ данномъ случаѣ закрытіемъ выхода пару; въ другомъ случаѣ, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ паденія тѣла, препятствіе для паденія тѣла имѣется въ видѣ крючка или задвижки, выдвигающейся на пути движущагося предмета.

Въ желѣзнодорожныхъ поѣздахъ мы видимъ, какъ препятствіе вводится въ видѣ сжатаго воздуха, прижимающаго колесо и этимъ тормозящаго движеніе. Здѣсь само препятствіе является въ формѣ новой силы, противостоящей двигательной силѣ локомотива.

Вторымъ факторомъ торможенія является измѣненіе направленія двигательной силы (задній ходъ).

Третій элементъ торможенія есть разряженіе, т.-е. опять-таки измѣненіе направленія двигательной силы, но при этомъ она не противодѣйствуетъ прежней двигательной силѣ, а, расходуясь въ сторону, истрачивается совершенно безъ пользы.

Таковы три простѣйшихъ метода торможенія, которые мы наблюдаемъ въ области механическихъ движеній; всѣ они характеризуются тѣмъ, что самое освобожденіе живой двигательной силы остается неизмѣннымъ. Существуетъ, однакожъ, другой видъ торможенія, когда посредствомъ какого-либо приспособленія прекращается не только приложеніе силы, но самое освобожденіе послѣдней.

Въ электрическихъ моторахъ мы видимъ прототипъ такого рода торможенія. Поворотомъ ключа или нажатіемъ пуговки мы моментально не только въ состояніи ввести препятствіе въ видѣ реостата для движенія тока, мы нетолько въ состояніи измѣнить направленіе тока, разрядить его, наконецъ, дать ему совершенно противоположное прежнему направленіе, но мы имѣемъ, сверхъ того, еще возможность моментально прекратить токъ, т.-е. подавить самый процессъ освобожденія электрической энергіи въ батареѣ.

Если сравнить между собой оба типа торможенія — простѣйшій, посредствомъ задняго хода, и электрическое торможеніе, то не трудно убѣдиться въ большемъ совершенствѣ послѣдняго типа во всѣхъ отношеніяхъ, не только въ быстротѣ, полнотѣ, но и въ экономіи силъ.—Во первыхъ, при второмъ типѣ торможенія—когда самое освобожденіе силъ подавляется, очевидно сберегается значительное количество силы. Во-вторыхъ, количество живой силы, которая должна быть затрачена какъ для введенія препятствія, такъ и для измѣненія направленія силы—весьма значительно при простомъ механическомъ торможеніи и ничтожно при электрическомъ. Въ первомъ случаѣ требуется поворачивать колеса, нажимать на рычаги и т. д., во-второмъ все совершается легкимъ нажатіемъ пуговки. Наконецъ, и самый аппаратъ, т.-е. корпусъ машины, страдаетъ при механическомъ торможеніи отъ сильнаго потрясенія, отъ неизбѣжныхъ толчковъ при

торможенія и измѣненіи направленія движенія, при электрическомъ—это сотрясеніе ничтожно.

Указанные 2 типа торможенія представляются, однакожъ, лишь крайними формами. Въ дѣйствительности могутъ существовать переходы между ними. Такъ, напр., въ вѣтряной мельницѣ мы имѣемъ типъ торможенія съ помощью одного только препятствія—засова. Въ водяной мельницѣ торможеніе достигается однимъ лишь спускомъ воды — т.-е. разряженіемъ. Въ остановкѣ парохода мы имѣемъ уже сложное торможеніе, составленное изъ препятствія, противодѣйствующей силы и разряженія. Здѣсь уже въ зародышѣ проявляется и внутреннее торможеніе посредствомъ тушенія огня, т.-е. пріостановки вырабатыванія пара.

Замѣчательно, что торможеніе электрическаго двигателя содержитъ въ себѣ, кромѣ спеціальнаго, только этому типу свойственнаго фактора—подавленія процесса освобожденія силы—также и всѣ болѣе простыя формы торможенія—введеніе препятствія, введеніе активнаго противодѣйствія и разряженіе. Еще одна особенность электрическаго торможенія, состоящая въ томъ, что послѣднее можетъ быть произведено въ любой точкѣ аппарата, т.-е. въ любой фазѣ процесса и работы. На всемъ протяженіи пути, который служитъ для передачи или проведенія электрической энергіи, могутъ быть введены ключи, съ помощью которыхъ токъ можетъ быть въ любомъ мѣстѣ пути прерванъ или отведенъ въ сторону, т.-е. получить иное направленіе. Препятствія могутъ быть точно также введены въ любой точкѣ пути. Получаются поэтому 3 типа торможенія — въ мѣстѣ непосредственнаго приложенія энергіи, промежуточное — въ проводникахъ, въ пути, и центральное — въ самомъ источникѣ электрической энергіи—въ элементахъ, напр., когда въ нихъ останавливается химическій или иной процессъ, развивающій электрическую энергію.

Обратившись теперь къ механикѣ нервныхъ процессовъ, мы убѣдимся, что задачи, которыя здѣсь предстоитъ разрѣшить, имѣютъ совершенно тотъ-же характеръ, что и въ условіяхъ обыкновеннаго физическаго движенія, или работы какой-либо машины. То, что мы называемъ угнетеніемъ, всегда имѣетъ практическую цѣль — остановить уже совершающееся движеніе, или задержать движеніе, имѣющее наступить. Въ физіологіи явленіе угнетенія разсматривается, какъ послѣдствіе, вытекающее изъ борьбы и взаимодѣйствія двухъ или болѣе факторовъ; одни видятъ въ угнетеніи результатъ взаимодѣйствія двухъ раздражителей, т.-е. внѣшнихъ силъ, имѣющихъ пройти по однимъ и тѣмъ же путямъ, или клѣткамъ. Другіе усматриваютъ въ угнетеніи продуктъ двухъ различныхъ процессовъ въ нервныхъ центрахъ. Мы же представляемъ себѣ сущность угнетенія совершенно иначе. На нашъ взглядъ въ самомъ механизмѣ каждаго единичнаго нервнаго акта и неза-

висимо отъ числа внѣшнихъ силъ, лежитъ необходимость и цѣлесообразность явленія угнетенія. Всякій нервный актъ есть прежде всего приспособительный процессъ. Его конечный пунктъ есть опредѣленное по формѣ, величинѣ и продолжительности движеніе, соотвѣтствующее тому раздражителю, который далъ толчекъ этому акту. Движеніе, чтобы быть цѣлесообразнымъ, должно быть опредѣленнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и по продолжительности и по силѣ. Если, напр., человѣкъ укололъ себѣ тыльную поверхность руки, то является цѣлесообразнымъ отдергиванье всей руки, или даже одно сгибаніе кисти, чѣмъ уже достигается удаленіе раздражаемой поверхности кожи отъ раздражителя. Разъ этотъ эффектъ достигнутъ, всякое дальнѣйшее движеніе и продолженіе нервнаго процесса является уже излишнимъ. Возвращеніе нервной и мышечной системы къ прежнему состоянію чувствительнаго равновѣсія, также необходимо, какъ условіе правильной реакціи на внѣшнія раздраженія, къ воспріятію которыхъ организмъ долженъ быть постоянно готовъ. Если поэтому непосредственная задача приспособленія дѣлаетъ излишнимъ продолженіе движенія дольше опредѣленнаго момента, то интересъ самосохраненія индивида требуетъ остановки этого движенія. Слѣдовательно, уже въ простѣйшемъ двигательномъ актѣ лежитъ необходимость угнетенія, какъ движенія, такъ и самаго нервнаго процесса. По аналогіи съ способомъ торможенія въ области механическаго движенія можно ожидать, что и въ сферѣ нервныхъ явленій торможеніе можетъ также достигаться различными способами, начиная отъ введенія сопротивленія и противодѣйствующей силы до остановки освобожденія силы.

Въ самомъ дѣлѣ физіологія учитъ, что при движеніи нашихъ пальцевъ, мы съ самаго начала напрягаемъ обѣ группы мышцъ—и сгибателей и разгибателей, причемъ если намъ нужно совершить сгибаніе, мы сразу, или довольно скоро, достигаемъ сильнаго напряженія сгибателей, разгибатели же сокращаются постепенно все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ предѣлу нужнаго движенія. Въ моментъ нужной остановки мы одновременно усиливаемъ противодѣйствіе разгибателей и въ то-же время разслабляемъ сокращеніе сгибателей. Таковъ сложный, двойственный ходъ произвольнаго угнетенія. Здѣсь имѣется на лицо и остановка одного движенія—сгибательнаго, и усиленіе другого—разгибательнаго.

Съ изложенной точки зрѣнія угнетеніе въ нервной системѣ имѣетъ характеръ прогрессивный; механизмъ угнетенія совершенствуется и усложняется все болѣе по мѣрѣ того, какъ мы подымаемся по лѣстницѣ нервныхъ явленій. Чѣмъ выше нервный процессъ, тѣмъ совершеннѣе и механизмъ торможенія, тѣмъ болѣе онъ олицетворяетъ начало экономіи нервной энергіи и опять также, какъ и въ физическомъ торможеніи,—въ двухъ видахъ. Во-первыхъ, экономія достигется все большимъ угнете-

ніемъ разряженія, т. е. непроизводительной тратой нервной энергіи и все болѣе совершенной и быстротой остановкой процесса освобожденія силы. Во-вторыхъ, величина затрачиваемой живой силы на весь механизмъ торможенія, т.-е. на введеніе противодѣйствія, на измѣненіе направленія нервнаго тока и на остановку освобожденія силы—также уменьшается, и все большіе эффекты достигаются меньшей затратой живой энергіи. Опять-таки въ области психическихъ процессовъ это совершенство и экономія достигаютъ своего наибольшого развитія.

Едва ли послѣ всего вышеизложеннаго нужно прибавить, что свободная, циркулирующая въ нервной системѣ нервная энергія и служитъ источникомъ для той затраты, которая требуется процессомъ торможенія. Аналогично тому, что мы видѣли въ явленіяхъ механическаго торможенія физическихъ двигателей и машинъ, гдѣ участіе двухъ силъ—двигательной и тормозящей, необходимо даже для самаго простого акта торможенія, точно также и въ нервной системѣ всякое торможеніе самой элементарной волны предполагаетъ участіе еще одной силы—въ данномъ случаѣ—свободной нервной энергіи.

Что же касается торможенія въ его наиболѣе сложной формѣ, когда нервная система есть арена протекающихъ въ ней волнъ и разрядовъ по различнымъ направленіямъ, то по всей вѣроятности здѣсь имѣетъ мѣсто механизмъ, аналогичный тому, который регулируетъ движеніе поѣздовъ по желѣзнодорожной сѣти, или передачу депешъ по телеграфной сѣти. Каждая нервная клѣтка играетъ роль ключа, который можетъ одинаково и тормозить, т. е. прервать движеніе, и измѣнять направленія, соединяя и разъединяя различныя пути и линіи, и можетъ, наконецъ, тормозить самое освобожденіе энергіи. Вспомнимъ, что желѣзнодорожная сѣть всегда связана съ телеграфной и что узловыя точки, т. е. станціи, служащія для обѣихъ сѣтей, совпадаютъ, что телеграфная сѣть служитъ дѣлу моментальнаго торможенія на разстояніи, и мы получимъ еще болѣе полное представленіе о механизмѣ торможенія въ нервной системѣ, гдѣ также возможно торможеніе въ какой угодно точкѣ по сигналу, данному изъ главной станціи, т. е. изъ высшихъ центровъ.

На нашихъ глазахъ въ самое послѣднее время механизмъ торможенія движенія по желѣзно-дорожной сѣти сдѣлалъ крупный шагъ впередъ — введеніемъ автоматически работающихъ тормазовъ и ключей, съ помощью которыхъ, какъ только два поѣзда находятся на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга на одномъ и томъ же пути, торможеніе является автоматически, т. е. безъ участія человѣка, ключъ переводитъ движеніе одного поѣзда на другой путь. Въ нервной системѣ мы также имѣемъ основаніе ожидать существованія такого автоматическаго торможенія въ любой станціи, т. е. клѣткѣ.

Итакъ, съ какой бы стороны мы ни взглянули на состояніе угнетенія, мы всегда находимъ, что его непосредственный результатъ для нервнаго процесса заключается въ экономіи живой нервной энергіи. Во время угнетенія задерживается или совсѣмъ останавливается распространеніе нервнаго тока, т. е. свободной нервной силы, изъ одной клѣтки въ другую, тормозится переходъ возбужденія съ однихъ нервныхъ путей или проводниковъ на другіе, воспрепятствованъ переходъ нервной энергіи на органы тѣла Еще не начавшаяся работа не возникаетъ, уже совершающаяся пріостанавливается. Живая нервная энергія, работа которой заторможена, не пропадаетъ, но превращается въ скрытую нервную силу, которая впослѣдствіи, по прекращеніи угнетенія, снова переходитъ въ живое состояніе. По аналогіи съ тѣмъ, что наблюдается въ сферѣ физико-механическихъ силъ, мы и здѣсь должны себѣ представлять различныя степени совершенства угнетенія отъ полнаго прекращенія всякаго движенія до замедленія, причемъ угнетеніе дѣйствуетъ какъ треніе.

Если угнетеніе захватываетъ какой-либо пунктъ, на которомъ распространяется нервный процессъ,—будетъ ли это рядъ клѣтокъ, или нервное волокно, смотря по степени и величинѣ силы угнетенія, то часть живой нервной энергіи или вся послѣдняя превратится въ скрытое состояніе. Начало экономіи нервной энергіи сказывается приэтомъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Когда наши чувствующіе центры заняты воспріятіемъ какого-либо впечатлѣнія, на это время благодаря угнетенію тормозится притокъ новыхъ впечатлѣній; живая сила этихъ раздражителей, однакожъ, не пропадаетъ, а лишь временами переводится въ состояніе скрытое, чтобы послѣ реализоваться въ живой формѣ. Когда наша воля занята выполненіемъ точнаго акта, который поглощаетъ много свободной нервной энергіи, на это время пріостанивливается также трата живой энергіи по другимъ волевымъ путямъ; уже начавшаяся работа остается въ состояніи напряженія.

Въ самыхъ нервныхъ центрахъ мы имѣемъ поэтому во время каждаго нервнаго акта игру и взаимодѣйствіе трехъ факторовъ. Прежде всего, возникаетъ-ли нервный процессъ подъ вліяніемъ внѣшняго импульса (рефлекторно) или внутренняго (автоматически), происходитъ освобожденіе извѣстнаго количества живой нервной энергіи. Совершается-ли въ клѣткѣ такое освобожденіе прямо и непосредственно, или-же первоначально развивается какая-либо форма физической энергіи, которая уже затѣмъ превращается въ специфически-нервную — это вопросъ въ данный моментъ для насъ побочный. Очевидно, что количество этой освободившейся энергіи, опредѣляемое главнымъ образомъ при одномъ и томъ же стимулѣ состояніемъ питанія нервныхъ клѣтокъ и количествомъ свободной нервной энергіи т. е. высотой нервнаго тона, не можетъ находиться въ опредѣленномъ отношеніи ни къ величинѣ стимула, ни

къ величинѣ предстоящей реакціи, т. е. той цѣлесообразной траты, которую можно было бы назвать предстоящей работой. Въ большинствѣ случаевъ, если не всегда, будетъ избытокъ свободной нервной энергіи уже по той простой причинѣ, что самъ по себѣ химическій процессъ не можетъ ограничиться предѣлами той группы клѣтокъ, участіе которыхъ строго и исключительно требуется для предстоящей работы. Куда же дѣвается и на что расходуется избытокъ освободившейся нервной энергіи, не потребляемой, т. е. не идущей на работу?

Это удаленіе избытка свободной энергіи достигается двумя путями—разряженіемъ энергіи и угнетеніемъ, т. е. превращеніемъ живой свободной энергіи въ скрытую. Подъ вліяніемъ угнетенія одна часть свободной энергіи сохраняется въ формѣ запасной, чѣмъ достигаются двѣ цѣли, во-первыхъ—экономія нервной силы, такъ какъ уменьшается количество непроизводительно растрачиваемой въ формѣ разряженія энергіи. Кромѣ того, переходомъ одной части живой нервной энергіи въ скрытое состояніе достигается пониженіе напряженія нервной силы, т. е. нервнаго тона, другими словами, получается выравниваніе нарушеннаго нервнаго равновѣсія, которое, благодаря этому, скоро возвращается къ прежнему уровню. Стало быть, угнетеніе, помимо экономіи, еще играетъ важную роль въ дѣлѣ внутренняго приспособленія центровъ и въ дѣлѣ регулированія нервнаго тона занимаетъ важное мѣсто. Надо полагать, что въ этомъ отношеніи роль угнетенія гораздо существеннѣе, чѣмъ значеніе разряженія. Ибо, степень быстроты и самые размѣры послѣдняго зависятъ въ значительной степени отъ состоянія всей нервной системы въ данный моментъ; притомъ же требуется извѣстное время для того, чтобы разряженная энергія дошла до периферіи.

Самое капитальное преимущество угнетенія предъ разряженіемъ заключается безспорно въ томъ, что первое совершается уже въ самыхъ клѣткахъ, т. е. застаетъ свободную нервную энергію in statu nascendi, слѣдовательно при совершенномъ механизмѣ угнетенія можно себѣ представить, что весь избытокъ свободной нервной энергіи превращается тутъ-же на мѣстѣ возникновенія въ скрытое состояніе.

Если мы, сверхъ того, вспомнимъ, что, благодаря угнетенію, свободная нервная энергія переходитъ въ скрытое состояніе и въ этой послѣдней формѣ оказываетъ обратное задерживающее вліяніе на самые химическіе, процессы то мы должны уже въ угнетеніи видѣть регуляторъ не только для нервной силы, но и для самаго матеріальнаго процесса, лежащаго въ основѣ нервныхъ актовъ. Подъ вліяніемъ угнетенія ослабѣваетъ или даже вовсе прекращается на время самое освобожденіе силъ — что уже конечно представляетъ высшую степень возможнаго саморегулированія нервной работы. Стало быть, и съ этой, какъ со всѣхъ другихъ сторонъ, роль угнетенія въ актѣ регулированія, распредѣленія нервной силы,

ея экономіи и ея производства—оказывается несравненно выше, чѣмъ значеніе разряженія.

Каждый нервный актъ состоитъ такимъ образомъ изъ 3 составныхъ частей,—собственно работы, т. е. живой нервной силы, расходуемой на реакцію, другой части—разряжаемой энергіи, отводимой въ другія части, и, наконецъ, изъ нервной силы, угнетаемой или превращенной въ скрытое состояніе угнетенія или напряженія. Сумма этихъ трехъ частей, или сумма всей освобождаемой энергіи должна оставаться постоянной все время, пока длится этотъ актъ, и не измѣняться отъ взаимныхъ колебаній въ распредѣленіи этихъ трехъ порцій нервной энергіи. Такова въ своемъ простѣйшемъ видѣ формула постоянства энергіи въ нервномъ процессѣ. По этой формулѣ слѣдуетъ ожидать, что каждый разъ, когда нервная энергія больше расходуется въ одной какой-нибудь формѣ, напримѣръ, въ видѣ разряженія, на долю другихъ частей, т. е. на долю собственно работы и угнетаемой силы достается меньшее количество. Само собой разумѣется, что распредѣленіе всей суммы энергіи между тремя формами бываетъ весьма различно, не только для различныхъ индивидуумовъ, но колеблется у одного и того же субъекта, сообразно съ состояніемъ нервныхъ центровъ, не одинаково для различныхъ отдѣловъ послѣднихъ и, наконецъ, возможно, что различныя категоріи нервныхъ процессовъ обладаютъ своимъ особымъ типомъ распредѣленія энергіи между указанными тремя формами. Существованіе такихъ особыхъ типовъ нервныхъ актовъ или дифференцированіе нервныхъ процессовъ должно достигнуть своего наибольшаго развитія и значенія въ сферѣ высшихъ мозговыхъ отправленій, связанныхъ съ спеціальными психическими явленіями, какъ воспріятіе, чувствованіе, сужденіе и хотѣніе.

На основаніи изложенныхъ данныхъ, мы должны a priori ожидать, что ходъ и теченіе нервнаго процесса не будетъ во всѣхъ случаяхъ представлять одного и того же типа, и поэтому схема, предложенная Вундтомъ, приложима, по всей вѣроятности, лишь къ какой-либо извѣстной категоріи нервныхъ актовъ.

Одно, впрочемъ, мы вправѣ предполагать, что, при среднихъ физіологическихъ условіяхъ, ходъ освобожденія нервной энергіи представляетъ кривую, гдѣ первая вѣтвь, восходящая, соотвѣтствуетъ фазѣ наростанія освобожденной энергіи, а вторая фаза, нисходящая, соотвѣтствуетъ ослабленію процесса освобожденія силы. Конецъ кривой совпадаетъ съ моментомъ возстановленія нервнаго тона на прежнемъ его уровнѣ, когда вся сумма освобожденной во время даннаго акта энергіи распредѣляется цѣликомъ между работой, разряженіемъ и превращеніемъ въ запасную энергію. Допуская также полное возстановленіе нервнаго тона въ концѣ каждаго нервнаго акта мы, впрочемъ, не должны забывать, что это лишь иде-

альная тенденція нервнаго процесса, почти никогда не осуществляющаяся.

Сопоставляя все сказанное здѣсь о распредѣленіи и превращеніи энергіи въ нервной системѣ съ явленіями сохраненія и превращенія энергіи въ организмѣ вообще, мы усматриваемъ между ними много общаго. А именно, какъ въ общей экономіи организма, его растительныхъ процессовъ, такъ и въ сферѣ нервной дѣятельности имѣется соотвѣтствіе прихода и расхода, траты силъ и возстановленія. Благодаря этому, какъ въ организмѣ поддерживается матеріальное и динамическое равновѣсіе въ видѣ постоянной t^o, такъ и въ нервной системѣ сохраняется опредѣленное динамическое равновѣсіе въ формѣ постояннаго равномѣрнаго тона. Приходъ и расходъ здѣсь также уравновѣшиваются. Какъ въ организмѣ имѣется механизмъ, регулирующій t^o тѣла, такъ и въ нервномъ процессѣ даны условія для регулированія тѣхъ колебаній, какія этотъ же процессъ создалъ.

Но тутъ же начинаются и существенныя различія между механикой біологическихъ процессовъ въ организмѣ вообще (растительными процессами) и механикой нервныхъ актовъ. Самое существенное различіе между сферой нервной и растительной заключается въ томъ, что въ послѣдней возстановленіе равновѣсія между приходомъ и расходомъ, словомъ весь балансъ достигается только съ помощью обмѣна веществъ, т.-е. химизма.

Въ нервной же мы системѣ встрѣчаемся съ существованіемъ самостоятельнаго постояннаго нервнаго тона и двухъ формъ нервной энергіи живой и скрытой. Когда же мы обратимся къ самому механизму регулированія нервной работы, то мы здѣсь встрѣчаемся съ гораздо болѣе сложнымъ аппаратомъ, чѣмъ тотъ, который мы видимъ въ сферѣ растительной жизни. Тамъ мы видѣли только два вида траты—механическую работу, или работу вообще, и потерю тепла, т.-е. разряженіе избытка энергіи. Здѣсь, въ области нервныхъ процессовъ, мы кромѣ работы (воли) и потери нервной энергіи черезъ разряженіе избытка (чувствъ) еще видимъ третій, весьма важный факторъ — участіе экономіи нервной силы, достигаемой угнетеніемъ, благодаря которому часть живой нервной энергіи превращается въ скрытое состояніе. Теоретически эта экономія соотвѣтствуетъ задержкѣ въ потерѣ тепла кожей, но какая разница въ степени, въ значеніи и въ совершенствѣ механизма!

Угнетеніе и экономія нервной силы являются поэтому совершенно новыми началами, которыя рѣзко отличаютъ нервную механику отъ растительной.

Въ исторіи эволюціи нервной системы и совершенствованія ея функцій разряженіе по всей вѣроятности есть одинъ изъ первичныхъ факторовъ, который обнаруживается уже на раннихъ ступеняхъ развитія нервной

функціи. Явленіе же угнетенія повидимому есть позднѣйшее пріобрѣтеніе нервной клѣтки, результатъ болѣе высокаго дифференцированія. Послѣднее начало экономіи является поэтому послѣднимъ словомъ нервной механики, а посему основой психо-механики.

Переходя къ примѣненію начала сохраненія энергіи въ области психическихъ явленій, мы должны, конечно, постоянно имѣть передъ глазами все то, что выше было изложено объ этомъ началѣ вообще, и въ особенности все то, что касается его проявленія въ сферѣ нервныхъ процессовъ. На первый взглядъ все вышеизложенное является въ высокой степени обезкураживающимъ. Если уже въ области нервныхъ процессовъ почти нѣтъ возможности приняться за разработку явленій эквивалентности и превращенія различныхъ формъ энергіи, то въ области психической жизни, которая имѣетъ своимъ основаніемъ нервные процессы и выростаетъ на послѣднихъ, но представляетъ ихъ усложненіе и дальнѣйшее развитіе, самая мысль подступиться съ вопросомъ объ эквивалентности уже представляетея весьма дерзкой и обреченной на полное фіаско. Но именно потому, что задача представляетъ такія трудности, намъ кажется, что не слѣдуетъ пренебрегать каждымъ фактомъ, какъ бы онъ ни былъ незначителенъ, если онъ только можетъ подготовить почву для распространенія закона сохраненія энергіи на психическій міръ. Точно также думается намъ, что и всякія общія соображенія объ этомъ предметѣ, вытекающія изъ основныхъ началъ современнаго естествовѣдѣнія, могутъ имѣть нѣкоторое значеніе, какъ предварительная работа для постановки настоящаго вопроса. Вотъ почему мы рѣшаемся подѣлиться съ читателями нашей попыткой труда такого рода.

Бросимъ, однако-жъ, предварительно бѣглый взглядъ на то, что въ этомъ направленіи сказано и сдѣлано другими.

Уже Фехнеръ въ своемъ трудѣ «Elemente der Psychophysik» развиваетъ ту мысль, что начало сохраненія энергіи примѣнимо къ явленіямъ нервной и психической жизни. «Мы еще не обладаемъ строгими доказательствами,—говоритъ Фехнеръ,—что начало это господствуетъ и въ психической области, однако-жъ всѣ наблюденія надъ душевной жизнью даютъ намъ право это предполагать, и мы поэтому должны придерживаться этой гипотезы, пока она не будетъ опровергнута. Такъ, напр., можно было предполагать, если признавать независимость души отъ тѣла, что наши душевные процессы обладаютъ самостоятельнымъ источникомъ живой силы. Наблюденія, однакожъ, показываютъ противное. Такъ, мы можемъ въ одно и тоже время думать и при этомъ совершать еще какую-нибудь физическую работу, т. е. производить движеніе. Если, однакожъ, мыслительная дѣятельность внезапно усилится, если напр., намъ вдругъ прійдетъ въ голову какая-либо интересная идея,

вспомнится какой-нибудь любопытный фактъ, мы сразу невольно прекращаемъ нашу физическую работу, или же она, по крайней мѣрѣ, ослабѣваетъ. Очевидно, разсуждаетъ Ф., нашъ умъ не можетъ питаться собственными силами и долженъ, при появленіи усиленнаго спроса на живую силу, черпать послѣднюю изъ общаго тѣлеснаго резервуара, т.-е. отнимать ее у другихъ работъ, поддерживаемыхъ нервной силой. Куда дѣвается живая сила, двигающая нашей рукой, спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ—она идетъ на молекулярныя движенія въ головѣ. Какъ усиленіе мысли прерываетъ движеніе нашего тѣла, такъ и обратно, всякое усиленіе напряженія въ работѣ, особенно внезапное, напр., прыжокъ, прерываетъ на время теченіе мысли. Углубленный въ свои мысли, человѣкъ сидитъ молча и неподвижно, а тотъ, кто бѣгаетъ и смѣется, не въ состояніи въ это время думать.

Тоже относится, кромѣ мысли, и къ другимъ формамъ душевной дѣятельности; сильныя чувства, напряженное вниманіе (воспріятіе впечатлѣній) также находятся въ антагонизмѣ съ физической работой, т.-е. съ движеніемъ. Различныя сферы душевной дѣятельности находятся, въ свою очередь, между собой въ такой-же борьбѣ. Нельзя въ одно и то-же время воспринимать впечатлѣніе и глубоко обдумывать что-нибудь, или одновременно хорошо разсматривать какой-либо предметъ и вслушиваться. Вниманіе, раздѣленное между несколькими работами, слабѣетъ для каждаго акта въ отдѣльности. Въ этомъ, по мнѣнію Ф., слѣдуетъ также видѣть проявленіе закона сохраненія энергіи. Въ силу этого закона необходимая для каждаго психическаго акта живая сила почерпается изъ общаго источника, и прежде всего, она отнимается отъ другихъ психическихъ актовъ и уже въ томъ случаѣ, когда ея оказывается недостаточно, она заимствуется изъ резервуара непсихической энергіи, т.-е. нервной (двигательной). По Фехнеру законъ сохраненія энергіи слѣдуетъ поэтому понимать какъ постоянство суммы живой силы обѣихъ формъ нервной дѣятельности—безсознательной, т.-е. чисто матеріальной, нервной въ тѣсномъ смыслѣ, и психической, т.-е. сознательной. Съ этой точки зрѣнія Ф. пытается даже объяснить нѣкоторыя, кажущіяся, по его словамъ, противорѣчія. Человѣкъ, до того совершенно спокойный, внезапно, безъ внѣшняго повода, исключительно подъ вліяніемъ душев- -аго возбужденія, совершаетъ извѣстную физическую работу. Или же другой случай. Намъ нужно кое-что сдѣлать, мы этого не въ состояніи но подъ вліяніемъ особеннаго, иногда также внезапнаго, напряженія воли, мы справляемся съ этой работой. Гдѣ же, спрашивается, источникъ обнаруживаемой нами въ этихъ случаяхъ живой силы?

По мнѣнію Фехнера, въ явленіяхъ подобнаго внезапнаго развитія нами живой силы нельзя, однакожъ, еще усматривать нѣчто, говорящее противъ начала сохраненія энергіи, и вотъ почему. Прежде всего, гово-

ритъ Ф., живая сила, внезапно обнаруживаемая нами въ этихъ случаяхъ, не народилась въ этотъ моментъ, а существовала въ насъ раньше, но была разсѣяна, и лишь сконцентрировалась подъ вліяніемъ возбужденія ума или воли. Слѣдуетъ также имѣть въ виду и то, что всегда вслѣдъ за такими вспышками энергіи слѣдуетъ продолжительное истощеніе нервныхъ, а иногда и растительныхъ отправленій. Отсюда должно заключить, что даже внезапное проявленіе живой силы совершается насчетъ израсходованія запасной химической энергіи. Очень можетъ быть, что напряженіе воли или мысли въ состояніи обусловить очень быстрое и значительное превращеніе потенціальной силы въ живую, но источникъ при этомъ все же остается всегда одинъ и тотъ же. Количество живой силы, развиваемой нервой системой, можетъ вообще колебаться въ своихъ размѣрахъ, при различныхъ физіологическихъ состояніяхъ организма, какъ-то его питанія, здоровья, бодрствованія и сна, но въ общемъ это количество не можетъ подвергаться значительнымъ внезапнымъ колебаніямъ.

Живая сила, расходуемая на рубку дровъ, и сила, идущая на мышленіе, не только могутъ быть сравниваемы между собой количественно, говоритъ Фехнеръ, но способны превращаться одна въ другую, и съ тѣлесной стороны оба вида работы должны быть измѣряемы одной мѣрой. Правда, что спокойное мышленіе и чувствованіе можетъ имѣть большое значеніе (цѣнность), хотя при этомъ въ мозгу совершаются настолько слабыя молекулярныя колебанія, которыхъ совершенно недостаточно было-бы для того, чтобы вызвать какую-либо замѣтную физическую работу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, однако-жъ, что когда наше мышленіе или чувствованіе достигнетъ значительной напряженности, тогда и соотвѣтствующія молекулярныя движенія въ нервныхъ центрахъ должны при этомъ также обладать болѣе значительной интенсивностью. Количество живой молекулярной силы, развивающейся въ данный моментъ въ мозгу, заканчиваетъ Фехнеръ свое изложеніе, соотвѣтствуетъ одинаково какъ энергіи психической работы, въ которую эта сила превращается, такъ и интенсивности той мышечной работы, которую она, эта работа, можетъ породить.

Нетрудно видѣть, что взглядъ Фехнера на начало сохраненія энергіи въ области психическихъ явленій не отличается достаточной опредѣленностью. Прежде всего, Фехнеръ представляетъ себѣ нервную систему, какъ однородное физическое тѣло, въ которомъ энергія свободно и равномѣрно передвигается изъ одной части въ другую, то разсѣеваясь, то концентрируясь, но являясь въ томъ пунктѣ, гдѣ въ данный моментъ на нее наибольшій спросъ. Воззрѣніе это, однакожъ, неправильно съ фактической стороны и содержитъ въ себѣ нѣсколько гипотезъ. Нервная система не есть физически-однородное тѣло, а сумма

органовъ, хотя и связанныхъ между собой, но въ своей работѣ и покоѣ, въ вырабатываніи, накопленіи и расходованіи энергіи въ значительной степени автономныхъ нервныхъ центровъ, построеныхъ и работающихъ по типу федераціи, хотя и связанныхъ между собой въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ. Одни нервные центры могутъ весьма энергично работать, а другіе, рядомъ съ ними, будутъ находиться въ состояніи покоя; одни отдѣлы нервной системы могутъ находиться въ состояніи полнаго химическаго и физическаго истощенія, и въ то-же время смежныя части будутъ въ состояніи избытка какъ химической матеріи, такъ и физической энергіи.

Предполагаемое Фехнеромъ свободное и притомъ моментальное передвиженіе энергіи изъ одного угла нервной системы въ другой наврядъ-ли можетъ имѣть мѣсто въ дѣйствительности.

Утвержденіе Фехнера, что живая сила, передвигаемая съ мѣста на мѣсто по принципу «мѣста наибольшаго спроса», предполагаетъ, во-первыхъ, какой-то механизмъ, совершенно намъ пока непонятный, этого распредѣленія силы. Во-вторыхъ, тутъ скрывается чисто механическое понятіе о цѣлесообразности распредѣленія нервной энергіи, что опять-таки недоступно пока научному анализу. Затѣмъ, заявленіе Фехнера, что воля въ состояніи сразу освобождать большія количества живой энергіи, даже на истощенной почвѣ, есть въ сущности лишь описаніе факта, но не объясненіе. Какъ попытка-же объяснить извѣстныя явленія, эта мысль заключаетъ въ себѣ признаніе за «волей» роли какого-то регулятора чисто-матеріальныхъ, химическихъ процессовъ. Такой взглядъ, въ свою очередь, значительно усложняетъ, но отнюдь не облегчаетъ пониманіе психо-физическаго механизма. Во всякомъ случаѣ, гипотеза обратнаго вліянія психики на матеріальные нервные процессы, при нынѣшнемъ состояніи знанія, представляется весьма мало обоснованной и еще менѣе понятной, чѣмъ обратное представленіе о вліяніи матеріальныхъ процессовъ на сознаніе.

Почти всѣ примѣры, приводимые Фехнеромъ, относятся къ соотношенію между чисто-умственной дѣятельностью и физической, т.-е. движеніемъ. Въ сферѣ-же самой психики Фехнеръ, повидимому, затрудняется отыскать положительные факты, которые-бы говорили въ пользу начала сохраненія энергіи. Правда, онъ вскользь указываетъ на трудность дѣлить вниманіе, но это явленіе, какъ извѣстно, можетъ быть истолковано въ иномъ смыслѣ, какъ проявленіе такъ называемаго закона единства, т.-е. недѣлимости сознанія.

Несомнѣнно, однакожъ, что наиболѣе слабый пунктъ во всемъ ученіи Фехнера о примѣненіи начала сохраненія энергіи къ психикѣ заключается въ томъ, что Фехнеръ смѣшиваетъ 3 ступени, или, вѣрнѣе, 3 совершенно различныя стороны этого вопроса. Необходимо различать слѣдующіе

моменты: примѣненіе начала сохраненія энергіи въ самой сферѣ матерьяльныхъ процессовъ, развивающихся въ самой нервной системѣ.

Слѣдующей ступенью затѣмъ является изученіе отношеній между матеріальной, нервной работой и психической энергіей. Наконецъ, третьей и заключительной фазой должно явиться изслѣдованіе самой психики, т.-е. взаимодѣйствія и превращенія однихъ психическихъ явленій въ другія.

Уже основатель этой науки, Фехнеръ, при самомъ началѣ своихъ изысканій, столкнулся съ вопросомъ о взаимномъ соотношеніи міра матеріальнаго и психическаго. Если только существуетъ какое-либо постоянное отношеніе между матеріальными процессами и психическими, то неизбѣжно навязывается уму мысль о томъ, не существуетъ-ли количественной связи между двумя мірами, не соотвѣтствуетъ-ли опредѣленному количеству физической и химической работы постоянная величина или интенсивность психической работы? При этомъ, насъ не должно смущать, что матеріальныя и духовныя явленія по своей природѣ ничего общаго между собой не имѣютъ. Мы даже не должны представлять себѣ, что эти два вида разнородныхъ процессовъ будто-бы переходятъ одинъ въ другой. Необходимо только, чтобъ онѣ могли быть измѣряемы, т. е. обладали единицей мѣры. Если психическіе процессы не обладаютъ единицей мѣры, то они не могутъ быть сравниваемы между собой и мы должны навсегда отказаться отъ всякой надежды прослѣдить начало сохраненія энергіи въ мірѣ психическомъ.

По мнѣнію Вундта, самый характеръ психическихъ явленій исключаетъ возможность примѣнить къ нимъ начало постоянства энергіи. Въ мірѣ психическомъ, говоритъ Вундтъ, продуктъ всегда богаче содержаніемъ, нежели сумма элементовъ, чѣмъ можно объяснить прогрессивный характеръ духовной жизни человѣка, его наклонность къ непрерывному развитію. Это даетъ Вундту поводъ усматривать въ психической жизни существованіе особаго начала—роста духовной энергіи въ противоположность закону постоянства энергіи, характеризующему всѣ процессы физическаго міра.

Вундтъ, однако-жъ, оговаривается, что подъ величиной энергіи какого-нибудь психическаго явленія онъ разумѣетъ лишь способность этого послѣдняго къ дѣйствію, и что сравненіе величинъ энергіи двухъ психическихъ процессовъ возможно лишь въ самой общей формѣ, точнаго-же количественнаго измѣренія здѣсь быть не можетъ.

Въ настоящее время господствуетъ въ наукѣ убѣжденіе въ существованіи пропорціональности между напряженностью матеріальныхъ нервныхъ процессовъ, т. н. возбужденіемъ съ одной стороны и интенсивностью ощущеній, или сознанія—съ другой. Этотъ законъ нервно-психической эквивалентности не даетъ намъ еще права утверждать, что

и начало сохраненія энергіи можетъ быть распространено на взаимотношеніе нервнаго процесса и психики. Стоитъ намъ только вспомнить, какія условія и требованія предъявляетъ это начало къ физическому міру, въ которомъ оно находитъ себѣ примѣненіе. Прежде всего это начало предполагаетъ возможность взаимнаго перехода всѣхъ формъ силъ одной въ другую. А между тѣмъ здѣсь мы можемъ только предполагать, и то безъ надежды когда-либо это доказать, возможность превращенія нервнаго процесса въ психическую энергію или, вѣрнѣе, въ психическое явленіе. Впрочемъ, не имѣя надеждъ когда-либо понять такой переходъ, мы въ самомъ лучшемъ случаѣ можемъ лишь допускать, что нервныя явленія сопровождаются психическими. Да даже и въ этой скромной формѣ необходимо сдѣлать ограниченіе — мы не имѣемъ права ожидать, что это сопутствіе всегда существуетъ. Весьма вѣроятно, что въ очень многихъ случаяхъ нервные процессы не сопровождаются психическими. При какихъ условіяхъ это сопутствіе имѣетъ мѣсто и при какихъ—нѣтъ, при нынѣшнемъ состояніи науки трудно даже дѣлать какія-либо догадки на этотъ счетъ. Что-же касается обратнаго процесса, т.-е. перехода психическихъ явленій въ нервныя или точнѣе—обратнаго сопутствія первыхъ послѣднимъ, то мы не обладаемъ пока никакими фактами, которые оправдывали-бы такое смѣлое предположеніе.

Слѣдовательно, и рѣчи не можетъ быть не только о взаимномъ переходѣ, но даже о постоянномъ совпаденіи нервныхъ и психическихъ процессовъ. И начало постоянства энергіи въ примѣненіи къ двумъ родамъ процессовъ, нервныхъ и психическихъ, сводится поэтому лишь къ тому, что, насколько первыя сопровождаются послѣдними, между ними можетъ существовать извѣстное соотношеніе, т.-е. законъ ихъ измѣненія можетъ быть одинъ и тотъ-же или, по крайней мѣрѣ, аналогичный. Но даже и въ такой скромной спеціальной и съуженной формѣ начало это должно быть еще болѣе ограничено, такъ какъ и оно предполагаетъ нѣкоторыя условія, которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, для возможности сравненія нервныхъ и психическихъ процессовъ, необходимо, чтобы характеръ этихъ явленій былъ одинъ и тотъ-же. А такъ какъ въ нервныхъ процессахъ характеръ этотъ несомнѣнно количественный, то необходимо, стало-быть, чтобы и въ сферѣ психической эти измѣненія носили такой-же характеръ. А это для многихъ психическихъ процессовъ положительно не имѣетъ мѣста, а для другихъ еще не доказано. Далѣе, такая параллельность еще предполагаетъ, чтобы единица для измѣренія психическихъ величинъ была постоянной и общей для всѣхъ психическихъ процессовъ совершенно такъ, какъ для міра физическаго мы обладаемъ уже общей механической единицей, которая можетъ служить мѣриломъ для сравненія между собой всѣхъ матеріальныхъ процессовъ, или всѣхъ формъ движенія. Нужно-ли говорить, что мы еще

очень далеки отъ того, чтобы обладать такой постоянной и общей для всѣхъ психическихъ процессовъ единицей. Еще и теперь идетъ принципіальный споръ между различными представителями психо-физіологіи о томъ, имѣютъ-ли психическія явленія количественный характеръ и обладаютъ-ли они единицей или мѣрой.

Въ самомъ дѣлѣ, мы часто сравниваемъ между собою [1]) различныя психическія явленія и различаемъ ихъ по ихъ продолжительности и силѣ; мы должны поэтому обладать также и внутренней мѣрой для такого сравненія, точно такъ-же, какъ мы пользуемся мѣрой для измѣренія двухъ какихъ-либо разстояній въ пространствѣ. Въ этомъ смыслѣ несомнѣнно существуетъ психическая мѣра, и каждый изъ насъ носитъ ее въ себѣ, но мѣра эта крайне несовершенна. Я могу, напримѣръ, утвердительно сказать, что данное представленіе яснѣе другого, что данное чувство сильнѣе другого, но мы никогда не въ состояніи опредѣлить, во сколько разъ это представленіе или чувство превосходитъ другое. Мы никоимъ образомъ не въ состояніи опредѣленно установить численное отношеніе между напряженностью или скоростью явленій нашего сознанія, а между тѣмъ только это одно и удовлетворяетъ условію измѣренія. Однакожъ, вѣдь и сами предметы и явленія внѣшняго міра недоступны нашему непосредственному измѣренію. Самое точное орудіе мѣры—нашъ глазъ—даетъ намъ лишь приблизительное сравненіе величинъ окружающихъ насъ предметовъ, и главная задача естествознанія всегда заключалась въ отыскиваніи и усовершенствованіи точныхъ способовъ измѣренія предметовъ и явленій. Для психическихъ явленій передъ нами стоитъ тотъ же вопросъ—возможно ли найти и выработать точный и постоянный масштабъ, посредствомъ котораго эти явленія стали бы доступны точному измѣренію.

Мы находимъ въ нашемъ сознаніи одинъ классъ явленій, въ которыхъ мы непосредственно отмѣчаемъ разныя степени. Такъ, мы находимъ въ нашихъ ощущеніяхъ не только величину, но и качество; мы различаемъ степень желтаго и краснаго цвѣта и постепенный переходъ одного въ другой, высоту и глубину тоновъ и ихъ переходы.

Такимъ образомъ, кромѣ времени и пространства, мы обладаемъ еще внутреннимъ, хотя и несовершеннымъ масштабомъ для опредѣленія качества ощущеній. Всѣ употребляемые нами теперь физическіе способы измѣренія имѣютъ своимъ первоначальнымъ источникомъ эту внутреннюю психическую мѣру. Когда же мы желаемъ установить и точно опредѣлить эту послѣднюю, мы должны обратно вернуться къ физическимъ методамъ измѣренія. Психическая мѣра оказывается поэтому и первой,

---

[1]) Болѣе подробное и спеціальное изложенія этого вопроса см. статью автора «Объ измѣреніи психическихъ явленій» «Записки харьковскаго университета» 1897, кн. 4-я.

непосредственной, и послѣдней, такъ какъ въ концѣ концовъ она сама дѣлается предметомъ того самаго физическаго измѣренія, которое изъ нея же развилось. Отношеніе между величиной внѣшнихъ дѣятелей и интенсивностью нашихъ ощущеній представляетъ безспорно большой интересъ, какъ теоретическій, такъ и практическій. Умъ человѣческій склоненъ допускать наиболѣе простое отношеніе между этими двумя классами явленій, а именно отношеніе прямой пропорціональности. Намъ кажется, что если извѣстная тяжесть подымается нашей рукой и производитъ на насъ впечатлѣніе опредѣленнаго вѣса, то вдвое большая тяжесть должна будетъ вызвать въ насъ вдвое большее ощущеніе. И въ самомъ дѣлѣ, разсуждаемъ мы, если только наши ощущенія представляютъ собою внутреннюю мѣру явленій внѣшняго міра, то мѣра эта должна быть пропорціональна,—въ противномъ случаѣ, разсуждаемъ мы, наше сознаніе не можетъ быть вѣрнымъ зеркаломъ внѣшняго міра! Однакожъ, звуковыя явленія, уже давно хорошо изученныя, могутъ служить доказательствомъ, что отношеніе между нашими ощущеніями и внѣшними дѣятелями вовсе не такъ просто, а напротивъ далеко отъ простой пропорціональности. Въ звукахъ мы различаемъ степень ихъ высоты и глубины, и уже давно извѣстно, что различная высота и глубина звука опредѣляется числомъ правильныхъ колебаній воздуха, производимыхъ вибрирующими предметами: струнами, трубками, пластинками и т. п. Однакожъ, обѣ скалы: субъективныхъ измѣненій высоты тона съ одной стороны и числа колебаній съ другой—не идутъ параллельно и не пропорціональны между собой.

Далѣе ощущеніе не подлежатъ измѣренію въ томъ смыслѣ, какъ это понимается въ первоначальномъ значеніи этого слова, въ смыслѣ измѣренія пространства. Во-первыхъ, ощущенія не разлагаются на составныя части, одно ощущеніе сѣраго не есть 2 и 3 раза ощущеніе другого сѣраго. Во-вторыхъ, нѣтъ такого ощущенія, или вѣрнѣе, такого количества ощущеній, которое можно было-бы принять за единицу мѣръ всѣхъ ощущеній даннаго класса. Поэтому мы лишены возможности измѣрять ощущенія одни посредствомъ другихъ. Нельзя также, какъ уже было сказано, измѣрять ихъ при посредствѣ ихъ связи съ тѣлесными процессами. Такое косвенное измѣреніе также предполагаетъ возможность расчлененія ихъ на устойчивыя составныя части. Такимъ образомъ мы одинаково лишены возможности примѣнять къ изученію ощущеній оба способа измѣреній, которыми мы пользуемся при изученіи физическихъ явленій. Здѣсь немыслимо ни прямое измѣреніе однихъ ощущеній черезъ другія, ни функціональное измѣреніе ощущеній черезъ ихъ физическіе спутники. Если мы условимся называть величинами только то, что доступно измѣренію, прямому и косвенному, то мы должны сказать себѣ, что ощущенія, будучи неизмѣримы, не могутъ считаться вообще величинами.

Впрочемъ, нужно при этомъ имѣть въ виду, что въ матеріальномъ мірѣ прямому измѣренію доступно лишь пространство и что основное условіе точности въ естествознаніи заключается въ установленіи постоянныхъ отношеній между даннымъ классомъ явленій посредствомъ пространственной мѣры.

Но даже и допустивъ измѣримость и общую единицу для всѣхъ психическихъ явленій, мы все еще не имѣемъ, строго говоря, права говорить объ соотвѣтствіи между ними и нервными процессами, такъ какъ самыя единицы физической и психической силы несоизмѣримы и не могутъ быть сравниваемы между собой вслѣдствіе полной разнородности психическаго и матерьяльнаго міровъ.

Единица матеріальнаго нервнаго процесса и единица психической жизни или энергіи всегда останутся внѣ всякаго сопоставленія и сравненія и самое ихъ соотношеніе будетъ навсегда покрыто тѣмъ ignorabimus, которое вырвалось у Дюбуа-Реймонда.

Нервные процессы, какъ всѣ матеріальные вообще, бываютъ двухъ противоположныхъ типовъ—одни сопровождаются освобожденіемъ живой силы, другіе поглощаютъ живую силу и даютъ накопленіе запасной, скрытой энергіи. Отсюда вытекаетъ такое положеніе: если только, хотя-бы въ тѣсныхъ предѣлахъ опредѣленнаго числа случаевъ, имѣетъ мѣсто эквивалентность между нервнымъ процессомъ и колебаніями сопровождающихъ ихъ психическихъ явленій, то прежде всего эта пропорціональность должна сохраняться для двухъ основныхъ факторовъ нервнаго процесса—для освобожденія и накопленія энергіи. Другими словами, такъ-какъ въ нервномъ возбужденіи оба ряда процессовъ слиты, ихъ внутреннее отношеніе постоянно колеблется, причемъ, то возрастаетъ величина живой силы насчетъ запасной, то происходитъ обратное, то для соотвѣтствующаго этому возбужденію психическаго процесса является обязательнымъ также въ какой-либо формѣ отражать въ себѣ обѣ эти стороны нервнаго процесса. Для психики, сопровождающей нервное возбужденіе, является роковая дилемма: или психика, въ томъ случаѣ, если она въ состояніи отразить въ себѣ одну только сторону нервнаго возбужденія—скажемъ одни только процессы освобожденія энергіи—будетъ колебаться и прерываться каждый разъ, какъ въ нервной системѣ прямые процессы будутъ переходить въ обратные, или-же когда затѣмъ въ нервной системѣ снова совершится переходъ обратныхъ процессовъ въ прямые, психика должна будетъ отставать, по крайней мѣрѣ—опаздывать. При этомъ вдобавокъ выступаетъ еще одно обстоятельство, совершенно противорѣчащее всѣмъ нашимъ представленіямъ объ энергіи. Пришлось-бы допустить, что каждый разъ какъ въ нервномъ возбужденіи совершается превращеніе живой энергіи въ запасную, въ мірѣ психическомъ то, что составляетъ соотвѣтствующій эффектъ—сознаніе и ощущеніе исчезаетъ,

обращается въ ничто. А впослѣдствіи, когда въ нервномъ процессѣ снова происходитъ превращеніе запасной силы въ живую, въ мірѣ психическомъ совершается истинное чудо—зарожденіе психической жизни или работы. Если только мы видимъ въ психическихъ явленіяхъ нѣчто реальное, хотя-бы и въ особомъ спеціальномъ смыслѣ, если только слова: «психическая энергія» не есть пустой звукъ, а въ этомъ наблюденіе и опыты насъ такъ-же прочно убѣждаютъ, какъ въ реальности матеріальной силы, то такого рода исчезаніе и возрожденіе психической жизни невозможно допустить. Ибо, допустивъ ихъ, мы въ сущности обрываемъ единственную нить, на которой держится все воззрѣніе о существованіи хотя-бы самой слабой связи психики съ нервными процессами. Разъ допустивъ это, мы уже не вправѣ отвергнуть и возможности такихъ исчезаній и возбужденій психической силы и помимо всякаго отношенія къ какому-либо матеріальному или нервному процессу. Нельзя не видѣть, что отсюда вытекаетъ положеніе, принятіе котораго является логической необходимостью. Если только мы признаемъ, что наше сознаніе находится въ соотвѣтствіи и, при нѣкоторыхъ условіяхъ, въ эквивалентности съ извѣстной формой нервнаго процесса, все равно какой, положимъ съ освобожденіемъ живой силы, тогда неизбѣжно приходится принять, что и другая форма нервнаго процесса, т.-е. накопленіе запасной силы, должно въ какой-нибудь формѣ имѣть свой эквивалентъ, по крайней мѣрѣ для этой категоріи случаевъ, въ мірѣ психическомъ.

Другими словами, въ послѣднемъ должны также имѣть мѣсто и двѣ формы психической жизни, какъ и два вида психической силы. Одна изъ нихъ должна находиться въ соотвѣтствіи съ прямыми нервными процессами, т.-е. освобожденіемъ нервной силы, другая съ обратнымъ нервнымъ процессомъ, или съ накопленіемъ запасной нервной энергіи. Конечно, какъ только такое положеніе высказано, тотчасъ-же возникаетъ какъ-бы самой собой предположеніе, не имѣемъ-ли мы въ такъ-называемой сознательной и безсознательной формѣ психической жизни эти два вида психическихъ процессовъ?

Многіе полагаютъ, что попытка искать въ мірѣ психическомъ нѣчто аналогичное началу сохраненія энергіи уже въ самомъ своемъ зародышѣ встрѣчаетъ будто-бы непреодолимыя препятствія. Уже, говорятъ эти скептики, въ сферѣ наиболѣе сложныхъ матерьяльныхъ процессовъ, а именно химическихъ, начало это пока не провѣрено, и мы еще не распространили его на весь физическій міръ. Быть можетъ, оно царитъ только въ одной части явленій природы и есть лишь частный спеціальный случай какого-то другого, болѣе общаго, закона энергіи и работы. Въ области нервныхъ явленій имѣется такое сложное взаимодѣйствіе физическихъ, химическихъ и, быть можетъ, еще особаго рода жизненныхъ процессовъ, здѣсь совершается такое сложное, раздѣленное временемъ и простран-

ствомъ, взаимодѣйствіе и учитываніе прихода и расхода энергіи, притока и выдѣленія матеріи, что начало сохраненія энергіи быть можетъ достигается лишь *во взаимодѣйствіи среды и нервной системы*, а не въ самой послѣдней, отдѣльно взятой.

Далѣе взаимное отношеніе нервныхъ процессовъ и психическихъ, какъ оказывается, представляетъ какую-то одностороннюю форму эквивалентности, но отнюдь не взаимнаго соотношенія. При этомъ отношеніе это, быть можетъ, имѣетъ еще вдобавокъ характеръ качественный, т.-е. совершенно отличный отъ той количественной связи, которая имѣетъ мѣсто въ мірѣ матеріальномъ. Не должно-ли уже все это, вмѣстѣ взятое, всѣ эти затрудненія, которыя насъ встрѣчаютъ, какъ опасности на пути къ заколдованному замку въ извѣстной сказкѣ, устрашить настолько, чтобы не позволить намъ рѣшиться на безумную и безплодную попытку проникнуть въ заколдованный замокъ.

Предположимъ, однакожъ, продолжаютъ осторожные люди науки, что какимъ-то чудомъ эти затрудненія преодолѣны, или, вѣрнѣе, что, игнорируя эти препятствія, мы очутились у вратъ психическаго царства и пытаемся прямо и непосредственно проникнуть сюда, чтобы здѣсь искать начала сохраненія энергіи. Тогда хоромъ раздаются голоса, предостерегающіе насъ отъ всякаго движенія и попытки сдѣлать шагъ впередъ. Намъ говорятъ слѣдующее: какъ можно даже говорить о сохраненіи энергіи въ мірѣ психическомъ, когда самое существованіе энергіи или психической силы въ томъ смыслѣ, какъ это понятіе выработано и сложилось въ физикѣ, еще не установлено для духовныхъ явленій? Вѣдь въ основѣ понятія о физической силѣ лежитъ представленіе о движеніи, о массѣ, скорости и т. п. механическихъ факторахъ, а для всѣхъ этихъ представленій мы еще должны искать и доказать существованіе аналогій въ области психическихъ явленій. Нѣкоторые противники такого рода попытки заходятъ еще дальше въ своемъ ignorabimus и утверждаютъ категорически, что въ мірѣ психическомъ немыслимы ни масса, ни движеніе, ни среда для этого движенія, что, поэтому, о силѣ психической, въ смыслѣ аналогичной физической, не можетъ быть и рѣчи. Но и наименѣе строгіе изъ противниковъ говорятъ, что, если даже и допустить примѣнимость механическихъ представленій къ явленіямъ психическимъ, то и тогда будто-бы шансы наши отыскать здѣсь нѣчто аналогичное началу сохраненія энергіи равны нулю и вотъ почему.

Начало это, говорятъ, держится на взаимномъ превращеніи силъ одной формы въ другую. Гдѣ же тѣ факты, которые въ психикѣ могли бы быть истолкованы въ этомъ смыслѣ, гдѣ тѣ основныя формы психическихъ силъ, къ которымъ, при взаимномъ переходѣ однихъ въ другія, могло бы примѣняться это начало? Допустимъ даже, что путемъ самонаблюденія намъ бы удалось собрать подобные факты и установить элементарныя формы пси-

хическихъ актовъ. Это, разумѣется, скажутъ намъ, подвинетъ насъ нѣсколько впередъ, но вѣдь начало сохраненія энергіи требуетъ эквивалентности въ переходахъ различныхъ формъ энергіи. Эквивалентность же предполагаетъ возможность точнаго измѣренія суммы превращающихся психическихъ явленій.

Въ концѣ концовъ, мы приходимъ къ тому неизбѣжному требованію, что психическія явленія, для того, чтобы къ нимъ могло быть примѣнимо начало сохраненія энергіи, должны удовлетворять слѣдующимъ основнымъ требованіямъ: они должны имѣть количественный характеръ, т.-е. быть измѣряемыми, должны обладать единицей мѣры, и эта мѣра должна быть общей для всѣхъ формъ психической жизни и всѣхъ видовъ психической энергіи.

И до тѣхъ поръ, пока такая мѣра не будетъ найдена, эквивалентность переходовъ однѣхъ формъ психической энергіи въ другія, не можетъ быть констатирована. А такъ какъ при нынѣшнемъ состояніи психологіи даже самое существованіе психической единицы мѣръ не всѣми считается возможнымъ, то является преждевременнымъ даже и самое предположеніе о примѣнимости начала сохраненія энергіи къ міру психическому.

Таковъ тотъ суровый приговоръ, который ожидаетъ со стороны многихъ представителей науки всякаго, кто имѣлъ бы смѣлость предпринять попытку перенести въ область психическихъ явленій начало сохраненія энергіи.

И, конечно, всякій, рѣшающійся на такую попытку, обязанъ считаться если не съ приговоромъ, то съ его мотивами, съ тѣми данными и разсужденіями, изъ которыхъ онъ вытекаетъ.

На первый взглядъ казалось бы всего раціональнѣе и проще шагъ за шагомъ провѣрить всю аргументацію противниковъ и проанализировать всѣ основныя физико-механическія понятія и представленія, которыя входятъ въ начало сохраненія энергіи, какъ-то: понятіе о силѣ, движеніи, пространствѣ, массѣ, скорости, количествѣ, измѣреніи, единицѣ мѣры и т. д. Требуется отыскать въ мірѣ психическомъ факты и процессы, ссотвѣтствующіе физико-механическимъ явленіямъ природы, вывести изъ этихъ фактовъ представленія и понятія, соотвѣтствующія силѣ, движенію и пр., провѣрить, насколько къ нимъ примѣнимы общія механическія начала, управляющія проявленіемъ силъ во внѣшнемъ мірѣ.

Такова логическая цѣль изслѣдованій, которая представляется какъ бы единственно-способной провѣрить основательность вышеизложенныхъ сомнѣній.

Мы ни на одну минуту не думаемъ сомнѣваться въ высокой важности и даже необходимости такого рода работы, которая въ сущности является провѣркой всѣхъ устоевъ современной психофизіологіи и должна служить фундаметомъ для послѣдней. Было-бъ, однакожъ, увлеченіемъ

считать этотъ путь единственнымъ. Къ счастью, мы имѣемъ въ рукахъ и другой, болѣе краткій и прямой способъ критически провѣрить возраженія противниковъ. Способъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: мы обращаемся снова къ закону сохраненія энергіи, въ мірѣ физическомъ, уясняемъ себѣ его въ наиболѣе общемъ смыслѣ, устранивъ изъ него всѣ тѣ его спеціальныя видоизмѣненія и то значеніе, какое онъ имѣетъ въ области механической, и тогда мы задаемъ себѣ вопросъ, дѣйствительно-ли это начало обусловливаетъ тѣ требованія, которыя въ немъ видятъ противники его примѣненія къ міру психическому?

Можетъ статься, что эти требованія относятся вовсе не къ самому этому закону, а къ одной изъ его частныхъ формъ, чѣмъ сразу будетъ уничтожено значеніе многихъ изъ возраженій, которыя не окажется вовсе надобности опровергать.

Слѣдуя этому плану, мы прежде всего напомнимъ читателю, что законъ сохраненія или постоянства энергіи находится, во-первыхъ, въ тѣсной связи съ закономъ постоянства матеріи и что, во-вторыхъ, онъ основанъ на началѣ взаимнаго превращенія энергіи, или, какъ его еще называютъ, начала единства силъ. Изъ этого послѣдняго логически и фактически вытекаетъ первый, который, поэтому, разсматривается лишь какъ частный его случай, какъ это мы и дѣлали въ нашемъ изложеніи. Начало сохраненія энергіи есть, поэтому, лишь количественная форма закона единства силъ; этотъ законъ можетъ, очевидно, имѣть и качественный и количественный характеръ. Странно, что Вундтъ, который самъ признаетъ связь этихъ двухъ началъ, не рѣшается, однакожъ, договориться до такого заключенія.

Онъ даже слабо протестуетъ противъ болѣе смѣлаго положенія, высказываемаго Planck'омъ въ его работѣ о сохраненіи энергіи. Planck категорически заявляетъ, что начало сохраненія энергіи имѣетъ чисто-логическій характеръ и можетъ быть выведено совершенно независимо отъ тѣхъ законовъ механики, изъ которыхъ его обыкновенно выводятъ, и даже, говоритъ P., не нуждается для своего доказательства въ механическомъ міровоззрѣніи нашемъ на природу, какъ на систему движущихся точекъ. Легко видѣть, что, какъ воззрѣніе Planck'а, такъ и наша формулировка, содержатъ въ себѣ ту мысль, что начало сохраненія силы отнюдь не связано неразрывно съ механикой, а можетъ относиться вообще къ превращеніямъ всякаго рода процессовъ, обладающихъ опредѣленной интенсивностью. Сверхъ того, по нашей формулѣ, первоосновой этого начала служитъ законъ единства силъ. Сущность же этого послѣдняго заключается въ томъ, что всѣ виды силъ природы могутъ переходить одни въ другіе, но при этомъ вовсе не обязательно, во-первыхъ, чтобы это превращеніе было всегда эквивалентно, а во-вторыхъ нѣтъ даже необходимости, чтобы силы были однородны, т. е. могли быть

сравнимаемы и измѣряемы одной единицей. Разъяснимъ это. Мы можемъ себѣ представить всѣ силы и процессы природы качественно различными одни отъ другихъ, и при этомъ все-же имѣетъ мѣсто взаимное превращеніе ихъ. Если это и звучитъ какъ-то странно, то это потому, что мы свыклись съ такимъ представленіемъ о качествѣ: два объекта качественно различаются, кажутся намъ отдѣленными бездной и не могутъ никогда переходить одинъ въ другой. Такой взглядъ на качество имѣетъ однакожъ лишь чисто-психологическій характеръ. Мы переносимъ его изъ внутренняго опыта на внѣшній міръ. Мы привыкли думать, что возможность превращенія однѣхъ силъ въ другія обусловливаетъ ихъ единство, дѣлаетъ возможнымъ свести ихъ къ одной единицѣ и различіе между ними остается лишь количественное. Однако исторія физики учитъ насъ, что мы усвоили себѣ фактъ перехода теплоты въ механическое движеніе гораздо раньше, чѣмъ мы могли убѣдиться, что тепло связано съ молекулярнымъ колебаніемъ частицъ; мы и теперь знаемъ, что электричество превращается въ теплоту, однако, у насъ вовсе нѣтъ основаній утверждать, что молекулярныя колебанія, имѣющія мѣсто при электричествѣ и развитіи тепла различаются лишь количественно. Напротивъ того, есть основаніе думать, что между ними имѣется и качественное различіе, въ формѣ самыхъ колебаній, въ самой волнѣ. Слѣдовательно, взаимное превращеніе силъ и процессъ отнюдь еще не предполагаетъ непремѣнно, чтобы всѣ силы были качественно однородны, а тѣмъ менѣе требуется, чтобы всѣ силы были соизмѣримы. Зато начало сохраненія энергіи, какъ болѣе спеціальное начало эквивалентности, уже предполагаетъ количественное отношеніе между силами и ихъ соизмѣримостью. Но и тутъ не слѣдуетъ представлять себѣ, что силы сами по себѣ должны быть взаимно соизмѣримыми; такъ электричество и теплоту можно представлять себѣ вполнѣ разнородными по качеству силами, но для примѣненія къ нимъ начала сохраненія энергіи, т. е. эквивалентности, необходимо и достаточно, чтобы обѣ эти силы, сами по себѣ разнородныя качественно и даже, быть можетъ, прямо и непосредственно несоизмѣримыя, могли быть, каждая въ отдѣльности, измѣримы черезъ общую третью силу—напримѣръ механическую работу. Благодаря этой третьей силѣ, которая играетъ роль единицы для обѣихъ силъ, послѣднія дѣлаются косвенно соизмѣримыми и вступаютъ между собой въ количественное соотношеніе. Такимъ образомъ, начало сохраненія энергіи въ своей наиболѣе общей формѣ, т. е. въ видѣ закона единства и превращенія силъ, вовсе не пріурочено къ такимъ силамъ и процессамъ, которые имѣютъ спеціально количественный характеръ и обладаютъ непосредственной измѣряемостью.

Но, безспорно, наиболѣе важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что при сколько-нибудь внимательномъ анализѣ начала сохраненія энер-

гіи, оно оказывается вполнѣ независимымъ отъ механическаго фактора, т. е. отъ понятій о движеніи и массы. Начало сохраненія энергіи остается во всей своей неприкосновенности, если мы даже допустимъ, что механическаго, т. е. массового, движенія не существуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что намъ извѣстны лишь 2 формы движенія—молекулярное и дисгрегаціонное; начало сохраненія энергіи не переставало бы имѣть мѣста для взаимнаго отношенія этихъ двухъ формъ движенія. Ничто не мѣшаетъ намъ допустить, что возможенъ еще другой, намъ неизвѣстный, классъ движеній, также подчиненный началу сохраненія энергіи. Механическое движеніе имѣетъ для насъ, обитателей земли, спеціальное значеніе въ силу того, что это есть тотъ видъ движенія, который одинъ только доступенъ непосредственному воспріятію нашими чувствами—зрѣніемъ и осязаніемъ. Но въ этой чисто физіологической и случайной его роли нѣтъ ничего такого, что-бы давало ему по существу право занимать особое мѣсто въ ряду процессовъ природы. Легко можно себѣ представить породу разумныхъ существъ, обитающихъ на какой-нибудь другой планетѣ, для которыхъ, въ силу особенности ихъ физіологической организаціи, напримѣръ, въ силу присущаго имъ электрическаго органа чувствъ, изъ всѣхъ силъ природы электричество служило бы наиболѣе важной, непосредственной силой и являлось бы единицей сравненія и измѣренія всѣхъ другихъ силъ природы. Слѣдуетъ поэтому различать между началомъ сохраненія энергіи въ его общемъ видѣ, т. е. какъ принципомъ силы и движенія вообще, и между частными и спеціальными модификаціями этого закона въ примѣненіи къ той или другой силѣ или группѣ силъ. Быть можетъ, въ будущемъ наукѣ предстоитъ открыть существованіе спеціальной модификаціи закона сохраненія энергіи для каждой отдѣльной формы силъ природы. Пока мы уже знаемъ, что въ сферѣ механическаго движенія начало это представляется въ спеціальномъ видѣ — въ видѣ постоянства суммъ совершенной и предстоящей работы, живой и скрытой. Математическая формулировка начала сохраненія энергіи имѣется именно для механическаго движенія, здѣсь то это начало и получило форму механическаго закона. И каждый разъ, какъ въ наукѣ заходитъ рѣчь о началѣ сохраненія энергіи, его представляютъ себѣ именно въ этой спеціальной, механической формѣ. Въ ту-же ошибку, очевидно, впадаютъ всѣ тѣ, которыхъ пугаетъ мысль о примѣненіи начала сохраненія энергіи къ психикѣ. Въ ихъ умѣ всплываетъ представленіе о той математической формулѣ, въ которой начало это обнаруживается въ сферѣ механическихъ явленій. Они смѣшиваютъ спеціальную форму этого закона съ общимъ принципомъ, который въ немъ содержится. Начало сохраненія энергіи можетъ существовать не только безъ его механической спеціальной модификаціи, но и безъ механическихъ явленій. Оно, это начало, даже въ

сферѣ физической не нуждается въ такъ называемыхъ основныхъ механическихъ понятіяхъ, которыя дѣйствительно необходимы лишь для примѣненія закона сохраненія энергіи къ движенію.

Съ изложенной точки зрѣнія, для того, чтобы въ какой-нибудь области явленій возможно было примѣненіе начала превращенія и постоянства энергіи, требуются лишь слѣдующія два условія: во-первыхъ, необходимо, чтобы различныя группы явленій, или формы силъ могли переходить, или, какъ говорятъ, превращаться однѣ въ другія, т. е. необходимо полная внутренняя однородность явленій и силъ. Во-вторыхъ, требуется существованіе опредѣленнаго уровня живой энергіи и тенденція къ удержанію его на извѣстной постоянной высотѣ.

Руководясь этими началами, мы можемъ легче оріентироваться въ занимающемъ насъ вопросѣ.

Прежде всего очевидно, что въ психо-физикѣ, изучающей соотношеніе величинъ нервнаго процесса и раздражителя съ одной стороны, и интенсивности явленій сознанія, напримѣръ, ощущенія, съ другой, не можетъ быть рѣчи о примѣненіи закона сохраненія энергіи, такъ-какъ превращеніе матеріальнаго процесса въ сознаніе и обратно нельзя не только представить себѣ, но даже допустить.

За то въ области сознанія снова дѣлается возможнымъ примѣненіе этого закона, хотя пока лишь въ общихъ положеніяхъ, за отсутствіемъ точныхъ измѣреній интенсивности психическихъ процессовъ и явленій. Во-первыхъ, имѣются двѣ формы психической работы—сознательной и безсознательной, соотвѣтствующія живому и скрытому состоянію психической энергіи. Переходы изъ области безсознательнаго въ сознательное и обратно совершаются въ такой же эквивалентности, какъ превращеніе живой и скрытой нервной энергіи.

Этимъ дано въ психикѣ первое существенное условіе возможности примѣненія начала сохраненія энергіи—а именно однородность психическихъ явленій и возможность ихъ взаимнаго перехода однихъ въ другія, ихъ превращаемость. Внутреннее единство всѣхъ психическихъ явленій, ума, чувства и воли, внутренняя однородность сознанія и безсознательнаго составляетъ неоспоримый фактъ, достовѣрность котораго не зависитъ отъ господствующихъ въ психологіи теорій и можетъ служить солиднымъ основаніемъ ученія о превращеніи психической энергіи.

Во-вторыхъ, въ психической жизни, находимъ совершенно аналогично нервной функціи, существованіе свободной живой психической энергіи, т. е. извѣстнаго напряженія сознанія. Всякому знакомо изъ самонаблюденія то явленіе, которое мы называемъ вниманіемъ. Оно вполнѣ соотвѣтствуетъ нервному тону; такъ-же какъ послѣднее, вниманіе колеблется, но, какъ и нервный тонъ, вниманіе обнаруживаетъ устойчивость, стремленіе удержаться на извѣстномъ уровнѣ. Психическая ра-

бота, поэтому, имѣетъ, какъ и нервная, круговой характеръ, т. е. въ ней самой даны условія для выравниванія ею же вызванныхъ колебаній въ уровнѣ психической энергіи. Этимъ создается въ психикѣ второе существенное условіе примѣненія начала сохраменія энергіи—постоянство уровня живой психической энергіи, или, по крайней мѣрѣ, стремленіе къ такому постоянству. Этимъ обусловлена двойственность психической работы—всегда въ каждомъ психическомъ актѣ, одновременно или въ неразрывной связи, имѣется переходъ и превращеніе живой психической энергіи и скрытой, сознательныхъ и безсознательныхъ явленій однихъ въ другія взаимно.

Живая психическая энергія какого-либо сознательнаго акта, также какъ и интенсивоость нервнаго процесса, распредѣляется между тремя частями или расходуется въ трехъ видахъ; во-первыхъ, въ формѣ двигательнаго представленія или воли, что составляетъ высшую психическую работу. Вторая часть психической энергіи расходуется на иррадіацію или распространеніе психической волны—что составляетъ подкладку ассоціаціи представленій. Насколько же эта иррадіапія влечетъ за собою дальнѣйшее освобожденіе живой психической энергіи, она составляетъ источникъ чувства. Наконецъ, въ-третьихъ, часть живой психической энергіи превращается путемъ угнетенія въ скрытое состояніе, въ безсознательное. Этотъ переходъ имѣетъ мѣсто и въ сферѣ волевой, въ видѣ торможенія двигательныхъ представленій, и также выражается въ торможеніи другихъ нервныхъ волнъ, въ подавленіи чувствъ и представленій.

Угнетеніе двигательной стороны представленій и ихъ чувственной окраски составляетъ основное условіе ослабленія ихъ реальнаго характера и выработки изъ нихъ идей. Поэтому энергія, превращаемая угнетеніемъ въ скрытое состояніе, есть основаніе логической работы.

Эти три части психической энергіи или работы соотвѣтствуютъ тремъ видамъ нервной работы; чувство соотвѣтствуетъ разряженію,—воля рабочей части энергіи, а интеллектуальная часть энергіи—угнетенію или экономіи психической силы. Сумма 3-хъ формъ психической энергіи для каждаго психическаго акта есть постоянная величина. Типы психическихъ процессовъ также бываютъ трехъ родовъ, смотря по преобладанію того или другого фактора, откуда 3 основныхъ класса — умъ, чувство и воля. Чѣмъ выше по организаціи и по качеству какой-либо психическій актъ, тѣмъ разряженіе, т. е. чувство, или непроизводительная трата меньше, и тѣмъ больше, какъ интеллектуальная часть, т. е. угнетеніе, такъ и часть рабочая, волевая. Вмѣсто разряженія въ высшихъ психическихъ актахъ преобладаетъ превращеніе живой психической энергіи въ запасную; оттого начало экономіи нервной энергіи есть основа всякаго психическаго акта, особенно же логическаго процесса.

Въ психическихъ актахъ является одно новое свойство: въ отличіе отъ нервныхъ различные моменты одного и того же акта, напримѣръ, волевая часть работы и интеллектуальная часть могутъ быть отдѣлены большимъ промежуткомъ времени. Рѣшеніе и дѣйствіе могутъ значительно отстоять другъ отъ друга. Энергія волевая также можетъ долгое время до исполненія находиться въ состояніи скрытомъ, что опять-таки достигается временнымъ угнетеніемъ т. е. экономіей психической энергіи. Слѣдовательно, начало психической экономіи относится не только къ чувству, т. е. къ непроизводительной тратѣ, но и къ производительной волевой работѣ.

Возникновеніе психическаго явленія—представленія, совершается подъ вліяніемъ 3-хъ факторовъ—внѣшняго раздраженія, нервнаго процесса въ центрахъ и живой психической энергіи, такъ называемаго вниманія въ тѣсномъ смыслѣ. Вся сущность этого процесса основана на существованіи психо-нервнаго порога, т. е. такого minimum'а центральнаго нервнаго возкужденія, при которомъ дѣлается возможнымъ появленіе сознанія, т. е. представленія. Такъ какъ при отсутствіи сознанія центральные нервые процесссы стоятъ ниже порога, то роль вниманія заключается прежде всего въ томъ, чтобы усилить энергію центральнаго процесса до высоты порога. Это совершается на счетъ живой психической энергіи вниманія.

Вниманіе понижаетъ такъ-же всѣ нервные пороги, такъ что, при помощи напряженнаго вниманія, дѣлаются доступными воспріятіямъ самыя слабыя раздраженія. Поэтому надо полагать, что вниманіе сопровождается также расходованіемъ нервной энергіи, поднятіемъ нервнаго тона въ чувствующихъ приборахъ воспріемлющихъ нервовъ. Кромѣ этой активной роли вниманія, какъ расхода живой энергіи, оно имѣетъ еще и другую сторону; подъ вліяніемъ вниманія угнетаются и пріостанавливаются многіе и даже всѣ одновременно находящіеся въ пути нервные и психическіе волны и акты—задерживается доступъ другихъ впечатлѣній, пріостанавливаются волевые импульсы, даже другіе акты сознанія. Угнетеніе нервныхъ и психическихъ процессовъ достигаетъ тѣмъ большей степени, чѣмъ совершеннѣе вниманіе, оттого экономія нервной и психической энергіи есть основной принципъ вниманія. Благодаря угнетенію другихъ процессовъ, достигается основное условіе созрѣванія представленій въ сознаніи; оно, это представленіе, во-первыхъ вырабатывается наиболѣе точно вслѣдствіе локализаціи центральнаго процесса въ одной спеціально приспособленной группѣ клѣтокъ и устраненія всѣхъ посторонніхъ возбужденій. Во-вторыхъ, достигается фиксація представленія въ теченіе извѣстнаго промежутка времени, которое необходимо для созрѣванія или кристализаціи представленія, такъ-какъ весьма вѣроятно, что каждое представленіе, по степени своей сложности, требуетъ большаго или меньшаго времени для своего формированія. Торможеніе массы нерв-

ныхъ и психическихъ актовъ требуетъ такъ же затраты значительнаго количества живой психической энергіи со стороны вниманія. Поэтому вся живая энергія вниманія есть сумма двухъ видовъ его работы—разъ въ видѣ расхода на повышеніе нервнаго тона и усиленіе волнъ и пониженіе пороговъ, другой въ видѣ расхода на торможеніе. И сумма этихъ двухъ видовъ работы вниманія должна быть для каждаго даннаго акта постоянной величиной.

При каждомъ актѣ воспріятія, а такъ-же и вообще при всякой умственной работѣ, какъ сужденіе, припоминаніе и пр., волны угнетающаго характера съ большей или меньшей силой направляются въ нервную систему и распространяются по ней внизъ по клѣткамъ спинного мозга, по нервамъ и мышцамъ, вездѣ повышая пороги, какъ проведенія, такъ и возбужденія, т.-е. освобожденія энергіи. Оттого систематическій умственный трудъ сопровождается огромной экономіей въ расходованіи силы нервной системы.

Различные психическіе акты обладаютъ неодинаковой суммой энергіи, а посему и не одинаково легко проникаютъ въ сознаніе; порогъ сознанія наивысшій для отвлеченныхъ представленій, идей, которыхъ величина энергіи ничтожна, судя по слабости ихъ двигательной силы и слабому развитію сопровождающаго ихъ чувства, и наименьшій для образныхъ представленій. Чѣмъ выше порогъ, тѣмъ большей суммой живой энергіи должно обладать вниманіе, тѣмъ труднѣе работа введенія въ сознаніе даннаго представленія. Оттого абстрактныя идеи представляютъ такія трудности для ихъ усвоенія, такъ какъ требуется огромный расходъ живой психической энергіи, чтобы поднять эти психическія является до порога сознанія. Математическія понятія, будучи самыми отвлеченными, обладаютъ наименьшей энергіей, имѣютъ и наиболѣе высокій порогъ сознанія. Они требуютъ наибольшую затрату на себя живой энергіи, чтобы подняться до порога сознанія, и потому на нихъ обнаруживается обыкновенно недостатокъ энергіи вниманія. Вотъ почему математическій, умственный, трудъ дѣйствуетъ на психику наиболѣе утомляющимъ образомъ, хотя и сопровождается большой экономіей нервной силы.

Для каждаго индивида имѣется извѣстный, опредѣляемый его нервной и психической организаціей, предѣлъ для силы вниманія и опредѣленная высота порога. Этими двумя факторами опредѣляется и та высота абстракціи, которая доступна этому индивиду.

Если подъ психической работой разумѣть освобожденіе живой психической и нервной энергіи, то, очевидно, не всякая душевная дѣятельность представляетъ въ одинаковой мѣрѣ психическую работу. Наибольшей работой будутъ чувствованія, или эмоціи, наиболѣе связанныя съ химизмомъ питанія, съ колебаніемъ, кровеобращеніемъ и посему наиболѣе изнуряющія.

И. Оршанскій.

Дневникъ братьевъ Гонкуръ.

Записки литературной жизни. Переводъ Е. К.

(*Окончаніе* [1]).

Среда, 29 августа. Народъ совершенно просто говоритъ и дѣлаетъ иногда прекрасныя вещи, которыя, увы! не заносятся въ исторію. Пелажи разсказывала мнѣ, что когда у нея умеръ отецъ, державшій, въ одной деревушкѣ въ Вогезахъ, табачную торговлю вмѣстѣ съ мелочной и овощной лавкой, ея мать собрала всѣхъ дѣтей и сказала: «Послушайте, вотъ двѣ книги, гдѣ записаны всѣ, кто намъ долженъ. Нѣкоторые изъ нихъ платить не захотятъ. Если вы согласны, я сожгу книги. Кто честенъ и кто можетъ, тотъ самъ отдастъ. Что же касается другихъ, то я бы не хотѣла, чтобы ихъ дѣти, которые не виноваты въ неудачахъ или въ недобросовѣстности родителей, страдали отъ васъ за ихъ долги». И реэстръ сожгли.

Четвергъ, 30 августа. Я и не помню, сколько мѣсяцевъ я не бывалъ ни въ одномъ изъ такъ называемыхъ увеселительныхъ заведеній—все хворалъ. Сегодня вечеромъ я попадаю въ циркъ, на любимое мое зрѣлище физическихъ упражненій, на настоящее зрѣлище, и вотъ, до начала представленія, я прохаживаюсь съ наслажденіемъ по переднимъ и конюшнямъ этого учрежденія, которое я до нѣкоторой степени увѣковѣчилъ въ братьяхъ Земганно.

Вижу необыкновеннаго артиста на трапеціи: человѣка летающаго въ пространствѣ. И странно, какое впечатлѣніе вызываетъ во мнѣ это зрѣлище: я слѣжу за нимъ не только глазами, но и всѣми своими трепещущими нервами и вздрагивающими отъ напряженія мускулами.

Затѣмъ—темнота. Циркъ весь обитъ чернымъ, и конь изъ Эреба,

---

[1]) См. «Сѣв. Вѣстн», 1897 г., № 10.

на которомъ скачетъ, стоя, Лоіа Фюллеръ, залитъ электрическими огнями всѣхъ цвѣтовъ: фіолетовыми, какъ шея горленки, розовыми, какъ дражэ, зелеными, какъ мохъ подъ лучами луны; и цѣлый ураганъ матерій, и вихорь юбокъ освѣщены то огнемъ заката, то блѣдной утренней зарей.

Ахъ, какой великій изобрѣтатель идеальнаго — человѣкъ, сколько чудеснаго и сверхъестественнаго сдѣлалъ онъ изъ этого зрѣлища съ помощью вульгарныхъ тканей и этого пошлаго освѣщенія.

Четвергъ, 4 октября. Менье приноситъ мнѣ сегодня переплеты съ обложками изъ старинныхъ шелковыхъ матерій, собранныхъ мною изъ разныхъ мѣстъ. Это въ самомъ дѣлѣ прелестнѣйшая орнаментація книги, и коллекція украшенныхъ такимъ способомъ томовъ имѣетъ еще то преимущество, что представляетъ собою альбомъ образчиковъ костюмовъ XVIII вѣка.

Воскресеніе, 11 ноября. Открытіе «Чердака». Собрались: семейство Додэ, Примоли, Лоренъ, Роденбахъ, Жефруа, Карьеръ, Ажальберъ, Дела-Гандара, Монтескью. Примоли говоритъ о Дузе, актрисѣ, съ которой онъ провелъ недѣлю въ Венеціи. Онъ мнѣ говорилъ уже раньше, что Дузе могла бы сыграть La Faustin въ Германіи или въ Лондонѣ. Женщинѣ этой, по его словамъ, многаго не достаетъ, но несмотря на это, она является крупной величиной. Описываетъ онъ ее, какъ актрису удивительной театральной независимости: она собственно «играетъ» только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя подходятъ къ ея таланту; въ другихъ же, которыя ей не нравятся, она ѣстъ виноградъ или придумываетъ себѣ разныя развлеченія. Въ одной пьесѣ, гдѣ актрисѣ нужно говорить о дочери, онъ замѣтилъ, какъ она вдругъ, нисколько не заботясь о публикѣ, перекрестилась и послала поцѣлуй за кулисы—поцѣлуй настоящей своей дочери, которую она обожаетъ.

Додэ читаетъ намъ сегодня изъ своего Бонне. Я ошибался. Я думалъ, что онъ восторгается этой книгой за ея «провансализмъ»; но нѣтъ, этотъ Бонне лирикъ въ прозѣ, и мнѣ въ первый разъ только приходится знакомиться съ образцами творчества крестьянина, изъ такого уголка Франціи, гдѣ солнце своимъ свѣтомъ дѣйствительно «озаряетъ» мысль.

Воскресеніе, 2 декабря. Сегодня вечеромъ у Додэ неожиданно появляется Лоти. Онъ разсказываетъ про свое сорока-восьмидневное путешествіе въ пустынѣ, передаетъ свои восторги при восходѣ и при закатѣ солнца въ прозрачномъ воздухѣ, нисколько не затуманенномъ испареніями, и все это въ избыткѣ здоровья, которымъ онъ, по его выраженію, обязанъ своему «бедуинскому темпераменту».

Понедѣльникъ, 10 декабря. На Сенѣ въ 5 часовъ дня. Вода съ фіолетовыми отливами, по которой скользятъ бурые пароходики, съ бахрамой изъ бѣлой пѣны на бакѣ, подъ ярко розовымъ небомъ, на которомъ

рисуется, съ одной стороны, башня Эйфеля, съ другой—минаретъ Трокадеро.

Никогда еще Парижъ, при крикахъ вечернихъ газетчиковъ, путаницѣ экипажей, при летучей быстротѣ велосипедовъ, при дѣловитой толкотнѣ людей и грубой спѣшкѣ прохожихъ не представлялся мнѣ такъ ясно какъ-бы столицей страны безумія, населенною полуумными. И никогда Парижъ моей молодости, Парижъ моего зрѣлаго возраста не казался мнѣ такимъ бѣдствующимъ, какъ Парижъ нынѣшняго вечера. Никогда еще столько томныхъ женскихъ взглядовъ не просило у меня обѣда, никогда столько жалобныхъ мужскихъ голосовъ не просило у меня милостыни. «Да», говорилъ я сегодня вечеромъ у м-мъ ***, «вотъ оно, это новое освѣщеніе газомъ, керосиномъ, электричествомъ, этотъ безпощадно бѣлый, рѣзкій свѣтъ, рядомъ съ кроткимъ, молочнымъ сіяніемъ свѣчей. Какъ хорошо понималъ ночное освѣщеніе XVIII вѣкъ, когда женской кожѣ оставлялась вся мягкость ея тона, когда она обливалась смягченнымъ и разсѣяннымъ мерцаніемъ лампы, среди желтовато бѣлыхъ драпировокъ, свѣтлыя шерстяныя ткани которыхъ впитывали въ себя свѣтъ».

1895.

Понедѣльникъ, 7 января. Обѣдъ у Роденбаха съ семействомъ Бенаръ и Журденъ, съ Малларме и Рони.

У Малларме, дѣйствительно, рѣчь обворожительная, остроумная; умъ не злой, но до нѣкоторой степени насмѣшливый. Говорятъ о статьѣ Стриндберга—о болѣе низкой ступени развитія женщины,—основанной на изученіи ея чувствъ, выводъ которой неоспоримъ относительно вкуса и обонянія; по поводу этого «низшаго состоянія» я привожу наблюденіе изъ одной медицинской книги, гдѣ говорится, что у мужскаго скелета есть индивидуальность, которой нѣтъ у женскихъ: женскіе скелеты какъ будто изготовляются гуртомъ.

Суббота, 26 января. Морисъ Тальмейръ отдѣлываетъ мой дневникъ и обвиняетъ меня въ томъ, что я стараюсь заставить забыть мѣсто, занимаемое моимъ братомъ въ нашемъ трудѣ. И это въ ту минуту, когда я только что добился, и не безъ труда, того, что одна изъ улицъ г. Нанси, которую хотѣли назвать улицею Эдмонъ-де-Гонкуръ, названа улицею Братьевъ Гонкуръ.

Воскресенье, 10-го февраля. Одинъ господинъ, недавно разведенный съ женою, говорилъ одному изъ моихъ друзей: «Нынче большая часть развитыхъ дѣвушекъ смотритъ на замужество, какъ на опытъ, на опытъ, имѣющій мало шансовъ прочности. Эти дѣвицы не стѣсняются высказывать, что сначала онѣ мало знаютъ мужчинъ, и что этотъ первый бракъ не болѣе какъ изученіе, практическое изученіе мужчины въ лицѣ мужа;

изученіе, дающее имъ возможность сдѣлать обдуманный выборъ во второй разъ, для второго брака».

Совсѣмъ уже подъ конецъ вечера Додэ говоритъ мнѣ съ своего кресла:

— На обѣдѣ Фаскель, въ прошлую пятницу, Шарпантье ничего не говорилъ вамъ?

— Нѣтъ.

— Навѣрно? Ничего не говорилъ?

— Нѣтъ, честное слово!

Додэ встаетъ, садится подлѣ меня и говоритъ мнѣ почти на ухо:

«Не слѣдовало-бы мнѣ говорить вамъ, но такъ какъ Золя не сдержалъ слова у м-мъ Шарпантье, несмотря на наше обѣщаніе никому ничего не говорить, то и я могу сказать вамъ. Итакъ, президентъ республики, вслѣдствіе обмѣна двухъ кавалерскихъ орденовъ, получилъ для васъ офицерскій, и Пуанкарэ хочетъ предсѣдательствовать на банкетѣ, чтобы вручить его вамъ. Долженъ вамъ сказать, что Золя велъ себя превосходно, очень горячо взялся за дѣло, самъ предложилъ, одинъ, отправиться къ министру, но я не захотѣлъ и мы были вдвоемъ.

Затѣмъ—пресмѣшной разсказъ о томъ, какъ Золя и Додэ представлялись въ министерствѣ, какъ Золя захотѣлъ нести шляпу Додэ, чтобы тотъ могъ опираться и на трость и на его руку, и какъ онъ произносилъ свой спичъ, держа въ рукахъ обѣ шляпы.

Среда, 20 февраля. Итакъ я буду офицеромъ почетнаго легіона. Въ сущности, я спрашиваю себя, доставляетъ-ли мнѣ это очень большое удовольствіе; и, право, не знаю, что сказать. Когда моя мысль касается этого назначенія, она не останавливается на немъ, какъ останавливается она на такихъ событіяхъ жизни, которыя даютъ вамъ истинную радость, и тотчасъ-же переходитъ на что-нибудь другое.

Да, я испыталъ-бы болѣе глубокую радость, если-бы могъ видѣть одну изъ моихъ двухъ пьесъ сыгранною талантливыми актерами.

Перечитывая «Gaulois», который я бѣгло просматривалъ утромъ, я нахожу замѣтку, гдѣ говорится, что мой банкетъ, можетъ быть, отложится по случаю смерти Вакри, члена комитета. Надѣюсь, что этого не будетъ. Жизнь постоянно между бранью и апоѳеозомъ приводитъ меня въ нервное состояніе, отъ котораго я желалъ-бы поскорѣе отдѣлаться, что позволитъ мнѣ спокойно засѣсть за коректуру восьмой части дневника и за новую мою книгу о Гокузаи.

Сегодня вечеромъ въ улицѣ Берри встрѣчаюсь неожиданно съ ораторами моего банкета, съ Эредіа, который будетъ говорить вмѣсто Коппе, заболѣвшаго бронхитомъ, и Ренье, который будетъ говорить отъ имени молодежи. А затѣмъ мнѣ сообщаютъ, что у Пункарэ гриппъ, и спрашиваютъ меня, желаю-ли я послѣ сомнѣній, высказанныхъ въ Gaulois и повторяемыхъ нѣсколькими другими газетами, чтобы бан-

кетъ состоялся послѣ завтра. Ничего не знаю, но весь этотъ банкетъ уже надоѣлъ мнѣ до смерти, и осталось одно только раздраженное желаніе, чтобы это кончилось, кончилось поскорѣе.

Четвергъ, 21 февраля. Эта безпокойная жизнь вызываетъ въ васъ не страданіе, а какую-то физическую тоску, которая отзывается на снѣ и на пищевареніи.

Вхожу сегодня вечеромъ къ Додэ и говорю:

— Я вамъ очень благодаренъ за то, что вы объявили въ «Фигаро», что, несмотря на все, банкетъ состоится.

— Значитъ, вы не видали Жефруа,—прерываетъ меня Додэ.—Все измѣнилось... Сегодня утромъ появилась въ «Rappel» такая статейка... И въ добавокъ, я получилъ письмо отъ Катюлль Мендеса, который находитъ, что неприлично пировать въ такой день, письмо отъ Клярси, который предупреждаетъ меня, что онъ присутствовать не будетъ... Наконецъ Клемансо, сопровождаемый господиномъ Жефруа, пришелъ просить, и очень краснорѣчиво, чтобы отложили... Какъ быть? Я упирался до трехъ часовъ, но потомъ побоялся, что васъ «выпотрошатъ», и объявилъ, что по вашей просьбѣ, банкетъ откладывается. Тогда Жефруа побѣжалъ къ Фр. Журденъ, котораго не было дома—онъ придетъ только въ семь—и послалъ черезъ жену телеграмму въ Grand Hôtel.

Чортъ возьми! Вотъ несчастный банкетъ! Я нахожу, въ сущности, что откладывается онъ въ угоду дѣйствительно преувеличенныхъ требованій. Какъ! по случаю смерти какого-то господина, съ которымъ я встрѣтился одинъ разъ въ жизни на обѣдѣ редакціи «Echo de Paris», банкетъ мой не можетъ состояться на другой день послѣ его смерти! Но нынче, когда по городу ходитъ инфлуенца, кто знаетъ, не умретъ-ли, до будущей недѣли, еще какой-нибудь членъ комитета! Ахъ, если-бы это былъ реакціонеръ, а не республиканецъ!

Четвергъ, 28 февраля. Получаю сегодня утромъ письмо отъ незнакомки, и глубоко имъ тронутъ. Присоединяясь къ тѣмъ привѣтствіямъ, которыми меня будутъ чествовать завтра, она разсказываетъ, что однажды она бѣжала изъ дома, гдѣ погибли всѣ ея дѣвичьи надежды, все ея женское довѣріе,—изъ дома этого она увезла съ собою только наши дорогія для нея книги, дававшія ей самыя сильныя литературныя наслажденія. Она прибавляетъ, что, живя уже много лѣтъ въ Парижѣ, она никогда не подумала навѣстить брата, оставшагося въ живыхъ, но за то много разъ приходила молиться на могилу покойнаго, и что въ пятницу, радуясь почестямъ, которыя мнѣ будутъ оказывать, и сострадая мнѣ въ томъ, что я приму ихъ одинъ, она опять пойдетъ на кладбище.

Сегодня вечеромъ я нахожу Додэ озабоченнымъ; наконецъ черезъ нѣкоторое время, онъ высказывается. Онъ говоритъ что находится еще

подъ впечатлѣніемъ извѣстія, что Коппе боленъ воспаленіемъ легкаго, что вчера онъ былъ «совсѣмъ плохъ», по выраженію консіержа. Добрый другъ боится, что банкетъ еще разъ отложится. Къ счастью, сегодняшнія извѣстія лучше. Но я не могу удержаться отъ словъ: «Теперь ужъ лучше не откладывайте, развѣ по причинѣ вашей собственой смерти, или я отказываюсь отъ банкета!»

Затѣмъ Тудузъ описываетъ мнѣ суматоху, произведенную въ прошлую пятницу у Фр. Журденъ отсрочкою банкета. Въ тотъ день у нихъ было больше ста звонковъ; прислугѣ буквально некогда было ѣсть.

Пятница, 1 марта. Премилое вниманіе м-мъ Роденбахъ. Она прислала мнѣ сегодня утромъ, со своимъ бѣлокурымъ бэбс, еще сидящемъ на рукахъ у няньки, огромный букетъ розъ съ премиленькой запискою отца: «Константинъ Роденбахъ приноситъ г-ну де-Гонкуръ уваженіе и восторгъ будущаго столѣтія, которому они будутъ принадлежать оба».

Послѣ визита бэбе, я развертываю «Libre Parole» и пріятно пораженъ, читая статью Дрюмона, въ родѣ тѣхъ, какія онъ писалъ въ то время, когда мы были друзьями. Онъ также присоединяется къ тѣмъ, кто будетъ меня привѣтствовать.

Затѣмъ потянулись безконечные часы дня, въ концѣ котораго васъ ожидаетъ что-нибудь волнующее: и невозможность оставаться дома, и потребность пройтись,—а глаза ничего не видятъ, и ноги не знаютъ, куда идти.

У входа—громадная толпа и такой безпорядокъ, что Шолль, прождавъ сорокъ минутъ на лѣстницѣ, теряетъ терпѣніе и отказывается отъ банкета. Наконецъ, на зло гарсону, который не хочетъ меня впустить, я пробираюсь въ верхнюю гостиную, въ то время какъ Додэ усѣлся внизу въ банкетной залѣ.

Меня встрѣчаютъ теплыми, нервными рукопожатіями. Одна изъ этихъ рукъ—рука Лафонтена, подаетъ мнѣ букетикъ фіалокъ, съ карточкою его жены, на которой написано: «Генріетта Марешаль, роль игранная въ 1865 г.»

Сходятъ внизъ къ обѣду, а такъ какъ я вхожу однимъ изъ послѣднихъ, то я любуюсь, стоя на верху витой лѣстницы, красивымъ и грандіознымъ видомъ этой столовой въ два свѣта, освѣщенной a giorno, съ удачнымъ распредѣленіемъ столовъ на триста десять приборовъ, и прислушиваюсь къ веселому гулу голосовъ и шуму передвигаемыхъ стульевъ.

Слѣва отъ меня сидитъ Додэ, а справа министръ (все еще съ гриппомъ), который любезно говоритъ мнѣ, что отказался вчера отъ обѣда у президента республики, чтобы поберечь здоровье на сегодня. Подаютъ дессертъ. Фр. Журденъ встаетъ и читаетъ депеши изъ Бельгіи, Голландіи, депеши Гонкуристовъ Каммерони и Витторіо Пика изъ

Италіи, депеши изъ Германіи, между которыми есть двѣ строчки отъ Георга Брандеса:

Всѣ скандинавскіе писатели будутъ со мною сегодня, когда я воскликну: «Слава инціатору!»

Среди этихъ депешъ попадается и привѣтъ одного садовода изъ Гаарлема, желающаго окрестить моимъ именемъ новый сортъ гіацинта. И еще письма и депеши отъ друзей-писателей, которые не могутъ присутствовать на банкетѣ: отъ Сюлли Прюдома, Клярси, Деруледа, и т. д. и т. д.

Затѣмъ министръ начинаетъ говорить рѣчь, такую рѣчь, какую никогда не произносилъ ни одинъ министръ, награждая писателя орденомъ. Онъ здѣсь какъ министръ, а чуть ни со смиреніемъ, какъ милости, проситъ отъ имени правительства чтобы я принялъ орденъ.

Оставляя въ сторонѣ мою персону, недурно будетъ констатировать, что до сихъ поръ правительственные люди обыкновенно очень свысока препровождали ордена писателямъ и художникамъ и что на этотъ разъ они впервые какъ-бы считаютъ за честь дать орденъ одному изъ нихъ. Впрочемъ, невозможно было вложить больше тонкой похвалы, больше почтительной, нѣжной дружбы въ эту рѣчь настоящаго ученаго, отъ которой, признаюсь, я на одну минутку даже прослезился.

Не могу устоять противъ желанія привести отрывокъ изъ этой рѣчи.

«...Прошло время заказныхъ теорій, обязательной эстетики и казенной литературы. Въ той демократіи, которая живетъ свободою и оплодотворяется разнообразіемъ индивидуальныхъ вдохновеній, правительству нечего приказывать, нечего направлять, нечего запрещать; оно должно только исполнять, если можетъ и какъ можетъ, скромную роль проницательнаго любителя, почтительнаго къ искреннимъ талантамъ, къ высокимъ страстямъ и къ великодушнымъ стремленіямъ. А найти талантъ болѣе гордый чѣмъ вашъ, страсти болѣе пылкія, чѣмъ тѣ, которыя питали вы, волю болѣе упорную чѣмъ та, которую приложили вы къ изученію искусства и къ работѣ надъ слогомъ, было-бы, мнѣ думается, трудно. И по истинѣ, ваша жизнь—жизнь настоящаго писателя, такая полная жизнь, начатая вдвоемъ, бокъ-о-бокъ въ радости вашихъ братскихъ неразлучныхъ чувствъ, жизнь продолженная вами, съ несокрушимымъ мужествомъ, въ горести вашего уединенія. Вы жили исключительно умственной жизнью и, не довольствуясь тѣмъ, что могло давать вамъ наблюденіе нашего уголка природы и человѣчества, какъ матеріалъ для вашихъ изслѣдованій и для удовлетворенія вашихъ вкусовъ, вы расширили кругозоръ, вы воскресили очарованіе минувшаго вѣка, приблизили къ намъ фантазію и тайну искусства далекой страны. Другого честолюбія, какъ только знать и видѣть, у васъ не было; вы не знали наслажденій выше тѣхъ, которыя даются мыслью, линіями и красками, и эти ощущенія, любимыя вами, вы хотѣли передать усиліемъ новыхъ обозначеній и трепетомъ личныхъ

самобытныхъ отмѣтокъ. Вы заставили нашъ языкъ повиноваться сложнымъ требованіямъ въ описаніи наблюдаемой дѣйствительности, измѣнчивымъ потребностямъ въ передачѣ душевныхъ движеній; прихотямъ самыхъ неуловимыхъ впечатлѣній. Вы вложили въ вашъ слогъ игру свѣта, колебаніе воздуха, окраску и жизнь внѣшняго міра: вы вложили въ него и внутреннія потрясенія, тонкія ощущенія, и тайныя тревоги нравственнаго міра; и стараясь удержать въ вашей фразѣ частицу того, что любитъ и что страдаетъ, вы нашли въ богатствѣ и разнообразіи формъ искусство правдиво передавать безконечное многообразіе природы... Правительство осталось-бы въ долгу передъ самимъ собою, если-бы не преклонилось передъ вашей жизнью и передъ вашимъ трудомъ. И какъ-бы вы ни были равнодушны къ оффиціальнымъ почестямъ, оно думаетъ, что вы не откажетесь принять отличіе, котораго вы никогда не просили иначе, какъ для другихъ. Президентъ французской республики, въ отвѣтъ на мое предложеніе, пожелалъ пожаловать васъ орденомъ почетнаго легіона, и я прошу васъ позволить мнѣ дружески передать вамъ его знаки...»

Волненіе, испытанное мною, раздѣлялось обществомъ. Были яростные аплодисменты. «Нѣтъ», говорили мнѣ люди, бывавшіе на многихъ банкетахъ, «нѣтъ, никогда мы не бывали свидѣтелями такого полнаго сердечнаго единодушія». Затѣмъ—тостъ Эредіа въ честь моей литературной «золотой свадьбы». Затѣмъ рѣчь Клемансо, прекрасная рѣчь, въ которой онъ изображаетъ, какъ рыцарь Маріи Антуанетты, изъ любви къ красотѣ и правдѣ, сдѣлался защитникомъ такихъ женщинъ, какъ Жермини Ласертё, проститутки, Fille Elisa, женщинъ въ родѣ тѣхъ, что въ толпѣ черни провожали королеву на эшафотъ. Рѣчь кончается возвышенными словами:

«Крестьянинъ воздѣлываетъ почву, ремесленникъ куетъ орудіе, ученый высчитываетъ, философъ мечтаетъ. Люди сталкиваются въ мучительной борьбѣ за жизнь, за карьеру, за деньги и за славу. Но направляетъ ихъ судьбу одинокій мыслитель, тотъ, кто пишетъ и дѣйствуетъ словомъ. Онъ возбуждаетъ въ нихъ чувства, порождающія мысль, которой они живутъ, которую они стремятся провести въ дѣйствительность общественнаго быта. Онъ ведетъ ихъ къ дѣйствію, къ высокому проявленію справедливости, истины. Быть хоть день, хоть часъ участникомъ такого дѣла—достаточно для славы цѣлой жизни. И вотъ почему всѣ мы привѣтствуемъ братьевъ Гонкуръ».

Затѣмъ слѣдуетъ рѣчь Сеара, трогательная рѣчь о старыхъ временахъ и нашихъ литературныхъ сношеніяхъ.

Затѣмъ изыскано-литературная рѣчь Ренье.

Послѣ Ренье говоритъ Золя, который великодушно сознается, что онъ, какъ писатель, и намъ кое-чѣмъ обязанъ и что, готовясь писать «Римъ», онъ вспоминаетъ «м-мъ Жервезэ».

Послѣ Золя Додэ говоритъ какъ другъ, нѣжно и растроганно.

«...Мы пили за знаменитаго мужа, за Гонкура—романиста, драматурга, за художественнаго изслѣдователя. Мнѣ хочется выпить за друга, за вѣрнаго и любящаго товарища, за того, кто былъ добръ ко мнѣ въ очень тяжелыя минуты. Выпьемъ за Гонкура въ интимной жизни, какимъ его знаютъ нѣкоторые изъ насъ, сердечнаго и кроткаго, снисходительнаго и наивнаго, хотя обладающаго зоркими глазами, неспособнаго на низкую мысль, на ложь, даже въ гнѣвѣ»...

Тогда я встаю и говорю:

«Господа и любезные собратья по искусству и литературѣ! Я не способенъ связать и десяти словъ въ присутствіи десяти человѣкъ... А васъ здѣсь больше, господа! Итакъ я только могу васъ благодарить немногими короткими словами за ваше дружеское сочувствіе и сказать вамъ, что этотъ вечеръ, которымъ я обязанъ вамъ, вознаграждаетъ меня за многое жесткое и горькое, встрѣчавшееся на моемъ литературномъ поприщѣ. Еще разъ: благодарю!»

Идемъ наверхъ—пить кофе и ликеры, и тутъ меня обнимаютъ, мнѣ представляютъ людей, имена и лица которыхъ я уже забылъ, представляются итальянцы, русскіе, японцы; Гунглъ благодаритъ меня за нѣсколько строкъ моего дневника объ его матери, мнѣ жалуется Роденъ на свое утомленіе и на потребность отдыха; Альбертъ Каре проситъ меня назначить ему свиданіе, чтобы поговорить о «Манетъ Саломонъ»; наконецъ, меня обнимаетъ тотъ высокій полоумный Дарзансъ, который посвятилъ мнѣ книгу и не послалъ мнѣ ни одного экземпляра ея. Мнѣ кажется, среди всего этого, что я вижу себя въ зеркалѣ, съ пріятнымъ одуреніемъ въ лицѣ, съ чѣмъ-то вродѣ буддійскаго счастья.

Бьетъ одиннадцать. Я чувствую, что умираю съ голода, потому что я буквально ничего не ѣлъ. Я знаю, что братья Додэ, Барресъ и молодые Гюго будутъ ужинать вмѣстѣ, но я боюсь, какъ старикъ, внести охлажденіе въ эту буйную молодую компанію. Къ тому же я надѣюсь найти дома немного шоколаду, такъ какъ я просилъ своихъ женщинъ сдѣлать себѣ угощеніе въ ожиданіи меня. Но когда я прихожу, нѣтъ больше ни шоколаду, ни пирожковъ, все съѣдено.

Я вернулся домой съ великолѣпной корзиной цвѣтовъ въ рукахъ, корзиной, которая стояла передо мною, во время обѣда, и которую я, въ своемъ волненіи, не разглядѣлъ хорошенько, замѣтивъ только записку м-мъ Мирбо, пославшей мнѣ эти цвѣты. Дома, потрогавъ и разсмотрѣвъ ее, я замѣчаю, что это масса букетиковъ, предназначавшихся для петлицъ всѣхъ членовъ комитета! Какъ глупо... какъ глупо!..

Пятница, 9-го августа. Sanctus Бетховена, который пѣли сегодня послѣ завтрака, такъ сильно волнуетъ мнѣ нервы, что глаза наполняются слезами. Это церковное пѣніе шевелитъ во мнѣ все, что я пере-

жилъ скорбнаго, и я, скептикъ, невѣрующій, на котораго никогда не подѣйствуетъ краснорѣчіе проповѣдника, я чувствую, что меня могло бы обратить въ вѣру церковное пѣніе или музыка, происходящая отъ него.

Вторникъ, 1-го октября. Я никогда не могу вдоволь насмотрѣться на воду, на это жидкое зеркальное вещество, и провожу много времени передъ каскадомъ Жанъ д'Ера, гдѣ безжизненное теченіе воды вдругъ образуетъ свѣтлую преграду и гдѣ зеленоватый мохъ скалъ увѣнчивается серебристой пѣной, изъ которой брызжутъ, хрустальными трезубцами, струи жемчужинъ и алмазовъ, соединяющихся внизу въ широкое зеркало неподвижной, синеватой воды, на поверхности которой умираютъ, лопаясь, пузырьки клокочущаго водопада.

Четвергъ, 3-го октября. Недавно я говорилъ кому-то: «Да, въ дневникѣ я хотѣлъ собрать все, что теряется любопытнаго въ разговорѣ».

Суббота, 5-го октября. Я глубоко убѣжденъ, и имѣю даже доказательства этому, что женщина сорока лѣтъ, когда у нея нѣтъ ни мужа, ни любовника, бываетъ по временамъ, въ глубинѣ души, помѣшанной.

Пятница, 27-го декабря. Въ этой книгѣ—послѣдней, которая будетъ издана мною при жизни, я не хочу кончить «Дневника Братьевъ Гонкуръ», не записавъ исторіи нашего сотрудничества, не разсказавъ его происхожденія, его видоизмѣненій, не отмѣтивъ изъ года въ годъ, въ этомъ совмѣстномъ трудѣ, преобладаніе то старшаго надъ младшимъ, то младшаго надъ старшимъ:

Во-первыхъ, два абсолютно различныхъ темперамента: братъ мой—натура веселая, задорная, экспансивная; я — натура меланхолическая, мечтательная, сосредоточенная—и фактъ любопытный—два мозга, получавшіе отъ столкновенія съ внѣшнимъ міромъ впечатлѣнія совершенно одинаковыя. Въ тотъ день, когда мы перешли отъ живописи къ литературѣ, братъ мой, признаюсь, былъ уже болѣе опытный стилистъ, лучше владѣлъ фразою, былъ, словомъ, болѣе писатель, чѣмъ я. А я имѣлъ передъ нимъ то преимущество, что лучше видѣлъ, и въ общей массѣ вещей и существъ, еще не разобранныхъ и не освѣщенныхъ, лучше различалъ то, что могло быть обращено въ матеріалъ для литературы, для романа, повѣсти, пьесы.

И вотъ мы начинаемъ писать, мой братъ подъ вліяніемъ Жюля Жанена, я подъ вліяніемъ Теофиля Готье; и легко узнать въ романъ «18... годъ» эти два плохо связанныхъ вдохновенія, которыя придаютъ нашей книгѣ характеръ произведенія въ два голоса, въ два пера.

Выходятъ затѣмъ: «Литераторы» (книга, изданная вторично подъ заглавіемъ «Шарль Демальи»), гдѣ меньше моего: остроуміе, блестящія, бравурныя странички вродѣ тѣхъ, которыя онъ повторилъ позже въ «Манетъ Соломонъ», принадлежатъ моему брату, а я въ этой книгѣ работалъ больше надъ архитектурою, надъ общимъ планомъ.

Затѣмъ появляются одна за другою біографіи художниковъ и историческія книги, написанныя, болѣе или менѣе, подъ моимъ давленіемъ и подъ вліяніемъ присущаго моему уму тяготѣнія къ истинѣ въ настоящемъ и прошломъ: произведенія, гдѣ, пожалуй, главнымъ вкладчикомъ былъ я.

Въ этомъ рядѣ трудовъ совершилось сліяніе, смѣшеніе нашихъ стилей, соединявшихся въ одинъ слогъ, очень самобытный, очень Гонкуровскій...

Въ этомъ братскомъ соперничествѣ изъ-за совершенства стиля случалось, что и братъ, и я, мы оба старались отдѣлаться отъ того, что намъ досталось отъ старшихъ: братъ мой—отъ пестроты стиля Жанена, я—отъ матеріализма стиля Готье. И мы оба искали, стремясь вмѣстѣ съ тѣмъ къ новизнѣ, стиля мужественнаго, конкретнаго, краткаго, на латинской основѣ, приближающагося къ слогу Тацита, котораго мы въ то время много читали. А главное, намъ опротивѣли рѣзкія краски, къ которымъ я раньше былъ нѣсколько склоненъ, и мы старались, въ описаніи внѣшнихъ предметовъ, одухотворять ихъ помощью нравственныхъ подробностей.

Примѣромъ можетъ служить это описаніе Венсенскаго лѣса, изъ «Жермини Ласерте»:

«...Узкія тропинки, гдѣ земля истоптана, тверда, изрѣзана слѣдами, скрещивались по всѣмъ направленіямъ. Въ промежуткахъ этихъ маленькихъ дорожекъ мѣстами росла трава, но трава измятая, сухая и мертвая, разбросанная, какъ желтая подстилка, и былинки которой, соломеннаго цвѣта, всюду смѣшивались съ колючками, съ скучной зеленью крапивы. Росли рѣдкія деревья, скорченныя и сгорбленныя, небольшіе вязы съ сѣрымъ стволомъ, въ пятнахъ какой-то желтоватой проказы; тощіе дубы, изъѣденные гусеницами, съ однимъ кружевомъ вмѣсто листьевъ. Летучая пыль отъ большой дороги окутывала сѣрымъ цвѣтомъ дальніе планы. На всемъ—убожество и истощеніе помятой растительности, скука пригородной зелени. Ни пѣнія птицъ въ вѣтвяхъ, ни бѣготни насѣкомыхъ на затвердѣлой почвѣ. Лѣсъ вродѣ прежняго Булонскаго, пыльный и высохшій, банальное и затасканное мѣсто прогулки, одно изъ тѣхъ мѣстъ скупой тѣни, куда народъ идетъ у самой заставы большихъ городовъ; жалкая пародія на лѣсъ, гдѣ раскиданы пробки, гдѣ наталкиваешься въ кустахъ на дынныя корки и на повѣсившихся!»

Мало-по-малу выходило такъ, что въ производствѣ книги братъ мой спеціально сталъ завѣдывать слогомъ, а я самымъ созданіемъ. На него стала находить презрительная лѣнь къ тому, чтобы искать, вспоминать, выдумывать—хотя когда, бывало, ему вздумается, онъ находилъ подробности болѣе изящныя, чѣмъ я. Можетъ быть уже тогда, болѣя печенью и пользуясь водами Виши, онъ начиналъ страдать переутомленіемъ

мозга. Впрочемъ ему всегда было противно слишкомъ большое производство, «урожай книгъ», какъ онъ говорилъ. И многіе отъ него слышали: «Я родился для того, чтобы написать во всю мою жизнь только единственную книжечку—in—12, вродѣ Ла-Брюеровской, и только одну эту книжечку».

Итакъ, онъ исключительно изъ любви ко мнѣ былъ моимъ сотрудникомъ до самой смерти, роняя иногда, съ болѣзненнымъ вздохомъ: «Какъ? еще книгу? Неужели еще мало мы ихъ написали?». Иногда, думая о той ужасной трудовой жизни, которую я ему навязалъ, я чувствую какъ-бы угрызеніе и страхъ: не я-ли ускорилъ его конецъ?

Но хотя онъ и предоставлялъ мнѣ всю композицію, самое сочиненіе книгъ, онъ оставался страстнымъ художникомъ слога, и я описалъ въ письмѣ къ Золя, на другой день послѣ его смерти, съ какой любовной заботой онъ слѣдилъ за выработкой формы, за чеканкой фразы, за выборомъ словъ; какъ онъ передѣлывалъ отрывки, написанные нами вмѣстѣ и сперва вполнѣ удовлетворявшіе насъ; какъ онъ перерабатывалъ ихъ по цѣлымъ часамъ, съ какимъ-то почти злобнымъ упорствомъ, здѣсь измѣняя эпитетъ, тамъ вводя въ періодъ ритмъ, далѣе передѣлывая оборотъ фразы и утомляя, затрачивая свой мозгъ въ поискахъ совершеннаго, столь труднаго, иногда даже невозможнаго для французскаго языка выраженія современныхъ ощущеній... И послѣ такого труда онъ, разбитый, молча сидѣлъ подолгу на диванѣ въ дымѣ крѣпкой сигары.

Никогда онъ не отдавался этому труду надъ слогомъ съ большимъ ожесточеніемъ, какъ въ послѣднемъ романѣ, который ему было суждено написать, «М-мъ Жервезэ», при чемъ, быть можетъ, та самая болѣзнь, которая уже собиралась погубить его, давала ему въ нѣкоторыя минуты какъ-бы религіозное упоеніе восторга.

КОНЕЦЪ.

ТУРГЕНЕВЪ И ТОЛСТОЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ТОЛСТОЙ.

ГЛАВА IV.

Великосвѣтскіе типы.

II. Пьеръ Безуховъ.

I.

Пьеръ Безуховъ въ противуположность князю Андрею не представляется намъ натурою, о которой возможны были бы діаметрально-противуположныя сужденія. Поэтому намъ не придется въ данномъ случаѣ прибѣгать къ подробному анализу душевнаго склада Безухова съ цѣлью установить правильное понятіе о немъ, *какъ о человѣкѣ.* Наша задача будетъ состоять только въ томъ, чтобы выяснить смыслъ и значеніе этого образа—*какъ типа.* Преслѣдуя эту задачу, мы пойдемъ по тому же пути, по которому шелъ Толстой: онъ создалъ типъ Безухова *параллельно* типу князя Андрея, онъ далъ намъ въ этихъ двухъ образахъ двѣ *соотносительныя,* одна другую дополняющія и объясняющія психологическія величины. Слѣдовательно, наше посильное истолкованіе типа Безухова должно быть основано на сравненіи съ типомъ князя Андрея.

Мы знаемъ, что, по складу ума, по основнымъ чертамъ натуры, въ особенности по характеру волевого уклада, кн. Андрей принадлежитъ къ числу людей «дѣла», къ призваннымъ дѣятелямъ практической жизни на почвѣ общественной или государственной. Пьеръ Безуховъ, напротивъ,—натура непригодная для практической дѣятельности. Кардинальная черта его ума—склонность (и способность) къ «мечтательному фи-

лософствованію», его натуры—слабость дѣйствующей воли, отсутствіе иниціативы, неспособность воздѣйствовать на окружающую среду и подчинять себѣ волю другихъ людей [1]).

Какъ ни важна эта характеристика занимающихъ насъ образовъ, но она сама по себѣ, въ отдѣльности отъ другихъ чертъ, не можетъ служить основаніемъ для ихъ критическаго истолкованія, какъ художественныхъ типовъ. Если-бы мы, отправляясь отъ этой характеристики, захотѣли взглянуть на образы кн. Андрея и Пьера Безухова, какъ на широкіе общечеловѣческіе типы, то сейчасъ же увидѣли бы, какъ эти яркія, полныя жизни фигуры тускнѣютъ, блѣднѣютъ и теряютъ свою художественную силу. Но въ этомъ отношеніи есть нѣкоторая разница между ними: кн. Андрей всетаки въ извѣстной мѣрѣ доступенъ отвлеченію отъ условій и красокъ мѣста, времени, націи и перенесенію на другую почву, между тѣмъ какъ Пьеръ Безуховъ рѣшительно этому сопротивляется,—нѣтъ возможности перенести его куда-нибудь въ Германію, Францію, Англію,—онъ мыслимъ и художественно-интересенъ только въ Россіи и при томъ, въ извѣстную эпоху,—ту, которую можно назвать переходною отъ XVIII-го вѣка къ XIX-му. Это различіе въ значительной мѣрѣ обусловлено тѣмъ, что кн. Андрей—аристократъ pur sang, человѣкъ породы и рѣзко-типично выраженной сословной психолигической формы, между тѣмъ какъ Пьеръ, сынъ «случайнаго» человѣка, «плебей» по происхожденію, является представителемъ той условно-аристократической формы, которая была явленіемъ специфически-русскимъ [2]). Въ старой Европѣ типичныя черты кн. Андрея, какъ аристократа, какъ человѣка чести и долга и съ призваніемъ къ широкой государственной дѣятельности, наконецъ какъ дѣятеля оппозиціи, найдутся еще въ болѣе яркомъ и цѣльномъ выраженіи. Поэтому кн. Андрей, со стороны сословно-психологической, можетъ *отчасти* служить *однимъ изъ представителей* этого общеевропейскаго—уже почти исчезнувшаго—типа. Но не трудно видѣть, что при всемъ томъ онъ отнюдь не могъ бы претендовать на роль широкаго художественнаго обобщенія, ибо странно было бы ходить за такимъ обобщеніемъ въ страну, гдѣ аристократическая форма, гдѣ императивы чести и долга, гдѣ призваніе къ политической дѣятельности

---

[1]) Мѣста, гдѣ натура Пьера въ этомъ смыслѣ противупоставляется натурѣ князя Андрея, уже были приведены нами («В. и М.», томъ I, ч. I, гл. VI и т. II. ч. III, гл. I).

[2]) Въ этой психологической формѣ, которую удобнѣе было бы называть не аристократическою, а только великосвѣтскою, мы не усматриваемъ той стойкости и законченности, какія мы видимъ въ настоящемъ аристократизмѣ князя Андрея. Въ Пьерѣ даетъ себя чувствовать «плебей», homo novus, въ своемъ родѣ «разночинецъ». Онъ аристократъ только потому, что получилъ великосвѣтское и заграничное воспитаніе и образованіе, что, enfant naturel «графа» Безухова, онъ былъ имъ усыновленъ и получилъ титулъ «графа» вмѣстѣ съ огромнымъ состояніемъ.

и всѣ соотвѣтствующія черты ума, натуры, характера были и остались чѣмъ-то недоразвитымъ, лишь слабымъ намекомъ на то, что въ этомъ отношеніи представляетъ Зап. Европа. Нашъ аристократизмъ, какъ классовая психологическая форма, въ противуположность западно-европейскому, былъ историческимъ недоноскомъ, какъ и многое у насъ; это было явленіе, начавшее разлагаться, прежде чѣмъ оно могло вполнѣ разцвѣсть и получить историческое значеніе. Кн. Андрей въ своемъ кругу одинокъ, почти отщепенецъ, почти—въ положеніи Чацкаго. И мы видимъ, дѣйствительно, что лучшіе люди этого круга, благороднѣйшіе представители этой классовой формы, сходятъ у насъ съ исторической сцены—актомъ самоотреченія, подвигомъ самозакланія,—днемъ 14-го декабря 1825 года.

Итакъ, кн. Андрей въ извѣстной только мѣрѣ доступенъ превращенію изъ типа русскаго въ общечеловѣческій. Зато Пьеръ Безуховъ этой операціи рѣшительно противится. Конечно, натуры съ преобладающей склонностью къ «мечтательному философствованію» и съ слабымъ развитіемъ дѣйствующей воли найдутся вездѣ. Но дѣло въ томъ, что Пьеръ, понятый только какъ воплощеніе извѣстныхъ чертъ натуры безъ дальнѣйшихъ опредѣленій, безъ пріуроченія къ русской почвѣ, совсѣмъ исчезаетъ, какъ *художественный образъ*, превращаясь въ блѣдную схему, которая ничего не говоритъ, никакого психологическаго интереса не представляетъ. Когда мы говоримъ о широкой общечеловѣчности типа, то при этомъ предполагается, что типъ сохраняетъ свою художественность, остается живымъ конкретнымъ образомъ. Если же онъ не можетъ обобщаться иначе, какъ теряя свою художественную конкретность, то это значитъ, что это типъ—не общечеловѣческій, и навязывать ему такую роль нельзя. Таковъ именно нашъ Пьеръ Безуховъ.

Если мы вникнемъ въ психологическую сущность той черты, которую Толстой называетъ «мечтательнымъ философствованіемъ» Пьера, то убѣдимся что она представляетъ собою явленіе специфически-русское. Прежде всего это «мечтательное философствованіе» не есть игра празднаго ума, въ которомъ пробудились нѣкоторые теоретическіе интересы и который сегодня философствуетъ о войнѣ, о грядущемъ вѣчномъ мирѣ, завтра о Богѣ и истинной вѣрѣ и т. д. и находитъ удовлетвореніе въ самомъ процессѣ этого теоретизированія. Для Пьера характерно то, что всѣ его умствованія вытекаютъ изъ глубокой потребности его натуры, что они не исключительно «головного» происхожденія. По самому складу своего ума, Пьеръ менѣе всего теоретикъ и кабинетный мыслитель. Вопросы, надъ которыми онъ бьется, при всей отвлеченности нѣкоторыхъ изъ нихъ, суть въ сущности вопросы жизни, и сама постановка ихъ вытекаетъ изъ стремленія выработать себѣ такое міросозерцаніе и устроить свою жизнь такъ, чтобы въ результатѣ получить возможно полный покой овѣсти, возможное *нравственное* удовлетво-

реніе, основанное на сознаніи, что мысля и живя *такъ*, онъ «дѣлаетъ благое дѣло среди царюющаго зла». Пьеръ — типичный представитель или, лучше, провозвѣстникъ, предтеча русскаго *идеализма.*

Если съ этой точки зрѣнія проведемъ параллель между нашими двумя героями, то князя Андрея придется назвать *реалистомъ*, Пьера Безухова—*идеалистомъ* (или *идеологомъ*). Понятіе *идеализма* я беру здѣсь не въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно противупоставляется эгоизму и житейской практичности; я противуполагаю его реализму, который отнюдь не означаетъ отсутствія идеальныхъ стремленій. Оба, Болконскій и Безуховъ, руководятся въ жизни нѣкоторыми высшими стремленіями, имѣютъ или ищутъ извѣстный идеалъ; они отнюдь не могутъ быть причислены къ людямъ, живущимъ въ свое удовольствіе, поглощеннымъ заботами о карьерѣ, каковы напр. кн. Василій, Курагинъ, Бергъ и др.; равнымъ образомъ они не принадлежатъ и къ числу тѣхъ наивно-хорошихъ людей, которые неспособны подняться выше уровня идей и нравственныхъ понятій времени. Типичнымъ представителемъ такихъ хорошихъ людей является Николай Ростовъ. Безуховъ и Болконскій рѣзко выдѣляются изъ массы заурядныхъ людей того и другого сорта сложностью и высотою своихъ душевныхъ запросовъ, серьезностью своихъ требованій отъ жизни и неспособностью наивно жить, «не мудрствуя». Въ этомъ смыслѣ оба они являются идеалистами. Но называя одного изъ нихъ *реалистомъ*, я уже беру терминъ *идеализмъ* въ другомъ смыслѣ, именно въ томъ, въ какомъ онъ противупоставляется *реализму*. Критеріемъ является здѣсь уже не присутствіе или отсутствіе идеальныхъ стремленій, *а извѣстный способъ отношенія мыслящаго человѣка къ дѣйствительности.* Я называю князя Андрея *реалистомъ* потому, что для него исходною точкою стремленій служитъ *сама дѣйствительность*, и онъ въ построеніи своихъ идей, въ исканіи идеала, въ программѣ жизни и дѣятельности всегда ищетъ точки опоры въ окружающей его жизни и въ ея исторически-данныхъ условіяхъ. Я называю Пьера *идеалистомъ* или *идеологомъ* потому, что у него отправнымъ пунктомъ мысли и стремленій является всегда система тѣхъ идей или вѣрованій, которыми онъ въ данное время увлекается, а дѣйствительность, среди которой онъ живетъ и дѣйствуетъ, представляется какъ бы выводомъ изъ этихъ идей: она окрашивается и мѣняетъ свой обликъ сообразно измѣненіямъ въ характерѣ и составѣ идей, занимающихъ мысль Пьера.

Вспомнимъ, съ какою сознательностью и, можно сказать, добросовѣстностью наблюдателя относится князь Андрей къ окружающей дѣйствительности. Онъ прямо ее изучаетъ, стараясь прежде всего составить себѣ ясное и точное представленіе о совершающихся событіяхъ, о группировкѣ партій, о ихъ вожакахъ, о достоинствахъ и недостаткахъ дѣйствующихъ лицъ и т. д. Послѣ назначенія Кутузова, князю Андрею не-

обходимо было лично удостовѣриться въ томъ, въ самомъ ли дѣлѣ этотъ выборъ удаченъ. И вотъ онъ, поступивъ въ штабъ Кутузова, присматривается къ этому человѣку, наблюдаетъ его и выноситъ извѣстную намъ оцѣнку главнокомандующаго. Такъ же точно наблюдаетъ онъ и старается понять Багратіона. Всѣ его отношенія къ Сперанскому въ основѣ своей сводятся къ старанію понять этого государственнаго человѣка, вникнуть въ смыслъ и значеніе его дѣятельности. Съ неменьшимъ вниманіемъ присматривается онъ и къ второстепеннымъ лицамъ, входя въ подробности ихъ дѣйствій (вспомнимъ его отношенія къ кап. Тушину). Во всемъ этомъ видна не только «жилка» человѣка съ практическимъ смысломъ, но также виденъ *реалистъ* по складу ума,—человѣкъ, который прежде всего стремится изслѣдовать и понять окружающую дѣйствительность, какъ она есть, чтобы потомъ уже, на основаніи этого изученія, установить свои отношенія къ ней.

Совсѣмъ иное видимъ мы у Пьера. Онъ живетъ своимъ собственнымъ міромъ и только *присутствуетъ* среди окружающей его дѣйствительности. Настоящее положеніе вещей, группировка и борьба партій, дѣятельность историческихъ лицъ,—все это не вызываетъ въ немъ того живого интереса, который заставилъ бы его хоть на время отвлечься отъ занимающихъ его идей. Углубленный въ свои размышленія, занятый поразившей его мыслью, онъ въ состояніи совсѣмъ забыть о томъ, что происходитъ вокругъ. Его извѣстная разсѣянность находится въ несомнѣнной связи съ этой способностью самоуглубленія.

Во время занятія Москвы французами Пьеръ поглощенъ массонствомъ и реагируетъ на событія мистикою чиселъ и фантастическимъ планомъ убіенія Наполеона. Въ плѣну, въ самой ужасной обстановкѣ, въ виду постоянной возможности или даже вѣроятности быть разстрѣлянымъ, Пьеръ по прежнему занятъ внутренней работой духа, которая, въ виду исключительности положенія, получаетъ только новое направленіе, да еще протекаетъ съ большею, чѣмъ прежде интенсивностью. Прежній порядокъ идей разрушается, и на его развалинахъ созидается новый. Въ этомъ созиданіи огромное значеніе имѣла встрѣча съ Каратаевымъ. Смыслъ этихъ внутреннихъ преобразованій—тотъ, что плѣнъ, лишенія, смерть—все это пустяки. Свобода—внутри человѣка, и отнять ее нельзя. Безсмертную душу нельзя держать въ плѣну или казнить и т. д. Главы XII—XIV второй части IV-го тома, описывающія эту «эволюцію» во внутреннемъ мірѣ Пьера, прекрасно воспроизводятъ *идеалистическій* складъ ума этого человѣка.

Очень характерно также то, что, въ то время какъ князю Андрею нужно было знать, что такое Кутузовъ, Пьеру необходимъ былъ Каратаевъ. Русскій національный складъ или «духъ» въ формѣ «Кутузовщины» выступилъ на историческую авансцену и явился однимъ изъ

важныхъ факторовъ въ цѣли событій, въ текущемъ обиходѣ дѣйствительности, въ данный моментъ исторической жизни Россіи,—и вотъ именно съ этой стороны онъ и представлялъ интересъ и важность для князя Андрея. Для Пьера, живущаго своимъ внутреннимъ міромъ и озабоченнаго исканіемъ вѣры или идеала, важно не это историческое проявленіе національнего духа, а—его корни въ народной психологіи, его наивное выраженіе въ народномъ міросозерцаніи. Чтобы Пьеръ могъ пріобщиться къ нему, онъ долженъ былъ открыться Пьеру въ идеализированномъ образѣ Каратаева.

II.

Идеалистическая (въ вышеуказанномъ смыслѣ) натура Пьера прекрасно поясняется тѣмъ, что говоритъ о немъ Толстой въ началѣ главы XII-ой II-ой части IV-го тома: «Онъ долго въ своей жизни искалъ съ разныхъ сторонъ... *успокоенія—согласія съ самимъ собою...* онъ искалъ этого въ филантропіи, массонствѣ, въ разсѣянности свѣтской жизни, въ винѣ, въ геройскомъ подвигѣ самопожертвованія, въ романтической любви къ Наташѣ; онъ искалъ этого путемъ мысли, и всѣ эти исканія и попытки—всѣ обманули его». Въ этихъ словахъ Толстой подвелъ итогъ всей предшествующей исторіи Пьера — вплоть до плѣна и встрѣчи съ Каратаевымъ. Главный внутренній мотивъ, двигавшій Пьеромъ, сводился къ исканію душевнаго успокоенія, согласія съ самимъ собою; иначе говоря, его задача была личная, субъективная въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Говорю «въ тѣсномъ смыслѣ», потому что въ *обширномъ смыслѣ* и у князя Андрея, да и у всякаго человѣка задача, вытекающая изъ потребностей ума, сердца, изъ характернаго уклада воли, всегда остается личною, субъективною, да и не можетъ быть иною. Но огромное различіе между людьми въ этомъ отношеніи сводится къ самому способу постановки задачи и къ характеру вытекающихъ оттуда отношеній человѣка къ дѣйствительности. Одни ставятъ свою личную проблему такъ, что большая часть умственныхъ, нравственныхъ и другихъ интересовъ высшаго порядка, какіе есть у человѣка, влекутъ его мысль, чувство и волю къ окружающей жизни, къ дѣйствительности, къ тому, что совершается во внѣшнемъ мірѣ; въ силу этого, личная задача сводится къ установленію или урегулированію отношеній человѣка къ дѣйствительности; это приводитъ къ изученію дѣйствительности, къ исканію въ ней точекъ опоры, къ критикѣ явленій окружающей жизни,—критикѣ, которая можетъ дать важныя указанія для рѣшенія личной задачи. Таковъ князь Андрей. Вотъ именно людей этого типа я и называю *реалистами*, какъ бы ни были высоки и отдаленны ихъ идеалы. Другіе, напротивъ, ищутъ рѣшенія личной задачи путемъ самоуглубленія, стремясь преобразовать свой внутренній міръ силою той или иной идеи, того или

другого чувства, вѣрованія, догмата—религіознаго или нравственнаго. Обращаясь къ дѣйствительности, они сейчасъ же превращаютъ любой изъ ея вопросовъ, которыхъ всегда много, въ личный вопросъ своей совѣсти, вѣры, убѣжденія. И на этомъ пути вопросы жизни незамѣтно превращаются у людей этого типа въ средства къ достиженію «согласія съ самимъ собою». Возникаетъ такимъ образомъ та постановка личной задачи, въ силу которой эта послѣдняя превращается въ личную или субъективную по преимуществу. Люди, какъ кн. Андрей, будутъ тяготѣть къ дѣйствительности, будутъ искать въ ней точекъ опоры, если нельзя для дѣятельности, то хотя бы для мысли, даже и въ томъ случаѣ, когда они убѣждаются въ невозможности окончательно рѣшить личную задачу. Задачу этихъ людей скорѣе можно бы опредѣлить, не какъ исканіе внутренняго успокоенія и согласія съ самимъ собою, а какъ стремленіе осуществить свою общественную стоимость. Для нихъ поэтому важнѣе всего—критика дѣйствительности и сознательный выборъ тѣхъ ея сторонъ, которыя, по свойству ума, по способностямъ, по общественному положенію человѣка, по «рессурсамъ», находящимся въ его распоряженіи, могли бы явиться для него искомыми точками опоры, точками приложенія душевныхъ силъ. Напротивъ, для натуръ, какъ Пьеръ, дѣйствительность представляется только обстановкой или ареною, на которой они ищутъ «успокоенія»,—и безпорядочно, суетливо стучится жизнь въ ихъ внутренній міръ различными сторонами своими, важными и ничтожными,—и на эти призывы жизни такія натуры реагируютъ сегодня филантропіей, завтра самоотверженнымъ подвигомъ, потомъ романтической любовью и т. д. Идеалистическое отношеніе къ дѣйствительности въ такой натурѣ сводится здѣсь къ тому, что представленіе о ней и пониманіе ея вопросовъ находится всецѣло въ зависимости отъ характера тѣхъ идей, вѣрованій, настроеній, въ которыхъ личность въ данное время думаетъ найти «успокоеніе».

Вотъ и посмотримъ, какъ Пьеръ искалъ этого успокоенія, и каковы были его отношенія къ дѣйствительности.

Сперва обратимся къ тому, очень важному въ жизни Пьера, моменту, когда онъ встрѣтился съ масономъ Бездѣевымъ (томъ II, часть II, гл. II). Это—отправной пунктъ «исканій» Пьера, начало его душевной исторіи. Душевный мотивъ, который тутъ впервые намѣчался и вскорѣ долженъ былъ проявиться съ нѣкоторой отчетливостью, опредѣляется формулою: «личное нравственное совершенствованіе на почвѣ служенія ближнимъ (обществу, отечеству, человѣчеству). Формула эта у Пьера и у всѣхъ, для кого онъ типиченъ, отличается способностью къ перестановкѣ своихъ терминовъ, къ превращенію въ формулу: «служеніе ближнимъ (обществу, отечеству, человѣчеству) на почвѣ личнаго нравственнаго совершенствованія». Эта перестановка далеко не всегда сознается, совершаясь не-

рѣдко «въ глубинѣ души». Еслибы во время бесѣды съ Баздѣевымъ Пьеръ могъ подвергнуть самого себя психологическому діагнозу, то онъ очень затруднился бы отвѣтить на вопросъ: какая именно внутренняя потребность влекла его къ масонству,—была ли это жажда нравственнаго возрожденія по преимуществу, или же жажда общественной дѣятельности? Несомнѣнно одно: онъ уже тогда искалъ «примиренія съ самимъ собою» и хотѣлъ стать лучше, чище, добродѣтельнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что личная добродѣтель не могла быть конечною цѣлью его стремленій. И вскорѣ разрывъ Пьера съ петербургскими масонами покажетъ намъ, что Пьеръ не могъ успокоиться на одной личной добродѣтели, что потребность благотворной общественной дѣятельности была въ немъ жива и сильна, но только онъ не могъ, ни тогда, ни послѣ, освободить эту потребность отъ вопросовъ личной нравственности и субъективной задачи. Не оттого-ли общественная дѣятельность никогда и не удавалась Пьеру? Вотъ именно этотъ вопросъ мы и постараемся выяснить.

Не только у Пьера, тогда еще неофита въ этихъ идеальныхъ стремленіяхъ, но и у наставника его, Баздѣева, вопросы личные и вопросы общественные переплетаются самымъ причудливымъ образомъ. Баздѣевъ прежде всего открываетъ Пьеру заманчивую перспективу постиженія «высшей мудрости», абсолютной истины, составляющей будто бы монополію масонства. Онъ говоритъ: «высшая мудрость основана не на одномъ разумѣ, не на тѣхъ свѣтскихъ наукахъ—физикѣ, исторіи, химіи и т. д., на которыя распадается знаніе умственное. Высшая мудрость одна. Высшая мудрость имѣетъ одну науку—науку всего, науку, объясняющую все мірозданіе и занимаемое въ немъ мѣсто человѣка. Для того, чтобы вмѣстить въ себѣ эту науку, необходимо очистить и обновить своего внутренняго человѣка, и потому прежде, чѣмъ знать, нужно вѣрить и совершенствоваться. И для достиженія этихъ цѣлей въ душу нашу вложенъ свѣтъ Божій, называемый совѣстью». Уже тутъ личное совершенствованіе, чистота души, добродѣтель представлены какъ средство для достиженія чего-то другого, точно онѣ—не цѣль сами по себѣ. На это Пьеръ могъ бы возразить, что разъ дѣло идетъ не о ходячей, элементарной морали, а о выработкѣ высшихъ нормъ и идеала нравственности, необходимо уже имѣть въ своемъ распоряженіи хотя бы основанія этой «мудрости», этого познанія «всего» и мѣста, занимаемаго человѣкомъ, т. е. нужно имѣть понятіе о призваніи, назначеніи человѣка и т. д. Но такъ какъ въ душѣ Пьера, въ данное время, господствуетъ стихійное броженіе, весьма аналогичное той путаницѣ понятій, какая имѣетъ мѣсто въ головѣ Баздѣева, то онъ и не находитъ никакихъ возраженій, а только поддакиваетъ,—и ему кажется, что въ самомъ дѣлѣ истинный путь открывается ему. Еще рѣзче обнаруживается хаотич-

ность душевнаго броженія Пьера и путаница понятій Баздѣева въ томъ, что чувствуетъ первый, и что говоритъ второй—въ слѣдующей краснорѣчивой тирадѣ, затрогивающей самыя больныя мѣста Пьера: «посмотрите на свою жизнь, государь мой. Какъ вы проводили ее? Въ буйныхъ оргіяхъ и развратѣ, *все получая отъ общества и ничего не давая ему.* Вы получили богатство? *Какъ вы употребили его? Что вы сдѣлали для ближняго своего? Подумали-ли вы о десяткахъ тысячъ вашихъ рабовъ, помогли-ли вы имъ физически и нравственно?* Нѣтъ. *Вы пользовались ихъ трудами, чтобы вести распутную жизнь...»*—Казалось бы, вотъ наконецъ, Баздѣевъ подошелъ къ самой сути дѣла, къ тому пункту, съ высоты котораго лично-нравственная задача съ одной стороны и соціальная проблема съ другой очертятся въ своей раздѣльности и въ то же время въ тѣхъ раціональныхъ психологическихъ соотношеніяхъ своихъ, при соблюденіи которыхъ онѣ не будутъ путаться и мѣшать одна другой. Казалось, Баздѣевъ поднималъ животрепещущій вопросъ времени, вопросъ жизни, разумная постановка котораго могла подсказать и рѣшеніе личной задачи, напр. хотя-бы—на первыхъ порахъ—въ такомъ элементарномъ видѣ: ты ищешь спокойствія совѣсти, примиренія съ собою, нравственнаго удовлетворенія; вотъ предъ тобою великая задача,—служи ей: у тебя десятки тысячъ рабовъ, у тебя огромное состояніе,—употреби же хоть часть его на улучшеніе жизни и просвѣщеніе твоихъ рабовъ, не говоря уже о томъ, что, какъ человѣкъ гуманный, просвѣщенный и независимый, ты могъ бы кое-что сдѣлать въ интересахъ подготовки освобожденія народа отъ крѣпостной зависимости въ будущемъ, о чемъ уже начинаютъ подумывать лучшіе люди въ обществѣ и даже въ самомъ правительствѣ. И если ты пойдешь по этому пути, то несомнѣнно твоя жизнь будетъ полна, разумна и ты eo ipso сдѣлаешь огромный шагъ впередъ въ преслѣдованіи своего лично-нравственнаго идеала.—При такой постановкѣ вопроса вниманіе Пьера было бы отвлечено отъ субъективной сферы, гдѣ центромъ, вокругъ котораго все вращается, служитъ личное «я», къ объективной,—къ окружающей дѣйствительности, гдѣ это «я», при благопріятныхъ условіяхъ, можетъ найти, въ подчиненіи цѣлому, какъ-разъ то самое, что нужно для гармоническаго развитія душевныхъ силъ личности и для удовлетворенія различнымъ ея запросамъ, въ томъ числѣ и нравственнымъ.

Но, какъ видимъ изъ дальнѣйшаго, Баздѣевъ и не думаетъ, да и не можетъ стать на эту точку зрѣнія. Дѣло представляется такъ, что онъ лишь случайно подошелъ къ ней, чтобы сейчасъ же удалиться въ другую сторону,—что онъ заговорилъ о «рабахъ» и о служеніи ближнимъ только потому, что его слушатель былъ богатъ и имѣлъ рабовъ. Ну, а еслибы онъ ихъ не имѣлъ? Тогда самъ собою падалъ бы и вопросъ о рабахъ, о крѣпостномъ правѣ, о служеніи народу.

Очевидно, у Бездѣева, весь вопросъ сводится къ личной нравственности Пьера. Оттуда и та черта, что на одной линіи съ вопросомъ о «рабахъ» и въ томъ-же тонѣ, въ той-же перспективѣ трактуются Бездѣевымъ и отношенія Пьера къ его женѣ и къ Долохову.—«Вы женились, государь мой, взяли на себя отвѣтственность въ руководствѣ молодой женщины, и что-же вы сдѣлали? Вы не помогли ей, государь мой, найти путь истины, а ввергли ее въ пучину лжи и несчастья. Человѣкъ оскорбилъ васъ, и вы убили его...»—На это Пьеръ могъ-бы резонно возразить, что не онъ ввергъ жену свою въ пучину лжи и несчастья, а скорѣе она его ввергла туда, во-вторыхъ, что относительно такой женщины, какъ Hélène, дочь кн. Василія, нелѣпо и подымать вопросъ о какомъ-либо «руководствѣ» и «пути истины».—А вотъ насчетъ десятковъ тысячъ рабовъ Пьеру дѣйствительно слѣдовало признаться, что онъ виноватъ, очень и непростительно виноватъ,—въ особенности въ томъ, что, послѣ исторіи съ Долоховымъ, онъ «выдалъ женѣ довѣренность на управленіе всѣми великорусскими имѣніями, что составляло большую часть его состоянія» (т. II, ч. I, гл. VI). Ни откуда не видно, чтобы Пьеръ не только тогда, въ то первое время своихъ нравственныхъ и общественныхъ стремленій, но и впослѣдствіи, сознавалъ всю безнравственность этого преданія крестьянъ на произволъ такой душевладѣлицы, какъ Hélène, этой расплаты съ развратной женщиной за учиненный ей скандалъ душами и трудами рабовъ. И въ дальнѣйшемъ, надѣюсь, мы убѣдимся въ томъ, что это несознаваніе, этотъ родъ нравственной слѣпоты у Пьера въ значительной мѣрѣ объясняется именно тѣмъ, что у него *отдѣленіе общественной задачи отъ лично-нравственной никогда не было доведено до конца.*

III.

Черезъ Бездѣева Пьеръ вступилъ въ общество масоновъ. Въ главѣ III (II части II тома) описывается обрядъ посвященія въ масоны. Цѣль ордена такова: «очищая и исправляя нашихъ членовъ, мы стараемся (наставляетъ Пьера «риторъ» при обрядѣ пріема) исправлять и весь родъ человѣческій, предлагая ему въ членахъ нашихъ примѣръ благочестія и добродѣтели, и тѣмъ стараемся всѣми силами противоборствовать злу, царствующему въ мірѣ». Центръ тяжести здѣсь передвинутъ въ сторону личной морали, причемъ нормы этой послѣдней носятъ рѣзкій отпечатокъ сектантскаго духа и также—аскетическихъ стремленій. То и другое должно было въ значительной мѣрѣ тормозить или искажать значеніе массонства, какъ движенія прогрессивнаго [1]). Пьеру, какъ мы знаемъ,

[1]) Я говорю здѣсь о масонствѣ въ томъ представленіи о немъ, какое вытекаетъ изъ его изображенія въ «Войнѣ и Мирѣ». Въ дѣйствительности наше масонство прошлаго вѣка и начала нынѣшняго имѣло гораздо больше значенія и вліянія, чѣмъ сколько склоненъ, повидимому, приписывать ему Толстой.

вскорѣ пришлось разочароваться въ масонствѣ, поскольку оно сводилось къ пустой формалистикѣ, упускало изъ виду практическія задачи филантропіи, какъ дѣла общественнаго, и наконецъ, принимало въ ряды своихъ членовъ лицъ, преслѣдующихъ исключительно цѣли личныя, эгоистическія (томъ II, часть III, гл. VII). Тѣмъ не менѣе на первыхъ порахъ Пьеру казалось, что онъ, наконецъ, вступаетъ на правильный путь; передъ нимъ дѣйствительно открывалась перспектива какихъ-то положительныхъ цѣлей жизни,—его прежнее безцѣльное, безъидейное существованіе навсегда прекратилось. Послѣ неудачной попытки привести орденъ къ сознанію необходимости дѣятельнаго добра и энергической борьбы съ «порокомъ и глупостью», Пьеръ въ теченіи нѣкотораго времени занялся личнымъ упражненіемъ въ разныхъ, предписываемыхъ масонствомъ добродѣтеляхъ (ib., гл. VIII и X, дневникъ Пьера). Эти упражненія и сопутствующія имъ размышленія могли имѣть нѣкоторое нравственное значеніе лично для Пьера,—они составляли извѣстный «моментъ» въ его духовномъ развитіи, не оставшійся совсѣмъ безплоднымъ. Но для насъ гораздо важнѣе познакомиться съ другой стороною дѣла, именно съ попытками Пьера выйти на путь «дѣятельнаго добра»,—путь, который долженъ былъ его привести къ постановкѣ, въ той или иной формѣ, хотя-бы и въ чисто-филантропической, вопросовъ общественныхъ, и прежде всего—вопроса о крестьянахъ и крѣпостномъ правѣ. Любопытно, что увлеченіе Пьера этой стороною дѣла имѣло характеръ, такъ сказать, эпизодическій и хронологически предшествовало его упражненіямъ въ личныхъ добродѣтеляхъ и душеспасительныхъ размышленіяхъ на масонскія темы.

Интересующій насъ эпизодъ изложенъ въ гл. X, II части, II тома. Мы находимъ Пьера въ Кіевѣ и узнаемъ, во-первыхъ, что онъ пріѣхалъ сюда для введенія реформъ въ своихъ имѣніяхъ, согласно «написанному имъ для себя» (конечно, въ духѣ масонскихъ идей о любви къ человѣчеству и щедрости) «руководству», и, во-вторыхъ, что въ это время преслѣдованіе идеала личной «чистоты» и «благонравія» никакъ не давалось ему. Ведя разсѣянную свѣтскую жизнь, среди соблазновъ которой пальма первенства принадлежала попрежнему женской прелести, Пьеръ «сознавалъ, что изъ трехъ назначеній масонства онъ не исполнялъ того, которое предписывало каждому масону быть образцомъ нравственной жизни, а изъ семи добродѣтелей совершенно не имѣлъ двухъ: добронравія и любви къ смерти. Онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что за то онъ исполнялъ другое назначеніе—*исправленіе рода человѣческаго* и имѣлъ другія добродѣтели—*любовь къ ближнему* и въ особенности *щедрость*».

Стремясь приложить къ дѣлу эти свои добродѣтели и начать «исправленіе рода человѣческаго», Пьеръ не могъ, конечно, не вспомнить прежде всего о тѣхъ десяткахъ тысячъ рабовъ своихъ, на которыхъ указывалъ

ему Бездѣевъ. И вотъ онъ останавливается мыслью на необходимости освобожденія своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а пока—въ ожиданіи исполненія этой мечты, предпринимаетъ въ своихъ имѣніяхъ рядъ реформъ и нововведеній, клонящихся къ улучшенію быта и къ нравственному и умственному просвѣщенію мужиковъ. Онъ вызвалъ всѣхъ управляющихъ въ Кіевъ и «сказалъ имъ, что немедленно будутъ приняты мѣры для совершеннаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, что до тѣхъ поръ крестьяне не должны быть отягчаемы работой, что женщины съ дѣтьми не должны посылаться на работы, что крестьянамъ должна быть оказываема помощь, что наказанія должны быть употребляемы увѣщательныя, а не тѣлесныя, что въ каждомъ имѣніи должны быть учреждены больницы, пріюты и школы».—Таковы были прекрасныя начинанія Пьера. Но, какъ извѣстно, всѣ они такъ и остались начинаніями: крестьяне не были освобождены, больницы и школы остались только на бумагѣ или недостроенными, и фактически положеніе крѣпостныхъ графа Безухова отъ этихъ затѣй только ухудшилось. Толстой обстоятельно поясняетъ намъ, почему это такъ вышло—въ противоположность удачному выполненію тѣхъ-же плановъ князя Андрея.—Когда Пьеръ объѣзжалъ свои имѣнія, чтобы лично убѣдиться въ исполненіи своихъ предначертаній,—«народъ вездѣ представлялся ему благоденствующимъ и трогательно-благодарнымъ за сдѣланныя ему благодѣянія». Въ дѣйствительности-же было совсѣмъ не то: «Пьеръ не зналъ того, что тамъ, гдѣ ему подносили хлѣбъ-соль... 9/10 мужиковъ были въ величайшемъ разореніи. Онъ не зналъ, что вслѣдствіе того, что перестали по его приказу посылать *ребятницъ*, женщинъ съ грудными дѣтьми, на барщину, эти самыя ребятницы тѣмъ труднѣйшую работу несли на своей половинѣ. Онъ не зналъ, что священникъ, встрѣтившій его съ крестомъ, отягощалъ мужиковъ своими поборами, и что собранные къ нему ученики со слезами были отдаваемы ему и за большія деньги были откупаемы родителями. Онъ не зналъ, что каменныя, по плану, зданія (больницъ и школъ) воздвигались своими рабочими и увеличили барщину крестьянъ, уменьшенную только на бумагѣ. Онъ не зналъ, что тамъ, гдѣ управляющій указывалъ ему по книгѣ на уменьшеніе по его волѣ оброка на одну треть, была на половину прибавлена барщинская повинность» (ibid.).

Онъ ничего не зналъ... А потому и «былъ восхищенъ своимъ путешествіемъ по имѣніямъ» и думалъ: «какъ легко, какъ мало усилія нужно, чтобы сдѣлать такъ много добра!»

Главную причину неудачъ Пьера Толстой видитъ въ отсутствіи у него практическаго смысла, «той практической цѣпкости, которая бы дала ему возможность непосредственно взяться за дѣло». Мы уже знаемъ, какъ Толстой оттѣняетъ этотъ недостатокъ Пьера противуположной чертою кн. Андрея.

Но—думается намъ—если бы все дѣло ограничивалось этимъ, то это было бы полъ-бѣды. Человѣкъ, лишенный дѣловитости и практической цѣпкости, можетъ однако для проведенія въ жизнь своихъ благихъ намѣреній найти исполнителей и помощниковъ, обладающихъ этими качествами. Пьеръ могъ бы, напр., обратиться за указаніями, какъ взяться за дѣло, къ князю Андрею, поучиться у него, найти черезъ его посредство надежныхъ и умѣлыхъ людей, вмѣсто того, чтобы съ поражающей для умнаго человѣка наивностью полагаться на плута управляющаго.

Итакъ, главная бѣда Пьера не въ этомъ. Она — въ томъ, что для него устройство быта крестьянъ и вопросъ ихъ освобожденія *довлѣютъ не сами себѣ, а являются только частью общей задачи исправленія рода человѣческаго*, и что, даже и помимо этой масонской точки зрѣнія, для Пьера это великое и столь трудное, столь отвѣтственное дѣло было только *средствомъ личнаго нравственнаго удовлетворенія, успокоенія своей совѣсти и путемъ къ самоусовершенствованію.* Съ этой стороны освобожденіе и улучшеніе быта крѣпостныхъ являлось для Пьера *не цѣлью, а средствомъ.* Вотъ это-то и подкапывало въ самой основѣ общественную дѣятельность Пьера и съ тѣмъ вмѣстѣ наносило ущербъ и *нравственнымъ* стремленіямъ его. Это станетъ намъ вполнѣ ясно, если мы для опредѣленія *понятія о нравственномъ элементѣ въ отношеніяхъ между людьми* согласимся принять слѣдующую формулу, которую я считаю единственно-раціональной: *смотри на ближняго твоего*, кто бы онъ ни былъ, *какъ на цѣль, а не какъ на средство.* Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы всякое трактованіе ближняго, *какъ средство*, было непремѣнно *безнравственнымъ.* Нѣтъ, оно только—*не нравственно, не относится къ категоріи нравственнаго.* Попытки Пьера улучшить жизнь крестьянъ и освободить ихъ *чисто-нравственный* элементъ сводятся къ стремленію (хотя бы и безсознательному) стать къ мужику въ такія отношенія, при которыхъ онъ являлся бы для помѣщика цѣлью, а не средствомъ достиженія другихъ, постороннихъ цѣлей. Напротивъ, все, что—въ попыткахъ Пьера—вытекало *не изъ этого источника, а изъ желанія успокоить свою совѣсть и самому стать лучше черезъ стремленіе* (все равно, въ этомъ случаѣ, приведшее, или нѣтъ, къ положительнымъ результатамъ) *облагодѣтельствовать мужика*,—все это, говорю я, *не было элементомъ чисто-нравственнымъ:* это было только *благородно-эгоистическое стремленіе къ личному моральному благополучію*, при чемъ ближній (мужикъ) трактовался *какъ средство* для достиженія этой цѣли, и послѣдняя достигалась даже въ томъ случаѣ, если фактически положеніе мужика отъ этихъ стремленій только ухудшалось. Возьмемъ другой примѣръ: если помѣщикъ былъ добръ, нежаденъ, не злоупотреблялъ своей властью, и крестьянамъ жилось у него хорошо; если онъ ихъ не сѣкъ, не ссылалъ; если онъ не вторгался въ ихъ семейныя отношенія, не

устраивалъ или разстраивалъ, по своему произволу, браки и т, д.; то, конечно, отношенія на практикѣ *переставали быть безнравственными, но и не превращались въ нравственныя:* не слѣдуетъ смѣшивать идиллію съ этикою. Истинно-нравственный элементъ появится въ этихъ отношеніяхъ съ того момента, когда эта гуманность, эта идиллія, будетъ одухотворена сознаніемъ, что низведенія цѣлаго сословія на степень средства для матеріальнаго (да и всякаго иного) благополучія другого сословія есть нѣчто въ принципѣ безнравственное, и что нужно стремиться къ упраздненію этого порядка вещей. Сама по себѣ доброта, доброжелательность или жалость къ людямъ, гуманность и филантропія — все это только благопріятныя для установленія нравственныхъ отношеній условія и далеко не всегда на дѣлѣ совпадаютъ съ этими отношеніями. Истинное основаніе для послѣднихъ—свобода. Свобода личная—первый шагъ къ ихъ установленію, свобода экономическая — ихъ завершеніе. Только на почвѣ свободы возможны нравственныя отношенія между людьми, т.-е. такія, при которыхъ человѣкъ человѣку—цѣль. Оттуда—извѣстное ощущеніе какой-то нравственной лжи, сопутствующее наилучшимъ филантропическимъ стремленіямъ при сохраненіи statu quo несвободы. Оттуда также—ингредіентъ нравственнаго элемента во всѣхъ стремленіяхъ къ свободѣ, усиливающійся вмѣстѣ съ углубленіемъ и расширеніемъ самого понятія свободы. Въ проектахъ освобожденія крестьянъ съ землею было больше нравственнаго элемента, чѣмъ въ проектахъ освобожденія безъ земли, и въ первыхъ онъ былъ прямо-пропорціональнымъ количеству и качеству предполагавшагося надѣла.

Изъ такой постановки вопроса вытекаетъ нашъ взглядъ на задачу, предстоявшую Пьеру и всѣмъ, ему подобнымъ, кто только сознавалъ въ ту эпоху ненормальность крѣпостного права и стремился успокоить свою совѣсть помѣщика. Заморить червяка совѣсти было нетрудно — идилліей и филантропіей. Установить (или начать устанавливать) истинно-нравственныя отношенія къ народу можно было только—работая въ видахъ его освобожденія и экономическаго обезпеченія. Теперь спрашивается: что прежде всего было нужно для успѣшности этой работы? Прежде всего—*не путать сюда задачъ своего совершенствованія и съ самаго начала поставить вопросъ на единственно-раціональную, съ этической и съ соціальной точки зрѣнія, почву, а именно ту, которая выражается формулою: свобода и благосостояніе народа нужны для него самого, а не для успокоенія совѣсти помѣщиковъ.* Вотъ если бы Пьеръ съумѣлъ стать на эту точку зрѣнія, то, вмѣсто того, чтобы подвергать анализу свои душевныя движенія, онъ приложилъ бы свой умъ, свои силы къ изученію быта и нуждъ крестьянъ и самого вопроса о ихъ освобожденіи или о подготовкѣ ихъ будущаго освобожденія и, конечно, несмотря на всю свою непрактичность, что-нибудь все-таки сдѣлалъ бы

полезнаго и цѣннаго въ этомъ направленіи. Итакъ, дѣло сводилось къ перенесенію центра тяжести вопроса на почву соціальную и къ послѣдовательному разграниченію двухъ заинтересованныхъ въ вопросѣ «сторонъ»: стороны лично-нравственной и стороны общественной. Отъ такого разграниченія обѣ стороны только выигрываютъ.

У Пьера онѣ не были разграничены и потому обѣ оказались въ проигрышѣ. Сторона соціальная, фактическія отношенія помѣщика къ крестьянамъ и дѣло улучшенія быта послѣднихъ и подготовки ихъ освобожденія, не подвинулась ни на шагъ впередъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ и нравственный міръ Пьера, можно сказать, ничего не пріобрѣлъ, ибо успокоеніе совѣсти или удовлетвореніе нравственнаго чувства, достигаемое столь фиктивными добрыми дѣлами, основанное на иллюзіи, не можетъ считаться пріобрѣтеніемъ, плюсомъ въ нравственномъ обиходѣ личности, а равно и не говоритъ въ пользу большихъ запросовъ совѣсти, не свидѣтельствуетъ о тонкости, чуткости и серьезности моральнаго чувства. Съ этой стороны вышеприведенное указаніе Толстого на то, что Пьеръ былъ въ восхищеніи отъ своего путешествія по имѣніямъ, представляется намъ весьма характернымъ для Пьера, какъ нравственной величины въ данный моментъ его развитія. Еще характернѣе другое указаніе. «Главноуправляющій, весьма глупый и хитрый человѣкъ, совершенно понимая умнаго и наивнаго графа и играя имъ, какъ игрушкой, увидавъ дѣйствіе, произведенное на Пьера приготовленными пріемами, рѣшительнѣе обратился къ нему съ доводами *о невозможности и, главное, ненужности освобожденія крестьянъ, которые и безъ того были совершенно счастливы*». И Пьеръ поддался этимъ «доводамъ» глупаго и хитраго человѣка. Но почему-же, однако? И какъ это могло случиться? А вотъ—почему и какъ: «*Пьеръ въ тайнѣ своей души соглашался съ управляющимъ въ томъ, что трудно было представить себѣ людей болѣе счастливыхъ, и что Богъ знаетъ, что ожидало ихъ на волѣ*». Отсюда видно, что, во-первыхъ, Пьеру и въ голову не приходило простое соображеніе о томъ, что плохо то «счастье», которое зависитъ отъ доброй воли и прихоти рабовладѣльца, и, во-вторыхъ, что задача-то должна была состоять вовсе не въ томъ, чтобы сдѣлать раба счастливымъ, а въ томъ, чтобы сдѣлать его не рабомъ, предоставляя ему, какъ человѣку свободному, самому устраивать свое благополучіе.—«Но Пьеръ»— читаемъ дальше — «*хотя и не охотно*, настаивалъ на томъ, что онъ считалъ справедливымъ», т. е. на освобожденіи. Это «хотя и неохотно» чрезвычайно характерно: оно показываетъ, что у Пьера въ то время еще не было живого чувства нравственнаго отвращенія къ крѣпостному праву, къ роли рабовладѣльца, а также — что онъ далеко не усвоилъ себѣ ни общественнаго, ни нравственнаго значенія реформы (отмѣны крѣпостного права), къ которой лучшіе люди того времени стремились

съ большей или меньшей сознательностью. Пьеръ не умѣлъ взглянуть на дѣло съ подобающей серьезностью, какъ на великую общественную проблему, которая должна быть изучаема, разрабатываема и — пока — рѣшаема, въ видѣ опытовъ, усиліями частныхъ лицъ, въ маломъ масштабѣ,—независимо отъ лично-нравственной задачи, отъ того, успокоилась-ли уже, или нѣтъ, совѣсть того или другого помѣщика. Смѣшивая или не научившись еще раздѣлять эти двѣ задачи, Пьеръ принялъ успокоеніе своей совѣсти за рѣшеніе крестьянскаго вопроса.

Теперь опять вспомнимъ князя Андрея. Онъ, какъ мы знаемъ, также говоритъ, что крестьянъ слѣдуетъ освободить прежде всего для блага самихъ помѣщиковъ, чтобы они не портились нравственно. Но мы знаемъ также, что онъ высказываетъ это въ минуту душевнаго упадка, въ томъ состояніи ожесточенія, въ которомъ онъ находился, когда переживалъ душевный кризисъ. Пусть даже этотъ рѣзкій и крайній выводъ будетъ все-таки выраженіемъ барскаго отношенія къ народу и дворянскаго эгоизма кн. Андрея. Но это нисколько не мѣшаетъ ему на дѣлѣ заботиться о своихъ крестьянахъ — ради нихъ самихъ и работать для подготовки великой реформы: часть своихъ крестьянъ онъ освободилъ, другихъ перевелъ на оброкъ и (что для насъ весьма важно)—*не былъ, какъ Пьеръ, въ восхищеніи отъ своего великодушія*. Ни откуда не видно, чтобы онъ считалъ свою совѣсть успокоенною. Очевидно, онъ смотрѣлъ на свою дѣятельность въ этомъ направленіи, какъ на одну изъ первыхъ попытокъ, какъ на посильное стараніе начать дѣло въ маломъ размѣрѣ. Задача лично-нравственная у князя Андрея уже отдѣлена отъ общественной, и съ тѣмъ вмѣстѣ онъ уже близокъ къ тому, чтобы стать въ отношеніи къ народу на ту точку зрѣнія, съ которой свобода и благо народа являются сами по себѣ цѣлью. Съ этой стороны мы отдадимъ рѣшительное преимущество Болконскому передъ Безуховымъ.

IV.

Но пойдемъ дальше и взглянемъ на другую сторону медали.

Реалистъ Болконскій былъ одаренъ всѣми качествами, необходимыми для плодотворной и въ свое время передовой дѣятельности въ сферѣ крестьянскаго вопроса. По существу дѣла, это была работа практическая. Но на ряду съ нею наступилъ чередъ поднятія общихъ вопросовъ о народѣ, какъ основѣ исторической жизни Россіи, о національномъ складѣ, о національномъ развитіи, объ отношеніяхъ образованнаго общества къ народной массѣ. Руководящимъ идеямъ и стремленіямъ передовой части общества предстояло постепенно демократизироваться. Мысль о народѣ должна была занять видное мѣсто въ ряду другихъ мыслей, какія только волновали умы мыслящихъ людей. Однимъ изъ

піонеровъ этого движенія, этого поворота отъ зап. Европы къ русскому мужику является идеалистъ Пьеръ Безуховъ, въ высокой степени приспособленный къ этой роли по основнымъ качествамъ своего ума и сердца.

Прежде чѣмъ *идейно* подойти къ *реальному* народу, нужно было освоиться съ *идеей* народа, народнаго «духа»; необходимо было сперва заинтересоваться самой мыслью о томъ, что есть какая-то своеобразная народная психика, есть невѣдомая намъ жизнь народныхъ массъ, съ ея вѣковыми устоями, съ ея своеобразными проявленіями обычаевъ, нравовъ, нравственныхъ понятій, вѣрованій, можетъ быть — идеаловъ. На все это надо было съумѣть взглянуть не сверху внизъ, не пренебрежительно, не брезгливо, не съ празднымъ любопытствомъ, а такъ, чтобы сказывалась внутренняя потребность приблизиться къ народу, понять и полюбить его. Мало того: въ противовѣсъ прежнему презрѣнію къ нему, нужно было начать идеализировать его. Все это не дѣлается по щучьему велѣнію. У насъ оно постепенно какъ-бы *надвигалось* тѣми же путями, какими аналогичныя теченія народолюбія и демократизаціи мысли пробивались и въ зап. Европѣ: пути къ народу шли черезъ пробужденіе національнаго чувства, черезъ романтизмъ, черезъ интересы къ своей исторіи и старинѣ, наконецъ черезъ созданіе національной художественной литературы. Особливо важное значеніе въ этомъ движеніи принадлежало Пушкину, ученику Арины Родіоновны, Пушкину — съ его теплой симпатіей къ народу, съ его уваженіемъ къ народной рѣчи, съ его глубокимъ и тонкимъ пониманіемъ русской народности.

Обращаясь къ нашимъ героямъ, мы скажемъ, что, насколько князь Андрей превосходилъ Пьера на поприщѣ практическаго служенія народному дѣлу, настолько Пьеръ имѣетъ на своей сторонѣ всѣ преимущества въ роли провозвѣстника или піонера грядущаго народолюбія. Въ лицѣ Пьера представитель высшаго круга, высшей интеллигенціи времени и европейской образованности снялъ шапку передъ мужикомъ, передъ представителемъ народно-національнаго склада и вѣковыхъ устоевъ бытовой и нравственной жизни народа. Встрѣча Пьера съ Каратаевымъ и его возрожденіе подъ воздѣйствіемъ «духа каратаевщины» символизируетъ первые всходы того тяготѣнія къ народу, которое позже скажется въ передовомъ славянофильствѣ съ одной стороны, въ передовомъ западничествѣ съ другой, еще позже—въ идеяхъ и дѣятельности людей либерально-прогрессивнаго лагеря.

Для князя Андрея мысль о народѣ исчерпывается вопросомъ объ устройствѣ быта крѣпостныхъ и о подготовкѣ реформы. Для Пьера, послѣ встрѣчи съ Каратаевымъ, эта мысль возвысилась до *идеи народа* и стала вопросомъ цѣлаго міросозерцанія, начавшаго слагаться. Постараемся-же уяснить себѣ, какъ выразилась у Пьера идея народа, какое

мѣсто заняла она въ обиходѣ его высшихъ понятій и его стремленій, и—наконецъ—какое воздѣйствіе могла она оказать на характеръ и направленіе его практической дѣятельности.

Съ этой цѣлью обратимся сперва къ главамъ XII-й и XIII-й четвертой части IV-го тома, гдѣ описывается та перемѣна, которая произошла въ Пьерѣ послѣ его освобожденія изъ плѣна, подъ вліяніемъ всего, что онъ видѣлъ и испыталъ во время занятія Москвы французами и въ плѣну. Здѣсь мы знакомимся съ рядомъ душевныхъ состояній, испытанныхъ Пьеромъ. Перебирая ихъ, мы прежде всего приходимъ къ мысли о необходимости устранить тѣ изъ нихъ, которыя пережилъ-бы всякій другой на мѣстѣ Пьера. Этотъ вычетъ дастъ въ результатѣ то, что характеризуетъ спеціально Пьера и что, собственно, намъ и нужно. Такъ, тотъ фактъ, что послѣ освобожденія на Пьера нашло какое-то безчувствіе и равнодушіе, и онъ съ полнымъ безучастьемъ отнесся къ извѣстіямъ о смерти кн. Андрея и своей жены, Элэнъ, — легко объясняется физическимъ и душевнымъ переутомленіемъ,—и всякій другой на мѣстѣ Пьера такъ-же вяло, какъ и онъ реагировалъ-бы на новыя впечатлѣнія.—Далѣе, очнувшись послѣ болѣзни (онъ заболѣлъ въ Орлѣ по пути въ Кіевъ), первое, что ощутилъ онъ, было «радостное чувство свободы,—той полной, неотъемлемой, присущей человѣку свободы, сознаніе которой онъ въ первый разъ испыталъ на первомъ привалѣ, при выходѣ изъ Москвы...»—«Онъ удивлялся тому, что эта внутренняя свобода, независимая отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, теперь какъ будто съ излишкомъ, съ роскошью обставлялась и внѣшнею свободою». Теперь онъ былъ счастливъ однимъ сознаніемъ этой внѣшней свободы и, какъ ребенокъ, наслаждался самымъ процессомъ существованія. Все это психологически элементарно и ничуть не характеризуетъ Пьера, какъ таковаго.

Зато въ высокой степени характернымъ для него является то, что вышло изъ этого настроенія. Человѣкъ другого душевнаго склада пережилъ-бы это состояніе наивной радости свободы и жизни безъ всякихъ послѣдствій. Привычка жить и пользоваться свободой скоро отняла-бы у него эту жизнерадостность. Иначе вышло у Пьера. Дѣло въ томъ, что раньше жизнь и свобода казались ему цѣнными не сами по себѣ, а въ виду тѣхъ цѣлей, которыя онъ преслѣдовалъ. Теперь, въ силу необыкновеннаго подъема психологической цѣнности самой жизни и свободы, тѣ цѣли обезцѣнивались. Всѣ прежнія высшія стремленія, масонство, любовь къ человѣчеству, филантропическія предпріятія и пр., теперь теряли въ его внутреннемъ мірѣ ту значительность, какую они имѣли прежде. Толстой прямо говоритъ намъ, что «то самое, чѣмъ онъ прежде мучился, чего искалъ постоянно, цѣли жизни, теперь для него не существовало» (гл. XII). Но этого мало: Толстой говоритъ намъ также,

что это было не временное настроенiе, которое пройдетъ, когда Пьеръ оправится и войдетъ къ колею жизни,—нѣтъ: «эта искомая цѣль жизни теперь не случайно не существовала для него, только въ настоящую минуту, но онъ чувствовалъ, что *ее нѣтъ и не можетъ быть*» (гл. XII). Иными словами: для Пьера обезцѣненiе прежнихъ цѣлей и новое для него ощущенiе самоцѣнности жизни были только перемѣщенiемъ идеальнаго извнѣ внутрь, изъ макрокозма идей въ микрокозмъ личной повседневной жизни. Толстой разъясняетъ намъ это перемѣщенiе такъ: прежде Пьеръ «искалъ Бога въ цѣляхъ, которыя онъ ставилъ себѣ»,—теперь-же, главнымъ образомъ благодаря Каратаеву, онъ убѣдился, что искомый Богъ не только въ тѣхъ цѣляхъ, въ тѣхъ идеальныхъ стремленiяхъ, что онъ вездѣ, во всемъ. Пьеръ увидѣлъ Его въ Каратаевѣ, и «Богъ въ Каратаевѣ, казалось ему, болѣе великъ, безконеченъ и непостижимъ, чѣмъ въ признаваемомъ масонами Архитекторѣ вселенной». И Пьеръ, говоритъ Толстой, «испытывалъ чувство человѣка, нашедшаго искомое у себя подъ ногами, тогда какъ онъ напрягалъ зрѣнiе, глядя далеко отъ себя»... (гл. XII.)—Ближайшимъ результатомъ этой перемѣны было состоянiе внутренняго довольства, спокойствiя духа, которое теперь испытывалъ Пьеръ: «И чѣмъ ближе онъ смотрѣлъ (на жизнь въ ея ежедневныхъ проявленiяхъ), тѣмъ больше онъ былъ спокоенъ и счастливъ» (ib.). Въ числѣ проявленiй этой жизни были, конечно, и уродливыя, и (такъ надо думать) Пьеръ, «созерцая» ихъ, оставался «спокоенъ и счастливъ». Толстой не говоритъ, какъ, въ этотъ перiодъ, Пьеръ относился напр. къ крѣпостному праву. Но, судя по всему, онъ теперь примирялся съ нимъ, не въ принципѣ, конечно, но все-таки—съ фактомъ его существованiя, и ни откуда не видно, чтобы протестъ противъ этого учрежденiя, который Пьеръ раздѣлялъ раньше со всѣми передовыми людьми эпохи, сколько-нибудь подвинулся впередъ, сталъ-бы сознательнѣе, осмысленнѣе.—Очевидно, Пьеръ выступалъ на какой-то новый «путь развитiя»,—и пока неизвѣстно, куда этотъ путь приведетъ его.

Онъ могъ-бы привести его, напр., къ тому безнадежному оптимизму и примиренiю съ дѣйствительностью, на которые, повидимому, намекаетъ Толстой, рисуя въ гл. XIII блаженное настроенiе Пьера. Здѣсь между прочимъ указана слѣдующая «новая черта» въ немъ: «это—признанiе возможности каждаго человѣка думать, чувствовать и смотрѣть на вещи по своему, признанiе невозможности словами разубѣдить человѣка».—Если это только—терпимость и слѣдствiе уваженiя къ человѣку, то эта «новая черта» несомнѣнно—прiобрѣтенiе, и Пьеръ—въ выигрышѣ. И мы склонны такъ смотрѣть на это, когда тутъ-же читаемъ: «эта законная особенность каждаго человѣка, которая прежде волновала и раздражала Пьера, теперь составляла основу участья и интереса, которые

онъ принималъ въ людяхъ». Но непосредственно слѣдующее за этимъ указаніе уже возбуждаетъ въ насъ сомнѣніе, не ошибаемся-ли мы. не должны-ли мы скорѣе считать Пьера въ проигрышѣ отъ «новой черты»: «различіе, иногда совершенное противорѣчіе взглядовъ людей съ жизнью и между собою *радовало Пьера и вызывало въ немъ насмѣшливую и кроткую улыбку*». Вотъ именно эта *радость* и *кроткая улыбка*, на которыя въ этой главѣ неоднократно указываетъ Толстой, и смущаютъ насъ. Что-бы ни видѣлъ и ни слышалъ Пьеръ, хорошее, дурное, умное, глупое, онъ одинаково все только радуется и кротко улыбается. Такъ, «замѣчанія Вилларскаго, (съ которымъ Пьеръ встрѣтился въ Орлѣ и вмѣстѣ выѣхалъ оттуда), постоянно жаловавшагося на бѣдность, отсталость отъ Европы, невѣжество Россіи, *только возвышали радость Пьера*». Почему? А потому, что «тамъ, гдѣ Вилларскій видѣлъ мертвенность, Пьеръ видѣлъ необычайную могучую силу жизненности, ту силу, которая въ снѣгу, на этомъ пространствѣ, поддерживала жизнь этого цѣлаго, особеннаго и единаго народа...»—И опять радостно улыбался..

Не трудно видѣть, что отъ этихъ радостныхъ улыбокъ одинъ шагъ до квіетизма. Но, какъ мы знаемъ изъ дальнѣйшаго, въ особенности изъ эпилога, Пьеръ до квіетизма не дошелъ. Настроеніе радостныхъ улыбокъ было у него столь-же преходящимъ, временнымъ, какъ раньше увлеченія масонствомъ и филантропіей. Это все еще былъ только «моментъ» его развитія. Этотъ «моментъ» представляется намъ не лишеннымъ интереса съ двухъ точекъ зрѣнія. Во-первыхъ, со стороны его значенія въ личной душевной исторіи самого Пьера. Толстой указываетъ на то, что только съ этого момента Пьеръ и сталъ замѣчать окружающую дѣйствительность и интересоваться ею, между тѣмъ какъ прежде она была для него покрыта туманомъ. Прежде онъ весь былъ поглощенъ своими мыслями, своими исканіями, теперь онъ присматривается къ людямъ, прислушивается къ чужимъ мыслямъ, — онъ очнулся и отвлекся отъ исключительнаго самоуглубленія и сталъ видѣть людей и вещи, какъ они есть. Съ тѣмъ вмѣстѣ въ немъ проявилось и нѣчто въ родѣ практическаго смысла и такта, которыхъ ему недоставало раньше, нѣчто въ родѣ чутья дѣйствительности. Онъ теперь умѣетъ отличить плута отъ порядочнаго человѣка, не раздастъ деньги зря и старается быть щедрымъ со смысломъ. Въ гл. XIII-ой это иллюстрируется примѣрами. И невольно мы сожалѣемъ, что такая полоса не нашла на Пьера раньше, когда онъ устраивалъ благополучіе своихъ крестьянъ.

Во-вторыхъ, «моментъ» въ развитіи Пьера, насъ теперь занимающій, представляется намъ имѣющимъ свое значеніе для Пьера Безухова— какъ художественнаго образа, совмѣщающаго въ себѣ зачатки будущихъ направленій и идеаловъ мыслящей части русскаго общества.

Если, отправляясь напр. отъ сороковыхъ годовъ назадъ, будемъ слѣ-

дить за нитью направленій, которыя въ 40-е годы уже стояли другъ противъ друга, какъ враждующіе лагери, то увидимъ, что эти нити все сближаются и, наконецъ, соединясь или переплетаясь, теряются въ настроеніяхъ однѣхъ и тѣхъ-же личностей. Въ 20-хъ годахъ мыслящіе и передовые люди бывали въ одно и то-же время или въ разные періоды своей жизни «западниками» и «славянофилами», при чемъ не было принципіальнаго, неустранимаго противорѣчія между этими—еще не «направленіями», а только «настроеніями». Это были еще только зачатки будущихъ системъ и школъ, зачатки, которые психологически роднились и легко могли уживаться вмѣстѣ. Кто такой Чацкій? Славянофилъ или западникъ? И то, и другое. Самъ Евгеній Онѣгинъ, не переставая быть все тѣмъ-же «скитальцемъ» и «отщепенцемъ», пережилъ настроеніе, напоминающее будущее славянофильство [1]). Вотъ именно перемѣна, происшедшая въ Пьерѣ, и можетъ быть разсматриваема, какъ одно изъ раннихъ всходовъ этого зачаточнаго славянофильства: Пьеръ уже лелѣетъ мысль о томъ, что русскій народъ есть какой-то особенный, «единственный» народъ, что подъ рубищемъ его бѣдности и отсталости скрывается великій національный духъ. Оттуда уже недалеко до націоналистическаго мессіанизма, который былъ характерной чертой стараго славянофильства.—Но, кромѣ этого эмбріона славянофильскихъ (а отчасти также и народническихъ идей), въ перемѣнѣ, постигшей Пьера, мы видимъ еще зерно того своеобразнаго религіозно-этическаго настроенія, которое при послѣдовательномъ развитіи можетъ выразиться въ отрицаніи разныхъ «направленій» и всякой «политики», въ равнодушіи къ реформамъ, въ антипатіи къ активному протесту, въ перенесеніи всѣхъ вопросовъ изъ сферы общественности въ сферу личности. Эта «нить» у насъ за все время нашего развитія отъ 20-хъ годовъ до 80-хъ не выдѣлялась въ особую «школу», но она проявлялась по временамъ, какъ нота, болѣе или менѣе явственно звучавшая въ настроеніяхъ различныхъ умовъ, даже выдающихся, среди сутолоки и полемики направленій, школъ, идей. Въ жизни общества, какъ и въ жизни отдѣльныхъ лицъ, бывали моменты, когда русскіе умы, словно утомившись въ безплодной или казавшейся

---

[1]) Россія!... Русь!.. мгновенно
Ему понравилась отмѣнно.
И рѣшено—ужъ онъ влюбленъ!
Россіей только бредитъ онъ!
Ужь онъ Европу ненавидитъ
Съ ея логической душой,
Съ ея разумной суетой!..

Въ послѣднихъ двухъ строкахъ какъ-бы пророчески резюмированы цѣлые томы Аксаковыхъ, Хомякова и др. — Съ другой стороны, тонъ отрывка (и выраженіе: «проснулся разъ онъ патріотомъ въ Hôtel de Londres, что на Морской») указываетъ на легкость и несерьезность этого настроенія.

таковою работѣ надъ разными «вопросами», находили неожиданный выходъ въ перенесенiи ихъ во внутреннiй мiръ личности, въ проповѣди лично-нравственнаго совершенствованiя, которая вольно или невольно сочеталась (не всегда, но весьма нерѣдко) съ примиренiемъ съ дѣйствительностью и идеализацiей, если не ея существующихъ формъ, то ея основъ. Это—явленiе органическое, психологическiе корни котораго глубоко лежатъ въ своеобразныхъ, исторически-сложившихся отношенiяхъ между русскимъ образованнымъ обществомъ и русскимъ народомъ. Глубокая пропасть между ними, неизбѣжное «отщепенство» образованнаго общества («интеллигенцiи»), родъ чувства нацiональной сиротливости въ сознанiи этого общества, оторваннаго отъ народа и къ «общественному дѣлу» не пристроеннаго, само огромное численное превосходство народа, навѣвающее мысль о его «мощи», его историческомъ призванiи, психологiя тяготѣнiя небольшой группы къ народной массѣ—таковы главныя пружины, вызывающiя у насъ отъ времени до времени душевную потребность найти успокоенiе въ философiи «народнаго духа», историческаго призванiя нацiи и въ относительномъ, а иногда и абсолютномъ примиренiи съ основами и формами жизни, созданiе которыхъ приписывается тому-же «духу» или «генiю» много-миллiоннаго народа. Это еще хорошо, если за всѣмъ тѣмъ всетаки — при *такомъ* настроенiи — ставятся и преслѣдуются вопросы хотя-бы нравственнаго порядка, если идея движенiя и прогресса не совсѣмъ упраздняется, а только искажается перенесенiемъ во внутреннiй мiръ личности.

Теперь мы можемъ вернуться къ вопросу, который мы поставили выше: какое значенiе имѣла *идея народа* въ душевномъ обиходѣ Пьера, въ общей экономiи его воззрѣнiй, въ характерѣ и направленiи его дѣятельности?

V.

Мы знаемъ, что впечатлѣнiе, произведенное на Пьера Каратаевымъ, было не только очень сильно, но и очень прочно: оно осталось на всю жизнь. Для Пьера Каратаевъ «остался навсегда» «непостижимымъ, круглымъ и вѣчнымъ олицетворенiемъ духа простоты и правды» (томъ IV, часть I, гл. XIII). Въ только-что разсмотрѣнномъ нами «блаженномъ» настроенiи Пьера, въ перiодѣ «кроткихъ улыбокъ», ясно чувствуется своеобразное отраженiе духа «каратаевщины»—съ его смиренiемъ, съ его фаталистическимъ оптимизмомъ, съ его благодушно-кроткимъ отношенiемъ ко всему, что происходитъ вокругъ,—отношенiемъ, въ которомъ нѣтъ ни тѣни протеста. Для каратаевщины въ ея подлинномъ натуральномъ и безсознательномъ видѣ, въ какомъ является она въ самомъ Каратаевѣ, характерно именно это *отсутствiе* протеста. Но вѣдь *отсутствiе* протеста не есть еще его *отрицанiе*, и, очевидно, Каратаевъ,

который ничего не отрицаетъ, а все пріемлетъ, не будетъ отрицать и протеста, разъ онъ такъ или иначе проявится въ окружающей дѣйствительности. И въ самомъ дѣлѣ: изъ отсутствія духа протеста, изъ каратаевскаго оптимистическаго фатализма, изъ отвѣчающаго ему уклада воли съ психической необходимостью вытекаетъ тенденція—*не протестовать противъ самого протеста*, не отрицать его возможности, его законности, его наличности. Это заключеніе вполнѣ подтверждается тѣмъ, что мы наблюдаемъ у Пьера въ разсматриваемомъ періодѣ его душевной исторіи, т. е. въ той же каратаевщинѣ, но только въ ея сознательномъ, осмысленномъ, теоретически обоснованномъ выраженіи, которое она получила у Пьера. Примирившійся съ дѣйствительностью Пьеръ примиряется и съ тѣми проявленіями протеста, какія онъ находитъ въ ней. Такъ напр., Вилларскій протестуетъ, отрицаетъ, осуждаетъ,—и Пьеръ, кротко улыбаясь и не раздѣляя этихъ протестовъ и отрицаній, мирится, однако, съ фактомъ ихъ существованія, онъ допускаетъ ихъ возможность и законность. Это ясно изъ того, что говоритъ Толстой о вновь пріобрѣтенной чертѣ Пьера—признавать возможность и законность различныхъ мнѣній и точекъ зрѣнія.

Итакъ, мы заключаемъ, что *въ каратаевщинѣ, какъ натуральной, народной, такъ и сознательной «интеллигентной», нѣтъ принципіальнаго отрицанія духа протеста, какъ бы сама по себѣ она ни была чужда этому духу.*

Имѣя въ своемъ распоряженіи этотъ выводъ, который представляется мнѣ существенно важнымъ, обратимъ теперь вниманіе на тотъ фактъ, что вѣдь Пьеръ, по складу своего ума, да и по всей своей натурѣ, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, для которыхъ невозможна разумная и нравственная жизнь безъ протеста въ той или иной формѣ противъ золъ, безобразій, недостатковъ и бѣдствій окружающей дѣйствительности. Масонство было въ свое время одною изъ формъ общественнаго протеста; многіе изъ лучшихъ людей эпохи присоединялись къ этому движенію, ища въ немъ не только пути къ абсолютной истинѣ и къ личному нравственному усовершенствованію, но и средствъ для просвѣтительной и филантропической дѣятельности, а, стало быть, и для тѣсно-связаннаго съ этой дѣятельностью «протеста». Въ самомъ масонствѣ Пьеръ, какъ мы знаемъ, явился лицомъ протестующимъ: онъ возставалъ противъ формалистики и бездѣльности и требовалъ *дѣятельнаго*, а не пассивнаго, *добра*; онъ мечталъ въ особенности о томъ, чтобы превратить масонство въ родъ союза «твердыхъ, добродѣтельныхъ и связанныхъ единствомъ убѣжденія» дѣятелей, которые вели бы энергическую пропаганду, вербовали бы достойныхъ лицъ и въ концѣ концовъ достигли бы того, что «орденъ» сталъ бы чѣмъ-то въ родѣ государства въ государствѣ, имѣя «власть нечувствительно вязать руки покровителямъ

безпорядка» и т. д. (томъ II, ч. III, гл. VII). Однимъ словомъ, Пьеръ мечталъ тогда объ организованномъ и дѣятельномъ протестѣ.

Какъ извѣстно, Пьеру пришлось отказаться отъ этой затѣи. Вскорѣ онъ совсѣмъ отсталъ отъ масонства, разочаровавшись въ немъ. Событія 12-го года и въ особенности вліяніе Каратаева открыли его уму и чувству другіе горизонты. Его органическая склонность къ активному протесту, его потребность дѣятельнаго добра на время какъ бы заглохли. Но онѣ не исчезли изъ обихода его души. Пьеръ не сдѣлался квіетистомъ, онъ не примирился съ дѣйствительностью. Въ эпилогѣ мы видимъ его одушевленнымъ болѣе, чѣмъ когда-либо, живымъ, сознательнымъ стремленіемъ къ дѣятельному добру и къ организованному протесту.

Онъ является однимъ изъ видныхъ дѣятелей, даже однимъ изъ вожаковъ движенія 20-хъ годовъ.

Въ XIV-й главѣ I-й части эпилога Пьеръ, въ спорѣ съ Николаемъ Ростовымъ, развиваетъ свои мысли и свою «программу». Онъ говоритъ: «...Всѣ видятъ, что дѣла идутъ такъ скверно, что этого нельзя такъ оставить, и что обязанность всѣхъ честныхъ людей противодѣйствовать по мѣрѣ силъ»... «Въ судахъ воровство, въ арміи одна палка: шагистика, поселеніе,—мучитъ народъ; просвѣщеніе душатъ. Что молодо, честно, то губятъ!..» «...Когда вы стоите и ждете, что вотъ-вотъ лопнетъ эта натянутая струна, когда всѣ ждутъ неминуемаго переворота, надо какъ можно тѣснѣе и больше народа взяться рука съ рукой, чтобы противостоять общей катастрофѣ. Все молодое, сильное притягивается туда и развращается. Одного соблазняютъ женщины, другого почести, третьяго тщеславіе, деньги, и они переходятъ въ тотъ лагерь. Независимыхъ, свободныхъ людей, какъ вы и я, совсѣмъ не остается. Я говорю: расширьте кругъ общества; mot d'ordre пусть будетъ не одна добродѣтель, но независимость и дѣятельность.»

Въ главѣ XVI-ой, въ интимной и задушевной бесѣдѣ съ женой, Наташей, Пьеръ (только что вернувшійся изъ Петербурга, куда онъ ѣздилъ по дѣламъ «общества», на сей разъ—не масонскаго) говоритъ, что безъ него все (въ этомъ «обществѣ») «распадалось, каждый тянулъ въ свою сторону». «Но мнѣ (продолжаетъ онъ) удалось всѣхъ соединить, и потомъ моя мысль такъ проста и ясна... Я говорю: возьмитесь рука съ рукой тѣ, которые любятъ добро, и пусть будетъ одно знамя — дѣятельная добродѣтель...»

Эти рѣчи Пьера даютъ намъ ясное указаніе на то, каковъ былъ бы его дальнѣйшій путь въ жизни и его судьба, если бы великая эпопея не заканчивалась на этомъ поворотномъ пунктѣ, на этомъ «наканунѣ» великихъ событій. Путь Пьера это—тотъ «путь чести», который привелъ бы его, какъ и князя Андрея, если бы послѣдній не погибъ раньше «во глубину сибирскихъ рудъ».

Вотъ теперь-то какъ разъ въ-пору вспомнить Каратаева и каратаевщину,—вѣдь мы знаемъ, что въ Пьерѣ живъ культъ перваго и въ *извѣстномъ смыслѣ* долженъ быть живучъ духъ второй.

Мы готовы спросить: при чемъ тутъ, въ виду этихъ стремленій и плановъ Пьера въ направленіи протеста и оппозиціи темнымъ силамъ времени, въ виду открывающейся перспективы новой дѣятельности Пьера—при чемъ тутъ культъ Каратаева и духъ каратаевщины?

Мы готовы уже поставить этотъ вопросъ, но насъ предупреждаетъ Наташа.

Слушая рѣчи Пьера, она говоритъ: «Ты знаешь, о чемъ я думаю? О Платонѣ Каратаевѣ.. Какъ онъ: одобрилъ бы тебя теперь?»

То, что отвѣчаетъ на это Пьеръ, въ высокой степени знаменательно. Онъ даетъ не одинъ, а два отвѣта. Эти отвѣты—противуположны и, въ тоже время, сходны въ томъ смыслѣ, что оба гадательны и не ясны, и что оба одинаково не имѣютъ рѣшающаго вліянія на направленіе дѣятельности Пьера.

«Пьеръ нисколько не удивился этому вопросу. Онъ понялъ ходъ мыслей жены.—Платонъ Каратаевъ?—сказалъ онъ и задумался, видимо искренно стараясь представить себѣ сужденіе Каратаева объ этомъ предметѣ.—*Онъ не понялъ бы, а впрочемъ, можетъ быть, что да*».

Отвѣтъ—*гипотетическій*. Кромѣ того, онъ не прямо отвѣчаетъ на вопросъ: Наташа спрашивала объ «одобреніи», отвѣтъ Пьера говоритъ о «пониманіи».

Второй отвѣтъ: «Нѣтъ, не одобрилъ бы, сказалъ Пьеръ, подумавъ»

Этотъ отвѣтъ также въ извѣстной мѣрѣ гипотетиченъ, хотя и не такъ нерѣшителенъ, какъ первый. Но онъ не ясенъ въ томъ смыслѣ, что оставляетъ насъ въ неизвѣстности,—почему собственно Каратаевъ «не одобрилъ бы», потому-ли, что «не понялъ-бы», или же и въ томъ случаѣ, еслибы «понялъ?»

Очевидно, «народная идея», живущая въ душѣ Пьера въ формѣ «каратаевщины»,—въ данный моментъ—а это былъ моментъ многозначительный, это было «наканунѣ», — «безмолвствовала». Но это «безмолвствованіе»—не тенденціозно, и, какъ бы оно ни было истолковано, какой бы отвѣтъ ни былъ поставленъ самимъ Пьеромъ въ этой «незаполненной графѣ».—*Пьеръ пойдетъ своей дорогой, отнюдь не терзаясь сомнѣніями: не противорѣчитъ ли духу каратаевщины этотъ путь чести и скорби*,—пойдетъ смѣло и бодро, сопутствуемый этимъ безмолвіемъ, которое онъ не перестаетъ сознавать и — такъ или иначе — истолковывать.

Князь Андрей—тотъ бы его не сознавалъ, и для него не существовало бы и самаго вопроса о возможномъ отношеніи каратаевщины къ его дѣятельности и судьбѣ.

Положеніе Пьера типично для всей дальнѣйшей исторіи нашей передовой «интеллигенціи» въ ея отношеніяхъ къ народу и идеѣ народа. Она идетъ своимъ путемъ и дѣлаетъ свое дѣло—движимая условіями и духомъ времени, общечеловѣческими стремленіями, задачами, воздвигаемыми русской жизнью, своимъ посильнымъ пониманіемъ этихъ задачъ. Культъ народа и идея народа, являющаяся различными «редакціями» понятія каратаевщины, то болѣе, то менѣе и въ различныхъ направленіяхъ идеализируемой, продолжаютъ быть для всѣхъ насъ, «взыскующихъ града», тѣмъ, чѣмъ были они для Пьера: живой потребностью души, безсознательнымъ стремленіемъ «привязать свою утлую ладью къ кормѣ большого корабля» народной жизни, необходимостью — не довѣрять самимъ себѣ а служить живому дѣлу. Но въ противуположность Пьеру, мы уже не такъ осторожны въ истолкованіи безмолвія каратаевщины. Мы даемъ болѣе опредѣленные, иногда слишкомъ категорическіе отвѣты на «Наташинъ вопросъ». Мы часто склонны думать, что это безмолвіе не только сопутствуетъ намъ на путяхъ нашихъ, но и напутствуетъ насъ.

Подлинная, реальная каратаевщина по прежнему безмолствуетъ. И въ этомъ нѣтъ ничего ни удивительнаго, ни огорчительнаго. Ибо она, эта «каратаевщина», какъ я старался показать это въ главѣ о Каратаевѣ,—только *форма*, а не содержаніе, она—наша національная форма въ ея крестьянско-архаическомъ выраженіи. Отъ формы не слѣдуетъ ожидать никакихъ отвѣтовъ ни на какіе вопросы. Отъ нея можно и должно ожидать только одного: чтобы она оказалась жизнеспособной и могла безъ опасенія исказиться или разложиться, выдерживая на всемірно-историческомъ поприщѣ конкуренцію другихъ національныхъ формъ, наполняться новымъ историческимъ содержаніемъ.

Д. Овсянико-Куликовскій.

Опытъ общественной организаціи нравственной жизни.

Не мало говорилось и писалось въ Россіи о такъ называемыхъ интеллигентныхъ земледѣльческихъ колоніяхъ. Опрощеніе, исканіе свѣта и смысла жизни въ низшихъ слояхъ общества, «на землѣ», среди безхитростнаго трудоваго народа, жизнь, наполненная работой въ потѣ лица и исканіемъ правды—не во внѣшнихъ условіяхъ, а во внутреннемъ человѣкѣ, въ дѣятельномъ стремленіи къ совершенству—все это давно знакомые мотивы, пережитые и переживаемые до настоящаго времени извѣстной частью русской интеллигентной среды. Вотъ почему намъ кажется не безъинтереснымъ остановиться на аналогичномъ явленіи, зародившемся при иныхъ условіяхъ мѣста и времени, съ тѣмъ, что-бы установить болѣе или менѣе объективное отношеніе къ тому, что за послѣднее время у насъ въ Россіи является предметомъ горячихъ споровъ и запальчивыхъ нареканій. Къ тому же изученіе аналогичныхъ явленій въ двухъ разнородныхъ общественныхъ формаціяхъ всегда проливаетъ болѣе яркій свѣтъ на причины, ихъ порождающія, и слѣдствія, изъ нихъ вытекающія. Въ виду всего этого, мы остановимъ вниманіе читателей на толстовской земледѣльческой «колоніи» въ Англіи, основавшейся года полтора тому назадъ, недалеко отъ Лондона, въ графствѣ Essex. «Колонія» эта есть новый опытъ *общественной* организаціи нравственной жизни и поэтому заслуживаетъ самаго внимательнаго къ себѣ отношенія.

I.

Въ старыхъ, обветшавшихъ формахъ жизни всегда можно найти элементы, разрушающіе ихъ и созидающіе новые. Обусловливается это опредѣленнымъ процессомъ развитія, которому подчиняется вся система явленій, носящихъ въ самихъ себѣ зародышъ смерти. Все конечное противорѣчитъ себѣ и потому уничтожается, и явленіе, доведенное до край-

няго развитія, переходитъ въ свою противоположность. Но этотъ діалектическій процессъ развитія жизни, постоянный и необходимый, какъ законъ природы, не всегда совпадаетъ съ процессами развитія и движенія человѣческой души. Работа самосознанія и мысли независима и свободна, вслѣдствіе чего получается несоотвѣтствіе и постоянная коллизія между мірами духовнымъ и матеріальнымъ, областью внутренняго самоопредѣленія и внѣшнихъ условій существованія. И въ тѣхъ случаяхъ, когда переворотъ въ *сознаніи* предшествуетъ по времени перевороту во внѣшнихъ формахъ, неизбѣжно создается почва, на которой зрѣетъ основное противорѣчіе жизни—невозможность полнаго воплощенія высшаго этическаго идеала въ формѣ конкретной дѣйствительности. Это основное противорѣчіе жизни, съ тревожной и мучительной борьбой, со всѣми страстными порывами человѣка выйти за предѣлы своей ограниченности, особенно рѣзко бросается въ глаза при всякой серьезной попыткѣ соціальнаго переустройства и улучшенія жизни. Такую именно попытку представляетъ собою толстовская «колонія»—въ Англіи явленіе исключительное, яркое и совершенно новое.

Въ капиталистической, буржуазной странѣ создается «община» интеллигентныхъ земледѣльцевъ, поставившихъ себѣ главною цѣлью жизни *личное* совершенствованіе, стремленіе къ правдѣ и дѣятельному этическому смыслу и, какъ результатъ этого,—борьба съ насиліемъ, во всѣхъ его проявленіяхъ, со зломъ и несправедливостью, нищетой, неравенствомъ, развратомъ и всѣмъ тѣмъ, что является какъ бы неизбѣжнымъ спутникомъ буржуазной цивилизаціи. Графство Essex—это тотъ центръ, гдѣ сосредоточены всѣ главные элементы этой «анархистской» колоніи [1]), которая пользуется большимъ расположеніемъ со стороны мѣстнаго населенія и имѣетъ на своей сторонѣ много сочувствующихъ людей различныхъ общественныхъ положеній, живущихъ въ деревняхъ—Purlagh, Cocolax, Dunbury, Sandon и др.—людей, способствующихъ—словомъ и перомъ—распространенію въ массахъ населенія принциповъ жизни, построенной на законѣ любви и самопожертвованія. «Колонія»—это сравнительно небольшая группа людей, человѣкъ шестнадцать, объединившихся въ тѣсную семью, которая упорнымъ и тяжелымъ трудомъ создаетъ себѣ матеріальныя средства жизни. Люди эти, за малымъ исключеніемъ, по своей прошлой жизни, принадлежатъ къ буржуазнымъ классамъ англійскаго общества. Это—народъ, жившій въ большихъ центрахъ,—Лондонѣ и другихъ городахъ сѣвера и юга Англіи и занимавшій тамъ опредѣленное общественное положеніе, въ качествѣ служащихъ въ конторахъ, банкахъ, въ качествѣ инженеровъ, рантье и научныхъ дѣятелей. Теперь

[1]) «Колонисты» называютъ себя «христіанскими анархистами». Они находятся въ принципіальномъ разногласіи съ анархистами «динамитчиками», такъ какъ признаютъ единственную борьбу—духовную, на почвѣ моральной жизни.

же всѣ они группируются вокругъ одной симпатичной фермерской семьи, служащей имъ домашнимъ очагомъ, мѣстомъ, гдѣ по временамъ устраиваются ими небольшіе митинги. Живутъ «колонисты» чрезвычайно просто, въ небольшихъ коттэджахъ, группами, по два и больше человѣкъ вмѣстѣ. Костюмы у нихъ обыкновенные,—пиджаки, рединготы, правда замѣтно упрощенные. Нѣтъ ни русскихъ блузъ, ни веревокъ вокругъ таліи, вмѣсто поясовъ. Столъ у «колонистовъ» вегетеріанскій—питаются, преимущественно, хлѣбомъ, сыромъ и яблоками. Въ домашнемъ обиходѣ наблюдается ими чистота и опрятность. Единственная роскошь, допускаемая колонистами—если можно назвать это такимъ именемъ—это полки съ книгами, въ красивыхъ цвѣтныхъ переплетахъ. Здѣсь, кромѣ сочиненій по спеціальнымъ отраслямъ знанія, можно найти немало книгъ по общественнымъ и философскимъ, преимущественно, этико-религіознымъ вопросамъ. Толстой, Эмерсонъ и поэтъ Шелли служатъ почти у всѣхъ настольными книгами. Физическія работы заканчиваются къ шести часамъ, а вечеръ посвящается чтенію и, вообще, умственнымъ занятіямъ.

«Колонія» имѣетъ свой органъ—«The new order» (новый порядокъ), издаваемый подъ редакторствомъ Кемворти, извѣстнаго оратора и писателя,—слѣдитъ за прессой, ведетъ большую кореспонденцію, устраиваетъ митинги, на которыхъ иногда поютъ хоромъ и ведутъ серіозныя бесѣды. Общія работы сосредоточены на небольшомъ кускѣ земли въ десять акровъ,—*собственности* «общины». Здѣсь возводится небольшой кирпичный домъ, для жилья и хозяйственныхъ надобностей, воздѣлывается и обрабатывается земля подъ огороды и посѣвы. Здѣсь же разводятся, въ особо отгороженномъ мѣстѣ, домашняя птица и небольшая пасѣка. Вообще, прилагаются всѣ усилія къ улучшенію и расширенію хозяйства и необходимаго инвентаря. Съ этою цѣлью «община» производитъ продукты, въ которыхъ она непосредственно не нуждается—нѣкоторые виды овощей, цвѣты и проч., которые могли бы дать ей небольшую выручку, для веденія интенсивнаго хозяйства.

Человѣку, воспитанному и выросшему въ Россіи, гдѣ любятъ задаваться гамлетовскими проблемами, гдѣ говорятъ и спорятъ въ «засосъ», отъ зари до зари,—можетъ показаться нѣсколько странной и непонятной сосредоточенная сдержанность, регулярность и поразительная корректность жизни англійскихъ «колонистовъ». Ни споровъ, ни преній на жизнь и смерть, ни смѣлыхъ широкихъ движеній души—здѣсь нѣтъ, но, за то, нѣтъ здѣсь и особенно мрачныхъ физіономій, съ отпечаткомъ изсушающей меланхоліи. Обязательная работа изо дня въ день. Разговоры—самые короткіе и необходимые. Въ свободные часы—чтеніе и созерцательный отдыхъ. Изрѣдка, небольшіе или большіе—смотря по обстоятельствамъ — митинги, на которыхъ говорятъ спокойно, не торопясь,

не перебивая другъ друга, безъ тѣни рисовки, тщеславія и ложнаго самолюбія, такъ сильно присущаго всѣмъ азартно и шумно спорящимъ. Можетъ показаться, что этимъ людямъ вовсе недоступны ни сильныя душевныя движенія, ни глубокія и яркія настроенія, что это—обыкновенные честные работники, безъ духовныхъ запросовъ, безъ исканія свѣта и Бога. Но это не такъ. «Чуждыя стремленія образовать монашеское братство»—говоритъ въ небольшой замѣткѣ на страницахъ «The nem order'а» W. Hone, одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ «колоній»—«мы всѣ стремимся идти по тому пути, по которому влечетъ насъ наша совѣсть. Пока мы стараемся утвердить въ себѣ духъ уваженія къ *другимъ*, болѣе, чѣмъ къ самимъ себѣ, и для насъ очевидно, что, если мы, ничего не дѣлая, будемъ ждать, пока другіе вступятъ на сознанный нами путь — движеніе впередъ станетъ невозможно... Мы живемъ, предоставляя каждому полную свободу развертывать свою жизнь въ направленіи истины и любви... Мы стремимся споспѣшествовать единенію людей, въ духѣ сказавшаго: «всѣ вы братья»! Но *мы не то, чѣмъ хотѣли бы быть* [1]), нашъ идеалъ выше, и мы не можемъ его достигнуть сейчасъ».

Въ томъ же № журнала «The new order» мы имѣемъ другую характерную замѣтку—Hurbert'а Hammond'а—скромнаго, кроткаго молодого человѣка, съ прекрасными лучистыми глазами, въ которыхъ отражается его нѣжная, красивая душа. «Много людей посѣтило нашу колонію за этотъ мѣсяцъ. Нѣкоторые изъ посѣтившихъ, казалось, жалѣли насъ, вслѣдствіе кажущагося отсутствія удобствъ въ нашей жизни и необходимой утвари, пишетъ онъ. Но находясь въ положеніи піонеровъ, мы можемъ сказать, что большая часть серіозной работы нами уже исполнена. И мы боимся не недостатка комфорта, къ которому большая часть изъ насъ была раньше пріучена, а своей слабости, которая можетъ позволить нашей совѣсти жить въ условіяхъ роскоши. Истинный смыслъ жизни—въ служеніи другимъ, въ посвященіи имъ лучшихъ силъ и талантовъ... Мнѣ порой дѣлается грустно, когда я замѣчаю, какъ много симпатіи расточается на насъ добрыми людьми,—симпатіи, которой такъ недостаетъ другимъ, живущимъ вокругъ насъ въ ужасной нищетѣ. Мнѣ бываетъ грустно за этихъ добрыхъ людей, но я не могу дать имъ этого понять. Мнѣ кажется, что я произвожу на нихъ впечатлѣніе несчастнаго человѣка и мнѣ хотѣлось бы, чтобы они поняли, что грусть моя происходитъ отъ увѣренности, что жизнь ихъ не такъ полна и счастлива, какъ могла бы быть. Раньше, пока мой умъ не былъ разбуженъ писаніями великаго современнаго писателя и изученіемъ идей Христа, къ которому эти писанія ведутъ, я не могъ пользоваться своимъ счастьемъ. И я желаю, чтобы и другіе были пробуждены къ истинному пониманію

---

[1]) Курсивъ нашъ.

жизни и слѣдовали своимъ лучшимъ стремленiямъ къ правдѣ... Никто у насъ не можетъ достигнуть совершенства сразу. Мы всѣ поступаемъ порой дурно и неразумно. Но, при честномъ слѣдованiи правдѣ, и, при старанiи возвысить наши идеалы, понемногу мы можемъ достигнуть того, чѣмъ долженъ быть человѣкъ».

Эти мысли кажутся намъ синтезомъ и выраженiемъ настроенiй, присущихъ всѣмъ «колонистамъ». Людьми этими много передумано и перечувствовано въ прошломъ, съ которымъ у нихъ покончены счеты. Много тайной душевной работы ушло на выясненiе цѣльнаго мiропониманiя и смысла жизни. И эта глухая, непрерывная внутренняя ломка была вызвана жизнью, полною противорѣчiй, нервнаго напряженiя, суеты и сильныхъ ощущенiй,—жизнью большихъ городскихъ центровъ, съ вопiющею картиной нищеты вокругъ колоссальныхъ богатствъ, со всѣми обычными занятiями, изо дня въ день,—занятiями, притупляющими свѣжесть впечатлѣнiй, отнимающими много нервной энергiи и взамѣнъ дающими ощущенiе душевной пустоты, скуки и подавленности. Люди эти проснулись и очнулись среди торопливой, злобной жизненной борьбы, конкуренцiи, жизненнаго порабощенiя, остановились и отошли въ сторону отъ общаго потока исторiи. Душная, затхлая атмосфера современныхъ настроенiй и вѣянiй, подъ бременемъ и гнетомъ которыхъ гибнетъ масса людей, робкихъ и слабыхъ,—стала невыносимой и тяжелой для людей съ чуткой совѣстью, съ жаждой любви и самоотреченiя, и они, пройдя всѣ стадiи духовныхъ терзанiй и мукъ, переживъ послѣдовательно цѣлый рядъ социальныхъ системъ и, не найдя въ нихъ отвѣта на свои запросы, обратились къ исполненiю закона любви, отреченiя и стремленiя къ высшему нравственному идеалу. И теперь люди эти, отказавшiеся отъ комфорта, удобствъ и соблазновъ столичной жизни, оставивъ позади себя все то, чѣмъ жили раньше,—семью, привязанности, занятiя,—ушли въ себя, въ свой новый внутреннiй мiръ. Въ своей молчаливой спокойной, и уравновѣшанной душевной жизни, они хотятъ дѣлать то, что велитъ долгъ христiанина и къ чему они, смягченные и примиренные, стремятся неуклонно. Говоримъ—«примиренные», потому что только христiанство, изъ цѣлаго ряда другихъ религiй, по внутренней своей сущности, *силою духа* уничтожаетъ дуализмъ природы и духа и дѣлаетъ человѣка свободнымъ «Быть же свободнымъ это—по мѣткому опредѣленiю Гегеля—находясь въ другомъ, оставаться въ средѣ самого себя, зависѣть отъ себя и самому опредѣлять себя». Такими-то и сознаютъ себя люди, проникшiеся ученiемъ Христа.

Программы, въ настоящемъ смыслѣ слова, у этихъ людей и быть не можетъ, такъ какъ предписанiя нравственнаго закона и широкая потребность любви не могутъ удовлетворяться исполненiемъ строго опредѣ-

ленныхъ уставовъ и правилъ. Большее или меньшее достиженіе совершенства обусловлено субъективными данными, глубиной и разнообразіемъ духовныхъ силъ отдѣльныхъ личностей. Главное здѣсь — жизнь духа и самосознанія. И поэтому, всѣ вопросы соціальнаго характера замѣняются одной, основной проблемой—проблемой *индивидуальной* жизни. Съ точки зрѣнія нравственнаго критерія, такая постановка вопроса является строго послѣдовательной. Но насколько выводы, получаемые изъ нея, согласуются съ запросами и требованіями *исторически* развивающейся дѣйствительности,—вопросъ остается открытымъ и при разрѣшеніи его обнаруживаются тѣ роковыя и какъ бы непримиримыя противорѣчія, на которыя наталкивается человѣкъ, при всякой попыткѣ общественной организаціи нравственной жизни.

Итакъ, въ какомъ же отношеніи находится «христіанскій анархизмъ» къ существующей дѣйствительности, къ развивающимся формамъ соціальной жизни и что представляетъ собою «анархистская община» съ точки зрѣнія экономическихъ отношеній?

II.

«Анархистскую» колонію, на данной ступени ея развитія, можно подвести, по ея экономической структурѣ, подъ типъ обычной *общины*, съ организаціей производства для рынка. «Колонія» ведетъ интенсивное хозяйство; производитъ продукты, какъ для собственнаго потребленія, такъ и для продажи. Для этой цѣли, какъ это было отмѣчено выше—культивируются разнообразные овощи и плоды, взращиваемые въ парникахъ и оранжереяхъ, разводится домашняя птица (продаютъ, впрочемъ, только яйца), устраивается пасѣка и проч. Словомъ, предпринимается все то, что можетъ предпринять, по своимъ финансовымъ силамъ, всякая маленькая хозяйственная единица, стремящаяся хотя бы скромно вознаградить трудъ, затраченный на производство, и выдержать посильную конкуренцію съ другими, болѣе крупными и лучше обставленными хозяйственными единицами. И это—неизбѣжная судьба всякаго предпріятія, осуществляющагося въ условіяхъ исторической дѣйствительности—подчиняться непреложнымъ законамъ экономической жизни. Современныя же экономическія отношенія регулируются конкуренціей и борьбой капиталовъ, вслѣдствіе чего товарный рынокъ является ареной, на которой одинъ капиталъ, одна хозяйственная единица—есть-ли то община, акціонерное общество или, просто, единоличное предпріятіе—побиваются и вытѣсняются другимъ капиталомъ, другой хозяйственной единицей. И «анархистская» община, разъ она хочетъ существовать, какъ общественная организація, не можетъ не подчиниться существующимъ условіямъ жизни, такъ какъ ни одну хозяйственную организацію нельзя изолировать отъ вліянія общихъ экономическихъ отношеній данной страны. Съ того момента, какъ частно-владѣльческое (или групповое) предпріятіе

разрываетъ связь съ общенароднымъ хозяйствомъ, оно пропадаетъ и перестаетъ существовать, какъ хозяйство. И наоборотъ, съ момента, когда оно вовлекается въ общую систему отношеній, оно дѣлается необходимымъ элементомъ этихъ отношеній, вслѣдствіе чего получаетъ всѣ типическія особенности *буржуазныхъ* формъ производства и дѣлается, такъ сказать, сообщникомъ существующей дѣйствительности. «Колонія» же и, вообще, всякая другая экономическая единица будутъ находиться въ зависимости отъ рынка до тѣхъ поръ, пока рѣзко развившіяся противорѣчія экономической жизни не приведутъ къ необходимости организаціи общественнаго производства для собственнаго потребленія. Пока этого нѣтъ, всѣ системы устройства и улучшенія формъ жизни—разъ они принимаютъ *практическій* характеръ и начинаютъ регулироваться — неизбѣжно будутъ носить въ себѣ буржуазные элементы.

«Колонисты», какъ интеллигентные люди и здоровые работники культурной страны,—какъ они ни стараются упростить свою жизнь,—имѣютъ все же цѣлый рядъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ связано съ цѣнами на товары, существующими на общенародномъ рынкѣ, куда они являются и въ качествѣ продавцевъ, — чтобы не истощать своихъ платежныхъ силъ. Каждый же продавецъ старается сбыть свой продуктъ по возможности *выгодно* (продажа должна окупать трудъ и давать сверхъ того излишекъ—прибавочную стоимость). Говоримъ выгодно, такъ какъ, при данныхъ условіяхъ производства, купля-продажа регулируется исключительно *интересомъ*. Въ противномъ случаѣ, продуктъ останется или непроданнымъ, или же проданнымъ убыточно, что пагубно отразится на успѣшномъ веденіи хозяйства.

Когда W. Hope говоритъ въ своей замѣткѣ — «мы не то, чѣмъ хотѣли бы быть; нашъ идеалъ выше, а мы не можемъ его достигнуть сейчасъ» — очевидно, онъ имѣетъ въ виду это, сознаваемое имъ противорѣчіе—противорѣчіе, лежащее въ основѣ реально существующаго, созданнаго «колонистами» явленія. И оно, это противорѣчіе—повторяемъ—является, въ условіяхъ буржуазной жизни, неизбѣжнымъ спутникомъ всякаго практически-общественнаго начинанія.

Христіанская формула: «совершенствуйся безконечно и жертвуй безъ конца» есть, такъ сказать, формула индивидуальнаго поведенія, и личность, проникающаяся такимъ высокимъ началомъ, обрѣтаетъ непоколебимую нравственную мощь въ борьбѣ съ внѣшнимъ и внутреннимъ неустройствомъ. Но положите это правило въ основу той или иной существующей соціальной группы людей, какъ сейчасъ-же обнаружится *неравномѣрность* въ стремленіи отдѣльныхъ личностей къ сознанному и всѣми признанному идеалу. Неравномѣрность эта обусловливается, во-первыхъ, разнообразіемъ, по степени и глубинѣ, душевныхъ силъ отдѣльныхъ личностей и, во-вторыхъ, невозможностью установить того предѣла, до котораго можно подвигаться въ своемъ самоотреченіи. Вслѣдствіе этого,

между членами соціальной группы нарушается равновѣсіе, и мало-помалу, съ ростомъ и развитіемъ индивидуальностей, это становится пагубнымъ для организаціи. Элементы, наиболѣе чуткіе къ добру и истинѣ, оставляютъ жизнь, ограниченную стѣсняющими свободу формами, и избираютъ путь подвижничества или героизма и мученичества. Если-же допустить, что всѣ прочіе члены данной соціальной группы захотятъ быть также послѣдовательными и пойдутъ по тому-же пути и освободятся отъ собственности, отъ земли, со всѣмъ своимъ благоустроеннымъ хозяйствомъ, то полное разложеніе «общины» уже не подлежитъ сомнѣнію, такъ-какъ члены ея перейдутъ въ положеніе кочующихъ нищихъ, удовлетворяющихся высокимъ сознаніемъ служенія Богу и людямъ. Дѣятельный, непрерывный ростъ нравственной жизни, точка зрѣнія тщеты и ненужности всего земного—а нормативная этика неизбѣжно приводитъ къ такому ригоризму—не можетъ создать никакихъ *отвердѣвшихъ* формъ, ибо она есть воплощенное отрицаніе всякой неподвижной формы.

Вотъ почему «община» англійскихъ «анархистовъ», долженствовавшая служить панацеей противъ общественныхъ золъ, далеко не оправдываетъ своихъ намѣреній. Вотъ почему «колонисты», вооружаясь противъ насилія, борьбы и войнъ, въ сущности, безсильны побороть своего врага, такъ-какъ борьба и насиліе, съ особенной рѣзкостью и силой культивируются въ душѣ человѣка на широкой основѣ буржуазнаго строя, съ которымъ не можетъ бороться ни одна, хотя-бы самая идеальная «община». Современный національный антагонизмъ, въ большинствѣ случаевъ, является антагонизмомъ капиталовъ. Войны и насилія стали средствомъ для завоеванія новыхъ рынковъ, и они перестанутъ существовать не прежде, чѣмъ противорѣчія буржуазной жизни не раскроются въ сознаніи трудящихся массъ. *Общественная* организація нравственно-трудовой жизни можетъ реализоваться только при наличности извѣстныхъ условій, при отсутствіи которыхъ всякая попытка такой организаціи окажется несостоятельной и безсильной.

Англійскій толстоизмъ, понимаемый въ смыслѣ опрощенія, освобожденія отъ сѣти предразсудковъ и отъ праздной жизни, имѣетъ несомнѣнное субъективное значеніе: онъ далъ опору и оправданіе въ собственныхъ глазахъ всѣмъ тѣмъ, которые, оставивъ то, что считали ложнымъ и нехорошимъ, нашли въ себѣ энергію и желаніе устроить свою жизнь на новыхъ началахъ. Съ этой точки зрѣнія вся обстановка «колонистской» жизни, мелкія ея детали, ежедневныя работы, спокойное радостное настроеніе—все это имѣетъ много красоты, освѣжаетъ и поднимаетъ человѣка. Но нельзя забывать, что всѣ эти настроенія—весьма цѣнныя и жизненныя—имѣютъ только косвенное отношеніе къ соціальнымъ устоямъ жизни, прогрессъ и развитіе которыхъ подчинены законамъ общественной эволюціи.

А. Сабуйскій.

Крестоносцы.

Историческая повѣсть Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго Нат. Арабажиной.

VII.

Ягенка сама стопила большой горшокъ медвѣжьяго сала, первую кварту котораго Мацько охотно выпилъ, потому что оно было свѣжее, не пригорѣвшее и пахло дягилемъ, который дѣвушка, знавшая толкъ въ лекарствахъ, прибавила къ салу. Мацько подбодрился и сталъ надѣяться на выздоровленіе.

— Этого-то мнѣ и нужно было!—сказалъ онъ.—Коли въ человѣкѣ все жиромъ покроется, то можетъ быть и эта собачья мать заноза гдѣ-нибудь выскочитъ.

Слѣдующія кварты не казались ему такими вкусными, какъ первая, но онъ пилъ изъ благоразумія. Ягенка обнадеживала его, говоря:

— Выздоровѣете! Збилюду изъ Острога глубоко въ спину загнали обломокъ отъ кольчуги, но отъ сала онъ вышелъ у него. Только если откроется рана, такъ надо будетъ замазать ее бобровымъ жиромъ.

— А жиръ у тебя есть?

— Есть. А если понадобится свѣжій, такъ мы съ Збышкой поѣдемъ къ гнѣздамъ. Бобра достать не трудно, но не мѣшало-бы также, если-бы вы какому-нибудь святому пообѣщали-бы что-нибудь; только такому, который исцѣляетъ раны.

— Ужъ мнѣ и самому это въ голову приходило, только я не знаю какому? Святой Георгій покровитель рыцарей, онъ оберегаетъ ихъ отъ опасности и даже въ случаѣ нужды придаетъ имъ мужество; говорятъ, даже, что часто онъ собственной особой становится рядомъ съ

правой стороной и помогаетъ бить враговъ Господнихъ. Но тотъ, кто самъ готовъ драться, рѣдко возится съ ранами; для этого, навѣрное, есть другой святой, которому св. Георгій не захочетъ переступить дороги. Каждый святой имѣетъ на небѣ свои обязанности и свое хозяйство—это всѣмъ извѣстно! И одинъ никогда не вмѣшивается въ дѣла другого, потому что изъ этого могли бы произойти распри и безпорядки, а святымъ на небѣ не пристойно ссориться или драться... Есть св. Косьма и Демьянъ, это тоже великіе угодники, которымъ молятся лѣкаря, чтобы болѣзни не исчезали съ земли, потому что иначе имъ нечего было-бы ѣсть. Есть еще св. Аполонія отъ боли зубовъ и св. Либорій отъ каменной болѣзни—но это все не то! Вотъ придетъ аббатъ, тотъ мнѣ скажетъ къ кому мнѣ обратиться, потому что не всякій клирикъ обладаетъ всѣми тайными Господа и не каждый знаетъ то, что знаетъ аббатъ, хотя бы у него и была бритая голова.

— А если бы вы самому Господу Іисусу Христу дали обѣтъ?

— Конечно, онъ выше всѣхъ. Но это было бы все равно, какъ если бы, напримѣръ, твой отецъ побилъ крестьянина, а я бы жаловаться на него поѣхалъ въ Краковъ къ самому королю. Что бы мнѣ на это сказалъ король? Онъ такъ сказалъ бы: «Я управляю цѣлымъ государствомъ, а ты лѣзешь ко мнѣ со своимъ мужикомъ! Развѣ нѣтъ судовъ? Развѣ ты не можешь пойти въ городъ, къ моему кастеляну и посреднику?» Господь Іисусъ Христосъ хозяинъ всего міра, понимаешь? А для болѣе мелкихъ дѣлъ онъ держитъ святыхъ.

— Такъ я скажу вамъ,—сказалъ Збышко, который подошелъ къ концу бесѣды,—дайте обѣтъ нашей покойной королевѣ, что если она потрудится для васъ, то вы отправитесь на богомолье къ ея гробу. Развѣ тамъ мало чудесъ на нашихъ глазахъ свершилось? Зачѣмъ искать чужихъ святыхъ, коли есть своя госпожа, лучше другихъ.

— Ахъ! Такъ если бы я зналъ, что она помогаетъ отъ ранъ!

— А если она и не отъ ранъ! Святые не посмѣютъ сердиться на нее, а если разсердятся, такъ еще и отъ Господа Бога получатъ нагоняй, потому что это не какая-нибудь простая, а королева польская!..

— Которая кромѣ того еще языческія страны въ христіанство обратила. Это ты умно сказалъ,—отвѣчалъ Мацько.—Она, должно быть, высоко сидитъ въ Божьемъ судѣ и это вѣрно, что какой-нибудь святой ничего не сможетъ сдѣлать противъ нея. Я сдѣлаю такъ, какъ ты совѣтуешь.

Этотъ совѣтъ одобрила и Ягенка, которая не могла удержаться отъ выраженія своего изумленія предъ умомъ Збышко, а Мацько въ тотъ же вечеръ далъ торжественный обѣдъ и съ этой минуты еще съ большей надеждой принялся за медвѣжье сало, ожидая со дня на день выздоровленія. Однако, по прошествіи недѣли, онъ началъ терять надежду.

Онъ говорилъ, что сало «бурлитъ» у него въ животѣ, а на кожѣ, у послѣдняго ребра, что-то ростетъ, точно шишка. Черезъ десять дней ему стало еще хуже: шишка увеличилась и покраснѣла, а самъ Мацько страшно ослабѣлъ и когда появилась лихорадка, онъ снова сталъ готовиться къ смерти.

Но однажды онъ вдругъ ночью разбудилъ Збышко:

— Зажги скорѣе лучину, — сказалъ онъ, — потому что со мной что-то дѣлается, только не знаю, хорошее или худое.

Збышко вскочилъ на ноги и, не высѣкая огня, раздулъ въ сосѣдней комнатѣ очагъ, зажегъ смоляную щепку и возвратился.

— Что съ вами?

— Что со мной? Что-то прокололо мнѣ шишку, навѣрное заноза! Я держу ее, но достать не могу: только чувствую, какъ она у меня подъ ногтями скрипитъ...

— Заноза! ничто другое. Ухватите получше, да и тащите.

Мацько вертѣлся и ежился отъ боли, но все глубже запускалъ пальцы, пока не захватилъ крѣпко твердый предметъ, потомъ рванулъ и вытянулъ:

— О Господи!

— Готово?—спросилъ Збышко.

— Готово. Даже весь холоднымъ потомъ покрылся!.. Но вотъ она! гляди!

И сказавъ это, онъ показалъ Збышко продолговатый острый обломокъ, который отломился отъ плохо выкованнаго копья и вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ у него въ тѣлѣ.

— Слава Богу и королевѣ Ядвигѣ! Теперь вы выздоровѣете.

— Можетъ быть мнѣ и легче, но у меня страшная боль, — сказалъ Мацько, выдавливая шишку, изъ которой вытекало много крови, смѣшанной съ гноемъ. Коли въ человѣкѣ всякой гадости меньше будетъ, такъ и болѣзнь пройдетъ. Ягенка говорила, что теперь надо будетъ замазать бобровымъ жиромъ.

— Мы завтра же пойдемъ на бобровъ.

На другой же день Мацько сдѣлалось значительно лучше. Онъ долго спалъ, а когда проснулся—потребовалъ ѣсть. На медвѣжье сало онъ ужъ и глядѣть не могъ, но за то для него выпустили на сковороду двадцать штукъ яицъ, больше Ягенка изъ предосторожности не позволила. А Мацько съ жадностью съѣлъ яичницу съ половиной каравая хлѣба, запилъ гарнцемъ вина, а потомъ сталъ требовать, чтобы ему привели Зыха, потому что ему весело.

Збышко послалъ за Зыхомъ одного изъ своихъ турокъ, подаренныхъ Завишей, онъ сѣлъ на коня и пріѣхалъ послѣ полдня, какъ разъ въ то время, когда молодежь собиралась въ Одстайное озеро на боб-

ровъ. Сначала было много смѣха, шутокъ и пѣсенъ, за чаркой меда, но потомъ старики начали разговаривать о дѣтяхъ и расхваливать каждый своего.

— Что за малый этотъ Збышко!—говорилъ Мацько,—такого другого на всемъ свѣтѣ не сыщешь. И мужественный, и ловкій, какъ рысь, и дѣльный. Знаете! Когда его въ Краковѣ на казнь вели, то дѣвки въ окнахъ такъ пищали, какъ будто ихъ кто-нибудь сзади въ затылокъ шиломъ кололъ; да и какія дѣвки-то: все рыцарскія, да кастелянскія дочки; я ужъ и не говорю о красавицахъ горожанкахъ!

— Пусть это и кастеллянскія дочки и красавицы, а все же не лучше моей Ягенки. Лучше ея не найти нигдѣ! отвѣчалъ Зыхъ.

— А я развѣ говорю вамъ, что лучше. Въ обхожденіи съ людьми лучше Ягенки не найдешь.

— Я тоже ничего худого про Збышко не говорю: лукъ натягиваетъ безъ рукоятки!...

— И медвѣдя одинъ подопретъ. Видали вы, какъ онъ хватилъ? Всю голову однимъ ударомъ разрубилъ.

— Лобъ-то онъ разрубилъ, но подперъ не одинъ! Ягенка ему помогла!

— Помогла? Онъ мнѣ ничего не говорилъ.

— Потому, что онъ ей обѣщалъ... вѣдь стыдно дѣвушкѣ ходить ночью въ лѣсъ. Она мнѣ сейчасъ же разсказала, какъ было дѣло. Другія рады солгать, а она никогда ничего не скроетъ. Говоря откровенно, я былъ недоволенъ, потому что, кто знаетъ... Я хотѣлъ прикрикнуть на нее, а она такъ отвѣтила мнѣ: «Если я сама не уберегу дѣвичьяго вѣнка, такъ и вы, татуля, не убережете, но не бойтесь, Збышко тоже знаетъ, что называется рыцарской честью.

— Конечно! Вѣдь они и сегодня вдоемъ пошли.

— Но къ вечеру они возвратятся. А ночью—сатана злѣе, да и стыдиться дѣвкѣ нечего,—потому темно!

Мацько задумался на мгновеніе и потомъ заговорилъ какъ бы самъ съ собой:

— А все-таки имъ пріятно видѣться другъ съ другомъ...

— Ахъ! если бы онъ не далъ обѣта другой!..

— Это, какъ вы знаете, рыцарскій обычай... Кто изъ молодыхъ людей не имѣетъ дамы своего сердца, того считаютъ глупымъ. Онъ обѣщалъ павлиньи перья со шлемовъ сорвать, и поклялся рыцарской честью; до Лихтенштейна онъ тоже долженъ добраться, но отъ другихъ обѣтовъ аббатъ можетъ освободить его.

— Аббатъ пріѣдетъ на этихъ дняхъ!..

— Вы думаете?.. спросилъ Мацько и продолжалъ:

— Да какіе тамъ обѣты, коли Юрандъ рѣшительно сказалъ ему,

что не дастъ ему дѣвки! Обѣщалъ-ли онъ ее другому или Богу посвятилъ, я не знаю,—но онъ рѣшительно сказалъ, что не дастъ...

— Говорилъ-ли я вамъ,—спросилъ Зыхъ,—что аббатъ такъ любитъ Ягенку, какъ будто она его. Въ послѣдній разъ онъ такъ сказалъ: «у меня родственники есть только по кудели [1]), но и изъ этой кудели тебѣ будетъ больше нитокъ, чѣмъ имъ».

Мацько безпокойно и даже подозрительно взглянулъ Зыха и только спустя нѣкоторое время отвѣтилъ:

— Вѣдь вы же не захотите обидѣть насъ.

— За Ягенкой пойдутъ Мочидолы,—уклончиво отвѣчалъ Зыхъ.

— Сейчасъ-же?

— Сейчасъ-же! Другой не отдалъ-бы, а ей отдамъ.

— Богданецъ и такъ на половину принадлежитъ Збышкѣ, а если Богъ пошлетъ мнѣ здоровье, то я приведу все хозяйство въ порядокъ. А вы любите Збышко?

Вмѣсто прямого отвѣта, Зыхъ заморгалъ глазами и сказалъ:

— Плохо, что Ягенка, какъ только упомянешь о немъ, сейчасъ-же поворачивается къ стѣнѣ.

— А коли вы о другихъ вспоминаете?

— Тогда она краснѣетъ и говоритъ: «чего тамъ!»

— Вотъ видите. Дастъ Богъ рядомъ съ Ягенкой Збышко забудетъ о той другой. Я старше, да и то забылъ-бы... Выпейте-ка меду!

— Выпью...

— Ну, аббатъ... вотъ ужъ истинно мудрый человѣкъ. Бываетъ, знаете-ли, среди аббатовъ совершенно святые люди, но этотъ хоть и не сидитъ среди монаховъ,—но все-таки ксендзъ,—а ксендзъ всегда лучше простого человѣка посовѣтуетъ, потому что и съ чтеніемъ знакомъ и съ Духомъ Святымъ въ близкихъ отношеніяхъ. А вы за дѣвушкой сейчасъ же отдадите Мочидолы—это правильно. Я тоже, если Господь пошлетъ мнѣ здоровье, переманю у Волка изъ Бржзовой нѣсколькихъ мужиковъ, по жребію каждому изъ нихъ дамъ хорошую землю, потому что въ Богданцѣ въ землѣ недостатка нѣтъ. Послѣ Рождества пусть они поклонятся Волку и переходятъ ко мнѣ. Развѣ имъ нельзя? Со временемъ и замокъ въ Богданцѣ отстрою, хорошенькій дубовый и вокругъ ровъ... А Ягенка и Збышко пусть себѣ вмѣстѣ на охоту ходятъ. Что тамъ долго думать! Отдали бы вы Ягенку за него или нѣтъ?

— Отдалъ бы. Вѣдь мы сговорились повѣнчать ихъ, а Мочидолы и Богданецъ пойдутъ нашимъ внукамъ.

---

[1]) То-есть родственники по женской линіи; родственники по мужской линіи называются: krewny po mieczu.

— Грады!—съ радостью воскликнулъ Мацько.

— Богъ дастъ посыплется ихъ, какъ градъ. Аббатъ окреститъ ихъ намъ.

— Только бы онъ пріѣхалъ!—весело воскликнулъ Зыхъ. — Васъ я уже давно не видалъ такимъ веселымъ.

— Мнѣ весело на душѣ... Заноза вышла, а что касается Збышко, такъ вы за него не безпокойтесь. Сначала они мало разговаривали, а теперь, когда они вмѣстѣ, такъ все время шею другъ къ другу поворачиваютъ, и такъ говорятъ, такъ говорятъ... Выпейте еще!

— Выпью!

— За здоровье Збышко и Ягенки!

VIII.

Старый Мацько не ошибался, говоря, что Збышко и Ягенка рады видѣться другъ съ другомъ, и что они даже скучаютъ одинъ безъ другого. Ягенка, подъ предлогомъ посѣщенія старика, часто пріѣзжала въ Богданецъ съ отцомъ или одна, а Збышко ужъ изъ одной благодарности безпрестанно попадалъ въ Згоржелицы, а потому съ теченіемъ времени между ними возникла близкая дружба. Они, очевидно, полюбили другъ-друга и охотно совѣщались между собой обо всемъ томъ, что ихъ касалось. Къ этой дружбѣ примѣшивалось отчасти чувство какого-то удивленія, потому что молодой и красивый Збышко, который и на войнѣ ужъ прославился и въ состязаніяхъ принималъ участіе, и въ королевскихъ покояхъ побывалъ, казался дѣвушкѣ настоящимъ придворнымъ рыцаремъ и чуть-ли не королевичемъ, въ сравненіи съ какимъ-нибудь Чтаномъ изъ Роговой или Волкомъ изъ Бржозовой, а Збышко изумляла красота дѣвушки. И хотя онъ былъ вѣренъ своей Данусѣ, однако, не разъ, неожиданно взглянувъ на Ягенку, онъ невольно говорилъ себѣ: «Эхъ! какая она славная!» а когда охвативъ ея станъ, онъ подсаживалъ ее на коня и ощущалъ въ своихъ рукахъ ея крѣпкое тѣло, какъ-бы высѣченное изъ камня, то его охватывало волненіе и, какъ говорилъ Мацько, «его начинало ломать» и что-то томило, какъ дурной сонъ.

Ягенка, гордая по натурѣ, насмѣшливая и даже задорная, когда была съ нимъ, понемногу дѣлалась покорнѣе, совсѣмъ какъ раба, которая глядитъ въ глаза, чтобы узнать, чѣмъ-бы услужить и угодить, а онъ понималъ ея пріязнь, былъ ей благодаренъ и ему все пріятнѣе становилось проводить съ ней время. Съ тѣхъ поръ, какъ Мацько сталъ пить медвѣжье сало они видѣлись почти ежедневно, а послѣ выхода занозы они вмѣстѣ отправились на бобровъ, за свѣжимъ саломъ, которое необходимо было для заживленія раны.

Они взяли луки, сѣли на лошадей и поѣхали, сначала въ Мочидолы, которые должны были быть въ будущемъ приданымъ Ягенки, а оттуда въ лѣсъ, гдѣ передали лошадей мальчику-слугѣ, и дальше пошли пѣшкомъ, такъ-какъ черезъ чащу и по болоту трудно было проѣхать на лошадяхъ. По пути, за обширнымъ лугомъ, покрытымъ сорной травой, Ягенка указала на синѣющую вдали ленту лѣсовъ и сказала:

— Это лѣса Чтана изъ Роговой.

— Это тотъ, который хочетъ взять тебя въ жены?

— Взялъ-бы, если-бы я только согласилась!—разсмѣялась она.

— Тебѣ легко защититься отъ него, въ особенности имѣя такого помощника, какъ Волкъ, который, какъ я слышалъ, давно ужъ точитъ на него зубы. И я удивляюсь, что они до сихъ поръ еще не дрались.

— Это потому, что татуся, когда ѣхалъ на войну, сказалъ имъ: «Если вы подеретесь, такъ не показывайтесь мнѣ и на глаза». Такъ что-жъ имъ было дѣлать? Когда они въ Згоржелцахъ, такъ они рычатъ другъ на друга, но потомъ въ трактирѣ въ Кржеснѣ пьютъ вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не свалятся подъ скамью.

— Ахъ, какіе они глупые парни.

— Почему?

— Потому что когда Зыха не было дома, имъ слѣдовало напасть на Згоржелицы и взять тебя силой. Что-бы могъ сдѣлать Зыхъ, если-бы, по пріѣздѣ, онъ засталъ тебя съ ребенкомъ на рукахъ.

Синіе глазки Ягенки сразу засверкали.

— Ты думаешь, что я далась-бы? А развѣ въ Згоржелицахъ нѣтъ людей или я не умѣю взять въ руки копье или лукъ? Пусть-бы попробовали! Я-бы всякаго прогнала отъ дома, да и сама-бы напала на Роговое или Бржозовую. Татуся зналъ, что онъ можетъ совершенно спокойно отправляться на войну.

И говоря это, она нахмурила свои красивыя брови и такъ грозно встряхнула рукой, что Збышко разсмѣялся и сказалъ:

— Да тебѣ-бы рыцаремъ быть а не дѣвушкой!

А она, уже успокоившаяся, отвѣчала:

— Чтанъ охранялъ меня отъ Волка, а Волкъ отъ Чтана. И кромѣ того я была подъ охраной аббата, а съ аббатомъ лучше никому не ссориться.

— Ого!—отвѣчалъ Збышко,—тутъ всѣ боятся аббата. А я, да поможетъ мнѣ святой Георгій, правду тебѣ сказать, не побоялся-бы ни аббата, ни Зыха, ни згоржелицкихъ охотниковъ, ни тебя, и просто взялъ-бы тебя...

Ягенка остановилась и, поднявъ свои глаза на Збышко, какимъ-то страннымъ, мягкимъ и протяжнымъ голосомъ проговорила:

— Взялъ-бы?..

Губы ея раскрылись и она ждала отвѣта, разрумянившаяся, какъ заря.

Но онъ, очевидно, думалъ только о томъ, чтобы онъ сдѣлалъ на мѣстѣ Чтана или Волка, потому что, встряхнувъ своей золотой гривой, продолжалъ:

— Зачѣмъ дѣвкѣ воевать съ парнями, коли ей надо замужъ итти. Если не найдется третій, такъ тебѣ придется выбрать одного изъ нихъ, какъ-же иначе?

— Ты мнѣ этого не говори!—грустно отвѣчала дѣвушка.

— А что? Я тутъ ужъ давно не бывалъ, а потому не знаю, есть-ли около Згоржелицъ кто-нибудь, кто-бы больше тебѣ понравился?..

— Эхъ!—возразила Ягенка.—Оставь меня въ покоѣ!

И они шли молча, пробираясь сквозь чащу тѣмъ болѣе частую, что кусты и деревья были обвиты дикимъ хмелемъ. Збышко шелъ впереди, разрывая спутанныя зеленыя вѣтки, ломая сучки, а Ягенка поспѣвала за нимъ, съ лукомъ за плечами, похожая на богиню охоты.

— За этой чащей будетъ глубокій потокъ, но я знаю мѣсто, гдѣ есть бродъ.

— У меня сапоги выше колѣнъ, мы перейдемъ и ногъ не замочимъ,—возразилъ Збышко.

И дѣйствительно черезъ нѣкоторое время они дошли до потока. Ягенка, хорошо знакомая съ мочидольскими лѣсами, легко отыскала бродъ, но оказалось, что рѣчка нѣсколько вздулась отъ дождей и что вода была довольно глубокая. Тогда Збышко, не спрашивая позволенія, взялъ дѣвушку на руки.

— Я-бы и такъ могла перейти!—сказала Ягенка.

— Держись за шею!—отвѣчалъ Збышко.

И онъ медленно шелъ по разлившейся рѣчкѣ, на каждомъ шагу ощупывая ногой, не встрѣтится-ли глубокое мѣсто, а дѣвушка по его-же совѣту прижималась къ нему и когда они были ужъ близко къ другому берегу, проговорила:

— Збышко!

— Ну, что?

— Не пойду я ни за Чтана, ни за Волка...

А онъ тѣмъ временелъ успѣлъ донести ее до берега, осторожно опустилъ ее на песокъ и нѣсколько взволнованно отвѣчалъ:

— Да пошлетъ тебѣ Господь лучшаго мужа! Плохо ему не будетъ.

До Одстаяннаго озера было ужъ близко. Теперь Ягенка шла впереди и, поворачиваясь по временамъ къ Збышко, прикладывала палецъ къ губамъ, и этимъ давала Збышко знакъ сохранять молчаніе. Они шли среди лозняка и сѣрыхъ вербъ, по сырой и низменной мѣст-

ности. Съ правой стороны доносились щебетанье птичекъ, что очень удивляло Збышко, такъ-какъ это было время отлета.

— Тамъ болото,—прошептала Ягенка,—гдѣ зимуютъ утки, но и въ озеркѣ вода только въ большіе морозы замерзаетъ у берега. Посмотри, какой паръ идетъ...

Збышко взглянулъ сквозь лознякъ и увидалъ передъ собой какъ-бы туманъ: это было Одстаяное болото.

Ягенка снова приложила палецъ къ губамъ и черезъ минуту они дошли до него. Дѣвушка первая тихонько всползала на толстую старую вербу, которая совсѣмъ наклонилась надъ водой. Збышко послѣдовалъ ея примѣру и долгое время они лежали спокойно, ничего не видя предъ собой изъ-за тумана и слыша только надъ головами жалобный пискъ чаекъ. Но, наконецъ, подулъ вѣтеръ, зашелестилъ лознякомъ, пожелтѣвшими листьями вербъ и, разогнавъ туманъ, открылъ предъ ними пустынную поверхность озера, слегка подернутую зыбью.

— Не видать?—прошепталъ Збышко.

— Не видать!.. Тише!..

Черезъ мгновеніе утихъ вѣтеръ и наступила полная тишина. Въ ту-же минуту на поверхности воды зачернѣла сначала одна голова, потомъ другая—и, наконецъ, значительно ближе, съ берега въ воду спустился большой бобръ, съ свѣжей вѣткой въ зубахъ, и поплылъ черезъ водоросли, подымая морду вверхъ и стараясь не замочить вѣтки. Збышко, помѣщаясь на деревѣ, нѣсколько ниже Ягенки, вдругъ увидѣлъ, какъ она тихонько зашевелила руками и наклонила впередъ голову: она очевидно цѣлилась въ звѣря, который, не подозрѣвая опасности, подплылъ не дальше, какъ на половину выстрѣла къ незаросшему мѣсту.

Но вотъ зажужжала тетива и почти одновременно раздался голосъ Ягенки:

— Попала! попала!..

Збышко въ одно мгновеніе ока вскарабкался выше и взглянулъ сквозь вѣтви на воду: бобръ то погружался, то выплывалъ на поверхность, кувыркаясь и показывая болѣе свѣтлое, въ сравненіи со спиной, брюшко.

— Ловко попала! Онъ сейчасъ успокоится! сказала Ягенка. И она отгадала, такъ какъ движенія животнаго становились все слабѣе и вскорѣ онъ ужъ выплылъ на поверхность воды.

— Я пойду за нимъ,—сказалъ Збышко.

— Не ходи. Тутъ около берега тина больше человѣческаго роста. Кто не опытенъ, тотъ навѣрно потонетъ.

— Такъ какъ-же мы его достанемъ?

— Онъ ужъ сегодня вечеромъ будетъ въ Богданцѣ; не хлопочи объ этомъ, а намъ пора домой...

— Но ты его хорошо подстрѣлила?

— Эхъ! развѣ это первый разъ!..

— Другія дѣвки даже взглянуть боятся на лукъ, а съ такой, какъ ты, можно всю жизнь по лѣсу ходить!.

Услыхавъ эту похвалу, Ягенка весело усмѣхнулась, но ничего не отвѣтила, и они той-же дорогой пошли назадъ. Збышко сталъ разспрашивать о гнѣздахъ бобровыхъ, а она разсказывала ему, сколько ихъ есть въ Мочидолахъ, сколько въ Згоржелицахъ и какъ они ютятся по холмамъ и дорогамъ.

Но вдругъ она ударила себя по бедру.

— Вотъ тебѣ на!—воскликнула она:—я забыла стрѣлы на вербѣ. Подожди.

И прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить, что онъ самъ пойдетъ за ними, она, какъ серна, прыгнула за поворотъ дороги и сейчасъ-же исчезла съ глазъ. Збышко ждалъ, ждалъ, но, наконецъ, началъ изумляться, отчего ея нѣтъ такъ долго.

— Она вѣроятно потеряла стрѣлы и ищетъ ихъ — сказалъ онъ себѣ,—пойду посмотрю, не случилось-ли съ ней что-нибудь...

Но едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ она появилась въ двухъ шагахъ отъ него, съ лукомъ въ рукахъ, съ смѣющимся румянымъ лицомъ и съ бобромъ за плечами.

— Богъ съ тобою!—закричалъ Збышко:—какъ ты его выловила?

— Какъ? влѣзла въ воду и только! Мнѣ не впервой, а тебя я не хотѣла пустить, потому что того, кто не знаетъ, какъ тамъ плавать, сейчасъ-же тина втянетъ.

— Я тебя ждалъ, какъ дуракъ! Хитрая ты дѣвка!

— Ну, такъ что-же? Не раздѣваться-же мнѣ при тебѣ?

— Такъ ты и стрѣлъ не забывала?

— Ну да, нѣтъ! Я только хотѣла отвлечь тебя отъ берега.

— А если-бы я за тобой пошелъ, такъ увидалъ-бы я чудеса. Было-бы надъ чѣмъ посмѣяться! Ахъ!..

— Молчи.

— А вѣдь ей-ей—я уже шелъ за тобой.

— Молчи!..

И желая перемѣнить разговоръ, она сказала:

— Выжми ка мнѣ косу, а то у меня всѣ плечи мокрыя. Збышко взялъ одной рукой косу у самой головы, а другой началъ ее выжимать, говоря:

— Лучше ее расплести—тогда вѣтеръ высушитъ ее.

Но она не хотѣла этого сдѣлать, такъ что приходилось пробираться сквозь густую чащу. Збышко взялъ бобра, а Ягенка, идя впереди, говорила:

— Теперь Мацько скоро выздоровѣетъ, потому что нѣтъ ничего лучшаго для ранъ, какъ медвѣжье сало внутрь, а бобровый жиръ снаружи. Черезъ какихъ-нибудь двѣ недѣли онъ будетъ ѣздить на конѣ.

— Дай-то ему Богъ!—отвѣчалъ Збышко. Я тоже жду его выздоровленія, потому что мнѣ нельзя отъ больного уѣхать, а тутъ оставаться мнѣ тяжело.

— Тяжело оставаться?—спросила Ягенка—отчего?

— А развѣ Зыхъ не разсказывалъ тебѣ о Данусѣ.

— Онъ что-то говорилъ мнѣ... Я знаю. Она тебя платкомъ прикрыла,—знаю!.. Онъ говорилъ мнѣ такъ-же, что каждый рыцарь даетъ какіе-то обѣты, что будетъ служить своей госпожѣ, но онъ говорилъ, что такое служеніе ничего не значитъ... потому что многіе, будучи женаты, всетаки служатъ какой-нибудь женщинѣ. А эта Дануся... кто она? Збышко? скажи!.. кто она?..

И близко подойдя къ нему, она подняла къ нему свои глаза и съ безпокойствомъ глядѣла ему въ лицо, а онъ не обратилъ никакого вниманія на ея тревожный голосъ, взглядъ и сказалъ:

— Это царица моего сердца и моя любовь. Я никому не говорю объ этомъ, но тебѣ скажу, какъ родной сестрѣ, потому что мы знаемъ другъ друга съ дѣтскихъ лѣтъ. Я бы пошелъ за ней въ тридевятое царство, тридесятое государство, къ нѣмцамъ, татарамъ, такъ какъ на всемъ свѣтѣ нѣтъ другой такой. Пусть дядя остается въ Богданцѣ, а я къ ней поѣду... Что мнѣ Богданецъ безъ нея, что мнѣ стада, что богатства аббата! Сяду-ка я на коня, да и поѣду на нѣмцевъ и съ Божьей помощью выполню свой обѣтъ, или погибну самъ.

— Я не знала...—глухо проговорила Ягенка.

А Збышко сталъ разсказывать ей, какъ они познакомились съ Данусей въ Тынцѣ, какъ онъ сейчасъ-же поклялся ей въ вѣрности и все, что произошло потомъ, свое заточеніе, спасеніе, благодаря Данусѣ, отказъ Юранда, разлука, его тоска и, наконецъ, радость по поводу того, что послѣ выздоровленія Мацько онъ будетъ имѣть возможность поѣхать къ любимой дѣвушкѣ, чтобы выполнить то, что онъ обѣщалъ ей. Его разсказъ прервалтя, когда они замѣтили мальчика-слугу, который сторожилъ лошадей на опушкѣ лѣса.

Ягенка сейчасъ-же сѣла на коня и стала прощаться съ Збышко.

— Пусть слуга поѣдетъ съ бобромъ за тобой, а я возвращусь въ Згоржелицы.

— Развѣ ты не поѣдешь въ Богданецъ? Зыхъ тамъ.

— Нѣтъ, Татуля долженъ былъ возвратиться, и приказалъ и мнѣ.

— Ну, такъ спасибо за бобра.

— Съ Богомъ.

И черезъ мгновеніе Ягенка осталась одна. Возвращаясь домой, она каждую минуту оборачивалась, какъ будто искала Збышко, а когда онъ исчезъ за деревьями, она закрыла лицо руками, какъ-бы прячась отъ солнечнаго свѣта.

Вскорѣ сквозь пальцы заструились крупныя слезы, которыя падали одна за другой на сѣдло и лошадиную гриву.

IX.

Послѣ разговора съ Збышко Ягенка три дня не показывалась въ Богданцѣ, но на четвертый явилась съ извѣстіемъ, что аббатъ пріѣхалъ въ Згоржелицы. Мацько съ волненіемъ выслушалъ эту новость Правда, у него была сумма, необходимая для уплаты залога и онъ даже высчиталъ, что у него останется довольно для увеличенія числа крестьянъ и для приведенія въ порядокъ тѣхъ или другихъ хозяйственныхъ нуждъ, однако многое все-таки зависѣло отъ щедрости богатаго родственника, который, напримѣръ, могъ оставить или взять назадъ крестьянъ, поселенныхъ имъ, и этимъ уничтожить или увеличить цѣнность земли.

Мацько усердно разспрашивалъ объ аббатѣ: пріѣхалъ-ли онъ веселымъ или хмурымъ, что онъ говорилъ объ нихъ и когда пріѣдетъ въ Богданецъ? А Ягенка подробно отвѣчала ему на его вопросы, стараясь ободрить его и успокоить.

Она говорила, что аббатъ пріѣхалъ веселый и здоровый, съ большой свитой, среди которой, кромѣ вооруженныхъ юношей, было нѣсколько клериковъ и рибальтовъ, что онъ распѣваетъ съ Зыхомъ и съ удовольствіемъ слушаетъ не только духовныя, но и свѣтскія пѣсни. Она прибавила, что онъ очень заботливо разспрашивалъ о Мацько и съ любопытствомъ слушалъ разсказы Зыха о приключеніяхъ Збышко.

— Вы сами лучше другихъ знаете, что вамъ надо дѣлать,— сказала въ заключеніе умная дѣвушка,—но мнѣ кажется, что лучше всего было-бы, если бы Збышко сейчасъ-же поѣхалъ и поклонился старшему родственнику, не ожидая того, чтобы онъ первый пріѣхалъ въ Богданецъ.

Мацько согласился съ этимъ, а потому велѣлъ позвать Збышко и сказалъ ему:

— Одѣнься получше и поѣзжай поклониться аббату, окажи ему эту почесть, и заслужи его любовь.

Затѣмъ, обращаясь къ Ягенкѣ, онъ прибавилъ:

— Я не удивился-бы, если бы ты была глупа, на то ты женщина, но тому, что у тебя разумъ есть, я удивляюсь. Скажи мнѣ, какъ мнѣ лучше всего угостить аббата и чѣмъ его занять, когда онъ пріѣдетъ?

— Что касается ѣды, онъ самъ скажетъ, что ему надо; онъ любитъ хорошо поѣсть, но главное, чтобы было много шафрана, тогда онъ ничѣмъ не побрезгуетъ.

Услыхавъ это, Мацько схватился за голову:

— Гдѣ я ему шафрану достану?..

— Я привезла,—сказала Ягенка.

— Ахъ, если-бы дѣвушки были такія, какъ ты! — воскликнулъ обрадованный Мацько.—И глазамъ пріятно посмотрѣть, и хозяйка, и умная, и къ людямъ ласковая! Эхъ! если-бы я былъ молодъ—сейчасъ-бы взялъ тебя!..

При этомъ Ягенка украдкой взглянула на Збышко и, тихонько вздохнувъ, продолжала:

— Я привезла также кости, кубокъ и сукно, потому что онъ любитъ послѣ каждой ѣды поиграть въ кости.

— У него и прежде была эта привычка, но сердитый онъ въ это время бывалъ страшно.

— Сердитъ-то онъ и теперь бываетъ: схватитъ кубокъ, о землю броситъ и выскочитъ прочь изъ комнаты на улицу. Но потомъ возвращается, и самъ первый смѣется надъ своей вспышкой... Да вѣдь вы его знаете... Но только, если ему не противорѣчить, тогда лучшаго человѣка на всемъ свѣтѣ не найти.

— А кто-же станетъ ему противорѣчить, если и ума въ немъ больше, чѣмъ у другихъ людей.

Такъ они бесѣдовали между собой, въ то время какъ Збышко одѣвался въ спальнѣ. Онъ вышелъ оттуда такимъ красивымъ, что Ягенка была ослѣплена, также, какъ тогда, когда онъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Згоржелицы въ своей бѣлой шелковой курткѣ. Но теперь ее охватила глубокая грусть, при мысли о томъ, что эта красота его не для нея и что онъ любитъ другую. А Мацько былъ очень доволенъ, полагая что Збышко навѣрно понравится аббату и потому этотъ послѣдній не будетъ дѣлать затрудненій при разсчетахъ. Онъ такъ радовался при мысли объ этомъ, что рѣшилъ ѣхать вмѣстѣ съ Збышко.

— Вели приготовить мнѣ повозку,—сказалъ онъ Збышко—если я могъ ѣхать изъ Кракова въ Богданецъ съ наконечникомъ отъ стрѣлы между ребрами, такъ и теперь смогу доѣхать до Згоржелицъ безъ наконечника.

— Не повредило-бы вамъ это?—сказала Ягенка.

— Эхъ! ничего со мной не будетъ, потому что я чувствую въ себѣ силу. А если-бы даже это и повредило мнѣ немного, такъ аббатъ увидитъ, какъ я спѣшилъ къ нему и навѣрно будетъ болѣе щедрымъ.

— Мнѣ ваше здоровье дороже его щедрости!—откликнулся Збышко.

Но Мацько уперся и поставилъ на своемъ. По дорогѣ онъ немного стоналъ, но, однако, не переставалъ поучать Збышко, какъ онъ долженъ себя вести въ Згоржелицахъ, причемъ особенно настаивалъ на послушаніи и покорности могущественному родственнику, который никогда не выносилъ ни малѣйшаго противорѣчія.

По пріѣздѣ въ Згорженицы они застали Зыха и аббата на крыльцѣ, наслаждающихся прекрасной погодой и попивающихъ вино. За ними, у стѣны, сидѣли другъ противъ друга шесть человѣкъ изъ свиты, въ томъ числѣ два рибалта и одинъ пилигриммъ, котораго легко можно было узнать по загнутому посоху, по всей одеждѣ. Другіе походили на клириковъ, потому что головы ихъ были выбриты на маковкѣ, хотя одежда на нихъ была свѣтская, пояса изъ бычачей шкуры, а съ боку были мечи.

При видѣ Мацько, который ѣхалъ на повозкѣ, Зыхъ быстро всталъ, а аббатъ, очевидно соотвѣтственно своему высокому сану, остался на мѣстѣ и заговорилъ о чемъ-то со своими клириками, къ которымъ прибавилось еще нѣсколько человѣкъ, высыпавшихъ изъ дверей. Збышко и Зыхъ ввели подъ руки больного Мацько.

— Я еще немного нездоровъ,—сказалъ Мацько, цѣлую руку аббата,—но я пріѣхалъ для того, чтобы принести свою благодарность моему благодѣтелю и попросить благословенія, которое всего нужнѣе грѣшному человѣку.

— Я слышалъ, что вамъ лучше,—сказалъ аббатъ, обнимая его голову,—и что вы обѣщали поклониться гробу нашей покойной королевы.

— Я не зналъ, къ какому святому обратиться, а потому обратился къ ней!

— И хорошо сдѣлали!—съ запальчивостью воскликнулъ аббатъ:—она лучше другихъ: пусть-бы кто-нибудь изъ святыхъ попробовалъ соперничать съ нею!

И въ ту-же минуту лицо его исказилось гнѣвомъ, покраснѣло, глаза стали метать искры.

Всѣмъ присутствующимъ хорошо была извѣстна его запальчивость, а потому Зыхъ засмѣялся и воскликнулъ:

— Бей, кто въ Бога вѣруетъ!

Аббатъ громко пыхтѣлъ и бросалъ на всѣхъ присутствующихъ испытующій взглядъ, и также неожиданно расхохотался, какъ раньше разсердился и, взглянувъ на Збышко, спросилъ:

— А это вашъ племянникъ и мой родственникъ?

Збышко наклонился и поцѣловалъ руку.

— Я видалъ его ребенкомъ; теперь не узналъ-бы!—сказалъ аббатъ.—Покажись-ка.—И онъ сталъ оглядывать его съ ногъ до головы и, наконецъ, сказалъ:

— Слишкомъ красивъ! Это дѣвица, а не рыцарь.

— Пробовали нѣмцы танцовать съ этой дѣвицей, но кто ни сунется—тому и конецъ,—возразилъ Мацько.

— И тетиву безъ рукоятки натягивать можетъ!—неожиданно воскликнула Ягенка.

— А ты чего?—обратился къ ней аббатъ.

Она покраснѣла до самыхъ ушей и въ смущеніи отвѣчала:

— Я видѣла...

— Берегись, чтобы онъ какъ-нибудь не подстрѣлилъ тебя; пришлось бы долго лѣчиться...

Рибалты, пилигриммъ и клирики разразились громкимъ смѣхомъ, отчего Ягенка пришла въ такое смущеніе, что аббатъ сжалился надъ ней и, поднявъ руку, указалъ ей на широкій рукавъ своей одежды:

— Спрячься, дѣвочка,—сказалъ онъ,—а то кровь брызнетъ изъ твоихъ щекъ.

Тѣмъ временемъ Зыхъ усадилъ Мацько на скамейкѣ и велѣлъ принести вина, за которымъ побѣжала Ягенка. А аббатъ повернулся къ Збышко.

— Довольно шутить,—сказалъ онъ.—Я сравнилъ тебя съ дѣвушкой не для того, чтобы обидѣть тебя, а только потому, что я обратилъ вниманіе на твою красоту, которой могли бы позавидовать много дѣвушекъ, но я знаю, что ты молодецъ на славу! Я слышалъ о твоихъ дѣлахъ подъ Вильной и о Фризхъ, и о Краковѣ. Зыхъ о всемъ разсказалъ мнѣ—понимаешь!..

И онъ сталъ еще пытливѣе смотрѣть въ глаза Збышко и черезъ минуту снова заговорилъ:

— Если ты обѣщалъ добыть три шлема съ павлиньими перьями, такъ и добывай себѣ ихъ. Это похвальное и Богу угодное дѣло—преслѣдовать враговъ нашего народа... Но если ты поклялся еще въ чемъ-нибудь другомъ, то знай, что я могу освободить тебя отъ этихъ обѣтовъ, потому что имѣю на то власть.

— Эхъ!—сказалъ Збышко:—если человѣкъ обѣщалъ что-нибудь въ душѣ своей, то какая же власть можетъ освободить его отъ этого обѣта?

Услыхавъ это, Мацько со страхомъ взглянулъ на аббата, но тотъ, очевидно, былъ въ рѣдко прекрасномъ настроеніи духа, потому что вмѣсто того, чтобы разразиться гнѣвомъ, весело погрозилъ Збышко пальцемъ и сказалъ:

— Вотъ такъ мудрецъ! Смотри, чтобы не случилось съ тобой того, что съ нѣмцемъ Бейгардомъ.

— А что съ нимъ случилось?—спросилъ Зыхъ.

— Сожгли на кострѣ!

— За что?

— За то, что онъ говорилъ, что свѣтскій человѣкъ также можетъ постигнуть тайны Господа, какъ и духовное лицо.

— Строго же онъ былъ наказанъ!

— Но справедливо!—загремѣлъ аббатъ,—потому что онъ согрѣшилъ противъ Святого Духа. Что вы себѣ думаете! Развѣ можетъ свѣтскій человѣкъ постичь тайны Господа?

— Никакъ не можетъ! — откликнулись въ одинъ голосъ странствующіе клирики.

— А вы тамъ, гипильманы, тихо сидѣть!—сказалъ аббатъ,—вы не духовныя лица, хоть головы у васъ и бритыя!

— Мы уже не гипильманы и не бродяги, а придворные вашей милости,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, заглядывая въ большую чашу, отъ которой издалека слышенъ былъ запахъ солода и хмѣля.

— Взгляните!.. говоритъ точно изъ бочки,—закричалъ аббатъ.— Эй ты, лохматый! Чего ты загладываешь въ чашу? Латынь тамъ не найдешь!

— Я не латынь ищу, а пиво, котораго, впрочемъ, найти не могу.

Аббатъ обратился къ Збышко, который съ изумленіемъ глядѣлъ на этихъ придворныхъ, и сказалъ:

— Все это «clerici scholares», но каждый изъ нихъ охотно бросилъ бы книжки и взялся бы за лютню, чтобы съ ней таскаться по свѣту. Я ихъ пріютилъ и кормлю, — что же мнѣ дѣлать? Негодяи и бродяги истинные, но умѣютъ пѣть и немножко понюхали службы Господней, вотъ я и пользуюсь ими для костела, а въ крайнемъ случаѣ употреблю ихъ для обороны, потому что нѣкоторые изъ нихъ бѣдовые молодцы! Вотъ этотъ пилигриммъ увѣряетъ, что былъ въ Святой Землѣ, но разспрашивать его о какой-нибудь землѣ или о какомъ-нибудь морѣ— было бы совершенно напрасно, потому что онъ не знаетъ даже и того, какъ зовутъ греческаго императора и гдѣ онъ живетъ.

— Я зналъ это!—охрипшимъ голосомъ отвѣчалъ пилигриммъ,—но когда меня на Дунаѣ начала трясти лихорадка, такъ она все и вытрясла!

— Меня больше всего изумляютъ ихъ мечи!—сказалъ Збышко,— потому что я никогда не видалъ такихъ у странствующихъ клириковъ.

— Имъ это разрѣшается,—сказалъ аббатъ,—потому что они еще не посвящены, а что и я также сбоку мечъ ношу,—такъ нечего этому удивляться. Годъ тому назадъ я вызвалъ на поединокъ Волка изъ Бржозовой за тѣ лѣса, черезъ которые вы проѣзжали въ Богданецъ. Онъ не явился...

— Какъ же могъ онъ выступить противъ духовнаго? — прервалъ его Зыхъ.

Аббатъ вспылилъ и, ударивъ кулакомъ по столу, закричалъ:

— Когда я въ вооруженіи, я не ксендзъ, а шляхтичъ!.. А онъ не явился потому, что хотѣлъ напасть на меня ночью въ Тулчи. Вотъ зачѣмъ я ношу мечъ сбоку!.. «Omnes leges, omniaque iura vim vi repellere cunctisque sese defendere permittunt!» Вотъ зачѣмъ я имъ далъ мечи.

Смолкли Зыхъ, Мацько и Збышко, услыхавъ латынь, и склонили головы передъ мудростью аббата, потому что никто изъ нихъ не понялъ ни слова; а аббатъ еще нѣкоторое время бросалъ гнѣвные взгляды и, наконецъ, сказалъ:

— Кто его знаетъ, не нападетъ-ли онъ и здѣсь на меня?

— Ого! пусть только попробуетъ!—закричали странствующіе клирики, хватаясь за мечи.

— Пусть бы напалъ! И мнѣ уже скучно безъ драки.

— Онъ этого не сдѣлаетъ,—сказалъ Зыхъ,—а скорѣе пріѣдетъ съ поклономъ и миромъ. Онъ ужъ отказался отъ лѣсовъ, ему важенъ сынъ... Знаете!.. Но не дождаться ему этого!..

А тѣмъ временемъ аббатъ успокоился и сказалъ:

— Я видѣлъ молодого Волка, какъ онъ съ Чтаномъ изъ Роговой пилъ въ трактирѣ въ Кржеснѣ. Они насъ сразу не узнали, темно было—разговаривали о Ягенкѣ.

Тутъ онъ обратился къ Збышко:

— И о тебѣ.

— А что имъ надо отъ меня?

— Имъ отъ тебя ничего не надо, имъ не нравится только, что тутъ, по близости отъ Згоржелицъ, есть третій. Чтанъ и говоритъ Волку: «Какъ я вздую его, такъ онъ перестанетъ быть такимъ красивымъ». А Волкъ отвѣчаетъ: «Можетъ быть, онъ испугается насъ, а если нѣтъ, такъ я въ мигъ поломаю ему всѣ кости!» И они начали увѣрять другъ друга, что ты испугаешься.

Услыхавъ это, Мацько взглянулъ на Зыха, Зыхъ на Мацько и на лицахъ обоихъ появилась хитрая и веселая улыбка. Никто изъ нихъ не былъ увѣренъ въ томъ, дѣйствительно-ли аббатъ слышалъ подобный разговоръ или только выдумываетъ, чтобы подзадорить Збышко, но оба они и въ особенности Мацько, хорошо знавшій Збышко, нашли, что нѣтъ лучшаго способа, чтобы завлечь его Ягенкой.

А аббатъ, какъ бы умышленно, прибавилъ:

— И правда, это бѣдовые молодцы!..

Збышко ничего не сказалъ, и только неестественнымъ голосомъ сталъ разспрашивать Зыха:

— Завтра воскресенье!

— Воскресенье.

— Пойдете къ обѣднѣ?

— Ну да!
— Куда? въ Кржесню?
— Это ближе всего. Куда же намъ ѣхать?
— Ну, такъ и хорошо!

X.

Догнавъ Зыха и Ягенку, ѣдущихъ въ Кржесню въ обществѣ аббата и его клириковъ, Збышко присоединился къ нимъ, потому что ему важно было, чтобы аббатъ узналъ, что онъ не боится ни Чтана, ни Волка и не думаетъ прятаться отъ нихъ. Въ первую минуту его снова поразила красота Ягенки, потому что, хотя онъ и не разъ видѣлъ ее одѣтую по праздничному и въ Згоржелицахъ, и въ Богданцѣ, но никогда еще она не была такая нарядная, какъ теперь, когда они ѣхали въ костелъ. На ней было платье изъ краснаго сукна, обшитое горностаемъ, красныя перчатки и горностаевая шапочка, расшитая золотомъ, изъ подъ которой на плечи спускались двѣ косы. На лошади она сидѣла не по мужски, а на высокомъ сѣдлѣ съ спинкой и скамеечкой для ногъ, которыя едва виднѣлись изъ подъ длинныхъ и ровныхъ складокъ юбки. Зыху, который дома позволялъ ей одѣвать кожухъ и сапоги, пріятно было, чтобы въ костелѣ всякій зналъ, что пріѣхала дочь не какого нибудь захудалаго рыцаря, а дѣвица изъ зажиточнаго рыцарскаго дома, поэтому лошадь ея вели два мальчика, одѣтыхъ въ пышныя одежды, которыя обыкновенно носили пажи. Четыре придворныхъ ѣхали сзади, а вмѣстѣ съ ними клерики аббата, съ мечами и лютнями у пояса. Збышко дивился всей свитѣ, а въ особенности Ягенкѣ, похожей на картинку, и аббату, который въ своемъ красномъ облаченіи съ огромными рукавами, походилъ на какого-то странствующаго князя. Скромнѣе всѣхъ былъ одѣтъ самъ Зыхъ, который заботился о нарядѣ всѣхъ окружающихъ и котораго интересовали только веселье и пѣсни.

Аббатъ, Ягенка, Збышко и Зыхъ поѣхали въ рядъ. Сначала аббатъ своимъ гипильманамъ приказалъ пѣть духовныя пѣсни, но потомъ, когда онѣ надоѣли ему, онъ сталъ разговаривать съ Збышко, который съ улыбкой поглядывалъ на его тяжелый мечъ, который былъ не меньше нѣмецкихъ мечей.

— Я вижу,—сказалъ съ достоинствомъ аббатъ,— что ты удивляешься моему мечу, такъ знай, что синоды разрѣшаютъ духовнымъ употреблять въ путешествіи мечи, и даже балеты и каракульты. И кромѣ того, когда святой отецъ запрещалъ мечи и багряницу, такъ онъ навѣрное думалъ о людяхъ низшаго происхожденія, а шляхтичъ созданъ Богомъ для оружія и тотъ, кто захотѣлъ бы отнять его, тотъ навѣрно пошелъ бы противъ его предвѣчныхъ начертаній.

— Мазовецкій князь Генрихъ состязался въ турнирахъ,—отвѣчалъ Збышко.

— Не въ томъ вина его, что онъ состязался, а въ томъ, что женился, отвѣчалъ аббатъ, многозначительно поднимая палецъ,—а къ тому же несчастливо, такъ какъ онъ взялъ въ жены fornicariam и bibulam, которая съ молодыхъ лѣтъ, какъ говорится adorabat Bacchum и, кромѣ того, была еще adultera, что конечно не могло повести ни къ чему хорошему.

Онъ остановилъ лошадь и началъ поучать съ еще большей важностью.

— Кто хочетъ жениться, или выбрать себѣ жену, долженъ обратить вниманіе на то, чтобы она была богобоязненна, добронравна, хозяйственна и опрятна; такъ совѣтуютъ не только святые отцы церкви, но и одинъ языческій мудрецъ, по имени Сенека. А какъ же ты узнаешь, что попалъ вѣрно, если ты не знаешь гнѣзда, изъ котораго ты берешь себѣ подругу жизни? Другой мудрецъ говоритъ: pomuse nam cadit absque arboro... [1]) Каковъ волъ, такова и шкура, какова мать, такова и дочь.—Изъ всего этого слѣдуетъ, грѣшный человѣкъ, чте жену надо искать не за горами, а по близости, потому что если тебѣ попадется злая и легкомысленная, такъ не разъ съ ней наплачешься, какъ плакалъ тотъ философъ, которому сварливая жена вылила на голову aquam sordidam.

— In secula seculorum, amen! въ одинъ голосъ загремѣли странствующіе клирики, которые всегда такъ отвѣчали аббату, а потому не слишкомъ обращали вниманіе на то, соотвѣтствуетъ ли это смыслу его словъ.

Всѣ съ большимъ благоговѣніемъ слушали рѣчь аббата, изумляясь его начитанности и его краснорѣчію, а онъ дѣлалъ видъ, что обращается не столько къ Збышко, сколько къ Зыху и Ягенкѣ, какъ будто въ особенности ихъ желалъ наставить на путь истины. Но Ягенка очевидно поняла, въ чемъ дѣло, потому что съ любопытствомъ поглядывала изъ подъ своихъ длинныхъ рѣсницъ на Збышко, который нахмурилъ брови, опустилъ голову, какъ бы глубоко размышляя о всемъ томъ, что говворилъ аббатъ.

Скоро всѣ двинулись дальше, но уже въ полномъ молчаніи и только тогда, когда показалась Кржесня, аббатъ распустилъ себѣ поясъ, повернулъ его такъ, чтобы легко было схватиться за рукоятку меча и сказалъ:

— А старый Волкъ изъ Бржозовой пріѣдетъ должно быть съ большой свитой.

---

[1]) Яблочко отъ дерева не далеко падаетъ.

— Вѣроятно,—подтвердилъ Зыхъ,—но слуги говорили, что онъ захворалъ.

— А одинъ изъ моихъ клириковъ слышалъ, что онъ хочетъ напасть на насъ передъ трактиромъ, послѣ богослуженія.

— Не сдѣлаетъ онъ этого безъ вызова, а въ особенности послѣ святой обѣдни.

— Да образумитъ его Господь Богъ. Я ни съ кѣмъ не ищу войны и терпѣливо сношу обиды.

Тутъ онъ обратился къ своимъ клирикамъ и сказалъ:

— Не вынимайте мечей и не забывайте, что вы духовные слуги и только лишь, когда они первые нападутъ—тогда бросайтесь.

Збышко, ѣдучи рядомъ съ Ягенкой, со своей стороны расправшивалъ ее о дѣлѣ, которое его больше всего интересовало.

— Чтана и молодаго Волка мы непремѣнно застанемъ въ Кржеснѣ, говорилъ онъ.—Ты покажи мнѣ ихъ издалека, чтобы я могъ отличить ихъ отъ другихъ.

— Хорошо, Збышко,—отвѣчала Ягенка.

— Они навѣрно встрѣчаются съ тобой передъ обѣдней и посли обѣдни; чтоже они тогда дѣлаютъ?

— Прислуживаютъ мнѣ, какъ умѣютъ.

— Сегодня они не будутъ тебѣ прислуживать, понимаешь?

А она снова съ покорностью отвѣчала:

— Хорошо, Збышко.

Дальнѣйшій разговоръ ихъ былъ прерванъ ударами въ деревянные колотушки, такъ какъ колоколовъ въ Кржеснѣ еще не было. Черезъ минуту они пріѣхали. Изъ толпы, ожидающей начала обѣдни, сейчасъ же выдѣлились молодой Волкъ и Чтанъ, но Збышко предупредилъ ихъ. Соскочивъ съ лошади, прежде чѣмъ они успѣли добѣжать, и схвативъ Ягенку за талію, онъ снялъ ее съ сѣдла, послѣ чего взялъ за руку и, вызывающе поглядывая на нихъ, повелъ ее въ костелъ.

Въ преддверьѣ костела Волка и Чтана ожидала новая неудача. Они оба поспѣшили къ кропильницѣ и опустивъ туда руку, оба протянули ее къ дѣвушкѣ. Но тоже самое сдѣлалъ Збышко, а она коснулась его руки, перекрестилась и вмѣстѣ съ нимъ вошла въ костелъ. Тутъ ужъ не только молодой Волкъ, но и Чтанъ изъ Роговой, несмотря на то, что разумъ его былъ не великъ, поняли, что все это было сдѣлано умышленно и обоихъ охватило такое бѣшенство что у нихъ волосы начали дыбомъ подыматься подъ ихъ сѣточками. Они едва подавили въ себѣ это бѣшенство, и боясь наказанія Божьяго не хотѣли входить въ костелъ въ такомъ состояніи; Волкъ выскочилъ изъ костела и полетѣлъ какъ бѣшенный черезъ кладбище, между деревьевъ, не зная самъ куда. Чтанъ летѣлъ за нимъ. также не зная, что онъ дѣлаетъ.

Остановились они только на углу забора, у котораго лежали огромные камни, приготовленные для фундамента колокольни, которую намѣревались строить въ Кржеснѣ. Тамъ Волкъ, желая выместить на чемъ-нибудь свою злобу, которая давила ему грудь и подступала къ горлу схватилъ одинъ изъ камней и сталъ имъ потрясать изо всѣхъ силъ. Видя это, Чтанъ сдѣлалъ тоже, и оба они бѣшено покатили по кладбищу огромные камни къ самымъ костельнымъ вратамъ. Люди съ изумленіемъ глядѣли на нихъ, полагая, должно быть, что они дали какую-нибудь клятву и что они желаютъ такимъ образомъ принять участіе въ построеніи колокольни. Но ихъ обоихъ это усиліе очень успокоило, такъ что они оба пришли въ себя и только поблѣднѣли отъ напряженія, тяжело дышали и неувѣренно поглядывали другъ на друга.

Первый прервалъ молчаніе Чтанъ изъ Роговой:

— Ну что же?—спросилъ онъ.

— А что? отвѣчалъ Волкъ.

— Сейчасъ же, что ли, нападемъ на него?

— Не въ костелѣ, а послѣ обѣдни. Онъ съ Зыхомъ и аббатомъ. А ты помнишь, что говорилъ Зыхъ: что если произойдетъ драка, такъ онъ обоихъ насъ выгонитъ изъ Згоржелицъ. Если бы не это—я ужъ давно поломалъ бы тебѣ ребра.

— Или я тебѣ,—отвѣчалъ Чтанъ, сжимая свои огромные кулаки.

И глаза ихъ зловѣще засверкали, но они сейчасъ же опамятовались и вспомнили, что теперь больше чѣмъ когда бы то ни было имъ необходимо полное согласіе. Не разъ ужъ приходилось имъ драться другъ съ другомъ, но они всегда мирились послѣ битвы, потому что ихъ хотя и раздѣляла любовь къ Ягенкѣ, но тѣмъ не менѣе они не могли жить другъ безъ друга и всегда тосковали, когда были не вмѣстѣ. Теперь же у нихъ былъ одинъ общій врагъ и они оба чувствовали, что онъ силенъ и опасенъ.

— Что дѣлать? спросилъ наконецъ Чтанъ—не послать ли ему вызовъ въ Богданецъ?

Волкъ, который былъ умнѣе его, теперь однако тоже не зналъ, что ему дѣлать. На его счастье, раздался стукъ въ колотушки, что было признакомъ начала богослуженія.

— Что дѣлать? сказалъ онъ,—надо идти къ обѣднѣ, а потомъ—что Богъ дастъ!

Этотъ разумный отвѣтъ очень понравился Чтану изъ Роговой.

— Можетъ быть Господь Іисусъ Христосъ вдохновитъ насъ!—сказалъ онъ.

— И благословитъ,—сказалъ Волкъ.

— И это будетъ справедливо. Они вошли въ костелъ и, набожно прослушавъ богослуженіе, пріободрились и не потеряли даже присутствія

духа тогда, когда при выходѣ Ягенка снова приняла изъ руки Збышка святую воду. На кладбищѣ, у воротъ, они преклонили колѣна передъ Зыхомъ, Ягенкой и аббатомъ, хотя онъ и былъ врагомъ стараго Волка изъ Бржозовой. Правда, на Збышко они поглядывали исподлобья, но ни одинъ изъ нихъ не промолвилъ ни слова, хотя у обоихъ сердце сжималось отъ боли, гнѣва и зависти, потому что Ягенка никогда еще не казалась имъ такой прекрасной и такой величественной, какъ сегодня. И только когда торжественное шествіе тронулось въ путь и когда издалека до ихъ слуха долетѣли звуки веселой пѣсни клириковъ. Чтанъ сталъ вытирать потъ со своихъ щекъ, обросшихъ бородой, и фыркать, какъ лошадь, а Волкъ, скрежеща зубами, проговорилъ:

— Въ трактиръ! въ трактиръ! горе мнѣ!.. И вспомнивъ, что именно принесло имъ облегченіе, они снова схватили камни и перетащили ихъ на прежнее мѣсто. Збышко ѣхалъ рядомъ съ Ягенкой, слушая пѣсни клириковъ, но когда они отъѣхали нѣсколько сотъ сажень, онъ вдругъ остановилъ лошадь и сказалъ:

— Да! я вѣдь долженъ былъ заказать обѣдню за здравіе дяди забылъ—я возвращусь.

— Не возвращайся!—закричала Ягенка:—мы пошлемъ изъ Згоржелицъ.

— Нѣтъ—вернусь, но вы не ждите меня. Съ Богомъ!

— Съ Богомъ! сказалъ аббатъ—поѣзжай!

И лицо его прояснилось, а когда Збышко исчезъ изъ глазъ, онъ чуть-чуть толкнулъ Зыха и сказалъ:

— Понимаете!

— Что мнѣ понимать?

— Онъ подерется въ Кржеснѣ съ Волкомъ и Чтаномъ, какъ Богъ святъ! Но я этого то и хотѣлъ, и къ тому все дѣло и велъ.

— Это здоровые парни! Еще ранятъ его... и что отъ этого?

— Какъ, что отъ этого? Если онъ подерется за Ягенку, какъ-же онъ потомъ будетъ думать объ этой дочери Юранда? Съ этой минуты его королевой будетъ Ягенка, а не та! Этого-то я и хочу, потому что это мой родственникъ и понравился мнѣ.

— Да! а обѣтъ?

— Я освобожу его отъ этого обѣта. Развѣ вы не слышали, что я ужъ обѣщалъ ему это.

— Вашъ умъ даетъ на все совѣтъ!—отвѣчалъ Зыхъ.

Аббату понравилась похвала, онъ приблизился къ Ягенкѣ и спросилъ:

— А ты чего такая озабоченная?

Она наклонилась съ сѣдла и, схвативъ аббата за руку, поднесла ее къ губамъ и сказала:

— Крестный, а можетъ быть вы послали-бы двухъ трехъ клириковъ въ Кржесню?

— Зачѣмъ? Они только перепьются въ трактирѣ.

— Но можетъ быть они помѣшаютъ тамъ какой-нибудь ссорѣ.

Аббатъ внимательно посмотрѣлъ ей въ глаза и вдругъ сурово сказалъ:

— А если-бы его тамъ и убили!

— Такъ пусть и меня убьютъ! воскликнула Ягенка.

И вся горечь, которая накопилась у нея въ груди со времени разговора съ Збышко, теперь вырвалось вдругъ цѣлымъ потокомъ слезъ. Увидя это, аббатъ обнялъ дѣвушку, такъ что почти закрылъ ее своимъ широкимъ рукавомъ, и заговорилъ:

— Не бойся, дочка, ничего не бойся! Конечно, можетъ быть, и будетъ ссора, но вѣдь и тѣ принадлежатъ къ шляхтѣ, и потому вдвоемъ не нападутъ на него, а вызовутъ его на поле, а ужъ тамъ онъ самъ справится, если-бы даже ему пришлось драться сразу съ обоими. А что касается дочери Юранда, о которой ты слышала, такъ я тебѣ вотъ что скажу: ни въ одномъ лѣсу не ростетъ еще дерево для ея брачнаго ложа.

— Если она милѣе ему, такъ и онъ мнѣ ни къ чему, — сквозь слезы проговорила Ягенка.

— Чего-же ты хнычешь?

— Я боюсь за него.

— Вотъ тебѣ бабій разумъ!—сказалъ аббатъ, смѣясь. И склонясь къ самому уху Ягенки онъ заговорилъ:

— Подумай,—дѣвочка, если даже онъ и возьметъ тебя, такъ ему всетаки не разъ придется драться, на то онъ шляхтичъ!—и склонившись еще ниже, прибавилъ:—А что онъ возьметъ тебя и даже очень скоро—это такъ-же вѣрно, какъ то, что на небѣ есть Богъ!

— Чего-бы ему брать меня?—отвѣчала Ягенка.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ она сквозь слезы начала улыбаться и поглядывала на аббата, какъ-бы желая спросить его: — откуда онъ все это знаетъ?

Тѣмъ временемъ Збышко, возвратившись въ Кржесню, проѣхалъ прямо къ ксендзу, потому что дѣйствительно хотѣлъ заказать обѣдню за здравіе Мацька, и только послѣ этого отправился въ трактиръ, въ которомъ онъ надѣялся найти Волка изъ Бржозовой и Чтана изъ Роговой.

И дѣйствительно онъ засталъ ихъ обоихъ и, кромѣ того, много народу—и шляхтичей, и крестьянъ, и нѣсколько фокусниковъ, показывающихъ различныя нѣмецкія штуки. Въ первую минуту онъ никого не могъ узнать, потому что окна изъ воловьихъ пузырей пропускали мало свѣта и только, когда слуга подкинулъ въ печь нѣсколько сосновыхъ щепокъ, онъ увидѣлъ въ углу за ковшомъ пива волосатую рожу Чтана и сердитое лицо Волка.

Онъ медленно направился къ нимъ, расталкивая на своемъ пути людей, и дойдя до нихъ такъ ударилъ кулакомъ по столу, что весь трактиръ вздрогнулъ.

А они тотчасъ-же поднялись и поспѣшно схватились за кожаные пояса, но прежде чѣмъ они успѣли взяться за мечи, Збышко бросилъ на столъ перчатку и проговорилъ въ носъ, какъ обыкновенно дѣлали рыцари при вызовѣ, слѣдующую совершенно неожиданную для всѣхъ рѣчь:

— Если-бы кто либо изъ васъ двухъ, или изъ другихъ рыцарей, находящихся здѣсь дерзнулъ оспаривать, что самая прекрасная и самая добродѣтельная дѣвица на свѣтѣ есть панна Данута, дочь Юранда изъ Спыхова,—того я вызываю на поединокъ коннымъ или пѣшимъ, до перваго паденія или до послѣдняго издыханія.

И Чтанъ, и Волкъ были поражены этими словами, какъ поразился-бы и аббатъ, если-бы услышалъ что-нибудь подобное — и нѣкоторое время ни одинъ изъ нихъ не въ силахъ былъ проговорить ни слова: «Что это за дѣвица?» Вѣдь для нихъ была важна Ягенка, а не она, чего же онъ хочетъ отъ нихъ? Зачѣмъ разсердилъ ихъ у костела? Зачѣмъ пришелъ сюда и зачѣмъ ищетъ ссоры? Отъ всѣхъ этихъ вопросовъ и нихъ въ головѣ произошла такая каша, что они только широко открылу рты, а Чтанъ даже вытаращилъ глаза, какъ будто у него передъ глазами былъ не человѣкъ, а какое-то нѣмецкое чудовище.

Но болѣе быстрый Волкъ, который зналъ немного рыцарскіе обычаи и который слыхалъ, что рыцари, часто, прислуживая одной дамѣ, другую берутъ себѣ въ жены и что въ данномъ случаѣ это можетъ быть такъ и есть, и что не слѣдуетъ упускать такой случай вступиться за Ягенку, закричалъ, выступая изъ-за стола и приблизивши свое зловѣщее лицо къ Збышко:

— Какъ такъ? песье отродье, значитъ по твоему не Ягенка дочь Зыха лучше всѣхъ?

За нимъ выдвинулся Чтанъ, а всѣ присутствующіе окружили ихъ, потому что всѣмъ было уже ясно, что это дѣло не кончится пустяками.

XI.

Возвратившись домой, Ягенка тотчасъ же выслала слугу въ Кржесню, чтобы узнать, не произошла ли какая-нибудь ссора въ трактирѣ или не вызвалъ ли кто-нибудь на поединокъ. Но слуга, получивъ на дорогу скойцъ, запьянствовалъ съ слугами князя и не думалъ даже о возвращеніи. А другой, посланный въ Богданецъ съ тѣмъ, чтобы тамъ оповѣстить Мацько о пріѣздѣ аббата, возвратился, исполнивъ порученіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ, что онъ видѣлъ Збышко играющимъ въ кости съ старымъ помѣщикомъ.

Это отчасти успокоило Ягенку. Зная опытность и ловкость Збышко, она не столько боялась вызова, сколько какого-нибудь неожиданнаго приключенія въ корчмѣ. Ей хотѣлось вмѣстѣ съ аббатомъ поѣхать въ Богданецъ, но онъ воспротивился этому, такъ какъ имѣлъ намѣреніе переговорить съ Мацько о залогѣ и кромѣ того еще объ одномъ болѣе важномъ дѣлѣ, при которомъ онъ не хотѣлъ, чтобы Ягенка была свидѣтельницей.

Кромѣ того, онъ собирался провести тамъ ночь. Узнавъ о благополучномъ возвращеніи Збышко, аббатъ пришелъ въ необыкновенно хорошее расположеніе духа и велѣлъ клирикамъ такъ громко пѣть и кричать, что весь лѣсъ задрожалъ отъ этихъ пѣсней, а въ самомъ Богданцѣ кметы выбѣжали изъ своихъ избъ, чтобы поглядѣть, не горитъ ли гдѣ-нибудь или не подступилъ ли непріятель. Но пилигримъ, съ кривой loga, ѣдущей впереди, успокаивалъ ихъ, говоря, что это ѣдетъ духовное лицо высокаго сана. Крестьяне кланялись и нѣкоторые даже крестились; а аббатъ, видя, какъ его уважаютъ, ѣхалъ веселый, довольный всѣмъ свѣтомъ и преисполненный добрыхъ чувствъ ко всѣмъ людямъ.

Мацько и Збышко, услышавъ крики и пѣсни, вышли къ самымъ воротамъ для встрѣчи аббата. Нѣкоторые изъ клириковъ бывали уже съ нимъ въ Богданцѣ, но были и такіе, которые только недавно присоединились къ этому обществу и никогда еще не видали его. У этихъ послѣднихъ сердце упало при видѣ жалкаго дома, котораго даже нельзя было сравнивать съ обширнымъ згоржелицкимъ домомъ, но ихъ нѣсколько утѣшалъ видъ дыма, выходящаго изъ соломенной крыши дома, и они окончательно успокоились, когда, войдя въ домъ, они почувствовали запахъ шафрана и различныхъ яствъ и увидали два стола, правда, еще пустыхъ, но такихъ огромныхъ, что при одномъ видѣ ихъ всякій человѣкъ долженъ былъ успокоиться. На маленькомъ столѣ блестѣла серебряная миска, приготовленная для аббата, и такой-же кубокъ чудесной рѣзьбы,—обѣ были взяты, въ числѣ другихъ вещей у фризовъ.

Мацько и Збышко сейчасъ же стали приглашать къ столу, но аббатъ, который передъ отъѣздомъ изъ Згоржелицъ хорошо поѣлъ, отказался, тѣмъ болѣе, что теперь его занимало нѣчто совсѣмъ другое. Съ первой минуты своего пріѣзда онъ внимательно и вмѣстѣ съ тѣмъ безпокойно поглядывалъ на Збышко, какъ бы желая увидѣть на немъ слѣды драки, но видя спокойное лицо юноши, онъ очевидно волновался и, наконецъ, уже не въ силахъ былъ сдержать свое любопытство.

— Пойдемъ въ спальню,—сказалъ онъ,—мы поговоримъ о закладѣ; не противорѣчьте, иначе я разсержусь.

Тутъ онъ обратился къ клирикамъ и загремѣлъ:

— А вы! тихо сидѣть и не подслушивать у дверей!

Сказавъ это, онъ отворилъ двери въ комнатку, въ которой онъ

едва могъ помѣститься, и вошелъ туда, а за нимъ вошли Мацько и Збышко. Тамъ, усѣвшись на сундукѣ, аббатъ обратился къ молодому рыцарю:

— Ты возвращался назадъ въ Кржесню?

— Да.

— Ну и что-жъ?

— Подалъ на обѣдню, за здоровье дяди и только.

Аббатъ нетерпѣливо заворочался на сундукѣ.

«Ага... подумалъ онъ,—онъ не дрался ни съ Чтаномъ, ни съ Волкомъ, можетъ быть, онъ не искалъ ихъ. Я ошибся!»

Онъ разсердился на то, что ошибся, что разсчеты его рушились, лицо его покраснѣло и онъ началъ пыхтѣть.

— Поговоримъ о залогѣ!—сказалъ онъ черезъ минуту.—Есть у васъ деньги?.. Если нѣтъ, то земля моя...

Мацько, который зналъ, какъ поступать съ нимъ, молча поднялся съ мѣста, открылъ сундукъ, на которомъ сидѣлъ, вынулъ оттуда очевидно приготовленный мѣшокъ съ деньгами и сказалъ:

— Мы люди бѣдные, но деньги у насъ есть, и что надлежитъ, то мы и платимъ, что стоитъ въ «листѣ» и что я самъ закрѣпилъ знакомъ святого креста. Если вы пожелаете еще доплаты за хорошее хозяйство—такъ и тогда мы не станемъ спорить, а заплатимъ, что вы прикажете, и поклонимся вамъ, нашему благодѣтелю, въ ноги.

Сказавъ это, онъ наклонился къ колѣнамъ аббата, и за нимъ тоже самое сдѣлалъ и Збышко. Аббатъ, который ждалъ споровъ и торговли, былъ сильно озадаченъ этимъ поведеніемъ и даже несовсѣмъ доволенъ, такъ какъ во время торговли онъ намѣревался поставить свои условія, а теперь возможность этого исчезла.

И, возвращая «запись» или залоговой листъ, на которомъ въ видѣ креста была подпись Мацько, онъ сказалъ:

— Что вы мнѣ тутъ говорите о доплатѣ?

— Я не хочу брать даромъ,—хитро отвѣчалъ Мацько, зная, что чѣмъ больше онъ будетъ упрямиться въ этомъ отношеніи, тѣмъ больше выиграетъ.

Дѣйствительно, аббатъ вскипѣлъ въ одну минуту:

— Видите-ли! Они не хотятъ брать даромъ отъ родственниковъ! Я не бралъ пустого мѣста и не отдаю пустого мѣста, а если я захочу этимъ мѣшкомъ швырнуть, такъ и швырну!

— Вы не сдѣлаете этого!—воскликнулъ Мацько.

— Не сдѣлаю! Вотъ мнѣ вашъ залогъ! вотъ мнѣ ваши гривны! Далъ, потому что это моя добрая воля, а захотѣлъ-бы, такъ и на дорогѣ оставилъ-бы; это не ваше дѣло! Вотъ что я сдѣлаю!..

Сказавъ это, онъ схватилъ мѣшокъ за завязки и швырнулъ его на полъ такъ, что онъ лопнулъ и деньги просыпались.

— Да вознаградитъ васъ Господь! Да вознаградитъ васъ Богъ, отецъ и благодѣтель!—сталъ восклицать Мацько, который только и ждалъ этой минуты.—Отъ другого я не взялъ-бы, но отъ родственника, да еще и духовнаго, возьму!..

Аббатъ еще нѣкоторое время грозно смотрѣлъ то на него, то на Збышко и, наконецъ, сказалъ:

— Я, хоть и сержусь, но знаю, что дѣлаю! Держите, что получили, потому что, заранѣе говорю вамъ, больше вы отъ меня не получите ни единаго скойца.

— Мы и этого не ожидали!

— Но знайте, что все, что останется послѣ меня, получитъ Ягенка.

— И землю?—наивно спросилъ Мацько.

— И землю!—загремѣлъ аббатъ.

У Мацько вытянулось лицо, но онъ овладѣлъ собой и сказалъ:

— Эхъ! зачѣмъ говорить о смерти? Да пошлетъ вамъ Господь сто лѣтъ жизни или еще больше и, кромѣ того, хорошее епископство!

— А хоть-бы и такъ? развѣ я хуже другихъ?—отвѣчалъ аббатъ.

— Не хуже, а лучше.

Эти слова успокоительно подѣйствовали на аббата, такъ какъ, вообще, его гнѣвъ продолжался не долго.

— Вы мои родственники,—сказалъ онъ,—а она только крестница, но я и ее, и Зыха люблю съ давнихъ поръ. Нѣтъ на свѣтѣ лучшаго человѣка, чѣмъ Зыхъ. И лучшей дѣвушки, чѣмъ Ягенка, тоже нѣтъ! Можетъ-ли кто-нибудь сказать что-нибудь противъ нихъ?

И онъ обвелъ всѣхъ испытующимъ взглядомъ, но Мацько не только не перечилъ, но торопливо подтвердилъ, что лучшаго сосѣда не найти во всемъ королевствѣ!

— А что касается дѣвушки,—сказалъ онъ,—такъ я родную дочку не могъ-бы больше любить, чѣмъ ее. По ея милости я выздоровѣлъ и этого я не забуду ей до самой смерти.

— Вы оба будете прокляты, если забудете,—сказалъ аббатъ—и я первый прокляну васъ за это. Я не хочу обижать васъ, потому что вы мои родственники, и потому я придумалъ способъ, чтобы то, что останется послѣ моей смерти было-бы и Ягенки и ваше, понимаете?

— Дай Господи, чтобы это такъ и случилось!—отвѣчалъ Мацько.—Боже мой, пѣшкомъ-бы пошелъ отъ гроба королевы въ самый Краковъ на Лысую гору, чтобы поклониться древу Святого Креста!

Аббату понравилась искренность, съ которой говорилъ Мацько; онъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Дѣвушка имѣетъ право привередничать: она и красива, и приданое у нее хорошее, и родъ ея знатный. Что для нея Чтанъ или Волкъ, если ей и воеводы сынъ подъ пару. Но если-бы я, говорю между прочимъ, посваталъ ей кого-нибудь, такъ она сейчасъ-же пошла-бы за него, потому что она любитъ меня и знаетъ, что дурного я ей не посовѣтую...

— Хорошо будетъ тому, кого вы посватаете!—сказалъ Мацько.

Но аббатъ обратился къ Збышко.

— Ну, а ты что?

— Я думаю такъ-же, какъ и дядя.

Лицо аббата прояснилось еще больше: онъ хлопнулъ Збышко рукой по спинѣ, такъ что въ каморкѣ загудѣло, и спросилъ:

— Отчего ты въ костелѣ не подпустилъ ни Чтана, ни Волка?... что?

— Чтобы они не вообразили, что я боюсь ихъ, и чтобы и вы не думали того-же.

— Но ты и святую воду подалъ ей?

— Ну да, подалъ.

Аббатъ еще разъ хлопнулъ его.

— Такъ... такъ бери-же ее.

— Бери ее!—какъ эхо повторилъ Мацько.

Збышко заправилъ волосы подъ сѣтку и спокойно отвѣчалъ:

— Какъ-же мнѣ ее брать, если я въ Твенцѣ предъ алтаремъ поклялся въ вѣрности Данусѣ, дочери Юранда?

— Ты поклялся добыть ей шлемы съ павлиньими перьями, такъ ихъ и ищи, а Ягенку бери теперь-же.

— Нѣтъ—отвѣчалъ Збышко,—потомъ, когда она накрыла меня платкомъ, я поклялся взять ее въ жены.

Лицо аббата начало наливаться кровью, уши посинѣли, а глаза выкатились изъ орбитъ: онъ приблизился къ Збышко и проговорилъ гнѣвнымъ, но сдержаннымъ голосомъ:

— Твои слова шелуха, и я вѣтеръ—понимаешь? Вотъ!

И онъ такъ дунулъ, что даже сѣтка слетѣла съ головы Збышко и волосы въ безпорядкѣ разсыпались по его плечамъ. Збышко сдвинулъ брови и, смотря аббату прямо въ глаза, сказалъ:

— Въ моей клятвѣ—замѣшана моя честь, а свою честь я охраняю самъ!

Услыхавъ это, аббатъ, не привыкшій къ противорѣчіямъ, сталъ такъ задыхаться, что съ минуту не могъ произнести ни слова. Наступило зловѣщее молчаніе, которое, наконецъ, прервалъ Мацько:

— Збышко!—воскликнулъ онъ,—опомнись! что съ тобой?

Тѣмъ временемъ аббатъ поднялъ руку и, указывая на молодого человѣка, сталъ кричать:

— Что съ нимъ? я знаю, что съ нимъ. У него душа не рыцарская и не шляхетская, а заячья! То и есть, что онъ боится Чтана и Волка!

А Збышко, который ни на минуту не утратилъ хладнокровія, небрежно пожалъ плечами и отвѣчалъ:

— Ого! я имъ обоимъ головы поразбивалъ въ Кржеснѣ.

— Побойся Бога! —закричалъ Мацько.

Аббатъ нѣкоторое время, вытаращивъ глаза, глядѣлъ на Збышко. Гнѣвъ боролся въ немъ съ изумленіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ быстрый умъ его подсказывалъ ему, что эта драка съ Волкомъ и Чтаномъ можетъ послужить ему на пользу.

Поэтому, успокоившись нѣсколько, онъ крикнулъ Збышко:

— Чего-же ты молчалъ?

— Потому что мнѣ стыдно было. Я думалъ, что они вызовутъ меня, какъ подобаетъ рыцарямъ, на борьбу конную или пѣшую, но это разбойники, а не рыцари. Волкъ первый оторвалъ доску отъ стола, Чтанъ оторвалъ другую и оба на меня. Такъ что-же мнѣ было дѣлать? Я тоже схватилъ скамейку ну... и знаете...

— Живы-ли они?—спросилъ Мацько.

— Живы, ихъ только ошеломило. Но они еще при мнѣ стали дышать.

Аббатъ слушалъ, теръ лобъ, потомъ вдругъ поднялся съ сундука, на который, было, присѣлъ, для того, чтобы собраться съ мыслями, и закричалъ:

— Подожди!.. теперь я тебѣ что-то скажу!

— Что-же вы скажете?—спросилъ Збышко.

— Скажу я тебѣ вотъ что: если ты дрался за Ягенку и за нее людямъ головы разбилъ, такъ ты ек рыцарь на самомъ дѣлѣ, а ни чей иной, и долженъ взять ее.

Сказавъ это, онъ подбоченился и сталъ торжествующе глядѣть на Збышко, но этотъ только усмѣхнулся и сказалъ:

— Эхъ! я хорошо понимаю, зачѣмъ вы хотѣли напустить меня на нихъ, но это вамъ совершенно не удалось.

— Отчего не удалось?... скажи!

— Оттого, что я предложилъ имъ подтвердить, что самая прекрасная и самая добродѣтельная дѣвушка,—это Дануся, дочь Юранда, а они, конечно, говорили, что Ягенка, а изъ-за этого-то и произошла драка.

Услыхавъ это, аббатъ нѣкоторое время постоялъ на мѣстѣ, какъ окаменѣвшій; и только по морганію глазъ можно было видѣть, что онъ еще живъ. Онъ вдругъ повернулся, вышибъ ногою дверь, вскочилъ въ

комнату, выхватилъ изъ рукъ пилигриммовъ кривую палку и началъ бить своихъ шпильмановъ, рыча какъ раненый туръ.

— На коней, скоморохи! На коней, басурмане! Ноги моей не будетъ въ этомъ домѣ! На коней, кто въ Бога вѣруетъ! на коней!..

И выбивъ еще одну дверь, онъ выскочилъ на дворъ, а испуганные клирики выбѣжали за нимъ. И всѣ, гуртомъ, бросились къ сараю, гдѣ сейчасъ-же начали сѣдлать лошадей. Напрасно Мацько погнался за аббатомъ, напрасно просилъ, умолялъ, клялся, что онъ не виноватъ—ничто не помогло. Аббатъ ругался, проклиналъ домъ, людей, поля, а когда ему подали лошадь, онъ безъ стремени вскочилъ на нее и съ мѣста вскачь пустился, съ развѣвающимися отъ вѣтра рукавами, похожій на огромную красную птицу. Клирики въ страхѣ летѣли за нимъ, какъ стадо, которое поспѣваетъ за пастухомъ. Мацько нѣкоторое время глядѣлъ имъ вслѣдъ, пока они не исчезли въ лѣсу, потомъ медленно пошелъ въ домъ и мрачно покачивая головой, обратился къ Збышко:

— Натворилъ ты добра...

— Всего этого не случилось-бы, если-бы я уѣхалъ раньше, а не поѣхалъ я изъ-за васъ.

— Какъ изъ-за меня?

— Потому что я не хотѣлъ оставлять васъ больнымъ.

— Теперь что будетъ?

— А теперь поѣду.

— Куда?

— Въ Мазовію, къ Данусѣ... поѣду къ нѣмцамъ искать шлемовъ съ павлиньими перьями.

Мацько помолчалъ мгновеніе, потомъ сказалъ:

— «Запись»-то онъ отдалъ, но залогъ цѣлъ и въ судебной книгѣ записанъ. Теперь аббатъ не проститъ намъ ни скойца.

— Такъ пусть не прощаетъ. У васъ деньги есть, а мнѣ на дорогу не надо. Меня всякій приметъ и дастъ лошадямъ поѣсть, а лишь-бы на мнѣ былъ панцырь, и мечъ въ рукѣ—мнѣ больше ничего и не надо.

Задумался Мацько и сталъ взвѣшивать все, что произошло. Ничто не дѣлалось такъ, какъ онъ этого хотѣлъ. Онъ такъ желалъ, чтобы Збышко женился на Ягенкѣ; но теперь онъ понялъ, что изъ этой муки хлѣба не будетъ; и въ виду гнѣва аббата, въ виду Зыха и Ягенки, наконецъ, въ виду драки съ Чтаномъ и Волкомъ, лучше было, чтобы Збышко уѣхалъ, для того, чтобы избѣгнуть новыхъ бѣдъ и ссоръ.

— Эхъ!—сказалъ онъ наконецъ,—все равно тебѣ надо искать шлемовъ съ павлиньими перьями, такъ ужъ поѣзжай если ничего другого сдѣлать нельзя. Пусть на все будетъ воля Божья... Но мнѣ надо сей-

часъ-же ѣхать въ Згоржелицы; можетъ быть я какъ-нибудь уломаю аббата и Зыха... Мнѣ въ особенности жаль Зыха.

При этомъ онъ посмотрѣлъ въ глаза Збышко и вдругъ спросилъ:

— А тебѣ Ягенку не жаль?

— Да пошлетъ ей Господь Богъ здоровье и счастье!—отвѣчалъ Збышко.

Конецъ 2-й части.

Сонетъ.

Надъ моремъ тишина. Вблизи и въ отдаленьи,
Передъ угрозой тьмы забывъ раздоръ дневной,
Слилась пустыня водъ съ воздушною волной
Въ объятьи голубомъ, въ безбрежномъ сновидѣньи.

И столько кротости въ ихъ позднемъ примиреньи,
Что берегъ побѣжденъ небесной тишиной,
И скалы замерли надъ синей глубиной,
Какъ эхо грустныхъ словъ, поющихъ о забвеньи.

И вотъ зажглась звѣзда. Быть можетъ, тамъ вдали
Она окружена немолчнымъ ураганомъ,
Но, раздѣленная воздушнымъ океаномъ,
Она—лишь робкій лучъ для дремлющей земли,
Лишь предвечерній знакъ, лишь нѣжное мерцанье,
Надъ темной тишиной лучистое молчанье.

---

* * *

Передъ луною равнодушной,
Одѣтой въ радужный туманъ,
Въ отлива часъ волной послушной,
Прощаясь, плакалъ океанъ.

Но въ безднахъ ночи онѣмѣвшей
Тонулъ безслѣдно плачъ валовъ,
Какъ тонетъ гулъ житейскихъ словъ
Въ душѣ свободной и прозрѣвшей.

Н. Минскій.

Въ поискахъ за Леонардо-да-Винчи.

Набросокъ четвертый.

Патетическія разсужденія стараго энтузіаста о Джіокондѣ не переставали волновать меня втеченіе нѣсколькихъ дней. За это время мы видѣлись довольно мало, почти не вступали въ сложныя бесѣды объ искусствѣ и только за обѣденнымъ столомъ, иногда, перебрасывались случайными замѣчаніями, въ которыхъ сквозило прежнее настроеніе. Юноша казался блѣднѣе и грустнѣе обыкновеннаго. Своими большими и ясными глазами онъ глядѣлъ на старика, иногда улыбался какою-то мечтательною улыбкой и разсѣянно смотрѣлъ на окружающихъ. Послѣ обѣда я разставался съ моими новыми друзьями, предоставляя ихъ другъ другу, и уходилъ гулять. Взбираясь на горы, по безлюднымъ дорожкамъ, я не переставалъ думать о Леонардо-да-Винчи. Какъ нѣкогда, стоя передъ Джіокондою, я не могъ уловить ея человѣческой натуры, такъ теперь я не былъ въ силахъ возсоздать въ душѣ цѣльный образъ ея творца, этого загадочнаго художника. Иногда мнѣ думалось, что я близко подхожу къ нему въ мысляхъ о великой эпохѣ ренессанса. Что-то мелькало передъ глазами—отрывочныя, разрозненныя черты, отдѣльныя психическія подробности, живыя и понятныя современному человѣку. Но среди логическихъ догадокъ и напряженнаго умственнаго созерцанія незамѣтно собирались разные противорѣчивые матеріалы и разрушали складывающійся въ представленіи образъ. Загадки, ученыя загадки, толпились со всѣхъ сторонъ, историческая монограмма, подъ именемъ Леонардо-да-Винчи, становилась все болѣе запутанной.

Одна мысль особенно занимала меня: могъ-ли Леонардо-да-Винчи, съ его сложными энциклопедическими знаніями, не слитыми въ цѣльномъ настроеніи, создать живописными средствами новую красоту по сравненію съ образцами старой классической красоты? Имѣлъ-

ли въ себѣ этотъ художникъ силы, которыя нужны для того. чтобы понимать богоматерь—не Венеру, съ ея чувственной красотой и чувственной свободой, а женщину новаго времени, съ ея скорбной и нѣжной любовью, съ ея невольнымъ служеніемъ сострадательному Богу? Идея такой красоты, цѣльной и законченной, не нарушаемой никакими внутренними противорѣчіями, классической по выдержанности типа и совершенно особенной, еще совсѣмъ не слыханной по содержанію, родилась съ новыми умственными событіями на границѣ языческой и христіанской эпохъ. Мысль о скорбящей богоматери стала рядомъ съ мыслью о самоотверженномъ богочеловѣкѣ, потому что обѣ эти мысли связаны между собою неразрывными логическими узами. Новое человѣчество — богочеловѣчество — могло родиться только отъ женщины съ просвѣтленными инстинктами, отъ женщины-богоматери. Но сколько я ни вспоминалъ итальянскихъ мадоннъ въ произведеніяхъ самыхъ замѣчательныхъ художниковъ, я не могъ остановиться съ полнымъ удовлетвореніемъ ни на одной изъ нихъ. Онѣ не казались мнѣ выраженіемъ новой идеальной красоты, представляющей органическое сліяніе всѣхъ истинно-человѣческихъ интересовъ въ цѣльномъ религіозномъ экстазѣ. Это женщины прекрасныя, чистыя, здоровыя—у однихъ, болѣзненныя и мечтательныя—у другихъ, но ни одна изъ этихъ женщинъ не открываетъ передъ вами того новаго міра настроеній, который сдѣлалъ ее богоматерью. Являясь созданіями художниковъ, у которыхъ новое богопониманіе не могло еще преодолѣть разныхъ искусственныхъ и временныхъ тенденцій, даже лучшія итальянскія мадонны не производятъ полнаго религіознаго впечатлѣнія. Онѣ сами ощущаютъ своего сострадательнаго бога точно во снѣ, сквозь путаницу чувственныхъ кошмаровъ и потому кажутся полу-Венерами, полу-богородицами. Но, во всякомъ случаѣ, почти во всѣхъ итальянскихъ картинахъ можно видѣть хоть смутное ощущеніе божества, которое имѣлъ въ своей душѣ художникъ. А у Леонардо-да-Винчи совсѣмъ нельзя уловить этого непосредственнаго ощущенія, которое одно даетъ искусству глубокій смыслъ. Онъ творилъ своихъ мадоннъ по тому-же методу, по которому онъ писалъ Джіоконду: складывая между собою, съ виртуознымъ талантомъ, идеи разныхъ историческихъ эпохъ, усложняя, съ кудесническими затѣями, живую наблюдаемую правду собственными учеными измышленіями, неизбѣжно прибѣгая къ интригующей улыбкѣ, несоединимой съ выраженіемъ простой правдивой красоты.

Я перебиралъ въ памяти все то, что извѣстно о болѣе раннихъ и болѣе позднихъ женскихъ образахъ Леонардо-да-Винчи, изъ которыхъ только немногіе сохранились до настоящаго времени. Въ Миланѣ, уже въ первые годы своего пребыванія тамъ, онъ сдѣлалъ портретъ знаменитой Цециліи Галлерани, любовницы Людовико Моро,—портретъ, вос-

нѣтый въ сонетѣ Беллинчіони. Свѣдѣнія объ этомъ произведеніи Леонардо-да-Винчи въ высшей степени запутаны и воспроизводятся почти всѣми его біографами по Аморетти безъ малѣйшей критики. Это тѣмъ болѣе странно, что краткія сообщенія Аморетти не только не отличаются точностью, но даже противорѣчивы и, во всякомъ случаѣ, по тону изложенія, обнаруживаютъ въ авторѣ нѣкоторую неувѣренность. Аморетти разсказываетъ, что Леонардо-да-Винчи сдѣлалъ портретъ двухъ прекрасныхъ дѣвицъ, которыя были предметомъ любви Людовико Моро—Цециліи Галлерани и Лукреціи Кривелли. Этимъ дѣвицамъ поэты того времени посвящали стихи, прославляя скандальныя интриги герцога, который развращалъ знатныхъ и достойныхъ уваженія дѣвушекъ. Аморетти прибавляетъ, что по бумагамъ Де-Пагаве ему удалось установить слѣдующее: портретъ Цециліи Галлерани еще въ XVII вѣкѣ можно было видѣть въ Миланѣ у маркизовъ Бонесана, а копія этого портрета, хорошая и старинная, находится въ его время въ Амброзіанской галлереѣ. Затѣмъ Аморетти разсказываетъ, что онъ самъ нашелъ у одного виноторговца превосходнѣйшую картину Леонардо-да-Винчи, сдѣланную, какъ видно по двустишію на цоколѣ, для Цециліи Галлерани. Картина представляетъ богоматерь съ младенцемъ, благословляющимъ розу, и написана съ удивительною тонкостью. При этомъ Аморетти дѣлаетъ предположеніе, что портретъ и мадонна могли быть написаны въ одно и то-же время и съ одной и той-же модели, такъ какъ тогда не считалось предосудительнымъ потакать чувственной любви посредствомъ благочестивыхъ изображеній. Такъ разсуждаетъ Аморетти въ началѣ своей біографіи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы встрѣчаемся съ новыми плохообоснованными фактами и уже болѣе осторожнымъ упоминаніемъ только что описанной мадонны. Оказывается, что Леонардо-да-Винчи сдѣлалъ еще одинъ портретъ Цециліи Галлерани. При взглядѣ на этотъ портретъ, легко убѣдиться, что это произведеніе Леонардо-да-Винчи, написанное имъ въ эпоху полной зрѣлости его таланта, послѣ «Тайной Вечери», безъ той сухости, которая отличаетъ его первыя картины. Здѣсь Цецилія Галлерани, въ возрастѣ отъ 30 до 40 лѣтъ, представлена безъ цитры, съ которой она изображена на первомъ портретѣ. На второмъ портретѣ рука ея придерживаетъ складку платья. Что касается мадонны съ розой, то, въ концѣ той-же своей біографіи, Аморетти готовъ уже допустить, что она принадлежитъ, «вопреки одному компетентному сужденію», не Леонардо-да-Винчи, а какому-нибудь его ученику. Зато онъ теперь допускаетъ, что Леонардо-да-Винчи или кто-нибудь изъ лучшихъ учениковъ его воспользовался прекрасной подругой Людовико Моро, какъ моделью для изображенія св. Цециліи.

Какъ мы уже сказали, сообщенія Аморетти перепечатывались до послѣдняго времени знаменитѣйшими біографами Леонардо-да-Винчи безъ

всякой критики. При этомъ обыкновенно приводился сонетъ Беллинчіони, посвященный портрету, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что Цецилія Галлерани была изображена съ цитрою. Беллинчіони въ восторженныхъ выраженіяхъ описываетъ достоинства и красоту портрета діалогомъ между поэтомъ и природою, не указывая ни на какіе характерные внѣшніе признаки портрета Уціелли подвергъ сообщенія Аморетти очень солидной критикѣ, изучивъ въ подробностяхъ все, что извѣстно о жизни Цециліи Галлерани. Онъ пришелъ, при этомъ, къ убѣжденію, что картины, изображающія женщинъ съ цитрами, не могутъ быть произведеніями Леонардо-да-Винчи и совсѣмъ не писаны съ Цециліи Галлерани. Затѣмъ онъ рѣшительно отрицаетъ самую возможность существованія второго портрета съ этой женщины, также какъ и писанной съ нея мадонны съ розою. Подлинный портретъ Цециліи Галлерани, одно изъ первыхъ произведеній Леонардо-да Винчи въ Миланѣ, до насъ не дошелъ или находится въ какой-нибудь европейской галлереѣ, до неузнаваемости изуродованный рукою реставратора. Такимъ образомъ два замѣчательнѣйшихъ произведенія Леонардо-да-Винчи—портретъ флорентинской красавицы Джиневры Бенчи и миланской куртизанки Цециліи Галлерани пропали для критики. Кто знаетъ, какое впечатлѣніе должна была произвести на художника знаменитая метресса Людовико Моро. Судя по старымъ документамъ, это была въ своемъ родѣ замѣчательная женщина: красивая, ученая, владѣвшая латинскимъ языкомъ съ полною свободою. Она говорила и писала на немъ, какъ на родномъ итальянскомъ языкѣ. Ее ставили—по ея умственнымъ дарованіямъ—рядомъ съ такими замѣчательными женщинами эпохи возрожденія, какъ Изабелла д'Эсте и Витторія Колонна. Ей посвящались восторженныя стихотворныя посланія. Новеллистъ Банделло называетъ ее современною Сафо. Она была окружена цѣлымъ дворомъ знаменитѣйшихъ людей Милана и иностранцевъ, попадавшихъ въ Ломбардскую столицу. Военные люди разсуждали у нея о своемъ искусствѣ, музыканты пѣли и играли, архитекторы и живописцы набрасывали планы своихъ произведеній, философы спорили о причинахъ явленій, поэты читали свои и чужія стихотворенія. Каждый находилъ тѣ наслажденія, которыя соотвѣтствовали его натурѣ, въ присутствіи этой обворожительной «героини» миланскаго общества. Даже въ лѣтней виллѣ она не переставала принимать къ себѣ избранное общество, и Банделло собиралъ у нея матеріалы для своихъ поэтическихъ новеллъ. Но одаренная красотою и талантами, Цецилія Галлерани сохраняла ту сдержанность и скромность, которая должна была производить привлекательное впечатлѣніе въ могущественной куртизанкѣ. Это видно, между прочимъ, изъ дошедшаго до насъ отвѣтнаго письма ея Изабеллѣ д'Эсте, которая, собирая произведенія различныхъ художниковъ, захотѣла хотя бы на время имѣть у себя ея портретъ.

сдѣланный Леонардо-да-Винчи,—для критическихъ сопоставленій и соображеній. Цецилія Галлерани, исполняя желаніе блестящей мантуанской герцогини, послала ей портретъ вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ она съ благородною скромностью указываетъ на то, что между произведеніемъ несравненнаго художника и оригиналомъ нѣтъ болѣе — по винѣ времени—никакого сходства. Это писалось 29 апрѣля 1498 г. Такова была эта женщина, съ которой писалъ портретъ Леонардо-да-Винчи. Цецилія Галлерани, Людовико Моро и Леонардо-да-Винчи, этотъ «флорентинскій Апеллесъ», который сразу сталъ центромъ всеобщаго вниманія,—какое удивительное сочетаніе характеровъ въ столицѣ ломбардскаго ренессанса. Уціелли указываетъ на то, что отношеніе Леонардо-да-Винчи къ этой женщинѣ имѣло характеръ чистѣйшаго художническаго энтузіазма и что сама Цецилія Галлерани не могла не подпасть вліянію его великаго генія. Онъ писалъ съ нея портретъ—а по легендѣ писалъ съ нея даже мадонну — хотя въ чувствахъ его къ ней не было и не могло быть ничего романтическаго. Молодой художникъ находилъ въ ея дворцѣ ту пестроту лицъ, интересовъ и идейныхъ разговоровъ, которую такъ любилъ его наблюдательный умъ,—но ничего, что могло бы зажечь его самого. Его не волновали окружающія драмы: любовь чувственнаго герцога къ прекрасной Цециліи, его семейныя неудовольствія и ссоры—послѣ его женитьбы на Беатриче д'Эсте, — которыя нерѣдко кончались грубыми побоями, наконецъ, внутренняя жизнь Цециліи, осыпаемой подарками и почестями, но, можетъ быть, не вполнѣ удовлетворенной въ душѣ своими отношеніями съ низменнымъ по натурѣ Людовико Моро. Портретъ Цециліи Галлерани, если бы онъ дошелъ до насъ, могъ бы показать намъ первые рѣшительные шаги Леонардо-да-Винчи въ томъ особенномъ стилѣ живописи, который онъ вынесъ изъ Милана и который показалъ себя съ такою магическою силою въ Джіокондѣ.

Портретъ второй любовницы Людовико Моро, Лукреціи Кривелли, — какъ принято считать — находится теперь въ Парижѣ, въ Луврѣ. Этотъ портретъ часто называютъ «La belle féronière». Это было, собственно, прозвище любовницы Франциска I. Одно время думали, что луврскій портретъ, сдѣланный рукою Леонардо-да-Винчи, и есть портретъ этой женщины, но такое предположеніе опровергается уже тѣмъ, что настоящая Belle Féronière умерла до 1515 г., т.-е. до переѣзда Леонардо-да-Винчи во Францію. Вагенъ считаетъ луврскій портретъ однимъ изъ самыхъ достовѣрныхъ произведеній Леонардо-да-Винчи, причемъ всѣ соглашаются въ настоящее время, что это есть изображеніе Лукреціи Кривелли. Дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что Леонардо-да-Винчи писалъ портретъ съ этой женщины: въ его собственныхъ рукописяхъ (Codex Atlanticus) сохранились три латинскихъ эпиграммы,

присланныхъ ему неизвѣстнымъ авторомъ, когда былъ законченъ этотъ портретъ. Въ «эпиграммахъ» опять прославляется искусство Леонардо-да-Винчи, которому завидуетъ сама природа. Онъ, первый изъ художниковъ, обезсмертилъ красоту Кривелли, которую любилъ первый изъ герцоговъ. На портретѣ она представлена въ trois quarts, съ глазами обращенными влѣво. Черные волосы прикрываютъ уши плоскими начесами, на лбу—брилліантовая фероньерка. На открытой шеѣ нѣсколько разъ обмотанный пестрый шнурокъ, темное бархатное платье, съ четырехугольнымъ вырѣзомъ на груди, съ черной вышивкой, съ желтыми прорѣзами и бантами на рукавахъ. Таковъ внѣшній обликъ Лукреціи Кривелли на Луврскомъ портретѣ. Лицо поражаетъ своей здоровой красотой. Большіе черные глаза подъ правильно очерченными дугами бровей смотрятъ упорно и нѣсколько сурово. Лобъ не особенно большой, гладкій. Носъ прямой и твердый. Губы сложены серьезно, безъ всякой улыбки. Подбородокъ и щеки, шея и грудь—свѣжіе и упругіе. Несмотря на роскошный, изящный костюмъ и блестящую фероньерку, эта поясная фигура имѣетъ въ себѣ что-то демократически простое и сильное. Почти непонятно, какъ могло случиться, что Леонардо-да-Винчи не придалъ этому портрету никакихъ особенностей своего внутренняго демонизма, не превратилъ, на этотъ разъ, живую натуру въ условный символъ ученой концепціи. Портретъ, при удивительномъ совершенствѣ техники и гармоничности красокъ на густомъ темномъ фонѣ, не производитъ обычнаго впечатлѣнія леонардовскихъ картинъ. Ничего загадочнаго, никакой таинственной философіи, никакого усложненнаго анализа при сочиненной психологіи, такъ что минутами хочется сказать: не можетъ быть, чтобы этотъ портретъ былъ произведеніемъ Леонардо-да-Винчи. Трудно допустить, чтобы Леонардо-да-Винчи, писавшій его въ зрѣлые годы, когда была уже почти закончена «Тайная Вечеря», могъ сдѣлать какое нибудь художественное произведеніе внѣ своего обычнаго, вполнѣ сложившагося кругозора.

Размышляя о женскихъ типахъ въ произведеніяхъ Леонардо-да-Винчи, я невольно вспомнилъ Леду, находящуюся въ Римѣ, въ галлереѣ Боргезе, которую еще недавно приписывали ему. Въ самомъ дѣлѣ, Ломаццо положительно утверждаетъ, что Леонардо сдѣлаетъ нагую Леду. Въ «Idea del Tempio della pittura» онъ упоминаетъ о ней рядомъ съ Джіокондою, какъ о произведеніи, показавшемъ превосходство искусства надъ природою. Въ трактатѣ о живописи, скульптурѣ и архитектурѣ Ломаццо, разсуждая о томъ, какъ надо на картинахъ изображать стыдъ и какъ изображали его древніе мастера, ссылается на Леонардо-да-Винчи и его произведеніе Леду. Онъ слѣдовалъ старинному пріему, создавая эту картину. Его Леда, которую обнялъ крыломъ лебедь, стыдливо опустила глаза. На этихъ дняхъ еще Мюллеръ-Вальде открылъ на одной изъ страницъ «Атлан-

гическаго кодекса» набросокъ стоящей Леды, который онъ относитъ къ 1501—1506 г.г. По его мнѣнію, это эскизъ первой картины на данную тему, которую Леонардо-да-Винчи хотѣлъ разработать для Людовико Моро и къ которой онъ вернулся въ Амбуазѣ—для Франциска I. Однако, ни одной изъ этихъ картинъ онъ, повидимому, не довелъ до конца, хотя ему удалось возбудить въ своихъ ученикахъ интересъ къ этой задачѣ. Морелли и Рихтеръ не сомнѣваются въ томъ, что знаменитая въ своемъ родѣ Леда въ галлереѣ Боргезе есть копія съ оригинальной работы Содомы, сдѣланной въ духѣ Леонардо-да-Винчи и согласно его указаніямъ, какъ должны быть изображаемы женщины. Женщинъ, говорилъ Леонардо-да-Винчи, нужно представлять въ стыдливыхъ позахъ, со сдвинутыми ногами, со сложенными руками, съ опущенной головой, нѣсколько склоненной вбокъ. Если отъ этихъ словъ Леонардо-да-Винчи обратиться къ римской картинѣ Леды, то нельзя не замѣтить, что она, въ самомъ дѣлѣ, вышла изъ школы Леонардо-да-Винчи. Совершенно нагая женщина, съ изогнутой линіей тѣла, мягко охватила кистями рукъ змѣевидно-длинную шею лебедя съ широко-разставленными лапками. Ноги высокія, съ неестественно-выступающими колѣнными чашками, съ нѣсколько искривленными голенями и мясистыми щиколками. Торсъ и руки мясистые. Въ отдѣльныхъ подробностяхъ рисунка видно желаніе приблизиться къ тонкой работѣ Содомы, но при внимательномъ изученіи картины по частямъ получается впечатлѣніе далеко не совершеннаго произведенія искусства. Голова нѣсколько отклонена отъ лебедя. Лицо—съуженное книзу, съ нѣжными, тонко-чувственными чертами, съ опущенными глазами. На мягко-очерченныхъ губахъ улыбка,—скрытно-блудливая, неувѣренная, щекотливая.

Эту картину Тэнъ, пренебрегая детальною критикою, увѣренно приписываетъ Леонардо-да-Винчи, сравнивая ее съ Ледами Микель Анджело и Корреджіо. Для него эта Леда—верхъ совершенства. Она стоитъ, стыдливая, опустивъ глаза, и гибкія змѣистыя линіи ея прекраснаго тѣла изгибаются «съ утонченнымъ и величественнымъ изяществомъ». Жестомъ супруга лебедь, почти похожій на человѣка, обнялъ ее крыломъ, а маленькіе близнецы, вылупившіеся изъ яйца, глядятъ косымъ птичьимъ взглядомъ. Нигдѣ тайна древнихъ дней, глубокое «сродство человѣка и животнаго, смутное языческое и философское чувство единой и всемірной жизни не выразились съ болѣе совершенной изысканностью и не обнаружились во внутреннемъ постиженіи болѣе проницательнаго и мудраго генія». Такъ описываетъ картину, представляющую копію съ картины Содомы, знаменитый французскій критикъ—съ обычнымъ блескомъ красочныхъ метафоръ. Онъ замѣтилъ изгибающіяся съ утонченнымъ и величественнымъ изяществомъ линіи ея тѣла, сходство лебедя съ человѣкомъ и супружеское объятіе его крыла, но не обратилъ вниманія на

самое главное—на то, что дѣйствительно отличаетъ манеру Леонардо-да-Винчи и его школы,—улыбку Леды, скрытно блудливую, неувѣренную, щекотливую. Эта улыбка разбиваетъ цѣльную античную философію, пышно описанную Тэномъ. Въ картинѣ не чувствуется мужественно-серьезнаго и свѣтлаго настроенія, которое необходимо для передачи классическаго міропониманія, съ его внѣшней гармонической красотой и холодными трагическими безднами въ глубинѣ. Это именно произведеніе въ высшей степени типичное для ренессанса, хотя мы видимъ въ немъ только отдаленный слабый отблескъ той нецѣльной и предательской психологіи, которую могъ-бы вложить въ свою Леду самъ Леонардо-да-Винчи. Классическій міръ, правдивый и откровенный, не зналъ игры двоедушныхъ настроеній съ неувѣренными мыслями и воровскими ощущеніями. Ясный, чистый и свѣтлый, онъ былъ величественъ въ своей простотѣ, серьезенъ въ своихъ вѣрованіяхъ. Леда, вышедшая изъ школы Леонардо-да-Винчи, должна была составить полный контрастъ античной красотѣ: своей неувѣренной, скрытной блудливостью она нарушаетъ цѣльность и смѣлость эстетическаго впечатлѣнія и оскорбляетъ цѣломудренный идеалъ новой одухотворенной красоты. Судя о копіи Леды и приписывая ее Леонардо-да-Винчи, Тэнъ не обратилъ, повидимому, вниманія на подготовительные рисунки самого Содомы къ Ледѣ, сохраняющіеся въ Амброзіанской библіотекѣ въ Миланѣ, въ Веймарѣ, въ Виндзорѣ и другихъ мѣстахъ, рисунки, изученные въ подробностяхъ Морелли. Амброзіанскій рисунокъ, сдѣланный краснымъ карандашемъ и несомнѣнно принадлежащій Содомѣ, даетъ превосходное представленіе о мастерствѣ этого художника. Голова Леды съ нѣжной, хотя тоже чувственной улыбкой,—въ иномъ, болѣе сдержанномъ наклонѣ, безъ вызывающей кокетливости, линіи плечъ тоньше. Лицо, носъ, пушистые волосы, обрамляющіе лобъ, отличаются благородствомъ. Въ этомъ рисункѣ, во всякомъ случаѣ, видна рука настоящаго мастера, рука Содомы.

Странно сказать,—улыбка Леды напомнила мнѣ улыбку на лицахъ богоматерей Леонардо-да-Винчи. Въ ту-же эпоху, когда онъ набрасывалъ свою Леду, онъ писалъ Джіоконду и дѣлалъ знаменитый картонъ Св. Анны и богородицы. Вазари сообщаетъ намъ великолѣпныя подробности о новой работѣ Леонардо-да-Винчи. Картонъ этотъ, пишетъ онъ, привелъ въ удивленіе не однихъ только художниковъ. Когда онъ былъ конченъ, въ комнатѣ Леонардо-да-Винчи толпились массы любопытствующихъ—мужчины и женщины, старики и юноши—какъ на праздникѣ. Чудеса Леонардо-да-Винчи изумили весь народъ. Вазари такъ объясняетъ достоинства картона, ошеломившія чувствительную къ искусству флорентинскую публику. На лицѣ Мадонны, говоритъ онъ, всѣ увидѣли простоту и красоту матери, охваченной радостью при созерцаніи красоты своего ребенка. Художникъ изобразилъ въ ней скромность и сми-

реніе. Въ то время, какъ она, держа на колѣняхъ Іисуса, невиннѣйшимъ взглядомъ смотритъ на маленькаго Іоанна Крестителя, который подошелъ съ ягненкомъ, Св. Анна съ усмѣшкой глядитъ на свою дочь, которая стала небеснымъ существомъ. «Измышленіе, дѣйствительно, достойное ума и генія Леонардо-да-Винчи», — замѣчаетъ Вазари. Въ этомъ-же духѣ говоритъ о картонѣ Ломаццо. Богоматерь преисполнена радости и веселья при видѣ столь прекраснаго ребенка, матерью котораго она удостоилась сдѣлаться. Св. Анна тоже выражаетъ собою радость и довольство при видѣ дочери, «ставшей матерью бога». Онъ-же, Ломаццо, сообщаетъ, что настоящій картонъ былъ увезенъ во Францію, а въ его время, т. е. въ XVI в. находится въ Миланѣ у живописца Ауреліо Луини, сына знаменитаго Луини. Рѣчь идетъ, повидимому, о томъ самомъ картонѣ, который теперь находится въ Лондонѣ, въ Королевской Академіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ картонъ, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательное произведеніе. Рисунокъ сдѣланъ чернымъ и бѣлымъ карандашами, фигуры—нѣсколько менѣе натуральной величины. Св. Анна и Богоматерь сидятъ рядомъ, очень тѣсно. Младенецъ, котораго богоматерь придерживаетъ на колѣняхъ, тянется къ маленькому Іоанну. Богоматерь, въ легкомъ одѣяніи, сильно вырѣзанномъ на груди, съ улыбкой внѣшняго удовольствія смотритъ на игру дѣтей. Св. Анна съ характерными острыми чертами лица, при здоровой полнотѣ щекъ, глядитъ на свою дочь съ глубокомысленной улыбкой, обнаруживающей ея умственное превосходство и тонкую прозорливость, направленную въ темную даль будущихъ временъ. Указательнымъ пальцемъ твердо сложенной руки она указываетъ на небо—жестъ, крайне многозначительный въ произведеніяхъ Леонардо-да-Винчи, за которымъ скрывается вся его мудреная скептическая философія съ ея неизбѣжной разсудочной реторикой. Наклонившаяся впередъ богоматерь и младенецъ заслоняютъ фигуру Св. Анны—видна только ея голова и энергичный жестъ руки, но тѣмъ не менѣе въ картинѣ она выдѣляется, какъ истинно геніальное созданіе художника. Два характера, разница которыхъ подмѣчена и Вазари—веселое добродушіе съ оттѣнкомъ психической расплывчатости и головная мудрость, слишкомъ прозорливая для того, чтобы раздѣлять невинныя радости, показаны рядомъ, при чемъ художникъ нѣсколькими чертами лица и этимъ реторически поднятымъ пальцемъ незамѣтно отдаетъ первенство второму характеру—характеру Св. Анны. Она господствуетъ въ этомъ глубоко философскомъ и поразительномъ рисункѣ. Ея выпуклый лобъ, по сравненію съ плоскимъ незатѣненнымъ лбомъ дочери, показываетъ умственную силу, не ослабленную сердечными движеніями новой эпохи. Но при этомъ она не принадлежитъ и классическому міру: въ ней нѣтъ цѣльнаго религіознаго духа и свѣтлыхъ настроеній древнихъ людей,—въ

ней многослойная разсудочная жизнь вмѣстѣ съ тайными грѣхами Леды новаго времени. Богоматерь естественнымъ образомъ побѣждается Св. Анною въ картинѣ такого геніально-злокачественнаго представителя ренессанса, какъ Леонардо-да-Винчи.

Изъ словъ Вазари и Ломаццо не видно, чтобы они знали о существованіи, кромѣ картона Св. Анны, и картины на ту же тему. Но на существованіе этой картины мы находимъ указаніе у Паоло Джіовіо— въ одной фразѣ его коротенькой, но важной біографической замѣтки. «Есть картина съ изображеніемъ ребенка Христа, играющаго съ богоматерью и бабушкою Св. Анною—картина, купленная королемъ Францискомъ и помѣщенная имъ среди наиболѣе драгоцѣнныхъ украшеній его кабинета», говоритъ онъ. Очевидно, рѣчь идетъ о той самой картинѣ, которая въ настоящее время находится въ Луврѣ. Въ литературѣ о Леонардо-да-Винчи существуютъ нѣкоторыя разногласія въ оцѣнкѣ этого произведенія. Вагенъ считаетъ его созданіемъ одного изъ учениковъ Леонардо-да-Винчи. Нѣкоторые указываютъ на то, что картина могла быть написана Салаи или Луини подъ непосредственнымъ руководствомъ учителя. Но есть и патетическіе цѣнители этой картины, которые не сомнѣваются въ томъ, что она могла быть сдѣлана только Леонардо-да Винчи. Таковъ, между прочимъ, Мюндлеръ, который утверждаетъ, что картина достойна великаго генія Леонардо-да-Винчи. Онъ указываетъ на то, что въ ней легко замѣтить полное соотвѣтствіе между внутренней мыслью художника и внѣшнимъ исполненіемъ, гармонію идеи и формы, которая встрѣчается только на вершинахъ искусства. Вотъ какъ описываетъ эту картину Теофиль Готье. «Посреди скалистаго пейзажа съ деревцами, на которыхъ отчетливо выступаетъ листва, Св. Анна держитъ на колѣняхъ богоматерь, склонившуюся очаровательнымъ движеніемъ къ маленькому Іисусу. Ребенокъ шалитъ съ ягненкомъ, котораго онъ тянетъ за ухо—движеніе чисто дѣтское и умилительное, не нарушающее благородства композиціи и отнимающее у него холодность. Нѣсколько красивыхъ морщинъ бороздятъ чело и щеки Св. Анны, не лишая ея прелести, ибо Леонардо-да-Винчи гнушался грустныхъ идей и не хотѣлъ печалить глазъ зрѣлищемъ человѣческаго разрушенія. Голова богоматери, видная нѣсколько снизу, совершенна по тонкости своихъ линій,—отъ нея струится дѣвственная грація и материнская страстность, а полуулыбающійся ротъ имѣетъ то неопредѣленное выраженіе, которое осталось секретомъ Леонардо». Такими словами Теофиль Готье старается дать почувствовать замѣчательныя особенности этой картины. Идея произведенія остается необъясненною, характеры, изображенные въ ней, неизученными, но за краснорѣчивыми фразами читатель долженъ почувствовать великій энтузіазмъ писателя. Этого достаточно, когда оцѣнивается молчаливое произведеніе живописнаго искус-

ства! А между тѣмъ при первомъ же взглядѣ на картину невольно хочется сравнить ее съ тѣмъ картономъ, который возбудилъ удивленіе Флоренціи XVI в., и, не отдѣлываясь общими словами, вникнуть въ ея сложное содержаніе. Художникъ въ смѣломъ порывѣ мысли измѣнилъ расположеніе двухъ главныхъ фигуръ: богоматерь, которая на картонѣ представлена рядомъ съ Св. Анною, здѣсь, на картинѣ, сидитъ у нея на колѣняхъ. При этомъ кажется, что Св. Анна не испытываетъ никакой тяжести: богоматерь, при здоровой округлости формъ, производитъ впечатлѣніе легкаго оживленнаго существа, безпечнаго и наивнаго по сравненію съ матерью и далекаго отъ сосредоточенныхъ сомнѣній и умственной критики Св. Анны. Почти тѣ же два характера, какъ и на картонѣ, но здѣсь богоматерь, въ ея легкомъ розовомъ одѣяніи, съ открытой полной шеей и густыми, слегка вьющимися волосами, невольно выдаетъ скептически-философскую мысль художника. Эта женщина—незначительна по содержанію внутренней жизни, и улыбка Св. Анны—ядовитая улыбка человѣка, знающаго цѣну человѣческой безпечности,—наглядно показываетъ превосходство матери надъ дочерью. На картонѣ она энергичнымъ жестомъ указательнаго пальца какъ бы говоритъ съ богоматерью, можетъ быть, наводитъ ея мысли на какіе-нибудь неожиданные для нея пути. Здѣсь, на картинѣ, она энергично оперлась рукою о бедро и, опустивъ глаза, молча смотритъ на склонившуюся къ ребенку фигуру дочери съ тонко-горделивой усмѣшкой. Замѣчательно, что при этомъ лицо ея поразительно напоминаетъ лицо Леды: красивое, продолговатое, съуженное книзу, очень моложавое, несмотря на морщинки, оно полно психическаго содержанія, въ которомъ волнуется скрытая чувственная стихія. Мадонна ни единою чертою своей наружности не возбуждаетъ представленія о новой духовной красотѣ, которая связана съ идеей скорбной богоматери. Это наружность здоровой красивой итальянки, съ небольшимъ лбомъ, съ полными щеками и упругими членами. Никакой замысловатости,—и самая улыбка ея, въ отличіе отъ улыбки Св. Анны, блуждаетъ на лицѣ, какъ блѣдный свѣтъ внѣшней веселости. Какъ и на картонѣ, мудрость Св. Анны, молчаливо и недовѣрчиво созерцающей капризную игру историческихъ событій, выдаетъ типичную для художника идею ренессанса, его презрительную борьбу съ христіанскими началами. Но и эта Св. Анна безсильнаго классическаго возрожденія уже не представляетъ цѣльности натуры и характера. Она уже не можетъ опереться непосредственно на старое богопониманіе—духъ ея отравленъ внутренней діалектикой и неразрѣшимыми для нея противорѣчіями, и она могла бы сопротивляться ростущей силѣ новой религіозно-нравственной красоты только разсудочными средствами—искусственнымъ демонизмомъ, который разъѣдаетъ ее самое.

Еще двѣ мадонны Леонардо-да-Винчи, принадлежащія къ раннему

періоду его художественной дѣятельности—до переѣзда его въ Миланъ, показываютъ, что онъ не находилъ въ себѣ тѣхъ элементовъ и настроеній, изъ которыхъ могъ бы создаться образъ новой христіанской красоты: такъ называемая «Мадонна въ скалахъ» и мадонна въ неоконченномъ произведеніи Леонардо-да-Винчи—«Поклоненіе волхвовъ». «Мадонна въ скалахъ» существуетъ въ двухъ видахъ: одна находится въ Луврѣ, другая—въ Лондонской національной галлереѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что лондонскій варіантъ является только копіей луврской картины, копіей, сдѣланной, какъ полагаютъ, художникомъ Амброджіо де Предисъ. Къ этому мнѣнію въ настоящее время склоняются лучшіе авторитеты, писавшіе о Леонардо-да-Винчи. Какъ и въ другихъ случаяхъ, опорою для невѣрныхъ историческихъ соображеній послужилъ Ломаццо. Въ XVII гл. перваго тома трактата о живописи, скульптурѣ и архитектурѣ дается описаніе картины Леонардо-да-Винчи, сходящееся съ содержаніемъ картины изъ лондонской галлереи. Въ церкви Св. Франциска, въ Миланѣ, пишетъ онъ, въ капеллѣ della Concezione, существуетъ картина, на которой видѣнъ Іоаннъ Креститель, стоящій на колѣняхъ и обращенный къ Христу со сложенными руками—въ движеніи, выражающемъ покорность и дѣтское благоговѣніе. На лицѣ богоматери отражается радостное размышленіе. Ангелъ, озаренный небесною красотою, мысленно созерцаетъ радость, которая, изойдя изъ этого таинства, разольется по міру. На лицѣ маленькаго Христа—божественность и мудрость. Богоматерь, стоя на колѣняхъ, придерживаетъ правою рукою Іоанна и протягиваетъ впередъ лѣвую, видную въ раккурсѣ. Ангелъ обнимаетъ лѣвой рукою Христа, который смотритъ на Іоанна и благословляетъ его. Защитники лондонской мадонны въ скалахъ ссылаются на это описаніе, какъ на неопровержимое доказательство того, что лондонская картина есть произведеніе Леонардо-да-Винчи. Въ самомъ дѣлѣ, подробности этой картины соотвѣтствуютъ описанію Ломаццо, а если сравнить ее съ луврскою, то окажется, что на послѣдней имѣются характерныя особенности, не указанныя у Ломаццо и даже противорѣчащія его словамъ. Существенное различіе этихъ картинъ представляетъ ангелъ: на луврской картинѣ онъ смотритъ не на Іоанна, а на зрителя, изъ картины, при чемъ другая рука его направлена на Іоанна указательнымъ пальцемъ. Эта подробность придаетъ луврской картинѣ особенный характеръ. На лондонской картинѣ, кромѣ того, головы мадонны, Іисуса и Іоанна окружены вѣнцами. У Іоанна, между сложенными ручками, стоитъ крестъ. Сравнивая обѣ картины, не трудно, понять, что лондонская въ эстетическомъ отношеніи ниже луврской. Если даже допустить, что нимбъ и крестъ придѣланы, согласно объясненію лондонскаго каталога картинъ Національной Галлереи, въ XVII в., то всетаки нельзя не видѣть, что самый характеръ мадонны, ангела и дѣтей представляетъ на луврской картинѣ

большую художественную и психическую глубину. Ангелъ въ лондонскомъ подражаніи отличается тою внѣшнею красивостью, которая такъ легко смѣшивается, при первыхъ поверхностныхъ впечатлѣніяхъ, съ настоящею художественною красотой—серьезною и сдержанною. На лицѣ его мягко-расплывающаяся улыбка—въ духѣ Луини или какого-нибудь ученика Леонардо-да-Винчи, которые не могли воспринять и перенести на свои картины таинственную усмѣшку леонардовскихъ лицъ, усмѣшку, проникнутую ядовитымъ сомнѣніемъ. На луврской картинѣ ангелъ, при удивительно тонкихъ чертахъ лица, твердой постановкѣ фигуры и густыхъ темныхъ волосахъ, производитъ болѣе величественное впечатлѣніе по сравненію съ лондонскимъ ангеломъ. Это работа, достойная молодого художника съ задатками особенной геніальности. Въ небольшой замѣткѣ, напечатанной въ итальянскомъ журналѣ «Archivio Storico del Arte» 1892 г., Мюнцъ рѣшительно отвергаетъ возможность какихъ-нибудь серьезныхъ сомнѣній по настоящему вопросу. Луврская «Мадонна въ скалахъ» несомнѣнное подлинное произведеніе Леонардо-да-Винчи. Въ опроверженіе Мюллеръ-Вальде, онъ указываетъ на существованіе нѣсколькихъ эскизовъ головы мадонны. Во Флоренціи имѣется рисунокъ, относящійся къ самымъ первымъ работамъ Леонардо-да-Винчи и представляющій, повидимому, набросокъ именно въ духѣ этой картины. Лицо широкое, вѣки толстыя, носъ плоскій, большой широкій ротъ, съ слабой улыбкой на одну сторону—такова первая проба Леонардо-да-Винчи создать образъ богоматери. Рисунокъ, приводимый въ статьѣ Мюнца, сходный по идеѣ съ оксфордскимъ рисункомъ на сѣро-голубой бумагѣ, является дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ того же облика, но съ болѣе рѣзкимъ, сухимъ и сильнымъ выраженіемъ того идейнаго яда, который такъ легко всосалъ въ себя молодой художникъ въ школѣ Верроккіо. Лицо продолговатое, рѣзко съуженное, съ нѣсколько заостреннымъ носомъ, непріятныя, тяжелыя вѣки со складками. Типъ этой головы — болѣе нѣжный и претенціозный, не заключаетъ въ себѣ, говоритъ Мюнцъ, ничего пріятнаго. Въ его выраженіи улавливается какое-то отдаленное сходство съ кающимися Магдалинами Верроккіо, Содомы и Лоренцо-ди-Креди. Не только никакой простоты, внутренней и цѣльной, не чувствуется за этой утомленной маской, но все въ ней намекаетъ на какое-то психическое и физическое вырожденіе. По одному этому рисунку можно судить о томъ, какъ далекъ былъ Леонардо-да-Винчи въ своихъ дѣйствительныхъ настроеніяхъ и глубоко-странной, болѣзненной жизни своей души отъ поэтической чистоты, безъ которой нельзя создать гармоніи новыхъ идей и человѣческихъ формъ, называемой богоматерью. Можно сказать, что, по мѣрѣ своего развитія, онъ все дальше и дальше уходилъ отъ цѣломудренной правды, которая никогда не окрыляла его генія. Углубляясь въ направленіи, открытомъ Верроккіо, онъ рано сталъ поддаваться соблаз-

нительной иллюзіи, принимая проявленія душевной патологіи за новыя философскія и художественныя откровенія. Этотъ рисунокъ, обсуждаемый Мюнцемъ, имѣетъ огромное значеніе для опредѣленія его творческаго развитія. Вотъ одинъ изъ первыхъ его шаговъ по пути художественнаго демонизма или, вѣрнѣе сказать, по антихудожественному пути. Еще не покрытый красками, этотъ рисунокъ яснѣе показываетъ намъ умственное настроеніе Леонардо-да-Винчи. Но тотъже рисунокъ, перенесенный, съ тѣми или другими видоизмѣненіями, въ картину и залитый гармоническими красками и густыми тѣнями, потеряетъ свою злокачественную терпкость, смягчится въ великолѣпномъ, поэтически-расписанномъ пейзажѣ. Луврская мадонна въ скалахъ представляетъ въ идейномъ отношеніи именно нѣкоторую претензію на глубину, но ни глубины, ни красоты въ ней нѣтъ. Выраженія лицъ ангела и дѣтей, написанныхъ съ поразительнымъ мастерствомъ, дополняется разнохарактерной жестикуляціей, которая нарушаетъ тишину картины, придавая ей крикливость. Маленькій Христосъ поднялъ два благословляющихъ пальца по направленію къ Іоанну, руки котораго сложены ладонями—сложены съ такимъ виртуознымъ разсчетомъ, что зрителю кажется, будто онъ видитъ, какъ пальцы плотно прилегаютъ другъ къ другу, хотя въ дѣйствительности отъ лѣвой руки Іоанна можно замѣтить въ тѣни только одинъ большой палецъ. На плечѣ Іоанна энергично легла рука богоматери, напряженно поддерживающей его пальцами. Правая рука ея повисла въ воздухѣ надъ головою Христа съ нѣсколько сведенными пальцами. Наконецъ, рука ангела, выписанная необыкновенно сильно (кстати сказать, эскизъ этой руки имѣется среди виндзорскихъ рисунковъ), съ надуманной энергіей устремлена указательнымъ пальцемъ на Іоанна. Среди этой разнообразной и выразительной жестикуляціи, мадонна выступаетъ слабымъ бездѣятельнымъ существомъ, причемъ нельзя не замѣтить, что вялый типъ ея лица не соотвѣтствуетъ энергіи ея рукъ. Какъ и картонъ св. Анны и луврская картина на туже тему, настоящее произведеніе Леонардо-да-Винчи имѣетъ ярко выраженную тенденцію. Всѣ лица картины тѣмъ или другимъ способомъ обращены къ Іоанну: на него смотритъ мадонна, къ нему подняты глаза Іисуса, на него направленъ указательный палецъ ангела. Лица, писавшія объ этой картинѣ, отъ Пассована и Вагена до Мюллеръ-Вальде, указываютъ, ссылаясь на Ломаццо, что ангелъ долженъ смотрѣть на таинство, происходящее передъ зрителями въ лицѣ колѣнопреклоненнаго Іоанна. На луврской картинѣ ангелъ, какъ мы знаемъ, смотритъ въ публику, и это обстоятельство приводится въ подтвержденіе неподлинности картины. Но, во-первыхъ, въ Туринѣ имѣется рисунокъ Леонардо-да Винчи, представляющій эскизъ ангела съ глазами, которые тоже глядятъ вбокъ, какъ на картинѣ въ Луврѣ. Во-вторыхъ, смотря въ публику

и указывая пальцемъ на Іоанна, ангелъ какъ-бы призываетъ вниманіе зрителя именно къ Іоанну, что еще ярче, еще крикливѣе выдваетъ тенденцію картины. Іоаннъ, а не мадонна и не Іисусъ составлялъ для художника центръ композиціи. Онъ потянулся къ Христу, благоговѣйно сложивъ ручки, потому что въ немъ совершился или совершается какой-то переворотъ — все равно, къ чему-бы онъ ни привелъ и основанъ-ли порывъ Іоанна на мудрыхъ или случайныхъ причинахъ. Какую-бы эпоху ни открылъ собою Христосъ, Іоаннъ, во всякомъ случаѣ, является достойнымъ завершеніемъ предъидущаго періода, какъ натура, способная проникнуться сильными мотивами и настроеніями. Старая культура даетъ въ немъ послѣднее живое доказательство своей значительности, жизнеспособности и даже готовности содѣйствовать новому идейному потоку, который размоетъ ея уравновѣшенное богопониманіе и радостную красоту. Чѣмъ бы ни оказались въ будущемъ идеалистическія грезы новыхъ людей, духовное очарованіе послѣдняго здороваго представителя стараго міра должно быть признано достойнымъ удивленія для всѣхъ эпохъ. Такою рисуется мнѣ тенденція этой своеобразной картины Леонардо-да-Винчи, писанной въ молодые годы, когда въ немъ уже началось броженіе философскаго демонизма—при первыхъ его увлеченіяхъ и очарованіяхъ опытными знаніями и естественно-научными экспериментами.

Кстати сказать, въ журналѣ «La Chronique des Arts» отъ 16-го октября текущаго года напечатано сообщеніе, что одинъ изъ парижскихъ коллекціонеровъ, г. Шерами, пріобрѣлъ недавно на распродажѣ старинную копію именно луврской мадонны въ скалахъ. Авторъ замѣтки говоритъ, что копія эта сдѣлана, повидимому, однимъ изъ ломбардскихъ учениковъ Леонардо-да-Винчи, быть можетъ, Бельтраффіо, и отличается большими достоинствами. Въ спорѣ Лондона и Парижа за обладаніе подлинникомъ этой мадонны, настоящая находка, вѣроятно, послужитъ въ рукахъ знатоковъ новымъ доказательствомъ въ пользу луврской картины.

Къ тому-же періоду творчества Леонардо-да-Винчи относится также мадонна съ младенцемъ въ сложной, но неоконченной картинѣ «Поклоненіе волхвовъ», находящейся во Флоренціи и писанной, по словамъ Миланези, въ 1480 году. Окружающія мадонну лица—цѣлая толпа геніально изображенныхъ характеровъ и типовъ—захватываютъ вниманіе зрителя, но сама мадонна, нѣсколько рахитическаго склада, съ лѣнивымъ наклономъ головы и большою, выставленною впередъ ногою, не производитъ значительнаго впечатлѣнія. Духъ Леонардо-да-Винчи, который въ мужскихъ фигурахъ показываетъ необычайную проницательность и силу драматическаго движенія. здѣсь, въ мадоннѣ, остается по прежнему холодно-изобрѣтательнымъ и настроеннымъ на болѣзненный

ладъ Верроккіо. Между извѣстными документами первой эпохи его художественной дѣятельности, эта богоматерь является однимъ изъ послѣднихъ, можетъ быть, послѣднимъ подлиннымъ документомъ—передъ его отъѣздомъ въ Миланъ, гдѣ его сразу охватила новая атмосфера жизни, съ учеными любовницами Людовика Моро, съ политическимъ развратомъ и пышнымъ весельемъ декоративно-обставленныхъ празднествъ. Леонардо-да-Винчи пріѣхалъ въ Миланъ почти сложившимся человѣкомъ, съ готовыми настроеніями, съ задатками творчества, которые должны были выразиться съ особенною мощью въ двухъ лучшихъ созданіяхъ его генія, въ «Тайной вечерѣ», и позже—въ «Джіокондѣ». Настоящій образъ богоматери остался для него недосягаемымъ. Всѣ наклонности его ума уводили его въ сторону отъ идеализма—художественнаго и философскаго, дающаго возможность уловить черты той божественно-человѣчной красоты, для которой прошедшая исторія даетъ слабый намекъ и которую можно создать только поэтическимъ ясновидѣніемъ изъ элементовъ собственнаго духа. Сухой демоническій геній Леонардо-да-Винчи постоянно разсѣивалъ ту теплоту, въ которой созрѣла-бы и облеклась-бы живою, тонкою, свѣтлою плотью идея новой женщины.

Я проводилъ въ баварскихъ горахъ послѣдніе дни. Обстоятельства складывались такъ, что я долженъ былъ торопиться въ Россію, къ моимъ обычнымъ занятіямъ. Признаюсь, мысль о томъ, что я вотъ-вотъ разстанусь съ старымъ энтузіастомъ, который въ короткое время съумѣлъ придать моимъ личнымъ наблюденіямъ и размышленіямъ нѣкоторую новую силу убѣжденности, вносила въ мои настроенія что-то грустное и тоскливое. Въ этомъ старомъ человѣкѣ, въ которомъ не переставалъ горѣть огонь широкихъ умственныхъ увлеченій, я нашелъ для себя то, чего до сихъ поръ мнѣ не приходилось встрѣчать въ сѣрой обстановкѣ русской столичной журналистики. Онъ жилъ искусствомъ и для искусства, такъ безкорыстно и мечтательно, какъ это бываетъ съ одинокими людьми, которые, подобно блуждающимъ кометамъ, совершаютъ свой путь внѣ оцѣпенѣлаго круга обычныхъ человѣческихъ дѣлъ и интересовъ. Вся жизнь его казалась мнѣ молитвеннымъ славословіемъ красотѣ, еще не существующей, но ожидаемой. Иногда я изъ окна моей комнаты слѣдилъ за тѣмъ, какъ старикъ бодрымъ шагомъ спускался на дворъ и, куда-то направляясь, по дорогѣ разсѣивалъ вокругъ себя живую доброту и теплоту: почти не останавливаясь, онъ кидалъ привѣтливыя замѣчанія встрѣчнымъ крестьянамъ, заговаривалъ съ дѣтьми, поглаживая ихъ по головѣ. Ему кланялись съ дружескою почтительностью, нѣкоторые догоняли его, имѣя, повидимому, нужду въ его совѣтѣ. Онъ былъ мнѣ милъ, этотъ человѣкъ, какъ полуфантастическое созданіе, вышедшее изъ произведенія искусства. Иногда мнѣ думалось, что минута нашего прощанія будетъ для меня очень тягостна, и я гналъ отъ себя мысль о

разлукѣ, невольно задерживаясь въ этомъ чудесномъ уголкѣ и безпокойно вскрывая письма изъ Россіи, торопившія меня отъѣздомъ.

Однажды, въ прохладный сѣренькій день, когда я одиноко сидѣлъ на скамьѣ, взобравшись на гору, я вдругъ увидѣлъ быстро приближавшуюся ко мнѣ фигуру стараго энтузіаста. Онъ былъ, очевидно, хорошо настроенъ, особенно бодръ, словно послѣ освѣжительнаго, прохладнаго купанья. Еще не подойдя ко мнѣ, онъ уже громко говорилъ мнѣ что-то, и я сразу почувствовалъ, что предстоящая бесѣда будетъ полна съ его стороны особеннаго энтузіазма. Оказалось, что юноша былъ откомандированъ имъ на нѣсколько часовъ въ Мюнхенъ для пріобрѣтенія въ старой Пинакотекѣ нѣскольких важныхъ рисунковъ итальянскихъ мастеровъ. Старикъ ждалъ его возвращенія только къ вечеру, и намъ оставалось еще довольно много времени для совмѣстной прогулки. Я сообщилъ ему въ немногихъ словахъ, какія мысли приходили мнѣ въ голову по поводу леонардовскихъ мадоннъ. Леонардо-да-Винчи, создавая образъ богоматери по собственному пониманію, писалъ картины, какъ истый язычникъ ренессанса, съ сложными, но не цѣльными настроеніями, съ запутанной двойственной психологіей, которая разъѣдала душу, какъ скверная, распространенная тогда болѣзнь разъѣдала физическій организмъ. Онъ не могъ подняться до созданія свѣтлой красоты богоматери, но измыслилъ особенную св. Анну, похожую на Леду ренессанса, съ скрытно блудливою усмѣшкою и, можетъ быть, съ непрочнымъ, слабымъ скелетомъ.

— Да, да, — отозвался старикъ, — Леонардо-да-Винчи, при всемъ своемъ внѣшнемъ здоровьѣ, страдалъ глубокими внутренними болѣзнями, и самая ширина его мысли, схоластически запутанной и безпредѣльной, была ничѣмъ инымъ, какъ броженіемъ сложныхъ силъ, которыя не укладывались ни въ какую форму и не имѣли въ себѣ внутренняго простого центра. Религіозное чувство не давалось ему. Его мадонны, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя дошли до насъ, въ особенности рисунки этихъ мадоннъ, о которыхъ вы только что упомянули, не возбуждаютъ никакого религіознаго ощущенія, иначе говоря, не производятъ настоящаго эстетическаго впечатлѣнія. Въ рисункахъ этихъ мадоннъ, еще не покрытыхъ красками, отразилось то гнилостное разложеніе, на которое были обречены двойственныя натуры безсильной эпохи ренессанса. Это вы отмѣтили вѣрно. И въ области настоящаго религіознаго искусства, которое одно способно совершать великіе перевороты въ жизни людей, производить настоящую умственную революцію, дѣло Леонардо-да-Винчи проиграно навсегда. Да не смущаетъ васъ случайная волна, которая разливается въ современномъ обществѣ. Это общество находится наканунѣ великихъ событій, въ немъ еще только бродятъ потребности новой глубокой правды, но оно не обладаетъ силами для самостоятельнаго творчества. Въ броженіи умовъ болѣзненные процессы

ошибочно принимаются за вдохновенныя откровенія новаго типа. Банальное и напряженное исканіе оригинальности, которое чуждо истинно простымъ и истинно художественнымъ натурамъ, производитъ порою на интеллигентную толпу впечатлѣніе новаго поэтическаго подъема. А между тѣмъ, все это только скверная, ѣдкая уличная пыль, которая клубится изъ-подъ колесъ исторической колесницы, временно застилая дѣйствительныхъ возницъ культурнаго развитія. Все это пройдетъ и разсѣется, какъ прахъ—останется настоящее искусство, теплое, всеобъемлющее, святое въ своей банальной доступности. Останется то искусство, которое неразлучно съ религіознымъ экстазомъ, съ внутреннимъ богомъ человѣческой души, всевидящимъ, сострадательнымъ и нравственно-прекраснымъ... А Леонардо-да-Винчи, съ его безсильными и безпечными или рахитическими мадоннами, съ его разсудочной реторикой въ лицѣ св. Анны на картонѣ и претенціозной молчаливостью улыбающейся св. Анны-Леды на луврской картинѣ, умретъ, несмотря на свою геніальность, все болѣе и болѣе будетъ заслоняться отъ людей смутными легендами,— умретъ потому, что въ его виртуозномъ искусствѣ нѣтъ божественно-человѣчной простоты. Отравленное двоедушною критикою трогательнаго идеализма человѣческихъ сердецъ, оно постепенно онѣмѣетъ, заглохнетъ, когда народится настоящее новое, свѣтлое искусство, загадочное безъ шарадъ, какъ загадочна простая человѣческая жизнь. Да, Леонардо-да-Винчи не былъ проникнутъ принципами искусства, несмотря на всѣ его великіе эксперименты именно въ области искусства.

Я спросилъ старика, помнитъ ли онъ двѣ картины Леонардо-да-Винчи: «Св. Іеронимъ» въ галлереѣ Ватикана и «Поклоненіе волхвовъ» во Флоренціи въ Уффици.

Онъ отвѣчалъ съ обычной нервной быстротой:

— Помню, отчетливо помню. Но о ватиканскомъ Іеронимѣ не стоитъ говорить. Вы знаете печальную исторію его открытія, которая разсказывается во всѣхъ популярныхъ сочиненіяхъ о Леонардо-да-Винчи. Теперь этотъ Іеронимъ весь перемазанъ. Его лѣвая рука похожа на лапу какого-то бѣлаго медвѣдя Лицо въ непріятной гримасѣ—не то страдальческой, не то умильной—на подобіе скверныхъ кающихся Магдалинъ изъ школы Верроккіо. Выступающая на изможденномъ плечѣ ключица и мускулистая правая рука съ камнемъ очерчены великолѣпно въ анатомическомъ отношеніи, но зритель невольно выноситъ отъ всей этой фигуры какое-то физическое отвращеніе. Рисунокъ на ту же тему въ Виндзорѣ, на сѣро-голубой бумагѣ, производитъ лучшее впечатлѣніе, но и онъ показываетъ, какъ далекъ былъ въ душѣ Леонардо-да-Винчи отъ страстотерпическихъ темъ. Этотъ опершійся на одно колѣно Іеронимъ съ необыкновенно выписанной мускулистой спиной, съ откинутой назадъ правой рукой и

грубо-разбойническимъ профилемъ, является только великолѣпнымъ анатомическимъ упражненіемъ, а не психологическимъ наброскомъ. Что касается другой картины — «Поклоненіе волхвовъ», то я долженъ сказать вамъ, что, раздѣляя ваше мнѣніе о ея центральной фигурѣ — мадоннѣ, я вижу въ ней доказательство великаго, виртуознаго и изобрѣтательнаго таланта Леонардо-да-Винчи, хотя безъ внутренней религіозной сосредоточенности. По множеству дѣйствующихъ лицъ, по силѣ драматическаго движенія, изображеннаго въ жестахъ, позахъ, и по пестрому разнообразію экспрессіи лицъ, произведеніе это одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній всей итальянской живописи XV в. Нельзя представить себѣ болѣе точнаго изученія параллельныхъ явленій внутренней и внѣшней жизни. Въ такіе молодые годы, около тридцати лѣтъ, Леонардо-да-Винчи зналъ и помнилъ,—замѣтьте, помнилъ,—сложную работу мышцъ при самыхъ разнообразныхъ душевныхъ состояніяхъ. Это рядъ иллюстрацій на психологическую тему — удивленія. Когда я въ первый разъ стоялъ въ Уффици передъ этой картиной, я съ неудовольствіемъ вглядывался въ эту неоконченную и попорченную временемъ работу великаго мастера. Сначала какъ бы ничего не разбираешь, но потомъ начинаешь мало-по-малу улавливать широкое содержаніе и по смутнымъ намекамъ въ невыписанныхъ частяхъ догадываться о неистощимомъ разнообразіи намѣченныхъ характеровъ. Чтобы овладѣть смысломъ этой картины, я потомъ собралъ всѣ извѣстные подготовительные рисунки къ ней, надъ которыми работалъ Мюллеръ-Вальде и еще теперь работаетъ Мюнцъ. Это цѣлый рядъ эпизодовъ, задуманныхъ художникомъ для своей картины. Почти на всѣхъ этихъ рисункахъ повторяется фигура могучаго старика, который задумчиво глядитъ на происходящее. На одномъ изъ нихъ онъ стоитъ съ глубокомысленно сложенными на груди руками и опущенной головой. Характерно, что въ этихъ первыхъ наброскахъ фигуры дѣйствующихъ лицъ въ большинствѣ случаевъ представлены нагими. На данномъ рисункѣ старикъ видѣнъ въ профиль, причемъ лѣвая нога его нѣсколько согнута и опирается только на носокъ. Здѣсь же—смутный набросокъ другого старика, съ лицомъ Сократа, въ сидячей позѣ и нѣсколько молодыхъ лицъ, которыя смотрятъ на младенца—одни съ восхищеніемъ, другія, издалека, съ напряженнымъ и взволнованнымъ интересомъ. Младенецъ лежитъ у ногъ мадонны, при чемъ маленькій мальчикъ благоговѣйно ощупываетъ его головку. Тѣ же мотивы повторяются и на другихъ рисункахъ. Фигура старца, вдумчиво и мудро созерцающаго великое событіе, повторяется въ разныхъ варіантахъ—то въ одеждѣ, то безъ одежды. На самой картинѣ, распланированной съ античной правильностью, онъ поставленъ въ лѣвомъ углу и задрапированъ широкимъ плащомъ. Глаза его нѣсколько изподлобья глядятъ на происходящее передъ нимъ общее движеніе, въ которомъ самъ онъ не при-

нимаетъ участія. На одномъ изъ рисунковъ,—помните,—пять человѣкъ, сидя за длиннымъ столомъ, ведутъ оживленную бесѣду о волнующихъ событіяхъ времени. Пять человѣкъ — и пять различныхъ характеровъ. Я не знаю другого, столь маленькаго, почти въ однихъ только кон турахъ, рисунка, въ которомъ кипѣло бы столько жизни. Въ серединѣ молодой человѣкъ, который, направивъ палецъ въ неопредѣленное пространство, горячо обсуждаетъ что-то. Два старика слѣва слушаютъ его съ глубокимъ вниманіемъ: одинъ, бородатый, съ добродушнымъ удовольствіемъ, другой, съ острымъ профилемъ сатира,—съ скептической улыбкой. Направо — фигура юноши, мечтательно опирающагося щекою на лѣвую руку. Онъ слушаетъ тихо, съ нѣжнымъ внутреннимъ возбужденіемъ и напоминаетъ апостола Іоанна въ «Тайной вечерѣ». Наконецъ, пятый, отъ возбужденія, почти вскарабкался на столъ и простираетъ къ говорящимъ правую руку съ открытою ладонью. Кто видѣлъ хоть разъ этотъ этюдъ, никогда его не забудетъ. Въ немъ уже почти всѣ задатки будущей работы Леонардо-да-Винчи въ миланской Santa Maria delle Grazie, тѣмъ болѣе, что на той же бумагѣ имѣется маленькій набросокъ Христа передъ тарелкой на столѣ, на которую онъ указываетъ пальцемъ. Правая рука его положена на грудь—съ страдальческой рѣшимостью. Это, очевидно, моментъ, когда Христосъ прощается съ учениками, прося въ память о немъ вкушать хлѣбъ, какъ символъ его готоваго къ страданію тѣла. Тутъ же намѣчена карандашомъ фигура, съ лицомъ, закрытымъ обѣими руками. На двухъ другихъ рисункахъ, парижскомъ и лондонскомъ, набросана слѣдующая великолѣпная деталь: молодой человѣкъ, съ запрокинутымъ лицомъ и воздѣтыми руками, устремилъ глаза къ небу. Онъ знаетъ, что младенецъ родился, но чтобы окончательно увѣровать въ него, онъ молитъ о подтверждающемъ знаменіи, о чудѣ. Опять-таки я долженъ сказать, что во всемъ искусствѣ ренессанса я не встрѣчалъ столь поразительнаго по экспрессіи летучаго наброска. Когда я думаю о людяхъ, которые въ своей наивности не способны видѣть чуда въ простотѣ и естественности, я всегда вспоминаю этого юношу, который, впрочемъ, вошелъ въ картину съ обычными видоизмѣненіями... Вы видите, сколько умныхъ наблюденій и размышленій потребовалось для созданія картины «Поклоненіе волхвовъ». Леонардо-да-Винчи былъ въ своей родной стихіи, когда изображалъ толпу, которую онъ зналъ до тонкости: онъ изучалъ ее на базарахъ и на улицахъ и впослѣдствіи самъ группировалъ ее съ античнымъ совершенствомъ, устраивая въ Миланѣ торжественныя празднества и процессіи. Въ этомъ старцѣ, молчаливо присутствующемъ при шумномъ историческомъ событіи, онъ, можетъ быть, отразилъ самого себя. Онъ тоже наблюдалъ явленія жизни, при физической близости, изъ нѣкотораго духовнаго отдаленія, не участвуя въ нихъ сердцемъ. Когда я вернулся къ картинѣ послѣ изученія

рисунковъ, она ожила передо мною, какъ прекрасное трагическое представленіе на сценѣ. Подробности стали понятными. Смутныя замазанныя фигуры выдѣлились изъ мрака. Я понялъ, что хотѣлъ сказать художникъ маленькими фигурками задняго плана — воинами на лошадяхъ въ схваткѣ, похожей на его же битву при Ангіари въ сохранившейся копіи Рубенса: это холодное предвидѣніе распрей изъ-за Христа, съ кровопролитнымъ ожесточеніемъ, которое въ глазахъ художника, быть можетъ, является жизненнымъ доказательствомъ противъ идейнаго вліянія христіанства. На картинѣ, конечно, есть и человѣкъ съ поднятымъ пальцемъ. Лицо его чѣмъ-то напоминаетъ Св. Анну на картонѣ. Съ нимъ страстно бесѣдуетъ, простирая къ небу открытую ладонь, юноша, похожій по композиціи на юношу въ этюдѣ пяти бесѣдующихъ за столомъ человѣкъ. Вы видите,—несмотря на разрушительное дѣйствіе времени и незаконченность самой работы, это произведеніе Леонардо-да-Винчи болѣе или менѣе легко разгадывается и постигается въ своемъ внутреннемъ содержаніи. Изучая его, мы проходимъ, въ то же время, подготовительную школу для пониманія «Тайной вечери»...

Мы встали и пошли по дорожкѣ, спускаясь къ нашей гостинницѣ. Старикъ все еще казался пріятно возбужденнымъ, посматривалъ на меня, какъ бы ожидая репликъ, а на одной изъ скалистыхъ площадокъ остановился и вновь заговорилъ:

— Вы видите, эта картина запечатлѣлась въ моей памяти. Я сжился съ нею, какъ сживается память съ хорошо изученной страницей книги. Если интересоваться массовой психологіей въ художественномъ выраженіи, надо обратиться именно къ этой картинѣ. Наука сказалась въ ней поистинѣ великолѣпно. Леонардо-да-Винчи зналъ и всегда помнилъ, какія мускульныя сокращенія изображаютъ тѣ или другія состоянія души. Ничего онъ не забылъ при этомъ. На переднемъ и на заднемъ планѣ—все, рѣшительно все, люди, лошади, старики и юноши охвачены драматическимъ движеніемъ, съ разными оттѣнками, которые показываютъ, какъ великъ былъ интересъ художника къ научной сторонѣ его темы. Но ни одного безсмысленнаго лица, какія встрѣчаются въ народной толпѣ и скрываютъ за собою самоуглубленіе и безсознательную работу духа. Все кричитъ и волнуется,—цѣлый міръ мускульныхъ аппаратовъ, какъ художественная демонстрація научной идеи. Но есть настроенія, которыя совсѣмъ не выражаются напряженной игрою мускуловъ, для которыхъ нужна иная, ирраціонально вдохновенная концепція. Религіозная картина пишется по иному методу, съ иными чувствами и иною прозорливостью. Разгадывая картину Леонардо-да-Винчи, вы нервно перебѣгаете глазами съ одной фигуры на другую,—вы уже утомлены, но ничего не видите, не чувствуете. Дана такая разнообразная масса матеріаловъ, что вниманіе не знаетъ, на чемъ остановиться, къ чему

окончательно прилѣпиться, какъ къ идейному центру и сущности картины. Ни одной тихой, свѣтлой, прозрачной фигуры. То, что называется религіознымъ экстазомъ—скромный и смиренный экстазъ души, углубленное вниманіе къ невидимому, удивленіе передъ мерцающимъ божествомъ—въ картинѣ отсутствуетъ. Оно должно было быть, во всякомъ случаѣ, въ мадоннѣ, но эта рахитичная мадонна... вы уже сказали.

Когда мы вернулись въ гостинницу, юноши еще не было. Старикъ бодро расхаживалъ по комнатѣ, иногда останавливался передъ широкимъ столомъ съ разложенными фотографіями и взглядомъ опытнаго человѣка, сбоку, разсматривалъ ту или другую картину. Иногда онъ посматривалъ на часы, видимо поджидая своего мальчика. Дѣйствительно, не успѣли мы спуститься къ обѣденному столу, какъ онъ появился съ террасы, неся большую папку съ новыми заказанными въ Мюнхенѣ рисунками. Старикъ еще болѣе оживился, потребовалъ вина и закусокъ и, обращаясь къ намъ, сказалъ:

— Мы сегодня должны покутить, тѣмъ болѣе, что хорошо бы послѣ обѣда заняться нѣкоторыми важными произведеніями Леонардо-да-Винчи, въ которыхъ художникъ, въ разрѣзъ съ церковными преданіями, захотѣлъ быть настоящимъ язычникомъ, хотя оказался только язычникомъ ренессанса. Мнѣ хочется провѣрить вслухъ нѣкоторыя мои мысли о его Іоаннѣ Крестителѣ. Итакъ, наполнимъ фіалы, а передъ тѣмъ еще отвѣдаемъ вотъ этихъ вещей—для возбужденія вакхической жажды. Вы знаете веселый стихъ Беллинчіони: «Faccia ogni vivanda con finocchi». Для возбужденія жажды къ вину итальянцы времени возрожденія, какъ и современные итальянцы въ Романьѣ, употребляли «финокки»—пикантную овощь, которая, въ самомъ дѣлѣ, достигаетъ цѣли. Объ этихъ финоккахъ упоминаетъ и Маккіавели въ одномъ «Діалогѣ»—о гнѣвѣ, если только этотъ діалогъ, дѣйствительно, принадлежитъ ему. Въ Римини и Пезаро я еще самъ сравнительно недавно объѣдался этими финокками.

Старикъ пилъ вино съ особенной веселостью, усердно подливалъ мнѣ и съ покровительственной усмѣшкой поглядывалъ на своего ученика, который едва прикасался къ стакану.

Послѣ обѣда мы поднялись на верхъ и заняли мѣста, которыя уже стали для насъ привычными. Старикъ нашелъ три фотографіи—луврскихъ картинъ Вакха и Іоанна Крестителя и виндзорскаго рисунка Іоанна на голубой бумагѣ. Долго онъ всматривался въ луврскаго Вакха и, наконецъ, заговорилъ—возбужденно и нѣсколько запальчиво:

— Вотъ что я хотѣлъ вамъ сказать. Не буду разбирать вопроса о томъ, подлинное ли это произведеніе Леонардо-да-Винчи. Вамъ извѣстна, конечно, работа Джіузеппе Кампори. Имѣются свѣдѣнія, что Леонардо-да-Винчи, во всякомъ случаѣ, писалъ Вакха. Самъ я готовъ принять мнѣніе Пассована,—что этотъ луврскій Вакхъ есть костюмированный

Іоаннъ Креститель, которому какой нибудь живописецъ изъ правовѣрныхъ церковниковъ, возмущенный его языческимъ видомъ, придалъ аттрибуты Вакха—виноградный вѣнокъ и гроздья въ рукѣ. Присмотритесь внимательно къ лицу этого молодого красавца. Его пушистые локоны падаютъ на округленныя женственныя плечи, прикрывая по бокамъ лобъ, такъ что онъ кажется треугольникомъ, какъ у описанной вами эрмитажной Джіоконды. Глубокосидящіе глаза съ острымъ любознательнымъ взглядомъ подъ тонко очерченными бровями. Носъ длинный, узкій. Нижняя часть лица съ маленькимъ подбородкомъ напоминаетъ Леду. На губахъ улыбка—полуулыбка, освѣщающая все лицо, словно въ ожиданіи какого нибудь удовольствія. Правая рука, съ вытянутымъ пальцемъ, опираясь на грудь, указываетъ куда-то въ даль и въ сторону. Грудь—слишкомъ полная, съ мягкими складками. Лѣвая рука, на которую опирается тирсъ, тоже съ вытянутымъ пальцемъ—книзу, придерживаетъ виноградную вѣтвь съ гроздьями. Руки вообще не мускулистыя, съ неестественными для мужчины толстыми предплечьями. Ноги, закинутыя одна на другую, тоже совсѣмъ не мужскія: бедра полныя, округленныя, такія же икры, высокіе подъемы ступней. На лѣвой ногѣ—оттопыренный большой палецъ. Вотъ каковъ этотъ Вакхъ, сидящій на камнѣ подъ скалою. Вакхъ ли это или Іоаннъ Креститель—для меня въ сущности безразлично, потому что это не Вакхъ и не Іоаннъ Креститель. Если Леонардо-да-Винчи представлялъ себѣ Вакха съ такимъ тѣломъ, съ такимъ выраженіемъ лица—приходится сказать, что онъ имѣлъ о богѣ греко-латинской трагедіи крайне фальшивое представленіе: на луврской картинѣ передъ нами образъ какого-то гермафродита, существа, не развившагося въ опредѣленномъ направленіи. За этимъ лицомъ, съ пряной усмѣшкою, не чувствуется выдержаннаго характера—не говоря уже о христіанскомъ, но и въ языческомъ стилѣ. Древній міръ былъ міромъ упругой силы и стройныхъ пропорцій, а этотъ Вакхъ съ изнѣженнымъ тѣломъ и неразвившимися ожирѣвшими мышцами кажется совершенно безсильнымъ существомъ, выросшимъ въ комнатномъ бездѣйствіи. Въ немъ нѣтъ ничего значительнаго, ничего изступленно-веселаго или трагическаго, въ немъ нѣтъ той души, которая напрягала упругую струну античнаго тѣла, извлекая изъ нея безумно-божественный звукъ. Этотъ выдвинутый указательный палецъ руки, какъ и на картонѣ Св. Анны—не больше, какъ жестъ разсудочной реторики, которая такъ не подходитъ къ классическому Вакху. А эти мягкіе, симметрично ниспадающіе на плечи локоны, которые были-бы болѣе къ лицу молодой Лукреціи Борджіа, вызываютъ во мнѣ одно только недоумѣніе. Это Вакхъ! Если ренессансъ создалъ такое пониманіе древняго міра, то надо сказать, что никакая эпоха не была такъ далека по духу отъ этого міра! Онъ извратилъ представленіе объ этомъ мірѣ, потому что видѣлъ его сквозь призму своихъ физиче-

скихъ и нравственныхъ недуговъ, потому что смѣшалъ свои разнообразныя болѣзни съ чистой здоровой силой античныхъ народовъ, цѣльныхъ и простосердечныхъ въ своемъ нравственномъ и религіозномъ созерцаніи. И Леонардо-да-Винчи былъ дальше другихъ отъ дѣйствительнаго пониманія классической красоты... Я разсматривалъ эту картину, какъ изображеніе Вакха. Но представьте себѣ только, что Леонардо-да-Винчи хотѣлъ сдѣлать ни Вакха, а Іоанна Крестителя. Пусть это будетъ Іоаннъ Креститель ренессанса—какому затмѣнію нужно было подпасть, чтобы Іоанну Крестителю, удалившемуся въ пустыню для аскетическаго подвига и ожидающему, среди своихъ восторженныхъ галлюцинацій, пришествія новаго духовнаго вождя,—придать это женоподобное тѣло, тѣло гермафродита! Онъ указываетъ пальцемъ въ невѣдомое пространство—жестъ, къ которому Леонардо-да-Винчи прибѣгалъ каждый разъ, когда ему приходилось выражать свое скептическое отношеніе къ идеѣ христіанства. Припомните: Св. Анна на картонѣ энергично поднимаетъ палецъ къ небу, ангелъ на картинѣ «Мадонна въ скалахъ» направилъ палецъ на Іоанна, юноша въ «Поклоненіи волхвовъ» указываетъ пальцемъ на небо. Повсюду разсудочная критика Леонардо-да-Винчи находитъ себѣ яркое выраженіе въ кричащемъ жестѣ руки. Мистическій міръ, чуждый его собственной натурѣ, привлекается къ участію въ картинахъ художника, какъ уступка распространеннымъ вѣрованіямъ—и только. Онъ не одухотворяетъ этихъ картинъ, а остается чуждымъ жизни, внѣшнимъ авторитетомъ, на который можно указать пальцемъ народу, сохраняя двоедушную усмѣшку на лицѣ. Повторяю, этотъ луврскій Вакхъ, какъ бы плохо ни отражалъ онъ—въ перепорченной картинѣ—виртуозное мастерство Леонардо-да-Винчи, каждой своею чертою свидѣтельствуетъ о томъ, что блестящая эпоха ренессанса была въ то же время эпохою идейнаго упадка въ одномъ изъ самыхъ важныхъ историческихъ вопросовъ.

— Мнѣ думается, что Леонардо-да-Винчи хотѣлъ всетаки сдѣлать здѣсь Іоанна,—проговорилъ я. На это наводитъ виндзорскій рисунокъ, на которомъ молодой Іоаннъ, съ высокимъ крестомъ въ рукѣ,—стройный, сухой, пропорціонально сложенный, но тоже съ длинными, хотя и безпорядочно разсыпавшимися волосами, стоитъ, вытянувъ правую руку и указывая пальцемъ куда-то внизъ. Мнѣ кажется, что Леонардо-да-Винчи не сразу пришелъ къ своей послѣдней концепціи. Онъ колебался, видоизмѣнялъ черты слагавшагося образа и символизацію указательнаго пальца. На виндзорскомъ рисункѣ палецъ направленъ внизъ, на картинѣ—подъ названіемъ «Вакхъ»—палецъ устремленъ въ сторону и, наконецъ, на подлинномъ Луврскомъ Іоаннѣ Крестителѣ энергично воздѣтъ къ небу. Но и въ послѣднемъ случаѣ лицо остается языческимъ лицомъ ренессанса.

— Да, это характерное лицо—въ этомъ именно отношеніи. Не-

сомнѣнно, что это то-же лицо, что и у Вакха. Разсмотримъ его по частямъ...

Старикъ отошелъ отъ стола, зажегъ лампу и опустилъ шторы. Свѣтъ падалъ теперь нѣсколько сверху на фотографію, оживляя всѣ ея подробности.

— Посмотрите, — продолжалъ старый энтузіастъ. — У этого Іоанна Крестителя тѣ-же локоны, что и у Вакха,—золотистые локоны, вы помните. Они кажутся тщательно и терпѣливо завитыми кокетливой рукой и падаютъ по сторонамъ лба, образуя тотъ-же треугольникъ, какъ у Вакха и у вашей эрмитажной Джіоконды. Тѣ-же углубленные глаза съ острымъ взглядомъ, но опьяненные. Мягкія почти прямыя брови отдѣляютъ ярко-освѣщенный лобъ отъ затѣненныхъ глазныхъ впадинъ, придавая имъ характеръ какихъ-то глубокихъ безднъ. Длинный узкій носъ съ слегка раздутыми крыльями. Тотъ-же узкій маленькій подбородокъ, какъ у Вакха. Ротъ чувственный, съ углами, приподнятыми сладострастной усмѣшкой, какъ у Леды, но съ большей откровенностью и съ большимъ экстазомъ. Эта улыбка почти переходитъ въ смѣхъ, который приводитъ въ движеніе мускулы щекъ, ярко освѣщенныхъ, какъ и лобъ. Таково лицо Іоанна Крестителя! Мягкая шея незамѣтно переходитъ въ плечо,— полное, отлогое, искусительно бѣлѣющее въ яркомъ освѣщеніи, при поворотѣ фигуры въ три четверти. Грудь съ жировыми припухлостями. Верхняя часть правой руки, постепенно съуживающаяся къ локтю, нѣжно округленная, тоже скорѣе женская, чѣмъ мужская, съ неразвитыми мускулами. Эта рука согнута кверху, образуя между плечомъ и предплечьемъ мягкій тупой уголъ. Предплечье, пропорціонально утончаясь, переходитъ въ кисть, съ поднятымъ кверху, какъ-бы заостреннымъ указательнымъ пальцемъ. Эта свѣтлая рука выступаетъ на темномъ фонѣ какимъ-то фантастическимъ изгибомъ и производитъ на глазъ магически-приковывающее впечатлѣніе. Она напоминаетъ нѣкоторыми своими признаками руку Джіоконды: та-же нѣжная ткань жировыхъ наслоеній, которая даетъ ей характеръ бездѣятельной выхоленности. Указательный палецъ, преувеличенно длинный и тонкій, стройно возвышается надъ нѣсколько склоненнымъ къ нему большимъ и среднимъ пальцемъ, который съ особенной легкостью согнулся книзу. Эти три пальца очерчены съ изысканной индивидуальностью и тоже фантастически свѣтятся на темномъ фонѣ картины. Одна сторона руки въ полутѣни, которая закругляется по локтю до плеча. Лѣвая рука, упирающаяся двумя пальцами въ грудь, вся затѣнена и почти закрыта предплечьемъ правой. Эта лѣвая рука придерживаетъ шкуру, которая оставляетъ открытымъ правое плечо. Вся фигура въ цѣломъ, съ поворотомъ и легкимъ наклономъ головы, съ вызывающей усмѣшкой лица, производитъ впечатлѣніе томнаго сладострастія. Описывая эту картину, пылкій Клеманъ раз-

сказываетъ, что, любуясь впервые Вѣчнымъ Городомъ съ высоты холма, онъ все еще не могъ отрѣшиться отъ впечатлѣнія луврскаго Іоанна Крестителя. Римская Кампанья, надъ которой до сихъ поръ вѣетъ духъ могучей исторіи, не могла вытѣснить изъ его воображенія видѣніе этого женоподобнаго юноши съ золотыми локонами. Конечно, что значитъ въ глазахъ увлекающагося французскаго критика строгое великолѣпіе прошедшаго міра по сравненію съ хитроумною шарадою, вышедшею изъ подъ руки ученаго кудесника! О, да, этотъ Іоаннъ Креститель въ высшей степени характерное произведеніе для Леонардо-да-Винчи! Кто-то сказалъ, что это старый языческій богъ, который превращенъ неумолимою судьбою въ слугу христіанства, но который не можетъ не остаться вѣрнымъ своей природѣ. Тутъ кроется глубокая ошибка, фатальное непониманіе ренессанса. Въ лицѣ этого Іоанна Крестителя каждая черта запечатлѣна невольною измѣною классическому духу. Это женственное лицо,—лицо Леды, той Леды, художественный отголосокъ которой мы находимъ въ копіи съ картины Содомы. За этимъ гладкимъ лбомъ не скрывается дѣятельный умъ древнихъ героевъ, у которыхъ мысли быстро превращались въ дѣла. Это существо праздное, безвольное, обезсиленное чувственными грѣхами. Если это язычникъ, то изъ эпохи упадка. Въ глазахъ и въ улыбкѣ самоупоеніе избалованнаго существа, красота котораго носитъ на себѣ слѣды развращающихъ ласкъ—тѣхъ ласкъ, которыя притупляютъ нравственную воспріимчивость. Я-бы сказалъ, что это лицо человѣка, потерявшаго силу душевной простоты и потому одинаково чуждаго и старому, и новому міру. Какъ и Джіоконда, это существо надуманное, при созданіи котораго Леонардо-да-Винчи не пользовался никакими живыми воспріятіями. Онъ дѣйствовалъ здѣсь, хотя и стѣсняемый слегка сюжетомъ, по тому-же утонченно-тенденціозному методу, которымъ онъ пользовался въ своихъ наиболѣе идейныхъ картинахъ. Этотъ ярко-бѣлѣющій, поднятый къ небу палецъ, острый, какъ готическій шпиль, производитъ, въ связи съ улыбкою, такое-же безплодно раздражающее дѣйствіе, какъ лицо Джіоконды, т. е. именно такое впечатлѣніе, какого не должно оставлять настоящее художественное произведеніе. Вы чувствуете эту леонардовскую реторику, загадочную, предательскую, неуловимую. Этотъ магъ умѣлъ высказывать самыя подозрительныя вещи, мудро соблюдая всѣ приличія по отношенію къ суевѣрной толпѣ и обольщая интеллигентныхъ цѣнителей сложной и виртуозной красотой своихъ произведеній. Толпа должна была стоять въ смиренномъ изумленіи передъ этимъ женственнымъ красавцемъ—съ едва-едва намѣченнымъ крестомъ на дальнемъ планѣ и съ пальцемъ, указывающимъ на небо. А носители новѣйшей культуры, знающіе толкъ въ пряныхъ наслажденіяхъ, не могли не засматриваться съ тонкимъ блудливымъ удовольствіемъ на это лицо и тѣло, съ чертами не то Леды,

не то гермафродита. Въ этомъ удивительномъ произведеніи можно прочесть одну изъ самыхъ интересныхъ страницъ исторіи ренессанса: крестъ, намѣченный хотя и на дальнемъ планѣ, палецъ, воздѣтый къ небу, показываютъ, что народныя массы имѣли свою жизнь и, можетъ быть, своихъ героевъ, и великіе художники, служившіе развратнымъ владыкамъ, должны были дѣлать уступку этимъ массамъ. При этомъ вся композиція обнаруживаетъ тайные интересы и наклонности интеллигентныхъ верховъ. Ясно, что въ такихъ раздвоенныхъ композиціяхъ не можетъ быть художественной цѣльности и поэтической красоты. При всемъ совершенствѣ линій, при всемъ очарованіи формъ, при удивительной игрѣ свѣтотѣни, это произведеніе Леонардо-да-Винчи является только виртуознымъ фокусомъ—безъ глубокаго религіознаго содержанія...

Старикъ нервно отодвинулъ отъ лампы фотографію Іоанна Крестителя, и, взглянувъ на меня, замѣтилъ:

— Вамъ извѣстно,—такое мнѣніе о Леонардо-да-Винчи было доступно и современникамъ, по крайней мѣрѣ—наиболѣе просвѣщеннымъ.

— Да, мнѣ припоминается одно замѣчаніе графа Кастиліоне въ его геніальномъ сочиненіи «Cortegiano». Я люблю этотъ трактатъ, въ которомъ отразился съ такимъ совершенствомъ чистый воздухъ Урбино и настроеніе исключительнаго для того времени двора, умственно и нравственно превосходнаго. Въ особенности я люблю этотъ почти идеалистическій полетъ къ небу на послѣднихъ страницахъ трактата. Кастиліоне очень высоко цѣнилъ талантъ Леонардо-да-Винчи. Въ своихъ діалогахъ онъ упоминаетъ о немъ два раза—одинъ разъ прямо, другой разъ въ намекѣ. Онъ ставитъ его первымъ въ ряду замѣчательныхъ художниковъ: Мантенья, Рафаэль, Микель-Анджело и Джіорджіоне. Въ другомъ мѣстѣ, которое служитъ одновременно отголоскомъ общественнаго мнѣнія и собственныхъ эстетическихъ сужденій автора, онъ говоритъ о «странныхъ концепціяхъ и новыхъ химерахъ» художника, которыя не могли быть воплощены въ его искусствѣ. Мнѣ думается, что это выраженіе—«новыя химеры»—составляетъ безсознательное откровеніе тонкаго критика. Не всякая идея годится для искусства—иначе оно вполнѣ поглотило бы и науку, и философію, и вообще всю духовную жизнь человѣка. Талантъ художника заключается въ томъ, чтобы сознательно и безсознательно улавливать міръ тѣхъ идей, которыя могутъ воплотиться и создать ощутимую красоту. А идеи, которыя разсѣиваются, которыя странны и неуловимы, какъ химера,—вся эта оригинальная схоластика старыхъ и новыхъ временъ—не пригодны для искусства. Это понималъ тонко-художественный Кастиліоне.

На этомъ бесѣда наша прервалась. Я ушелъ въ свою комнату и долго сидѣлъ, перебирая разныя свои замѣтки, сдѣланныя по живымъ впечатлѣніямъ во время моихъ путешествій. Для меня окончательно вы-

яснилось, что ни богоматери, ни Іоанна Крестителя Леонардо-да-Винчи не создалъ и не могъ создать. Оставался еще трудный и сложный вопросъ о «Тайной вечерѣ». Я боялся, что какой-нибудь случай не дастъ завершиться моимъ занятіямъ при живомъ содѣйствіи стараго энтузіаста. Еще день-два и мнѣ неизбѣжно нужно будетъ уѣхать, и я рѣшилъ на слѣдующій же день затронуть эту тему, чтобы окончательно освободиться отъ власти великой художественной химеры—подъ именемъ Леонардо-да-Винчи. Я легъ въ постель поздно ночью, внушивъ себѣ подняться къ первому раннему завтраку.

Я всталъ освѣженный, съ ощущеніемъ, что провожу въ этихъ мѣстахъ послѣдній день. Къ моему великому удивленію, я уже засталъ стараго энтузіаста съ юношей за чайнымъ столомъ. Онъ пилъ кофе съ здоровымъ аппетитомъ, закусывая нѣмецкими Sämmel, которыя крошились на скатерти. На лицахъ обоихъ я замѣтилъ выраженіе вчерашней бодрости и спокойствія. Старикъ чему-то улыбался и, увидѣвъ меня, привѣтливо всталъ и протянулъ мнѣ черезъ столъ свою большую бѣлую руку съ длинными пальцами. Онъ жилъ напряженною жизнью, которая вспыхивала въ немъ съ первыми лучами солнца. Когда мы кончили утренній завтракъ, солнце уже высоко стояло надъ влажной землей, обѣщая прекрасный день. Въ воздухѣ пахло свѣжей росистой зеленью. Старикъ купилъ у дверей ресторана большой букетъ полевыхъ цвѣтовъ и быстро побѣжалъ съ нимъ по лѣстницѣ въ свой номеръ. Когда мы пришли туда съ юношей, цвѣты эти уже купались своими стеблями въ большомъ стаканѣ воды на боковомъ столикѣ, а самъ старикъ, держа въ лѣвой рукѣ нѣсколько фотографій, наклееныхъ на картонъ, правою энергично перебиралъ другія фотографіи, озабоченно отъискивая что-то, какъ профессоръ передъ лекціей. Потомъ онъ обернулся ко мнѣ съ улыбкою и сказалъ:

— Знаете, мнѣ кажется, сегодня—на прощанье съ вами—хорошо бы поговорить о «Тайной вечерѣ». Вѣдь это въ своемъ родѣ Парѳенонъ ренессанса, величественная руина, ни съ чѣмъ не сравнимая по своему характерному великолѣпію. Мнѣ думается, что весь міръ заинтересованъ въ существованіи этой полуразрушенной картины. Она существуетъ уже четыреста лѣтъ—въ слѣдующемъ году Италія будетъ праздновать ея четырехсотлѣтній юбилей. Но нужно сказать, что эти четыреста лѣтъ были ея постепеннымъ умираніемъ. Того и гляди она совсѣмъ поблекнетъ и осыплется со стѣны ветхаго монастыря. Признаюсь, мнѣ бы не хотѣлось быть современникомъ этого несчастья, великаго несчастья для искусства, потому что поколѣнія, видѣвшія эти тусклыя, но еще вдохновенныя пятна, знаютъ больше тѣхъ, для которыхъ они будутъ только фотографической и книжной легендой. Наука живописи съ ея утонченностями, съ ея открытіями, хотя въ данномъ случаѣ безъ религіозныхъ от-

кровеній, съ ея психологическими истинами, ни въ одномъ произведеніи не поднималась выше. Здѣсь Леонардо-да-Винчи стоитъ передъ цѣлымъ міромъ настоящимъ, до сихъ поръ непревзойденнымъ колоссомъ. И вотъ что важно прежде всего отмѣтить: въ своей «Тайной вечерѣ» онъ сразу разорвалъ съ условными преданіями и далъ развернуться своему таланту въ изображеніи различныхъ человѣческихъ характеровъ. Онъ далеко оставилъ за собою не только старинныя картины съ тѣмъ же содержаніемъ, но и знаменитую «Тайную вечерю» Андреа дель Кастаньо и «Тайную вечерю» Гирландайо. Вы знаете, картина Андреа дель Кастаньо до сихъ поръ кажется мнѣ великолѣпнымъ произведеніемъ. Она должна была повліять на Леонардо-да-Винчи смѣлостью композиціи и отдѣльними черточками въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ. Какъ прекрасенъ здѣсь молодой Матѳей, безбородый, съ длинными волосами, которые плотно падаютъ на спину. Въ своей бесѣдѣ съ Филиппомъ онъ—посмотрите—протянулъ руку съ открытою кверху ладонью, нѣсколько сходно съ руками Симона въ картинѣ Леонардо-да-Винчи. Лицо некрасивое, худое, но выразительное. А этотъ Ѳома, съ лицомъ, поднятымъ къ небу и лѣвой рукой, подпирающей подбородокъ! Мнѣ думается, что недовѣрчивый, разсудительный Ѳома долженъ былъ, дѣйствительно, углубиться въ одинокую умственную работу именно въ ту минуту, когда всѣ другіе, оживленные непосредственнымъ негодованіемъ, предавались шумному словесному изліянію. Правда, Кастаньо придалъ своему Ѳомѣ черезчуръ мечтательное выраженіе, но мнѣ нравится мысль художника—представить эту фигуру съ чертами умственной и душевной оторванности отъ окружающихъ сотоварищей. Очень хороша нѣжная, гибкая фигура Іоанна, приникшаго къ рукамъ на столѣ. Вообще вся картина, съ ея разнообразной жестикуляціей рукъ и мрачнымъ обликомъ Іуды, выдѣленнаго изъ среды апостоловъ, можно сказать, вошла, какъ элементъ, въ творчество Леонардо-да-Винчи. При грубости и сухости нѣкоторыхъ фигуръ, она обнаруживаетъ, во всякомъ случаѣ, смѣлый порывъ замѣчательнаго художника и потому неудивительно, что она могла повліять на воображеніе Леонардо-да-Винчи. Вѣроятно, онъ посмотрѣлъ на нее, какъ на сырой матеріалъ, который подъ его рукою долженъ былъ принять совершенно новую и небывалую по смѣлости форму. Движенья рукъ сдѣлались у него нѣмымъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ картины. Попытка сопоставить различные характеры превратилась въ психологическое изслѣдованіе съ блестящими живописными иллюстраціями. Однако, я твердо стою на томъ, что Андреа дель Кастаньо долженъ быть признанъ предшественникомъ Леонардо-да-Винчи въ обработкѣ этого труднаго сюжета.

Старикъ отложилъ въ сторону фотографію дель Кастаньо и придвинулъ другую:

— Теперь посмотрите. Вотъ картина на ту-же тему—Гирландайо. Ее тоже видѣлъ Леонардо-да-Винчи до переѣзда въ Миланъ, потому что картина была окончена въ 1480 г. Признаюсь, она мнѣ нравится меньше, чѣмъ картина Кастаньо, хотя она совершеннѣе по техникѣ и мягче по внѣшней экспрессіи. Вы замѣчаете прежде всего, что Гирландайо пытается ввести группировку фигуръ. Правда, группировка эта нѣсколько случайна и не выдержана. Отдѣльныя лица напоминаютъ картину Кастаньо. Петръ, говорящій черезъ столъ съ одиноко сидящимъ Іудой, держитъ въ правой рукѣ ножъ—намекъ, который у Леонардо-да-Винчи развернулся въ драматическое движеніе удивительной силы. Самое лицо Петра у Гирландайо кажется мнѣ, впрочемъ, вялымъ и черезчуръ простоватымъ. Вообще картина лишена оживленности и яркаго вдохновенія, хотя она вышла изъ души съ цѣльнымъ настроеніемъ. Взяты лица обыденныя, съ слишкомъ простымъ психическимъ строемъ, и потому мы не видимъ въ ихъ выраженіяхъ настоящаго поэтическаго подъема. Замѣтьте одну мелочь: въ картинѣ Андреа дель-Кастаньо юный апостолъ Іоаннъ склонилъ голову къ рукамъ. У Гирландайо онъ наклонилъ голову къ плечу Христа, какъ-бы только что приподнявъ ее отъ лежащихъ на столѣ рукъ. У Леонардо-да-Винчи эта подробность получила удивительную законченность и освѣтилась глубокимъ и нѣжнымъ содержаніемъ. Повторяю, картина Гирландайо, при значительномъ совершенствѣ работы, не проявляетъ внутренняго паѳоса и удовлетворяетъ меня менѣе, чѣмъ жесткая, но порывистая картина Андреа дель Кастаньо. А Леонардо-да-Винчи, только что переѣхавъ въ Миланъ, еще не вполнѣ осмотрѣвшись на новомъ мѣстѣ, уже стремился по своему переработать и воплотить свои флорентинскія впечатлѣнія, упавшія глубоко въ его мудрую и замысловатую душу. Нѣсколько лѣтъ онъ трудился надъ этой картиной, медленно, неторопливо, съ вѣчной самокритикой и широко допуская всякую чужую критику, отдаваясь работѣ только въ минуты вдохновенія. Онъ какъ-бы чувствовалъ, что передъ нимъ предстала величайшая въ мірѣ задача: изобразить Христа наканунѣ подвига, который отбросилъ на всю міровую исторію тѣнь, окутавшую человѣчество благодатною легендою. Леонардо-да-Винчи не могъ не знать, что его картина будетъ достойнымъ выраженіемъ всѣхъ его знаній и открытій, всего его живописнаго генія. И, дѣйствительно,—вспомните, какъ работалъ надъ этой вещью великій кудесникъ ренессанса. Какъ великолѣпны подробности, которыя сообщаетъ объ этомъ Банделло, тотъ самый Банделло, который записывалъ многія изъ своихъ новеллъ по разсказамъ блестящаго общества, собиравшагося у Цециліи Галлерани. Онъ зналъ Леонардо-да-Винчи, преклонялся передъ его геніемъ и слѣдилъ за его творческою работою, которая создала его удивительную и знаменитѣйшую «Тайную вечерю»—il miracoloso e famosissimo Cenacolo. Леонардо-да-Винчи допускалъ въ тра-

пезную доминиканскаго монастыря Santa Maria delle Grazie, гдѣ онъ писалъ свою картину, людей, которые интересовались ею, во время самой работы. Онъ очень любилъ, чтобы ему дѣлали замѣчанія съ полною свободою. Случалось иногда, съ восхищеніемъ разсказываетъ Банделло, что, взойдя на мостки съ восходомъ солнца, Леонардо-да-Винчи не оставлялъ кисти до темнаго вечера, забывая о пищѣ и питьѣ. Банделло съ удивленіемъ слѣдилъ за этимъ художественнымъ подъемомъ. Это бывало тогда, когда Леонардо-да-Винчи настраивался на работу и отдавался ей со страстью, какъ человѣкъ, который зналъ капризы творчества. Онъ ловилъ эти часы художественнаго экстаза и въ такое время онъ чувствовалъ себя на своихъ мосткахъ какъ-бы приподнятымъ надъ міромъ. Затѣмъ проходило два, три, четыре дня, когда Леонардо-да-Винчи почти не прикасался къ работѣ. Онъ только всматривался въ свои фигуры, обдумывалъ и критиковалъ. Иногда Банделло видѣлъ Леонардо-да-Винчи быстро идущимъ по направленію къ монастырю изъ герцогскаго дворца, гдѣ онъ дѣлалъ колоссальную конную статую Франческо Сфорца. Взобравшись на мостки, онъ бралъ кисть, дѣлалъ два-три мазка по одной или другой фигурѣ и затѣмъ быстро уходилъ. Тутъ-же, въ трапезной монастыря, Леонардо-да-Винчи иногда вдавался въ утонченныя бесѣды объ искусствѣ съ кардиналомъ Гурчензе. Вотъ какія свѣдѣнія мы находимъ у Банделло, и сквозь эти сообщенія, записанныя тонкимъ новеллистомъ вы видите величественную фигуру Леонардо-да-Винчи—въ минуты поэтической вдумчивости, подъема и упадка. Ясно, что Леонардо-да-Винчи писалъ по вдохновенію, медленно, съ тою мучительною самокритикою, которая у геніальной натуры можетъ превратиться иногда въ тормазъ для искусства. Для двухъ-трехъ мазковъ кисти онъ бросалъ работу надъ конной статуей, которой посвятилъ цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ и отъ которой до насъ ничего не дошло. Затѣмъ онъ ждалъ, терпѣливо, долго, пока изъ безднъ его души не поднимутся новыя живыя настроенія. Эти непретенціозныя сообщенія Банделло стоятъ многихъ современныхъ трактатовъ о Леонардо-да-Винчи... Но идемте дальше. Вотъ что разсказываетъ Джиральди, писатель XVI в., приводя характерныя преданія о томъ, какъ работалъ Леонардо-да-Винчи, преданія, которыя не расходятся съ сообщеніями Банделло, и, какъ мы сейчасъ увидимъ, съ достовѣрными на этотъ разъ показаніями Ломаццо. Когда Леонардо-да-Винчи принимался писать фигуру какого-нибудь человѣка, онъ обдумывалъ его общественное положеніе и свойства, т.-е.—долженъ-ли это быть человѣкъ знатный или плебей, привѣтливый или суровый, озабоченный или веселый, старый или молодой, раздражительный или спокойный, добрый или злой. Потомъ, остановившись на той или другой мысли, онъ отправлялся туда, гдѣ надѣялся встрѣтить людей такого рода. Тамъ онъ съ пристальнымъ вниманіемъ наблюдалъ лица, манеры, одежды и движенія. Найдя подхо-

дящую модель, онъ набрасывалъ ее карандашомъ въ своей маленькой книжкѣ, которую всегда держалъ за поясомъ. Такую подготовительную работу онъ повторялъ нѣсколько разъ, пока не заносилъ въ свой альбомъ всего, что было нужно для его произведенія. Такъ онъ поступалъ при всякой своей художественной работѣ и такъ-же, но съ особеннымъ терпѣніемъ, которое смущало окружающихъ, дѣйствовалъ онъ, когда писалъ «Тайную вечерю». Опять-таки я долженъ сказать, что въ этихъ немногихъ словахъ, предшествующихъ великолѣпному анекдоту, я вижу съ живою отчетливостью работающаго Леонардо-да-Винчи. Вотъ когда онъ долженъ былъ казаться толпѣ таинственнымъ магомъ, который всматривается въ людей своимъ острымъ взглядомъ для какихъ-то хитроумныхъ цѣлей. Я думаю, многіе боялись этого тихаго Леонардо-да-Винчи, который могъ мгновенно запечатлѣть своимъ карандашомъ черты встрѣчныхъ придавъ имъ особенный смыслъ. Кто знаетъ, сколько живыхъ людей могло узнать себя въ его каррикатурныхъ уродахъ, которые мелькали, можетъ быть, на тѣхъ-же листкахъ альбома, гдѣ возникали величавыя черты апостоловъ «Тайной вечери». О, я вижу Леонардо-да-Винчи въ эту лучшую, счастливѣйшую эпоху его жизни! И какъ прекрасно выступаетъ онъ въ анекдотѣ, который прошелъ черезъ всю литературу о Леонардо-да-Винчи, хотя въ искаженныхъ варіантахъ. Джиральди разсказываетъ, со словъ своего отца,—«человѣка съ острымъ умомъ и широкою разсудительностью» въ дѣлахъ искусства,—слѣдующее. Когда Леонардо-да-Винчи закончилъ фигуру Христа и одинадцати его учениковъ, онъ выписалъ тѣло Іуды вплоть до головы—и остановился. Доминиканцы, которые нетерпѣливо ожидали окончанія картины, обратились къ герцогу съ жалобою на медлительность художника. Герцогъ велѣлъ позвать къ себѣ художника и, когда тотъ пришелъ, выразилъ ему свое удивленіе по поводу того, что онъ такъ замедляетъ работу. Леонардо-да-Винчи отвѣчалъ, что ему кажется страннымъ неудовольствіе герцога, ибо не проходитъ и дня, чтобы онъ не тратилъ на свою работу два или три часа. Когда монахи повторили свою жалобу, герцогъ передалъ имъ слова Леонардо-да-Винчи. Монахи сказали: «государь, остается написать только голову Іуды, потому что всѣ другія фигуры закончены. Принимая въ разсчетъ, сколько времени онъ употребилъ на другія головы, можно сказать, что если-бы онъ въ самомъ дѣлѣ работалъ по два часа въ день, какъ заявлялъ вашей свѣтлости, вся картина была-бы окончена. Но въ томъ-то и дѣло, что прошелъ уже цѣлый годъ, какъ его совсѣмъ не видно въ монастырѣ, а о работѣ надъ картиною ужъ и говорить нечего». Тогда разгнѣванный герцогъ послалъ за Леонардо-да-Винчи и съ мрачнымъ видомъ сказалъ ему: «монахи утверждаютъ, что ты цѣлый годъ уже не появляешься въ монастырѣ,—какъ-же ты говорилъ мнѣ, что работаешь ежедневно по два часа въ день»?—Винчи отвѣчалъ: «что понимаютъ эти

монахи въ живописи! Они сказали правду—я уже давно не былъ въ монастырѣ, но они говорятъ неправду, отрицая, что я ежедневно употребляю по крайней мѣрѣ два часа на этотъ образъ... Свѣтлѣйшій государь,—продолжалъ онъ съ усмѣшкою,—мнѣ осталось сдѣлать голову Іуды, который, какъ вы знаете, былъ великимъ предателемъ и котораго нужно изобразить съ лицомъ, соотвѣтствующимъ его великому злодѣянію. И хотя среди тѣхъ, которые обвиняютъ меня передъ вами, есть лица, удивительно подходящія для Іуды, тѣмъ не менѣе, чтобы не заставить этихъ людей стыдиться самихъ себя, я уже втеченіе цѣлаго года, вечеромъ и утромъ, ухожу въ Боргетто, гдѣ живутъ подонки общества и преступники,—исключительно для того, чтобы подъискать модель для Іуды. Но до сихъ поръ я еще не нашелъ ее. Какъ только она найдется, я въ одинъ день закончу мою работу. Но если я не найду подходящаго человѣка, я воспользуюсь головой отца пріора, который такъ докучаетъ мнѣ.»—Герцогъ весело разсмѣялся... Разсказъ Джиральди кончается сообщеніемъ, что, спустя нѣкоторое время, Леонардо-да-Винчи встрѣтилъ таки на улицѣ искомую модель, тутъ-же въ грубыхъ чертахъ схватилъ и запечатлѣлъ ее въ своемъ альбомѣ, а затѣмъ, воспользовавшись и другими прежними набросками, довелъ фигуру Іуды до конца. Писатель прибавляетъ, что этотъ Іуда имѣетъ печать предательства какъ-бы на самомъ своемъ челѣ.

Старикъ остановился, испытующе посмотрѣлъ на своего ученика—добрымъ взглядомъ, затѣмъ подошелъ къ книжной полкѣ и снялъ четыре книги—одну въ старинномъ переплетѣ, три другихъ, пожелтѣвшихъ отъ времени, безъ переплета. Онъ разложилъ ихъ на столѣ, быстро отыскалъ нужныя ему страницы и опять заговорилъ:

— Теперь посмотримъ, что разсказываетъ намъ Ломаццо. Безъ этихъ книгъ нельзя обойтись при изученіи Леонардо-да-Винчи. То здѣсь, то тамъ мы находимъ у Ломаццо драгоцѣнныя свѣдѣнія, а иногда Леонардо-да-Винчи вдругъ выступаетъ передъ нами у этого не мудраго, но кропотливаго писателя, какъ живой человѣкъ. И у Ломаццо мы находимъ разсказъ въ духѣ Джиральди о томъ, какъ писалъ Леонардо-да-Винчи. Однажды, задумавъ изобразить смѣющихся людей, онъ выбралъ нѣсколько человѣкъ, которые, по его мнѣнію, подходили къ намѣченной цѣли, и, близко сойдясь съ ними, пригласилъ ихъ на пиршество вмѣстѣ съ своими друзьями. Когда они собрались, онъ подсѣлъ къ нимъ и сталъ разсказывать имъ самыя нелѣпыя и смѣшныя вещи въ мірѣ. Компанія смѣялась «до вывиха челюстей»—alla smascellata, а самъ онъ слѣдилъ за тѣмъ, что съ ними дѣлалось подъ вліяніемъ его смѣшныхъ разсказовъ и запечатлѣвалъ все это въ своей памяти. Послѣ ухода гостей, онъ удалился въ рабочую комнату и воспроизвелъ ихъ съ такимъ совершенствомъ, что рисунокъ его заставлялъ зрителей смѣяться такъ-же, какъ

смѣялись живыя модели отъ его разсказовъ. Это, конечно, то-же самое, что передаетъ Джиральди. Чтобы создать картину, тотъ или другой образъ, Леонардо-да-Винчи долженъ раньше произвести множество смѣлыхъ опытовъ надъ человѣческими душами. Онъ то наблюдаетъ, то экспериментируетъ. Иногда онъ цѣлыми мѣсяцами рыщетъ по грязнымъ переулкамъ Боргетто, чтобы уловить предательскія черты Іуды, иногда—лукаво завлекаетъ къ себѣ людей съ подходящими физіономіями и утонченнымъ воздѣйствіемъ осторожнаго краснорѣчія превращаетъ ихъ въ какіе-то безвольные экземпляры для его научно-художественной работы. Приглашенные хохотали до упаду, сами не зная, надъ чѣмъ хохочутъ, а Леонардо-да-Винчи исподтишка слѣдилъ за ними своимъ острымъ взглядомъ, ничѣмъ не выдавая своихъ намѣреній. Тутъ-же, на той-же страницѣ у Ломаццо, мы находимъ еще нѣсколько драгоцѣнныхъ указаній. Леонардо-да-Винчи, пишетъ онъ со словъ современниковъ, любилъ присутствовать при казни преступниковъ. Онъ наблюдалъ судорожныя движенія бровей, глазъ и всего тѣла. Это тоже великолѣпная подробность, рисующая Леонардо-да-Винчи. Онъ не переставалъ наблюдать, какъ анатомъ и физіологъ, и надъ людьми, приговоренными къ смерти. Вы знаете, среди рисунковъ Леонардо-да-Винчи есть одинъ—въ Лондонѣ, изображающій убійцу Джіуліано Медичи—летучій набросокъ, сдѣланный въ 1478 г. на мѣстѣ казни. Леонардо-да-Винчи любилъ также наблюдать кулачныя и другія состязанія, упражненія паяцевъ, нравы и кокетство свѣтскихъ женщинъ, чтобы постигать въ совершенствѣ всѣ тонкости жизни, какъ справедливо замѣчаетъ Ломаццо. Соедините все это съ тѣмъ, что сообщаютъ Банделло и Джиральди, и вы имѣете почти полную картину художественнаго метода Леонардо-да-Винчи, его пріемовъ, его ненасытнаго и вѣчнаго исканія живой человѣческой экспрессіи, живыхъ образцовъ для отвлеченныхъ идей. Теперь обратимся къ тому, что разсказываетъ Ломаццо о самой «Тайной вечери». Изумительнѣйшій художникъ, Леонардо-да-Винчи, написавшій эту картину, придалъ Іакову Старшему и Іакову Младшему такую красоту и такое величіе, что, пожелавъ сдѣлать Христа, несмотря на все свое искусство, не могъ уже найти для него достаточной полноты совершенства. Придя въ отчаяніе, онъ рѣшилъ посовѣтоваться съ Бернардо Зенале, который сказалъ ему: «О, Леонардо, ошибка, которую ты допустилъ, такъ велика и такого свойства, что никто, кромѣ Бога, не можетъ помочь тебѣ. Не въ твоей власти и не во власти другихъ людей найти большую божественность и красоту, чѣмъ божественность и красота, которую ты придалъ Іакову Старшему и Іакову Младшему. Нужно примириться съ этимъ: пусть Христосъ остается несовершеннымъ, потому что ты не сдѣлаешь настоящаго Христа рядомъ съ такими апостолами». Леонардо такъ и поступилъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться еще и теперь, хотя кар-

тина—прибавляетъ Ломаццо—уже совершенно разрушена. Во всей литературѣ о Леонардо-да-Винчи я не знаю мѣста болѣе важнаго и многозначительнаго. Христосъ остался, по собственному мнѣнію Леонардо-да-Винчи, недописаннымъ, какъ впослѣдствіи и другое произведеніе его—Джіоконда. И тутъ-же, только что переживъ вмѣстѣ съ Ломаццо волненія великаго художника, вы узнаете о трагической судьбѣ его замѣчательнѣйшаго произведенія. Свѣдѣнія Ломаццо относятся къ 1560 году, и уже тогда, т. е. черезъ какихъ-нибудь шестьдесятъ съ небольшимъ лѣтъ, она была вся разрушена, rovinata tutta. Какое несчастіе для художника, прибѣгавшаго всегда къ утонченнымъ средствамъ науки для наиболѣе глубокомысленнаго и сильнаго воплощенія своихъ идей. Картина, которая должна была перейти въ отдаленнѣйшее потомство, «какъ полный сводъ его знаній», по чудесному выраженію Ланци, картина, которая разрѣшала и, какъ убѣжденъ Ломаццо, разрѣшила огромную задачу—показать воздѣйствіе души на тѣло, эта картина стала быстро угасать и облупливаться на сырой стѣнѣ доминиканскаго монастыря. Ломаццо говоритъ не о цѣльномъ впечатлѣніи отъ картины, написанной масляными красками, а только о великолѣпіи ея рисунка, который никогда не потеряетъ своего значенія... Но идемте дальше, дальше. Проходитъ еще нѣсколько лѣтъ, и Вазари, побывавъ въ 1566 г. въ Миланѣ, застаетъ на стѣнѣ монастыря только «тусклое пятно». Въ восьмидесятыхъ годахъ того-же XVI столѣтія Арменини еще восторгается остатками картины, говоря въ то-же время объ ея разрушеніи. Онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, что Леонардо-да-Винчи писалъ свою «Тайную вечерю» лѣвой рукой! Вы понимаете, какое это должно было производить впечатлѣніе, когда Леонардо-да-Винчи, стоя на мосткахъ, выписывалъ свои удивительныя фигуры лѣвой рукой, держа въ правой палитру. Странные капризы бываютъ у геніальныхъ людей! Но эта картина—гораздо болѣе доступная пониманію, чѣмъ почеркъ его манускриптовъ, писанныхъ тоже лѣвой рукой справа налѣво—испытала еще худшую судьбу, чѣмъ его неразборчивыя каракули съ изложеніемъ по истинѣ замѣчательныхъ научныхъ мыслей и открытій. Сообщеніе Арменини заканчиваетъ собою интересныя сообщенія о «Тайной вечерѣ» въ литературѣ XVI в. Въ началѣ XVII в. былъ открытъ рукописный—на латинскомъ языкѣ—отзывъ Рубенса о картинѣ. Рубенсъ восторгается умѣніемъ Леонардо-да-Винчи придавать каждому предмету свой особенный характеръ. Онъ указываетъ на то, что, соблюдая постепенность и мѣру въ изображеніи душевныхъ состояній, Леонардо-да-Винчи выдвигалъ существенное, не давая воображенію увлекаться пустыми мелочами. «Тайная вечеря» кажется Рубенсу величайшимъ произведеніемъ художника. Христосъ, сидя на подобающемъ мѣстѣ, посрединѣ, выдѣляется свободою своихъ движеній и величавымъ спокойствіемъ, тогда какъ апо-

столы находятся въ волненіи и смятеніи, сохраняющемъ, однако, благородный характеръ. Къ тому-же XVII вѣку относится удивительное, тонко-артистическое описаніе «Тайной вечери», сдѣланное кардиналомъ Борромео, который былъ приведенъ въ ужасъ распаденіемъ картины и заказалъ ея копію. Можно сказать, что всѣ, писавшіе о «Тайной вечерѣ», прибавляли по одной новой черточкѣ къ критической оцѣнкѣ ея. Въ этомъ отношеніи описаніе Борромео занимаетъ, конечно, первое мѣсто. Затѣмъ нѣсколько фразъ, писанныхъ въ 1674 г. Карло Торре, передаютъ, съ поэтическимъ огонькомъ, впечатлѣніе, которое производила «Тайная вечеря» въ его время. Картина кажется Торре заходящимъ солнцемъ. Косые лучи его, говоритъ онъ, уже не ярки, но даютъ еще представленіе о томъ, какими они были, когда солнце стояло въ зенитѣ. Можно еще различить на стѣнѣ монастыря живыя видѣнія—фигуры въ могучихъ рисункахъ, лучезарныя краски, удивительную распланировку. Одинъ писатель подмѣтилъ маленькую, но выразительную деталь въ картинѣ: Іуда опрокинулъ на столѣ солонку—тревожный знакъ того, что онъ нарушилъ миръ въ этомъ кружкѣ людей, связанныхъ неземной дружбой. Другой писатель останавливаетъ вниманіе на характерѣ Іуды, невѣрно передавая при этомъ анекдотъ Джиральди о жалобахъ доминиканскихъ монаховъ на медлительность художника. XVIII и XIX вѣка въ сущности только повторяютъ отзывы и сообщенія прежнихъ авторитетныхъ писателей. А между тѣмъ картина все больше и больше разрушалась—тускнѣла, осыпалась. Во второй половинѣ XVII в. монахи, желая устроить болѣе широкій входъ въ трапезную, прорубили нижнюю часть стѣны, захвативъ ноги нѣсколькихъ апостоловъ и самого Христа. Тогда-же надъ головою Христа былъ повѣшенъ гербъ австрійскаго императора, который изъязвилъ эту голову, какъ новыя терніи воинской жестокости. Въ 1726 г. какой-то дерзкій невѣжественный живописецъ, Беллоти, взялся реставрировать картину тайными средствами, и монахи допустили его до этой кощунственной работы. Потомъ, въ 1770 г., было совершено еще одно реставраторское посягательство на картину—художникомъ Мацца, посягательство, которое произвело шумную тревогу въ миланскомъ обществѣ. Черезъ двадцать шесть лѣтъ послѣ этого, когда Миланомъ завладѣли войска Бонапарта, трапезная монастыря, вопреки приказанію молодого полководца, была превращена въ конюшню, затѣмъ въ сѣновалъ. Испаренія конскаго навоза покрыли всю картину густою плѣсенью. На стѣнѣ выступила влага, которая текла по картинѣ прозрачными струйками. При этомъ—по чудовищному, но достовѣрному сказанію—солдаты забавлялись, швыряя въ головы апостоловъ кирпичами, слѣды которыхъ остались до сихъ поръ... Были еще новыя попытки реставрировать картину—о нихъ подробно разсказываетъ Уціелли, хотя о нихъ уже не стоитъ говорить: возстановить картину никогда не удастся и ей суж-

дено остаться разрушеннымъ Пареенономъ ренессанса. Сохранились только вдохновенныя пятна. Аморетти правъ, говоря, что эти пятна надо разсматривать не вблизи, а издали. Тогда они оживаютъ и сквозь смутный туманъ проступаютъ черты характерныхъ фигуръ съ говорящими лицами и съ сложнымъ, возбужденнымъ тѣлодвиженіемъ. О, я никогда не забуду моего настроенія, когда я, наконецъ, разглядѣлъ этихъ людей, съ ихъ разнообразными обликами—весь этотъ живописный сводъ знаній великаго мыслителя. Я уходилъ и вновь приходилъ туда, въ эту бывшую трапезную, которая превратилась теперь въ статью постояннаго дохода для заинтересованныхъ людей. Въ прохладномъ сумракѣ миланскаго готическаго собора, къ которому Леонардо-да-Винчи тоже приложилъ свою руку—какъ архитекторъ, я обдумывалъ это произведеніе, невольно поддавался его очарованію и такъ-же невольно сопротивлялся ему, боролся съ нимъ—во имя чего-то иного, высшаго, не столь разумно-превосходнаго, но безумно-хорошаго и безумно божественнаго, чего не было у Леонардо-да-Винчи.

Старикъ нашелъ нѣсколько фотографій картины и эскизовъ, разставилъ ихъ на столѣ, прислонивъ къ разнымъ предметамъ, и заговорилъ тихо и задумчиво:

— Вотъ посмотрите на Христа. Начнемъ изученіе картины съ этой фигуры, потому что она является центромъ, и отъ нея въ обѣ стороны разливается страстное движеніе. Мы уже знаемъ, что Леонардо-да-Винчи не выписалъ этой фигуры до конца. Ломаццо думаетъ, что задача изобразить богочеловѣка непосильна ни для какого таланта, даже такого таланта, какъ «самъ Леонардо». Я думаю, что тутъ причина другая, болѣе глубокая. Посмотрите на этого Христа. Нельзя представить себѣ болѣе тонкой интеллигентности въ живописномъ изображеніи. Какая разница между этимъ Христомъ и сухимъ, жесткимъ Христомъ Андреа дель Кастаньо или безцвѣтно-добрымъ Христомъ Гирландайо. Его длинные, слегка волнистые волосы расчесаны, согласно преданію, на двѣ стороны съ проборомъ посрединѣ и легко падаютъ на плечи. Продолговатое лицо съ полуопущенными скорбными глазами. Голова наклонена влѣво. Носъ довольно длинный, съ маленькой горбинкой—какъ на рисункѣ Христа Леонардо-да-Винчи въ миланской галлереѣ Брера. За невысокимъ, въ верхней части нѣсколько выпуклымъ лбомъ чувствуется мягкій умъ. Брови дугообразно приподняты и надъ ними обозначаются двѣ легкія морщинки. Щеки худыя, съ выступающими скулами. Нижняя часть лица, сильно осыпавшаяся на картинѣ, особенно съ лѣвой стороны, оставляетъ несовсѣмъ ясное впечатлѣніе, но въ тонкихъ губахъ, изъ которыхъ нижняя немного выступаетъ впередъ, ощущается страданіе съ оттѣнкомъ горечи. Узкій длинный подбородокъ, съ негустою растительностью, открытая

шея съ замѣтными сухими мускулами. Христосъ одѣтъ въ красную тунику, въ изящныхъ складкахъ и съ аграфомъ на груди, а черезъ лѣвую руку перекинута синяя мантія—тоже въ складкахъ, широкихъ, художественно выписанныхъ. Такимъ выступаетъ Христосъ, если долго и пристально всматриваться въ эти пятна на стѣнѣ трапезной. Передъ нами человѣкъ съ тихою сосредоточенною жизнью души, съ тонкою чувствительностью, съ нелюбовью къ драматической суетѣ. Можетъ быть, на этомъ лицѣ, когда оно не было изуродовано разрушеніемъ и реставраціей, читалось недоумѣніе нравственно-чистой, но несложной натуры передъ проявленіемъ злобнаго или фанатическаго предательства. Теперь многія черты стерлись, иныя исказились, но все-таки я не вижу въ этомъ лицѣ, при его нѣжной интеллигентности, той метафизической глубины, тѣхъ фантастическихъ откровеній, какихъ ожидаешь отъ Христа наканунѣ его великаго страстотерпчества. Подумайте только,—онъ сидѣлъ между своими учениками, зналъ, чуялъ, угадывалъ приближающуюся смерть, невольно соединялъ въ своемъ умѣ наступающія событія съ своими божественными идеями и настроеніями. Онъ мыслилъ съ тѣмъ проникновеніемъ за черту видимаго, которое называется религіознымъ мечтаніемъ. Вы понимаете меня,—Христосъ именно мечталъ, связывалъ два различныхъ міра и, такъ сказать, развязывалъ узелъ своей собственной земной жизни, идя къ освобожденію. Онъ мечталъ, философствовалъ, фантазировалъ, открывая божественное начало своей души. И такое мгновеніе въ жизни каждаго человѣка мы должны считать проявленіемъ божественной правды и нравственной красоты. Вотъ почему я думаю, что Ломаццо неправильно понялъ причину, по которой Леонардо-да-Винчи не довелъ до конца этой фигуры на своей картинѣ. Дѣло вовсе не въ томъ, что на апостоловъ Іакова Младшаго и Іакова Старшаго художникъ излилъ лучшія свои настроенія, и не въ томъ, что никакому художнику вообще не доступно изображеніе историческаго богочеловѣка,—а исключительно въ томъ, что Христу надо было дать ту высшую ирраціональную красоту, то тихое священное безуміе, которое не было родственно душѣ Леонардо-да-Винчи. Черта недоумѣнія, которая выступаетъ на этомъ страдальческомъ лицѣ съ опущенными глазами, сообщаетъ ему, по моему мнѣнію, характеръ нѣкоторой ограниченности и внутренней незаконченности. Въ его скорби нѣтъ того ясновидѣнія, которое придаетъ настоящей религіозной скорби мечтательную легкость. Не забудьте—Христосъ говорилъ: бремя мое легко, иго мое благо. О, для меня въ этихъ словахъ вся философія евангелія, ея таинственныя крылья, которыя, опираясь на прозрачную стихію вѣчной правды, поднимаютъ и несутъ человѣка надъ тяжелыми огорченіями и тревогами жизни. Леонардо-да-Винчи, со свойственною ему изысканностью, представилъ Христа съ опущенными глазами. Можно допустить,

что художникъ хотѣлъ намекнуть на деликатность Христа, который опасался невольнымъ движеніемъ своего взгляда выдать измѣнника. Но напрасно! Я хотѣлъ-бы видѣть эти глаза Христа смотрящими въ безпредметную даль, съ тою неопредѣленною мечтательностью, которая, какъ и все истинно религіозное, полна не внѣшняго, а внутренняго содержанія. Этого мы не находимъ на картинѣ Леонардо-да-Винчи. Повторяю: передъ нами интеллигентное лицо, представляющее послѣднее слово искусства Леонардо-да-Винчи, но въ то-же время показывающее, какъ безконечно далекъ былъ художникъ отъ всякаго пониманія того, что такое богочеловѣчность въ жизни людей и чѣмъ былъ этотъ богочеловѣкъ великой исторической эпохи. Теперь посмотрите на руки Христа. Отъ этихъ рукъ нельзя оторваться, онѣ здѣсь еще болѣе краснорѣчивы, чѣмъ лицо, въ нихъ сказалось высшее мастерство художника. Руки эти живутъ и даже въ мутныхъ пятнахъ разрушенія говорятъ къ вамъ волнующимъ языкомъ. Онѣ раскинуты свободнымъ мягкимъ жестомъ на столѣ. Правая прикасается большимъ пальцемъ къ скатерти, а остальные пальцы нервно приподняты. Вы понимаете мысль этого движенія: Христосъ, возбудивъ страстное волненіе въ двухъ группахъ учениковъ, сидящихъ направо отъ него, какъ-бы несовсѣмъ доволенъ эффектомъ своихъ словъ и хотѣлъ-бы остановить смятеніе. Вблизи сидитъ Іуда и, быть можетъ, это является лишней причиной нервной дрожи приподнятыхъ пальцевъ Христа. Лѣвая рука, съ открытою вытянутою ладонью, опустилась на столъ своими тонкими пальцами. На эту руку художникъ бросилъ невыразимо нѣжный свѣтъ. Въ минуту общаго замѣшательства она остается выраженіемъ благороднаго спокойствія Христа, его сердечной мягкости и великодушія. Это единственная рука изъ всѣхъ рукъ, представленныхъ на картинѣ, въ которой нѣтъ никакой судороги, ни малѣйшей напряженности. А правая рука Христа все-таки дрожитъ. Вы видите, это замѣчательный образъ, но въ немъ есть раздвоеніе, незаконченность—и, слѣдовательно, нѣтъ и не можетъ быть настоящей идеальной красоты. Въ настоящей новой красотѣ, какъ и въ отжившей красотѣ классическаго міра, все должно быть цѣльно, законченно и божественно просто. А всѣ эти раздвоенія съ ихъ кошмарными томленіями и болѣзненными порывами—все это тлѣнъ, прахъ, предразсвѣтные сны, тяжелые сны. Пройдетъ еще нѣсколько времени—и наступитъ свѣтлый день!

Старикъ произнесъ послѣднія слова съ горячностью, съ волненіемъ, на минуту смолкъ и, мелькомъ бросивъ взглядъ на мальчика, продолжалъ:

— Идемте дальше. Направо отъ Христа сидитъ его любимый ученикъ—Іоаннъ. Босси, историкъ «Тайной вечери», дѣлаетъ по поводу этой фигуры слѣдующее тонкое замѣчаніе. Леонардо-да-Винчи показываетъ въ ней не одинъ, а два момента: по всей позѣ Іоанна и его ру-

камъ видно, что онъ только что откинулъ голову отъ плеча Христа къ Петру, который обращается къ нему теперь съ просьбою. Это мечтательная, созерцательная фигура, съ очень тонкими нервами, которые съ трудомъ выдерживаютъ яркія впечатлѣнія дня, смѣнившіяся глубокими настроеніями прощальной вечери. Онъ прислонялся къ плечу Христа потому, что былъ утомленъ, обезсиленъ и даже въ эту трагическую минуту, при неожиданныхъ для всѣхъ словахъ Христа, онъ видитъ все окружающее точно во снѣ. Въ мягкомъ, нѣсколько женственномъ лицѣ его, съ длинными волосами, и приподнятыхъ плечахъ чувствуется нѣкоторая напряженность. Глаза опущены и шея безсильно склонена къ Петру. Его зеленая туника въ складкахъ, съ такимъ-же круглымъ вырѣзомъ на шеѣ, какъ у Христа, и съ такимъ-же аграфомъ, его красный плащъ, перекинутый черезъ правую руку, придаетъ ему внѣшнюю изысканность. Въ лицѣ его что то отдаленно напоминаетъ Христа: онъ сжился съ его мыслями, почти слился съ его душою. Сложенныя руки его, съ сомкнутыми пальцами, покоятся на столѣ, подлѣ учителя, и какъ будто замерли въ полуснѣ. Одно сопоставленіе рукъ Христа и Іоанна показываетъ намъ разницу этихъ натуръ съ такимъ совершенствомъ, съ такой отчетливостью, на какую только былъ способенъ Леонардо-да-Винчи. Если бы я не видѣлъ ни головы, ни тѣла Іоанна на этой картинѣ, я по этимъ безвольно покоящимся рукамъ угадалъ-бы созерцательную, недѣятельную натуру апостола. Но нужно сказать, что на стѣнѣ трапезной эти руки почти исчезли въ бѣлесоватомъ туманѣ. Теперь присмотримся къ Іудѣ. Мы уже знаемъ, какія трудности Леонардо-да-Винчи преодолѣвалъ при созданіи этого образа. Онъ долго искалъ модели, обходя Боргетто, пока однажды, захвативъ въ душу какое-то случайное впечатлѣніе, рѣшился, наконецъ, изобразить его,—съ этими вотъ чертами. Въ самомъ дѣлѣ, Іуда выглядитъ настоящимъ злодѣемъ. Вспомните слова Джиральди: на самомъ челѣ его написано предательство! Смуглое лицо, въ профиль, выдѣляется темнымъ пятномъ среди освѣщенныхъ сѣдыхъ головъ Петра и Андрея. У него густые, слегка курчавые черные волосы, которые поднимаются на головѣ жесткой щетиной, и темная борода. Хищный орлиный носъ, скулистое лицо съ невысокимъ лбомъ, большое хрящеватое ухо и жилистая шея, открытая надъ бѣлымъ отложнымъ воротникомъ, — вотъ его внѣшнія характерныя особенности. Слыша разговоръ Петра и Іоанна, онъ повернулся и откинулся назадъ корпусомъ, опрокинувъ солонку, судорожно зажавъ въ правой рукѣ мошну, а лѣвую руку испуганно простирая впередъ, какъ-бы защищаясь отъ опасности. Эта рука лежитъ на столѣ почти такъ же, какъ правая, слегка трепещущая рука Христа: большой палецъ опирается на скатерть, а остальные приподняты и вытянуты по направленію къ Христу. Тутъ все характерно, и даже эта опрокинутая солонка кажется мнѣ чертою, достойною Лео-

нардо-да-Винчи, съ его любовью къ художественно-символическимъ знакамъ, хотя, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, можно допустить, что въ первоначальномъ видѣ картины этой опрокинутой солонки не было. Мнѣ думается, однако, что образъ Іуды, несмотря на мощные живописные контуры, не стоитъ на высотѣ общаго замысла картины. Леонардо-да-Винчи вывелъ въ немъ злодѣя и корыстолюбиваго предателя, почти на манеръ Андреа дель Кастаньо, и хотя Іуда Леонардо-да-Винчи сидитъ между учениками, онъ кажется черезчуръ рѣзко и грубо выдѣленнымъ — такъ же, какъ у Андреа дель Кастаньо и Гирландайо. Это не типъ идейнаго предателя, какимъ я хотѣлъ-бы его видѣть на картинѣ, — съ чертами убѣжденнаго демонизма, направленнаго противъ Христа. Иногда мнѣ кажется, что Леонардо-да-Винчи именно этой злодѣйской фигурой сдѣлалъ уступку преданіямъ, которымъ онъ не сочувствовалъ. Онъ не былъ откровененъ, набрасывая эти грубыя черты низменной натуры. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что въ замѣчательномъ виндзорскомъ рисункѣ, сдѣланномъ краснымъ карандашомъ, Іуда представленъ совсѣмъ инымъ. Это злой и тонкій мудрецъ особеннаго типа. Въ глаза бросается широкая шея съ напряженными мускулами и вздутыми жилами. Голова съ короткими сѣдыми волосами отклонена, нижняя челюсть съ длиннымъ тонкимъ подбородкомъ энергично выступаетъ впередъ подъ сжатыми, ввалившимися губами. Вся эта нижняя челюсть обрисована извилистой костлявой линіей. Ни одной прямой мягкой черты. Широкое, наклонное ухо вростаетъ въ скулу. Высокій покатый лобъ съ глубокими морщинами, съ торчащими бровями. Небольшіе глаза глядятъ изъ глубины острымъ, хищнымъ взглядомъ. Горбатый, орлиный носъ, отъ котораго расходятся по сухимъ впавшимъ щекамъ глубокія складки. Вотъ настоящій идейный предатель въ изображеніи, которому я не знаю ничего равнаго въ живописи всѣхъ народовъ. Какъ долженъ былъ говорить такой человѣкъ, сколько убійственнаго сарказма могло быть въ его словахъ и сатанинскаго смѣха надъ собой и надъ людьми, когда онъ побрякивалъ на рукѣ серебрениками, этими злосчастными тридцатью серебрениками, которыми перемѣщались знаменательныя явленія его времени и которые, по его мнѣнію, должны были сразу разсѣять, какъ дымъ, шумную славу новаго учителя и предать на всенародный позоръ его безплодныя фантазіи. Такимъ именно рисуется Іуда въ огненныхъ чертахъ виндзорскаго рисунка. Но на картинѣ этого Іуды нѣтъ. На ней мы имѣемъ, съ нѣкоторыми измѣненіями къ худшему, образъ Іуды съ другого рисунка—изъ Амброзіанской библіотеки... Наконецъ—Петръ, третья фигура въ этой группѣ апостоловъ, сидящихъ по правую руку Христа. Услышавъ его слова, онъ страстнымъ движеніемъ приподнялся съ своего мѣста и, склонившись за спиною и черезъ плечо повернувшагося Іуды, говоритъ вполголоса Іоанну, чтобы тотъ узналъ,

на кого изъ учениковъ намекаетъ учитель. Это движеніе Петра—верхъ совершенства: оно естественно, непроизвольно выдвигаетъ впередъ Іуду изъ ряда другихъ апостоловъ, сидящихъ за длиннымъ столомъ. У Андреа дель Кастаньо и Гирландайо ученики также сидятъ позади длиннаго стола, а Іуда посаженъ отдѣльно, напротивъ нихъ и бокомъ къ зрителю. Здѣсь, у Леонардо-да-Винчи, та-же тенденція искусно замаскирована. Лицо Петра съ сѣдыми волосами и небольшой бородой, съ рѣзкими чертами, полно гнѣва и скорби. У него впавшіе глаза подъ мохнатыми сѣдыми бровями, длинный носъ, полуоткрытыя губы подъ пушистыми бѣлыми усами. Ухо длинное, узкое и мягкое. Лѣвая рука, большая, съ длинными крѣпкими пальцами, стремительно легла на плечо Іоанна. Правая рука, съ отставленнымъ локтемъ, схватила большой ножъ или, можетъ быть, поясной мечъ, причемъ рукоятка его почти прикасается къ спинѣ Іуды, а остріе приподнято въ воздухъ. Онъ одѣтъ въ свѣтло-синюю тунику съ желтой мантіей, перекинутой черезъ лѣвую руку. Таковъ Петръ. Въ этой первой группѣ онъ выдѣляется своимъ яркимъ, пылкимъ характеромъ. Здѣсь рядомъ съ мечтательнымъ Іоанномъ и скрытнымъ мрачнымъ Іудою онъ одинъ показываетъ свою вскипѣвшую душу. Этой фигурой Леонардо-да-Винчи просто и реально разрѣшаетъ свою психологическую задачу. При общемъ первомъ взглядѣ на всю картину, сразу узнаешь Петра. И группа живетъ. Рядомъ съ нѣжнымъ, погруженнымъ въ грезы Іоанномъ—страстный и подвижный Петръ и имъ обоимъ противопоставленъ практичный и злодѣйскій Іуда. Леонардо-да-Винчи хотѣлъ дѣйствовать сильными контрастами и онъ достигъ своей цѣли, хотя, вдумываясь въ подробности, вглядываясь въ эти тонко распланированныя группы, вы начинаете замѣчать эффектный разсчетъ художника. Секретъ его медленно таетъ на вашихъ глазахъ...

Я взялъ въ руки детальный снимокъ этой группы и, всматриваясь, вспоминалъ свои впечатлѣнія передъ оригиналомъ картины. Прекрасная фотографія отчетливо передавала осыпавшуюся штукатурку стѣны, бѣлыя известковыя пятна, большія и мелкія, какъ мука, покрывающія плечи, руки, лица всѣхъ фигуръ.

— Но до чего время разрушаетъ эту картину!—вполголоса замѣтилъ я.

— Да. И всетаки она живетъ!—отозвался старикъ и продолжалъ свою восторженную лекцію.—Разсмотримъ вторую, крайнюю группу по правую руку отъ Христа: Андрей, Іаковъ Младшій и Варѳоломей. Андрей—родной братъ Петра, и это видно по его лицу. Но надо сказать, что черты физическаго сходства не заслоняютъ духовной индивидуальности. У него такой же, какъ у Петра, рѣзко очерченный профиль съ длиннымъ носомъ и открытымъ лбомъ, сѣдые волосы и сѣдая, но болѣе длинная борода. Однако, за этими чертами чувствуется натура не столь страстная,—прямая, вѣрная. При словахъ Христа онъ изумленно повернулъ голову въ

его сторону и вытянулъ впередъ руки—съ поднятыми ладонями и раздвинутыми пальцами. Внезапное сообщеніе о предательствѣ среди учениковъ не входитъ въ его прямолинейно благородную, нѣсколько неподвижную душу: на лицѣ его не видно ни скорби, ни гнѣва—одно только изумленіе. Босси тонко замѣчаетъ, что художникъ оттѣнилъ его спокойный характеръ, надѣвъ ему мантію на оба плеча, что стѣсняло бы болѣе пылкую натуру. Даже цвѣта его одеждъ не такъ ярки и сильны, какъ у другихъ апостоловъ: туника его, въ мягкихъ тонкихъ складкахъ — орѣховаго цвѣта, а мантія холоднаго свѣтло-зеленаго. За высокой фигурой Андрея стоитъ приподнявшійся Іаковъ Младшій. Онъ тянется къ Петру, касаясь его своими нѣжными пальцами, а правой рукой опирается на плечо Андрея, который отдѣляетъ его отъ Петра. Его мягкій профиль съ длинными волосами напоминаетъ Христа. На лицѣ его, съ полуоткрытымъ ртомъ и сведенными бровями, выраженіе тревоги и опасенія,—повидимому, за пылкость Петра, схватившаго ножъ. На немъ красная туника, какъ у Христа, но безъ мантіи. Крайній на этомъ концѣ стола, сбоку его,—Варѳоломей, быстро приподнялся и, опираясь на столъ своими широкими грубыми руками, наклонился впередъ: онъ какъ-будто вслушивается въ поразившія его слова Христа. Смуглое лицо съ курчавыми волосами, съ сильнымъ почти римскимъ профилемъ, съ хорошо очерченнымъ ухомъ, съ темными, повидимому, блестящими глазами, даютъ представленіе о простомъ, здоровомъ человѣкѣ. Одежда его отличается отъ другихъ: онъ въ голубовато-бѣлой туникѣ съ узкими рукавами, которые нѣсколько вздуты сверху и ниже спускаются въ мелкихъ сборкахъ, а зеленый плащъ спадаетъ, закрывая спереди тѣло, и скрѣпленъ на правомъ плечѣ. Подъ столомъ видны его скрещенныя ноги: онъ всталъ, опираясь обѣими руками на столъ, не измѣнивъ ихъ положенія. Опять таки, я долженъ сказать—какое удивительное знаніе нѣмого языка человѣческаго тѣла, движеній, позъ, всего того, что называется экспрессіей. Ничто не оставлено въ покоѣ. Каждый мускулъ говоритъ что-то въ отвѣтъ на тихія слова Христа. Не только лица, глаза, но и руки—можетъ быть, больше всего руки—выражаютъ невидимое смятеніе душъ. Вотъ гдѣ Леонардо-да-Винчи—мастеръ, единственный въ своемъ родѣ. Жестъ Андрея—эти открытыя ладони съ напряженными пальцами являются настоящей побѣдой анатомическихъ наблюденій. Видѣнъ каждый суставъ на распростертыхъ десяти пальцахъ, и если задаться мыслью пальцами рукъ передать настроеніе изумленной души, то нужно обратиться къ этой картинѣ. Но, вы понимаете,—что есть движенія, порывы чувствъ, глухія и неясныя тревоги, которыя не выражаются кричащими жестами. О, Леонардо-да-Винчи выразилъ все выразимое. Для этой цѣли живопись его исчерпала всѣ средства символизаціи, не исключая одежды и ея цвѣтовъ,

Старый энтузіастъ отложилъ въ сторону фотографіи. Былъ уже объ-

денный часъ, и мы рѣшили сдѣлать перерывъ. За обѣдомъ мы всѣ были какъ-то разсѣяны. Юноша казался утомленнымъ и задумчивымъ, а старикъ взволнованнымъ. Мы ни о чемъ не говорили и послѣ обѣда разошлись для отдыха, условившись возобновить бесѣду вечеромъ. Было уже совсѣмъ темно, когда я вернулся послѣ одинокой прогулки въ комнату стараго энтузіаста. На столѣ горѣли двѣ высокихъ свѣчи, а между ними стояла фотографія детали «Тайной вечери»—три апостола: Іаковъ Старшій, Ѳома и Филиппъ.

— Теперь мы можемъ продолжать наши занятія,—заговорилъ старикъ.—По лѣвую руку отъ Христа сидитъ Іаковъ Старшій, братъ Іоанна. Жестомъ изумленнаго негодованія онъ раскинулъ руки, и видно, что пальцы его трепещутъ. Ротъ открытъ, и если справедливы слова Борромео, что, глядя на картину, какъ бы слышишь голоса апостоловъ, то несомнѣнно, они всего больше относятся къ Іакову Старшему и Петру. Испуганные глаза подъ сдвинутыми бровями, тѣло, откинутое назадъ, съ нѣсколько наклоненной впередъ головой—все выражаетъ ужасъ. Это человѣкъ съ страстной, огненной душой. Въ его лицѣ тонкія острыя черты смягчаются густыми пушистыми волосами, обрамляющими лобъ и падающими на плечи. Короткая, клиновидная бородка и негустые усы окружаютъ выразительный ротъ. Онъ въ простой подпоясанной туникѣ, съ обшитымъ круглымъ воротомъ, открывающимъ шею. Мнѣ думается, что Леонардо-да-Винчи, созидая этотъ образъ, боялся повторить пылкій темпераментъ Петра и потому придалъ апостолу нѣкоторую идейную изступленность. Въ противоположность Петру, его негодованіе выражается словами, криками, широкими трагическими жестами, тогда какъ Петръ, человѣкъ дѣйствія, хватается за ножъ. Изъ за Іакова видна голова вставшаго Ѳомы. У него густая темная бородка, сливающаяся съ усами и торчащая впередъ, неправильный носъ, нѣсколько приплюснутый на переносьѣ, худая щека съ какимъ-то шрамомъ и густые черные волосы, поднимающіеся волнистой шапкой надъ энергичнымъ лбомъ. Небольшіе прозрачные глаза, съ острымъ взглядомъ, подъ дугами густыхъ темныхъ бровей, полны мысли и возбужденія. Правая рука сжата въ кулакъ съ поднятымъ указательнымъ пальцемъ. Босси утверждаетъ, что онъ клянется мстить и угрожаетъ пальцемъ измѣннику. Мнѣніе Босси повторяетъ авторъ компилятивной брошюры подъ названіемъ «Тайная вечеря Леонардо-да-Винчи». Эрихъ Францъ. Этотъ послѣдній находитъ совершенно невозможнымъ, чтобы энергичный Ѳома, который готовъ былъ защищать Христа отъ народной ярости, могъ быть представленъ съ жестомъ разсуждающаго философа. Онъ подтверждаетъ свое мнѣніе указаніемъ на позу Іуды, который будто бы откидывается при видѣ угрожающаго пальца Ѳомы. Къ сожалѣнію, теперь уже нельзя видѣть подъ блѣдными мутными пятнами разрушенія лѣвой руки Ѳомы, лежащей на столѣ. Но, что касается этой правой руки его

съ поднятымъ пальцемъ—столь характернымъ для Леонардо-да-Винчи, то я нисколько не боюсь разойтись ни съ Босси, ни съ современнымъ компиляторомъ его труда. Это поднятый палецъ философствующаго человѣка. Это не есть жестъ угрозы: рука повернута къ Іудѣ тыльной стороной, а не бокомъ, какъ это бываетъ тогда, когда человѣкъ сотрясаетъ палецъ въ видѣ угрозы. Въ этой рукѣ есть крѣпость и спокойствіе—никакой судороги гнѣвнаго движенія. Я не могу понять этой грубой ошибки, столь распространенной въ литературѣ о Леонардо-да-Винчи. При томъ ссылаться на испуганное движеніе Іуды при видѣ этого пальца—значитъ не понимать того, что очевидно: Іуда откинулся, прислушиваясь къ словамъ Петра и боясь возможнаго разоблаченія. Голова и рука Ѳомы, стоящаго нѣсколько въ глубинѣ, за Іаковомъ, даже почти не видны Іудѣ—ихъ заслоняетъ фигура Христа. Освѣщенная рука Ѳомы, выступающая на фонѣ темной стѣны, поднята къ небу, какъ рука Іоанна Крестителя и Св. Анны, хотя съ большей энергіей и хотя рука Іоанна Крестителя тоньше, красивѣе и палецъ острѣе. Но мнѣ думается, что вездѣ, гдѣ Леонардо-да-Винчи, прибѣгая къ художественной символизаціи, изображаетъ поднятый къ небу палецъ, онъ такъ или иначе изображаетъ свое отношеніе къ христіанству—скептическое, остро разсудочное. Этотъ Ѳома, среди другихъ апостоловъ, сидящихъ по лѣвую руку Христа, самая характерная и самая идейная фигура. Мнѣ кажется, что Леонардо-да-Винчи вложилъ въ него собственную душу. При этомъ умномъ и скрытномъ лицѣ палецъ, воздѣтый къ небу, можетъ имѣть двойственный смыслъ: онъ призываетъ небо, новое небо, небо Христа—но неизвѣстно,—потому-ли, что вѣритъ въ его благость, или потому, что обвиняетъ его въ равнодушіи къ судьбѣ учителя. Этотъ палецъ какъ-бы говоритъ: «а небо?» Теперь перейдемъ къ остальнымъ апостоламъ. За Іаковомъ стоитъ Филиппъ съ руками, указывающими на сердце и съ молодымъ женственнымъ лицомъ—немного на подобіе Іоанна. Голова и шея склонены по направленію къ Христу, на котораго онъ смотритъ любовно и преданно. На немъ широкая мантія, застегнутая на груди. Пальцы длинные, тоже женственные, нѣсколько безхарактерные. Его лицо кажется мнѣ лицомъ Іоанна, повтореннымъ на болѣе банальный манеръ: по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ этому концу стола направо отъ зрителя, кисть художника, неистощимая, но временно истощающаяся, невольно допускала видоизмѣненія использованныхъ мотивовъ. Послѣдняя группа состоитъ изъ Матѳея, Ѳаддея и Симона. Матѳей,—юноша съ красивымъ римскимъ профилемъ, въ пепельно-голубой туникѣ и синей мантіи, изящно перекинутой на подобіе патриціанской тоги,—повернувшись лицомъ къ Симону и Ѳаддею, живописно простеръ обѣ руки вбокъ, по направленію къ Христу. Онъ какъ бы повторяетъ слова Христа, быть можетъ, не вполнѣ разслышанныя его собесѣдниками на дальнемъ

концѣ стола, повторяетъ патетически, какъ краснорѣчивый ораторъ. Я восхищаюсь красотою этой фигуры, этого твердаго профиля съ короткими вьющимися волосами, съ небольшимъ правильнымъ ухомъ, но я думаю, что Леонардо-да-Винчи не сдѣлалъ здѣсь никакого психологическаго открытія и даже, можетъ быть, допустилъ историческую ошибку, взявъ эту фигуру апостола какъ бы съ римскаго форума. Наконецъ, на боковой сторонѣ стола сидятъ два старца — Ѳаддей и Симонъ, два «ревнителя» Христа—одинъ, Ѳаддей, съ длинными сѣдыми волосами и бородой, повернувшись къ Симону, взглядомъ и пальцами правой руки высказываетъ возбужденное подозрѣніе по отношенію къ кому-то изъ апостоловъ, сидящихъ по другую сторону стола. Симонъ, съ острымъ длиннымъ профилемъ, съ большимъ лбомъ, съ сѣдою бородою и волосами, какъ у Андрея, и съ такою же, какъ у Андрея, мантіей, накинутой на оба плеча, повидимому, что-то отвѣчаетъ Симону. Руки приподняты надъ столомъ ладонями кверху и тонко выражаютъ его разсудительное недоумѣніе... Вотъ и вся «Тайная вечеря» Леонардо-да-Винчи. Сравнивая эту картину съ довольно многочисленными подготовительными рисунками—не веймарскими, которые точно повторяютъ всѣ фигуры и сдѣланы кѣмъ-нибудь по картинѣ, а съ англійскими и венеціанскими, затѣмъ сравнивая эту картину съ нѣкоторыми словесными програмными записями Леонардо-да-Винчи, которыя можно найти у Рихтера, нельзя не видѣть, какую большую и мучительно сложную работу произвелъ художникъ прежде, чѣмъ исполнилъ свою задачу. И онъ исполнилъ ее, дѣйствительно, съ невыразимымъ талантомъ, какъ величайшій въ мірѣ психологъ и непревзойденный знатокъ нѣмого краснорѣчія человѣческаго тѣла. Это настоящій учебникъ живописной анатоміи и экспрессіи. А руки, руки этихъ апостоловъ,—цѣло море жестовъ, шумныхъ въ своей безмолвной игрѣ! Не знаешь, на что смотрѣть—на лица или на эти магическія руки, повторяющія выраженіе лицъ. Это какъ бы двойное отраженіе душъ, которое могъ создать съ такимъ совершенствомъ только виртуозный геній Леонардо-да-Винчи. Въ двѣнадцати лицахъ мы имѣемъ изображеніе одного чувства—возмущеннаго изумленія, въ видоизмѣненіяхъ различныхъ характеровъ. Замѣтьте, съ двухъ крайнихъ концовъ стола это чувство постепенно наростаетъ, подходя къ Христу, и на послѣдней отъ него фигурѣ смягчается, чтобы не коснуться его въ своемъ грубомъ видѣ,—съ одной стороны въ мечтательномъ и нѣжномъ Іоаннѣ, съ другой стороны въ разсудочно-философствующемъ Ѳомѣ. Отъ Варѳоломея, у котораго это чувство имѣетъ еще смутный характеръ, какъ у человѣка, не довѣряющаго собственному слуху, оно переходитъ, черезъ Іакова Младшаго, съ его опасеніемъ за могущую разъиграться драму, и черезъ безмолвно потрясеннаго Андрея въ страстный гнѣвъ Петра. Такъ-же идетъ развитіе чувства съ другой стороны стола: отъ разсудительнаго

недовѣрія Симона оно наростаетъ въ Ѳаддеѣ, съ его возбужденными догадками, затѣмъ въ Матѳеѣ, достигаетъ ужаса въ Іаковѣ Старшемъ и очищается въ любовномъ энтузіазмѣ Филиппа и въ просвѣтленномъ негодованіи скептика Ѳомы. При этомъ обратите вниманіе на любовь художника къ живымъ контрастамъ въ характерахъ людей, расположенныхъ на картинѣ съ чисто-научной симметріей: рядомъ съ здоровымъ и сильнымъ Варѳоломеемъ—мягкій, справедливый Іаковъ Младшій, рядомъ съ пылкимъ Петромъ—твердый и вѣрный Андрей, рядомъ съ злодѣйскимъ Іудою—обвѣянный грезами Іоаннъ. На другой сторонѣ стола тоже самое: братья Симонъ и Ѳаддей представляютъ яркое противоположеніе натуры уравновѣшенной и натуры, загорающейся подозрительными догадками. Филиппъ и Матѳей образуютъ противоположеніе сентиментальной кротости и стремительнаго паѳоса. Ѳома и Іаковъ Старшій даютъ послѣдній контрастъ сложной теоретической разсудочности и огненнаго волненія. Какая любовь къ симметріи, къ порядку,—а надъ всѣмъ этимъ несется гамма наростающихъ страстей! Кто любитъ научныя схемы и утонченный педантизмъ въ разсчитанной группировкѣ, пусть обратится къ этой картинѣ, какъ къ лучшему живописному образцу. Но Леонардо-да-Винчи не довольствуется тѣмъ, что онъ показалъ, такъ сказать, парные контрасты апостоловъ. Онъ размѣстилъ ихъ группами по три человѣка, и всѣ эти группы слилъ воедино движеніемъ рукъ, образующихъ два шумныхъ теченія отъ концовъ стола къ центру. Съ одной стороны руки Іакова Младшаго тянутся къ Петру, а рука Петра лежитъ на плечѣ Іоанна. Съ другой стороны стола крайняя группа соединяется съ центральною сильнымъ живописнымъ жестомъ Матѳея... О, я чувствую какое-то головокруженіе, переживая эту тонкую сложную механику Леонардо-да-Винчи! Онъ не только экспериментируетъ надъ человѣческимъ тѣломъ, заставляя его отражать во всѣхъ своихъ мелочахъ душевныя движенія, но и мудритъ надъ расположеніемъ фигуръ, не позволяя прорваться никакой вдохновенной случайности, никакой неожиданной вспышкѣ безразсуднаго генія. Картина представляетъ великолѣпную, чисто-сценическую драму, но въ ней нѣтъ той жуткой, тревожной тишины, которая должна была наступить послѣ словъ Христа—простыхъ и внутренно-трагическихъ. Самъ Христосъ, какъ бы безсильный остановить вскипѣвшее волненіе, не царитъ надъ картиною. А Іуда выступаетъ темнымъ злодѣемъ... Чѣмъ больше я изучалъ эту картину, тѣмъ больше я изумлялся ея геніальному мастерству и тѣмъ глубже я чувствовалъ потребность въ тихихъ религіозныхъ успокоеніяхъ, имѣющихъ въ себѣ что-то невыразимое. И этихъ религіозныхъ успокоеній я невольно искалъ внѣ ученаго искусства Леонардо-да-Винчи. Великій загадочный художникъ! Геній безъ внутренняго бога, краснорѣчивый—и малоговорящій сердцу. Въ его произведеніяхъ мы видимъ от-

раженіе сложныхъ идей, но не находимъ той человѣчной простоты, которая мгновенно, какъ теплый свѣтъ, проливается отъ художника въ душу зрителя...

Свѣчи догорали. Юноша, изнуренный, съ болѣзненно блѣднымъ лицомъ, сидѣлъ, не шевелясь, и глядѣлъ куда-то пристально, съ напряженной вдумчивостью, стараясь осилить въ душѣ смутныя настроенія. Можетъ быть, и теперь, какъ и при пылкой лекціи учителя о Джіокондѣ, мысли его, гонимыя фатальнымъ повѣтріемъ, неслись въ другую сторону. Можетъ быть, онъ смотрѣлъ и на эту картину не одинъ, а въ обществѣ человѣка, не нашедшаго своей собственной души и потому склоннаго восторгаться бездушнымъ великолѣпіемъ Леонардо-да-Винчи. При живомъ художественномъ воспріятіи иногда такъ много значитъ человѣческое общество—эти случайныя замѣчанія, которыя шумятъ вокругъ молчаливой картины.

Я сталъ прощаться, какъ прощаются, готовясь къ отъѣзду—мой поѣздъ отходилъ рано утромъ,—но старый энтузіастъ, проводивъ мальчика въ его комнату, пришелъ ко мнѣ. Онъ съ трогательной хлопотливостью началъ помогать мнѣ въ укладкѣ книгъ и вещей, самъ крѣпко затянулъ ремнями мой чемоданъ и, уходя, сказалъ, что утромъ проводитъ меня на станцію.

Прошло около мѣсяца. Жизнь моя въ Петербургѣ сразу оторвала меня отъ глубокихъ впечатлѣній моей заграничной поѣздки. Среди обычныхъ журнальныхъ занятій, перебиваемыхъ мутными волнами газетныхъ полемическихъ передрягъ, я какъ будто забывалъ о странномъ старикѣ, съ его лекторскими изліяніями, и о юношѣ, отбившемся отъ его чистаго и вдохновеннаго руководительства. Но часто мысль о нихъ внезапно нарушала обычное теченіе моей жизни и будила во мнѣ неясную тревогу. Мнѣ казалось, что старый энтузіастъ, при цѣльности его натуры, глубоко уязвленъ въ своей единственной личной привязанности, въ своихъ надеждахъ перелить въ молодую натуру теплую кровь своего добраго и восторженнаго сердца. Иногда мнѣ мучительно хотѣлось получить отъ него какое-нибудь извѣстіе. Я невольно ждалъ писемъ. Однажды, придя домой, я нашелъ на столѣ большой конвертъ съ иностранной маркой и нѣмецкимъ адресомъ, переведеннымъ на русскій языкъ почтамтскимъ чиновникомъ. Я съ нервнымъ волненіемъ вскрылъ конвертъ.

«Пишу вамъ изъ Берлина, только что переживъ глубокое горе.—Такъ начиналось письмо стараго энтузіаста.—Можетъ быть, слѣдовало бы молчать, не открывать ни передъ кѣмъ своихъ ранъ, какъ это дѣлалось въ молодые, давно прошедшіе годы. Тогда была бодрость жизни, какая-то несказанная гордость, и хотѣлось молчать на зло себѣ и людямъ. Но

теперь я такъ старъ, такъ безконечно далекъ отъ пыла юныхъ дней, и мнѣ надо говорить, когда душѣ хочется еще разъ и еще разъ перестрадать случившееся и найти утѣшеніе въ откровенныхъ словахъ. Другъ, мой, далекій и близкій мнѣ человѣкъ, вы навѣрное уже понимаете то, что мнѣ нужно разсказать вамъ. Время, проведенное нами вмѣстѣ въ этихъ нашихъ разсужденіяхъ объ искусствѣ, которое вдругъ создало для меня болѣзненное испытаніе, такъ сроднило насъ, что вы не могли не почувствовать перелома въ жизни моего мальчика, той новой струи, которая захватила и унесла его отъ меня. Мой мальчикъ такъ безконечно перемѣнился, что когда онъ пріѣхалъ—помните—я сразу догадался, что съ нимъ что-то случилось. На лицѣ его я увидѣлъ тѣни, которыя бываютъ отъ неестественнаго напряженія, когда сердце въ разладѣ съ умомъ, съ духомъ. Онъ потерялъ свою ясность и молодую увѣренность въ себѣ. Боже мой, какую я ночь пережилъ! Мнѣ казалось, что я могу еще спасти его. Я что-то доказывалъ ему, боролся съ незнакомымъ мнѣ, но горячо любимымъ имъ человѣкомъ, ловилъ его, жестоко ловилъ его, молодого птенчика, на противорѣчіяхъ, а онъ говорилъ трогательно-безсодержательныя слова и плакалъ. Мой мальчикъ полюбилъ, а когда люди съ его душою, нѣжною и правдивою, отдаются какому нибудь чувству, то можно сказать съ увѣренностью, что это чувство овладѣетъ ими окончательно и навсегда. Но развѣ я боролся бы противъ него, если бы не видѣлъ, по двумъ-тремъ его словамъ, что онъ оказался на новомъ, не для него предназначенномъ пути, что его захватила та особенная любовь, которая болѣе похожа на ядовитую болѣзнь,—та любовь, которая, не создавая никакихъ трагическихъ потрясеній, медленно, какъ червь, изъѣдаетъ душу. Вотъ что ужаснуло меня и, если вы замѣтили, все время держало меня въ возбужденіи. Перебирая произведенія Леонардо-да-Винчи, я съ чрезмѣрною запальчивостью отмѣчалъ въ нихъ то, что, казалось мнѣ, таило въ своихъ чертахъ и краскахъ этотъ ужасный ядъ—внутренняго раздвоенія и распаденія. Вдругъ, какъ никогда прежде, онъ всталъ предо мною въ его тонкой, скрытной, но могущественной злобѣ. Современная жизнь бросила свѣтъ, сквозь узкую щель спеціальныхъ изслѣдованій, на широкое движеніе прошедшихъ эпохъ. Я узналъ черты Джіоконды въ образѣ молодой женщины, похитившей у меня мою единственную личную отраду. Можетъ быть, она любитъ моего мальчика—не знаю, но въ ней оказалось достаточно силы, чтобы получить отъ него въ полное свое распоряженіе его прекрасную, правдивую душу. Въ ту незабвенную ночь, послѣ его пріѣзда, которую мы провели безъ сна, онъ сознался мнѣ, въ слезахъ, выражавшихъ скорбь, смѣшанную съ радостнымъ экстазомъ, что онъ далъ клятву—жить для нея и умереть съ нею, въ часъ ея смерти. Онъ отозвался, съ своимъ полудѣтскимъ идеализмомъ, на утонченную кокетливую просьбу

обворожительной женщины, болѣзненной и даже опасно больной. И конечно, онъ исполнитъ свое обѣщаніе. Есть особенная сладость для честныхъ натуръ въ исполненіи даннаго слова, а для такой натуры, какъ мой мальчикъ, такое самопожертвованіе окружено видѣніями и грезами лучшаго чистаго міра. То, что для нея,—человѣка съ болѣзненными ощущеніями современной эпохи, являлось только изъисканнымъ и злымъ капризомъ,—для него должно было сдѣлаться сосредоточеннымъ выраженіемъ всѣхъ его прирожденныхъ нравственныхъ и эстетическихъ силъ... Нѣсколько дней тому назадъ онъ получилъ отъ нея телеграмму, и я повезъ его сюда, въ Берлинъ, видѣлъ ее, говорилъ съ ней и понялъ окончательно этотъ характеръ, этотъ умственный складъ, насквозь изъѣденный сухимъ демоническимъ повѣтріемъ на почвѣ собственной глубокой болѣзненности. И я еще больше убѣдился, что мой мальчикъ ошибочно принялъ явное душевное разложеніе, безъ внутренней красоты, безъ святости, безъ мягкой и человѣчной правды, которая одна не банальна,—за смѣлую новую свободу. Какой ужасъ! Идеализмъ, который никогда не отличался скверной практичностью, но при этомъ всегда стремился къ практическимъ подвигамъ, часто является искупительною жертвою чужихъ грѣховъ. Мой мальчикъ умретъ вмѣстѣ съ нею, навѣрное умретъ, потому что душа его не способна на обманъ, а чистый и неопытный умъ его вдался въ глубокую идейную ошибку, принявъ безславное хищничество за славную дерзкую побѣду надъ ограниченностью маленькихъ людей. Да, онъ умретъ, онъ уже и теперь умеръ для меня, и я опять одинокъ. Теперь я опять не знаю, какъ сложится моя жизнь, потому что я не имѣю больше за кѣмъ слѣдить, кого любить и кого чему-нибудь учить. Мнѣ уже чудится новая длинная дорога съ восторженными, но безличными утѣхами передъ нѣмыми картинами. Пойду, какъ Агасѳеръ, бродить изъ страны въ страну, ища новыхъ и послѣднихъ соприкосновеній съ вѣчной красотой и сознавая при этомъ, что личныхъ отрадъ больше не будетъ»...

Читая это письмо, я видѣлъ передъ собою лицо старика, залитое слезами.

А. Волынскій.

P. S. Въ статьѣ не упомянуты нѣкоторыя произведенія, приписываемыя Леонардо-да-Винчи. Одной изъ самыхъ раннихъ его работъ считается ангелъ на картинѣ Верроккіо, въ флорентинской Академіи, подъ названіемъ: «Крещеніе Христа». Съ этимъ ангеломъ, какъ извѣстно, связана легенда, распространенная Вазари. Верроккіо былъ до того потрясенъ живописными достоинствами этого ангела, прибавленнаго къ картинѣ рукою Леонардо-да-Винчи, что съ тѣхъ поръ забросилъ кисть и отдался исключительно скульптурѣ. Въ настоящее время легенда эта опро-

вергнута. Голова женщины въ галлереѣ Боргезе также недостовѣрна. Впрочемъ, Мюнцъ готовъ считать ее первоначальнымъ наброскомъ для «мадонны въ скалахъ». Затѣмъ въ Уффици имѣется картина «Благовѣщеніе», которая тоже считается однимъ изъ самыхъ раннихъ твореній Леонардо-да-Винчи, сдѣланнымъ еще въ мастерской Верроккіо. Прекрасная бѣлокурая головка богоматери-дѣвочки, окруженная вѣнцомъ,—чего нѣтъ ни на одномъ несомнѣнномъ произведеніи Леонардо-да-Винчи, также какъ и пейзажъ съ высокими темными кипарисами, напоминающій пейзажъ между Анкіано, Винчи и Эмполи, заставляетъ нѣкоторыхъ думать, что это, въ самомъ дѣлѣ, произведеніе Леонардо-да-Винчи, хотя картина, въ общемъ, могла бы выйти изъ подъ кисти какого-нибудь другого, менѣе замѣчательнаго ученика Верроккіо. Затѣмъ остаются еще во Флоренціи два портрета: «La monaca» и «Un giovine ignoto» и «Голова Медузы»—произведенія, которыя ни по исполненію, ни по историческимъ даннымъ не могутъ быть признаны произведеніями Леонардо-да-Винчи. Въ Миланѣ имѣется, кромѣ полинявшаго портрета Людовико Моро и Беатриче д'Эсте съ дѣтьми, приписанныхъ масляными красками къ фрескѣ другого художника будто бы рукою Леонардо-да-Винчи, въ трапезной Santa Maria delle Grazie, — еще два портрета, въ Амброзіанской пинакотекѣ—«Беатриче д'Эсте» и «Людовико Сфорца». Эти два портрета, вѣроятнѣе всего, изображаютъ Біанку Марію Сфорца и Джіанъ Галеаццо и тоже едва-ли достойны кисти Леонардо-да-Винчи. Біанка Марія Сфорца можетъ принадлежать кисти Амброджіо де Предисъ и многими приписывается именно ему. Мадонну съ ребенкомъ на стѣнѣ въ палаццо Франческо Мельци, въ Ваприо, которую тамъ показываютъ, какъ произведеніе Леонардо-да-Винчи, Морелли приписываетъ Содомѣ. Вообще, по словамъ этого тонкаго знатока итальянскаго искусства, только три картины въ Италіи могутъ достовѣрно считаться произведеніями Леонардо-да-Винчи: «Св. Іеронимъ» въ Рима, «Поклоненіе волхвовъ» во Флоренціи и «Тайная вечеря» въ Миланѣ. Что касается Петербургскаго Эрмитажа, то находящіяся въ немъ картины съ подписью Леонардо-да-Винчи принадлежатъ, какъ думаютъ, Чезаре да-Сесто и Бернардино Конти.

Привожу тѣ источники и пособія, которыми я пользовался для составленія настоящаго очерка,—не перечисляя здѣсь болѣе популярныхъ общеизвѣстныхъ сочиненій:

Bernardo Bellincioni. Le Rime. Bologna 1876. I, Sonetto XLV (Sopra il ritratto di madonna Cecilia, qual fece Leonardo).

— Vol. II. Sonetto XLII. burchiellesco. Bologna, 1878.

Carlo Amoretti. Memorie Storiche. 1804. Cecilia Gallerani: 38, 80. 165. 166. Lucrezia Crivelli 39. Cenacolo 73—77.

Vasari. Leonardo da Vinci. Con nuove note e commentario di G. Milanesi (Trattato della pittura, Roma, 1890).

G. Milanesi. Documenti inediti risguardanti Leonardo da Vinci. 219—221. Archivio Storico Italiano. Serie tersa, Tomo XVI. Firenze. 1872.

Dr. Paul Müller-Walde. Leonardo da Vinci, drei Lieterungen.

Jean Paul Richter. Leonardo da Vinci. London, 1894. (Cartoon of the Virgin anp holy child, st. Anne and st. John).

Jean Paul Richter. The litterary Works of Leonardo da Vinci, London, 1893. ol. I—II (Studies for the last supper etc).

H. Taine. Philosophie de l'Art. Tome Second, Paris, 1885, стр. 266.

La chronique des Arts et de la curiosité. 2 Octobre, № 31. (Contribution à l'etude de Leonard de Vinci), стр. 300.

— 16 Octobre: Un Copie de la «Vierge aux Rochers», стр. 308.

Gazette des beaux Arts, Trésors de l'Art italien en Angleterre, Paris, 1897, 1-er Novembre. стр. 371—389. (Herbert F. Cook).

Ivan Lermolieff. Kunstkritische Studien über Italienische Mallerei, Die Galerien Borghese und Doria Panfili in Rom. Leipzig, 1890.

Niccolo Machiavelli, Opere minori. con note filologiche e critiche de F. L. Polidori. Firenze. 1852, стр. 639.

Gustavo Uzielli. Ricerche intorno a Leonardo da Vinci. volume primo. Torino. 1896.—Serie seconda. Roma, 1884.

Charles Clement. Michel Ange, Leonard de Vinci, Raphael, 263—264 (Le Saint Jean).

Baldesar Castiglione, Il Cortegiano. Annotato e illustrato da Vittorio Cian, Firenze, 1894, стр. 81, 173—174.

Descriptive and historical Catalogue of the pictures in the National Gallery, (foreign Schools) London. 1892. Vinci, The Virgin of the Rocks, стр. 539—540.

Eugenio Müntz. Studi Leonardeschi (La Vergine delle Roccie, L'Adorazione dei Magi). Archivio Storico dell'Arte. Anno V. Fasc. l. Roma, 1892.

Giuseppe Bossi, pittore. Del Cenacolo di Leonardo da Vinci. Milano, 1810. Luca Paciolo, 13—19. Paolo Giovio, 19—21. Matteo Bandello, 22—24. G. Giraldi, 28—31. Armenini. 39—41. Rubens, 44—45. Borromeo, 46—47. Mazzolari, 50—51. Carlo Torre. 55. Lanzi. 72—73.

Dr. Erich Frantz. Das Abendmahl des Leonardo da Vinci. Freiburg im Breisgau. 1885.

Paolo Lomazzo. Trattato dell'arte della pittuora. scultura ed architettura. Vol. I, 274 (Leda). св. Анна (290), Мадонна въ скалахъ, 291; 176 (ridere alla smascellata), 184 (Cenacolo), 80 (Cenacolo). vol. III, стр. 11.—Idea del Tempio della pittura, 43 (Cenacolo). Roma 1844.

Красная лилія.

Романъ Анатоля Франса.

Переводъ съ французскаго.

(*Окончаніе*).

XXVIII.

Синее море, испещренное розовыми рифами, лѣниво отбрасывало серебристую пѣну волнъ на тонкій песокъ отлогаго берега, поднимающагося амфитеатромъ и заканчивающагося золотыми мысами. Въ комнатѣ съ расписными, матерчатыми обоями, съ балкономъ, который сквозь вѣтви миртъ открывалъ видъ на океанъ, на его острова и извилистые берега, Тереза читала письма, за которыми утромъ ѣздила на почту въ Санъ-Мало и которыя не рѣшилась распечатать на катерѣ при пассажирахъ. Сейчасъ же послѣ завтрака она заперлась въ своей комнатѣ и тамъ, развернувъ письма на колѣняхъ, жадно читала, наскоро вкушая тайную радость. Въ два часа ей предстояло совершить прогулку въ экипажѣ вмѣстѣ съ отцомъ, съ мужемъ, съ княгиней Сенявиной, съ m-me Бертье д'Эйзэль, женой депутата, и m-me Раймондъ, женою академика. Въ этотъ день она получила два письма. Отъ перваго изъ нихъ вѣяло тонкимъ, легкимъ ароматомъ любви. Жакъ никогда не казался болѣе веселымъ, болѣе простымъ, болѣе счастливымъ и увлекательнымъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ любилъ ее, говорилось въ письмѣ, онъ чувствовалъ себя такимъ легкимъ, охваченнымъ такою радостью, что ноги его не касались болѣе земли. Онъ боялся только, чтобы все это не оказалось сномъ и чтобы ему не пришлось проснуться незнакомымъ съ нею. Да, навѣрное, это сонъ, и что за сонъ! Павильонъ на via Alfieri, кабачекъ въ Медонѣ, поцѣлуи, и эти божественныя плечи, и это тѣло съ улыбающимися ямочками, это гибкое тѣло, свѣжее и душистое, какъ

ручеекъ, извивающійся среди цвѣтовъ! Если онъ не грезитъ на яву, то онъ похожъ на человѣка опьяненнаго, поющаго пѣсни. Онъ потерялъ разсудокъ отъ счастья. Отсутствующую, онъ видѣлъ ее безпрестанно: «Да, я вижу тебя рядомъ съ собою, я вижу твои рѣсницы, осѣняющія твои сѣрые глаза, цвѣтъ которыхъ прекраснѣе небесной лазури и цвѣтовъ, твои губы, подобныя чудесному, спѣлому, ароматному плоду, твои щеки, на которыхъ смѣхъ напечатлѣваетъ двѣ восхитительныя ямочки, я вижу тебя прекрасною, желанною, но уходящей; и, когда я протягиваю тебѣ руки, ты исчезаешь, и я снова вижу тебя далеко, далеко, на блѣдномъ, широкомъ морскомъ берегу; въ своемъ розовомъ платьѣ, съ зонтикомъ, ты кажешься мнѣ не больше цвѣтущаго кустика вереска. О! я вижу тебя совсѣмъ маленькой, такой, какой я видѣлъ тебя однажды съ высоты колокольни, на площади собора во Флоренціи. И я говорю себѣ, какъ тогда: «Одной маленькой травки было бы достаточно, чтобы скрыть ее всю онъ меня, а она для меня безконечность въ радости и горѣ».

Въ концѣ письма онъ сообщалъ ей, что не будетъ завтракать дома. За отсутствіемъ m-me Фюзелье, уѣхавшей наканунѣ въ свой родной городокъ Нэверъ, его домашній очагъ на время опустѣлъ. Онъ идетъ завтракать въ кабачокъ въ rue Royale, къ которому онъ уже привыкъ. И тамъ, среди незнакомой толпы, онъ будетъ чувствовать себя наединѣ съ нею.

Тереза, охваченная страстною нѣгою невидимыхъ ласкъ, закрыла глаза и откинула голову на спинку кресла. Но, заслышавъ шумъ подаваемаго къ крыльцу экипажа, она распечатала второе письмо. Увидя его неровный почеркъ, его торопливыя, точно падающія строки, она смутилась.

Сквозь туманное начало его просвѣчивало внезапное отчаяніе и мрачныя подозрѣнія: «Тереза, Тереза, зачѣмъ было отдаваться, если вы не отдавались всецѣло? Къ чему служитъ мнѣ то, что вы обманули меня, теперь, когда я знаю то, чего я не хотѣлъ знать?»

Она остановилась, у нея потемнѣло въ глазахъ.

Она подумала: «мы только что были такъ счастливы. Боже мой, что-же случилось! А я радовалась его радости въ то время, когда она уже исчезла. Лучше было бы совсѣмъ не писать, если письма отражаютъ только заглохнувшія чувства и ускользнувшія мысли».

Она стала читать дальше. И, видя, что его раздираетъ ревность, она пришла въ отчаяніе.

— Если я не доказала ему, что люблю его всѣми своими силами, что я люблю его всѣмъ своимъ существомъ, какимъ еще образомъ я могу доказать это?

И она спѣшила открыть причину этого внезапнаго безумія. Жакъ самъ открывалъ ее.

Завтракая въ кабачкѣ, въ rue Royale, онъ встрѣтилъ своего стариннаго пріятеля, который, возвращаясь съ леченія водами и отправляясь на море, остановился проѣздомъ въ Парижѣ. Они разговорились, и случаю было угодно, чтобы этотъ человѣкъ, хорошо принятый въ свѣтѣ, заговорилъ о графинѣ Мартенъ, съ которою онъ былъ знакомъ. И прерывая свой разсказъ, Жакъ восклицалъ: «Тереза, Тереза, къ чему было лгать мнѣ, если мнѣ суждено было узнать то, что мнѣ одному было неизвѣстно! Впрочемъ, я самъ виноватъ въ этомъ больше, чѣмъ вы. Вашего письма, брошеннаго въ ящикъ въ Or San Michele, вашихъ свиданій на вокзалѣ Флоренціи было бы достаточно, чтобы просвѣтить меня на этотъ счетъ, если бы я не предпочелъ, вопреки очевидности, остаться при своемъ заблужденіи. Я не хотѣлъ, нѣтъ, я не хотѣлъ знать, что вы принадлежали другому въ то время, какъ вы отдавались мнѣ съ такой дерзкой граціей, съ тѣмъ очаровательнымъ сладострастіемъ, отъ котораго я изнывалъ. Я находился въ невѣдѣніи, я хотѣлъ быть въ невѣдѣніи. Я ничего больше не спрашивалъ васъ изъ опасенья, что вы больше не въ состояніи будете лгать мнѣ; я былъ остороженъ. И вотъ нужно было, чтобы какой-то глупецъ неожиданно, грубо, за столомъ въ ресторанѣ, открылъ мнѣ глаза и заставилъ меня узнать. О, теперь, когда я знаю, когда я не могу больше сомнѣваться, мнѣ кажется, что сомнѣніе было прекрасно! Онъ назвалъ мнѣ имя, то имя, которое я уже слышалъ однажды въ Фіезоле изъ устъ miss Белль, и онъ еще прибавилъ: «Эта исторія всѣмъ извѣстна».

«И такъ вы любили его, вы его еще любите! И въ то время, какъ я, одинъ въ своей комнатѣ, стискиваю зубами подушку, на которую ты склоняла свою голову, онъ, можетъ быть, около тебя. О, навѣрное, онъ около тебя. Онъ каждый годъ ѣздитъ на скачки въ Динаръ, мнѣ это сказали. Я его вижу, я вижу все. Если бы ты знала, какіе образы преслѣдуютъ меня, ты сказала бы: «Онъ сумасшедшій», и тебѣ стало-бы жаль меня. О, какъ бы я хотѣлъ забыть тебя, тебя и все вмѣстѣ съ тобою. Но я не могу. Ты знаешь, что я только въ тебѣ самой могу тебя забыть. Я безпрестанно вижу тебя вмѣстѣ съ нимъ. Это—мука. Я считалъ себя несчастнымъ въ ту ночь, помнишь, на берегу Арно. Но тогда я даже приблизительно не зналъ, что значитъ страдать. Теперь я это знаю».

Тереза старалась отгадать, какой презрѣнный человѣкъ посмѣлъ говорить объ ней такимъ образомъ. Она заподозрила двухъ или трехъ молодыхъ людей, которыхъ Ле-Мениль когда-то представилъ ей, предупредивъ ее, чтобы она ихъ остерегалась. И съ тѣмъ холоднымъ гнѣвомъ, который она унаслѣдовала отъ отца, она сказала тебѣ: «Я узнаю!» Но что предпринять теперь? Писать? Но насколько лучше было-бы разыскать его, упасть безмолвно къ нему на грудь и потомъ

сказать ему: «Смѣешь-ли ты еще думать, что я не принадлежу всецѣло тебѣ одному?» А она могла только писать ему. Она только что начала письмо, какъ услышала въ саду смѣхъ и голоса. Княгиня Сенявина уже занесла ногу на подножку экипажа.

Тереза спустилась внизъ и показалась на крыльцѣ, спокойная, улыбающаяся. Ея широкая шляпа, украшенная цвѣтами мака, отбрасывала на ея лицо прозрачную тѣнь, среди которой блестѣли ея сѣрые глаза.

— Боже мой, какъ она красива!—воскликнула княгиня Сенявина.

Экипажъ обогнулъ широкій полукругъ морского берега, въ виду виллъ и садовъ, расположенныхъ другъ надъ другомъ по склону холма. Съ лѣвой стороны показались поднимающіяся изъ-за голубого моря дома и колокольни Санъ-Мало. Вслѣдъ затѣмъ экипажъ выѣхалъ на дорогу, обсаженную живою изгородью, по сторонамъ которой шли стройныя женщины изъ Динара, подъ своими широкими батистовыми головными уборами, съ развивающимися крыльями.

— Какъ жаль, что старинные костюмы постепенно исчезаютъ. Это благодаря желѣзнымъ дорогамъ,—сказала m-me Раймондъ, сидѣвшая на козлахъ рядомъ съ Монтессю.

— Вы видите когда-нибудь интересныя вещи?—спросила княгиня Синявина.—Я—никогда.

M-me Раймондъ, получившая изъ книгъ мужа нѣкоторое представленіе о философіи, объявила, что вещественный міръ—ничто и только міръ идей есть дѣйствительный міръ.

Не глядя на m-me Бертье д'Эйзэль, сидѣвшую на-право отъ нея на второй скамейкѣ, графиня Мартенъ тихо проговорила:

— О, да, люди признаютъ только свои собственныя идеи. Они слѣдуютъ только за своими идеями и ходятъ ослѣпленные, глухіе. Ихъ невозможно остановить.

— Но безъ руководящихъ идей мы бы шли наудачу, моя милая,—сказалъ графъ Мартенъ, сидящій противъ нея, рядомъ съ княгиней.—Кстати, Монтессю, читали вы рѣчь, которую произнесъ Луайе при открытіи памятника Cadet-Garicourt'а? Дебютъ замѣчательный. Луайе не имѣетъ недостатка въ политическомъ смыслѣ.

Экипажъ, проѣхавъ луга, обсаженные ивами, поднялся въ гору и покатился по широкой лѣсистой равнинѣ. Долгое время онъ ѣхалъ вдоль парка.

— Это Геррикъ?—спросила княгиня Сенявина.

Впереди, между каменными столбами, на которыхъ красовались львы, высились, подъ своими желѣзными вѣнцами съ четырьмя булавами, запертыя ворота. Сквозь изгородь, въ концѣ широкой липовой аллеи, виднѣлись сѣрыя плиты замка.

— Да, это Геррикъ—сказалъ Монтессю.

И, обращаясь къ Терезѣ, продолжалъ:

— Ты хорошо знала маркиза де-Рэ... До шестидесяти пяти лѣтъ онъ сохранилъ силы и молодость. Онъ создавалъ моды, представлялъ собою образецъ изящества и былъ любимъ женщинами. Молодые люди копировали его костюмы, его монокль, его манеры, его увлекательную наглость, его забавныя странности. И вдругъ онъ покинулъ свѣтъ, прекратилъ свои пріемы, распродалъ свои конюшни, пересталъ показываться. Ты помнишь, Тереза, его внезапное исчезновеніе? Ты тогда только что вышла замужъ. Онъ довольно часто навѣщалъ тебя. Но однажды мы узнали, что онъ покинулъ Парижъ. Сюда, въ Геррикъ, онъ удалился въ самомъ разгарѣ сезона. Всѣ доискивались причинъ этого необъяснимаго уединенія, думали, что онъ скрылся удрученный горемъ, въ униженіи первой неудачи, изъ опасенія, что увидятъ его старѣющимся. Старости, вотъ чего онъ боялся больше всего... Однимъ словомъ, въ продолженіи шести лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ уединился, онъ ни разу не выходилъ за предѣлы этого замка и этого парка. Онъ съ такою-же энергіей прячется отъ людей, съ какою прежде показывался имъ. Онъ не вынесъ присутствія людей при его закатѣ. Онъ заживо похоронилъ себя. Я не нахожу этого достойнымъ презрѣнія.

И Тереза, вспомнивъ почтеннаго старика, пожелавшаго съ славою закончить свою веселую жизнь посѣщеніемъ ея дома, повернула голову и посмотрѣла на Геррикъ, вырѣзныя башни котораго высились изъ-за сѣрыхъ верхушекъ дубовъ.

Возвратившись домой, она сказала, что у нея мигрень и что она не въ состояніи обѣдать. Она заперлась въ своей комнатѣ, вынула изъ ящика съ драгоцѣнностями печальное письмо и перечла послѣднюю страницу.

«Мысль, что ты принадлежишь другому, жжетъ меня и рветъ мою душу на части. И потомъ я не хотѣлъ, чтобы это былъ тотъ».

Эта мысль принимала характеръ маніи. Онъ три раза на одной страницѣ повторялъ слова:

«Я не хотѣлъ, чтобы это былъ тотъ».

У нея тоже была одна только мысль: не потерять его. Чтобы не потерять его, она способна была сдѣлать и сказать, что угодно. Она сѣла къ столу и въ страстномъ нѣжномъ порывѣ написала письмо, въ которомъ, какъ стонъ, повторялись слова: «Я тебя люблю, я тебя люблю, я никогда никого не любила кромѣ тебя. Ты одинъ, одинъ, слышишь-ли, одинъ въ моей душѣ, во всемъ моемъ существѣ. Зачѣмъ ты слушаешь какого-то презрѣннаго человѣка? Слушай меня. Я никогда никого не любила, клянусь тебѣ, никого до тебя».

Пока она писала, легкіе, но необъятные вздохи моря сопровождались ея вздохами. Она хотѣла произносить и думала, что произноситъ правдивыя слова, и все, что она говорила, было правдивою правдою ея любви. Она услышала тяжелые, увѣренные шаги отца, поднимавшагося по лѣстницѣ, и, спрятавъ письмо, отворила дверь.

Монтессю, съ лукавой усмѣшкой, спросилъ ее, какъ она себя чувствуетъ.

— Я пришелъ пожелать тебѣ покойной ночи и предложить тебѣ одинъ вопросъ. Возможно, что завтра на скачкахъ я встрѣчу Ле-Мениля. Онъ каждый годъ посѣщаетъ ихъ. Онъ человѣкъ не измѣняющій своимъ привычкамъ. Такъ, если я его встрѣчу, находишь-ли ты удобнымъ, милая, чтобы я пригласилъ его къ намъ на нѣсколько дней? Твой мужъ полагаетъ, что его присутствіе будетъ для тебя пріятнымъ развлеченьемъ. Мы могли-бы устроить его въ голубой комнатѣ.

— Какъ хочешь. Но мнѣ хотѣлось-бы, чтобы ты приберегъ голубую комнату для Поля Ванса, которому очень хотѣлось пріѣхать. Возможно также, что Шулетъ пріѣдетъ, не предупредивъ насъ. Онъ имѣетъ иногда эту привычку. Въ одинъ прекрасный день мы увидимъ его, какъ какого-нибудь бѣдняка, звонящимъ у нашей двери. Ты знаешь, мой мужъ ошибается, полагая, что Ле-Мениль мнѣ пріятенъ. И потомъ, на слѣдующей недѣлѣ, я должна буду поѣхать дня на два или на три въ Парижъ.

XXIX.

Черезъ двадцать четыре часа послѣ своего письма Тереза подъѣзжала изъ Динара къ маленькому домику въ Тернъ. Ей было не трудно найти предлогъ для поѣздки въ Парижъ. Она совершила переѣздъ вмѣстѣ со своимъ мужемъ, который хотѣлъ повидать въ Энѣ своихъ избирателей, подготовленныхъ соціалистами. Она застала Жака врасплохъ, утромъ въ его мастерской, въ то время, какъ онъ работалъ надъ большой фигурой Флоренціи, оплакивающей на берегу Арно свою минувшую славу.

Натурщица позировала, сидя на высокомъ табуретѣ. Эта была высокая, смуглая дѣвушка. Рѣзкій свѣтъ, проникавшій сквозь витражъ, ясно обрисовывая чистыя линіи бедра и голени, еще болѣе оттѣнялъ жесткость лица, темную шею, худую грудь, желтый животъ, сморщенныя колѣни и ступни съ искривленными пальцами.

Тереза съ любопытствомъ взглянула на нее, различая изящныя формы подъ жалкимъ покровомъ истощеннаго тѣла и загрубѣвшей кожи.

Дешартръ, не выпуская изъ рукъ ваяла и глины, пошелъ ей на встрѣчу, съ выраженіемъ скорбной нѣжности, смутившей и взволновав-

шей ее. Затѣмъ, положивъ на скамейку инструментъ и глину и покрывъ фигуру мокрой простыней, онъ сказалъ, обращаясь къ натурщицѣ:

— На этотъ разъ довольно, дитя мое.

Она встала, неловко подобрала свою скудную одежду, состоявшую изъ темныхъ тряпокъ и грязнаго бѣлья, и пошла одѣваться за ширмы.

Между тѣмъ, скульпторъ, обмывъ въ тазу руки, на которыхъ бѣлѣла липкая глина, вышелъ съ Терезой изъ мастерской.

Они прошли подъ платаномъ, усыпавшимъ дворъ чешуйками своего облупившагося ствола.

— Вы больше не вѣрите, не правда-ли?—сказала она.

Онъ провелъ ее въ свою комнату.

Письмо, написанное ею изъ Динара, уже смягчило его тяжелое впечатлѣніе. Она явилась въ ту минуту, когда, измученный страданіемъ, онъ нуждался въ ласкѣ и успокоеніи. Нѣсколькихъ строкъ было достаточно, чтобы утѣшить волненіе его души, жившей образами, менѣе чувствительной къ самымъ фактамъ, чѣмъ къ тому, что говорило о нихъ воображеніе.

Но въ глубинѣ души онъ чувствовалъ себя разбитымъ.

Въ комнатѣ, гдѣ все говорило за нее, гдѣ мебель, занавѣсы, ковры—все напоминало о ихъ любви, она шептала ему нѣжныя слова:

— И вы могли повѣрить... Развѣ вы не знаете цѣны себѣ?.. Это было безуміе. Развѣ женщина, знающая васъ, могла бы выносить другого послѣ васъ?..

— Но раньше?

— Раньше я васъ ждала.

— И онъ не былъ на бѣгахъ въ Динарѣ?

Она не думала; во всякомъ случаѣ, она-то навѣрное не была тамъ. Лошади и люди, занимающіеся ими, не интересуютъ ее.

— Жакъ, не бойтесь никого, потому что нѣтъ никого, кто могъ бы сравниться съ вами.

Онъ зналъ, напротивъ, какъ мало онъ значилъ, какъ мало вообще можно значить въ этомъ мірѣ, гдѣ человѣческія существа, словно зерна бросаемые въ вѣялку, то сближаются, то разъединяются, по волѣ божества или грубой силы. Впрочемъ и въ этомъ сравненіи съ земледѣльческой или мистической вѣялкой—слишкомъ много закономѣрности и порядка, чтобы оно могло быть вполнѣ примѣнимо къ жизни. Люди представлялись ему кофейными зернами въ горлышкѣ кофейной мельницы. Онъ очень живо почувствовалъ это третьяго дня, видя какъ m-me Фюзелье молола кофе въ своей мельницѣ.

Тереза сказала ему:

— Почему у васъ нѣтъ гордости?

Она прибавила всего нѣсколько словъ, но за нее говорили ея глаза, ея руки, ея дыханье, волновавшее ея грудь.

И онъ, счастливый и пораженный тѣмъ, что снова видитъ и слышитъ ее, убѣждался ея словами.

Она спросила его, кто произнесъ эти ужасныя слова.

У него не было причинъ скрывать отъ нея,—это былъ Даніель Саломонъ.

Она не удивилась. Даніель Саломонъ, про котораго говорили, что онъ не можетъ быть любовникомъ ни одной женщины, старался входить въ близкія отношенія съ людьми, чтобы узнавать ихъ тайны. Она догадывалась что побудило его заговорить объ этомъ:

— Жакъ, не обижайтесь за то, что я скажу вамъ, но вы не умѣете скрывать свои чувства. Онъ, вѣроятно, заподозрилъ, что вы любите меня и хотѣлъ провѣрить свои догадки. Я увѣрена, что теперь у него уже нѣтъ сомнѣній относительно нашихъ отношеній. Но меня это нисколько не смущаетъ. Напротивъ, я была бы менѣе спокойна, если бы вы умѣли болѣе владѣть собой. Мнѣ-бы казалось, что вы недостаточно любите меня.

Изъ опасенія разстроить его, она торопилась перевести разговоръ на другую тему.

— Я еще не сказала вамъ, какъ мнѣ понравилась начатая вами работа. Это Флоренція на берегу Арно? Такъ значитъ это мы?

— Да, я постарался вложить въ эту фигуру все волненіе моей любви. Она—грустна, но я хотѣлъ бы, чтобы она была прекрасна. Видите-ли, Тереза, въ красотѣ есть что-то болѣзненное. Вотъ почему, съ тѣхъ поръ, какъ моя жизнь стала прекрасной, я страдаю.

Онъ положилъ руку въ карманъ своей фланелевой куртки и вынулъ портъ-сигаръ. Но она торопила его, чтобы онъ скорѣе одѣвался. Она увозила его къ себѣ завтракать. Они не должны были разставаться весь день. Имъ предстояли чудныя минуты.

Она посмотрѣла на него съ выраженіемъ дѣтской радости. Но вслѣдъ затѣмъ лицо ея омрачилось: она вспомнила, что въ концѣ недѣли она должна возвратиться въ Динаръ, потомъ въ Жуанвиль и что на это время они принуждены будутъ разстаться. Она устроитъ такъ, чтобы его пригласили на нѣсколько дней въ Жуанвиль, къ отцу. Но тамъ они не будутъ чувствовать себя на свободѣ и въ уединеніи, какъ въ Парижѣ.

— Это правда, сказалъ онъ,—Парижъ удобенъ для насъ своей необъятной громадностью.

Потомъ онъ прибавилъ:

— Даже въ твое отсутствіе я не рѣшаюсь покинуть Парижъ. Мнѣ было бы ненавистно жить въ странѣ, не знакомой съ тобою.

Пока онъ одѣвался, она перелистывала книгу, которую нашла на столѣ. Это были сказки «Тысячи и одной ночи». На романическихъ гравюрахъ, попадавшихся среди текста, изображены были визири, султаны, чернокожіе евнухи, базары, караваны.

Она спросила:

— Тысяча и одна ночь? Это занимаетъ васъ?

— Очень, отвѣтилъ онъ, завязывая свой галстухъ.—Если я захочу, я начинаю вѣрить въ этихъ арабскихъ принцевъ, у которыхъ ноги превратились въ черный мраморъ, и въ этихъ женщинъ изъ гарема, блуждающихъ ночью по кладбищамъ. Эти сказки навѣваютъ на меня легкія грезы, которыя даютъ возможность забывать жизнь.

Она сказала, съ оттѣнкомъ горечи:

— Ты ищешь забвенія! А я не согласилась бы ни за что на свѣтѣ забыть хоть одну обиду, исходящую отъ тебя.

Они вмѣстѣ вышли на улицу. Она должна была взять извозчика и пріѣхать домой нѣсколькими минутами раньше него.

— Мой мужъ ждетъ васъ къ завтраку.

Дойдя до avenue des Ternes, они увидѣли передъ собой рядъ лавокъ съ съѣстными припасами, соперничавшихъ другъ съ другомъ въ изобиліи и красивомъ расположеніи товаровъ. На дверяхъ, въ лавкѣ торговца готовыми кушаніями, висѣли цѣлыя гирлянды жареной дичи, а во фруктовой видны были ящики съ абрикосами, персиками, корзины съ виноградомъ, груды спѣлыхъ грушъ. Телѣжки съ цвѣтами и плодами стояли по обѣ стороны дороги.

Сквозь стеклянную крышу ресторана можно было видѣть мужчинъ и женщинъ, которые завтракали у маленькихъ столиковъ. Тереза узнала среди нихъ Шулета, сидящаго въ одиночествѣ подъ растущемъ въ кадкѣ лавровымъ деревомъ и закуривающаго трубку.

Увидѣвъ ее, онъ величественнымъ движеньемъ руки бросилъ на столъ монету въ сто су, всталъ и поклонился.

Въ лицѣ его было что-то значителбное, его длинный сюртукъ придавалъ ему видъ благопристойности и суровости.

Онъ сказалъ, что очень желалъ навѣстить m-me Мартенъ въ Динарѣ. Но онъ былъ задержанъ въ Вандеѣ маркизой de Pie. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ за это время выпустилъ въ свѣтъ новое изданіе своего «Замкнутаго сада» съ приложеніемъ «Сада Святой Клары». Онъ растрогалъ души, которыя казались безчувственными, открылъ источникъ воды въ скалахъ.

— Такимъ образомъ, я сталъ подобенъ Моисею,—сказалъ онъ:

Онъ порылся въ карманѣ и вынулъ изъ бумажника запятнанное, потертое письмо.

— Вотъ, что пишетъ мнѣ m-me Раймондъ, супруга академика. Я опубликую ея слова, потому что они говорятъ въ ея пользу.

И развернувъ тонкіе листки, онъ прочелъ:

— «Я познакомила моего мужа съ вашею книгой и онъ воскликнулъ: «Это чистѣйшій спиритуализмъ! Кажется, въ этомъ «замкнутомъ саду», между бѣлыхъ лилій и розъ, есть маленькая калиточка, которая незамѣтно открывается на дорогу, ведущую къ Академіи».

Шулетъ произнесъ эти слова, смакуя ихъ вмѣстѣ съ запахомъ выпитой имъ водки, и бережно вложилъ письмо въ бумажникъ.

M-me Мартенъ поздравила поэта съ пріобрѣтеніемъ кондидатства у m-me Раймондъ.

— Я бы сдѣлала васъ своимъ кандидатомъ, m-r Шулетъ, если бы я занималась академическими выборами. Но развѣ институтъ прельщаетъ васъ?

Впродолженіе нѣсколькихъ секундъ онъ хранилъ торжественное молчаніе, потомъ произнесъ:

— Этимъ способомъ я имѣлъ бы возможность войти въ сношенія съ различными политическими дѣятелями и дѣятелями церкви.

— Ну, прощайте, m-r Шулетъ, — сказала Тереза, — не забывайте обо мнѣ.

— Сударыня, я не забываю васъ ни въ одномъ моемъ моленіи, какъ утреннемъ, такъ и вечернемъ. Я обращаюсь къ Богу за васъ, говоря: «Такъ какъ ты ниспослалъ ей въ гнѣвѣ своемъ богатство и красоту, будь милосердъ къ ней, о Господи, и пощади ее по благости Своей»...

И онъ величественно удалился, волоча ногу, по пыльной улицѣ.

XXX.

Кутаясь въ длинную накидку изъ розоватаго сукна, Тереза спустилась съ Жакомъ по ступенькамъ крыльца. Онъ пріѣхалъ въ Жуанвиль въ этотъ день утромъ. Легкій сентябрскій воздухъ тихонько колебалъ вьющіеся волосы Терезы, а невысокое солнце свѣтилось золотыми точками въ сѣрой глубинѣ ея глазъ. Позади нихъ вставалъ замокъ съ тремя аркадами и бюстами римскихъ императоровъ на длинныхъ консоляхъ между окнами. Жакъ и Тереза прошли песчаными дорожками цвѣтника, вдоль стѣны стриженнаго кустарника, миновали оранжерею и углубились въ липовую аллею. Между полуобнаженными деревьями статуи нимфъ, казалось, вздрагивали отъ холода въ влажной тѣни, прорѣзанной свѣтлыми солнечными пятнами. Время отъ времени дыханіе вѣтра срывало съ дерева сухой листъ, и онъ медленно падалъ на землю, какъ золотисто-красная раковина, въ которой осталась капля дождя. Тереза указала на нимфу, говоря:

— Бывало, въ дѣтствѣ, она видѣла, какъ меня охватывало желаніе умереть. Я страдала отъ какихъ-то желаній и страха. Я словно ждала васъ.

Они шли дальше, по другимъ липовымъ аллеямъ съ нимфами, въ глубину парка, къ площадкѣ, окруженной скалистыми гротами. Легкій шорохъ шаговъ заставилъ ихъ остановиться. Они увидѣли сквозь листву деревьевъ Монтессю, который обнималъ за талію княгиню Сенявину. Они направлялись самымъ спокойнымъ образомъ къ замку. Жакъ и Тереза, скрывшись за огромнымъ обелискомъ, подождали, пока они прошли. Тогда она сказала, обращаясь къ Дешартру, который молча смотрѣлъ на нее:

— Такъ вотъ какъ! Теперь я понимаю, почему этой зимою княгиня Сенявина совѣтовалась съ папа относительно покупки лошадей...

Они, молча, шли подъ высокими деревьями, среди слабаго шопота листьевъ. За великолѣпными вязами шли купы осинъ и березъ, на блѣдной корѣ которыхъ золотился послѣдній лучъ солнца.

Онъ привлекъ ее къ себѣ и сталъ цѣловать ея вѣки. Ночь спускалась съ неба. Между вѣтвями дрожали первыя звѣзды. Въ мокрой травѣ раздавались крики лягушекъ. Они не пошли дальше...

Послѣ обѣда, m-eur Бертье д'Эйзель читалъ газету, а княгиня Сенявина, сидя у ломбернаго стола, гадала на картахъ. Тереза съ книгою въ рукахъ, полузакрывъ глаза и чувствуя на щиколкахъ царапины колючекъ—отъ тѣхъ кустарниковъ, среди которыхъ они пробирались, вспоминала съ легкой дрожью объятія своего друга среди густой листвы—словно это былъ фавнъ, играющій съ нимфою.

— Удача!—воскликнула княгиня, бросая карты.

Она поставила большую сумму за лошадь на бѣгахъ, которые происходили сегодня въ Шантильи.

Монтессю весело вошелъ въ залу. Онъ выигралъ партію. Онъ сѣлъ подлѣ Берье д'Эйзеля и, взявъ газету, распростертую на диванѣ, сказалъ:

— Министръ финансовъ заявляетъ, что въ началѣ сессіи палаты онъ внесетъ свой проектъ относительно сберегательныхъ кассъ.

Дѣло шло о разрѣшеніи сберегательнымъ кассамъ кредитовать коммунальныя общины,—что отняло бы лучшую кліентелу у банковыхъ учрежденій, которымъ онъ управлялъ.

— Бертье,—сказалъ финансистъ,—вѣдь вы врагъ этого проекта?

Бертье наклонилъ голову. Монтессю поднялся и положилъ руку на плечо депутата:

— Я полагаю, мой милый Бертье,—сказалъ онъ,—что министерство падетъ въ самомъ началѣ сессіи.

Потомъ онъ подошелъ къ дочери:

— Я получилъ очень странное письмо отъ Ле-Мениля.

Тереза поднялась, чтобы плотнѣе притворить дверь, отдѣлявшую залу отъ билліардной. Она сказала, что боится сквозняка.

— Престранное письмо,—продолжалъ Монтессю.—Ле-Мениль не пріѣдетъ на охоту въ Жуанвиль. Онъ купилъ яхту «Rosebud», плаваетъ по Средиземному морю и хочетъ отнынѣ постоянно жить на водѣ. Это очень жаль. Собственно, онъ одинъ умѣетъ вести охоту.

Въ эту минуту въ залу вошелъ Дешартръ вмѣстѣ съ графомъ Мартенъ, который, объигравъ его на билліардѣ, былъ теперь настроенъ весьма дружелюбно къ нему.

XXXI.

Блѣдное зимнее солнце, пронизывая туманъ, висѣвшій надъ Сеною, освѣщало столовую графовъ Мартенъ.

Направо отъ m-me Мартенъ сидѣлъ депутатъ Гаренъ, бывшій хранитель Печатей и бывшій президентъ Совѣта, налѣво—сенаторъ Луайе. По правую руку отъ графа Мартенъ былъ Бертье д'Эйзель. Интимный мрачный дѣловой завтракъ. Согласно предвидѣнію Монтессю, четыре дня тому назадъ министерство подало въ отставку. Въ то же утро Гаренъ былъ призванъ въ Елисейскій дворецъ: ему поручили сформировать новый кабинетъ. Теперь за завтракомъ онъ подготавливалъ комбинацію, которая вечеромъ должна была быть представлена на усмотрѣніе президента.

Въ то время, какъ они перебирали имена, Тереза отдавалась грезамъ своей личной жизни. Она вернулась въ Парижъ съ графомъ Мартенъ къ началу сессіи, и съ этого времени жизнь ея была полна очарованій. Жакъ любилъ ее. Въ любви его страстность чудесно смѣшивалась съ нѣжностью, опытъ жизни съ юношескою пытливостью. Онъ былъ нервенъ, раздражителенъ, безпокоенъ. Но неровность его настроеній придавала особенную цѣну его веселости, которая вдругъ вспыхивая, какъ огонь, сообщала любви особенную невинную ласковость. Умный тонкій смѣхъ Жака очаровывалъ Терезу...

— Однородное министерство!—вскричалъ Гаренъ.—Это не такъ-то просто. Приходится подумать и о томъ, чтобы удовлетворить тенденціи различныхъ фракцій палаты.

Онъ былъ объятъ тревогою. Со всѣхъ сторонъ ему мнились какія-то козни. Недавніе единомышленники казались ему теперь врагами.

Графъ Мартенъ хотѣлъ, чтобы новое министерство отвѣчало выяснившимся требованіямъ времени.

— Вашъ списокъ составленъ изъ лицъ, весьма различнаго происхожденія и направленій,—сказалъ онъ.—Между тѣмъ, однимъ изъ

знаменательнѣйшихъ обстоятельствъ политической исторіи за послѣдніе годы было именно то, что выяснилась возможность, вѣрнѣе говоря— необходимость выдерживать единство во взглядахъ республиканскаго правительства. Всѣ эти мысли вы сами еще недавно развивали краснорѣчивѣйшимъ образомъ, мой милый Гаренъ.

Бертье д'Эйзель молчалъ.

Сенаторъ Луайе каталъ между пальцами хлѣбные шарики. Старый завсегдатай распивочныхъ, онъ находилъ свои лучшія мысли, разминая пальцами хлѣбныя крошки или стругая ножомъ пробки. Онъ поднялъ свое угреватое лицо съ грязной бородою и посмотрѣлъ на Гарена. Въ глазахъ его мерцалъ какой-то огонекъ:

— Я говорилъ,—меня не слушали. Уничтоженіе монархической Правой было для вождей республиканской партіи непоправимымъ несчастьемъ. Правительство держалось на борьбѣ съ нею. Оппозиція всегда служитъ поддержкой правительству. Имперія держалась борьбою съ орлеанистами и съ нами. Шестнадцатое Мая—борьбою съ республиканцами. Мы были счастливѣе другихъ,—намъ приходилось бороться съ Правой. Лучше этой оппозиціи и желать нельзя: при своихъ вѣчныхъ угрозахъ, это была оппозиція безсильная, расплывчатая, честная, непопулярная! Нужно было дорожить ею — мы не съумѣли. Теперь остаются развѣ только соціалисты, на борьбу съ которыми мы можемъ опираться. Но они слишкомъ слабы. Нужно было бы усилить ихъ, сплотить въ настоящую партію. Въ настоящее время это является первой задачей министерства внутреннихъ дѣлъ.

— Вы еще не знаете, Гаренъ, спросилъ графъ Мартенъ,—что вы берете на себя, въ качествѣ премьера: Печати или портфель внутреннихъ дѣлъ?

Гаренъ отвѣчалъ, что его рѣшен.і будетъ зависѣть отъ выбора N***, присутствіе котораго необходимо кабинету и который колебалс между двумя портфелями. Онъ, Гаренъ, рѣшилъ пожертвовать своими личными желаніями высшимъ интересамъ.

Сенаторъ Луайе поморщился. Онъ хотѣлъ получить Печати. Со времени 4-го сентября 1870 г. онъ мечталъ о томъ, чтобы сдѣлатьс хранителемъ Печатей и показать свѣту, что старый богема, бывшій завсегдатай кабачка Пелажи, преподаватель правъ, объяснявшій кодексы и имѣвшій на ужинъ блюдо капусты, съумѣетъ стоять на должной высотѣ, сдѣлавшись членомъ верховной магистратуры. Теперь, вступивъ въ комбинацію Гарена, онъ надѣялся осуществить завѣтную мечту,—и вдругъ его протекторъ оказался соперникомъ. Онъ злобно усмѣхнулся, старательно вылѣпливая изъ мякиша какое-то подобіе собачки.

Mr Бертье д'Эйзель, величавый, мертвенно-спокойный, поглаживалъ свои сѣдые бакенбарды.

— Во всякомъ случаѣ, очевидно, что мы должны обезпечить себѣ сочувствіе большинства,—сказалъ графъ Мартенъ.

— Мой списокъ вполнѣ обезпечиваетъ намъ большинство, отвѣтилъ Гаренъ.—Прежнее министерство держалось противъ насъ меньшинствомъ... Господа, я позволяю себѣ обратиться къ вашей преданности общему дѣлу.

Распредѣленіе портфелей началось. Графъ Мартенъ получилъ сначала общественныя работы, но отказался—по недостатку освѣдомленности въ этой областн,—затѣмъ иностранныя дѣла, которыя онъ взялъ на себя безъ всякихъ возраженій.

Но Бертье д'Эйзель, которому Гаренъ предложилъ портфель торговли и земледѣлія, отклонилъ эту честь.

Луайе былъ сдѣланъ министромъ колоній. При этомъ онъ старательно дѣлалъ видъ, что поглощенъ своей хлѣбной фигуркой. Однако, взглядъ его небольшихъ, окруженныхъ морщипами глазъ обращался изподтишка на графиню Мартенъ. Она казалась ему соблазнительной и онъ не безъ удовольствія подумывалъ о томъ, какъ бы поближе познакомиться съ нею.

Гаренъ поднялся. Ему предстояло еще видѣть N***, N*** и N*** прежде чѣмъ представить списокъ на утвержденіе президента республики. Графъ Мартенъ предложилъ ему карету, но у Гарена былъ свой экипажъ.

— Вы не думаете, чтобы президентъ могъ сдѣлать какія-нибудь возраженія противъ нѣкоторыхъ именъ въ вашемъ спискѣ?—спросилъ графъ Мартенъ.

— Президентъ, безъ сомнѣнія, войдетъ въ надобности настоящей минуты,—отвѣтилъ Гаренъ.

Онъ уже вышелъ изъ комнаты и вдругъ вернулся, потирая лобъ:

— Мы совсѣмъ забыли о военномъ министрѣ!—сказалъ онъ.

— Вы легко найдете его среди генераловъ,—отозвался графъ Мартенъ.

— А!—воскликнулъ Гаренъ,—вы полагаете, что это такъ просто найти военнаго министра! Видно, что вамъ не приходилось, какъ мнѣ, принимать участіе въ трехъ кабинетахъ и предсѣдательствовать въ Совѣтѣ. Величайшія затрудненія создаются именно выборомъ военнаго министра. Вы знаете, кого я намѣтилъ, когда мнѣ пришлось формировать кабинетъ? Мы взяли его изъ людей, незнакомыхъ съ дѣлами. Онъ едва понималъ, что существуетъ двѣ палаты. Ему приходилось объяснять съ азовъ весь парламентскій механизмъ. Онъ попросилъ, чтобы ему записали всѣ эти объясненія на клочкѣ бумажки. Его непониманіе людей и событій приводило насъ въ ужасъ. Черезъ 15 дней онъ разбирался во всѣхъ тонкостяхъ дѣла, зналъ лично всѣхъ сенаторовъ и депутатовъ и заводилъ противъ насъ интриги. О, не думайте пожалуй-

ста, что портфель войны могъ быть врученъ наспѣхъ, безъ предварительнаго обсужденія...

И вспоминая своего бывшаго коллегу съ Сенъ-Жерменскаго бульвара, Гаренъ все еще содрагался. Наконецъ онъ вышелъ.

Тереза поднялась. Сенаторъ Луайе предложилъ ей руку съ тою закругленностью манеръ, которую ему приходилось практиковать сорокъ лѣтъ тому назадъ въ Бюлье. Она оставила мужчинъ заниматься политическими дѣлами и спѣшила къ Дешартру.

Желтоватые туманы стлались надъ Сеною, надъ камнями мостовой, окутывали золотистую осеннюю листву платановъ. Красное солнце глядѣло сквозь облака, застилавшія небо. Выйдя изъ дому, Тереза съ наслажденіемъ ощутила острую свѣжесть воздуха и великолѣпіе умирающаго дня. Со времени своего возвращенія въ Парижъ она, въ своемъ счастьѣ, готова была радоваться всякой новизнѣ, всякой перемѣнѣ погоды. Теперь, направляясь, какъ и въ другіе дни, къ маленькому домику въ Тернъ, она думала о своемъ неожиданномъ счастьѣ, столь полномъ и, какъ ей казалось, уже неизмѣнномъ. Подозрѣнія, тревоги пронеслись какъ тучи лѣтней грозы. Худшимъ временемъ для ихъ любви были тѣ мѣсяцы, когда они были въ разлукѣ. Когда любишь, не слѣдуетъ разставаться.

На углу улицы Марсо и улицы Галилея она вдругъ угадала—именно угадала, а не узнала, въ мелькнувшей передъ нею тѣни знакомое лицо. Она думала, хотѣла думать, что ошибается. Вѣдь тотъ, котораго она какъ-будто увидѣла, не существовалъ, никогда не существовалъ. Это было лишь видѣніе, пригрезившееся ей во мракѣ полусуществованія. И она шла, стараясь отдѣлаться отъ того холода, смутнаго стѣсненія и замиранія сердца, которое оставила въ ней эта неопредѣленная встрѣча.

Но когда она повернула на пустынную улицу Макъ-Могонъ, тѣнь, мелькнувшая передъ нею ранѣе, вдругъ приблизилась, встала передъ нею съ мучительной отчетливостью. Она узнала Роберта Ле-Мениля, который слѣдовалъ за нею отъ набережной Бильи. Наружность и манеры его обличали въ немъ ту-же ясность души, которая когда-то дѣлала его привлекательнымъ для нея. Его жесткое лицо, еще болѣе потемнѣвшее отъ загара, нѣсколько похудѣвшее, спокойное, и скрывало, и позволяло угадывать глубокое страданіе.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами.

Она замедлила шагъ. Онъ пошелъ рядомъ.

— Я старался забыть васъ. Послѣ всего происшедшаго это было естественно, не правда-ли? Я все сдѣлалъ для этого. Но я не смогъ. Тогда я купилъ яхту и втеченіе шести мѣсяцевъ пробылъ въ морѣ. Вы, можетъ быть, знаете?

Тереза сдѣлала знакъ, что ей это извѣстно. Она шла медленно, съ грустью, съ досадой въ душѣ.

Онъ продолжалъ:

— Что я перестрадалъ на этой яхтѣ, мнѣ было-бы стыдно признаться вамъ.

Она чувствовала, что онъ говоритъ правду и невольно отворачивалась.

— О, я прощаю вамъ это. Я много передумалъ въ одиночествѣ. Я проводилъ цѣлые дни и ночи, лежа на диванѣ въ каютѣ, и перевертывая въ головѣ все однѣ и тѣ-же мысли. Я думалъ за эти шесть мѣсяцевъ больше, чѣмъ за всю мою жизнь. Не смѣйтесь. Ничто такъ не расширяетъ умъ, какъ страданіе. Я понялъ, что если я лишился васъ, то по своей собственной винѣ. Мнѣ стало понятно, что я не съумѣлъ достаточно войти въ ваши вкусы, въ ваши мысли. Вы—женщина высшаго склада. Я не обратилъ на это вниманія, потому что не за это полюбилъ васъ. Самъ того не подозрѣвая, я раздражалъ, шокировалъ васъ.

Она покачала головой. Онъ продолжалъ:

— Да, да, я часто шокировалъ васъ. Я недостаточно щадилъ вашу тонкую натуру. Между нами бывали недоразумѣнія, потому что натуры наши разныя. И потомъ, я не умѣлъ развлекать васъ. Я не умѣлъ подыскать тѣ удовольствія, которыя могли-бы подходить такой интеллигентной женщинѣ, какъ вы.

Простота и искренность его сожалѣній, его скорби показались ей симпатичными. Она сказала ему мягкимъ голосомъ:

— Другъ мой, мнѣ не за что жаловаться на васъ.

Онъ продолжалъ:

— Все, что я сказалъ, правда. Я понялъ это во всю глубину, въ одиночествѣ на моей яхтѣ. И я проводилъ часы, какихъ не пожелалъ-бы самому лютому моему врагу. Сколько разъ я хотѣлъ покончить съ собою, броситься въ воду. Я этого не сдѣлалъ... Быть можетъ, вы даже издали удерживали меня въ жизни. Меня тянуло къ вамъ, и вотъ я опять передъ вами. Уже два дня, какъ я сторожу васъ. Я не хотѣлъ идти къ вамъ. Я не засталъ-бы васъ одну, не могъ-бы высказаться. И потомъ, дома вы были-бы вынуждены принять меня. Я предпочелъ поговорить съ вами на улицѣ. Эта мысль пришла мнѣ тоже на пароходѣ. Я говорилъ себѣ: «на улицѣ она выслушаетъ меня только въ томъ случаѣ, если захочетъ этого, какъ четыре года тому назадъ, въ паркѣ Жуанвиля, помните...

Онъ подавилъ вздохъ и продолжалъ:

— Да, какъ въ Жуанвилѣ, потому что нужно все начать съ начала. Вотъ ужъ два дня, какъ я сторожу васъ. Вчера шелъ дождь,

вы выѣзжали въ каретѣ. Я могъ-бы послѣдовать за вами, прослѣдить, куда вы ѣдете. Мнѣ хотѣлось сдѣлать это. Я не сдѣлалъ. Я не хочу сдѣлать ничего, что было-бы непріятно вамъ.

Она протянула ему руку:

— Благодарю васъ. Я знала, что мнѣ не придется раскаиваться въ томъ довѣріи, съ какимъ я относилась къ вамъ.

Разстроенная, полная тревоги, нетерпѣнія, боясь того, что онъ хотѣлъ еще сказать ей, она хотѣла прервать разговоръ, скрыться:

— Прощайте! Передъ вами вся жизнь...

Онъ остановилъ ее взглядомъ. Лицо его приняло то жесткое рѣшительное выраженіе, которое было знакомо ей.

— Я сказалъ вамъ, что мнѣ нужно поговорить. Выслушайте меня— одну минуту.

Она думала о Жакѣ, который уже ждалъ ее.

Попадавшіеся имъ на встрѣчу прохожіе смотрѣли на нее и шли своей дорогой. Она остановилась подъ чернѣющими вѣтвями дерева и ждала съ болѣзненной жалостью и страхомъ въ душѣ.

Онъ сказалъ:

— Вотъ видите-ли: я васъ прощаю, я все предалъ забвенію. Сойдитесь со мною. Я обѣщаю ни однимъ словомъ не напоминать вамъ прошедшаго.

Она содрогнулась въ движеніи такого непосредственнаго изумленія и отчаянія, что онъ остановился. Потомъ, послѣ минутнаго размышленія, онъ заговорилъ опять:

— То, что я вамъ предлагаю, не обычно, я самъ знаю. Но я размышлялъ, я все обдумалъ. Это единственный возможный для меня выходъ. Подумайте объ этомъ, Тереза,—не давайте мнѣ отвѣта теперь...

— Было бы не хорошо обманывать васъ. Я не могу, не хочу того, о чемъ вы говорите. Вы сами знаете, почему.

Извощикъ медленно проѣзжалъ мимо нихъ. Она сдѣлала знакъ ему остановиться. Но Робертъ задержалъ ее еще на минуту:

— Я предвидѣлъ, что вы скажете мнѣ именно это. Но потому-то я и прошу васъ: не давайте мнѣ отвѣта теперь.

Она уже взялась за ручку каретной дверцы и обернулась, устремивъ на него взглядъ своихъ сѣрыхъ глазъ.

Этотъ моментъ былъ для него мучительнымъ. Онъ вспомнилъ время, когда видѣлъ эти чудесные сѣрые глаза, полуприкрытые вѣками. Онъ сдержалъ рыданіе въ груди и пробормоталъ прерывающимся голосомъ:

— Послушайте, я не могу жить безъ васъ, я люблю васъ, теперь-то и люблю. Прежде—я не зналъ.

И въ то время, какъ она сообщала кучеру адресъ какой-то первопопавшейся модистки, онъ удалился своей гибкой и живой, на этотъ разъ болѣе обыкновеннаго порывистой походкой.

Встрѣча эта оставила въ ея душѣ томительную тревогу.

Когда карета подъѣхала къ углу улицы, она поспѣшно закричала кучеру:

— Улица Демюръ, Тернъ.

XXXII.

Это было въ одну изъ пятницъ, въ Оперѣ. Занавѣсъ только что взвился,—на сценѣ была лабораторія Фауста. Изъ глубины взволнованнаго партера поднимались бинокли и въ свѣтѣ огней, сверкавшихъ въ громадной пустотѣ, взгляды искали кого-то въ залѣ, съ красной и золотой отдѣлкой. Въ темныхъ футлярахъ ложъ виднѣлись головы, блиставшія уборами, и обнаженныя плечи женщинъ. Амфитеатръ, приподнятый въ своемъ длинномъ изгибѣ надъ партеромъ, представлялся какой-то гирляндой изъ бриллiантовъ, цвѣтовъ, локоновъ, обнаженныхъ тѣлъ, газа и атласа. Въ литерныхъ ложахъ находились австрійская посланница и герцогиня Гладвинъ; въ амфитеатрѣ—Берта д'Изиньи и Жени Тюль, только что завоевавшая новую славу самоубійствомъ одного изъ любовниковъ. Въ ложахъ видны были m-me Бераръ да Ла-Маль съ опущенными глазами, длинныя рѣсницы которыхъ оттѣняли дѣвственныя щеки; княгиня Сенявина во всемъ своемъ великолѣпіи, скрывавшая подъ вѣеромъ зѣвоту пантеры, m-me де Морлэнъ, m-me Мейланъ, чопорная m-me Бертье д'Эйзель съ желѣзно-сѣрыми начесами волосъ, украшенныхъ бриллiантами. Къ ней было привлечено особое вниманіе. Въ этотъ день, утромъ, распространилось извѣстіе, что комбинація Гарена не имѣла успѣха и теперь порученіе сформировать кабинетъ было дано Бертье д'Эйзелю. Газеты уже опубликовали новый списокъ съ именемъ графа Мартенъ-Беллемъ въ качествѣ предполагаемаго министра финансовъ. И бинокли обращались къ еще незанятой ложѣ графинѣ Мартенъ.

Шумный ропотъ голосовъ наполнялъ залу. Въ третьемъ ряду креселъ, стоя на своемъ обычномъ мѣстѣ, генералъ Ларивьеръ бесѣдовалъ съ генераломъ де Ла-Бришъ. Онъ былъ настроенъ меланхолически: онъ старался польстить Гарену, а Гаренъ, найдя его слишкомъ тонкимъ, предпочелъ ему какого-то близорукаго фантазера изъ генераловъ отъ артиллеріи. Но за то Ларивьеръ имѣлъ теперь удовольствіе сознавать Гарена покинутымъ—ему измѣнили даже друзья его, Бертье д'Эйзель и Мартенъ-Беллемъ. И маленькіе глаза его смѣялись всѣми своими морщинками.

Монтессю, направляясь къ своему креслу, прошелъ мимо разговаривающихъ генераловъ. Ларивьеръ протянулъ ему руку:

— Говорятъ, Монтессю, что вы со своей стороны посодѣйствовали паденію Гарена? Позвольте пожать вашу руку...

Между тѣмъ, въ фойэ, въ корридорахъ, въ самой залѣ, имена но-

выхъ министровъ уже переходили изъ устъ въ уста: президентъ Совѣта и министръ внутреннихъ дѣлъ—Бертье д'Эйзель, юстиціи и культовъ—Луайе, финансовъ—Мартенъ-Беллемъ. Министръ торговли, военный и морской не были еще извѣстны.

Занавѣсъ поднялся еще разъ—надъ кабачкомъ бога Вакха. Студенты пѣли свой второй хоръ, когда m-me Мартенъ появилась въ своей ложѣ, съ высокоприподнятыми волосами на головѣ, въ бѣломъ платьѣ съ длинными крыльями вмѣсто рукавовъ. На драпировкѣ корсажа, съ лѣвой стороны груди, сверкала большая лилія изъ рубиновъ.

Miss Белль, въ платьѣ изъ зеленаго бархата, покроя Queen Ann, сѣла рядомъ съ нею. Она пріѣхала въ Парижъ, въ качествѣ невѣсты князя Эзебіо Альбертинелли делла Спина, чтобы заказать себѣ приданое.

На сценѣ шумѣло движеніе праздника.

— Darling, вы оставили во Флоренціи настоящаго друга, который благоговѣйно хранитъ воспоминаніе о васъ. Это профессоръ Арриги. Онъ говоритъ о васъ съ похвалою, которая особенно прекрасна въ его глазахъ: онъ говоритъ, что вы—музыкальное созданіе. Но не одинъ только профессоръ Арриги вспоминаетъ о васъ, darling,—даже ракиты въ саду оплакиваютъ ваше отсутствіе...

Въ глубинѣ ложи графъ Мартенъ-Беллемъ выражалъ вполголоса свои руководящія идеи Жозефу Шпрингеру и Дювике. Онъ склонялся къ осторожности въ финансовыхъ вопросахъ.

Miss Белль продолжала:

— О, darling, я скажу фіезольскимъ ракитамъ, что вы скучаете по нимъ, что вы вернетесь на ихъ холмъ. Но скажите: видаете-ли вы въ Парижѣ Дешартра? Я очень хотѣла-бы повидать его.

Тереза отвѣчала, что Дешартръ, безъ сомнѣнія, находится въ залѣ и не приминетъ засвидѣтельствовать свое почтеніе miss Белль.

Занавѣсъ опустился, скрывая пестрый вихрь вальса. Публика толпилась въ корридорахъ. Финансисты, художники, депутаты собрались въ аванъ-ложѣ графовъ Мартенъ. Они окружали графа Мартенъ-Беллемъ, бормотали поздравленія, привѣтствовали его, черезъ головы другъ друга любезными жестами, тѣснились, чтобы пожать его руку. Жозефъ Шмолль, подслѣповатый и глухой, протолкался, кашляя и охая, черезъ всю эту толпу къ графинѣ Мартенъ. Онъ взялъ ея руку и припалъ къ ней, пыхтя звучными поцѣлуями:

— Говорятъ, что вашъ мужъ назначенъ министромъ? Правда это?

Она знала, что объ этомъ говорили, но еще не знала, насколько это можно считать рѣшеннымъ дѣломъ. Впрочемъ, мужъ ея здѣсь. Можно спросить его самого.

— А! вашъ мужъ еще не назначенъ! сказалъ Шмолль, цѣнившій только буквально-точныя свѣдѣнія. — Когда онъ будетъ назначенъ, я

попрошу у васъ минутку вниманія. Дѣло касается крайне важнаго вопроса.

И онъ исчезъ, проталкиваясь черезъ толпу посѣтителей, шляпы которыхъ хрустѣли у него подъ ногами.

Между тѣмъ княгиня Сенявина, склонившись къ барьеру своей ложи, глядѣла въ бинокль на графиню Мартенъ съ тѣмъ особеннымъ любопытствомъ, которое въ ней вызывала иногда красота женщинъ. Она сдѣлала знакъ Полю Вансу, который стоялъ подлѣ нея:

— Не находите-ли вы, что m-me Мартенъ въ этомъ году особенно красива?

Въ фойе, сверкающемъ огнями и золотомъ, генералъ де-Ла-Бришъ спрашивалъ Ларивьера:

— Видѣли-ли вы моего племянника?

— Вашего племянника? Ле-Мениля?

— Да, Роберта. Онъ былъ только-что въ залѣ.

Де Ла-Бришъ впалъ на минуту въ задумчивость.

— Онъ пріѣзжалъ этимъ лѣтомъ въ Семанвиль,—продолжалъ онъ.— Я нашелъ его какимъ-то страннымъ, озабоченнымъ. Славный малый,— откровенный, какъ золото, и умница. Ему-бы нужно было какое-нибудь занятіе, цѣль въ жизни.

Звонокъ, оповѣщавшій объ окончаніи антракта, уже минуту, какъ смолкъ. Въ опустѣвшемъ фойе шагали два генерала.

— ...Какую-нибудь цѣль въ жизни,—повторялъ де Ла-Бришъ, высокій, худощавый и сгорбленный, въ то время какъ его товарищъ, какъ-бы внезапно помолодѣвъ, старался ускользнуть по направленію къ входу за кулисы.

Маргарита пѣла, сидя за прялкой. Когда она кончила, miss Белль сказала графинѣ Мартенъ:

— O, darling, m-eur Шулетъ написалъ мнѣ такое чудесное письмо. Онъ говоритъ, что входитъ въ большую славу, и я была такъ рада узнать это. Но онъ говоритъ также: «Слава другихъ поэтовъ обвита миррой и благовоніями, а моя истекаетъ кровью и стонетъ подъ градомъ камней и устричной скорлупы...» Неужели это правда, my love, что французы побиваютъ камнями добрѣйшаго Шулета?

Въ то время, какъ Тереза успокаивала miss Белль насчетъ Шулета, въ ложѣ съ шумомъ появился Луайе. Онъ былъ весь мокрый, въ грязи.

— Я только что изъ Елисейскаго дворца,—проговорилъ онъ.

Онъ съ особенной галантностью поспѣшилъ сообщить пріятное извѣстіе графинѣ Мартенъ.

— Декретъ подписанъ. Вашъ мужъ—министръ финансовъ. Это прекрасный портфель.

— И Президентъ Республики не сдѣлалъ никакихъ возраженій, когда мое имя было произнесено передъ нимъ?—спросилъ Мартенъ-Беллемъ.

— Нѣтъ. Бертье обратилъ вниманіе Президента на наслѣдственную честность Мартеновъ, на ваше состояніе и особенно на связи, соединяющія васъ съ извѣстными лицами финансоваго міра, участіе которыхъ можетъ быть полезно правительству. И Президентъ, по счастливому выраженію Гарена, принялъ къ сердцу надобности даннаго положенія вещей. Онъ подписалъ.

На желтоватомъ лицѣ графа Мартенъ пробѣжали двѣ три морщинки: онъ улыбался.

— Завтра декретъ будетъ опубликованъ въ Оффиціозѣ,—сказалъ Луайе, бросаясь на стулъ,—и, пожирая глазами и ноздрями плечи m-me Мартенъ, продолжалъ:

— Теперь нельзя сказать, какъ во времена моего бѣднаго друга Гамбетты, что республика не имѣетъ хорошенькихъ женщинъ... Вы будете давать намъ прекрасные праздники, графиня, въ вашихъ министерскихъ покояхъ.

Маргарита, глядя въ зеркало, въ ожерельяхъ и съ серьгами въ ушахъ, пѣла air de bijoux.

— Нужно будетъ подумать о декларацін,—сказалъ графъ Мартенъ.

Луайе пожалъ плечами:

— Намъ не придется мѣнять ничего существеннаго въ деклараціи предъидущаго кабинета, мой милый Мартенъ. Положеніе вещей въ общемъ— совершенно то-же.

Вдругъ онъ ударилъ себя по лбу:

— Чортъ возьми! Чуть не позабылъ! Мы сдѣлали военнымъ министромъ вашего друга, старика Ларивьера, не предупредивъ его. Нужно сообщить ему... Вы позволите мнѣ, графиня, увести вашего мужа—прибавилъ онъ съ поклономъ.

Только что они вышли, какъ въ ложу вошли Дешартръ и Поль Вансъ.

— Поздравляю васъ,—заговорилъ Поль Вансъ.

Но она обернулась къ Дешартру:

— Надѣюсь, что хоть вы пришли не для того, чтобы поздравлять меня.

Поль Вансъ спросилъ ее, намѣрена-ли она переселиться въ министерскіе апартаменты.

— Боже меня сохрани!—воскликнула она.

— Но во всякомъ случаѣ вамъ придется посѣщать балы Елисейскаго дворца и министерскіе и мы будемъ имѣть удовольствіе созерцать, какимъ образомъ вы и при этихъ обстоятельствахъ съумѣете сохранить свое таинственное обаяніе, остаться предметомъ поэтическихъ грезъ!

— Я вижу, m-eur Вансъ, что министерскія перемѣны даютъ какое то весьма легкомысленное направленіе вашимъ мыслямъ—сказала m-me Мартенъ.

— Сударыня, возразилъ Поль-Вансъ, я не скажу вамъ, относительно этихъ министерскихъ перемѣнъ, словами моего любимаго писателя Ренана: «Какое дѣло Сиріусу до всего этого!», потому что мнѣ могли-бы справедливо замѣтить, что и землѣ нѣтъ дѣла до Сиріуса. Но знаете, я бываю всегда немножко удивленъ, видя, какъ не только молодые, но и старые люди упиваются иллюзіями своей власти. Какъ будто голодъ, любовь и смерть,—всѣ эти низменныя и возвышенныя нужды жизни, являются не настолько могущественными властителями толпы, чтобы оставить на долю властныхъ людей только бумажное могущество и господство на словахъ! И что еще болѣе удивительно, такъ это то, что и народы признаютъ какихъ-то новыхъ правителей и иныхъ министровъ, кромѣ своихъ бѣдствій, своихъ желаній и своего безумія! Мудръ былъ тотъ, кто сказалъ: «пусть свидѣтелями и судьями человѣческими будутъ Иронія и Состраданіе».

— Но вы сами написали это, m-eur Вансъ!—отвѣчала со смѣхомъ m-me Мартенъ.—Я вѣдь читаю ваши книги.

Между тѣмъ два министра тщетно отыскивали генерала въ залѣ и корридорахъ. Наконецъ, они рѣшили пройти за кулисы и, пробираясь между поднятыхъ и опущенныхъ декорацій, среди толпы молодыхъ нѣмокъ въ красныхъ юбочкахъ, вѣдьмъ, демоновъ, античныхъ куртизанокъ, вышли въ фойе кордебалета. Въ глубинѣ залы они, дѣйствительно, замѣтили Ларивьера въ обществѣ молодой дѣвицы, розовая туника которой, перехваченная золотымъ кушакомъ, открывалась разрѣзомъ на затянутомъ въ трико бедрѣ.

Луайе сдѣлалъ знакъ генералу, что имѣетъ нѣчто сообщить ему и отвелъ его въ сторону.

— Имѣю удовольствіе сообщить вамъ, что вы назначены военнымъ министромъ—сказалъ онъ.

Ларивьеръ недовѣрчиво молчалъ. Этотъ плохо одѣтый длинноволосый человѣкъ, въ своемъ длинномъ, пропитанномъ пылью сюртукѣ, внушалъ ему такъ мало довѣрія, что онъ готовъ былъ заподозрить какую-нибудь ловушку или скверную шутку.

— M-eur Луайе—хранитель Печатей,—проговорилъ графъ Мартенъ.

— Генералъ, вы не можете отказаться. Я поручился, что вы примите...—поспѣшно заговорилъ Луайе.

— Отечество—прежде всего!—отозвался Ларивьеръ, захлебываясь отъ волненія.

— Вы понимаете, генералъ—продолжалъ Луайе,—существующіе за-

коны въ ихъ неизмѣнномъ, но умѣренномъ примѣненіи—вотъ программа. Не выходите изъ нея...

Онъ слѣдилъ глазами за танцовщицей, которая поставила на барьеръ свою короткую мускулистую ногу.

Ларивьеръ бормоталъ:

— Духъ арміи въ превосходномъ состояніи... Начальники частей на высотѣ самаго критическаго положенія...

Луайе хлопнулъ его по плечу:

— Любезнѣйшій коллега, большія арміи имѣютъ то значеніе...

— Совершенно согласенъ—перебилъ Ларивьеръ,—настоящая армія вполнѣ отвѣчаетъ всѣмъ надобностямъ національной защиты.

— Большія арміи имѣютъ то значеніе,—продолжалъ Луайе,—что дѣлаютъ войну невозможною. Нужно съ ума сойти, чтобы пустить въ ходъ эти безмѣрныя силы, распоряженіе которыми превосходитъ всякую человѣческую способность. Не правда-ли, вы раздѣляете это мнѣніе, генералъ?

Генералъ Ларивьеръ заморгалъ глазами.

— Конечно, сказалъ онъ,—положеніе вещей требуетъ большой осмотрительности...

Три министра вышли черезъ лѣстницу театральной администраціи. Ихъ ждалъ у себя президентъ совѣта.

Начинался послѣдній актъ. Въ ложѣ m-me Мартенъ оставались только Дешартръ и miss Белль.

Miss Белль говорила:

— Я радуюсь, darling, я въ восторгѣ, думая о томъ, что вы носите на сердцѣ эту флорентинскую красную лилію. И m-eur Дешартръ, у котораго такая артистическая душа, долженъ быть счастливъ, видя на вашемъ корсажѣ это прелестное украшеніе. О, я хотѣла-бы знать, darling, какой ювелиръ сдѣлалъ вамъ эту лилію? Она тонка и гибка какъ цвѣтокъ ириса. О, она изящна, великолѣпна и жестока. Замѣтили ли вы, my love, что драгоцѣнныя бездѣлушки кажутся жестокими въ своемъ великолѣпіи?

— Мой ювелиръ—здѣсь,—сказала Тереза,—и вы сами назвали его: эта лилія сдѣлана по рисунку m-eur Дешартра.

Дверь отворилась. Тереза обернулась и увидѣла въ глубинѣ ложи Ле-Мениля, который съ гибкою стремительностью раскланялся съ нею.

— Передайте пожалуйста мои поздравленія вашему супругу,—проговорилъ онъ.

Потомъ, сказавъ ей съ нѣкоторою сухостью о томъ, какъ хорошо она выглядитъ, онъ обратился съ любезными и корректными привѣтствіями къ miss Белль.

Тереза слушала его, замирая отъ тревоги, съ полуоткрытымъ ртомъ,

въ мучительномъ усиліи найти какія нибудь незначительныя слова. Онъ спросилъ ее, какъ она провела лѣто въ Жуанвилѣ. Онъ очень хотѣлъ попасть туда въ сезонъ охоты, но не могъ: онъ былъ на Средиземномъ морѣ.

— О, m-eur Ле-Мениль, —сказала miss Белль,—вы странствовали по голубому морю. Вы любите море, m-eur Ле-Мениль?

— Я предпочитаю лѣса.

— О, я знаю, что вы любите лѣса! И полянки, на которыхъ зайчики танцуютъ при лунномъ свѣтѣ!

Дешартръ, весь блѣдный, поднялся и вышелъ.

Шла сцена въ церкви. Маргарита, стоя на колѣняхъ, закинувъ голову, отягощенную длинными бѣлокурыми косами, ломала руки. Ревѣлъ органъ и звучали голоса хора.

Тереза не слушала. Душа ея словно ускользнула отъ нея—черезъ маленькую дверь. Въ аванъ-ложѣ раздался грохотъ опрокинутыхъ креселъ. Это былъ возвратившійся Шмолль. Онъ узналъ, что Мартенъ-Беллемъ уже назначенъ министромъ. Не теряя ни минуты, онъ требовалъ себѣ командорскаго креста и болѣе обширную квартиру въ Институтѣ. Онъ разливался въ жалобахъ и только тогда рѣшился уйти, когда m-me Мартенъ обѣщала похлопотать за него.

— M-eur Ле-Мениль,—спросила miss Белль—вы опять будете путешествовать по морю будущимъ лѣтомъ?

Ле-Мениль, думалъ, что нѣтъ. Онъ не имѣлъ намѣренія держать далѣе Rosebud. Море казалось ему грустнымъ.

И онъ продолжалъ смотрѣть на Терезу,—спокойно, энергично, упорно.

На сценѣ въ темницѣ, гдѣ была заключена Маргарита, Мефистофель пѣлъ: «День насталъ», а оркестръ подражалъ бѣшенному голоппу лошадей.

— У меня голова болитъ, здѣсь душно,—пробормотала Тереза.

Ле-Мениль всталъ, чтобы пріотворить дверь.

Чистая музыкальная фраза Маргариты, призывающей ангеловъ, поднялась въ воздухѣ и разсыпалась бѣлыми искрами.

— Darling, я хотѣла сказать вамъ: эта бѣдная Маргарита не хочетъ быть спасенной тѣлесно и потому она спасена въ духѣ и истинѣ. Я вѣрю, darling, твердо вѣрю въ то, что всѣ мы будемъ спасены...

Тереза вдругъ поднялась, выпрямилась во весь ростъ, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ кроваво-краснымъ цвѣткомъ на груди. Miss Белль, не шевелясь, слушала музыку. Выйдя въ аванъ-ложу Ле-Мениль взялъ верхнее платье m-me Мартенъ. И въ то время, какъ онъ въ ожиданіи держалъ его, Тереза прошла черезъ ложу и аванъ-ложу и остановилась передъ зеркаломъ у полуоткрытой двери. Онъ накинулъ на ея обнаженныя плечи, слегка касаясь ихъ пальцами, этотъ широкій крас-

ный плащъ, изъ бархата, подбитаго горностаемъ и расшитаго золотомъ, и проговорилъ короткимъ, но отчетливымъ шопотомъ:

— Тереза, я люблю васъ. Вспомните то, о чемъ я просилъ васъ третьяго дня. Я буду каждый день, каждый день, начиная съ трехъ часовъ, ждать васъ въ нашей квартиркѣ, въ улицѣ Спонтини.

Въ эту минуту Тереза, сдѣлавъ невольное движеніе головой, чтобъ запахнуться въ плащъ, увидѣла Дешартра, рука котораго держалась за дверь. Онъ слышалъ. Взглядъ его выразилъ упрекъ и страданіе, на какое только способна человѣческая душа. И въ ту-же минуту онъ исчезъ въ неопредѣленной глубинѣ корридора. Раскаленные молотки застучали въ груди Терезы. Она неподвижно остановилась на порогѣ ложи.

— Ты ждала меня?—сказалъ Монтессю, подходя къ ней.—Тебя сегодня совсѣмъ покинули. Я отвезу васъ съ miss Белль.

XXXIII.

Въ каретѣ, у себя въ комнатѣ, она все еще видѣла взглядъ своего друга, этотъ жестокій и скорбный взглядъ. Она сама была поражена, подавлена тѣмъ, что случилось. Все это было до того внезапно, до того нелѣпо. Она чувствовала злобу къ Ле-Менилю, ту простую злобу, которую возбуждаетъ камень, нечаянно попавшій въ нашу голову. Она горько упрекала себя за то, что допустила своего друга уйти безъ единаго слова объясненія, безъ единаго взгляда, въ который она перелила-бы всю свою душу. Гдѣ онъ теперь? Что говоритъ онъ себѣ, въ своемъ одиночествѣ? Не имѣть возможности пойти къ нему, немедленно увидѣть его—это было для нея пыткой. Она прижала руки къ сердцу, она задыхалась.

Раздѣвавшая ее Полина вскрикнула. На бѣломъ корсажѣ своей госпожи она увидѣла капли крови: Тереза, незамѣтно для себя, расцарапала руку о тычинки красной лиліи.

Она сняла эмблематическое украшеніе, которое носила передъ всѣми, какъ пробивающуюся наружу тайну своего сердца и, держа его кончиками пальцевъ, долго смотрѣла на него. Передъ нею встали дни Флоренціи, келья въ Санъ-Марко, гдѣ поцѣлуй Жака тихонько коснулся ея устъ въ то время, какъ глаза ея смутно видѣли сквозь опущенныя рѣсницы ангеловъ и голубое небо на стѣнѣ; павильонъ на via Alfieri. Если-бы она могла теперь-же побѣжать къ нему, какъ она была, полураздѣтой, войти въ его комнату...

Она отослала дѣвушку и легла въ постель, не потушивъ лампы. Одна и та-же мысль вращалась въ ея умѣ. Какая нелѣпая случайность! Онъ долженъ понять, что ихъ любви нѣтъ дѣла до этой нелѣпости.

Какое безуміе! Ему безпокоиться о какомъ-то другомъ. Какъ будто другіе существуютъ на свѣтѣ.

Графъ Мартенъ-Беллемъ заглянулъ въ дверь комнаты. Увидѣвъ свѣтъ, онъ вошелъ.

— Вы не спите, Тереза?

Онъ только-что имѣлъ совѣщаніе со своими коллегами у Бертье д'Эйзеля. Ему хотѣлось посовѣтоваться относительно нѣкоторыхъ пунктовъ съ женой, которую онъ всегда считалъ умной и развитой! Ему необходимо было слышать отъ кого-нибудь искреннее слово.

— Дѣло сдѣлано,—сказалъ онъ.—Я увѣренъ, вы не откажетесь помочь мнѣ, милый другъ, въ моемъ новомъ положеніи, весьма завидномъ, но и весьма трудномъ и даже опасномъ. Я обязанъ имъ отчасти и вамъ, потому что я прошелъ главнымъ образомъ благодаря вліятельности вашего отца.

Онъ спросилъ ея совѣта относительно избранія премьера. Она высказала ему свои мысли самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Онъ казался ей не лишеннымъ здраваго смысла, спокойнымъ, не глупѣе другихъ, во всякомъ случаѣ.

Онъ углубился въ свои размышленія:

— Мнѣ придется защищать передъ сенатомъ бюджетъ въ томъ видѣ, какъ онъ прошелъ въ Палатѣ. Въ немъ есть кое-какія нововведенія, которыя я не одобрялъ. Депутатомъ—я долженъ былъ бороться съ ними; но въ качествѣ министра—долженъ буду ихъ поддерживать. Я глядѣлъ на вещи слишкомъ извнѣ. Извнутри—они представляются иными. И потомъ—я не свободный человѣкъ.

Онъ вздохнулъ:

— О, если-бы только кто-нибудь зналъ, какъ мало мы можемъ сдѣлать, когда къ намъ переходитъ власть.

Тереза слушала его—не внимательно, но терпѣливо. Онъ стоялъ передъ ней, со своимъ блѣднымъ лицомъ и тусклымъ голосомъ, словно часы, отсчитывающіе минуту за минутой, медлительно уходящее время.

Онъ напомнилъ, что ей придется выѣзжать, бывать въ непривычномъ для нея обществѣ, которое несомнѣнно будетъ коробить ее своей вульгарностью. Но ихъ положеніе требуетъ, чтобы они никому не выказывали презрѣнія. Впрочемъ, онъ вполнѣ разсчитывалъ на ея тактъ и дружеское расположеніе.

Она взглянула на него, нѣсколько растерянно:

— Это еще не такъ спѣшно, мой другъ. Потомъ—мы увидимъ...

Онъ казался утомленнымъ, подавленнымъ. Онъ пожелалъ ей доброй ночи, посовѣтовалъ ей заснуть. Она портитъ себѣ здоровье, проводя ночи такимъ образомъ, въ чтеніи. Затѣмъ онъ оставилъ ее.

Она прислушивалась къ шуму его шаговъ, болѣе чѣмъ обыкновенно

тяжелыхъ, въ то время, какъ онъ проходилъ по кабинету, заваленному дѣлами въ синихъ обложкахъ и газетами, направляясь въ спальню, гдѣ, быть можетъ, сейчасъ-же заснетъ. Потомъ она ощутила гнетъ ночной тишины. Она взглянула на часы—было половина перваго.

Она сказала себѣ: «Онъ вѣдь тоже страдаетъ... Въ его взглядѣ было такое отчаяніе и негодованіе».

Душа ея была полна однако мужества и страстной любви. Ее раздражало только то, что она была здѣсь, словно узница. Съ наступленіемъ дня она будетъ свободна, и она пойдетъ, увидитъ его, все объяснитъ ему. Вѣдь это было такъ ясно! Въ томительномъ однообразіи своихъ мыслей она прислушивалась къ грохоту экипажей, проѣзжавшихъ время отъ времени по набережной... Ужасно, до чего медленно идетъ эта ночь...

Она поднялась, подошла къ окну и отодвинула занавѣсы. Блѣдный, чуть видный свѣтъ разливался въ облачномъ небѣ. Ей показалось, что уже начинаетъ свѣтать. Она посмотрѣла на часы. Было половина четвертаго.

Опять она подошла къ окну. Безпредѣльный мракъ ночи притягивалъ ее. Тротуаръ слабо отсвѣчивалъ подъ газовыми фонарями. Невидимый нѣмой дождь сѣялъ съ смутнаго бѣлесоватаго неба. Вдругъ чей-то голосъ раздался въ тишинѣ—сначала рѣзкій, потомъ низкій, странный—можно было подумать, что переговаривались нѣсколько голосовъ. Это былъ пьяный, который шлепая ногами по тротуару и натыкаясь на деревья, велъ какой-то безконечный споръ съ воображаемыми существами, которымъ онъ великодушно предоставлялъ слово и затѣмъ поражалъ ихъ размашистыми жестами и повелительными выкриками. Тереза долго слѣдила за этимъ бѣднякомъ, подвигающимся вдоль парапета. Свѣтлая блуза его металась въ ночномъ вѣтрѣ, и слышно было, отъ времени до времени, какъ онъ повторялъ одну и ту же фразу: «Вотъ что я ему скажу, правительству!»

Тереза содрогнулась отъ холода и легла въ постель. Вдругъ ею овладѣла тревога. Она вспомнила письмо въ Динарѣ, и то безумное бѣшенство, которое овладѣло Жакомъ изъ за одного слова, услышаннаго въ ресторанѣ. Она чувствовала, что ударъ былъ нанесенъ въ самое чувствительное мѣсто, въ кроветочащую рану. Но она еще не теряла мужества. Она выскажетъ все, признается во всемъ. Вѣдь она солгала такъ немного, и только для того, чтобы не причинять ему страданія. Неужели онъ не пойметъ?

Лампа ея догорала. Она зажгла свѣчи. Было уже половина седьмого. Ей показалось будто она забылась сномъ на одну минуту. Она подбѣжала къ окну. Небо было все еще темное и сливалось съ землей въ хаосѣ густого мрака. Но тяжелые шаги рабочихъ, проходившихъ

кучками, стукъ телѣжекъ, въ которыхъ молочники и огородники развозили свои продукты, поразили ее. Она вздрогнула, прислушиваясь къ этимъ первымъ звукамъ пробуждающагося города.

XXXIV.

Въ девять часовъ утра, во дворѣ маленькаго домика Тереза увидѣла старика Фюзелье, который мелъ дворъ подъ дождемъ, не выпуская изо рта трубки. M-me Фюзелье тоже вышла изъ своей коморки. Оба они казались смущенными. Первая заговорила m me Фюзелье:

— M-eur Жака нѣтъ дома.

И такъ какъ Тереза остановилась въ неподвижномъ молчаніи, Фюзелье подошелъ ближе, со своей метлой, пряча за спину лѣвою рукою свою трубку, и подтвердилъ:

— M-eur Жанъ еще не возвращался.

— Я подожду его, — сказала Тереза.

M me Фюзелье проводила ее въ залу и развела огонь въ каминѣ.

Тереза невольно заглянула въ зеркало. Она была мертвенно блѣдна, съ пятнами лихорадочнаго румянца на щекахъ. Тогда только она почувствовала, что ноги ея оледенѣли. Она приблизилась къ огню.., Тоскливый день смотрѣлъ сквозь стеклянный потолокъ, по которому билъ дождь. Тереза все повторяла слова: «Онъ не возвращался». И безконечно повторяя ихъ, она почти теряла сознаніе ихъ смысла. Горящіе глаза ея были устремлены на дверь.

Такъ сидѣла она, безъ движенія, безъ мысли, какое-то неопредѣленное количество времени, — быть можетъ около полу-часа. Послышались шаги, дверь растворилась. Онъ вошелъ. Она увидѣла его— насквозь промокшимъ, въ грязи, въ жару.

Она остановила на немъ взглядъ—до того искренній, чистосердечный, что онъ былъ пораженъ. Но въ ту-же минуту онъ вспомнилъ, извнутри, все свое страданіе.

— Чего вы отъ меня хотите?—проговорилъ онъ.

Утомленіе придавало ему какую-то кротость- Она испугалась этого тона.

— Жакъ, выслушайте меня...

Онъ прервалъ ее:

— Сжальтесь надо мной. Не мучьте меня. Оставьте меня ради Бога. Если-бы вы знали, какую ночь я провелъ, у васъ не хватило бы духу мучить меня еще.

Онъ бросился на диванъ.

Всю ночь онъ ходилъ—куда глядѣли глаза, брелъ по берегу Сены, до тѣхъ мѣстъ, гдѣ берега ея заростали ивами и тополями. Пошелъ дождь. Онъ направился къ рынку, пилъ водку въ грязномъ кабачкѣ. Какая-то толстая косая дѣвица говорила ему: «не очень-то ты счастливъ,—посмотрѣть на тебя». Онъ задремалъ на лавкѣ, обитой кожею. Это была хорошая минута.

Образы этой мучительной ночи проходили теперь передъ его глазами. Ему хотѣлось-бы заснуть—не умереть, онъ боялся смерти,—но заснуть и никогда не просыпаться. И однако, онъ видѣлъ ее передъ собою,—столь-же желанную, какъ и прежде, съ ея смущеннымъ лицомъ, несмотря на тягостную пристальность ея взгляда въ сухихъ глазахъ. Вся она казалась ему теперь сомнительной и болѣе чѣмъ когда-либо таинственной. Онъ видѣлъ ее. И ненависть закипала въ немъ вмѣстѣ съ страданіемъ. Онъ слѣдилъ за ней нехорошимъ взглядомъ—какъ будто искалъ на ней слѣда чьихъ-то ласкъ, ласкъ чужихъ ему людей.

Она протянула къ нему руки:

— Выслушайте меня, Жакъ.

Онъ сдѣлалъ ей знакъ, что говорить безполезно. И въ то-же время, ему хотѣлось слышать и онъ уже съ жадностью слушалъ ее. Онъ заранѣе ненавидѣлъ и отвергалъ то, что она должна была ему сказать, и однако одно только это во всемъ мірѣ интересовало его. Она заговорила:

— И вы могли подумать, что я измѣняю вамъ, что я не живу въ васъ и вами однимъ! Но, значитъ, вы ничего не понимаете? Вы не понимаете, что если-бы этотъ человѣкъ былъ моимъ любовникомъ, ему не было-бы надобности говорить со мною въ театрѣ, въ ложѣ, что онъ имѣлъ-бы тысячу возможностей назначить мнѣ свиданіе...

Онъ отвѣчалъ медленно, съ какой-то жестокостью упирая на слова:

— «Я буду каждый день, съ трехъ часовъ, у насъ, въ улицѣ Спонтини». И это не любовникъ, не вашъ любовникъ говорилъ вамъ эти слова? Нѣтъ, это былъ чужой, незнакомый человѣкъ!

Она выпрямилась и проговорила съ скорбной серьезностью:

— Да, я принадлежала ему. Вы это знаете. Я отрицала это, лгала, чтобы не огорчать, не волновать васъ. Я видѣла, что вы безпокоитесь, что вы мрачны. Но я лгала такъ мало и такъ неискусно! Ты это зналъ. Не упрекай меня. Ты это зналъ, ты часто говорилъ о прошломъ. И потомъ—тебѣ сказали это однажды, въ ресторанѣ... И ты вообразилъ себѣ нѣчто большее, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Я лгала, но я тебя не обманывала. Еслибы ты зналъ какъ мало это составляло въ моей жизни... Вѣдь я не знала тебя, не знала, что ты долженъ придти. Я тосковала...

Она опустилась на колѣни.

— Я виновата. Я должна была ждать тебя. Но еслибы ты зналъ, до чего все это не существуетъ, никогда не существовало.

Онъ оттолкнулъ ее:

— Я былъ слѣпъ. Я не вѣрилъ, не зналъ. Не хотѣлъ знать.

И поднявшись, онъ повторилъ въ порывѣ ненависти:

— Я не хотѣлъ, не хотѣлъ, чтобы это былъ онъ.

Она опустилась на то мѣсто, съ котораго онъ только-что всталъ, и тихимъ жалобнымъ голосомъ начала объяснять ему прошедшее:

Она была тогда до того одинока, въ такомъ убійственно-банальномъ обществѣ. Это случилось,—она поддалась. Но сейчасъ-же вслѣдъ за этимъ она раскаялась.

Она покачала головой и, глядя на него сквозь разметавшіяся пряди своихъ волосъ, продолжала:

— Но я говорю тебѣ о какой-то другой женщинѣ. Я не имѣю ничего общаго съ той женщиной. Я существую только съ тѣхъ поръ, какъ узнала тебя, стала твоею.

Онъ прошелся по комнатѣ походкой съумасшедшаго и вдругъ разразился болѣзненнымъ смѣхомъ:

— Да, но въ то время, какъ ты любила меня,—та, другая женщина, непохожая на тебя?

Она взглянула на него съ негодованіемъ:

— Ты допускаешь.,.

— Вы не видѣлись съ нимъ во Флоренціи? Не провожали его на станцію?

Она стала разсказывать, что онъ пріѣхалъ за нею въ Италію, что она видѣла его, разорвала съ нимъ, что онъ уѣхалъ раздраженный и что съ тѣхъ поръ онъ искалъ случая вновь сойтись съ нею, но что она даже не обратила на это вниманія. Онъ тряхнулъ головой.

— Оставьте меня. Вы меня слишкомъ измучили. Я такъ любилъ васъ, что всѣ страданія, которыя вы могли-бы причинить мнѣ, были-бы мнѣ дороги,—я хранилъ-бы, любилъ-бы ихъ. Но это—отвратительно, ненавистно мнѣ. Оставьте меня, я слишкомъ страдаю. Прощайте.

Она твердо стояла передъ нимъ:

— Я пришла защищать свое счастье, жизнь свою. Я упорна, вы знаете. Я не уйду.

И она опять повторяла все, что уже сказала, все объясняла ему—въ искреннемъ и страстномъ порывѣ, съ полною увѣренностью въ себѣ. Но говоря ему о другомъ, она еще болѣе возмущала его.

— Я вамъ не вѣрю,—закричалъ онъ.

Она начала говорить все сначала, и вдругъ инстинктивно взглянула на часы.

— Боже мой! Двѣнадцать часовъ.

Сколько разъ срывался у нея этотъ тревожный крикъ, когда внезапно подкрадывался часъ разлуки. И Жакъ вздрогнулъ, услышавъ эти привычныя слова, на этотъ разъ особенно скорбныя, полныя отчаянія. Втеченіе нѣсколькихъ минутъ она все говорила какія-то слова, жгучія и пропитанныя слезами. Потомъ, приходилось уйти. Она ничего не добилась.

Придя домой, она застала въ передней ожидавшихъ ея торговокъ съ рынка, которыя поднесли ей букетъ. Она вспомнила, что мужъ ея назначенъ министромъ. Она получила цѣлыя кучи телеграммъ, визитныхъ карточекъ, писемъ съ поздравленіями и съ просьбами. M-me Марме писала ей, прося похлопотать за ея племянника передъ генераломъ Ларивьеръ.

Она вошла въ столовую и опустилась въ изнеможеніи на стулъ. Графъ Мартенъ-Беллемъ кончалъ завтракъ. Его ждали одновременно въ совѣтѣ кабинета и у бывшаго министра финансовъ, которому онъ долженъ былъ сдѣлать визитъ. Предупредительная почтительность подчиненныхъ уже наложила на него печать самодовольства, тревоги, утомленія.

— Не забудьте, милый другъ, поѣхать къ m-me Бертье д'Эйзель,— сказалъ онъ.—Вы знаете, она щепетильна.

Она не отвѣчала. Омывая концы своихъ желтыхъ пальцевъ въ стеклянной чашкѣ съ водою, онъ поднялъ голову и увидѣлъ на лицѣ жены такую усталость и разбитость, что не рѣшился больше ничего сказать. Онъ находился передъ тайной, въ которую онъ не хотѣлъ проникать, передъ глубоко скрытымъ страданіемъ, которое могло прорваться отъ одного слова. И онъ ощутилъ безпокойство, страхъ и какое-то особенное уваженіе.

— Извините, милый другъ,—сказалъ онъ, бросая салфетку.

Онъ вышелъ. Она попробовала ѣсть и не могла ничего проглотить. Все было ей непреодолимо противно.

Къ двумъ часамъ она уже вернулась въ маленькій домикъ въ Тернъ. Она застала Жака въ его комнатѣ. Онъ курилъ деревянную трубку. На столѣ стояла полу-пустая чашка кофе. Онъ взглянулъ на нее съ такой жесткостью, что она оледенѣла. Она не смѣла больше говорить, чувствуя, что все, что она могла бы сказать, будетъ оскорблять и сердить его, что однимъ своимъ появленіемъ, молчаливымъ и сдержаннымъ, она поднимала въ немъ злобу. Онъ зналъ, что она придетъ; онъ ждалъ ее съ нетерпѣніемъ страстной ненависти. И вдругъ—въ мгновенномъ просвѣтлѣніи, она поняла, что не должна была приходить, что въ ея отсутствіе онъ ощущалъ-бы потребность видѣть ее, желалъ-бы, можетъ быть,

призывалъ бы ее. Но было уже поздно. Да она и не хотѣла хитрить съ нимъ.

Она заговорила:

— Вы видите, я опять пришла, я не могла поступить иначе... И потомъ—это такъ естественно, потому что я люблю тебя. И ты знаешь это.

Онъ спросилъ ее, не говорила ли она то-же самое въ улицѣ Спонтини.

Она взглянула на него съ безконечной грустью.

— Жакъ, вы много разъ говорили мнѣ, что въ глубинѣ вашей души лежитъ какая-то злоба и ненависть ко мнѣ. Я вижу, вамъ доставляетъ удовольствіе причинять мнѣ страданіе.

Въ терпѣливыхъ и жгучихъ словахъ, медленно, она пересказала ему всю свою жизнь, то незначительное, что было въ ея жизни, свою тоску и то, какъ со времени сближенія съ нимъ, она живетъ только имъ и въ немъ. Слова ея струились тихо и прозрачно, какъ ея взглядъ. Она подсѣла къ нему. Порою она касалась его своими робкими пальцами, своимъ горячимъ дыханіемъ. Онъ слушалъ ее съ какой-то нехорошей жадностью. Терзая самого себя, онъ хотѣлъ все знать: послѣднее свиданіе съ тѣмъ, другимъ, разрывъ съ нимъ. Она добросовѣстно передала ему все происходившее въ гостинницѣ «Великобританія»,—она измѣнила только мѣсто дѣйствія—перенесла его въ аллею Кашино, опасаясь, чтобы представленіе объ этомъ грустномъ разговорѣ въ запертой комнатѣ не разсердило еще болѣе ея друга...

Все что она говорила, была правда. Но старый ядъ, медленно скоплявшійся въ немъ, жегъ его. Въ ея признаніяхъ оживало для него прошлое, это непоправимое прошлое. И образы этого прошлаго терзали его.

— Я вамъ не вѣрю,—проговорилъ онъ и, прибавилъ:—Если бы даже я и повѣрилъ вамъ,—всеравно, я не могу больше васъ видѣть: одна мысль, что вы принадлежали этому человѣку...

Онъ замолчалъ. Они долго не говорили ни слова. Наконецъ, она произнесла грустнымъ, удивленнымъ тономъ:

— Но вѣдь вы же должны были понимать, другъ мой, что я... вѣдь я была замужемъ... Однако, мы постоянно видимъ, что женщины, отдаваясь возлюбленному, несутъ въ себѣ гораздо болѣе тяжкое прошлое,—и ихъ любятъ всетаки.

— Вы не такая, какъ другія. Вамъ нельзя простить.

Онъ говорилъ сквозь стиснутыя зубы, съ выраженіемъ ненависти въ губахъ. Глаза его—эти большіе, полные нѣжнаго пламени глаза,—были теперь сухи, жестки, какъ будто сжаты морщинистыми вѣками, и бросали на нее чуждый незнакомый взглядъ. Ей стало страшно.

Она отошла въ глубину комнаты, опустилась на стулъ и долго си-

дѣла такъ съ тяжестью въ груди, съ удивленнымъ дѣтскимъ взглядомъ. Ее душили сухія рыданія. Наконецъ она заплакала.

Съ какимъ-то злобнымъ упорствомъ онъ продолжалъ мучить ее. Онъ чувствовалъ, что былъ невыносимъ и не могъ остановиться:

— Возможно, конечно, что вы меня любили,—какъ и другихъ.

— Но я любила только васъ,—отозвалась она съ тихою горечью,— О, какъ вы можете думать, что я была съ вами такою же, какъ съ другимъ.

— Почему бы и нѣтъ.

Она взглянула на него, теряя послѣднія силы, послѣднее мужество:

— И это правда, что вы мнѣ не вѣрите? Скажите.

Она прибавила чуть слышно:

— А если бы я убила себя—вы бы повѣрили?

— Нѣтъ, не повѣрилъ бы.

Она провела платкомъ по щекамъ и подняла глаза, блестѣвшіе сквозь слезы:

— Тогда... значитъ, кончено.

Она встала, обвела глазами комнату, съ тысячью знакомыхъ бездѣлушекъ, съ которыми она жила въ счастливой сладостной близости, которыя она считала своими и которыя вдругъ стали чужими и глядѣли на нее, какъ на чужую, какъ на врага. Ей бросилась въ глаза фигурка бѣгущей голой женщины съ страннымъ жестомъ, котораго ей такъ и не объяснили; флорентинскія медали, напоминавшія о Фіезоле и очаровательныхъ дняхъ Италіи, неоконченный этюдъ Дешартра—профиль смѣющейся дѣвочки съ ея миловидной болѣзненной худобой. Она остановилась на минуту съ симпатіей передъ этой маленькой продавщицей газетъ, которая также какъ и она приходила сюда и исчезла навсегда въ головокружительной громадѣ жизни и вещей.

Она повторила:

— Такъ кончено?

Онъ молчалъ. Сумерки уже застилали формы предметовъ.

Тереза еще разъ сказала:

— И нѣтъ никакой возможности дать вамъ понять, что я говорю правду, что никогда, никогда съ той минуты, какъ я ваша... Но какъ объяснить это? Одна мысль объ этомъ кажется мнѣ дикой, ужасной. Неужели вы такъ мало знаете меня?

Онъ грустно покачалъ головой:

— Нѣтъ. Я васъ не знаю.

Она точно допрашивала взглядомъ всѣ эти вещи въ его комнатѣ, которыя были свидѣтелями ихъ любви.

— Такъ значитъ, все, чѣмъ мы были другъ для друга... всего этого нѣтъ, все это было напрасно?.. Люди разбиваются другъ о друга, но не сливаются!

Ее охватило негодованіе. Ей казалось невозможнымъ, чтобы онъ не чувствовалъ, что́ онъ для нея составлялъ.

И въ жгучемъ отчаяніи своей растерзанной любви, она бросилась къ нему, стала цѣловать его, плакать, кричать, прильнула къ нему губами и зубами. Онъ все забылъ, обнялъ ее — измученную, разбитую, счастливую, сжалъ ее въ молчаливомъ бѣшенствѣ желанія. Уже закинувъ голову на подушку, она улыбалась ему сквозь слезы... Вдругъ онъ вырвался отъ нея.

— Я не могу больше видѣть васъ одну, я вижу вмѣстѣ съ вами другого,—всегда.

Она молча посмотрѣла на него, полная возмущенія, отчаянія, поднялась, оправила платье и волосы съ незнакомымъ ей ощущеніемъ стыда. Потомъ, чувствуя, что въ самомъ дѣлѣ все было кончено, обвела его недоумѣвающимъ, помутившимся взглядомъ и медленно вышла.

Конецъ.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

Наши земскія дѣла.

Урегулированіе земскаго счетоводства.—Земскія ходатайства объ освобожденіи отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ повинностей.—Шуйское земство и его поддержка кустарямъ.—Поводъ для закрытія уржумскихъ педагогическихъ курсовъ.

Не такъ давно въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» [1]) была опубликована «Инструкція для составленія земскихъ и городскихъ смѣтъ». Важность этой реформы очевидна сама собою. Всякій, кому только приводилось изучать тѣ или другія стороны земскаго хозяйства, можетъ подтвердить тотъ фактъ, что въ земствахъ при составленіи отчетности или смѣтныхъ назначеній положительно отсутствуетъ принципъ единообразія. Сколько земствъ—столько и видовъ смѣтъ. Полнѣйшее отсутствіе планомѣрности, понятія о важности точнаго разграниченія расходовъ на обязательные и необязательные. «Предъ контролирующими инстанціями,—говоритъ о системахъ земской отчетности «Новое Время»,—фигурируетъ какой-то сложный хаосъ смѣтъ, отчетовъ и раскладокъ, которыя ни сличить, ни подсчитать невозможно, а возможно только сдать въ архивъ для любопытства будущихъ историковъ земскаго и городскаго хозяйства въ Россіи». Нѣтъ словъ,—вся эта неурядица въ счетоводствѣ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство земскихъ управъ находится въ незначительныхъ городишкахъ, вынуждено, въ виду ограниченности въ денежныхъ средствахъ, вмѣсто опытныхъ и научно-подготовленныхъ бухгалтеровъ, прибѣгать для замѣщенія должностей къ тѣмъ самородкамъ-бухгалтерамъ, принципъ которыхъ въ веденіи счетоводства—«побольше удобства, поменьше ясности». Вотъ это-то обстоятельство и служитъ главною причиной разношерстности земскаго счетоводства, которая устраняется въ настоящее время «инструкціей», устанавливающей обязательную и неизмѣнную форму смѣтъ. Отнынѣ всѣ смѣтныя назначенія бу-

---

[1]) № 170.

дутъ вноситься, подраздѣленныя на параграфы и статьи; нумерація параграфовъ и статей установлена обязательная. Въ случаѣ, если вносится не предусмотрѣнное смѣтное назначеніе, оно относится въ конецъ смѣты. Противъ наименованія назначенія обязательно приводится основаніе для его назначенія; къ смѣтамъ обязательно прилагается: а) перечень доходовъ и расходовъ; б) смѣты спеціальныхъ капиталовъ; в) раскладка земскаго сбора; г) росписаніе и раскладка натуральныхъ повинностей (ст. 6 прил. къ 6 пол. о губ. и уѣздн. зем. учр.) и д) объяснительная къ смѣтамъ записка (ibid. ст. 7). Несомнѣнно, что единообразіе въ формахъ смѣтъ должно имѣть послѣдствіемъ и единообразіе въ формахъ денежной отчетности, такъ какъ послѣдняя есть ничто иное, какъ выполненіе смѣтъ. Такимъ образомъ инструкція, преслѣдуя спеціально техническую цѣль—упорядоченіе единообразія въ земскомъ счетоводствѣ, въ то же время, благодаря единообразію, даетъ полнѣйшую возможность сравнительно легко и быстро, при изученіи земскаго хозяйства, нарисовать полную его картину, даетъ возможность оперировать съ цифрами смѣтныхъ назначеній въ желательныхъ комбинаціяхъ.

Отъ программы составленія земскихъ смѣтъ вполнѣ умѣстно и своевременно перейти къ разсмотрѣнію земскаго бюджета. Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе своевременен, что о высокомъ обложеніи кричатъ положительно всюду, урегулированіемъ его озабочено министерство финансовъ, а въ нѣкоторыхъ земствахъ поднимаются и поднимались вопросы о снятіи съ нихъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ. Такъ, напр., саратовское губернское земство [1]) возбудило ходатайство о принятіи на счетъ правительства расходовъ по содержанію губернскаго присутствія, воинскаго присутствія, расходовъ на квартирное довольствіе судебныхъ слѣдователей и чиновъ полиціи. На херсонскомъ губернскомъ собраніи, по словамъ «Сын. Отеч.» [2]), точно также обсуждается вопросъ о снятіи расходовъ на эти же повинности съ земскаго бюджета, при чемъ, какъ передаетъ газета, къ участію въ ходатайствѣ приглашается и г. Одесса, составляющая въ губерніи самостоятельную земскую единицу. Членъ городской управы В. Доксъ въ своемъ докладѣ по этому вопросу указываетъ, что Одесса, какъ земская единица, уплачиваетъ ежегодно среднимъ числомъ 300 тыс. рублей губернскаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ и, принимая, такимъ образомъ, крупное участіе въ обязательныхъ для земства расходахъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе, не можетъ не быть заинтересованна въ вопросѣ о сложеніи этихъ расходовъ. Городская управа, основываясь на докладѣ В. А. Докса, входитъ съ представленіемъ въ думу. О снятіи расходовъ на эти же повинности возбуждались ходатайства въ воронежскомъ, харьковскомъ и многихъ другихъ земствахъ. Насколько желательно удовлетвореніе земскихъ просьбъ видно изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ, заимствованныхъ

[1]) „Русск. Вѣд." 1897 г., № 184; „Ниж. Лист." 1897 г., № 156.

[2]) № 158.

изъ недавно вышедшей работы департамента окладныхъ сборовъ [1]). Въ 1895 г. предположено было затратить земскими учрежденіями:

	Въ °/₀ отнош.
На общее гражданское управленіе	19,5
» земское управленіе	9,5
» дорожную повинность.	5,9
» устройство и содержаніе мѣстъ заключенія .	0,9
» медицинскую часть.	27,0
» ветеринарную »	1,7
» общественное призрѣніе.	1,5
» народное образованіе.	14,2
» мѣры содѣйств. с.-хозяйству.	1,0
» содержаніе почты	0,4
» уплату долговъ	12,1
» отчисленіе на образованіе капиталовъ . . .	3,1
» разные расходы.	0,7
» непредвидѣнные расходы.	2,5

Судя по этимъ даннымъ, 19,5% всего земскаго бюджета затрачивается на нужды, не имѣющія ничего общаго съ истинно земскими нуждами. Безъ сомнѣнія, съ освобожденіемъ отъ нихъ земскія учрежденія, вмѣсто изысканія предметовъ новаго обложенія, могли бы значительно облегчить населеніе, и безъ того подавленное безчисленными поборами разнообразныхъ обложеній. Безвыходная нищета, скапливаніе недоимокъ процвѣтаютъ всюду; нѣтъ ни одной губерніи, въ которой бы не тяготились непосильными обложеніями, не говоря уже о такихъ классическихъ губерніяхъ, какъ, напримѣръ, пресловутая «житница всего Поволжья»— Самарская губернія.

Обязательные расходы, а тѣмъ болѣе невызванные потребностями населенія, ложатся непосильнымъ бременемъ на земскій бюджетъ. По даннымъ 1893 г., обязательные расходы составляли въ среднемъ около 30%. Послѣ изданія закона 1895 г. о дорожномъ капиталѣ, процентъ обязательныхъ расходовъ понизился, какъ мы сказали выше, до 19,5%. Излишнее обремененіе ими земства признается и правительственными сферами. Такъ государственный совѣтъ, разсматривая законъ о дорожномъ капиталѣ, высказывался за то, что расходы земства по квартирной и подводной повинности, какъ общегосударственные, для нихъ совершенно не есть нѣчто обязательное, а тѣмъ болѣе *вызванное мѣстными нуждами.* Обязанность земства — удовлетворять исключительно мѣстныя нужды. И министерство финансовъ, занятое теперь разрѣшеніемъ этого вопроса, безъ сомнѣнія рѣшитъ его въ пользу земскихъ учрежденій. «Надо помнить,—читаемъ мы въ статьѣ, посвященной «Русск.

[1]) „Доходы и расходы земствъ въ 1895 г.“. Спб., 1896 г.

Вѣд.»[1]) тому же вопросу—что въ то время, какъ наши мѣстные органы, земства и города, уплачиваютъ изъ мѣстныхъ средствъ «пособія государственному казначейству», въ другихъ странахъ мы видимъ явленіе какъ разъ обратное: правительства Англіи, Германіи даютъ изъ общегосударственныхъ средствъ значительныя пособія мѣстнымъ органамъ на ихъ нужды».

На ряду съ обязательными расходами весьма большое препятствіе для правильнаго роста земскаго бюджета представляетъ тотъ первобытный способъ, который, въ силу закона, практикуютъ наши земства при обложеніи торгово-промышленныхъ предпріятій. Правда, земство по закону облагаетъ имущество по его цѣнности и доходности, но это примѣняется въ полной мѣрѣ только къ землѣ. Торгово-промышленныя предпріятія пользуются нѣкоторыми гражданскими правами и привилегіями, а потому и не подлежатъ дѣйствію общаго правила. Мало того, среди торгово-промышленныхъ предпріятій есть даже такія, которыя совершенно изъяты отъ земскаго обложенія. Возстановленія правильности земскаго обложенія вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ обязательныхъ расходовъ требуетъ справедливость. Эта мѣра дала бы земству какъ новые источники доходовъ, такъ и освободила бы ихъ отъ излишнихъ нареканій въ чрезмѣрномъ отягощеніи существующихъ бюджетовъ.

Въ настоящее время для проведенія какъ той, такъ и другой реформы представляется самый благопріятный случай. Хронически повторяющіеся недороды, недостатокъ въ продовольственномъ капиталѣ должны сильно озабочивать земскія учрежденія въ прінсканіи средствъ. А въ нынѣшнемъ году, судя по массѣ данныхъ, разбросанныхъ почти во всѣхъ органахъ прессы, не исключая даже оффиціальныхъ, земскія учрежденія должны озаботиться, если не въ такой степени, какъ въ памятныя для всѣхъ голодовки 1891 г., то, во всякомъ случаѣ, довольно-таки значительно. Какъ выйдутъ они изъ неравной борьбы—покажетъ будущее, хотя намъ, по нашей нескромной прозорливости, кажется, что даже если побѣда и будетъ на сторонѣ земства, то побѣда эта будетъ безславная. Что принесли голодовки 80 годовъ и 91—92 гг.? Всеобщее обѣднѣніе, разореніе крестьянскаго хозяйства, дифференціацію деревенскихъ устоевъ, истощеніе земель, чудовищныя недоимки и самыя разнообразныя бѣдствія, весьма тяжело отразившіяся какъ на нашемъ крестьянствѣ, такъ и на его хозяйствѣ. Новыя бѣдствія—новое разореніе. Мало того, разореніе не окрѣпшаго, не успѣвшаго очнуться, оправиться послѣ послѣдней голодовки населенія, а тамъ... новыя недоимки со всѣми ихъ ужасными послѣдствіями... Будущій урожай, судя по свѣдѣніямъ объ озимыхъ всходахъ, также не предвѣщаетъ ничего утѣшительнаго. Однимъ словомъ, крестьянинъ очутился въ такомъ заколдованномъ кругу, изъ котораго можетъ выбраться только однимъ чудомъ, а не тѣми палліативными мѣ-

[1]) «Русск. Вѣд.» № 187.

рами, которыя яко бы проводятся въ жизнь. На однихъ палліативахъ далеко не уѣдешь.

Кстати о земскихъ палліативахъ и новыхъ проектахъ.

Не такъ давно мы получили журналы послѣдняго очередного шуйскаго земскаго собранія. Просматривая ихъ, мы натолкнулись на одинъ вопросъ, вѣчно-юный въ глазахъ экономистовъ-народниковъ. Рѣчь идетъ о кустарныхъ промыслахъ и содѣйствіи ихъ развитію. Зная обычное отношеніе земскихъ учрежденій къ тѣмъ или другимъ назрѣвающимъ вопросамъ мѣстной жизни, мы сперва даже и не обратили вниманія на докладъ управы, думая, что докладъ ея—самый обыкновенный докладъ, съ обычными пожеланіями, несбыточными проектами, гдѣ самые трудные вопросы рѣшаются съ легкостью простой ариѳметической задачи. Однако, рядъ цифръ заставилъ насъ отнестись къ докладу серьезнѣе и прочесть его внимательнѣе. Земство собирается насаждать у себя кустарные промыслы, а потому и затребовало отъ управы соотвѣтствующихъ. свѣдѣній. Свѣдѣнія эти настолько интересны, что мы позволимъ себѣ воспроизвести ихъ въ сжатомъ видѣ на страницахъ нашего обозрѣнія.

Промыслами занято въ Шуйскомъ уѣздѣ около 9 волостей — 2,125 мужчинъ и 1,910 женщинъ, занимающихся самыми разнообразными промыслами, какъ-то: выдѣлкою заячьихъ, бѣличьихъ шкурокъ, овчины, валеныхъ сапогъ, телѣгъ, плетеніемъ корзинъ, шитьемъ шубъ, вязаньемъ варежекъ и т. п. Выдѣлка заячьихъ, бѣличьихъ и мерлушечьихъ шкурокъ главнымъ образомъ распространена въ Дуниловской и Горской волостяхъ. Обрабатывается до 1,500 тыс. шкурокъ, обработка производится самымъ примитивнымъ способомъ и весь выдѣланный товаръ отправляется заграницу главнымъ образомъ въ Лейпцигъ; тамъ всѣ мѣха сортируются, приводятся въ порядокъ, подкрашиваются, подстригаются и, наконецъ, возвращаются на родину подъ различными названіями дорогихъ мѣховъ. Кстати сказать, какъ этотъ самый главный промыселъ, такъ и всѣ остальные—наканунѣ своего окончательнаго упадка. Всѣ кустари, съ которыми пришлось имѣть дѣло членамъ управы, единогласно заявляютъ, что на уменьшеніе спроса на ихъ произведенія главнымъ образомъ повліяло машинное производство. «Теперь ручное ни по чемъ, машина приготовляетъ скорѣе и чище». Есть среди нихъ даже такіе, которые рѣшаются высказать ту мысль, что на фабрикахъ работать выгоднѣе.

Несмотря, однако, на эти правдивые и въ достаточной мѣрѣ вѣрныя опредѣленія, шуйское земство все-таки рѣшилось повторить и у себя неудачную попытку возрожденія архаической формы производства. Нужно думать, что шуйское земство скоро разочаруется въ этой попыткѣ своей—тѣмъ болѣе, что оно уже отрѣшилось отъ благодѣтельнаго воздѣйствія артельныхъ началъ на успѣшность народнаго производства, присоединившись къ той экономической школѣ, которая давнымъ давно перестала

видѣть въ артельномъ началѣ какой-то залогъ освобожденія кустарей отъ давленія со стороны скупщиковъ.

Можетъ быть, насъ станутъ обвинять въ сочувствіи нарождающемуся у насъ капитализму. Но неосновательность подобныхъ обвиненій очевидна сама собою. Мы только указываемъ на то, что постройки, требующія капитальнаго ремонта, никогда не слѣдуетъ задѣлывать первобытными способами. Это только способствуетъ усиленію противорѣчій, которыми и безъ того переполнена наша соціальная жизнь.

Положимъ, намъ къ этому не привыкать стать. У насъ до чего ни коснись, вездѣ прорѣхи, недосмотры и упущенія. Взять, напр., хотя-бы положеніе народныхъ учителей, ихъ обезпеченность. Что-либо болѣе шаткое трудно и сыскать! Здѣсь все зависитъ отъ личнаго взгляда надлежащаго начальства. А кто не знаетъ, какъ много его у народнаго учителя! Мы не смѣемъ мечтать объ обезпеченіи учителей, хотя-бы въ той мѣрѣ, какъ это практикуется, напр., въ Австріи, гдѣ учителямъ можно грозить, но распоряжаться, какъ пѣшками, возбраняется, гдѣ прежде чѣмъ предписать удаленіе, необходимо *по закону доказать*, что тотъ или другой учитель совершилъ какой-либо недозволенный проступокъ. Мы даже и не требуемъ этого. Напротивъ, мы слишкомъ скромны въ своихъ требованіяхъ и можемъ добиваться лишь того, чтобы народный учитель былъ обезпеченъ, хотя-бы тѣмъ, чтобы его голосъ при рѣшеніи его судьбы принимался къ свѣдѣнію, чтобы онъ, при своей трудной дѣятельности, могъ быть увѣренъ, что прежде, чѣмъ его уволятъ, онъ будетъ, по крайней мѣрѣ, выслушанъ самъ, что доносамъ, которые у насъ все еще въ сильномъ ходу, не будетъ оказано особеннаго довѣрія. А пока этого не будетъ, исторіи, подобныя разыгравшейся недавно въ Уржумѣ на учительскихъ курсахъ, будутъ повторяться постоянно.

Уржумская исторія слишкомъ рельефно обрисовываетъ ненормальность положенія учителя, чтобы ее не отмѣтить. Мы не знаемъ закулисной стороны дѣла, гдѣ въ полной красотѣ выяснились отношенія г. Лучинина (руководителя курсовъ) и г. Ислентьева (инспектора народныхъ училищъ). Но это и не интересно. Было-бы страннымъ вымѣщать, въ силу оффиціальнаго положенія, личные счеты, и мы надѣемся, что не это послужило поводомъ г. Ислентьеву для устраненія г. Лучинина, для закрытія курсовъ и, наконецъ, для донесенія о неблагонадежности руководителя курсовъ, пользующагося глубокимъ уваженіемъ какъ учительскаго персонала, такъ и обывателей Уржумскаго уѣзда. Очевидно, причины были вполнѣ вѣскія и иныя. Да, къ сожалѣнію иныя. Г. Лучининъ позволилъ себѣ сказать замѣчательную въ своемъ родѣ рѣчь, снискалъ любовь учительскаго персонала и этого было вполнѣ достаточно для закрытія курсовъ и отставленія отъ должности руководителя. Что-же это, спрашивается, за рѣчь, послужившая такою вѣской уликой? Мы считаемъ себя не вправѣ не помѣстить ее.

Руководителю курсовъ пришла счастливая мысль говорить въ нѣсколько аллегорической формѣ. Назвавъ учителя сѣятелемъ на народной нивѣ, онъ очень картинно изобразилъ царившій мракъ невѣжества, бороться съ которымъ пришлось этому труженику, пахарю-учителю.

«Сѣятель знанья на ниву народную! Къ тебѣ обращаюсь я, прежде всего, со словами родного поэта,—но по другому побужденію, съ другимъ намѣреніемъ и чувствомъ».

«...Въ темную ночь вышелъ ты слабый, истощенный нуждой и духовнымъ голодомъ, одинокій,—совсѣмъ одинъ,—на громадную черную цѣлину народной нивы, съ тупыми и грубыми орудіями работы; вспомни, какъ напрягъ ты свои слабыя силы и, припавъ слабой грудью, вонзилъ въ твердую почву свой плугъ, и провелъ, изнемогая отъ усилія, первыя неровныя и кривыя борозды,—провелъ, поливъ ихъ слезами молитвы и робкой, робкой надежды... Вспомни, какъ бросалъ ты лежалыя, лишенныя жизненной силы зерна; какъ бурный вѣтеръ валилъ твои хилые всходы; какъ безполезные для твоего дѣла громъ и молнія наполняли и безъ того забитую тяжелымъ трудомъ и неудачей твою душу чувствомъ страха и униженія; какъ съ сердечнымъ томленіемъ ожидаемыя живоносныя тучи проносились мимо тебя, ни одной каплей не оживляя ни безплодной нивы твоей, ни жаркаго истомленнаго чела твоего,—и падалъ ты отъ усталости на своей бороздѣ одинъ, никѣмъ не замѣчаемый, безъ привѣта и вниманія, не видя и самъ, что дѣлалъ, полный отчаянія, проливая жалкія слезы безсилія, а подчасъ и горькаго,—увы,—тоже безсильнаго, озлобленія... Вспомни все это». Трудно и тяжело бороться учителю. Но пролагая борозду за бороздой, онъ подготовляетъ почву для полнаго разлива знаній. «Слышишь-ли, какъ совсѣмъ уже близко отъ тебя шумитъ могучій потокъ знанья? Слышишь-ли шумъ и звукъ тѣхъ работъ, которыя направлены къ тому, чтобы провести къ тебѣ воду этого потока и напоить тебя и твою ниву? Слышишь-ли топотъ бѣгущихъ къ тебѣ на помощь съ разныхъ сторонъ людей? Видишь-ли, какъ они окружаютъ тебя, отираютъ твой потъ, шепчутъ тебѣ слова привѣта и утѣшенія, замѣняютъ твои грубыя орудія—острыми и усовершенствованными, несутъ тебѣ кошницу свѣжихъ и жизненныхъ зеренъ знанья, налегаютъ дружно съ тобой, ведутъ тебя, показываютъ болѣе плодородную почву?... Ободрись-же, вздохни полною грудью, подними усталую голову и взгляни на разсвѣтъ начинающагося дня! Ты не одинъ уже. Испытай это чувство совмѣстной, дружной работы,—можетъ быть, единственно полное и безмятежное чувство».

И эта рѣчь—причина увольненія г. Лучинина. Гдѣ-же искать защиты бѣдному учителю отъ произвола людей, облеченныхъ властью?

В. Владимірцевъ.

Духовный міръ Москвы.

(Письмо второе).

I.

Сдѣланная мною въ первомъ письмѣ характеристика современной Москвы ясно указываетъ на богатство темъ, которыя она даетъ для современнаго беллетриста. Изъ серьезныхъ писателей одинъ П. Д. Боборыкинъ обратилъ въ цѣломъ рядѣ своихъ произведеній вниманіе на возникающее третье сословіе. Расколъ между старымъ купечествомъ и новымъ коммерческимъ міромъ, столкновеніе вымирающаго дворянства съ купцомъ—вотъ два мотива, достойные полнаго вниманія. Быстрое обогащеніе и оторванность отъ прежняго бѣднаго скромнаго круга, мечты о деньгахъ и слѣдующихъ за ними увеселеніяхъ—вотъ третій и самый богатый мотивъ. Возьмите молодого бѣднаго приказчика, влюбленнаго въ богатую купеческую дочь—тема разработанная еще Островскимъ въ «Бѣдность не порокъ», и варьируйте ее безъ конца. Изобразителемъ современнаго купечества является А. М. Пазухинъ, о которомъ мнѣ и хочется сказать нѣсколько словъ. За пятнадцатилѣтнюю литературную дѣятельность г. Пазухинымъ написано очень много, такъ что дарованіе его обрисовалось вполнѣ. Дѣйствующія лица его романовъ всѣ купеческаго происхожденія. Любимыми типами его является купецъ-отецъ самодуръ, мать—забитое несчастное существо, страстно любящее своихъ дѣтей, дочь—красавица, молодой приказчикъ, втайнѣ вздыхающій по ней, друзья его, забулдыга-студентъ или пьяница-актеръ, интриганъ богачъ, приживалка и т. д. Всѣ эти типы выдуманные и въ нихъ нѣтъ ни на іоту правды. Купецъ-тиранъ въ тонѣ типовъ Островскаго уже давно сошелъ со сцены и продолжаетъ жить только на страницахъ романовъ тѣхъ писателей, все дарованіе которыхъ сводится къ подражанію. Надо полагать, что и матерей такихъ тоже нѣтъ. Дочь красавица и приказчикъ—это Люба и Митя, о счастьи которыхъ такъ трогательно молитъ Торцовъ. Студентъ знакомъ намъ по «Талантамъ и поклонникамъ», а актеръ—по «Лѣсу». За

тридцать лѣтъ утекло много воды и много перемѣнилось, а г. Пазухинъ не желаетъ или, вѣрнѣе, не можетъ сдѣлать наблюденій и познакомить читателей съ новыми людьми. Романы его въ большинствѣ случаевъ растянуты и краски сгущены. Злодѣй остается злодѣемъ во всемъ: и чай пьетъ онъ звѣрски, и калачъ намазываетъ икрой съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ. Добродѣтельный молодой человѣкъ уже до того чистъ душой, что удивляешься только, какъ онъ не взятъ живьемъ на небо. Въ красавицу влюбляются всѣ поголовно, и теченіе жизни ея, точно версты полосаты, отмѣчаютъ трупы несчастныхъ самоубійцъ. Дѣйствіе романа всегда происходитъ въ Москвѣ, рѣдко за ея предѣлами, такъ какъ, повидимому, авторъ не знакомъ съ другими городами и даже Петербургомъ. Языкомъ г. Пазухинъ владѣетъ недурно и вся тайна его успѣха заключается именно въ оторванности его романовъ отъ дѣйствительности. Жизнь большинства москвичей прошла вся въ дѣлахъ, разсчетахъ и оборотахъ, не было времени отдохнуть, насладиться молодостью, помечтать, а на страницахъ романовъ г. Пазухина именно и воплощены мечтанія и идеалы будущаго. Тихая, скрытая отъ посторонняго взгляда любовь, свиданіе гдѣ-нибудь въ глуши тѣнистаго сада замоскворѣчія, робко щелкающій соловей, доносящійся издалека грохотъ экипажей, сладкія рѣчи до зари—все это пріятно щекочетъ нервы и заставляетъ, хотя, на минуту, забыть скучную дѣйствительность.

Другимъ выдающимся «романистомъ» является г. Риваль. Женщины г. Риваля всѣ сплошь богаты, роскошно одѣваются, пьютъ изъ севрскихъ чашекъ, ѣдятъ на серебрѣ и мѣняютъ своихъ поклонниковъ чуть ли не ежедневно. Герои—все бароны, князья, графы съ двойными фамиліями, дѣлами никакими не занимаются, а швыряютъ тысячи рублей, небрежно подписывая кипы векселей. Жизненныя или любовныя неудачи разрѣшаются выстрѣломъ изъ революцера у героевъ, пріемомъ яда изъ изящнаго флакона у героинь. Мѣсто дѣйствія непремѣнно или будуаръ или отдѣльный кабинетъ ресторана, блещущій огнями, съ запахомъ фруктовъ, ароматомъ дорогихъ сигаръ и духовъ. Все это міръ какой то фантастическій, точно авторъ курильщикъ опіума и морфоманъ. Иногда г. Риваль спускается съ облаковъ на землю и рисуетъ картины изъ быта каторжниковъ. Здѣсь онъ бродитъ уже совсѣмъ ощупью и заставляетъ одного ссыльнаго въ кандалахъ объясняться въ любви дочери тюремнаго смотрителя Нерчинскаго округа, разыгрывающей Шопена. Романъ носитъ громкое заглавіе: «Подъ звонъ цѣпей». Третьей темой его произведеній является русско-турецкая война 1877—78 гг., но и здѣсь ничего не выходитъ. Романы изъ этой эпохи написаны въ такомъ ярко патріотическомъ тонѣ, что со второй страницы теряешь всякое довѣріе къ автору. Турки падаютъ сотнями подъ губительнымъ дѣйствіемъ нашихъ выстрѣловъ, между тѣмъ какъ русскіе нисколько отъ непріятельскихъ снарядовъ не страдаютъ. Въ концѣ концовъ герой раненъ и въ ухаживающей за нимъ сестрѣ милосердія узнаетъ предметъ

своей любви, о которой страдалъ на трехстахъ страницахъ. Съ Георгіемъ въ петлицѣ, опираясь на палку, входитъ онъ въ церковь, гдѣ тихо, безъ свидѣтелей, совершается обрядъ бракосочетанія. Народный бытъ г. Ривалю совершенно неизвѣстенъ. Въ одной повѣсти герой крестьянинъ шагалъ по пыльной дорогѣ въ сапогахъ изъ бересты. Это, конечно, мелочь, но мелочь весьма характерная. Можетъ быть, г. Риваль и былъ не лишенъ нѣкотораго дарованія, но его заѣла строка. Главной задачей онъ поставилъ себѣ написать какъ можно болѣе, вслѣдствіе чего явилась необдуманность сюжетовъ и рутина. Не имѣя времени разработать тему романа, онъ пишетъ фельетонъ за фельетономъ, самъ въ душѣ не зная, что будетъ дальше. На вопросъ, читаютъ ли въ Москвѣ г. Риваля, я долженъ буду отвѣтить утвердительно, да оно и понятно. Для большинства заманчивъ кутежъ въ дорогомъ ресторанѣ, уносящаяся въ даль лихая тройка, но средствъ нѣтъ, и приходится довольствоваться г. Ривалемъ. Языкъ его романовъ ужасенъ, фразы точно рубленныя, связи между ними никакой и каждая глава непремѣнно должна заканчиваться какимъ-нибудь эффектнымъ предложеніемъ. Напримѣръ: «Онъ замеръ въ ожиданіи»... или «Онъ взвелъ курокъ и приложилъ его къ виску» и т. д.

Въ романахъ г. Риваля преступленія совершаются довольно рѣдко, за то страницы произведеній г. Хлопова обагрены кровью. Убійства совершаются легко и спокойно, злодѣи невозмутимы и мотивы, побуждающіе ихъ къ нарушенію законовъ божескихъ и человѣческихъ, самаго низменнаго свойства. Почти всегда это корысть или грабежъ или наслѣдство. Мораль такихъ произведеній слишкомъ ясна, чтобы о нихъ говорить. Если вы задумываетесь надъ тѣмъ, какую книгу дать читать ребенку, то почему же взрослый, но мало развитой человѣкъ, въ которомъ нужда и горе и такъ уже колеблютъ нравственныя убѣжденія, долженъ читать все. Подобные романы, какъ г. Риваля или г. Хлопова, являются какъ бы иллюстраціей къ полицейскимъ происшествіямъ, просмакованнымъ на страницахъ «Московскаго Листка». И кто знаетъ, сколько преступленій зародилось подъ ихъ вліяніемъ, зародилось, можетъ быть, и безсознательно. Иногда одного слова достаточно, чтобы давно уже хранящійся въ головѣ замыселъ былъ приведенъ въ исполненіе. Припомните Достоевскаго въ «Преступленіи и Наказаніи»: когда Раскольниковъ рѣшился не убивать старуху закладчицу, до него вдругъ донесся со двора крикъ, возвѣщавшій, что уже давно седьмой часъ, именно тотъ часъ, когда она одна, и онъ взялся за топоръ. Въ своей рѣчи «Достоевскій, какъ криминалистъ» А. Ѳ. Кони превосходно сравниваетъ это состояніе души съ сосудомъ, въ которомъ налита жидкость. Жидкость охладѣла, но стоитъ только пошевелить ее, чтобы она мгновенно замерзла и превратитилась въ кристаллы. Когда мы возьмемъ въ руки произведеніе подобнаго характера, то небрежно ихъ перелистываемъ, между тѣмъ какъ человѣкъ простой читаетъ ихъ медленно и вдумчиво, слѣпо довѣряя вымыслу и не сомнѣваясь въ томъ, что такіе герои

существовали въ дѣйствительности, дѣйствовали такъ, какъ сказано въ книгѣ и наслаждались тѣмъ, о чемъ онъ можетъ мечтать. И такія произведенія еще вреднѣе, когда онѣ печатаются въ газетѣ, номеръ которой всегда можно пріобрѣсти за нѣсколько копѣекъ, между тѣмъ какъ цѣна отдѣльнаго изданія являлась бы своего рода препятствіемъ.

Чрезвычайно характернымъ явленіемъ журнальной беллетристики являются романы г. Апраксина. О томъ, что они уголовные, нечего и говорить, это разумѣется само собой. Въ мелкихъ редакціяхъ это называется «захватывающимъ интересомъ». Уголовный романъ чрезвычайно опасенъ. Здѣсь авторъ имѣетъ широкій просторъ показать все паденіе человѣческой души, сложнѣйшій психологическій процессъ ея возрожденія, или параллельно познакомить насъ съ натурами чистыми и возвышенными. Конечно, такъ далеко г. Апраксинъ не идетъ. Всѣ его романы вертятся около 1666 ст. Уложенія, трактующей о мошенничествѣ, или касаются подлоговъ. Герои ихъ все народъ чистый, выхоленный, съ длинными отдѣланными ногтями, и совершаютъ они преступленія шутя, между завтракомъ и обѣдомъ, чтобы заработать себѣ на ужинъ. Но вся соль этихъ романовъ и заключается въ этихъ завтракахъ, обѣдахъ и ужинахъ, такъ какъ описаніе ихъ—подробное, съ точнымъ указаніемъ меню и цѣнъ, представляетъ изъ себя ничто иное, какъ грубую и очевидную рекламу. Иногда г. Апраксинъ пробуетъ затрогивать общественные вопросы, но, конечно, изъ этого ничего не выходитъ и повѣствованіе оканчивается опять пивомъ Хамовническаго завода. При чемъ же тутъ литература?

II.

Московская старина, о которой мы слышимъ съ дѣтства, еще продолжаетъ жить среди обитателей этого города и громкій голосъ ея иногда прорывается черезъ немолчный гомонъ обычной сутолоки. Каждая улица въ Москвѣ имѣетъ свое прошлое, названіе ея часто является таинственной загадкой, съ которой связана зачастую цѣлая историческая эпоха, и потому москвичъ любитъ свой городъ и интересуется его прошлымъ. Удовлетворяя этому требованію, московскія газеты охотно печатаютъ такъ называемые историческіе романы. Есть даже спеціалисты въ этой области, какъ напр. г.г. Дмитріевъ, Старицкій, Голубевъ и друг. Чтобы написать историческій романъ, мало, конечно, прочесть двѣ-три хотя бы и весьма обстоятельныя книжки, нужно проникнуться духомъ изображаемой эпохи, войти въ міровоззрѣніе представителей различныхъ классовъ, такъ сказать переродиться умственно на время самому. Для всего этого необходимъ талантъ, которымъ вышеназванныя лица не обладаютъ. Любимая эпоха ихъ—это время Іоанна Грознаго или смутное время. Здѣсь, во-первыхъ, широкій просторъ всякимъ выдумкамъ, а во-вторыхъ на простодушныхъ читателей можно ужасъ наводить подробнѣйшимъ описаніемъ пытокъ и казней. Языкъ, которымъ говорятъ дѣйствующія лица, въ

высшей степени забавенъ. Это не то былинный, не то выдуманный, но, во всякомъ случаѣ, не разговорный языкъ того времени. При этомъ попадаются часто презабавные анахронизмы. Такъ не помню ужъ теперь, въ какомъ романѣ Іоаннъ Грозный спрашиваетъ одного боярина, обративъ на него вниманіе:

— Скажи, бояринъ, какъ твоя фамилія?

Романистами этими выработанъ цѣлый рядъ выраженій и сценъ, неизмѣнно повторяющихся въ каждомъ ихъ произведеніи. Если бояринъ крестится,то непремѣнно истово, обращаемая имъ къ царю рѣчь непремѣнно начинается словами: «ой ты гой еси»... Царь жалуетъ бояръ то лебедью сахарной съ своего стола, то висѣлицей, смотря по расположенію. Любовныя свиданія обязательно должны происходить около тына или подъ окошечкомъ, при чемъ коня держитъ вѣрный холопъ и о приближающейся опасности долженъ дать знать свистомъ. Влюбленный обыкновенно говоритъ предмету своей страсти:

— Голубка ты моя сизокрылая. Ласточка ты моя быстрая.

А она отвѣчаетъ:

— Молодецъ ты мой ненаглядный. Витязь ты мой славный.

Такимъ образомъ составляется, такъ сказать, подливка къ историческимъ событіямъ. Они же сами не излагаются авторами, а просто выписываются. Карамзинъ говоритъ—и за этимъ идетъ нѣсколько страницъ.

Таковы постоянные поставщики всякихъ родовъ беллетристики въ Москвѣ. Отраднаго мало можно почерпнуть въ ихъ трудахъ, и невольно задумаешься надъ вопросомъ: что же читаетъ все населеніе города? Или гг. издатели постарались притупить вкусы, отбить всякое пониманіе, чтобы потомъ дѣлать все, что имъ захочется?

III.

Юмористическихъ журналовъ въ Москвѣ издается два: «Будильникъ» и «Развлеченіе».

Не будемъ касаться внѣшности изданій, она оставляетъ желать многаго. У насъ на Руси главный недостатокъ въ рисовальщикахъ. Но и внутреннее содержаніе этихъ журналовъ едва ли можетъ вызвать на устахъ улыбку. Московская жизнь скользитъ по страницамъ этихъ изданій, не оставляя ни малѣйшаго слѣда. Если вы найдете что нибудь, то это опять толстые Титы Титычи, безобразничающіе по ресторанамъ и мажущіе морды лакеямъ горчицей. Никогда вы не найдете ни одного намека на злобу дня, на высокомѣріе выскочекъ, и театръ является единственнымъ поставщикомъ матеріаловъ. Малокультурность Москвы сказывается и въ этомъ,—она настолько еще не способна къ самокритикѣ, что не рѣшила, надъ чѣмъ смѣяться, что порицать и что хвалить. Да съ другой стороны хотя и говорятъ о нашей россійской веселости, умѣніи ловко отвѣтить острымъ словцомъ, но едва ли это справедливо,

и мы смѣемся періодами и подражательно: то фигурировалъ у насъ кассиръ, за нимъ пошелъ гласный, наконецъ—показалась теща и на ней мы пока остановились. Впрочемъ, есть еще одна причина слабости нашихъ юмористическихъ журналовъ. Это ихъ бѣдность, а слѣдовательно и низкій гонораръ сотрудниковъ. Всякій мало-мальски заработывающій отворачивается отъ нихъ и тамъ пишутъ или люди спившіеся или гимназисты, подписывающіеся полными именами. Откуда имъ знать жизнь? Обыкновенно ссылаются на цензуру и говорятъ, что она является препятствіемъ. Дѣло не въ цензурѣ, а въ отсутствіи дарованія. Во времена императора Николая Павловича Гоголь написалъ не только «Мертвыя души», но и «Ревизора». Щедринъ находилъ способы и высказывать все и смѣяться зло.

IV.

Таковы московскія газеты и московскіе журналы. Перейдемъ теперь къ народнымъ изданіямъ. Центромъ ихъ является Никольскій рынокъ, выбрасывающій въ провинцію ежегодно нѣсколько милліоновъ книгъ цѣной отъ $^3/_4$ к. и кончая 20 и выше. Издатели народъ чрезвычайно чуткій къ требованіямъ своихъ покупателей и потому книги рѣдко залеживаются у нихъ, что называется продать господину Сараеву, т. е. сложить въ кладовую. Розничная продажа изъ магазиновъ не особенно сильна, за то велика оптовая. Провинціальные торговцы покупаютъ тысячами, а разносчики, продающіе съ лотковъ, сотнями. Прежніе главные покупатели, офени, отжили свой вѣкъ и если и существуютъ, то идутъ съ своимъ товаромъ въ Сибирь или на Балканскій полуостровъ. Внѣшность изданій осталась все та же: сквозная бумага со сбивающимися строками и массой опечатокъ внутри, съ разноцвѣтной обложкой, грубо размалеванной снаружи.

Несмотря на искреннее желаніе нѣсколькихъ фирмъ улучшить внѣшность изданій, сдѣлать это пока оказалось невозможнымъ. Приходится или уничтожить обложку или возвысить цѣну. Въ томъ и другомъ случаѣ вы рискуете потерять покупателей. Мужикъ нашъ такъ бѣденъ деньгами, что всякая копѣйка составляетъ для него разсчетъ и потому онъ выбираетъ книгу не по содержанію, а по цѣнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему хочется, чтобы книжка и взоръ радовала, и потому онъ выбираетъ ту, обложка которой сильнѣе бросается въ глаза. Со временемъ это, конечно, исчезнетъ и даже скоро, когда подростетъ и сдѣлается самостоятельнымъ покупателемъ теперешнее поколѣніе, такъ что это не бѣда; бѣда вся заключается въ самомъ содержаніи книгъ, которыя продолжаютъ итти шибко, и потому надо полагать гг. издатели и не думаютъ перестать выпускать ежегодно десятки тысячъ экземпляровъ.

Просматривая эти книжки, задумывались-ли вы когда-нибудь надъ вопросомъ: кто ихъ пишетъ? Между тѣмъ вопросъ этотъ не лишенъ нѣкотораго интереса. Читателямъ, можетъ быть, извѣстенъ романъ

Мюрже, въ которомъ онъ знакомитъ насъ въ парижской богемой, ея жизнью, нуждами, стремленіями, грошовыми заработками и нуждой. У насъ въ Москвѣ тоже имѣется своя богема, но какъ все русское, а тѣмъ паче московское она имѣетъ особый отпечатокъ. Представители ея почти сплошь люди талантливые, но неудачи и недостатокъ образованія сломили ихъ, а тутъ, конечно, припуталась еще обычная отечественная слабость. Разъ попавъ въ лапы никольскихъ издателей, вырваться уже нельзя или для этого нужно слишкомъ крупное дарованіе или счастливое стеченіе обстоятельствъ. Я знаю нѣкоторыхъ побывавшихъ въ этой клоакѣ и занимающихъ теперь довольно видныя положенія въ журналистикѣ, но nomina sunt odiosa. Никольскіе издатели не заглядываютъ въ самое содержаніе романа, а берутъ и платятъ по величинѣ и вѣсу. Плата ничтожна до смѣшного. Такъ за романъ листовъ въ десять платятъ не болѣе двадцати пяти рублей. Очевидно одному возможно написать такой романъ только въ мѣсяцъ, ну а заработокъ въ двадцать пять рублей очень не великъ и приходится прибѣгать къ сотрудничеству. Въ этомъ отношеніи поставщики никольскаго рынка оставили далеко за собой братьевъ Гонкуровъ и Эркмана-Шатріана. Теперь, когда я пишу эти строки, мнѣ невольно приходитъ на память картина, видѣнная мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ Въ концѣ Тверской, около Тріумфальныхъ воротъ, въ одномъ изъ ея переулковъ существовали меблированныя комнаты, заселенныя московской богемой. Все это была молодежь, удивительно хладнокровно относившаяся къ жизненнымъ неудачамъ, не платившая по нѣскольку мѣсяцевъ за квартиру, закладывавшая все и остававшаяся въ одномъ бѣльѣ. Въ дни безденежья питались обрѣзками колбасъ и ломомъ,—такъ называется переломленный и черствый хлѣбъ, — укрывались газетами и для сокращенія времени спали чуть ли не по двадцать три часа въ сутки. Но вотъ кто-нибудь, надѣвъ сборный костюмъ и тщательно вымазавъ чернилами порыжѣвшіе сапоги, отправлялся къ какому-нибудь издателю. Товарищи съ трепетомъ ожидали его и, не отрываясь, смотрѣли въ окна. Вотъ гонецъ влетаетъ радостный и объявляетъ, что полученъ заказъ на романъ изъ временъ Михаила Ѳеодоровича. Мало этого, полученъ авансъ—три рубля. Тотчасъ приступаютъ къ выработкѣ плана, разбиваютъ его на главы и затѣмъ ложатся отдыхать. Придешь къ нимъ часовъ въ восемь—и застанешь всю компанію сидящей около стола. Передъ каждымъ по нѣскольку тетрадей сѣрой бумаги, по серединѣ въ полоскательной чашкѣ налиты чернила, а въ сторонкѣ гдѣ-нибудь на подоконникѣ закуска, состоящая изъ бутылки водки, къ которой прикладываются всѣ поочередно, огурцовъ и обрѣзковъ ветчины. Перья дружно скрипятъ, тишина царствуетъ въ комнатѣ и къ пяти или шести часамъ утра романъ готовъ.

Вопросъ другой, что это за романъ. Герой не смѣетъ никогда говорить о своемъ прошломъ, такъ какъ всякій пишущій не знаетъ, что придумалъ его сосѣдъ. Героиню въ концѣ называютъ другимъ именемъ,

чѣмъ въ началѣ, но главное—заказъ исполненъ. На другой день романъ уже въ рукахъ издателя, который относится къ нему довольно скептически, но на предложеніе прочесть его мѣняется въ лицѣ и торопится отдать деньги. Дома совершается раздѣлъ и богема опять сыта на недѣлю.

Гораздо болѣе получаютъ компиляторы и переводчики, такъ какъ для этого необходимы хоть какія-нибудь познанія. Типъ такого переводчика и компилятора прекрасно обрисованъ Достоевскимъ въ «Преступленіи и наказаніи» въ лицѣ Разумихина. Пользуясь тѣмъ, что издатель иностранныхъ языковъ не знаетъ, переводчикъ, конечно, не потрудится заглянуть въ словарь и переводъ мало чѣмъ походитъ на оригиналъ. Наконецъ, третью и послѣднюю группу составляюсъ поэты. Большинство изъ нихъ почему-то изъ духовнаго званія и чрезвычайно мрачнаго вида. Получивъ гонораръ, они тотчасъ же оставляютъ его въ ближайшемъ трактирѣ. Кромѣ того, въ прежнее время не малый заработокъ доставляли имъ эпитафіи, за которыя родные покойнаго платили по три и по пяти рублей.

Перейдемъ теперь къ содержанію изданій никольскаго рынка.

IX.

Первое мѣсто занимаютъ пѣсенники, которые требуются больше всего. Въ народѣ появился ложный стыдъ относительно своихъ прежнихъ напѣвовъ, такъ какъ всякому человѣку свойственно стремленіе къ поэзіи, то онъ и тянется за сборниками стихотвореній и получаетъ коллекціи невѣроятныхъ пошлостей. Я просматривалъ до тридцати такихъ сборниковъ подъ самыми различными заглавіями, но содержаніе ихъ почти всюду одно и то же. Въ прежнія времена романсъ переходилъ изъ гостинной въ лакейскую и, распѣваемый дворней, дѣлался достояніемъ цѣлой мѣстности, но въ настоящее время идетъ въ народъ шансонетка прямо изъ кафе шантана, и легко понять, каковы ея тенденціи. Во всѣхъ пѣсняхъ возводится въ идеалъ пьянство, кутежъ и развратъ. Умѣніе ловко воспользоваться случаемъ доказываетъ умъ, всякая нажива ловкость и т. д.

Въ сборникахъ этихъ рѣдко можно найти какія-нибудь произведенія лучшихъ писателей. Изъ пушкинскихъ я нашелъ только «Талисманъ», «Старый мужъ», Лермонтова «Выхожу одинъ я на дорогу», Некрасова «Что ты жадно глядишь на дорогу» и, наконецъ, Полонскаго (впрочемъ безъ указанія) «Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ». Растлѣвающее дѣйствіе такихъ стихотворныхъ сборниковъ слишкомъ очевидно, чтобы о немъ говорить.

Романы распадаются на оригинальные и переводные. Пересмотрѣть всѣ нѣтъ никакой возможности, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ ихъ покупаютъ сотнями. Отмѣчу нѣкоторые изъ нихъ: напримѣръ, Львова— «Въ Сибирь на каторгу». Самое уже заглавіе показываетъ намъ, въ чемъ

дѣло. Романъ написанъ безграмотно и съ сильными попытками произвести эффектъ. Достаточно для этого просмотрѣть оглавленіе: «Дѣти ада», «Верховный властитель преисподней», «Пали...», «Въ штыки ихъ, варнаковъ сибирныхъ...», «Счастливая неудача», «A la guerre comme à la guerre» (!), «Польская вечеринка на политическихъ дрожжахъ и съ трактирной закваской». Смысла въ книгѣ нѣтъ никакого, и трудно было бы передать, въ чемъ ея фабула.

Г. Чмыревъ написалъ романъ «Психопатка или замѣчательно любопытныя тайны сумасшедшей блудницы». Романъ эротическаго содержанія и тенденція его возведеніи въ идеалъ разврата и проституціи. Въ этомъ-же родѣ имѣются еще «Тайны Петербургскаго и Московскаго полусвѣта» и, наконецъ, «Похищеніе жидовки Ривки». Всѣ романы эти крайне грязны и шаблонны. Центромъ ихъ обыкновенно является измѣна мужу, при чемъ любовникъ, «сорвавъ цвѣты наслажденія», стремится дальше по пути новыхъ побѣдъ. Языкъ, которымъ написаны всѣ эти романы, ужасенъ. Передъ нимъ языкъ нашихъ репортерскихъ замѣтокъ—Гончаровскій. Описаніе природы дѣлается съ попыткой на оригинальность. Напримѣръ, вотъ начало одной повѣсти: «Хижина въ лѣсу».

«Былъ августъ мѣсяцъ 28 число. Природа въ это время какъ-бы чувствуя скорый свой конецъ потеряла все благоуханіе; листья съ шумомъ попадали на землю. Пѣвуньи пташки пріунывши. По небу ходили сѣрыя тучи и самое солнце какъ-бы чего то пугаясь робко смотрѣло на сухую землю».

Не зная, какъ закончить романъ, авторъ прибѣгаетъ сплошь и рядомъ къ ядамъ, выстрѣламъ или волшебствамъ, при чемъ колдуны или колдуньи живутъ, конечно, въ пещерахъ, окруженные филинами и при разговорѣ все время «страшно вращаютъ глазами».

Курьезно, что между произведеніями литературной богемы часто проникаютъ какими-то невѣдомыми путями на Никольскій рынокъ даже и такіе авторы, какъ кн. В. Н. Мещерскій («Женщины большаго Петербургскаго свѣта»).

Иностранные авторы, издаваемые на Никольской, слѣдующіе: Габоріо, Ксавье де Монтепенъ, Понсонъ де Терайль, Виконтъ де Гранвиль, Ламото Лангонъ и др. Французы удобнѣе всего для переводовъ, такъ какъ и языкъ болѣе всего извѣстенъ, да и сюжеты забористые. Переводы сдѣланы конечно плохо и наскоро, такъ что встрѣчаются пресмѣшныя фразы. Напр.: «Лошади шли мостовую» Они разговаривали со сломанными палками! «Онъ заснулъ со сжатыми кулаками» и т. д. Изъ англійскихъ писателей переводится Уилки Коллинзъ, нѣмецкихъ я не встрѣчалъ. По установившемуся обычаю, издатели въ разсылаемыхъ каталогахъ сами расхваливаютъ свои книги, излагая ихъ содержаніе и давая краткую характеристику.

Слѣдующую группу изданій составляютъ письмовники, цѣль которыхъ состоитъ въ пособіи людямъ мало грамотнымъ вести переписку. Можетъ

быть такое изданіе и имѣло-бы смыслъ, будь оно составлено менѣе казуистично и болѣе живо, а теперь оно представляетъ нѣчто въ родѣ книги китайскихъ церемоній. Очень забавны письма любовнаго содержанія и отвѣты на нихъ.

За письмовниками слѣдуетъ обширный кругъ изданій, предназначенныхъ для развлеченія общества, упражненія ума (какъ человѣкъ можетъ себя сдѣлать геніальнымъ и получить сильный и благородный характеръ) и предвидѣнія будущаго. Существуетъ цѣлый циклъ книгъ по черной магіи, вѣрные способы угадывать свою судьбу, вызывать тѣни умершихъ или знакомыхъ, находящихся за нѣсколько тысячъ верстъ и т. д. Наконецъ, необходимо отмѣтить лечебники, рекомендующіе не обращаться къ врачамъ, и научныя сочиненія по всѣмъ отраслямъ. Все это составлено поверхностно, невѣжественно, торопливо, очевидно по разсказанному мною выше рецепту, а между тѣмъ эти книги рекламируются, покупаются бѣднымъ людомъ и сбиваютъ его съ толку. Какъ примѣръ такой крайней рекламы, приведу слѣдующее объявленіе г. Земскаго: «Новая весьма полезная замѣчательная лѣчебная книга изданіе Земскаго. Пасторъ Кнейппъ—Врачебно-чудесное, всѣмъ доступное и замѣчательно простое водолѣченіе холодной или горячей обыкновенной простой водой смотря по роду болѣзни, въ которой книгѣ трактуется въ высшей степени полезное лѣченіе всѣхъ человѣческихъ обыкновенныхъ и тяжкихъ болѣзненныхъ недуговъ и замѣчательное исцѣленіе ихъ. Въ особенности лѣчитесь въ деревняхъ у себя дома сами, въ которыхъ нѣтъ по близости врачей или въ отдаленной провинціи. Съ приложеніемъ весьма необходимаго и весьма интереснаго объявленія издателя-книгопродавца Земскаго объ изложеніи хода его лично-бывшей трудно тяжкой болѣзни, въ теченіи 5-ти лѣтъ, отъ которой онъ и вылѣчился по милости Божіей посредствомъ простой воды и хожденіемъ босоголыми ногами въ продолженіи отъ 25 до 35 м. по вешней и осенней замороженной травѣ и по снѣгу даже въ зимнее время, но не свыше 7° мороза; въ особенности это хожденіе очень полезно отъ 2°—3°, 4°—6° по только что выпавшему пухлому снѣгу. Перевелъ вр—чъ Богословскій». Я не думаю, чтобы переводчикъ сочиненія пастора Кнейппа былъ врачъ, тогда зачѣмъ-бы ему было замѣнять букву А таинственнымъ тире, да и въ этомъ убѣждаетъ меня еще то, что ни одинъ врачъ не взялъ-бы на себя смѣлость утверждать, что есть въ медицинѣ такой способъ лѣченія, который исцѣлялъ-бы всѣ человѣческіе недуги. .Представьте себѣ теперь человѣка, повѣрившаго г. Земскому и гуляющаго по пухлому снѣгу босо-голыми ногами.

Починъ благородной борьбы съ никольскими книжками принадлежитъ фирмѣ Посредникъ, удостоенной на Нижегородской выставкѣ награды. Путь, избранный фирмой, самый правильный—она бьетъ рублемъ и буквально за гроши даетъ полезныхъ авторовъ. За полторы копѣйки вы получите Баранцевича, Боборыкина, Чехова, Мамина-Сибиряка, наконецъ самого Л. Н. Толстого. Мнѣ кажется, на помощь этой борьбѣ должна притти к

интеллигентная часть провинціальнаго общества. Если въ деревнѣ, куда пришелъ офеня, или въ ближайшемъ городѣ появились изданія Никольскаго рынка, то мѣстный учитель, священникъ, помѣщикъ долженъ разъяснить крестьянамъ, что это не чтеніе, а развратъ, что все здѣсь ложь, начиная отъ заглавія и кончая неправильно разставленными знаками препинанія. Изданія эти должны исчезнуть, и должно настать время, когда мужикъ понесетъ съ базара книгу полезную, а не милорда аглицкаго, какъ объ этомъ мечталъ еще Некрасовъ.

V.

Читателю, взявшему на себя трудъ прочесть мою статью, можетъ невольно прійти мысль, что пишущій эти страницы руководимъ какими-нибудь чувствами. Не скрою, что я выводилъ строку за строкой не безъ волненія. Я счелъ себя нравственно обязаннымъ высказать все это по двумъ причинамъ: во-первыхъ, мнѣ бы хотѣлось, чтобы различили два смѣшиваемыхъ понятій (я говорю только о Москвѣ) — печать и общественное мнѣніе. Если идеалы прессы совпадаютъ съ идеалами москвичей, то можно сказать, что Бѣлокаменная городъ отжившій, испорченный и безъ будущаго. Между тѣмъ дѣйствительность показываетъ намъ другое: городъ ростетъ и можетъ сдѣлаться россійскимъ центромъ промышленности и торговли съ Востокомъ ближнимъ и дальнымъ. Слѣдовательно или на страницахъ изданій намѣренная ложь, такъ какъ не могутъ же люди такъ грубо ошибаться, или это ихъ личные идеалы, прививаемые обществу и выдаваемые ими за принадлежащіе послѣднему. Въ ихъ разсчетахъ — «не будить мыслей» благородныхъ въ обществѣ и не развивать толпу, такъ какъ съ того момента, какъ она разовьется до степени внутренняго самосознанія, она должна будетъ отвернуться отъ нихъ, какъ отъ дерзкихъ самозванцевъ. И мнѣ думается, что всякій человѣкъ, такъ или иначе соприкасавшійся съ мелкой прессой, долженъ кричать на всѣхъ перекресткахъ, что это не то, не то, что требуется и чего въ правѣ ожидать отъ интеллигенціи жаждущая чтенія масса. Мнѣ возразятъ на это, что во всякомъ искусствѣ можно найти его подонки: въ живописи—суздальскую картину, въ музыкѣ—лакейскую пѣсню, въ скульптурѣ—рыночныя статуэтки. Но это совсѣмъ не то: я могу не слышать пѣсни, не покупать статуэтокъ и отворачиваться отъ лубочныхъ картинъ, но читать я долженъ, разъ я ознакомился съ грамотой и хочется узнать, чѣмъ люди живы. Нѣтъ средствъ выписать дорогую газету, купить дорогую книгу и изволь читать гг. Апраксиныхъ или «Похищеніе жидовки Ривки». Нужно громко говорить, что это не литература, что всѣ эти господа не писатели. Будничная жизнь, забрасывающая все, что дорого и свято, брызгами грязи, слишкомъ беретъ верхъ надъ стремленіями возвышенными и отвлеченными.

А. Осиповъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Варшавскіе профессора и варшавскіе студенты. — Профессора о профессорскомъ гонорарѣ.—Періодическіе съѣзды профессоровъ. — «Дуализмъ» средняго образованія и «единое формирующее образованіе».—Куда идутъ наши «зрѣлые» молодые люди.—Высшее сельскохозяйственное и низшее общее образованіе.—Выкупные платежи и всеобщее образованіе.—Родительская власть и споръ Дмитріевыхъ съ кн. Трубецкой.—Мечты о николаевскихъ временахъ. — «Московскія Вѣдомости» о провинціальномъ радикализмѣ.—Положеніе дѣлъ въ деревнѣ и взгляды «Московскихъ Вѣдомостей» на земскихъ начальниковъ.

На дняхъ въ «Новомъ Времени», отъ 19 ноября, появилась корреспонденція изъ Варшавы, которую мы воспроизведемъ дословно, опуская грубыя выходки ея автора. Въ день закладки въ Вильнѣ памятника гр. М. Н. Муравьеву, какъ сказано въ корреспонденціи, шесть профессоровъ варшавскаго университета гг. Кулаковскій, Карскій, Гротъ, Смирновъ, Филевичъ и Зиловъ послали въ Вильну слѣдующую телеграмму: «Душою участвуемъ въ нынѣшнемъ торжествѣ закладки памятника великому государственному мужу Россіи, гр. М. Н. Муравьеву, укротившему мятежъ, освободившему Сѣверо-Западный русскій край отъ польско-католическаго ига и утвердившему ту истину, что эта страна всегда была и есть чисто русская. Да будетъ благословенна навсегда память великаго русскаго человѣка гр. М. Н. Муравьева». Эта телеграмма появилась въ петербургской польской газетѣ «Край» и изъ «Края» перешла во всѣ польскія газеты. 23-го октября происходили похороны профессора варшавскаго университета Окольскаго. «Бывшіе на этихъ похоронахъ замѣтили нѣкоторое возбужденіе среди студентовъ, но, въ общемъ, похороны

прошли спокойно. На слѣдующій день послѣ похоронъ проф. Окольскаго, т.-е. 24-го октября, студенты первыхъ курсовъ юридическаго и филологическаго факультетовъ (лекція было общая) освистали на лекціи профессора древней русской исторіи И. П. Филевича. Въ тотъ-же день проф. Филевичъ и остальные пять профессоровъ, подписавшихъ телеграмму по случаю виленскаго торжества, получили гектографированное посланіе на русскомъ и польскомъ языкахъ». На слѣдующій день собралось много студентовъ первыхъ курсовъ разныхъ факультетовъ въ аудиторію, въ которой была назначена лекція физики проф. Зилова для студентовъ первыхъ курсовъ медицинскаго и физико математическаго факультетовъ. Когда вошелъ проф. Зиловъ, поднялся шумъ и свистъ; кто-то бросилъ по направленію къ каѳедрѣ калошу. 26-го октября ректоръ собралъ студентовъ и убѣждалъ ихъ успокоиться... Благодаря принятымъ мѣрамъ, слѣдующіе дни въ университетѣ прошли спокойно. Дѣло о безпорядкахъ было передано на разсмотрѣніе университетскаго суда, который призналъ виновными въ безпорядкахъ около 150 студентовъ и рѣшилъ трехъ главныхъ виновныхъ удалить изъ университета съ правомъ поступленія обратно черезъ три года, 27 студентовъ—на тѣхъ-же основаніяхъ удалить на два года, около 50—на годъ и 40—съ правомъ немедленнаго поступленія во всѣ высшія учебныя заведенія, кромѣ варшавскаго университета, остальнымъ-же сдѣлалъ выговоры и замѣчанія. Обсудивъ это рѣшеніе университетскаго суда, совѣтъ университета, по слухамъ, рѣшилъ ходатайствовать передъ попечителемъ учебнаго округа о нѣкоторомъ смягченіи наложенныхъ судомъ наказаній.

Жизнь краснорѣчиво говоритъ о необходимости обновить тѣ устои, на которые дальше наши университеты опираться не могутъ. Новый университетскій уставъ въ хронологическомъ отношеніи есть дѣйствительно «новый», но по своему содержанію и духу онъ и на свѣтъ явился устарѣвшимъ. Пересмотръ отдѣльныхъ частей этого устава не можетъ принести никакихъ благихъ послѣдствій, если весь уставъ по самому своему духу является совершенно непригоднымъ для правильнаго и нормальнаго развитія нашей университетской жизни. Повидимому, и въ подлежащихъ сферахъ признается необходимымъ подвергнуть новый уставъ радикальной передѣлкѣ.

Однимъ изъ крупныхъ нововведеній этого устава является гонорарная система. Вопросъ о профессорскомъ гонорарѣ со слушателей былъ переданъ министерствомъ на обсужденіе университетскихъ совѣтовъ. Судя по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ телеграммахъ, почти всѣ университеты высказались за полную отмѣну гонорарной системы. Конечно, профессора не склонны потерять безвозвратно добавочное вознагражденіе къ тому ихъ скромному содержанію, которое они теперь получаютъ отъ казны

а потому они высказываются за отмѣну гонорара со слушателей только въ томъ предположеніи, что имъ взамѣнъ будетъ увеличено жалованье отъ казны. Это не корысть, а вполнѣ справедливая претензія. Жалованье нашихъ профессоровъ дѣйствительно отличается крайнею мизерностью. Нашъ экстраординарный профессоръ получаетъ 2,000 р. въ годъ и имѣетъ надежду стать современемъ ординарнымъ и получать 3,000 р. въ годъ. Сколько нужно затратить энергіи, труда и способностей (если таковыя имѣются) на полученіе экстраординарнаго профессора въ 2,000 р. въ годъ? Во всякомъ случаѣ, втрое болѣе, чѣмъ для полученія по заслугамъ, «по таланту» мѣста начальника отдѣленія. Собственно же говоря, тутъ даже не можетъ быть никакого сравненія, а между тѣмъ начальникъ отдѣленія въ министерствѣ финансовъ, какъ сообщало «Новое Время», получаетъ 4—4$^1/_2$ т. р. въ годъ. Столоначальникъ можетъ получить 2—2$^1/_2$ т. р. въ годъ, а то и болѣе. Стоитъ же принять во вниманіе крупное различіе между обязательными расходами для столоначальника и профессора. Столоначальнику нѣтъ надобности запасаться разными пособіями для отправленія своей столоначальнической обязанности. Въ рѣдкомъ случаѣ ему приходится разориться на пріобрѣтеніе свода какихъ-либо циркуляровъ, изданнаго пріятелемъ по службѣ. Профессору же необходимо тратить сотни рублей на пріобрѣтеніе книгъ и періодическихъ изданій. Эти расходы являются безусловно обязательными и неразрывно связанными съ отправленіемъ профессорской должности. Кромѣ того, со временъ установленія профессорскихъ окладовъ прошло почти 40 лѣтъ; оклады профессорскаго жалованья остаются неизмѣнными, въ то время, какъ оклады жалованья по судебному вѣдомству признаны устарѣвшими и неотвѣчающими установившейся дороговизнѣ на всѣ предметы первой необходимости. Если раньше противъ увеличенія жалованья профессорамъ возражали традиціонной ссылкой на то, что у нашей казны свободныхъ денегъ не имѣется, то вѣдь теперь у казны много свободныхъ денегъ. Всѣ оффиціальные отчеты, какъ справедливо замѣчаютъ «Новости», говорятъ о блестящемъ положеніи нашихъ финансовъ. Въ чемъ же можетъ выразиться это блестящее положеніе, спрашиваетъ газета, какъ не въ возможно полномъ удовлетвореніи тѣхъ потребностей, для которыхъ раньше средствъ не имѣлось? Если раньше гонорарная система была введена, главнымъ образомъ, потому, что у казны не было свободныхъ средствъ для улучшенія матеріальнаго положенія профессоровъ, то теперь вполнѣ возможно розыскать у казны свободныя средства для увеличенія жалованья профессорамъ, взамѣнъ безусловно вредной и крайне несправедливой гонорарной системы.

Вредныя стороны гонорарной системы всѣмъ извѣстны и въ послѣднее время о нихъ говорили чуть ли не всѣ газеты. Но странно, что такой «жгучій вопросъ» не подвергается гласному и публичному обсужденію ни въ одномъ изъ существующихъ обществъ. Если возбуждается какой-либо «очередной» вопросъ въ родѣ пониженія тарифовъ

на жмыху и отруби, то непремѣнно о немъ будетъ прочитанъ докладъ и будутъ происходить хотя бы и не страстныя пренія въ какомъ-либо обществѣ. Вопросъ же о гонорарной системѣ не находитъ ни докладчиковъ, ни общества, въ которомъ эти докладчики могли бы выступить со своими планами и предложеніями. Говорятъ, что иначе и быть не можетъ въ виду того, что вопросы университетской жизни нельзя приписать ни къ одному изъ существующихъ обществъ. Если дѣйствительно ни одно изъ существующихъ обществъ не можетъ включить въ свою программу вопросы университетской жизни, то почему же не можетъ у насъ возникнуть особое общество, которое занималось бы этими вопросами? Кромѣ того, если для обсужденія вопросовъ мукомольной промышленности признается весьма полезнымъ созывать періодическіе съѣзды мукомоловъ, то почему-же для обсужденія вопросовъ университетской жизни оказались бы вредными періодическіе съѣзды профессоровъ. Еще покойный Н. И. Пироговъ говорилъ, что у насъ до сихъ поръ мнѣніе одного университета, несмотря на общій уставъ или, можетъ быть, вслѣдствіе устава мало вліяетъ на другой; между ними есть только формальная связь,—духовной же или внутренней связи не существуетъ. Поэтому *гласность* въ университетскихъ дѣлахъ и *съѣзды професcоровъ* у насъ болѣе чѣмъ гдѣ либо необходимы. Теперь эти съѣзды тѣмъ болѣе необходимы, что наша университетская жизнь превратилась въ одно сплошное недоразумѣніе, которое распутать трудно безъ содѣйствія самихъ университетскихъ дѣятелей, публично и гласно, *а не келейно* разбирающихся въ дебряхъ университетской дисциплины. Вспомнимъ, что въ Петербургѣ происходятъ засѣданія профессоровъ и дѣятелей по техническому образованію. Эти засѣданія представляютъ собою съѣздъ профессоровъ въ миніатюрѣ, но какую они пользу приносятъ! Все, казавшееся непосильнымъ для канцелярій, оказалось простымъ и яснымъ въ преніяхъ коммиссіи по высшему техническому образованію. Общество слѣдитъ за этими преніями съ напряженнымъ вниманіемъ и они положительно внесли новую свѣжую струю въ сферу общественныхъ интересовъ и общественнаго мнѣнія.

Мы не имѣемъ возможности воспроизводить на нашихъ страницахъ отчеты о преніяхъ въ коммиссіи по техническому образованію, но считаемъ не лишнимъ остановиться на одномъ общемъ вопросѣ. Въ преніяхъ не разъ затрогивался вопросъ о подготовленіи слушателей для высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній. Это нашъ коренной университетскій вопросъ. Теперь вообще жалуются на пониженіе уровня аудиторій и при любой коренной реформѣ высшаго образованія необходимо дѣло начинать сначала, т. е. съ подготовки слушателей, появляющихся въ стѣнахъ общихъ и спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Вопросъ объ этомъ *подготовительномъ* среднемъ образованіи въ любой странѣ замираетъ на 5—10 лѣтъ лишь для того, чтобы снова вызвать такіе страстные споры, какихъ онъ прежде не возбуждалъ.

Такъ, теперь вопросъ о *подготовительномъ* среднемъ образованіи одновременно вызываетъ самые горячіе споры и во Франціи, и въ Германіи, и въ Италіи. Въ силу какихъ-бы внѣшнихъ побудительныхъ причинъ онъ не дебатировался въ любой изъ указанныхъ странъ, въ сущности его лежитъ одна и та-же причина и стремленіе къ одному и тому-же выходу.

Исторія средняго образованія во всѣхъ указанныхъ странахъ пережила почти одни и тѣ же фазисы развитія, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ однѣхъ странахъ смѣна фазисовъ шла быстрѣе, въ другихъ — медленнѣе. Сравнительно не такъ давно всѣ онѣ имѣли одну и ту-же организацію средняго образованія, при которой почти исключительно преобладали учебныя заведенія, подобныя нашимъ классическимъ гимназіямъ. Недовольство такимъ, исключительно классическимъ, направленіемъ средняго образованія перешло въ открытую аттаку классическихъ гимназій. Нашлись сторонники реальнаго образованія на ряду съ преобладающими по своей численности сторонниками классическаго образованія. Мало по малу идея реальнаго образованія прокладывала себѣ дорогу въ общественномъ мнѣніи. Въ видѣ уступки ростущему числу ея сторонниковъ были допущены реальныя гимназіи на ряду съ классическими. Послѣ этого, повидимому, рѣшеніе вопроса было найдено. Оставалось увеличивать число реальныхъ гимназій и уравнить ихъ воспитанниковъ въ правахъ съ воспитанниками классическихъ гимназій. Въ такомъ случаѣ ничѣмъ не стѣсняемой приливъ и отливъ учащихся опредѣлилъ-бы самъ собою, нуждается-ли страна, и въ какомъ числѣ, въ учебныхъ заведеніяхъ того и другого типа. Въ нѣкоторыхъ странахъ конкуренція между классическими и реальными гимназіями дѣйствительно свободна почти отъ всякихъ искусственныхъ тормазовъ. Однако, въ этихъ странахъ не менѣе недовольны современной постановкой средняго образованія, чѣмъ въ Россіи, гдѣ указанной конкуренціи не существуетъ и гдѣ классическія гимназіи пользуются всѣми привиллегіями предъ реальными. Вопросъ о среднемъ образованіи во всѣхъ странахъ сводится къ одному и тому-же пункту. И такъ какъ въ принципѣ организація средняго образованія во всѣхъ странахъ имѣетъ тотъ одинъ главный и основный пунктъ, что она построена на одновременномъ существованіи двоякихъ типовъ учебныхъ заведеній, то въ немъ слѣдуетъ искать и основную причину общаго недовольства постановкой средняго образованія. Нигдѣ такъ ясно не обрисовалось недовольство этимъ дуализмомъ средняго образованія, какъ въ дебатахъ французскаго сената. Въ 1890 г. въ сенатъ былъ внесенъ проектъ реформы средняго образованія и онъ вызвалъ къ трибунѣ все, что числитъ Франція знаменитаго въ рядахъ ораторовъ, ученыхъ, извѣстныхъ педагоговъ и т. п. Не обошлось, конечно, безъ старыхъ споровъ о классицизмѣ и реализмѣ, но перевѣсъ былъ на сторонѣ тѣхъ, которые утверждали, что эти споры потеряли право на существованіе. Всѣ говорили о томъ, что человѣчество слишкомъ тяжело оплатило свой

опытъ, чтобы снова возвращаться къ спорамъ о выгодахъ классическаго и реальнаго образованія: среднее образованіе, по своей природѣ, не можетъ и не должно быть ни реальнымъ, ни классическимъ. Ложность и вредъ «дуализма», противнаго природѣ средняго образованія, стали невыносимымъ соціальнымъ зломъ. Среднее образованіе, въ собственномъ смыслѣ этого слова, можетъ и должно быть «единымъ». «Среднее образованіе должно давать не классиковъ и реалистовъ», а должно «формировать и развивать умъ и способности учащихся». Эту азбучную истину никто не оспариваетъ, а потому всякій долженъ признать абсурднымъ дѣленіе 11-лѣтнихъ дѣтей на классиковъ и реалистовъ. Съ точки зрѣнія какихъ-то предвзятыхъ замысловъ, выработаны программы для однихъ—классическаго образованія, а для другихъ—реальнаго образованія. Онѣ должны быть замѣнены программами, не знающими ни классицизма, ни реализма, а заключающими въ себѣ, такъ сказать, маршрутъ, по которому всего цѣлесообразнѣе вести ребенка въ видахъ сформированія ума и способностей. Эти программы должны быть не болѣе не менѣе, какъ діэтой или спискомъ тѣхъ питательнымъ веществъ, которые должны и могутъ развить моральныя и интелектуальныя силы ребенка, какъ существуютъ программы для укрѣпленія и развитія физическихъ силъ.

Никто не скажетъ, что дѣтская душа и душа юноши бываютъ такой различной конструкціи, что у однихъ она можетъ быть сформирована и укрѣплена классическимъ образованіемъ, а у другихъ—реальнымъ. Признаніе такого психологическаго абсурда проявляется во всѣхъ тѣхъ уродствахъ интеллектуальнаго и моральнаго характера дѣтей, какія всякому приходилось наблюдать при современномъ дуализмѣ средняго образованія. Дѣтей учатъ—и обезсиливаютъ, забывая, что ихъ нужно не учить, а формировать и укрѣплять. Какъ физическій организмъ, переваривая принятую пищу въ необходимыхъ для него элементахъ, не утомляется, а крѣпнетъ и испытываетъ довольство, такъ и моральный организмъ, принимая нужную ему пищу, не долженъ страдать при процессѣ питанія; въ противномъ случаѣ, отвращеніе къ пищѣ и чахлость моральнаго организма станутъ обычнымъ явленіемъ, что мы и видимъ нынѣ при системѣ дуализма средняго образованія. Такъ разсуждали лучшіе люди Франціи. Было бы желательно, чтобы и у насъ теперь приступили къ обсужденію вопроса о программахъ «*единаго формирующаго образованія*».

У насъ вредныя послѣдствія системы дуализма еще болѣе обостряются той монополіей, въ силу которой классическая гимназія признается исключительнымъ разсадникомъ зрѣлости, открывающимъ дорогу къ высшему образованію. Данныя оффиціальнаго отчета ясно свидѣтельствуютъ, что классическая «зрѣлость» является совершенно излишней для подавляющаго большинства молодыхъ людей, поступающихъ изъ классическихъ гимназій въ разныя высшія учебныя заведенія. Изъ опубликованнаго недавно отчета «объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1896 году», видно, что наши зрѣлые молодые люди идутъ, конечно,

главнымъ образомъ въ университетъ. Изъ всѣхъ 3,796 человѣкъ, признанныхъ зрѣлыми въ 1896 г. «выразили намѣреніе» поступить въ университетъ 3,246, т. е. 85,5%; въ высшія спеціальныя учебныя заведенія пожелали поступить 478, т. е. 12,6%., а 6 человѣкъ не дали никакихъ свѣдѣній о своихъ планахъ. «Новое Время» подсчитало, что изъ лицъ, выразившихъ намѣреніе поступить въ университеты, большинство пожелало поступить на юридическій факультетъ, а именно 1,095 человѣкъ, т. е. 33,73%; на медицинскій факультетъ пожелало поступить 1,006 человѣкъ, или 31%. Такимъ образомъ, на эти два факультета устремилось 64,73% всѣхъ «зрѣлыхъ» молодыхъ людей. Затѣмъ слѣдуетъ физико-математическій факультетъ, который облюбовали 915 человѣкъ, или 28,19%. На историко-филологическій факультетъ пошло только 5%. «При такомъ распредѣленіи молодыхъ людей по факультетамъ, говоритъ «Новое Время», не представляется никакой надобности въ томъ, чтобы они обязательно запасались «зрѣлостью» въ однѣхъ классическихъ гимназіяхъ, да и самый raison d'etre классическихъ гимназій, какъ монопольныхъ разсадниковъ зрѣлости, едва ли можетъ получить для себя какое-либо подкрѣпленіе въ приведенныхъ цифрахъ распредѣленія молодыхъ людей по факультетамъ».

Конечно, классическая «зрѣлость» является совершенно излишней и для тѣхъ молодыхъ людей, которые изъ гимназій идутъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія. Невольно обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что изъ 3,796 человѣкъ въ высшія сельско-хозяйственныя школы пошло только 55 человѣкъ, т. е. 1,4%. Такой слабый притокъ культурныхъ силъ не обѣщаетъ ничего хорошаго нашему сельскому хозяйству и онъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что для всѣхъ, желающихъ получить высшее сельскохозяйственное образованіе мѣстъ, не имѣется. Вѣдь, у насъ имѣется собственно двѣ высшихъ сельскохозяйственныхъ школы: въ Москвѣ и Н.-Александріи. Теперь рѣшено удвоить или утроить число тѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, которыя будутъ подготовлять молодыхъ людей къ служенію интересамъ фабрично-заводской промышленности. Принимая во вниманіе доминирующее значеніе сельскаго хозяйства, не мѣшало бы увеличить и число высшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ. Но тутъ стоитъ на дорогѣ одинъ «вѣчно юный» вопросъ. Вспоминая объ этомъ вопросѣ, кн. Шаховской говоритъ: «Конечно, кто бы ни пожелалъ покрыть цѣлою сѣтью высшихъ учебныхъ заведеній наше обширное отечество! Но осуществленіе этого желанія было-ли-бы справедливымъ по отношенію къ тѣмъ, кого мы называемъ меньшей братіей? Пока у насъ такъ мало еще школъ для народа,—даже въ земскихъ губерніяхъ,—когда эти школы на каждомъ шагу требуютъ самыхъ элементарныхъ улучшеній, когда масса крестьянскихъ дѣтей ростетъ на манеръ дичковъ въ первобытной пустынѣ, когда грамота составляетъ удѣлъ весьма немногихъ, — своевременно ли расходовать сотни тысячъ на высшія сельскохозяйствен-

ныя учебныя заведенія, напередъ зная, что эти заведенія предназначаются для горсти людей, — притомъ такихъ, которые, получивъ специальное образованіе, почти навѣрно не станутъ служить тому дѣлу, къ которому себя готовили, по причинамъ отъ нихъ независящимъ? Надо объ этомъ подумать, и подумать серьезно...» [1]) Конечно, надо подумать, но мы ужъ такъ давно думаемъ, что пора и къ дѣлу приступить. Все наталкиваетъ на эту необходимость приступить къ дѣлу.

На дняхъ вышелъ отчетъ по выкупной операціи за 1895 годъ. Русскій народъ уже 35 лѣтъ выкупаетъ «19 февраля 1861 года» и будетъ его выкупать навѣрно въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ. Но 19 февраля 1861 года составляетъ только первую половину всего великаго дѣла и теперь всѣ ждутъ, что за нимъ послѣдуетъ новое 19 февраля. За освобожденіемъ отъ цѣпей крѣпостныхъ должно послѣдовать освобожденіе отъ цѣпей невѣжества. Дѣятели крестьянской реформы именно такъ и понимали эту реформу и завѣщали намъ помнить, что выкупъ отъ крѣпостныхъ цѣпей принесетъ настоящіе реальные результаты только послѣ перехода крестьянъ на выкупъ, изъ цѣпей невѣжества. Обсуждая вопросъ о начальныхъ школахъ, члены редакціонныхъ коммиссій, какъ мы уже говорили, пришли къ тому заключенію, что «вопросъ этотъ нетолько важенъ по отношенію къ нравственному улучшенію крестьянскаго сословія и усовершенствованію нашего сельскаго хозяйства, но онъ находится въ ближайшей связи съ осуществленіемъ всей реформы, предпринимаемой нынѣ правительствомъ: ибо большая часть начертываемыхъ постановленій тогда только вполнѣ достигнетъ своей цѣли, когда крестьянское сословіе въ состояніи будетъ знать права и обязанности, усвояемыя ему новымъ положеніемъ, что, конечно, невозможно безъ распространенія между крестьянами грамотности и необходимыхъ въ ихъ быту первоначальныхъ свѣдѣній».

Эта невозможность и теперь остается невозможностью. Преодолѣть ее безусловно необходимо, но на второй выкупъ у насъ, говорятъ, средствъ не имѣется, да и по первому выкупу крестьяне накопляютъ немало недоимокъ. Добавленіе новаго выкупа оказалось бы непосильнымъ для народа и увѣнчалось бы однимъ накопленіемъ недоимокъ. Но если мы такъ бѣдны платежными силами, то нужно,—по пословицѣ,—по одежкѣ протягивать ножки. Если народъ не можетъ вносить вторыхъ выкупныхъ платежей по переводу его на выкупъ отъ цѣпей невѣжества, то нельзя ли для цѣлей этого выкупа приспособить вносимые имъ и теперь выкупные платежи?

Выкупные платежи имѣютъ свое специальное назначеніе и взимаются для специальной цѣли, т. е. для погашенія выкупныхъ ссудъ и покрытія причитающихся по нимъ процентовъ. Могутъ ли они давать какой-либо остатокъ для какого-либо другого предназначенія? При самомъ введеніи

[1]) «С.-Петер. Вѣд.», № 315, 17 ноября.

выкупной операціи слѣдовало ожидать, что она будетъ давать ежегодно довольно значительныя суммы чистаго остатка. Выкупные платежи ежегодно вносятся въ размѣрѣ шести процентовъ съ выкупной ссуды. Изъ этихъ шести процентовъ ½ процента идетъ на погашеніе капитальной суммы выкупнаго долга, 5 процентовъ назначены на уплату процентовъ по ссудѣ, т. е. по тѣмъ бумагамъ, которыя казна выпускала для цѣлей выкупной операціи, и ½ обращаются «въ запасный капиталъ выкупной операціи, предназначаемый для покрытія издержекъ по управленію онаго, а также особыхъ расходовъ и потерь» (ст. 143 Полож. о вык.). Изъ этихъ послѣднихъ полупроцентныхъ отчисленій съ общей колоссальной суммы выкупныхъ ссудъ всегда должны были получаться остатки, за покрытіемъ потерь и расходовъ по управленію. Исторію и судьбу этихъ остатковъ можно прослѣдить по оффиціальнымъ документамъ. Такъ уже въ отчетѣ государственнаго контроля за 1871 годъ было сказано, что «государственное казначейство, несмотря на значительную недоимку въ слѣдующихъ ему срочныхъ взносахъ, не произвело затратъ изъ своихъ средствъ на платежи по выкупной операціи и даже могло своевременно располагать значительными суммами по сей операціи, наличность коихъ къ 1 января 1872 г. составляла 35.163,844 р.». За первыя пятнадцать лѣтъ (1861—1876 г.г.) выкупная операція дала чистый остатокъ въ 38.323,382 р. Несмотря на крупныя недоимки (въ 16—17 м. р.), выкупная операція за первое двадцатилѣтіе должна была закончиться съ чистымъ остаткомъ приблизительно до 40 м. рублей. Эти 40 м. рублей, по смыслу ст. 143 Полож. о выкупѣ, составляли бы запасный капиталъ по выкупной операціи. Но когда былъ рѣшительно поставленъ вопросъ объ остаткахъ выкупныхъ платежей (при ихъ пониженіи), то, какъ говоритъ г. Ходскій, «ихъ не только не оказалось на лицо, но и добраться, на какія назначенія они ушли, сдѣлалось почти невозможнымъ». Въ 1886 г. государственный совѣтъ предложилъ поторопиться съ выясненіемъ отчетности по оборотамъ выкупной операціи. Эта сложная работа была выполнена государственнымъ банкомъ, который въ 1893 г. выпустилъ «Отчетъ по выкупной операціи съ открытія выкупа по 1 января 1892 года». Въ этомъ отчетѣ запасный капиталъ выкупной операціи подсчитанъ по 1 января 1885 года и за разными расходами чистый его остатокъ къ началу 1885 г. показанъ въ 17.052,920 р. 5¾ к., несмотря на пониженіе выкупныхъ платежей по закону 1881 года. Вслѣдъ за этимъ пониженіемъ по закону 15 января 1885 г. послѣдовало сліяніе счетовъ выкупной операціи съ обще-бюджетными средствами казны. Это сліяніе, какъ сказано въ отчетѣ банка (стр. 64), имѣло своимъ послѣдствіемъ присоединеніе къ рессурсамъ казны 15.321,888 р. 54¾ к., составлявшихъ «итогъ свободныхъ суммъ выкупной операціи».

Такимъ образомъ, несмотря на разныя преобразованія, «неравновѣсіе» между платежами казны и крестьянъ не было устранено и избытки крестьянскихъ выкупныхъ платежей стали пополнять общіе рессурсы казны. По поводу этого «неравновѣсія» въ вышедшемъ на дняхъ «Отчетѣ по выкупной операціи за 1895 годъ» сдѣланы нѣкоторыя общія указанія, заслуживающія серьезнаго вниманія. «За время съ 1885 г. по 1894 г. правительствомъ,—сказано въ Отчетѣ,—былъ принятъ рядъ мѣръ, вслѣдствіе коихъ выкупная операція все болѣе и болѣе утрачивала характеръ кредитной операціи. Такъ, существованіе отдѣльнаго запаснаго капитала выкупной операціи, какъ одной изъ составныхъ частей выкупныхъ крестьянскихъ платежей, уничтожилось одновременно со включеніемъ въ государственную роспись всѣхъ доходовъ и расходовъ выкупной операціи. Сліяніе съ общими средствами государственнаго казначейства суммъ по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій, на основаніи Высочайшаго указа 19 декабря 1886 г., упразднивъ всякіе разсчеты между суммами выкупной операціи и ликвидаціи, имѣло послѣдствіемъ прекращеніе уплаты процентовъ и погашенія по переведеннымъ на выкупную операцію долгамъ помѣщиковъ бывшимъ кредитнымъ установленіямъ, *нарушеніе равновѣсія между платежами правительства—съ одной стороны, и крестьянъ—съ другой*. Это равновѣсіе еще болѣе и еще существеннѣе нарушилось конверсіями 5½ проц. ренты въ 4 проц. облигаціи второго внутренняго займа 1891 г. и 5 проц. билетовъ государственнаго банка второго выпуска въ 4 проц. государственную ренту 1894 г., а также прекращеніемъ срочнаго періодическаго погашенія этой ренты, существовавшаго ранѣе по 5 проц. банковымъ билетамъ».

Эти конвертированныя бумаги выпускались для нуждъ выкупной операціи, основанной на шести процентныхъ взносахъ. Къ сожалѣнію, въ «Отчетѣ» не подсчитаны итоги прибылей казны отъ нарушенія равновѣсія между тѣмъ, что она получаетъ и тѣмъ, что она теперь платитъ по выкупной операціи. На размѣры этихъ прибылей въ «Отчетѣ» не сдѣлано никакихъ указаній и намъ приходится замѣнить ихъ своими собственными вычисленіями. Изъ «Отчета» мы узнаемъ, что окладъ выкупныхъ платежей на 1895 г. равнялся 41.046,167 р. 47 к. на капитальную сумму выкупного долга въ 684.511,180 р. 85 к. Благодаря указаннымъ преобразованіямъ въ счетахъ выкупной операціи и благодаря конверсіямъ, казна на 684.511,180 р. 85 к. въ общемъ теперь расходуетъ не болѣе 4 процентовъ въ годъ, т.-е. 27.380,447 р. Облагая крестьянъ окладомъ въ 41.046,167 р. и уплачивая изъ этого оклада 27.380,447 р., казна отъ выкупныхъ платежей получаетъ прибыль въ 13.665,720 рублей, причисляемыхъ къ общимъ доходамъ государственнаго казначейства. Между тѣмъ выкупные платежи являются исключительно крестьянскими платежами, а потому они должны идти на нужды крестьянъ.

Разъ платежи по выкупу отъ цѣпей крѣпостныхъ даютъ остатокъ, то этотъ остатокъ и долженъ идти по прямому назначенію на выкупъ крестьянъ отъ цѣпей невѣжества, какъ на самую главную нужду деревенскаго люда. Выкупные платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, о которыхъ пока только и шла рѣчь,—даютъ остатокъ въ 13 милл. руб. Эти 13 милл. руб. ежегодно должны быть затрачиваемы на выкупъ изъ цѣпей невѣжества, безъ взиманія для этого второго выкупа,—особыхъ выкупныхъ платежей. Но вѣдь, кромѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, выкупные платежи вносятъ и бывшіе государственные и бывшіе удѣльные крестьяне. По отчету государственнаго контроля за 1895 г. въ этомъ году поступило выкупныхъ платежей съ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ 3.327,962 р. 71 к. и съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ—55.845,475 р. 82 к. Въ этихъ платежахъ учтены и цѣнность земель казны и удѣла, отведенныхъ крестьянамъ, и дарованіе имъ воли. Въ общей суммѣ, выкупныхъ платежей, причитающихся съ бывшихъ удѣльныхъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ, трудно выдѣлить процентъ, приходящійся на дарованіе воли. Но если изъ 41 милл. руб. выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ казна получаетъ прибыль въ размѣрѣ 13 милл. р., то изъ 59 милл. руб. выкупныхъ платежей бывшихъ удѣльныхъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ она получаетъ, сверхъ самого погашенія цѣнности надѣльной земли, также не менѣе 13 милл. руб. Вотъ эти 13 милл. руб. также должны идти на выкупъ изъ неволи, создаваемой тьмой и невѣжествомъ. Такимъ образомъ выкупъ отъ цѣпей крѣпостныхъ даетъ для выкупа отъ цѣпей невѣжества ежегодно около 26 милл. руб. Эта сумма изъ общихъ поступленій по выкупнымъ платежамъ теперь, по всей вѣроятности, зачисляется въ свободную наличность государственнаго казначейства и она свободно можетъ быть затрачена, согласно своему прямому назначенію, на нужды всеобщаго образованія.

До введенія всеобщаго образованія, говорятъ знатоки деревни, намъ нечего мечтать о порядкѣ и благосостояніи. «Московскія Вѣдомости», конечно, съ такимъ заключеніемъ не согласятся. Эта по истинѣ странная газета сочетаетъ глубокую вѣру въ величіе и современное могущество отечества съ глубокой вѣрой въ полное разложеніе внутренней жизни могучаго отечества. Если вы будете указывать на какія-либо слабыя стороны въ строѣ нашей общественной и государственной жизни, то «Московскія Вѣдомости» непремѣнно будутъ васъ уличать въ отсутствіи патріотизма. Сама же московская газета чуть-ли не ежедневно доказываетъ, что въ Россіи наверху все разъѣдено «преступнымъ» радикализмомъ, а тамъ, въ глуши, вся деревня представляетъ собою скопище преступной черни. Въ № 288 «Моск. Вѣд.» разразились по истинѣ странной статьей о «провинціальномъ радикализмѣ». По мнѣнію газеты, радикализмъ въ столицахъ почти испарился, но провинція вся до крас-

ноты накалена радикализмомъ. Это наша бѣдная провинція, гдѣ безъ разрѣшенія властей нельзя прочесть народу стихотвореніе Пушкина, страдаетъ отъ радикализма! Не знаемъ, какіе это знатоки провинціи пишутъ въ «Моск. Вѣд.». «Московскія Вѣдомости», въ своемъ желаніи угасить малѣйшіе проблески «свободы духа», видятъ проявленіе провинціальнаго преступнаго радикализма даже въ свободномъ выборѣ періодическихъ изданій. Г. Quidam изобличаетъ московское земство въ томъ, что въ его библіотеку не выписываются ни «Русское Обозрѣніе», ни «Московскія Вѣдомости», ни прочія подобныя изданія. Тутъ тоже необходимо воздѣйствіе противъ односторонняго чтенія и односторонней подписки на одни «либеральныя» изданія.

Въ счастливыя давно прошедшія времена, конечно, все было бы во время замѣчено и упорядочено соотвѣтствующими мѣрами. Эти времена» положительно не даютъ покоя «Моск. Вѣд.». На Страстномъ бульварѣ о нихъ грезятъ днемъ и ночью и въ возвращеніи къ счастливымъ давнопрошедшимъ временамъ видятъ единственный залогъ спасенія Россіи вообще и русской деревни въ частности. Спасать же деревню безусловно необходимо. «Моск. Вѣд.», запрещая говорить что-либо о недостаткахъ могучаго отечества, всячески доказываетъ, что русская деревня представляетъ собою скопище преступнаго, лѣниваго и пьянаго люда. Людей съ капиталомъ непремѣнно убьютъ, помѣщичьи усадьбы непремѣнно сожгутъ и т. д. и т. п. И все это, говорятъ «Моск. Вѣд.», есть «результатъ того слабаго и колеблющагося режима, измѣнить который всецѣло зависитъ отъ нашей доброй воли. И убѣдиться въ этомъ весьма не трудно: стоитъ только оглянуться назадъ, въ наше прошлое, въ то недавнее прошлое, когда ничего подобнаго систематическимъ поджогамъ не существовало въ нашей деревнѣ. Мы спрашиваемъ: можно-ли себѣ представить картину безопасности, подобную нынѣшней, полвѣка назадъ, въ николаевскія времена? На этотъ вопросъ безъ колебанія можно отвѣтить лишь отрицательно. Были, конечно, въ то время, такъ же какъ и въ наши дни, недоразумѣнія, ссоры и распри, а также и вражда, и чувство ненависти и мести однихъ обывателей къ другимъ, выражавшіяся иногда и въ видѣ отдѣльныхъ преступленій. Но въ то время въ деревнѣ былъ порядокъ, въ то время всѣ порочные и буйные элементы населенія чувствовали надъ собой руку твердой власти и смиряли свою преступную волю и свои злыя наклонности, такъ какъ преступленія безнаказанными не оставались. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы полвѣка тому назадъ общественная безопасность въ сельскихъ мѣстностяхъ была на такомъ низкомъ уровнѣ, на какомъ она находится въ наше время». Очевидно, «Московскія Вѣдомости» находятъ, что полвѣка тому назадъ стонъ многихъ милліоновъ народа, ежедневно истязаемаго помѣщиками, свидѣтельствовалъ объ общественной безопасно-

сти... Газета забываетъ, что самая отмѣна крѣпостного права требовалась общественной безопасностью. Отмѣна крѣпостного права оказала великую услугу дѣлу той общественной безопасности, охрану которой «Моск. Вѣд.» такъ близко принимаютъ къ сердцу.

Признавая, что въ нашей деревнѣ теперь безопасность и порядокъ положительно отсутствуютъ, «Моск. Вѣд.» произносятъ безпристрастный приговоръ надъ дѣятельностью института земскихъ начальниковъ. Для насъ самыя печальныя послѣдствія ихъ дѣятельности не являлись бы неожиданностью, но вѣдь «Моск. Вѣд.» всегда думали иначе. Они доказывали, что мировой институтъ—есть зло, разъѣдающее деревню. Мировые судьи распустили и развратили народъ. Уподобить какой-либо институтъ мировому институту значило его опозорить. Когда вводились земскіе начальники, то «Моск. Вѣд.» утверждали, что вмѣстѣ съ появленіямъ въ деревнѣ попечительной власти прежняго помѣщика не въ своей усадьбѣ, а въ своемъ земскомъ участкѣ—мгновенно все будетъ упорядочено. Теперь прошли годы усердной дѣятельности земскихъ начальниковъ и оказывается, что въ деревнѣ жить невозможно. Буйное и пьяное мужичье убиваетъ людей состоятельныхъ и поджигаетъ помѣщиковъ и, вообще, не знаетъ предѣла своимъ безчинствамъ. Если все это правда, то чего же можно ожидать отъ земскихъ начальниковъ? «Моск. Вѣд.» чувствуютъ, что земскіе начальники не оправдали ихъ надеждъ и рѣшили перемѣнить систему доказательствъ. Газета знаетъ, что интеллигенція глубоко сожалѣетъ о мировыхъ судьяхъ. Въ виду этого, она рѣшила подсидѣть интеллигенцію и подсунуть ей, вмѣсто оплакиваемаго мирового института, земскаго начальника. Не долго думая, «Московскія Вѣдомости» заявляютъ: «всякій знающій, современную деревню, конечно, признаетъ, что, какъ сельскіе судьи, земскіе начальники, по меньшей мѣрѣ, *ни въ чемъ не уступаютъ бывшимъ мировымъ судьямъ*». До сихъ поръ еще не было столь отважныхъ людей, чтобы сдѣлать это невинное признаніе открыто и гласно. Да, дѣйствительно, такихъ отважныхъ людей до сихъ поръ не находилось. Катковъ, навѣрно, не пережилъ бы такого позора. На столбцахъ «Моск. Вѣд.» доказывается, что земскіе начальники пали—horibile dictu—до мировыхъ судей! Желая поднять престижъ земскихъ начальниковъ, «Моск. Вѣд.», признаютъ ихъ судьями, ни въ чемъ не уступающими мировымъ судьямъ!.. Спрашивается чѣмъ-же теперь газета оправдаетъ введеніе и удержаніе института патріархальной судебной власти? Если земскіе начальники оказались мировыми судьями (что, слѣдуетъ думать, дальновидная газета предвидѣла), то не было надобности отмѣнять мировыхъ судей для замѣны ихъ такими же мировыми судьями. Если же земскіе начальники «пали» до мировыхъ судей и должны дойти въ этомъ направленіи до полнаго уподобленія мировымъ судьямъ, то нѣтъ надобности ихъ удерживать.

Сопоставляя статьи «Моск. Вѣд.» о земскихъ начальникахъ и современныхъ деревенскихъ порядкахъ, интеллигенція должна остановиться на томъ предположеніи, что теперь судебная власть не содѣйствуетъ смягченію нравовъ и обычаевъ. Въ этомъ отношеніи мировые судьи оказали самое благотворное вліяніе на ростъ народнаго правосознанія. Въ сферѣ семейственныхъ отношеній мировые судьи содѣйствовали смягченію нравовъ въ гораздо большей степени, чѣмъ высшія судебныя инстанціи, которымъ приходится вѣдать дѣла, главнымъ образомъ, городскихъ классовъ населенія. Тутъ невольно приходится остановиться на судебныхъ рѣшеніяхъ по дѣлу кн. Трубецкой съ «родителями» Дмитріевыми. Суть этого дѣла сводится къ тому, что дочь псаломщика Дмитріева Конкордія находится на воспитаніи у кн. Трубецкой, которая ее воспитываетъ, какъ свою родную дочь. Ребенокъ свыкся со всѣми условіями жизни тѣхъ слоевъ общества, къ которому принадлежитъ ея воспитательница, привязавшаяся къ Конкордіи, какъ къ родной дочери. «Родители» Дмитріевы предъявляютъ искъ о возвращеніи имъ ребенка. Рѣшеніемъ окружнаго суда отъ 12 августа 1896 г. искъ былъ уваженъ, т. е. кн. Трубецкая признана была обязанной возвратить Конкордію ея «естественнымъ» родителямъ. Княгиня переноситъ дѣло въ палату, которая рѣшеніемъ отъ 20 нояб. 1896 г. въ искѣ Дмитріевымъ отказала и признала, что интересы ребенка требуютъ, чтобы онъ оставался у своей воспитательницы. Дмитріевы переносятъ дѣло въ Сенатъ. Сенатъ 29 октября текущаго года опредѣлилъ: рѣшеніе петербургской судебной палаты по нарушенію 164, 172, 173, 177, 178 и 179 ст., X т. ч. 1-й отмѣнить и дѣло для новаго разсмотрѣнія передать въ другой департаментъ той-же палаты. Что теперь дальше будетъ съ бѣднымъ ребенкомъ? Кн. Трубецкая не скупится на расходы. Она пригласила защищать интересы ребенка двухъ адвокатовъ: гг. Биновича и Плевако. Въ сенатѣ г. Плевако былъ, что называется, не въ ударѣ, но въ засѣданіи палаты (20 ноября) онъ говорилъ такъ, какъ вообще можетъ говорить г. Плевако по дѣлу, близко принятому къ сердцу. Рѣчь произвела сильное воечатлѣніе. Прокуроръ согласился съ г. Плевако и высказался за оставленіе Конкордіи у кн. Трубецкой. Вся рѣчь г. Плевако представляла собою чисто художественный анализъ родительской власти, конечно, въ предѣлахъ ходячихъ доктринъ современной юриспруденціи. Онъ доказывалъ, что родительская власть не есть власть самодовлѣющая и получаетъ для себя оправданіе въ интересахъ дѣтей. Эта власть состоитъ изъ обязанностей по отношенію къ дѣтямъ и дана родителямъ только для осуществленія своихъ обязанностей по отношенію къ дѣтямъ. Само собою понятно, что эта власть тяготѣетъ не къ факту естественнаго рожденія, а къ факту исполненія обязанностей и слѣдуетъ за этими обязанностями. Кн. Трубецкая исполняетъ и мо-

жетъ исполнять обязанности родителей лучше самихъ естественныхъ родителей, а потому ей должны принадлежать и права родительской власти. Отсюда уже само собою слѣдуетъ, что, если въ понятіи о родительской власти содержится и право удерживать дѣтей у себя, то такое право въ данномъ случаѣ принадлежитъ кн. Трубецкой, исполняющей всѣ обязанности матери по отношенію къ Конкордіи. Суть дѣла, по нашему мнѣнію, состоитъ, однако, въ томъ, что всѣ статьи, приведенныя въ рѣшеніи сената, ничего не говорятъ о правѣ Дмитріевыхъ требовать къ себѣ свою естественную дочь Конкордію. Эти статьи говорятъ о правахъ родителей вообще и ничего не говорятъ объ обязательномъ проживаніи дѣтей у своихъ родителей. Съ понятіемъ о власти мужа у насъ связано право требовать къ себѣ жену на жительство и законъ спеціально оговорилъ это право, установляя для супруговъ обязанность жить вмѣстѣ. О такой обязанности между родителями и дѣтьми въ законѣ ничего не говорится. Но какъ-бы тамъ ни было, а слѣдуетъ надѣяться, что и другой департаментъ с.-петербургской судебной палаты выскажется въ пользу интересовъ Конкордіи и кн. Трубецкой, отстаивающей эти интересы вопреки назойливымъ и сомнительнымъ настояніямъ естественныхъ родителей.

Письма о современной Англіи.

III.

Борьба за восьми-часовой рабочій день.

Среди блестящихъ торжествъ королевскаго юбилея и въ то время, какъ въ Европѣ слѣдовали, почти непрерывно другъ за другомъ, императорскія свиданія съ ихъ пышными праздниками, тостами и пирами,—въ Англіи разыгрывалась, при самой прозаической обстановкѣ и при отсутствіи всякихъ эффектныхъ картинъ, одна изъ тѣхъ знаменательныхъ драмъ, подготовляемыхъ многими десятилѣтіями, которыя отмѣчаютъ наступленіе новыхъ эпохъ въ исторіи. Мы подразумѣваемъ колоссальную борьбу изъ-за восьми-часового рабочаго дня между хозяевами и ихъ рабочими, начавшуюся еще съ прошлаго іюня, которая находится теперь въ самомъ разгарѣ и конца которой еще не предвидится. Эта борьба,—глухая, но крайне ожесточенная, судя по упорству обѣихъ сторонъ, ведется на жизнь и на смерть, хотя и не сопровождается громами пушекъ и потоками крови. Нашъ промышленный вѣкъ, такъ-называемой, борьбы за существованіе, рядомъ съ громадными усовершенствованіями въ старинныхъ способахъ войны, при помощи пороха и пушекъ, изобрѣлъ еще другой способъ избіенія—голодъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что смерть отъ пули, или осколка гранаты не хуже того медленнаго измора, того постояннаго предвкушенія голодной смерти для себя и своихъ близкихъ, среди котораго живетъ современный рабочій, занятый мирнымъ промышленнымъ трудомъ. За 1895 г. въ Англіи погибло отъ, такъ-называемыхъ, несчастныхъ случаевъ до 6,000 человѣкъ рабочихъ, занятыхъ по разнымъ отраслямъ промышленности; а раненыхъ и изувѣченныхъ при этомъ слѣдуетъ считать болѣе 200,000 человѣкъ. Этотъ скорбный листъ навѣрное превосходитъ ежегодный уронъ людей, при всѣхъ тѣхъ войнахъ, которыя постоянно ведетъ Англія въ своихъ колоніяхъ и владѣніяхъ. Мы не говоримъ уже о тѣхъ сотняхъ тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, о которыхъ не существуетъ стати-

стики и которые погибаютъ отъ разныхъ лишеній, недостатка пищи, дурного жилья и проч., являющихся въ результатѣ безработицы, стачекъ и т. п.

Въ настоящій моментъ, мы видимъ предъ собою двѣ группы борющихся людей, изъ которыхъ меньшая по численности—федерація нанимателей или хозяевъ (Federation of Employers), представляющая (первоначально) собою около ста богатѣйшихъ механическихъ и судостроительныхъ фирмъ, задалась мыслью уничтожить, т.-е. раззорить, или «выбросить на мостовую» (throw un the pavement), какъ выразился одинъ изъ ея вожаковъ, самый сильный и богатый изъ рабочихъ союзовъ Англіи, представляющій цвѣтъ ея рабочей силы,—такъ-называемое соединенное общество мастеровъ-механиковъ (Amalgamated Society of Engineers). Во главѣ первой группы стоитъ: громаднѣйшій механическій пушечный и судостроительный заводъ знаменитаго изобрѣтателя новой системы пушекъ Сэръ Вильяма (теперь лорда) Армстронга, нынѣ обратившійся въ акціонерное общество и преимущественно работающій на англійское военное и морское министерства; нѣмецкая по происхожденію фирма Сименсъ, укоренившаяся какъ здѣсь, такъ и въ Берлинѣ и въ Петербургѣ и глава которой (какъ и слѣдуетъ представителю побѣдоносной Пруссіи) проявляетъ особенную воинственность и ожесточеніе противъ рабочихъ, и другія первостепенныя механическія фирмы, извѣстныя по всему свѣту, какъ Гомфри и Теннантъ, Пенъ, Ярроу, Моудсли и др. Этой могучей армадой капиталистовъ (всѣ эти заводы ежегодно расходуютъ болѣе ста милліоновъ рублей, въ видѣ одной заработной платы) предводительствуетъ, какъ и подобаетъ, человѣкъ военнаго происхожденія—нѣкій полковникъ Дайеръ, директоръ распорядитель эльсвикскихъ заводовъ компаніи Армстронга и предсѣдатель федераціи нанимателей. Другую воюющую сторону, какъ мы уже сказали, главнымъ образомъ представляетъ соединенное общество мастеровъ механиковъ, заключающее въ себѣ болѣе 92,000 членовъ, раскиданныхъ по всѣмъ заводамъ Англіи. Но къ нему примкнули уже нѣсколько однородныхъ рабочихъ союзовъ, такъ что число людей, составляющихъ эту рабочую армію, нужно считать болѣе 200,000 человѣкъ. Но если дѣло затянется и борьба разростется, то къ ней, побуждаемые чувствомъ самосохраненія, присоединится и большинство другихъ рабочихъ союзовъ, и тогда уже число борцевъ на этой сторонѣ нужно считать многими сотнями тысячъ, если не милліонами. Во главѣ этой рабочей арміи стоятъ—секретарь союза мастеровъ механиковъ, Барнсъ, и извѣстный членъ парламента Борнсъ, самый выдающійся изъ немногихъ представителей рабочихъ въ палатѣ общинъ. Оружіе, употребляемое во время этой своеобразной борьбы, со стороны хозяевъ,—такъ-называемое lock out (буквально—выгонъ за ворота), т.-е. разсчетъ извѣстнаго числа рабочихъ съ завода,—на что послѣдніе отвѣчаютъ поголовной стачкой (strike). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ для обѣихъ сторонъ въ результатѣ является извѣстная денежная

потеря; но для хозяевъ эта потеря сказывается въ сокращеніи дивиденда и, въ крайнемъ случаѣ,—въ пріостановкѣ дѣйствій завода: для рабочихъ-же, въ большинствѣ случаевъ, стачка равносильна отсутствію заработка, а слѣдовательно—и средствъ для прокормленія себя и семьи. Затѣмъ слѣдуютъ всякія лишенія, болѣзни жены, дѣтей, смерть болѣе слабыхъ изъ нихъ, однимъ словомъ—тотъ медленный изморъ и постепенное приближеніе къ голодной смерти, которая и составляетъ скрытую драму подобной экономической борьбы. Но, конечно, пока существуетъ поддержка рабочаго союза, въ видѣ еженедѣльной, такъ-называемой, стачешной платы (strike pay), рабочій, учавствующій въ стачкѣ, не можетъ дойти до такого положенія, хотя ему и его семьѣ приходится испытывать много лишеній. Отсюда ясно, что цѣль федераціи хозяевъ раззорить рабочій союзъ и, такимъ образомъ, поставить стачешниковъ въ полную отъ себя зависимость, но это, какъ мы увидимъ далѣе, совсѣмъ не такъ легко. Капиталъ союза мастеровъ-механиковъ, который можетъ быть употребленъ на борьбу съ федераціей хозяевъ, за исключеніемъ неприкосновеннаго пенсіоннаго фонда для стариковъ, составляетъ болѣе 300,000 ф. ст. или около 2.900,000 р. Къ сентябрю мѣсяцу изъ числа членовъ союза 20,700 человѣкъ принимали участіе въ стачкѣ, или были разсчитаны хозяевами и получили въ среднемъ еженедѣльно по 10 шил. (около 5 р.) на человѣка, въ видѣ стачешной платы, что составляетъ сумму болѣе 10,000 ф. ст. (около 96,000 руб.) въ недѣлю; но даже и при такомъ громадномъ расходѣ потребовалась-бы еще болѣе полугода, чтобы истощить его средства, предполагая при этомъ полное отсутствіе помощи со стороны другихъ союзовъ, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ, такъ какъ деньги на поддержку борьбы, продолжающейся уже три мѣсяца, притекаютъ отовсюду. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, такая сторонняя поддержка достигаетъ уже почти 50,000 рублей въ недѣлю, и распорядители союза, въ виду этого, предполагаютъ даже увеличить пособіе, выдаваемое его членамъ, оставшимся безъ работы. Въ настоящій моментъ въ стачкѣ принимаетъ участіе уже болѣе 40,000 человѣкъ рабочихъ, включая и принадлежащихъ къ другимъ рабочимъ союзамъ, и движеніе это, усиливаемое неразумнымъ образомъ дѣйствій вожаковъ федераціи хозяевъ, грозитъ распространиться по всей Англіи.

Чтобы выяснить положеніе дѣла, намъ придется коснуться нѣкоторыхъ подробностей. Какъ извѣстно, съ начала 70-хъ годовъ девяти-часовой день сдѣлался общепринятою рабочею нормою въ промышленной Англіи. Движеніе это, хотя подготовляемое уже давно, также какъ и въ настоящемъ случаѣ, началось съ отдѣльной стачки на одномъ механическомъ заводѣ въ Сондерлендѣ. Подъ предводительствомъ своего энергическаго и талантливаго вожака, Джона Бернетта, рабочимъ пришлось бороться со многими препятствіями, главнымъ образомъ благодаря отсутствію единства между союзами и совмѣстному дѣйствію хозяевъ, положившихъ тогда начало той постоянной организаціи, которая дѣйствуетъ

теперь подъ именемъ *федераціи нанимателей.* Несмотря на подавляющую силу капитала, механическіе рабочіе, вмѣстѣ съ другими родственными союзами, держались тогда съ большою стойкостью; движеніе, начавшееся на Тайнѣ (въ округѣ Ньюкастля), быстро распространилось по всей странѣ, и въ результатѣ девяти-часовой день сдѣлался достояніемъ слѣдующаго поколѣнія рабочихъ.

Восьми-часовой день давно уже составляетъ одинъ изъ самыхъ дорогихъ идеаловъ современнаго рабочаго, и мысль о немъ постепенно росла впродолженіе всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ столкновеній между трудомъ и капиталомъ, которыя сопровождали развитіе фабричнаго производства. Въ настоящее время идея восьми-часового дня перешла изъ области стремленій въ практику жизни. Многія изъ лондонскихъ машиностроительныхъ и судостроительныхъ фирмъ, а также правительственные заводы уже нѣсколько времени какъ усвоили у себя эту систему, не ощутивъ никакого ущерба въ своемъ производствѣ и удовлетворяя, въ то же время, справедливому требованію рабочихъ. Выигрышъ одного лишняго часа свободнаго времени, хотя самъ по себѣ и кажущійся сравнительно мелкимъ дѣломъ, имѣетъ большое значеніе для лондонскаго рабочаго. За послѣдніе два года машиностроительное дѣло въ Англіи, вмѣстѣ съ другими отраслями, обнаруживаетъ значительное оживленіе, но рабочій-механикъ не предъявлялъ требованій на повышеніе заработной платы, хотя его хозяева и получали значительные барыши и подобное повышеніе было сдѣлано почти повсюду въ провинціи. Вмѣсто того, онъ сосредоточилъ свое вниманіе на сокращеніи рабочихъ часовъ, что въ виду мѣстныхъ условій его жизни составляло для него весьма важный вопросъ. Какъ извѣстно, въ центральныхъ частяхъ Лондона произошли, за послѣдніе годы, большія улучшенія: городъ украсился новыми постройками, проложены новыя улицы, введено электрическое освѣщеніе, расширена система городскихъ желѣзныхъ дорогъ и т. д. Но всѣми этими улучшеніями, безъ сомнѣнія, весьма желательными, по преимуществу пользовались благосостоятельные классы; положеніе же рабочаго,—странно сказать,—при этомъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ только ухудшилось. Плата на квартиры сильно поднялась, и рабочій былъ вытѣсненъ въ самые отдаленные концы города,—часто на большія разстоянія отъ мѣста его работы. Чтобы попасть на заводъ къ шести-часовому свистку, многимъ изъ нихъ приходилось вставать въ 4 или 5 часовъ утра и начинать свою работу (которая врядъ-ли выигрывала отъ этого) на голодный желудокъ, такъ что рабочій день въ девять часовъ, во многихъ случаяхъ, въ сущности сводился къ 13—14 часамъ; послѣ чего врядъ-ли человѣкъ въ силахъ посвящать себя какимъ-либо другимъ занятіямъ—своему собственному развитію, или какому-либо общественному дѣлу. За послѣдніе годы, вслѣдствіе громаднаго примѣненія машинъ и усовершенствованныхъ методовъ производства, размѣръ производительности уже не столько зависитъ отъ продолжительности работы, какъ отъ ея интенсивности,

т.-е. хорошій или хорошо оплачиваемый работникъ (что все равно), при усовершенствованной машинѣ и улучшенномъ методѣ производства, окажется выгоднѣе для хозяина, чѣмъ плохо вознаграждаемый работникъ, хотя бы послѣдній и работалъ большее число часовъ [1]). И англійскій рабочій, особенно въ механическомъ дѣлѣ и другихъ отрасляхъ, требующихъ искуснаго труда, несмотря на всемірную конкурренцію, до сихъ поръ удержалъ за собою первенство по производительности его работы. Только этимъ и можно объяснить, что Англія, въ дѣлѣ постройки машинъ и судовъ, все еще оставляетъ за собою Германію, несмотря на преобладающую тамъ дешевизну труда (почти на 100% ниже англійскаго) и болѣе продолжительные рабочіе часы. Хорошій примѣръ этому мы видимъ въ океанскихъ пароходахъ Сѣверо-Германскаго Ллойда, на постройку одного изъ которыхъ, на верфяхъ Гамбурга или Берлина, требуется отъ 20—22 мѣсяцевъ; между тѣмъ какъ такой же пароходъ одна изъ большихъ англійскихъ фирмъ, какъ, напримѣръ, Гирландъ и Вульфъ, или компанія Телценскихъ заводовъ, строитъ вполовину того же времени, за тѣ же деньги и при лучшемъ качествѣ работы. Благодаря этому, за послѣднія двадцать лѣтъ, съ 1876 г., вывозъ пароходныхъ и другихъ машинъ изъ Англіи съ 7,200,000 ф. (около 70,000,000 руб.) возросъ до 17,000,000 ф. (около 164,000,000 руб.) и онъ постоянно увеличивался втеченіе всего этого періода, при чемъ процентное отношеніе машинъ къ общей суммѣ вывоза увеличилось съ 3,6%, въ 1876 г., до 7,1%, въ 1896 г. Все это сводится къ тому, что за каждый фунтъ, уплачиваемый рабочему, хозяинъ въ Англіи получаетъ большее количество работы, въ видѣ тѣхъ или другихъ произведеній, чѣмъ это возможно гдѣ бы то ни было, и что дорогой (или хорошій) работникъ, работающій меньшее число часовъ, оказывается выгоднѣе дешеваго работника, занятаго большее число часовъ.

Съ мая этого года многіе изъ лондонскихъ механическихъ рабочихъ, поддерживаемые совѣтомъ выше упомянутаго союза, вошли въ переговоры съ хозяевами здѣшнихъ машиностроительныхъ заводовъ о переходѣ къ восьми-часовому рабочему дню. Переговоры эти увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Около ста-пятидесяти фирмъ въ Лондонѣ добровольно пошли на эту уступку, не находя въ ней ничего, что-бы могло вредно отозваться на ихъ интересахъ. Но три крупные механическіе завода, на Темзѣ, отвѣчали отказомъ на подобное же ходатайство своихъ рабочихъ, которые послѣ того, въ числѣ 850 человѣкъ, начали стачку и отказались отъ работы. Дѣло должно бы, повидимому, на этомъ остановиться, такъ какъ подобныя столкновенія повторяются здѣсь почти ежедневно и, кромѣ того, механическіе рабочіе Лондона уже добились важной для

[1]) Конечно, это болѣе относится къ такимъ отраслямъ производства, какъ машиностроеніе, гдѣ умѣнье и искусство рабочаго имѣетъ первенствующее значеніе. Въ такихъ отрасляхъ промышленности, какъ напр. прядильная, гдѣ машина сдѣлалась автоматической, состоящій при ней работникъ уже играетъ второстепенную роль

нихъ уступки со стороны значительной части хозяевъ, за которыми через нѣкоторое время, вѣроятно, послѣдовали бы и другіе. Но это чисто мѣстное столкновеніе разрослось въ колоссальную борьбу, охватившую главные механическіе заводы и судостроительныя верфи на Тайнѣ, Кляйдѣ и другихъ сѣверныхъ рѣкахъ, благодаря тому обстоятельству, что три или четыре лондонскихъ фирмы, не поладившія по вопросу о восьми-часовомъ днѣ, съ своими рабочими, привлекли къ участію въ этомъ спорѣ упомянутую уже федерацію нанимателей, почти не касающуюся лондонской машиностроительной промышленности и въ составъ которой преимущественно входятъ сѣверные заводчики. На митингѣ этой грозной коалиціи капиталистовъ, представлявшей собою чуть не сотни милліоновъ рублей и занимавшей до 200,000 человѣкъ рабочихъ, собравшихся 1-го іюля въ Манчестерѣ, рѣшено было, въ отвѣтъ на стачку 850 человѣкъ лондонскихъ мастеровъ-механиковъ, объявить о разсчетѣ (lock-out) 25% изъ числа занятыхъ на ихъ заводахъ рабочихъ, которые состоятъ членами этой ненавистной имъ ассоціаціи (Amalgamated Societ of Engineers). Вслѣдъ за этимъ остальные 75% рабочихъ, принадлежавшихъ къ тому же союзу, уже отъ себя прекратили работу на заводахъ членовъ федераціи, и загорѣлась та борьба, продолжающаяся до сихъ поръ и все усиливающаяся, которая, начавшись въ Лондонѣ, охватила теперь многіе изъ промышленныхъ округовъ въ разныхъ частяхъ Англіи.

Разбирая, по сущности дѣла, все это столкновеніе, мы видимъ, что сѣверные заводчики, преобладающіе въ составѣ федераціи и столь единодушно примкнувшіе къ тремъ или четыремъ лондонскимъ фирмамъ, въ ихъ спорѣ съ рабочими, вовсе не задавались при этомъ вопросомъ о восьми-часовомъ днѣ, мирно разрѣшавшемся въ Лондонѣ, или сентиментальнымъ сочувствіемъ къ своимъ собратьямъ—лондонскимъ хозяевамъ. Подъ вліяніемъ своихъ руководителей и, главнымъ образомъ, президента федераціи Дайера, представителя одной изъ самыхъ могущественныхъ фирмъ Армстронга и Комп. (преимущественно работающей на англійское и иностранныя правительства, и для которой вопросъ о лишнемъ часѣ работы составляетъ дѣло второстепенной важности), члены федераціи хозяевъ, какъ уже было сказано въ началѣ, главнымъ образомъ задавались цѣлью нанести, такъ сказать, смертельный ударъ соединенному обществу мастеровъ-механиковъ, которое стоитъ во главѣ рабочихъ союзовъ Англіи и которое не мало способствовало ихъ превосходной боевой организаціи и единству дѣйствія. Еще въ 70-хъ годахъ этотъ союзъ былъ въ передовой линіи бойцовъ за девяти-часовой день и много способствовалъ торжеству рабочихъ, которымъ закончилась эта борьба. Девять лѣтъ тому назадъ, когда происходила знаменитая стачка доковыхъ рабочихъ въ Лондонѣ, возбудившихъ сочувствіе всего англійскаго общества, этотъ союзъ оказывалъ послѣднимъ самую существенную помощь, что было весьма важно, такъ-какъ эти несчастные люди не имѣли тогда никакой собственной организаціи и почти умирали съ го-

лоду на улицахъ Лондона. Члены этого могущественнаго союза, въ числѣ почти 95,000 человѣкъ, раскиданы по всѣмъ механическимъ, судостроительнымъ и другимъ обработывающимъ желѣзо заводамъ Англіи и составляютъ, такъ сказать, закваску того постояннаго отпора, который здѣсь вызываетъ всякое несправедливое дѣйствіе хозяевъ, клонящееся къ нарушенію интересовъ рабочаго. Понятно, что такая сильная и тѣсно сплоченная группа самыхъ искусныхъ и развитыхъ рабочихъ является бѣльмомъ на глазу у автократическихъ заправилъ всесильной федераціи, руководимой воинственнымъ полковникомъ Дайеромъ. Уничтоживъ, т.-е. разоривъ такую сильную рабочую организацію, противъ которой, какъ мы видимъ, и направлены всѣ ихъ силы, представители федераціи хозяевъ собственно имѣли въ виду подорвать рабочіе союзы вообще, причемъ восьми-часовой день былъ только удобнымъ предлогомъ для начала давно уже задуманной кампаніи противъ нихъ, которая, въ томъ видѣ, какъ она разыгралась теперь, представляетъ, пожалуй, первую коллективную попытку могущественной группы капиталистовъ Англіи сломить силу организованнаго труда.

Изъ опубликованнаго въ началѣ сентября, въ «Times»'ѣ, весьма характернаго письма президента хозяйской федераціи Дайера видно, какимъ идеаломъ въ своихъ отношеніяхъ къ рабочимъ задаются нѣкоторые (нужно надѣяться меньшинство) изъ ея болѣе воинствующихъ членовъ. Достойный подражанія примѣръ, на которомъ мы позволимъ себѣ остановиться, найденъ Дайеромъ въ классической странѣ синдикатовъ— Америкѣ. Въ Питсбургѣ (главномъ центрѣ американской желѣзной промышленности) находится одинъ изъ громаднѣйшихъ въ Соединенныхъ Штатахъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ, подъ фирмою Карнеги и комп., принадлежащій синдикату милліонеровъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ большинство рабочихъ этого завода состояло членами союза; между ними и хозяевами происходили постоянные препирательства и столкновенія, завершившіяся, при послѣдней стачкѣ, когда владѣльцы завода пригласили къ себѣ на помощь мѣстную милицію, настоящимъ сраженіемъ, съ пальбою, ранеными и убитыми. Въ результатѣ, могучая корпорація капиталистовъ восторжествовала; нѣсколько тысячъ искусныхъ рабочихъ было выгнано съ завода и они, вѣроятно, присоединились къ той милліонной массѣ *безработныхъ* [1]), которая теперь бродитъ по Соединеннымъ Штатамъ, подготовляя будущую революцію. Эти искусные, но безпокойные рабочіе были замѣнены другими, преимущественно иностранцами, изъ числа умирающихъ съ голоду эмигрантовъ восточной Пруссіи и поль-

[1]) Между хозяевами заводовъ въ Америкѣ весьма распространено давать такъ называемый черный аттестатъ (black list) провинившимся рабочимъ, при разсчетѣ. Имена такихъ рабочихъ, возбуждавшихъ чѣмъ-либо неудовольствіе хозяевъ, сообщаются чрезъ посредство особыхъ агентовъ на всѣ фабрики и заводы ближайшихъ округовъ (часто на большія разстоянія), и они могутъ быть увѣрены, что ихъ, послѣ того, уже нигдѣ не примутъ.

скихъ провинцій Германіи и Австріи,—людьми кроткими и не принадлежащими къ рабочимъ союзамъ, которые и были «обучены требуемому отъ нихъ дѣлу». И теперь на заводахъ Карнеги и комп. царитъ полнѣйшее спокойствіе, рабочіе совершенно довольны своей судьбой, вполнѣ предоставивъ ее попеченіямъ своихъ добрыхъ хозяевъ, заработываютъ хорошія деньги (неизвѣстно только сколько часовъ имъ приходится работать) и, самое главное, рельсы завода Карнеги и комп. по дешевизнѣ оставляютъ за собою всякую конкурренцію и оказываются дешевле англійскихъ даже въ Калькутѣ. Такую почти идилическую картину въ видѣ «питсбургскаго образца» рисуетъ передъ взорами своихъ довѣрителей предсѣдатель лиги хозяевъ Дайеръ. Впрочемъ, недавно телеграфъ принесъ одно извѣстіе изъ той-же Америки, представляющее, такъ сказать, оборотную сторону картины и рисующее тамошніе промышленные порядки съ неособенно привлекательной стороны. Изъ городка Газельтона, въ горнопромышленномъ округѣ Пенсильваніи, сообщаютъ, что большая партія рудокоповъ, состоящая изъ польскихъ эмигрантовъ, шедшая оттуда въ другой городъ Летимеръ, съ цѣлью привлечь къ стачкѣ своихъ товарищей и земляковъ, была встрѣчена на большой дорогѣ, у самаго города, мѣстнымъ шерифомъ (исполнительнымъ полицейскимъ чиновникомъ) въ сопровожденіи вооруженнаго отряда изъ городскихъ депутатовъ. Шерифъ потребовалъ, чтобы толпа разошлась; рабочіе, не знавшіе англійскаго языка, остановились на моментъ въ недоумѣніи, видимо не понимая, чего отъ нихъ требуютъ, и потомъ, съ глухимъ ропотомъ, двинулись далѣе. Затѣмъ послѣдовали дальнѣйшія препирательства, но толпа все продолжала двигаться впередъ. Выведенный изъ себя Шерифъ далъ знакъ стрѣлять, раздался залпъ и до шестидесяти человѣкъ раненыхъ и убитыхъ рабочихъ повалилось на землю. Тогда эти несчастные, безоружные люди, вовсе не ожидавшіе такой встрѣчи бросились бѣжать, подбирая своихъ раненыхъ и убитыхъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, изъ числа раненыхъ умерло тридцать человѣкъ. Шерифъ и сопровождавшіе его люди арестованы и подвергнутся суду.

Конечно, иллюстрированныя въ приведенномъ выше примѣрѣ вожделѣнія нѣкоторыхъ хозяевъ (главнымъ образомъ изъ числа монополистовъ правительственныхъ и преимущественно военныхъ заказовъ), желающихъ отдать англійскую промышленность въ руки разныхъ синдикатовъ, по американскому образцу, весьма далеки отъ осуществленія. Но, тѣмъ не менѣе, борьба противъ рабочихъ союзовъ ведется съ небывалымъ ожесточеніемъ. Такъ называемый Lock out, т.-е. произвольный разсчетъ извѣстнаго числа рабочихъ, благодаря непрерывной агитаціи предсѣдателя федераціи хозяевъ Дайера, распространился по всей Англіи. Каждый день приносилъ извѣстіе о новыхъ фирмахъ, присоединявшихся къ этой травлѣ противъ союза мастеровъ-механиковъ, такъ-какъ разсчитываются только рабочіе изъ числа членовъ этой ассоціаціи. Къ началу октября (н. с.) число присоединившихся къ федераціи фирмъ уже пре-

вышало 500, и между ними было много такихъ, которыя уже ранѣе того ввели у себя восьми-часовой день. Это явленіе оказывается вполнѣ понятнымъ. Распорядители федераціи, чтобы привлечь на свою сторону возможно большее число хозяевъ, повидимому, не пренебрегаютъ никакими средствами. Мелкія, присоединяющіяся къ нимъ фирмы получаютъ отъ федераціи по 1 ф. ст. (около 10 р.) въ недѣлю за каждаго разсчитаннаго рабочаго изъ членовъ союза мастеровъ-механиковъ, и если это не дѣйствуетъ, то имъ прямо угрожаютъ прекращеніемъ заказовъ, которые они часто получаютъ отъ болѣе крупныхъ фирмъ. Такъ, одинъ изъ подобныхъ мелкихъ заводчиковъ недавно жаловался въ печати (конечно, скрывая свое имя), что ему предстоитъ на выборъ—или банкротство, или подчиненіе условіямъ всесильной федераціи, хотя онъ уже нѣсколько времени, какъ установилъ въ своихъ мастерскихъ восьми-часовой рабочій день.

Къ концу сентября число рабочихъ, разсчитанныхъ съ заводовъ и оставившихъ работу, вслѣдствіе стачекъ, простиралось уже до 56,000 человѣкъ, и борьба продолжала усиливаться съ каждымъ днемъ. Теперь уже не подлежало сомнѣнію, что вожаки коалиціи хозяевъ задались мыслью подавить Рабочіе Союзы и что все это, вызванное ими, движеніе принимаетъ размѣры почти еще небывалой въ Англіи борьбы труда и капитала. Сознаніе это быстро проникло въ рабочія массы, и многіе другіе союзы стали присылать заявленія о своей готовности притти на помощъ борцамъ, отстаивавшимъ общее дѣло. Въ кассу Соединеннаго Общества мастеровъ-механиковъ (Amalgamated Society of Engineers) ежедневно поступали крупныя суммы, и финансовое положеніе ассосіаціи, которую Дайеръ намѣревался къ сентябрю довести до банкротства, оставалось прочно по прежнему. Денежная помощь поступала не только со всей Англіи, но также изъ за границы,—изъ Швейцаріи, Бельгіи и, особенно, изъ Германіи.

Уже съ половины сентября предсѣдатель торговаго департамента (Bourd of Trade), Ричи, началъ переговоры съ главными представителями обѣихъ сторонъ о созывѣ конференціи, съ цѣлью обсужденія основанія для возможнаго соглашенія между ними, въ виду кризиса, который грозитъ парализовать одну изъ важнѣйшихъ отраслей англійской промышленности. Хотя переговоры эти велись въ большой тайнѣ, но было извѣстно, что представители рабочихъ изъявили свое согласіе на такую конференцію. О рѣшеніи хозяевъ ничего не знали до послѣдняго времени. Хотя между ихъ представителями и происходили частые митинги въ Лондонѣ и въ большихъ промышленныхъ городахъ, но никакихъ свѣдѣній объ этихъ засѣданіяхъ не проникало въ печать. Общество ждало съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ того или другого рѣшенія этого спора, длившагося уже четвертый мѣсяцъ. Наконецъ, 5 октября, въ Лидсѣ состоялся большой митингъ членовъ федераціи, и послѣ того сдѣлалось извѣстнымъ, что на этомъ бурномъ засѣданіи восторжествовала воин-

ствующая партія, причемъ, въ отвѣтъ на требованія рабочихъ и на предложеніе правительственнаго посредничества, были поставлены слѣдующія резолюціи:

1) «Требованіе объ уменьшеніи рабочихъ часовъ до 48 въ недѣлю [1]), было внимательно разсмотрѣно, и наниматели могутъ только повторить, что настоящее положеніе машиностроительнаго дѣла и сопричастныхъ ему отраслей не допускаетъ какого-либо сокращенія ихъ.

2) Въ настоящій споръ входитъ весьма важный вопросъ объ управленіи производствомъ на заводахъ, и федерація намѣрена обезпечить своимъ членамъ полную свободу дѣйствій въ этомъ отношеніи.

3) При такихъ обстоятельствахъ, всякое вмѣшательство третьихъ лицъ не можетъ принести пользы и потому не могло быть обсуждаемо».

Таковъ былъ приговоръ, изрѣченный воинственной юнтой, собравшейся въ Лидсѣ, которымъ не только отвергалась возможность всякаго соглашенія съ рабочими, но и былъ брошенъ въ лицо вызовъ представителю правительства, предлагавшему свои услуги, въ качествѣ посредника, для уложенія спора. Этотъ манифестъ хозяевъ уже является прямымъ объявленіемъ войны рабочимъ, представляя угрозу каждому изъ Рабочихъ Союзовъ Англіи, и послѣдніе должны теперь сомкнуть свои ряды и удвоить или утроить свою помощь той сравнительно немногочисленной группѣ, которая до тѣхъ поръ одна выносила всю тяжесть борьбы за ихъ общіе интересы. Особенно многозначителенъ второй пунктъ этой резолюціи. Полная свобода дѣйствій хозяевъ, о которой въ немъ говорится, можетъ предполагать очень многое, начиная съ положенія полноправнаго владыки и неограниченнаго распорядителя судьбы своихъ рабочихъ, которое недавно пытался занять Лордъ Пенринъ [2]) (получившій теперь довольно печальную извѣстность) и кончая тѣми неизбѣжными постоянными сношеніями и соглашеніями съ рабочими, по установленію платы, техническихъ условій работы, ея продолжительности и проч., которыми, конечно, не могъ пренебрегать и самъ всемогущій директоръ Эльсвикскихъ заводовъ, Дайеръ. Вѣдь нельзя-же предполагать, чтобы Англія,—вопреки ея пятидесяти-лѣтней исторіи борьбы труда и капитала,—внезапно вернулась къ системѣ, иллюстрированной примѣромъ питсбургскаго завода Карнеги и комп., на которую такъ любовно смотрятъ нѣкоторые изъ представителей федераціи. Какъ извѣстно, попытки замѣны англійскихъ рабочихъ дешевымъ иностраннымъ трудомъ, еще недавно сдѣланныя на нѣкоторыхъ заводахъ, окончились полною неудачей, такъ что выписанныхъ изъ Германіи мастеровъ, чрезъ нѣсколько дней послѣ ихъ прибытія въ Англію, пришлось отправлять обратно. По этому 2-й пунктъ резолюціи собранія хозяевъ или можетъ подразумѣвать очень многое, или просто представляетъ не имѣющую подъ собою

---

[1]) Это требованіе вовсе не предъявлялось рабочими федераціи хозяевъ, въ ея цѣлости, а только нѣкоторымъ изъ лондонскихъ фирмъ, въ отдѣльности.

[2]) См. «Сѣв. Вѣстникъ». Октябрь.—Письма о «Современной Англіи».

почвы угрозу, что уже вовсе недостойно такой серьезной ассосіаціи. Все дѣло усложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, помимо своего высокомѣрнаго отвѣта на предложеніе о посредничествѣ, сдѣланнаго представителями правительства, предводители собранія хозяевъ, въ то-же время, бросили вызовъ громадной федераціи соединенныхъ союзовъ механическихъ и судостроительныхъ рабочихъ [1]), заключающій въ себѣ до 75,000 членовъ, работающихъ въ разныхъ отрасляхъ машиностроительнаго и судостроительнаго дѣла. Они отвѣчали прямымъ отказомъ на просьбу представителей этой могущественной ассосіаціи, до сихъ поръ еще не принимавшей активнаго участія въ борьбѣ, о сокращеніи рабочихъ часовъ. Кромѣ того, въ составъ послѣдней входятъ до 42,000 человѣкъ, составляющихъ особый союзъ судостроительныхъ рабочихъ и котельщиковъ, часть которыхъ еще пять лѣтъ тому назадъ добилась отъ своихъ хозяевъ въ Лондонѣ уступки восьми-часоваго дня. И теперь, въ силу категорическаго объявленія федераціи хозяевъ противъ такой уступки, вся эта громадная масса рабочихъ,—до 270,000 человѣкъ, вмѣстѣ съ союзомъ мастеровъ-механиковъ,—вѣроятно будетъ вовлечена въ настоящее столкновеніе. Конечно, борьба должна затянуться на неопредѣленное время, вовлекая все большее и большее число рабочихъ, которымъ уже приходится отстаивать теперь самое дорогое для нихъ право свободной комбинаціи. Этого права они добились путемъ пятидесятилѣтней борьбы, цѣною многихъ жертвъ и страданій, и врядъ ли они легко разстанутся съ нимъ.

Вотъ что сказалъ по этому поводу Барнсъ, секретарь союза мастеровъ-механиковъ, репортеру одной изъ большихъ здѣшнихъ газетъ, послѣ того какъ сдѣлалось извѣстно рѣшеніе хозяевъ. «Я ожидалъ такого исхода... Это значитъ, что намъ предстоитъ большая битва, но я не сомнѣваюсь въ ея успѣхѣ. Мы должны теперь разослать повсюду нашихъ миссіонеровъ и призвать на помощь другіе союзы... Въ настоящее время у насъ получаютъ стачешную плату 23,700 человѣкъ, но число нашихъ членовъ ростетъ съ каждымъ мѣсяцемъ, и я того мнѣнія, что настоящее положеніе, занятое хозяевами, обезпечитъ намъ поддержку рабочихъ союзовъ по всей странѣ. Мы не искали посредничества правительства: оно само предложило его намъ, хотя мы всегда были и будемъ готовы встрѣтиться съ хозяевами для совмѣстнаго обсужденія спорныхъ вопросовъ.» Приводимъ въ выноскѣ опубликованный вскорѣ послѣ того манифестъ къ публикѣ отъ лица комитета союза мастеровъ-механниковъ, за подписью его секретаря Барнса. Этотъ замѣчательный документъ,—превосходно написанный, полный достоинства и дышащій правдою,—говоритъ самъ за себя [2]).

---

[1]) Союзъ мастеровъ-механиковъ, ведущій борьбу съ хозяевами, составляетъ отдѣльную ассосіацію.

[2]) «Уже пошла четырнадцатая недѣля послѣ начала нашего спора съ хозяевами, и ихъ отказъ отъ посредничества департамента торговли уничтожаетъ всякую на-

Въ своей послѣдней рѣчи, произнесенной передъ его избирателями въ Шотландіи (Farfar), Джонъ Морлей коснулся этой небывалой борьбы труда и капитала, грозящей такими бѣдствіями народу и за которой все англійское общество слѣдитъ теперь съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ. Порицая дѣйствія хозяевъ, которые, отвергнувъ мирное обсужденіе вопроса въ конференціи и рѣшеніе спора путемъ посредничества,

---

дежду на скорое соглашеніе. Предложеніе о посредничествѣ было принято нами,—во-первыхъ, изъ уваженія къ этому важному общественному учрежденію, и, во-вторыхъ,—потому, что мы сознавали тотъ вредъ, который наноситъ промышленности страны продолжительная остановка работы. Мы сами никогда не добивались посредничества, какъ то утверждалось нѣкоторыми органами печати, но приняли его, какъ средство для рѣшенія нашего дѣла, путемъ здраваго и безпристрастнаго обсужденія. Наниматели не захотѣли этого: на своемъ собраніи, въ Лидсѣ, они отвергли вмѣшательство «третьихъ лицъ» и высокомѣрно отказались отъ обсужденія вопроса. Въ то-же самое время, нѣкоторыя изъ фирмъ, уже согласившихся на 8-часовой день объявили о возвращеніи къ 9-часовой работѣ,—не потому, чтобы этотъ порядокъ оказывался для нихъ неудобнымъ, а только, какъ онѣ сами заявили, вслѣдствіе неуклоннаго давленія, оказываемаго на нихъ судовладѣльческими и судостроительными федераціями.

«Во всемъ этомъ дѣлѣ мы видимъ со стороны нанимателей не только отсутствіе чувства человѣчности и уваженія къ благосостоянію общества, но простого пониманія человѣческой природы. Рабочіе, служившіе въ одной фирмѣ отъ двадцати до сорока лѣтъ, были внезапно разсчитаны; большія заводскія организаціи, создавшіяся путемъ долголѣтняго, упорнаго труда и взаимныхъ соглашеній, были безжалостно разрушены и, каковы бы ни были ближайшіе результаты усвоенія того или другого числа рабочихъ часовъ, не нужно быть пророкомъ, чтобы видѣть, что производительность труда подорвана на долгое время. Въ резолюціяхъ, постановленныхъ въ Лидсѣ, подразумѣвается, что федерація нанимателей намѣрена и далѣе приносить въ жертву національные интересы и распространять предѣлы бѣдствія, пока она не добьется полнаго подчиненія рабочихъ. Если бы она и достигли своей цѣли, то въ результатѣ получится только подневольная работа павшихъ духомъ людей, причемъ тотъ самый вопросъ, изъ-за котораго возгорѣлась вся эта борьба, будетъ еще дальше отъ своего разрѣшенія, чѣмъ теперь.

«Но эта цѣль недостижима для нихъ, по той простой причинѣ, что рабочіе люди—той же расы и той же плоти и крови, какъ и сами наниматели. Та же отвага, та же непоколебимая энергія и то же непобѣдимое упорство, создавшія рабочіе союзы этой страны и удержавшія за нею ея промышленное первенство,—встанутъ на защиту этихъ союзовъ, когда имъ грозитъ нападеніе. Въ то время, какъ пишутся эти строки, мы получили въ даръ отъ союза локомотивныхъ машинистовъ 1,000 ф. стерл. (около 9,600 р.) и предложеніе безпроцентной ссуды въ 10,000 ф. стр. (около 96,000 р.). Мы обращаемся къ нашимъ товарищамъ, членамъ другихъ союзовъ, чтобы и они дали такой же отвѣтъ на вызовъ нанимателей. Соединенное общество мастеровъ-механиковъ и однородные съ нимъ союзы до сихъ поръ блистательно выдерживали борьбу.

«Мы выставили самую великолѣпно-вооруженную и дисциплинированную армію, которая когда-либо вступала въ бой за права труда. Она стояла и до сихъ поръ стоитъ твердо и непоколебимо. При каждомъ нападеніи борцы выступаютъ впередъ и смыкаютъ свои ряды; нѣтъ ни жалобъ, ни уклоненій, и ея дисциплина и вѣрность своему знамени безукоризненны. Но площадь, на которую распространилась теперь борьба, и число пострадавшихъ настоятельно требуютъ денежной помощи, и потому

берутъ на себя тяжкую отвѣтственность передъ страною, онъ заключилъ свою рѣчь такими знаменательными словами:—«Это такъ-же вѣрно, какъ то, что солнце ежедневно всходитъ на небѣ, что если настоящая борьба затянется, то за установленіе восьми-часоваго рабочаго дня—но уже путемъ закона,—подымется такая мугучая сила, которой трудно будетъ противустоять».

Астонъ.

мы взываемъ къ нашимъ товарищамъ, которымъ угрожаетъ федерація, чтобы они поддержали насъ въ этой борьбѣ. Мы щедро дѣлились съ другими во времена изобилія и ждемъ поддержки въ минуту нашей собственной нужды.

«Намъ не разъ приходилось поддерживать другихъ. во время борьбы, и благодаря этому восторжествовало не одно правое дѣло. Моряки, доковые и земледѣльческіе рабочіе наперерывъ заявляютъ о той братской помощи въ нуждѣ, которую имъ оказывали механики. Наши стремленія и сочувствіе никогда не ограничивались только однимъ нашимъ дѣломъ. Мы вѣрили, вмѣстѣ съ Кингсли, что слова:—«Развѣ я сторожъ моему брату?»,—не могутъ служить въ такихъ случаяхъ оправданіемъ ни для ассоціаціи, ни для отдѣльнаго человѣка. И, со времени учрежденія нашего союза, мы израсходовали 164,000 ф. ст. (ок. 1.570,000 руб.). на помощь другимъ ассоціаціямъ.

«Но мы рѣшаемся обратиться и къ другимъ,—кромѣ членовъ Рабочихъ Союзовъ. Всѣ любящіе правду мужчины, женщины между нами заинтересованы въ сохраненіи той силы, которая до сихъ поръ стояла за права труда. Каждый долженъ интересоваться тѣмъ, чтобы былъ данъ отпоръ такому безапеляціонному заявленію о своемъ господствѣ. неоправдываемому никакими здравыми соображеніями, которое мы слышимъ со стороны федераціи нанимателей. О насъ говорили, что мы предъявили несправедливыя требованія, но ближайшее разсмотрѣніе не поддерживаетъ такого обвиненія.

«Изъ четырехъ съ половиною милліоновъ ф. (около 43.000,000 руб.), которые прошли черезъ наши руки, болѣе трехъ милліоновъ (ок. 29.000.000 руб.) пошли на выдачу пособій больнымъ, неспособнымъ къ труду и пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ и на поддержку нашихъ членовъ въ тяжелыя времена безработицы. Наши отчеты представляютъ практическую иллюстрацію христіанской заповѣди: «Несите бремя другъ друга». Наша помощь внесла утѣшеніе во многія семьи, которы иначе грозила жестокая участь. и въ этомъ случаѣ мы нѣсколько облегчали громадную отвѣтственность, падающую на все общество.

«Поэтому мы предоставляемъ обсужденіе этого дѣла всѣмъ, кто дорожитъ мирнымъ прогрессомъ этой страны и кто вѣритъ, подобно намъ. что рабочіе союзы необходимы для этого. Присланныя намъ деньги будутъ употреблены на поддержку настоящаго движенія вообще и всѣхъ тѣхъ, кто участвуетъ въ немъ. Что касается до насъ самихъ, то нашъ путь ясенъ. Мы будемъ бороться до конца, въ увѣренности, что только этимъ путемъ мы можемъ показать себя достойными преемниками тѣхъ, которые были передъ нами и усиліямъ которыхъ мы обязаны своей настоящей свободой».

Дж. Н. Барнсъ,

По распоряженію Комитета.

ПИСЬМО ИЗЪ ВѢНЫ.

Скандалы въ вѣнскомъ рейхсратѣ.

15 (27) ноября 1897 г.

Австрія, прозванная съ давнихъ поръ страною невѣроятностей, никогда, быть можетъ, такъ не заслуживала этого прозвища, какъ въ настоящее время. Не далѣе, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, австрійскіе парламентаристы подъ вліяніемъ скучныхъ засѣданій, которыя, якобы, обусловлены были отсутствіемъ въ Австріи парламентской свободы, называли свой рейхсратъ бѣднымъ парламентомъ (das arme Parlament). Нынѣ же этотъ бѣдный вѣнскій рейхсратъ перещеголялъ по части «свободы слова и дѣйствій» парламенты всѣхъ конституціонныхъ государствъ и даже безпристрастные зрители невольно задаются вопросомъ: мыслима-ли такая неограниченная или, вѣрнѣе, необузданная свобода въ какомъ бы то ни было другомъ парламентѣ?

Что же такое случилось? Неужели народные представители въ Австріи, которую вопреки конституціонному режиму всѣ раньше считали полуметтерниховскою страною, вдругъ заручились правами, о которыхъ даже англійскіе депутаты не смѣютъ мечтать? И вотъ, тутъ-то и начинаются тѣ невѣроятности, о которыхъ мы выше упомянули. Вѣнскій рейхсратъ въ силу австрійской конституціи располагаетъ de facto такимъ *ультра-либеральнымъ* парламентскимъ уставомъ (Geschäftsordnung), котораго, быть можетъ, ни одинъ парламентъ въ мірѣ не имѣетъ. Не безинтересно отмѣтить нѣкоторые пункты этого устава.

Двадцать депутатовъ имѣютъ право сдѣлать какое-либо предложеніе, которое должно быть подвергнуто именному голосованію въ томъ случаѣ, если еще тридцать депутатовъ требуютъ такого голосованія. Если, стало быть, 50 депутатовъ не согласны съ какимъ бы то ни было законопроектомъ, то этимъ оппозиціонерамъ легко вносить столько же предложеній и требовать столько же именныхъ голосованій, сколько словъ данный законопроектъ содержитъ. Двадцать депутатовъ предлагаютъ измѣнить какое-нибудь слово въ законопроектѣ и еще тридцать требуютъ именно голосованія. Нынѣшній вѣнскій рейхсратъ насчитываетъ 425 депутатовъ, а письмоводители обязаны при именномъ голосованіи называть

всѣхъ депутатовъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые по болѣзни или по другимъ причинамъ отсутствуютъ, по имени. Мы неоднократно съ часами въ рукахъ высчитывали, что именное голосованіе продолжается при «нормальныхъ» условіяхъ около 40 минутъ, а при ненормальныхъ, когда, напримѣръ, оппозиціонные депутаты умышленно медлятъ отвѣтами «да» или «нѣтъ» и дѣлаютъ разныя прибавленія или когда письмоводитель при частыхъ именныхъ голосованіяхъ устаетъ и порою отдыхаетъ, пятьдесятъ минутъ и даже больше. Законопроекты обыкновенно содержатъ многочисленные параграфы, а иные изъ нихъ составляютъ даже цѣлые томики. Легко себѣ, поэтому, представить, сколько времени можетъ продолжаться разсмотрѣніе такого законопроекта, если содержаніе его по какимъ-либо соображеніямъ не нравится пятидесяти депутатамъ или если такая незначительная по числу группа находится въ оппозиціи и не хочетъ вообще пропускать никакихъ законопроектовъ.

Извѣстно, что вѣнскій рейхсратъ вотъ уже цѣлые недѣли занимается «разсмотрѣніемъ» правительственнаго законопроекта о продленіи австро-венгерскаго экономическаго соглашенія, срокъ котораго истекаетъ къ концу декабря текущаго года, на одинъ годъ. Существующій австро-венгерскій экономическій договоръ, подобно предшествовавшимъ, заключенъ былъ на десять лѣтъ. Венгрія съ давнихъ поръ располагала большимъ вліяніемъ на обще-имперскія дѣла, и мадьяры, какъ опытные политики и разсчетливые финансисты, каждый разъ при возобновленіи экономическаго договора успѣвали обезпечить своей отчизнѣ наиболѣе благопріятныя условія, имѣвшія, затѣмъ, силу въ теченіи цѣлаго десятилѣтія. Венгерцы покрываютъ всего 30 процентовъ обще-имперскихъ, въ томъ числѣ и военныхъ расходовъ, хотя Венгрія дѣлаетъ въ своемъ экономическомъ развитіи громадные успѣхи и отчасти затемняетъ собою Австрію, гдѣ какъ разъ въ послѣдніе годы подъ вліяніемъ обостренныхъ національныхъ и конфессіональныхъ пререканій обнаруживается застой въ торговлѣ и промышленности. Австрійцы давно уже рѣшили при возобновленіи договора потребовать отъ разбогатѣвшей Венгріи болѣе справедливыхъ условій, при чемъ разные реакціонеры, ненавидѣвшіе либеральный режимъ въ Венгріи, воспользовались вопросомъ о возобновленіи договора для распространенія сильной и небывалой раньше въ Австріи анти-мадьярской агитаціи. Возобновленіе экономическаго договора находится въ тѣсной связи съ сохраненіемъ *дуалистской системы*, отмѣны которой маститый императоръ Францъ-Іосифъ, празднующій въ будущемъ году 50-лѣтній юбилей своего царствованія, не можетъ желать. Императоръ давно уже питалъ большое довѣріе къ графу Бадени, которому онъ года два тому назадъ поручилъ стать во главѣ кабинета въ надеждѣ, что бывшій намѣстникъ Галиціи успѣетъ сговориться какъ съ венгерскимъ правительствомъ, такъ и съ австрійскими партіями и заключить новый десятилѣтній экономическій договоръ съ Венгріею.

Главная задача кабинета Бадени первоначально заключалась, такимъ образомъ, въ составленіи новаго договора съ Венгріею, и нынѣшній австрійскій министръ-президентъ началъ заботиться объ образованіи болѣе или менѣе прочнаго парламентскаго большинства, которое, по его первоначальному плану, а также по желанію короны, должно было бы состоять изъ поляковъ, чеховъ и умѣренно-либеральныхъ нѣмцевъ, въ томъ числѣ и представителей нѣмецко-либеральныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Свое главное вниманіе онъ обратилъ на младо-чеховъ, которые въ прежнемъ рейхсратѣ находились въ крайней оппозиціи и которыхъ графъ Бадени сталъ путемъ національныхъ обѣщаній привлекать на свою сторону. Примиреніе чеховъ съ нѣмцами служитъ завѣтною мечтою императора Франца-Іосифа, который, конечно, горячо сочувствовалъ мирнымъ переговорамъ министра-президента съ вождями чешскаго народа.

Тѣмъ временемъ послѣдовало распущеніе прежняго рейхсрата и новые парламентскіе выборы, совершенные *по новой избирательной системѣ*, по которой нововведенная пятая курія выбрала безъ всякаго ценза 70 новыхъ депутатовъ. Графъ Бадени хорошо зналъ, что новые выборы усилятъ въ новомъ рейхсратѣ число крайнихъ элементовъ, и ему казалось, что умѣренныя партіи, какъ нѣмецко-либеральная, такъ и чешская, въ виду усиленія радикализма въ новомъ рейхсратѣ сплотятся и составятъ въ союзѣ съ польскимъ клубомъ прочное большинство. Графъ Бадени, какъ новичекъ въ австрійскихъ національныхъ и партійныхъ дѣлахъ, сдѣлалъ счетъ безъ нѣмецкихъ либераловъ, называемыхъ теперь прогрессистами. Возростаніе въ Вѣнѣ и въ Нижней Австріи антисемитизма и расширеніе въ другихъ австрійскихъ провинціяхъ радикальнаго нѣмецко-національнаго движенія лишила нѣмецкихъ либераловъ всякой популярности въ нѣмецко-народныхъ массахъ. Нѣмецкіе либералы обвиняли прежній режимъ Таафе и обвиняютъ нынѣшнее правительство въ поощреніи крайнихъ демагогическихъ фракцій. Нѣмецко-либеральные вожди утверждаютъ, что главная причина ихъ непопулярности заключается въ уступкахъ, которыя эта партія не переставала въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ дѣлать разнымъ правительствамъ по такъ называемымъ обще-государственнымъ соображеніямъ. Фактъ тотъ, что коалиціонный кабинетъ, который въ свое время образовался по выходѣ покойнаго графа Таафе въ отставку и въ составъ котораго вошли нѣмецко-либеральные члены, какъ, напримѣръ, бывшій нѣмецко-либеральный вождь д-ръ Пленеръ, служилъ *могилою* для нѣмецко-либеральной партіи. Поддерживали-ли нѣмецкіе либералы разныя правительства по государственнымъ или, быть можетъ, по менѣе возвышеннымъ соображеніямъ, это—вопросъ другой. Д-ръ Пленеръ, по крайней мѣрѣ, уже навѣрное имѣлъ въ виду болѣе личныя, чѣмъ обще-государственныя цѣли. Въ противномъ случаѣ, онъ не оставилъ бы въ рѣшительную минуту своей партіи и не замѣнилъ бы руководство этою партіею занятіемъ доходнаго мѣстечка въ казенной счетной палатѣ, предсѣдателемъ

которой онъ понынѣ еще состоитъ. Такъ или иначе, нѣмецкіе либералы обвиняютъ правительство въ «черной неблагодарности» и утверждаютъ, что въ высшихъ австрійскихъ сферахъ пользуются вѣсомъ и значеніемъ одни только демагоги и тѣ политики, которыхъ «боятся». Они даже увѣряютъ, что нынѣшнее вліяніе младо-чеховъ объясняется одною только крайнею оппозиціею, къ которой младо-чехи раньше прибѣгали, между тѣмъ какъ съ «уступчивыми» нѣмецкими либералами перестали въ высшихъ сферахъ считаться и ихъ главный противникъ, д-ръ Люгеръ, не пренебрегавшій раньше никакими демагогическими средствами для достиженія своей цѣли, удостоился по милости же гр. Бадени аудіенціи у императора и былъ утвержденъ въ званіи вѣнскаго бургомистра.

Нѣмецкіе либералы или нынѣшніе прогрессисты искали, поэтому, случая *«показать куда слѣдуетъ зубы»*. Такимъ удобнымъ случаемъ оказалось изданіе въ апрѣлѣ текущаго года графомъ Бадени пресловутыхъ распоряженій о языкахъ въ Богеміи и Моравіи. Графъ Бадени издалъ распоряженіе съ цѣлью умиротворенія чеховъ, и въ его благихъ намѣреніяхъ нельзя сомнѣваться; но онъ, опять-таки, оказался новичкомъ и забылъ о томъ, что такъ называемый богемскій вопросъ чрезвычайно сложенъ и запутанъ. Прежнія нѣмецкія министерства прибѣгали къ изданію разныхъ административныхъ распоряженій; но это еще отнюдь не доказываетъ, что административныя распоряженія заслуживаютъ одобренія въ конституціонныхъ государствахъ и что административный порядокъ упрощаетъ рѣшеніе сложнаго богемскаго вопроса. Сами чехи далеко не въ восторгѣ отъ этихъ распоряженій, которыя содержатъ многія несообразности и изданіе которыхъ стало популярнымъ среди младочеховъ только подъ вліяніемъ неимовѣрной оппозиціи нѣмцевъ. Нѣмецкіе же прогрессисты усмотрѣли въ этихъ распоряженіяхъ удачный лозунгъ; они соединились съ членами нѣмецкой народной партіи и пангерманской фракціи Георга Шенерера и стали предпринимать въ рейхсратѣ извѣстный обструкціонный походъ, о которомъ въ настоящій моментъ говоритъ чуть ли не вся Европа и который вызвалъ въ Австріи серьезный парламентскій кризисъ.

Нѣмецкіе депутаты—надо отдать имъ справедливость—опытные парламентаристы, и ихъ обструкціонная борьба затемняетъ собою не только прежній чешскій обструкціонизмъ, на всѣ вообще обструкціонныя мѣры, когда-либо употребленныя въ какомъ бы то ни было конституціонномъ государствѣ. Тутъ мы должны опять обратиться къ упомянутому выше парламентскому уставу.

Графъ Бадени подъ вліяніемъ нѣмецкаго обструкціонизма давно уже отказался отъ внесенія законопроекта о заключеніи новаго австро-венгерскаго экономическаго договора на десять лѣтъ, хотя законопроектъ выработанъ. Министръ-президентъ хорошо понялъ, что о принятіи такого законопроекта не можетъ быть при нынѣшнихъ парламентскихъ условіяхъ и рѣчи. Срокъ существующаго договора истекаетъ, однако,

къ концу 1897 г., а если договоръ не будетъ возобновленъ или заключенъ, то между Австріей и Венгріей произойдетъ экономическій разрывъ, который не сегодня-завтра можетъ повести къ паденію всего дуализма. Графъ Бадени рѣшилъ, поэтому, внести законопроектъ *о продленіи нынѣшняго договора на одинъ годъ.* Законопроектъ содержитъ всего два параграфа, и казалось бы, что такой «коротенькій» законопроектъ не можетъ вызвать особыхъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что за этимъ законопроектомъ обезпечено довольно прочное парламентское большинство. Ничуть, однако, не бывало. Одна постановка законопроекта на очередь вызвала неслыханныя скандальныя сцены въ рейхсратѣ, а первое чтеніе сопряжено было съ ночными засѣданіями и съ произнесеніемъ безконечныхъ рѣчей. Но дѣло этимъ не исчерпано. Оппозиція можетъ продлить второе чтеніе не менѣе, чѣмъ на мѣсяцъ и, слѣдовательно, сдѣлать законопроектъ безпредметнымъ. Въ качествѣ факторовъ *противъ* законопроекта на второмъ чтеніи записалось не менѣе 80 депутатовъ, такъ что одинъ изъ оппозиціонныхъ ораторовъ на вопросъ: когда наступитъ очередь за нимъ? не безъ ироніи замѣтилъ: «надѣюсь, что мнѣ удастся получить слово приблизительно около Троицы!»

Оппозиціонеры не довольствуются одною свободою слова, которое, во всякомъ случаѣ, не заключаетъ въ себѣ серьезной опасности; они прибѣгаютъ также къ «дѣлу», а это уже не безопасно. Надо замѣтить, что предсѣдатель вѣнскаго рейхсрата, въ силу пресловутаго парламентскаго устава, лишенъ почти всякой защиты; онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи одно лишь «наказаніе», именно: призваніе непослушнаго депутата къ порядку, а единственное его орудіе состоитъ изъ *колокольчика.* Оппозиціонеры давно, однако, заявили, что «призваніе къ порядку» составляетъ для нихъ особую честь, а звонъ колокольчика заглушается въ вѣчномъ хаосѣ, происходящемъ вотъ уже цѣлые мѣсяцы въ рейхсратѣ. Шенереровцы, сверхъ того, стали забирать колокольчики въ свои руки, такъ что предсѣдатель лишился и этого проблематическаго средства.

Говоря о колокольчикѣ предсѣдателя и объ отвратительныхъ сценахъ, которыя теперь разыгрываются въ вѣнскомъ рейхсратѣ и очевидцами которыхъ мы, къ сожалѣнію, должны по нашимъ журналистскимъ обязанностямъ быть, нельзя не вспомнить объ извѣстныхъ «колокольныхъ» строфахъ Шиллера.

«Gefährlich ist's, den Leu zu wecken,
Verderblich ist des Tigers Zahn;
Iedoch der schrecklichste der Schrecken,
Das ist der Mensch in seinem Wahn».

Съ легкой руки парламентскихъ агитаторовъ, имѣющихъ по своему воспитанію и образованію много общаго съ пресловутыми «крючниками» и расплодившихся въ Вѣнѣ въ послѣдніе годы въ огромномъ количествѣ, вѣнскіе обыватели уже свыклись съ разными буйствами и базарными сценами. Но то, что мы видимъ теперь, превосходитъ всѣ ожиданія и

переступаетъ всѣ предѣлы. До сихъ поръ неистовствовали лѣвыя фракціи рейхсрата; но теперь бѣшенствомъ начинаютъ заражаться и правыя партіи. Парламентское большинство въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ проявляло слишкомъ много терпѣнія и безпрекословно допускало глумленіе надъ предсѣдателемъ и вице-предсѣдателями. Когда графъ Бадени, послѣ бурныхъ обструкціонныхъ сценъ, разыгравшихся въ послѣднихъ числахъ мая текущаго года, нашелъ нужнымъ закрыть двѣнадцатую парламентскую сессію, то многіе славянскіе депутаты, съ младо-чехомъ д-ромъ Странскимъ во главѣ, высказывали мысль, что первымъ дѣломъ парламентскаго большинства, въ составъ котораго входятъ поляки, чехи, южные славяне и члены католической народной партіи, должно быть обсужденіе и принятіе новаго парламентскаго устава вслѣдъ за открытіемъ нынѣшней тринадцатой сессіи рейхсрата. Графъ Бадени хотѣлъ въ августѣ мѣсяцѣ созвать въ Вѣнѣ *нѣмецко-чешскую конференцію* съ цѣлью рѣшенія рокового богемскаго вопроса и пригласилъ на конференцію чешскихъ и нѣмецкихъ вождей. Чехи послѣдовали приглашенію, между тѣмъ какъ нѣмцы наотрѣзъ отказались и заявили, что о какихъ бы то ни было мирныхъ переговорахъ не можетъ быть и рѣчи до тѣхъ поръ, пока правительство не приметъ обратно изданныхъ распоряженій о равноправности языковъ въ Богеміи и Моравіи.

Попытка гр. Бадени оказалась, такимъ образомъ, неудачною, и не нужно было бы быть дальновиднымъ политикомъ для того, чтобы тогда еще предвидѣть, что нѣмцы будутъ безпощадно продолжать свою обструкціонную борьбу и по открытіи тринадцатой сессіи. Это тѣмъ легче было предвидѣть, что озлобленіе нѣмцевъ во время закрытія рейхсрата подъ вліяніемъ событій въ Эгерѣ и Ашѣ, гдѣ нѣмецко-національныя демонстраціи подавлены были жандармами и войскомъ, еще возросло. Парламентскому большинству слѣдовало бы при такихъ условіяхъ *начать* сессію внесеніемъ законопроекта о пересмотрѣ парламентскаго устава. Нельзя отрицать, что драконовскій парламентскій уставъ составляетъ обоюдоострый мечъ. Весьма возможно, что нынѣшній парламентскій уставъ, изданный въ то время, когда нѣмцы стояли во главѣ правленія въ Австріи, *умышленно* составленъ тогдашними нѣмецкими законодателями въ такомъ удобномъ для нихъ духѣ. Нѣмцы хорошо, конечно, знали, что большинство австрійскаго населенія состоитъ изъ славянъ и что нѣмецкая гегемонія не обезпечена въ Австріи. Они, быть можетъ, по такимъ соображеніямъ и составили такой уставъ, который въ случаѣ надобности является прекраснымъ средствомъ въ рукахъ оппозиціоннаго *меньшинства*. Въ такомъ же положеніи находятся и чехи. «Вѣянія» въ разнородной и многотысячной Австріи часто мѣняются, и чехи, находящіеся теперь въ рядахъ большинства, могутъ не сегодня-завтра очутиться въ своемъ прежнемъ оппозиціонномъ положеніи, которое по введеніи драконовскаго парламентскаго устава значительно, конечно, ухудшится. Съ другой стороны, необузданный нѣмецкій обструкціонизмъ убѣ-

дительно доказалъ, что нынѣшній парламентскій уставъ, въ силу котораго пятьдесятъ депутатовъ могутъ парализовать парламентскую дѣятельность, подрываетъ основу всего парламентаризма, т. е. принципъ господства большинства. Пересмотръ устава является, стало быть, парламентскою необходимостью, и вся суть заключается въ *спокойномъ* обсужденіи этого въ высшей степени важнаго вопроса.

Какъ, однако, поступило парламентское большинство? Тринадцатая сессія открылась 11-го (23-го) сентября, т. е. больше двухъ мѣсяцевъ тому назадъ; нѣмецкіе націоналы въ первый же день открытія рейхсрата обругали послѣдними словами предсѣдателя и министра-президента, который въ видахъ самозащиты вынужденъ былъ 13-го (25-го) сентября вызвать депутата Вольфа на дуэль. Скандалы съ каждымъ днемъ принимали все большіе размѣры, а большинство равнодушно смотрѣло и не думало о пересмотрѣ устава. Мало того: нѣкоторые «крайніе» славянскіе депутаты прибѣгали къ кулачной расправѣ, а когда страсти находились въ полномъ разгарѣ, ультра-реакціонный графъ Фалькенгайнъ внесъ предложеніе, суть котораго заключалась въ предоставленіи предсѣдателю права окружать себя въ залѣ засѣданія полицейскимъ карауломъ, исключать непослушныхъ депутатовъ изъ этихъ засѣданій и, главное, удалять такихъ непокорныхъ депутатовъ *при помощи полицейскихъ*. Большинство приняло это предложеніе *безъ всякихъ преній* и при неимовѣрномъ шумѣ, при которомъ никто не слышалъ даже ни слова о содержаніи предложенія.

Справедливость требуетъ сказать, что принятіе предложенія было, во-первыхъ, не легально, а во-вторыхъ, крайне несвоевременно. Очень легко было предвидѣть, что такое предложеніе подольетъ только масла въ огонь и что оппозиціонеры, страсти которыхъ и безъ того теперь въ полномъ разгарѣ, добровольно не оставятъ этого засѣданія. Первымъ послѣдствіемъ этого «новаго» парламентскаго устава явилось превращеніе рейхсрата въ *полицейскій участокъ*. Соціалъ-демократическіе депутаты держались сравнительно чинно и, главнымъ образомъ, потому, что нѣмецко-чешскія пререканія носили національный характеръ, такъ что наши обструкціонисты находились въ рукахъ шенереровцевъ. Новые параграфы парламентскаго устава придали борьбѣ между меньшинствомъ и большинствомъ политическій характеръ, и бразды обструкціонизма приняли въ свои руки соціалъ-демократы, которые, конечно, имѣютъ теперь на своей сторонѣ не только всю оппозицію, но также все общественное мнѣніе въ Австріи. Предсѣдателемъ рейхсрата является теперь въ сущности не г. Давидъ Абрагамовичъ, а полицейскій коммиссаръ, а въ разныхъ городахъ Австріи, преимущественно въ Вѣнѣ, замѣтно сильное и давно небывалое броженіе.

З—дъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Расколъ въ католической церкви.

Въ русскую печать проникли за послѣдній годъ слухи и болѣе подробныя извѣстія о странномъ движеніи, открывшемся среди французскаго католическаго духовенства. Группа молодыхъ священниковъ основала такъ называемую либеральную церковную партію и стала проповѣдывать возвратъ къ первоначальной простотѣ католической церкви, къ свободной вѣрѣ. Изъ этой свободомыслящей группы рѣзче всего выдѣлялся своимъ смѣлымъ образомъ дѣйствія, а также своимъ литературнымъ талантомъ, молодой, недавно лишь кончившій университетъ аббатъ Викторъ Шарбоннель. Слова его звучали искренно и пламенно, и, благодаря своей близости къ современнымъ философскимъ движеніямъ во Франціи и внѣ ея, онъ съумѣлъ выдвинуть вопросы вѣры и церкви на первый планъ и заинтересовать французское общество. Шарбоннель впервые выступилъ передъ большой публикой съ пропагандой очень опредѣленной и, казалось, несбыточной идеи: конгресса религій (на подобіе Чикагскаго, но въ болѣе широкихъ размѣрахъ) въ Парижѣ, въ 1900 году. Когда аббатъ Шарбоннель началъ свой миссіонерскій походъ, онъ былъ вѣрнѣйшимъ сыномъ католической церкви и вѣрилъ въ ея духовную силу. Теперь, когда идея конгресса окрѣпла и близится къ осуществленію, въ жизни Шарбоннеля произошелъ переворотъ: газеты уже передали по телеграфу извѣщеніе о томъ, что Шарбоннель снялъ съ себя священническую рясу. Въ этомъ краткомъ сообщеніи заключается эпилогъ глубокой душевной драмы. Строгая католическая церковь часто исключаетъ изъ своей среды непокорныхъ сыновъ, но рѣдко столкновеніе оффиціальной церкви съ однимъ изъ своихъ членовъ бываетъ болѣе яркимъ и характернымъ для обѣихъ сторонъ, чѣмъ эта краткая «исторія одной идеи», какъ называетъ самъ Шарбоннель свою пропаганду конгресса и связанную съ этимъ борьбу между католичествомъ и свободной вѣрой.

Начнемъ съ конца, т.-е. съ исторіи разрыва, и послушаемъ, что говоритъ о немъ самъ Шарбоннель. Въ одномъ изъ молодыхъ и прогрессивныхъ литературныхъ органовъ онъ рисуетъ свое положеніе, разбирая двѣ новыя книги Анатоля Франса. Въ «Orme du Mail» и «Mannequin d'Osier» А. Франсъ выводитъ нѣсколько типовъ высшаго французскаго духовенства: очень ярко обрисованъ монсиньоръ Шарло, хитрый и умный князь церкви, всецѣло занятый церковной политикой; рядомъ съ нимъ выдѣляется аббатъ Лантэнь, проповѣдующій единство вѣры и преданность церкви; онъ соединяетъ въ себѣ добродушіе и хитрость, святость и интригантство, наивность и ложно направленный схоластическій умъ. Третій типъ—аббатъ Гитрель, интриганъ болѣе низкаго пошиба, добивающійся епископскаго сана низкопоклонствомъ передъ женой префекта. Въ этихъ трехъ типахъ А. Франсъ рисуетъ личный составъ современной католической церкви, такъ сказать человѣческую сторону церкви. И, подтверждая правдивость и жизненность этихъ типовъ, Шарбоннель дѣлаетъ крутой поворотъ къ себѣ, къ тому, какъ онъ самъ роковымъ образомъ сталъ жертвой властолюбивыхъ инстинктовъ католическаго духовенства.

«Представьте себѣ», — говоритъ Шарбоннель, — «что передъ страннымъ церковнымъ ареопагомъ, обрисованномъ у Франса, передъ монсиньоромъ Шарло, аббатомъ Лантенемъ и аббатомъ Гитрелемъ выступаетъ наивный и пламенный апостолъ. Онъ говоритъ о религіи, объ обновленіи религіознаго духа, о томъ, что болѣе чистый и возвышенный идеализмъ долженъ проникнуть церковныя формы, о томъ, что братское единеніе душъ должно сгладить междоусобныя распри отдѣльныхъ религій. Онъ высказываетъ новое и глубокое пониманіе Евангелія и вѣритъ въ прогрессъ, который измѣнилъ бы духовное и нравственное наслѣдіе Христа, согласно съ потребностями современной души. Свободный духомъ, не отказываясь отъ великихъ традицій, отъ нѣжной и поэтической простоты старой церкви, онъ вѣритъ въ то, что прежній авторитетъ можетъ подчиниться требованіямъ свободы, необходимой отнынѣ для всѣхъ въ нашей теперешней жизни. Да, друзья мои, представьте себѣ, что испытаетъ онъ въ этихъ условіяхъ и передъ этимъ судилищемъ, представьте себѣ его иллюзіи, разочарованія и мрачныя печали!» Въ этихъ словахъ видно, какое высокое значеніе Шарбоннель придаетъ своей миссіи. Онъ называетъ себя апостоломъ, но вкладываетъ въ свое гордое и вызывающее обращеніе къ недавно еще чтимой имъ святыни столько искренней скорби, что его самоувѣренная исповѣдь является самымъ точнымъ документомъ разыгравшейся драмы. И драма эта знаменательна.

Исторія Шарбоннеля—важное свидѣтельство современнаго движенія умовъ во Франціи. Въ послѣднее время много говорится о такъ называемомъ религіозномъ возрожденіи во Франціи; но подъ этимъ названіемъ понимается обыкновенно нѣчто весьма показное и поверхностное, новая идейная мода, охватившая французское общество. Это своего рода

игра въ католицизмъ, мистицизмъ, оккультизмъ, сатанизмъ и другія прямыя и извращенныя проявленія религіознаго чувства. «Художественныя выставки»,—говоритъ Камиль Моклэръ, характеризуя французскій или, вѣрнѣе, парижскій мистицизмъ, «стали переполняться изображеніемъ святыхъ женъ у гроба Господня, генесаретскими озерами, распятіями, видѣніями, обѣтами, изображаемыми въ блѣдныхъ краскахъ или какъ бы при свѣтѣ волшебнаго фонаря. Потребленіе молитвословъ, ризъ, кадилъ и лилій поднялось до ужасающихъ размѣровъ. Количество лилій становилось комичнымъ. Всѣ внѣшніе знаки вѣры были на лицо,—недоставало только самой вѣры. Мистической стали называть плоскую живопись, напоминающую ткань по колориту, съ безплотными фигурами, съ изображеніемъ утонченной и вялой анеміи. Мистицизмъ отождествляли съ эллинскимъ прерафаелитствомъ Берне-Джонса. Въ театрахъ представляли евангельскіе сюжеты въ стихахъ и живыхъ картинахъ. Поэмы наполнялись рыцарями и конюхами, зàмками и трубадурами. Стали обозначать одной и той же этикеткой блѣдныя ткани фабрики Liberty, анемію, мадонну, церковную живопись на стеклѣ, Эдгара Поэ, раннихъ флорентинскихъ художниковъ, Сару Бернаръ во всѣхъ роляхъ, женскія прически съ гладкими начесами, на которыя—странный капризъ моды — надѣвались кучерскія шляпы во вкусѣ тридцатыхъ годовъ, худобу, Сара Пеладана, платья безъ таліи и послѣднія книги Гюисманса. Этотъ капернаумъ сталъ арсеналомъ мистицизма».

Для этихъ сумбурныхъ настроеній католицизмъ сталъ неисчерпаемымъ источникомъ, благодаря исключительной пышности культа. Этотъ внѣшній католицизмъ захватилъ и большихъ художниковъ, какъ напр. Верлэна и Гюисманса. Но овладѣвъ наново симпатіями общества и покоривъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ художниковъ, католическая церковь встрѣтила противниковъ въ своей собственной средѣ. Такъ называемое возрожденіе сказалось не только въ модѣ, благопріятной для духовенства — оно выразилось въ томъ, что открытые свободные умы стали осмѣливаться перерѣшать по своему вопросы вѣры, нарушая неприкосновенность вѣковыхъ традицій. Въ сущности нельзя называть возрожденіемъ это новое отношеніе къ церкви со стороны ея же сторонниковъ и служителей. Втеченіе всего текущаго вѣка постоянно появлялись пророки вѣры, начиная отъ Ламеннэ, молитвенно настроеннаго скептика Ренана, и такіе высокоталантливые писатели, какъ Барбэ д'Оревильи, Гелло, Шюрэ и много другихъ. Измѣнился теперь только самый характеръ апостольства—прежніе пророки были еще болѣе строгими блюстителями католичества, чѣмъ оффиціальная церковь, теперешніе же апостолы отражаютъ въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ современную свободолюбивую душу. Въ церкви воплотились черты французскаго національнаго духа: она консервативна, недоступна вліяніямъ извнѣ, замкнута въ сознаніи своего превосходства. Новое же ученіе, апостоломъ котораго является Шарбоннель, создано современными философскими теченіями и живетъ общеевропейской жизнью, отражая идеи

и настроенія нефранцузскихъ современныхъ мыслителей. Оно свободно отъ слѣпой приверженности къ традиціямъ. И Шарбоннель не одинокъ въ своей миссіи. Значеніе его главнымъ образомъ въ томъ, что, идя противъ широкой національной струи въ религіозномъ обновленіи Франціи, онъ является представителемъ обратнаго, менѣе широкаго, но плодотворнаго и сильнаго теченія—противъ національнаго духа во имя свободы духа.

Качествами своего дарованія и своею натурою Шарбоннель необычайно соотвѣтствуетъ взятой имъ на себя роли апостола. Шарбоннель воспитанникъ Парижскаго университета и принадлежитъ къ молодому поколѣнію, которое развивало свои идеалистическія стремленія подъ вліяніемъ нѣсколькихъ прогрессивныхъ профессоровъ. Идеи Толстого, Метерлинка, а затѣмъ американскихъ моралистовъ, Эмерсона и др. составляютъ его умственный багажъ. Цѣлый рядъ молодыхъ французскихъ писателей воспитался на этихъ и другихъ иностранныхъ мыслителяхъ. Анри Беранже, авторъ «Aristocratie intellectuelle», затѣмъ, литературная молодежь, основавшая журналы «L'art et la vie», «Revue blanche» и др. представляютъ свѣтскую сторону этого движенія и распространяютъ идеи высшей нравственности и идеалистическую философію въ области искусства и мысли. Шарбоннель же перенесъ въ область религіи тѣ же идеи молодой идеалистической Франціи. Разница между нимъ и его товарищами въ томъ, что они мечтатели и поэты, между тѣмъ какъ онъ человѣкъ практическаго дѣла. Самая внѣшность Шарбоннеля изобличаетъ въ немъ проповѣдника и поражаетъ рѣзкимъ отпечаткомъ рѣшительности и вѣры въ себя. Несоразмѣрно длинный лобъ выдаетъ долгую умственную борьбу, между тѣмъ, какъ небольшіе сѣрые глаза съ мягкимъ спокойнымъ взглядомъ свѣтятся добротой и кротостью. Рѣзкія линіи рта и носъ, съ широкими раздувающимися ноздрями, производятъ впечатлѣніе непоколебимой воли и страстности. Въ голосѣ чувствуется привычка убѣждать и подчинять слушателей, а самая манера говорить, спокойная и рѣшительная, вызываетъ довѣріе къ искренности молодого аббата, которому еще нѣтъ 30 лѣтъ и который успѣлъ уже такъ много бороться и пережить за недолгіе годы своей общественной дѣятельности. Наружность Шарбоннеля такъ выдѣляется среди нервно-усталыхъ французскихъ лицъ, что онъ сдѣлался объектомъ для скульпторовъ и живописцевъ. Бюстъ его, еще болѣе подчеркивающій отпечатокъ воли на его некрасивомъ, крестьянскомъ лицѣ, обращалъ на себя вниманіе на прошлогодней парижской выставкѣ на Марсовомъ полѣ, а другой мастерской рисунокъ, воспроизводящій угловатость и силу его лица, сдѣланъ Валлотономъ, талантливымъ иллюстраторомъ извѣстной «Livre de masques» Реми де Гурмона. И въ самомъ дѣлѣ, всякій, кто видѣлъ Шарбоннеля, облеченнаго въ строгую черную рясу, удлинявшую его высокую, узкую и прямую фигуру, въ черныхъ перчаткахъ, корректнаго и спокойнаго въ жестахъ и рѣчахъ, невольно чувствовалъ за его внѣшнимъ обликомъ мятежный духъ наканунѣ важной катастрофы.

И катастрофа эта—разрывъ съ церковью—подготовлялась съ перваго момента, когда Шарбоннель выступилъ съ своими идеями и реформами. Предлогомъ для изложенія своихъ реформаторскихъ замысловъ была для Шарбоннеля пропаганда конгресса религій на подобіе того, который состоялся въ Чикаго въ 1894 г. Конечно, во Франціи мало знали о томъ, что происходило въ Чикаго, и, за исключеніемъ лицъ, непосредственно заинтересованныхъ, никто не зналъ въ точности, что происходило въ Америкѣ. Шарбоннелю прежде всего пришлось ознакомить французскую публику съ отчетомъ о конгрессѣ, въ свое время опубликованномъ французскимъ протестантскимъ духовенствомъ. Затѣмъ, заручившись увѣреніями въ благосклонности папы (Шарбоннель тогда надѣялся, что внесетъ новую жизнь въ католическую церковь, а не долженъ будетъ уйти изъ нея), Шарбоннель сталъ излагать въ газетахъ, журналахъ и публичныхъ лекціяхъ свою мысль объ устройствѣ такого же конгресса въ Парижѣ, во время выставки 1900 г., и сталъ опрашивать представителей всевозможныхъ слоевъ интеллигентнаго Парижа объ ихъ отношеніи къ предполагаемому конгрессу. Онъ обращался и туда, гдѣ его попытка, какъ и все, касающееся религіи, должна была возбудить недовѣріе и даже насмѣшку, затѣмъ обращался и къ непримиримымъ католикамъ, предугадывая отвѣтъ, который можетъ дать ихъ фанатическая ненависть ко всѣмъ другимъ религіямъ. Обращался онъ также и къ представителямъ иныхъ вѣроисповѣданій, къ протестантамъ, къ еврейскому раввину. Ото всѣхъ онъ получалъ обстоятельные и во многихъ случаяхъ интересные отвѣты. Самый этотъ фактъ показалъ серьезную подкладку религіознаго обновленія Франціи. Еще десять лѣтъ тому назадъ попытка Шарбоннеля встрѣтила бы глубокое равнодушіе и никто не откликнулся бы на его призывъ. Теперь же онъ встрѣчалъ отпоръ, но встрѣчалъ и сочувствіе и, во всякомъ случаѣ, всѣ его выслушивали со вниманіемъ. Шарбоннель объединилъ въ одной книжкѣ всѣ полученные имъ отвѣты, присоединилъ къ нимъ свои собственныя статьи и свои лекціи и издалъ въ одной книгѣ подъ заглавіемъ «Congres universel des religions en 1900;—histoire d'une idée». Книга получилась чрезвычайно любопытная для характеристики общественнаго мнѣнія во Франціи и затѣмъ для характеристики также католической церкви и ея противниковъ въ лицѣ самого Шарбоннеля и всей группы молодой либерально-католической церкви. Послѣ фактическаго изложенія того, что происходило на конгрессѣ въ Чикаго, Шарбоннель излагаетъ въ талантливо и убѣжденно написанной статьѣ свою идею о конгрессѣ. Въ сущности, идея о конгрессѣ интересуетъ его главнымъ образомъ потому, что этимъ путемъ онъ надѣется обновить французскій католицизмъ, внести въ него свѣжую струю и заставить его отказаться отъ своей замкнутости и несвободы. Въ Америкѣ конгрессъ былъ созванъ католиками, но во Франціи—Шарбоннель это знаетъ—оффиціальная католическая церковь будетъ противъ него, и пропаганду свою онъ начи-

наетъ прежде всего со смѣлыхъ нападокъ на это оффиціальное духовенство. «Французское духовенство»,—говоритъ онъ,—«проникнуто всецѣло духомъ дисциплины и не знаетъ на иниціативы, ни прогресса. События управляютъ имъ по мѣрѣ того, какъ ихъ сложное сочетаніе порождаетъ трудности, которыя нужно разрѣшить, или заставляетъ принять рѣшеніе. Оно не ведетъ и не управляетъ теченіемъ событій». Въ конгрессѣ религій Шарбоннель видитъ прежде всего противовѣсъ фанатизму. Безъ контроверсій, безъ полемики, всѣ стали бы излагать на немъ по очереди свои различныя вѣрованія, различныя формы единой религіозной идеи. Самое важное для Шарбоннеля—и онъ осмѣливается говорить это, будучи сыномъ католической церкви и надѣясь быть ею услышаннымъ—вѣра, «которая по своей природѣ заключается гораздо менѣе въ соглашеніи интеллекта съ извѣстными догматами, чѣмъ въ чисто нравственномъ и душевномъ дарѣ. Даръ этотъ мы должны обращать не на догматическіе символы, которые раздѣляютъ насъ, а на ту сущность религій которая насъ объединяетъ—Богъ, Христосъ, вѣчная жизнь». Онъ считаетъ возможнымъ объединеніе вѣрующихъ, хотя знаетъ доводы, которые приведутъ противъ этого католики. Въ его книгѣ большинство отвѣтовъ католическихъ властей звучатъ рѣзко и неблагожелательно. Только немногіе, какъ знаменитый французскій проповѣдникъ о. Дидонъ, депутатъ аббатъ Лемиръ, сочувствуютъ проекту, между тѣмъ, какъ парижскій архіепископъ и цѣлый рядъ духовныхъ и свѣтскихъ католиковъ осуждаютъ Шарбонелля, какъ еретика. Касаньякъ написалъ съ обычнымъ фанатизмомъ необузданную статью, гдѣ сравниваетъ молодого аббата съ поѣздомъ, сошедшимъ съ рельсъ. Но зато Шарбонеллю пришлось встрѣтить и много сочувствія. Цѣлый рядъ писателей, какъ Сабатье. авторъ книги о Францискѣ Ассизскомъ, публицисты Фукье, Коппэ, Эд. Родъ, даже Золя, затѣмъ разные представители другихъ религій, раввинъ Цадокъ Канъ, шведскій священникъ Зудерблюмъ, извѣстный моралистъ Карлъ Вагнеръ, депутатъ Жозефъ Рейнахъ и цѣлый рядъ другихъ написали Шарбоннелю обстоятельныя и интересныя письма, одобряя конгрессъ религій и за то, что онъ можетъ внести духъ вѣротерпимости, и за то, что онъ соотвѣтствуетъ современному интересу къ религіознымъ вопросамъ. Все это говорилось еще тогда, когда предполагалось, что конгрессъ долженъ быть именно съѣздомъ церковныхъ представителей, созваннымъ католиками и занимающимся изложеніемъ различныхъ церковныхъ вѣрованій. Но, къ счастью для Шарбоннеля и для будущаго конгресса, этотъ проектъ оказался неосуществимымъ, вслѣдствіе полной нетерпимости французскихъ католиковъ. Тогда, отказавшись отъ содѣйствія католическаго духовенства, Шарбоннель видоизмѣнилъ свою первоначальную мысль, а конгрессъ религій замѣнился въ его проектѣ конгрессомъ, на который явятся не представители церквей, а люди, интересующіеся вопросами вѣры и духа, философы и вѣрующіе, и станутъ излагать самыя различныя пониманія божественной тайны и отношенія къ ней че-

ловѣка. Въ этомъ видѣ конгрессъ выходитъ изъ-подъ вѣдомства католическаго духовенства и становится дѣломъ общеевропейскимъ, интересующимъ всѣхъ, кому близки вопросы духа.

Французскіе устроители конгресса, т.-е. Шарбоннель, аббатъ Феликсъ Клейнъ и нѣкоторые другіе члены «либеральной церкви» составили комитетъ и заручились симпатіями самыхъ выдающихся европейскихъ мыслителей и практическихъ дѣятелей. Имена Толстого и Гладстона значатся въ числѣ лицъ, обѣщавшихъ участвовать въ комитетѣ, и одно это показываетъ, какъ разрослась первоначальная идея съѣзда церквей. Если конгрессъ состоится—а это кажется почти несомнѣннымъ,—то онъ будетъ зрѣлищемъ достойнымъ историческаго момента, къ которому будетъ пріуроченъ. На рубежѣ двухъ вѣковъ люди сойдутся въ поискахъ Бога, безъ фанатизма, безъ желанія извлечь жизненные результаты изъ своего стремленія къ отвлеченной истинѣ. Философы и вѣроучители будутъ излагать свои взгляды на вопросы нравственной важности. Въ виду происшедшаго теперь полнаго отдѣленія Шарбоннеля отъ церкви, участіе католическаго духовенства будетъ, вѣроятно, вполнѣ отстранено, а съ нимъ исчезнетъ и всякій оттѣнокъ фанатизма.

Пропаганда конгресса религій и борьба съ католической церковью рисуютъ Шарбоннеля, какъ практическаго дѣятеля. Но онъ интересенъ, кромѣ того, какъ писатель, чутко и умно отражающій духовный міръ молодой Франціи. Книга Шарбоннеля о мистикахъ въ современной французской литературѣ—«Les mystiques de la littérature présente» отличается совершенно особенными качествами. Она написана человѣкомъ, находящимся въ центрѣ движенія, которое онъ описываетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно холоднымъ и умнымъ, чтобы различать въ этомъ движеніи пустое и поверхностное отъ серьезныхъ литературныхъ явленій. Нигдѣ такъ не господствуютъ сужденія en bloc, какъ во Франціи, и потому толки о религіозномъ обновленіи сводились до сихъ поръ къ какимъ-то партійнымъ восторгамъ. Шарбоннель даетъ трезвую картину религіознаго настроенія въ новой французской литературѣ, пытается найти источникъ этого движенія, классифицируетъ самыя явленія и знакомитъ съ многими малоизвѣстными писателями, давая мѣткія ихъ характеристики. Значеніе книги его двоякое: она стремится уничтожить цѣлый рядъ литературныхъ предразсудковъ, существующихъ во Франціи; иностранцамъ-же она открываетъ совершенно неизвѣстный міръ и указываетъ на искреннихъ искателей истины тамъ, гдѣ предубѣжденный европейскій читатель ожидаетъ встрѣтить все ту-же торжествующую французскую blague.

Задача Шарбоннеля необычайно трудная. Какъ говорить о представителяхъ мистицизма, когда самое понятіе мистицизма такъ исказилось, пройдя черезъ жаргонъ журнальной прессы и бульварнаго шутовства? Съ первыхъ же страницъ книги Шарбоннеля мы видимъ, что источникомъ мистицизма считается русскій романъ, привитый во Франціи заботами виконта Мельхіора де-Вогюэ. Какое, казалось бы, отношеніе

между строгой этической проповѣдью Толстого и сатанизмомъ Гюисманса? А между тѣмъ началомъ новой эры, т.-е. паденіемъ натурализма и провозглашеніемъ идеализма въ искусствѣ считается 1886 г., когда появился «Roman russe» Мельхіора Вогюэ. Книгу Вогюэ сравнивали по ея вліянію на общество съ предисловіемъ къ «Кромвелю» В. Гюго, и одна изъ заслугъ Шарбоннеля заключается въ рѣзкой критикѣ этой книги. Шарбоннель самъ настолько проникнутъ вліяніемъ нефранцузской культуры, что не можетъ быть подкупленъ писателемъ только потому, что онъ вноситъ иноземный элементъ во французскую литературу. Онъ видитъ поверхностность элегантнаго академика и стремится разрушить его обаяніе, доказывая, что русскій романъ слѣдуетъ изучать въ немъ самомъ, а не ослабленнымъ сантиментальностью Вогюэ. Говоря о предшественникахъ современнаго мистицизма, Шарбоннель останавливается главнымъ образомъ на прежнихъ французскихъ поэтахъ и писателяхъ-мистикахъ, болѣе или менѣе забытыхъ въ настоящее время. Въ очень интересной главѣ, озаглавленной «A travers les chapelles mystiques», Шарбоннель даетъ цѣлый рядъ интересныхъ характеристикъ Бодлера, Барбэ д'Оревильи и Вилье де-Лиль Адана, «этихъ умершихъ священнослужителей, пророческій голосъ которыхъ затихъ». Переходя затѣмъ къ новымъ, Шарбоннель обнаруживаетъ почти исчерпывающее богатство свѣдѣній. Онъ признаетъ, напр., въ Саръ Пеладанѣ талантъ, хотя и называетъ его «рекламистомъ идеализма». Шарбоннель смѣется надъ афектаціей и крикливымъ дэндизмомъ Саръ Пеладана, но чувствуетъ, что за этимъ внѣшнимъ оригинальничаньемъ скрывается серьезное литературное явленіе и вѣритъ, что Саръ Пеладанъ и основанные имъ salons de la Rose Croix содѣйствовали возрожденію идеалистическаго искусства. Изъ неизвѣстныхъ за предѣлами Франціи современныхъ мистиковъ Шарбоннель останавливается на интересномъ молодомъ писателѣ Реми де-Гурмонѣ и выдѣляетъ его изъ числа поверхностныхъ мистиковъ-журналистовъ, вродѣ Жюля Буа. «Часовня» Реми де-Гурмона скорѣе напоминаетъ старинную церковь; въ нее онъ идетъ пѣть себѣ и для себя одного литургическія поэмы въ тѣ одинокіе часы, когда колѣнопреклонныя женщины просятъ у Господа успокоенія отъ своихъ скорбей». Этимъ сравненіемъ Шарбоннель передаетъ искренность и уединенность автора «Latin mystique», книги, которая по эрудиціи подобна трудамъ ученыхъ бенедиктинцевъ, а по независимости сужденій и метода достойна современнаго ученаго. Шарбоннель не чуждъ влеченія къ пророчеству и апостольству, и вотъ почему его привлекъ образъ одного изъ непосредственныхъ предшественниковъ свободнаго пророчества въ современной Франціи. Пророкъ этотъ,—Эрнестъ Гелло, умершій въ 1855 г., т.-е. когда новыя настроенія только что стали проявлять себя въ молодой поэзіи. Поэтому при жизни Гелло имѣлъ не много послѣдователей и былъ даже малоизвѣстенъ. Впервые его открылъ Гюисмансъ въ романѣ «A rebours», но съ тѣхъ поръ авторъ смѣлыхъ и вдохновенныхъ книгъ, каковы: «Phi-

losophie et Athéisme» и въ особенности «L'homme» сталъ однимъ изъ кумировъ молодой Франціи. Вліяніе это Шарбоннель объясняетъ главнымъ образомъ тѣмъ, что Гелло былъ истиннымъ пророкомъ по темпераменту, хотя, какъ фанатикъ, разсуждалъ большой частью узко и невѣрно. «Странное сочетаніе въ немъ»,—говоритъ Шарбоннель,—«проницательнаго аналитическаго ума и библейскаго паѳоса, свободнаго теченія мысли и фанатической вѣры нравится нашему поколѣнію, которое постоянно стремится сочетать утонченность независимой критики съ мистическимъ настроеніемъ или даже съ высшимъ смиреніемъ полной вѣры». Шарбоннель приписываетъ Гелло вліяніе на такихъ художниковъ, какъ Метерлинкъ, полагая, что, быть можетъ, потому Метерлинкъ сталъ переводить Рюисброка или написалъ нѣкоторыя страницы «Trésor des Humbles», что «Гелло засѣялъ ниву, на которой теперь поднимается золотая жатва новыхъ идей и новаго искусства».

Вліяніе Гелло основано было на полной убѣжденности въ томъ, что вѣра его истинна. Онъ вѣрилъ только въ Христа, и крестъ казался ему высшимъ символомъ, послѣднимъ словомъ философіи и науки, истинной, заключающей въ себѣ всѣ остальныя. Пророчество поддерживало его на высотѣ мысли, соотвѣтствующей его натурѣ. «Современная молодежь»,—говоритъ Шарбоннель,—«преклоняется передъ нимъ, какъ передъ сильной личностью среди общей нравственной разшатанности, какъ передъ человѣкомъ, обладающимъ вѣрой и убѣжденіями среди нашихъ интеллектуальныхъ сомнѣній, страстнымъ писателемъ среди нашего литературнаго скептицизма и, наконецъ, мистическимъ пророкомъ среди общей вульгарности и плоскости». Самъ Шарбоннель является прекраснымъ историкомъ прошлаго умственнаго движенія и послѣдователемъ новаго. Въ жизни онъ продѣлалъ путь, ведущій отъ церковности къ свободной вѣрѣ, а въ литературѣ тотъ-же путь обозначался у него тѣмъ, что послѣ исторіи мистицизма появилась другая книга «La volonté de vivre». Въ ней бывшій священникъ католической церкви становится жрецомъ «религіи идеала». Книга эта написана подъ сильнымъ вліяніемъ идей Толстого и Эмерсона.

ЖУРНАЛИСТИКА.

«Варшава и Вильна въ 1863 г.», статья г. Тихомірова.—Русско-польское соглашеніе и проектъ генерала Кирѣева. — Старо-католики. — Старокатолическій конгрессъ. — Переговоры о единеніи старо-католиковъ съ православною церковью.

Повидимому, «Московскія Вѣдомости» съ нѣкоторыхъ поръ избрали своей спеціальностію отыскиваніе въ нашемъ недавнемъ прошломъ героевъ «русской исторической идеи», т.-е. «энергическихъ» патріотовъ, спасавшихъ Россію на перекоръ всему и даже стихіямъ отъ неминуемой и окончательной погибели. Объ одномъ такомъ «спасителѣ»,—Катковѣ,—мы уже имѣли случай бесѣдовать съ читателями. Теперь, благодаря тѣмъ-же «Московскимъ Вѣдомостямъ», мы можемъ представить имъ и другого спасителя русской исторической идеи,—графа М. Н. Муравьева, который съ нескрываемой гордостію говорилъ о себѣ:—«я—не изъ тѣхъ, которыхъ вѣшаютъ, я—изъ тѣхъ, которые вѣшаютъ». Такъ вотъ этого самаго Муравьева проницательныя «Московскія Вѣдомости», устами г. Тихомирова, возвели нынче въ санъ спасителя. И надо отдать имъ полную справедливость: сдѣлали они это очень ловко, даже талантливо, хотя, можетъ быть, кое-что и пересолили въ своемъ будто-бы патріотическомъ рвеніи. Въ своей статьѣ «Варшава и Вильна въ 1863 году» г. Тихомировъ старается доказать, что въ 1863 году графъ Муравьевъ былъ буквально *единственнымъ* лицомъ, которое могло подавить польское возстаніе. Не будь его, не догадайся русское правительство назначить его виленскимъ генералъ-губернаторомъ,—и Россіи пришлось-бы во всеуслышаніе воскликнуть: «пиши пропало»; она оказалась-бы расчлененной, царство Польское и Литва отдѣлились-бы отъ нея и, конечно, составили-бы независимое государство.

Исходя изъ того, чрезвычайно остроумнаго и совершенно несомнѣн-

наго положенія, что «безъидейное положеніе есть положеніе безсмысленное», г. Тихомировъ утверждаетъ, что никакая смѣна лицъ, умовъ, энергіи не могла принести измѣненія въ общемъ ходѣ событій, потому что съ польской стороны неудержимо развивалась дѣйствительно историческая идея, глубокая, тысячелѣтняя, а съ нашей стороны была лишь идея административная. «Никакой *своей* идеи мы не умѣли дать Варшавѣ. Мы старались только ослабить притязанія польской идеи, но разъ давши полякамъ нравственный перевѣсъ передъ собой, не могли, конечно, избѣжать послѣдствій этого перевѣса. Сила поляковъ росла, росла ихъ самоувѣренность, а съ ней и дерзость. Мы-же, разъ отрекшись отъ своей идеи въ политикѣ, естественно могли лишь понижаться все болѣе и, въ концѣ концовъ, возложивъ всѣ упованія на маркиза Велепольскаго, собственное вниманіе устремивъ на чисто-внѣшнее поддержаніе порядка, потеряли даже силу слѣдить за подкладкою манифестацій. Безъидейность власти и ея колебанія такъ деморализовали всѣхъ, что громаднѣйшій, когда-либо бывшій на свѣтѣ, заговоръ оставался для властей невидимымъ и не возбуждалъ ихъ вниманія». Въ эту именно критическую минуту, когда казалось все погибло, когда въ Петербургѣ уже примирились съ возможностію потерять Царство Польское и старались только удержать Литву,—въ это самое время выступилъ на сцену дѣйствія «русскій духъ». Муравьевъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ и все, разумѣется, немедленно измѣнилось. Сущность системы Муравьева,—поучаетъ насъ г. Тихомировъ,—заключалась не въ крутыхъ мѣрахъ (хотя ихъ было очень много) и даже не въ энергіи. Она заключалась въ томъ, что къ данному частному проявленію польско-русскаго спора Муравьевъ отнесся совершенно также, какъ относится къ нему «сама исторія русская». Его поразительный успѣхъ зависѣлъ прежде всего отъ того, что онъ имѣлъ *русскій* геній, а потому и *русское* историческое чутье. Онъ понималъ, что противъ насъ идетъ польская историческая идея; онъ отнесся къ ней съ точки зрѣнія русской исторической идеи, и безъ малѣйшаго страха, потому что понималъ, что русская идея, пока она остается сама собой—сильнѣе польской. Этимъ и объясняется,—думаетъ г. Тихомировъ, быстрый успѣхъ Муравьева и подавленіе возстанія. Такимъ образомъ, «М. Н. Муравьевъ есть центральная историческая личность, воплощеніе русскаго духа, выступавшаго на борьбу противъ польскаго, въ спорѣ 1863 года. Все, что дѣйствительно было страшно мятежу—такъ или иначе группируется вокругъ Муравьева, или прямо имъ вдохновленное и наученное, или примыкая къ нему сочувственно и энергически, какъ къ главной силѣ».

Такова тема г. Тихомирова. Но если даже и допустить что Муравьевъ въ Литвѣ, дѣйствительно, проявлялъ русскій духъ,—то въ чемъ-же онъ состоялъ? Г. Тихомировъ защищаетъ Муравьева отъ обвиненія въ жестокости, хотя онъ же утверждаетъ, что за свое пребываніе въ Вильнѣ

Муравьевъ казнилъ, отправилъ на каторгу и въ арестантскія роты, на поселеніе, отдалъ въ солдаты 9,291 человѣкъ.

Нынче въ большой модѣ толки о «русско-польскомъ соглашеніи» и о примиреніи съ поляками. Чуть не ежедневно въ нашей печати появляются программы, проекты, планы примиренія, основанные или на экономическихъ отношеніяхъ, или на «голосѣ сердца», или на чемъ-нибудь иномъ; всѣхъ конечно не перечтешь. Но нужно сказать, что большинство этихъ плановъ, исходящихъ изъ консервативнаго лагеря, имѣютъ характеръ простого и самого чистаго status quo. Консерваторы такъ и говорятъ полякамъ: «pas des rêveries, messieurs, pas des rêveries; будьте довольны тѣмъ, что имѣете, и не мечтайте о какихъ-либо послабленіяхъ». Все это, конечно, очень мило со стороны нашихъ консерваторовъ, но не говоритъ о ихъ практичности, ибо изъ ничего—ничего не сошьешь, даже примиренія. Однако, есть одинъ планъ настолько любопытный и своеобразный, что его стоитъ отмѣтить. Это—планъ генерала Кирѣева.

Генералъ Кирѣевъ, будучи славянофиломъ новѣйшей формаціи, извѣстенъ какъ человѣкъ, спеціально занимающійся церковными вопросами. Онъ писалъ о возсоединеніи церквей, объ уніи, о старо-католикахъ. Въ особенности старо-католики привлекаютъ его вниманіе за послѣднее время; онъ посѣщаетъ старо-католическіе конгрессы, находится въ близкихъ сношеніяхъ со многими старо-католиками и, кажется, серьезно увѣренъ, что не за горами то время, когда старо-католики будутъ приняты въ лоно православной церкви. Вѣроятно, это послѣднее обстоятельство и дало ему поводъ сказать и свое слово о «примиреніи». Свой взглядъ онъ высказалъ въ «Новомъ Времени» (№ 7792). Онъ думаетъ, что примиреніе возможно именно на старо-католической почвѣ, и даже исключительно на этой почвѣ. Главный нашъ врагъ, говоритъ онъ, и злой геній Польши—фанатикъ Римъ! Кто помѣшалъ Владиславу IV соединить Россію съ Польшею? Римъ, іезуиты! Кто былъ причиною, что Янъ Казимиръ отмѣнилъ и тѣ небольшія льготы, которыя были даны православнымъ

его братомъ? Тѣ-же іезуиты! Не будь участія ксендзовъ въ движеніи 1862—63 годовъ, никогда оно не приняло-бы такихъ размѣровъ. Но какимъ образомъ смягчить эти враждебныя отношенія? Есть надежда на ихъ измѣненіе? При настоящемъ положеніи дѣлъ, такой надежды нѣтъ. Тѣ, которые толкуютъ о примиреніи, или прямо лукавятъ, желаютъ отвести намъ глаза, или не понимаютъ собственныхъ своихъ словъ. Какой-же возможенъ исходъ изъ даннаго положенія? Какимъ путемъ могутъ быть возстановлены добрыя отношенія между западнымъ христіанствомъ и нами (православною церковью и православнымъ государствомъ). Путь этотъ—старо-католицизмъ, т. е. католичество, очищенное отъ римскихъ новшествъ, отъ папской непогрѣшимости и отъ іезуитизма, т. е. православіе западнаго обряда, то самое православіе, которое существовало на западѣ до раздѣленія церквей, которое было въ догматѣ—едино съ нами (хотя отличалось въ обрядахъ и богословскихъ мнѣніяхъ). На этомъ пути, какъ думаетъ генералъ Кирѣевъ, только и достижимо соглашеніе. Однако, искренно вѣруя въ возможность такого соглашенія, генералъ Кирѣевъ не формулируетъ точнѣе свои мысли и даже не намекаетъ на то, какимъ практическимъ путемъ возможно примиреніе между русскими и поляками на старо-католической почвѣ. Приходится думать, что и самъ генералъ Кирѣевъ не отдаетъ себѣ отчета въ этомъ отношеніи, да и мудрено, чтобъ онъ когда-нибудь пришелъ къ какому-либо опредѣленному выводу, потому что и самое основаніе, на которомъ онъ строитъ будущее соглашеніе, не только шатко, но и построено на пескѣ, т. е. другими словами, фиктивно и не имѣетъ никакихъ корней въ дѣйствительности. Прежде всего, спрашивается: кто-же будетъ хлопотать объ созданіи въ Польшѣ національной, т. е. старо-католической церкви? Разумѣется, не администрація и не правительство, потому что принципъ русскаго государства — вѣротерпимость и невмѣшательство въ дѣла совѣсти. Все, что можетъ сдѣлать администрація и правительство, это—допустить въ Польшѣ пропаганду старо-католическихъ идей. Но если такая пропаганда и будетъ допущена, если она будетъ вестись даже страстно и энергически, то въ лучшемъ случаѣ можно съ натяжниками предвидѣть образованіе въ Царствѣ Польскомъ ничтожной старо-католической секты съ двумя-тремя женатыми ксендзами, секты, которая не только не будетъ имѣть какого-либо практическаго значенія, но будетъ внушать къ себѣ недовѣріе, а можетъ быть даже и презрѣніе остального католическаго населенія. Она будетъ обречена на медленное умираніе и рано или поздно умретъ; но прежде, чѣмъ умереть, она можетъ вызвать, какъ реакцію, болѣе живую и страстную приверженность къ римскому католицизму въ населеніи, которое увидитъ въ старо-католицизмѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ политическую интригу. Ссылка генерала Кирѣева на то, что въ Сѣверной Америкѣ уже существуетъ польская старо-католическая церковь, состоящая изъ 40,000 человѣкъ, едва-ли заслуживаетъ довѣрія. Вѣроятнѣе всего, что ген. Кирѣевъ былъ введенъ въ заблуж-

деніе и легкомысленно повѣрилъ слишкомъ недостовѣрнымъ слухамъ... Во-первыхъ, во всей Америкѣ (какъ Сѣверной такъ и Южной) не наберется сорока тысячъ человѣкъ поляковъ, а во-вторыхъ трудно допустить, чтобы сѣверо-американскіе поляки стремились къ отдѣленію отъ римскаго католицизма, въ особенности теперь, когда римскій католицизмъ завоевываетъ себѣ въ Америкѣ все болѣе и болѣе широкое поле дѣятельности.— Объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ авторитетныя американскія газеты. Нигдѣ школа, какъ высшая, такъ и низшая, не поставлена въ настоящую минуту такъ хорошо и раціонально, какъ у католиковъ въ Америкѣ. Съ другой стороны, римская курія, вслѣдствіе настояній кардинала Джибонса, отпускаетъ огромныя суммы на благотворительную дѣятельность; американскіе поляки почти исключительно люди бѣдные, безъ всякихъ средствъ, для которыхъ существенная помощь изъ католическихъ суммъ является не только временной поддержкой, но и крайней необходимостью, тѣмъ болѣе, что, какъ мы уже сказали, ихъ немного,—немного потому что поляки, какъ другіе славяне, не любятъ покидать родины (еслибъ даже имъ жилось и плохо на родинѣ) безъ крайней необходимости.

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить также и слѣдующее. Г. Багницкій, разбирая планъ ген. Кирѣева («Биржевыя Вѣдомости», № 305) указываетъ на многочисленныя попытки съ русской стороны привлечь православную церковь на помощь въ борьбѣ руссицизма съ полонизмомъ. Такъ въ «Очеркахъ Привислянья» г. В. Р. на возсоединенное съ православіемъ эксъ-уніатское Забужье возлагается въ католической Польшѣ миссія, какую протестантскій Ульстеръ исполнилъ въ католической Ирландіи. Г. Пятковскій передаетъ въ своихъ «Живыхъ вопросахъ» показаніе русскаго старожила въ Вильнѣ, что одинъ изъ мировыхъ посредниковъ, убѣжденный, подобно ген. Кирѣеву, что весь русско польскій антагонизмъ коренится въ вѣроисповѣданіи, обратилъ въ православіе двѣнадцать тысячъ крестьянъ-католиковъ. «При такомъ образѣ дѣйствій съ русской стороны,—прибавляетъ г. Багницкій,—ясно, что все сознательно самобытничающее въ польской средѣ, въ томъ числѣ и ревностнѣйшіе ксендзы—написты и полнѣйшіе атеисты или хулители римской церкви, какимъ, напр., является г. Свентоховскій въ своихъ «Путевыхъ письмахъ», будутъ тѣмъ крѣпче держаться за католицизмъ ортодоксальный и открещиваться отъ старо-католицизма, чѣмъ чаще и настойчивѣе будутъ въ Россіи раздаваться голоса въ пользу-ли прекращенія ксендзовскаго безбрачья, или порванія узъ съ папизмомъ, ибо этотъ послѣдній служитъ и впредь призванъ служить болѣе сильнымъ подспорьемъ въ охранѣ національной самобытности, чѣмъ былъ бы и старокатолицизмъ». Основываясь на этихъ соображеніяхъ, приходится заключить, что проектъ ген. Кирѣева, оставляя въ сторонѣ его непрактичность и даже прямо непримѣнимость, имѣетъ еще то неудобство, что онъ, въ случаѣ его примѣненія, усилилъ бы антагонизмъ между русскими и поляками, тотъ самый антагонизмъ, устраненіе котораго такъ желательно

даже ген. Кирѣеву. Заканчивая свое письмо, г. Багницкій прибавляетъ: «Думается мнѣ еще, что отождествляя католицизмъ съ іезуитствомъ, генералъ Кирѣевъ дѣлаетъ промахъ, равносильный смѣшиванію греко-восточной церкви съ византійствующимъ фанаріотствомъ». Нельзя не присоединиться къ этимъ словамъ. Въ русскомъ обществѣ это смѣшеніе встрѣчается слишкомъ часто. Объясняется это явленіе, вѣроятнѣе всего, простымъ незнакомствомъ съ условьями, въ которыхъ находится католицизмъ, и съ ролью, которую играетъ въ немъ орденъ іезуитовъ, точно также, какъ тѣмъ-же незнакомствомъ объясняется то, что русское общество, въ большинствѣ случаевъ, имѣетъ самыя странныя понятія о фанаріотствѣ, которое привело на Балканскомъ полуостровѣ къ тому, что Болгарія и Сербія, вслѣдствіе притѣсненій фанаріотовъ, принуждены были отдалиться отъ константинопольскаго патріаршества и образовать отдѣльную авто-кеоальную церковь, которая по своей малочисленности оказалась безсильной и не вліятельной. Но странно, что ген. Кирѣевъ, который давно занимается религіозными и церковными вопросами, рѣшается смѣшивать римскій католицизмъ съ іезуитствомъ.

Позволительно догадываться, что мысль основать русско-польское соглашеніе на старокатолицизмѣ возникла у ген. Кирѣева подъ живымъ впечатлѣніемъ преній на старо-католическомъ конгрессѣ, бывшемъ въ Вѣнѣ втеченіи августа мѣсяца. Ген. Кирѣевъ—большой сторонникъ старокатолицизма, такой сторонникъ, что въ вопросѣ о старокатолицизмѣ онъ даже расходится въ мнѣніяхъ съ авторитетными представителями православной церкви, напр., съ проф. Гусевымъ. Генералъ Кирѣевъ горячо защищаетъ мысль о сліяніи старокатолицизма съ православіемъ, объ этомъ онъ не разъ высказывался печатно и неукоснительно принимаетъ участіе во всѣхъ старокатолическихъ конгрессахъ, гдѣ о возможности этого сліянія постоянно идетъ рѣчь. Была эта рѣчь и на послѣднемъ четвертомъ конгрессѣ, бывшемъ недавно.

Въ русской печати этотъ конгрессъ отразился кое-какими газетными корреспонденціями и обстоятельной статьей протоіерея Янышева, напечатанной въ «Церковномъ Вѣстникѣ». Во всякомъ случаѣ, конгрессъ этотъ вызвалъ у насъ оживленные толки, такъ что въ журнальномъ обозрѣніи намъ не приходится обойти его молчаніемъ, тѣмъ болѣе, что онъ затрогиваетъ нѣкоторые существенные вопросы нашей церковной жизни.

Уже давно (въ 1874 г.), вскорѣ послѣ возникновенія отдѣльной старокатолической общины, среди старокатоликовъ возникло движеніе, имѣющее цѣлью присоединеніе старокатолической общины къ православію, но официально этотъ вопросъ былъ поставленъ только на второмъ старокатолическомъ конгрессѣ 1892 года. Для разработки этого вопроса тогда же была образована въ Петербургѣ при Святѣйшемъ Синодѣ комиссія подъ предсѣдательствомъ высокопреосв. Антонія, архіепископа финляндскаго,

а у старокатоликовъ такъ называемая Ротердамская комиссія. Обѣ комиссіи были образованы для разработки и согласованія тѣхъ догматическихъ разногласій, которыя отличаютъ одно вѣроисповѣданіе отъ другого. Всѣ они, главнымъ образомъ, сводятся къ вопросамъ: о filioque въ символѣ вѣры, о евхаристіи и посвященіи голландскихъ старокатолическихъ епископовъ. По вопросу о filioque с.-петербургская комиссія заявила, что считаетъ необходимымъ для соединенія старокатоликовъ съ православными, чтобы всѣ старокатолическія общины устранили эту вставку изъ символы вѣры и изъ катехизисовъ, если только есть общины, которыя до сихъ поръ еще не сдѣлали этого. По вопросу о евхаристіи с.-петербургская комиссія «предложила» старокатоликамъ принять полностію ученіе православной церкви о евхаристіи. Наконецъ, о посвященіи епископовъ с.-петербургская комиссія выразилась такъ: «Мы вполнѣ понимаемъ всѣ трудности, въ какія поставлена была теченіемъ историческихъ событій голландская церковь въ началѣ XVIII столѣтія, вынужденная для своей іерархіи прибѣгнуть къ католическимъ неправильностямъ. Но принимая во вниманіе, что утрехтская іерархія получила свое начало отъ епископа запрещеннаго, а потомъ и отлученнаго, и руководствуясь канонами вселенской церкви, продолжаемъ утверждать, что іерархія сія канонически неправильна, а равно неправильна и происшедшая отъ нея іерархія старокатолическая, и что вопросъ о ея дѣйствительности и признаніи ея законною можетъ быть рѣшенъ только голосомъ церкви, когда старокатолики обратятся къ ней съ исповѣданіемъ своей вѣры и съ заявленіемъ своихъ искреннихъ желаній быть принятыми въ единеніе и общеніе съ нею». По этому поводу необходимо привести небольшую историческую справку. Дѣйствительно, происхожденіе утрехтской іерархіи неправильно. Утрехтская церковь въ 1559 г. была возведена папой въ достоинство архіепископіи; но со смерти архіепископа (1580) прекратилось и ея нормальное существованіе. Вслѣдствіе затрудненія, которыя дѣлали реформаты назначеннымъ архіепископамъ, папы замѣнили архіепископовъ сперва апостольскими викаріями, потомъ нунціями, которые титула архіепископа утрехтскаго не носили, но всѣ были episcopi in partibus и жили не въ Утрехтѣ, а или въ Кёльнѣ или въ Брюсселѣ. Послѣдній изъ этихъ нунціевъ, архіепископъ севостійскій Кодде, былъ вызванъ въ Римъ на судъ по обвиненію въ янсенизмѣ и въ 1704 г. низложенъ. Но утрехтская паства противъ этого приговора протестовала, голландское правительство назначеннаго на мѣсто Кодде преемника изгнало. Такимъ образомъ и началась схизма утрехтской церкви. Лишь въ 1723 г. утрехтскій капитулъ, не имѣя на то полномочій отъ папы, рѣшилъ избрать Корнелія Стеенованa въ архіепископа утрехтскаго и такимъ образомъ возстановить существованіе архіепископской каѳедры утрехтской. Стеновенъ былъ рукоположенъ въ епископа Доминикомъ Маріею Варлé, епископомъ вавилонскимъ in partibus, который священнодѣйствовалъ одинъ, безъ ассистентовъ, рукополагалъ въ области ему неподвѣдомой, кано-

нически не имѣлъ права приступить къ хиротоніи, тѣмъ болѣе, что еще раньше ему было объявлено запрещеніе въ священнослуженіи. Такимъ образомъ, ясно, что утрехтская церковь фактически лишена была возможности возстановить свою іерархію канонически, licite, regulariter, такъ какъ единственный открытый путь къ этой каноничности состоялъ въ полной покорности папѣ. А такъ какъ старокатолическіе епископы Рейнкенсъ и Герцогъ рукоположены утрехтскимъ епископомъ, то и они являются, такъ сказать, самозванными епископами и носятъ титулъ имъ не принадлежащій. Православная церковь признать ихъ не можетъ.

Таково было рѣшеніе с.-петербургской комиссіи. Все это было высказано въ изысканно вѣжливой формѣ, но прямо и категорично. Ротердамская старокотолическая комиссія отвѣтила уклончиво, однако такъ, что соглашеніе по этимъ важнымъ вопросамъ представляется весьма мало вѣроятнымъ или даже совсѣмъ невѣроятнымъ. Со стороны православной церкви нѣтъ возможности ожидать какихъ-либо уступокъ; съ другой стороны едва-ли и старокатолики сдѣлаютъ ихъ, не отрекаясь отъ своего прошлаго, потому что это значило-бы признать себя не правыми въ отдѣленіи отъ римскаго католицизма. Нѣкоторое соглашеніе (впрочемъ, съ натяжками), вѣроятно, можетъ быть въ вопросахъ догматическихъ, но въ вопросѣ о правильной хиротоніи православная церковь можетъ только настаивать на томъ, что старокатолики свое епископство могутъ получить только отъ православной церкви, но на это, разумѣется, не согласятся старокотолики, не отрекаясь отъ своей авто-кеѳальности. Все это приводитъ насъ къ заключенію, что никакого соглашенія, ни единенія между православіемъ и старокатоликами не состоится и надо удивляться, что еще встрѣчаются люди (въ родѣ ген. Кирѣева), которые не на шутку мечтаютъ объ этомъ единеніи. Объ этомъ-же единеніи мечтаютъ и старокатолики; это ясно видно изъ отчетовъ о старокатолическомъ конгрессѣ. Такъ какъ на интернаціональныхъ старокатолическихъ конгрессахъ не дозволяются пренія или разсужденія о какихъ-либо догматахъ, то понятно, что и послѣдній конгрессъ представлялъ мало интереса. Когда одинъ изъ членовъ предложилъ возобновить въ Боннѣ конференціи для разсмотрѣнія разностей, отличающихъ независимыя отъ Рима церкви одну отъ другой, то представитель нашего Синода, о. Янышевъ, категорически выразилъ сомнѣніе, найдутъ-ли нужнымъ представители восточной церкви участвовать въ предполагаемыхъ конференціяхъ. Такимъ образомъ, конгрессъ, не имѣя возможности разсуждать по существу, ограничился тѣмъ, что разсуждалъ о пустякахъ. Члены другъ другу говорили комплименты, восхвалялись доблести и заслуги старокатолицизма и, разумѣется, въ запуски поносили римское католичество. Въ этомъ отношеніи всѣ точно хотѣли перещеголять другъ друга. На предварительномъ собраніи говорились привѣтствія, «всегда перемежавшіяся вокальною и инструментальною музыкою», а о. Янышевъ сказалъ слѣдующее привѣтствіе: «Въ высокой степени отрадно присутствовать въ собраніи, одушевленномъ стремленіемъ къ

христіанскому міру, къ христіанской истинѣ и свободѣ, къ единенію въ мирѣ и любви. Что эти великія, единственныя на землѣ истинныя блага находятъ себѣ сочувствіе,—или нѣтъ,—высоко по ихъ достоинству цѣнятся на востокѣ и въ моемъ отечествѣ, это доказываетъ присутствіе здѣсь не малаго числа представителей православія съ востока и изъ отдаленнаго сѣвера. Скажу болѣе того. Въ С.-Петербургѣ существуетъ учрежденная Святѣйшимъ Синодомъ коммиссія, своею задачею имѣющая разсмотрѣніе вопроса о возможности соединенія старокатоликовъ съ восточною православною церковью. Какъ членъ этой коммиссіи, въ засѣданіяхъ которой принимали участіе, между прочимъ, два архіепископа и одинъ епископъ,—члены Святѣйшаго Синода, я имѣю порученіе какъ отъ коммиссіи, такъ и отъ первенствующаго члена Святѣйшаго Синода Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Палладія искренно привѣтствовать вѣнскую старокатолическую общину и всѣхъ членовъ международнаго старокатолическаго конгресса и выразить молитвенное пожеланіе, да споспѣшествуетъ всемогущій Господь Богъ своею преизобильною благодатію всѣмъ благороднымъ, истинно-христіанскимъ стремленіямъ старокатоликовъ». На публичныхъ засѣданіяхъ привѣтствія въ усиленной степени, разумѣется, продолжались; выражали различнаго рода пожеланія, говорили о будущей блестящей роли старокатолицизма, выражались различнаго рода сочувствія и ругали папистовъ, такъ сказать, сколько влѣзетъ. «Прежній римскій миссіонеръ донъ Miraglia на латинскомъ языкѣ разсказалъ о положеніи старокатоликовъ въ Италіи: стройная фигура оратора въ итальянскомъ плащѣ, пылъ его рѣчи, необычайная живость его взгляда, жестовъ, движеній обращали на себя особенное вниманіе публики». Конечно, интересно-было посмотрѣть на стройную фигуру въ итальянскомъ плащѣ, но, если не ошибаемся, ни стройная фигура, ни итальянскій плащъ не имѣютъ прямого отношенія къ старокатолицизму. Одна вѣнская газета, говоря о привѣтствіяхъ, которыя разсыпались старокатоликами по адресу православныхъ, замѣтила, что они работаютъ въ пользу панславизма. Нынче въ Австріи панславизмъ представляетъ собою пугало, отъ котораго открещиваются добрые нѣмцы; но по отношенію къ старокотоликамъ упрекъ вѣнской газеты, разумѣется, вздоръ. Они панславизмомъ также мало интересуются, какъ и прошлогоднимъ снѣгомъ. Повидимому и свои конгрессы они собираютъ съ исключительной цѣлью наговорить непріятностей и грубостей Ватикану. Съ этой-же цѣлью, — слѣдуетъ думать,— они возбуждаютъ и разговоры о присоединеніи къ православію, о которомъ они въ дѣйствительности, можетъ быть, совсѣмъ и не думаютъ, потому что это присоединеніе представляетея невѣроятнымъ и для старокатоликовъ нежелательнымъ.

КРИТИКА.

А. Осиповичъ (А. О. Новодворскій).—Собраніе сочиненій. С.-Петербургъ, 1897 г.

Только черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ смерти Новодворскаго его друзья собрались издать его сочиненія. Лучше, конечно, поздно, чѣмъ никогда, но всетаки приходится замѣтить, что это изданіе запоздало. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, втеченіи трехъ или четырехъ лѣтъ, появлялись разсказы Новодворскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ». Онъ быстро пріобрѣлъ извѣстность и можно было полагать, что современемъ онъ сдѣлается крупнымъ беллестристомъ, тѣмъ болѣе, что въ то время, какъ, впрочемъ, и теперь, беллестристика «идетъ на убыль». Но чахотка уже развивалась въ немъ и онъ умеръ въ Ниццѣ въ 1882 г. Съ тѣхъ поръ его стали забывать и въ концѣ концовъ онъ былъ забытъ до такой степени, что нынѣшнее поколѣніе, какъ по всему видно, не знаетъ даже его фамиліи. Можно поэтому опасаться, что и настоящее собраніе его сочиненій, изданное его друзьями, будетъ встрѣчено равнодушно. Это тѣмъ болѣе жаль, что Новодворскій (онъ писалъ подъ псевдонимомъ Осиповича), несомнѣнно, былъ человѣкъ талантливый и его первые беллетристическіе опыты, которые теперь вышли подъ крикливымъ названіемъ «сочиненій», показываютъ, что, при всѣхъ недостаткахъ его манеры, въ немъ была жилка беллетриста. Впрочемъ, по всей справедливости, о немъ можно сказать, что онъ только подавалъ надежды, но ни одной изъ нихъ не осуществилъ. Въ настоящее время даже какъ-то странно читать эти юношескія упражненія съ ихъ юношескимъ задоромъ и ничѣмъ неоправдываемыми претензіями. Съ этимъ мнѣніемъ, конечно, не согласятся его друзья и поклонники, для которыхъ Новодворскій представляется вполнѣ созрѣвшимъ талантомъ. Такъ въ краткой біографіи покойнаго писателя, приложенной къ его «сочиненіямъ», мы между прочимъ читаемъ: «Оригинальныя черты идейной стороны его проповѣди, этическая ихъ высота, прямолинейность отзывовъ и мнѣній, все это могло, къ сожалѣнію, не отразиться на размѣрахъ его успѣха и пониманія его литературныхъ произведеній. Многіе писатели не поняли

его мыслей, стремленій и идеаловъ, ни способъ ихъ выраженій, какъ, можетъ быть, не понимаютъ другъ друга сверкающій, могучій метеоръ, свалившійся на землю и сонная черноземная, застывшая въ лѣни и неподвижности земля, нехотя принявшая въ свои холодныя объятія, вырывшая для него въ себѣ глубокую могилу и тотчасъ-же забывшая о немъ, чтобы снова погрузиться въ мракъ, безмолвіе и равнодушную лѣнь». Это напыщенное и вымученное сравненіе, повидимому, должно служить объясненіемъ того, что при жизни Новодворскій не пользовался достаточной популярностью. Увы! «Могучій метеоръ, свалившійся на землю», былъ метеоромъ только весьма условно, и его никакъ нельзя приравнивать къ «непризнаннымъ геніямъ». Правда гораздо проще и прозаичнѣе. Новодворскій въ своихъ беллетристическихъ опытахъ обнаружилъ нѣкоторый внѣшній талантъ разсказщика, нѣкоторую бойкость и нѣкоторую оригинальность манеры,—но ничего больше. Искать въ этихъ опытахъ глубины и значительнаго подъема художественнаго творчества было бы дѣломъ совершенно напраснымъ. Его «идея», которой, повидимому, его поклонники приписываютъ большое значеніе, заключается попросту въ нравственной, будто бы, несостоятельности представителей культурнаго класса, воспитанныхъ въ дореформенныхъ традиціяхъ и поставленныхъ въ новыя условія жизни. Не ограничиваясь изобрѣтеніемъ такихъ отрицательныхъ типовъ современной ему молодежи, Новодворскій пытался намѣтить и нѣкоторые положительные типы, но тутъ онъ оказался совершенно безсильнымъ. Этотъ отрицательный типъ онъ назвалъ «ни пава, ни ворона» и очень, кажется, гордился такимъ названьемъ, потому что носился съ нимъ и постоянно его повторялъ. Оригинальность формы у Новодворскаго заключалась, между прочимъ, въ томъ, что онъ, въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, выводилъ Тургенева, Соломина, Рудина, Печорина, Онѣгина и даже «Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья». По крайней мѣрѣ первый его разсказъ «Эпизодъ изъ жизни ни павы, ни вороны» написанъ въ этомъ тонѣ. Все это, конечно, искусственно и претенціозно, и добрая половина разсказа скорѣе напоминаетъ передовую статью въ діалогахъ, чѣмъ беллетристическое произведеніе. Во второмъ своемъ разсказѣ «Карьера» Новодворскій изобразилъ «Кающагося побѣдителя» въ образѣ молодого человѣка. Затѣмъ, въ третьемъ разсказѣ—«Романъ»—снова появилась разновидность «ни павы, ни вороны» въ образѣ «Необобщающаго Алесина». Все это въ настоящее время производитъ довольно странное впечатлѣніе, благодаря поспѣшнымъ и слишкомъ необдуманнымъ обобщеніямъ какого-то школьнаго характера. Но при всемъ томъ, въ авторѣ виденъ умъ и наблюдательность, а въ послѣднемъ разсказѣ «Наканунѣ ликвидаціи» замѣчаются уже художественныя задачи, оправдывающія предположеніе, что современемъ изъ Новодворскаго могъ выработаться порядочный беллетристъ съ художественнымъ темпераментомъ.

В. Д. Смирновъ.—Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена. С.-Петербургъ, 1897 г.

Если не ошибаемся, книга г. Смирнова есть первая связная и довольно обстоятельно обработанная біографія Герцена. Одно изъ достоинствъ этой книги заключается въ томъ, что авторъ старается дать возможно больше мѣста отрывкамъ изъ «Былое и думы», въ особенности такимъ, въ которыхъ Герценъ разсказываетъ о себѣ и о своей жизни. Такихъ отрывковъ попадается много въ книгѣ г. Смирнова и они въ значительной степени украшаютъ ее. Біографія написана обстоятельно и подробно, хотя не даетъ ничего новаго; повидимому, она составлена по имѣющимся печатнымъ матеріаламъ, а новыхъ матеріаловъ, еще не извѣстныхъ, авторъ не даетъ. Но и въ такомъ видѣ книга г. Смирнова не теряетъ своего интереса, тѣмъ болѣе, что она посвящена писателю замѣчательному, имя котораго принадлежитъ къ «великимъ» именамъ русской литературы. Однако, книга не лишена также и нѣкоторыхъ недостатковъ. Авторъ, на нашъ взглядъ, удѣляетъ слишкомъ много мѣста дѣтству и юности Герцена и, вообще, первому замѣчательному періоду его жизни,—до переселенія заграницу; напротивъ того, жизнь Герцена заграницей охарактеризована слишкомъ кратко и бѣдно. Кромѣ того, авторъ часто увлекается, говоритъ о философіи, общественной жизни, политикѣ, повидимому, забывая самое содержаніе своей книги. Всѣ эти отступленія излишни и могли-бы быть, съ выгодою для книги, устранены, тѣмъ болѣе, что они не дѣлаютъ обликъ Герцена. болѣе живымъ и яркимъ Однако, въ общемъ можно согласиться съ его характеристикой Герцена. Его капризный, прихотливый умъ, облюбовавъ какой-либо предметъ, начиналъ немедленно-же поддѣлываться подъ него, отыскивать въ немъ недостатки и, увлекаясь этой работой, доходилъ до парадоксовъ. Поэтому, и могутъ существовать о Герценѣ такія разнообразныя мнѣнія. Одни считаютъ его «идеалистомъ тридцатыхъ годовъ» (Анненковъ), другіе—чистымъ пессимистомъ (Страховъ). На основаніи сочиненій Герцена можно доказать не только эти два мнѣнія, но еще десять имъ подобныхъ. Въ богато и разнообразно одаренной натурѣ Герцена сочетались противоположные элементы. Онъ, такъ сказать, переживалъ всѣ направленія своей эпохи; во всякой сферѣ, куда онъ ни обращался, онъ сказалъ новое слово, но онъ не могъ что-нибудь безусловно признать и чему-нибудь отдаться цѣликомъ. Оттого-то люди вродѣ Чернышевскаго прямо-таки недолюбливали его и называли «баричемъ», оттого никогда никакой опредѣленной программы у Герцена не было. Возьмите его отношенія къ Европѣ. Онъ совершенно разсорился съ ней и наговорилъ ей столько жестокой правды, какъ никто и никогда. Герценъ не хотѣлъ даже видѣть новыхъ ростковъ, которые давала европейская жизнь на его-же глазахъ. Тоже вышло у него и съ эмиграціей, отъ которой онъ какъ будто требовалъ чего-то идеальнаго, и, не найдя его, дошелъ до раздраженій. Герценъ былъ прямымъ отрицателемъ политической агитаціи, которая немыслима безъ

фанатизма; его глубокій, но капризный и аристократическій умъ, его наклонность къ созерцанію тянула его къ художественной дѣятельности. «Вытянуть міросозерцаніе Герцена въ одну линію невозможно, и только одна черта проходитъ красною нитью черезъ всѣ настроенія,—это черта реализма, стремленій къ положительной мысли». Несомнѣнно, такъ было въ дѣйствительности; къ сожалѣнію, на этой неполной характеристикѣ г. Смирновъ остановился, очень мало удѣляя мѣста Герцену, какъ общественному и политическому дѣятелю, и совершенно забывъ охарактеризовать его, какъ писателя. А между тѣмъ именно какъ писатель Герценъ имѣетъ первоклассное значеніе и занимаетъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи русской литературы.

И. П. Яснопольскій. О географическомъ распредѣленіи государственныхъ доходовъ и расходовъ въ Россіи.

Изслѣдованіе проф. Яснопольскаго состоитъ изъ трехъ томовъ. Первый томъ посвящается вопросу о географическомъ распредѣленіи *государственныхъ доходовъ* и появился еще 1890 г. Второй и третій тома появились недавно и посвящены вопросу о географическомъ распредѣленіи *государственныхъ расходовъ*. Профессоръ Яснопольскій можетъ сказать, что онъ недаромъ потратилъ годы на работу, поглотившую массу энергіи и труда и требовавшую не только терпѣнія, но и громадной подготовки. Онъ не только обогатилъ нашу литературу капитальнымъ трудомъ, но и затронулъ самый жизненный вопросъ и самую больную сторону нашей финансовой и общей внутренней политики.

Проф. Яснопольскій напрасно умаляетъ значеніе и характеръ своей капитальной монографіи, прикрывая ее статистическимъ изслѣдованіемъ по финансовой географіи Россіи. Конечно, по своей ближайшей цѣли всякое изслѣдованіе о географическомъ распредѣленіи государственныхъ доходовъ и расходовъ можетъ быть только статистическимъ. Такое изслѣдованіе имѣетъ своею ближайшей цѣлью пояснить, сколько каждая часть государства доставляетъ ему денежныхъ рессурсовъ, гдѣ оказываются избытки государственныхъ доходовъ надъ расходами и гдѣ оказывается недостатокъ въ доходахъ для покрытія расходовъ и т. д. Суть дѣла, однако, въ томъ, что такое изслѣдованіе раскрываетъ глаза на дѣйствующую финансовую политику. По этому поводу самъ проф. Яснопольскій говоритъ: «количество и качество того, что всякое государство получаетъ отъ каждой своей части и того, что оно ей даетъ, не можетъ не оказывать сильнаго вліянія на экономическую ея судьбу. А въ государствахъ, отставшихъ въ своемъ экономическомъ развитіи, но успѣшно соперничающихъ съ другими въ своемъ политическомъ значеніи, такое вліяніе еще сильнѣе, чѣмъ въ иныхъ; между тѣмъ Россія должна быть причислена именно къ первымъ. Поэтому если каждое государство въ распредѣленіи между его частями доходовъ располагаетъ аппаратомъ, могуще-

ственно, прямо и косвенно вліяющимъ на распредѣленіе между ними хозяйственныхъ благъ, то въ Россіи такое вліяніе должно оказаться еще болѣе могущественнымъ» (т. II, 563 с.).

Разбираясь въ этомъ вліяніи, проф. Яснопольскій рядомъ неоспоримыхъ данныхъ опровергаетъ довольно распространенное у насъ мнѣніе, будто Россія живетъ для окраинъ и будто она тратитъ для этихъ окраинъ громадныя суммы. Также жестоко ошибаются и тѣ, которые предполагаютъ, эти окраины даютъ Россіи крупные барыши и что они существуютъ для доставленія денегъ въ русскую казну. На самомъ же дѣлѣ «Россія и окраины находятся въ одинаковомъ положеніи и существуютъ для Петербурга». Изъ 19½ миліардовъ, израсходованныхъ государствомъ за 25 лѣтъ (съ 1868—92 г.г.), сосредоточеніе расходовъ въ Петербургѣ за тоже время выразилось 7½ миліардами. Изъ всѣхъ расходовъ, производиведенныхъ внутри Россіи, на долю С.-Петербургской губ. приходится 46—48 процентовъ! Конечно, для покрытія такихъ колоссальныхъ расходовъ приходится отымать средства отъ другихъ губерній. Помимо разныхъ другихъ причинъ, такое одностороннее осѣданіе государственныхъ затратъ въ столицѣ обусловливается крайней централизацией нашего административнаго государственнаго строя. Эта же чрезмѣрная централизація ведетъ и къ тому, что вообще у насъ государственные расходы распредѣляются крайне неравномѣрно по территоріи. Однѣ изъ губерній даютъ видные дефициты, другія, наоборотъ, даютъ избытокъ доходовъ надъ расходами. Въ общемъ получается нѣсколько своеобразное положеніе дѣла. Тѣ губерніи, которымъ отпускается наименьшая часть изъ государственныхъ затратъ, даютъ наибольшій избытокъ для покрытія дефицитовъ по многимъ губерніямъ, въ которыхъ производится много расходовъ и которыя ихъ не покрываютъ получаемыми съ нихъ доходами.

Словомъ, кому мало дано, съ того мало спросится... Ослабить такую своеобразную политику безусловно необходимо. Тутъ возможно идти двумя путями. Можно ослабить самую централизацію государственныхъ расходовъ и можно парализировать вредныя послѣдствія этой централизаціи расширеніемъ смѣтныхъ расходовъ въ хозяйствѣ самоуправляющихся единицъ. Послѣднее средство является болѣе полезнымъ, но и о первомъ забывать не стоитъ.

Мы кратко указываемъ на самые жизненные вопросы, затронутые въ капитальномъ трудѣ проф. Яснопольскаго. Самая же монографія носитъ чисто научный характеръ и написана безо всякой предвзятой мысли, оттѣняющей извѣстные пункты. Проф. Яснопольскій самъ говоритъ, что онъ преслѣдовалъ задачи науки, а не публицистики. Для публицистики теперь имѣется самая подходящая задача—популяризировать монографію проф. Яснопольскаго въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ. Для спеціалистовъ-ученыхъ проф. Яснопольскій разработалъ массу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ въ области не одной только финансовой политики. Проф. Яснопольскій потрудился много, но

зато онъ и прочно вписалъ свое имя въ исторію русской финансовой литературы.

М. П. П.

Дж. Гобсонъ. Эволюція современнаго капитализма. Изслѣдованіе машиннаго производства. Пер. подъ ред. А. Свирщевскаго. Ярославль. 1897.

Въ своемъ изслѣдованіи Гобсонъ ставитъ себѣ весьма обширную задачу. «Оно представляетъ, какъ говоритъ намъ авторъ, попытку раскрыть и изложить законы движенія промышленныхъ силъ въ теченіе періода XVIII и XIX столѣтій». Гобсонъ вполнѣ сознаетъ всю сложность трудность подобной задачи и невозможность вполнѣ точно и всесторонне разрѣшить ее при современномъ состояніи соціальной науки. Но онъ думаетъ, что въ сферѣ соціальныхъ явленій, именно вслѣдствіе ихъ сложности и несовершеннаго состоянія изслѣдованія, можно и должно довольствоваться наиболѣе вѣроятными гипотезами, такъ какъ ничего лучшаго пока дать нельзя. Такой гипотезой и представляется самому автору нарисованная имъ эволюціонная схема. Необходимо оговориться, что, подобно своимъ предшественникамъ, онъ рѣдко покидаетъ классическую почву Англіи. Изобразивъ съ достаточной наглядностью ея экономическое состояніе въ эпоху, предшествовавшую промышленной революціи и введенію машиннаго производства, Гобсонъ, затѣмъ, шагъ за шагомъ, указываетъ существенныя стадіи ея экономическаго развитія. Передъ читателемъ постепенно развертывается картина исчезновенія прежнихъ формъ производства и развитія современнаго капитализма, съ его усовершенствованной техникой, съ его господствомъ неограниченной конкурренціи и съ его міровой организаціей сбыта. Нужно отдать Гобсону справедливость: онъ весьма искусно группируетъ отдѣльные факты въ цѣльную картину, и эта искусная группировка матеріала въ значительной степени искупаетъ чувствующійся мѣстами (напр. въ характеристикѣ домашней промышленности, которую онъ изображаетъ въ идиллическомъ ореолѣ, тогда какъ въ дѣйствительности это одно изъ самыхъ неприглядныхъ проявленій кулаческаго капитализма) недостатокъ критической проницательности.

Въ заключеніе Гобсонъ пытается очертить бѣглыми штрихами идеалы будущаго, какъ ихъ диктуетъ установленная имъ эволюція. Онъ не поклонникъ неограниченной конкурренціи; на цѣломъ рядѣ примѣровъ онъ показываетъ, что послѣдняя вовсе не даетъ безусловной гарантіи въ наибольшей экономизаціи производства, а служитъ, напротивъ, во многихъ случаяхъ причиной напрасной траты хозяйственныхъ силъ. Для нѣкоторыхъ производствъ онъ считаетъ переходъ къ коллективной организаціи возможнымъ уже и теперь. Но главнымъ условіемъ соціальной реформы онъ считаетъ техническій прогрессъ, сходясь въ этомъ со многими германскими экономистами, которыхъ онъ часто цитируетъ.

Соціальные идеалы его въ конечномъ счетѣ вообще сравнительно скромны и не выходятъ изъ рамокъ организаціи промышленности, но все-же, по сравненію съ существующими условіями, они кажутся подчасъ черезчуръ оптимистическими, отчасти именно благодаря тому, что Гобсонъ не переноситъ ихъ въ отдаленную эпоху, а вѣритъ въ ихъ осуществимость, если не въ ближайшемъ, то въ неособенно далекомъ будущемъ.

Къ сожалѣнію, переводъ съ литературной стороны совершенно неудовлетворителенъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Вл. Тихановъ. **Разбитые кумиры.** Повѣсти и разсказы. С.-Пб. 1897.

Среди современныхъ, сравнительно молодыхъ беллетристовъ, г. Вл. Тихановъ безспорно занимаетъ не послѣднее мѣсто. У него есть не только наблюдательность, но и фантазія; будучи хорошимъ и живымъ разсказчикомъ, онъ интересуется человѣкомъ не съ одной лишь «обстановочной» стороны, если можно такъ выразиться,—онъ умѣетъ подмѣчать индивидуальность, особенность характера, такъ что его дѣйствующія лица выразительны и не безразличны, хотя не представляютъ типическихъ особенностей среды. Въ его повѣстяхъ и разсказахъ — много движенія и встрѣчаются недурно написанныя сцены. Г. Вл. Тихановъ выступилъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ качествѣ драматурга, писалъ комедіи и даже фарсы, въ которыхъ, при нѣкоторой шаблонности въ композиціи (недостатокъ, которымъ отличается большинство современныхъ драматурговъ), встрѣчаются живыя сцены и остоумныя ситуаціи. Отчасти тѣ-же самыя черты замѣтны и въ его повѣстяхъ и разсказахъ и поэтому они читаются съ удовольствіемъ, хотя сильнаго впечатлѣнія не оставляютъ. Среда, изображаемая г. Вл. Тихановымъ — средній классъ въ Петербургѣ. Въ выборѣ статей авторъ ограничивается обычнымъ шаблономъ петербургской жизни, въ которой люди живутъ безъ сильныхъ душевныхъ эмоцій, но въ какихъ-то вѣчныхъ хлопотахъ чисто внѣшняго характера. Въ душевный міръ своихъ героевъ авторъ не заглядываетъ, а если и заглядываетъ, то дѣлаетъ это поверхностно и довольно легкомысленно, такъ что собственно «психологіи» и «психологическаго анализа» въ произведеніяхъ г. Вл. Тиханова не встрѣчается. Не встрѣчается и какихъ-либо «задачъ»: г. Вл. Тихановъ просто хорошій и даровитый разсказчикъ, который отлично отмѣчаетъ внѣшность, отлично ее описываетъ, но который въ тоже время не стремится проникнуть дальше этой внѣшности и заглянуть въ самое содержаніе жизни. Въ настоящемъ томикѣ помѣщены повѣсти и разсказы, написанные въ послѣдніе два-три года («Блестящая партія», «Забытыя письма», «Солома», «Утрата» и «Попутчикъ»).

Князь Кугушевъ.—**Корнетъ Отлетаевъ.** Повѣсть.—Спб., 1897.

Въ пятидесятыхъ годахъ князь Кугушевъ принадлежалъ если не къ популярнымъ, то, по крайней мѣрѣ, къ весьма читаемымъ авторамъ. Его комедіи «Голубой капотъ», «Комедія безъ названія», «Кохинхинка» пользовались большимъ успѣхомъ на сценѣ Александрійскаго театра. Такимъ-же успѣхомъ пользовались его романы и повѣсти («Пыль», «Странникъ», «Постороннее вліяніе»). Но въ настоящее время все это забыто, и только одна повѣсть князя Кугушева «Корнетъ Отлетаевъ» до сихъ поръ пользуемся нѣкоторою популярностію. Не отличаясь особенной глубиной, не гоняясь «за идеями», повѣсти князя Кугушева написаны легкимъ живымъ языкомъ, съ внѣшнимъ блескомъ,—въ нихъ есть наблюдательность, знаніе людей и умѣніе подмѣтить типическія особенности выводимаго лица. Въ «Корнетѣ Отлетаевѣ» превосходно и живо отразилась эпоха пятидесятыхъ годовъ, та переходная эпоха, въ которой чувствовался общественный застой. Центръ интереса повѣсти сосредоточенъ на крѣпостной дѣвушкѣ Ѳенѣ, воспитанницѣ графини Бурима. Это—трогательная исторія, въ которой уже чувствуется протестъ противъ крѣпостного состоянія. Но истиннымъ героемъ повѣсти является корнетъ Отлетаевъ—безшабашный прожигатель жизни, какихъ было много въ то время. Это—

добрый и честный малый, но сумасбродный, своевольный и безрассудный, плохо воспитанный и довольно невѣжественный, хотя онъ и разыгрываетъ изъ себя эстетика. Среда, въ которой поставлены эти два лица, превосходно обрисована, среда, сплошь состоящая изъ полныхъ ничтожностей, мелкихъ или грубыхъ эгоистовъ, подленькихъ душъ, низкопоклонныхъ бѣдняковъ—дворянъ. Въ такой средѣ даже Отлетаевъ выдается. Онъ великодушенъ, готовъ умереть за любимую женщину, но въ тоже время можетъ и побить ее, если она чѣмъ-нибудь его разсердитъ. Повѣсть читается легко и съ интересомъ.

Викторъ Гюго. **«Отверженные»**. 2 тома. С.-Пб. 1897.

Знаменитый романъ Виктора Гюго «Les miserables» былъ переведенъ по-русски и напечатанъ въ журналахъ сейчасъ-же по выходѣ книги на французскомъ языкѣ. т. е. въ 1863 году, но, къ сожалѣнію, съ такими огромными пропусками (въ особенности во второй половинѣ романа), вслѣдствіе цензурныхъ условій, что русскій читатель (какъ съ нимъ довольно часто случается) могъ составать себѣ лишь смутное понятіе объ этомъ замѣчательномъ произведеніи главы романтической школы во Франціи. Русскіе переводчики давали роману заглавія самыя разнообразныя и даже фантастическія. Кромѣ названія «Отверженные», были еще придуманы и другія названія, напр. «Несчастные» или «Скитальцы», а также «Преслѣдуемые» и еще что то въ этомъ родѣ, но всѣ эти вычурныя названія, въ большинствѣ случаевъ не отвѣчающія содержанію и основной идеѣ, — мало способствовали популярности въ русскомъ обществѣ произведенія, появившагося въ русскомъ переводѣ въ видѣ какихъ-то ничѣмъ почти не связанныхъ отрывковъ. Въ настоящую минуту (болѣе, чѣмъ черезъ тридцать пять лѣтъ послѣ своего появленія во Франціи) онъ вышелъ по-русски въ гораздо болѣе полномъ и, такъ сказать, приличномъ видѣ. Этому нельзя не порадоваться, потому что этотъ романъ, — не смотря на значительные недостатки, свойственные таланту Виктора Гюго (злоупотребленіе антитезой, напыщенность въ языкѣ, холодный паѳосъ, неестественность или эксцентричность характеровъ), – можно, тѣмъ не менѣе, причислить къ лучшимъ произведеніямъ французскаго поэта, а въ извѣстномъ отношеніи — и къ самымъ могучимъ созданіямъ всей французской литературы XIX вѣка. Богатствомъ красокъ и деталей, широтой размѣра (если можно такъ выразиться) романъ этотъ напоминаетъ произведеніе разцвѣта французскаго романтизма. Основная соціальная идея романа выяснена Викторомъ Гюго въ слѣдующихъ нѣсколькихъ словахъ предисловія, почему-то не переведеннаго по русски: «До тѣхъ поръ, пока будетъ существовать, вслѣдствіе общественнаго проклятія, искуственно созидающаго въ центрѣ цивилизаціи адъ и усложняющаго человѣческій рокъ рокомъ божественнымъ, до тѣхъ поръ, пока три соціальныя проблеммы: приниженіе человѣка, благодаря пролетаріату, паденіе женщины, благодаря голоду, гибель ребенка, благодаря мраку, — не будутъ разрѣшены, до тѣхъ поръ, пока въ извѣстныхъ сферахъ соціальная асфиксія будетъ возможна, и другими словами и съ точки зрѣнія еще болѣе общей,—до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать невѣжество и нищета,—книги въ родѣ настоящей не будутъ безполезны». Даже самый подробный и тщательный анализъ романа не можетъ дать понятія о его красотахъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ; нѣжность и трогательность нѣкоторыхъ картинъ, ужасъ, производимый другими, могучія характеристики дѣйствующихъ лицъ,— все это получаетъ особенную рельефность въ произведеніи Виктора Гюго. Нѣкоторые отдѣлы романа, какъ напр. описаніе сраженія подъ Ватерлоо (напоминающее описаніе Бородинскаго сраженія въ «Войнѣ и Мирѣ» Л. Н. Толстого), монастырь Пикпюсъ, пораженіе въ Эгу, 1817 годъ, возстаніе въ 1832 г., и множество другихъ эпизодовъ обращаютъ на себя особенное вниманіе не только значительностью своего содержанія, но и рѣдкими литературными красотами.

Ж. Ж. Руссо. **Исповѣдь.** Переводъ Ѳ. Н. Устрялова С.-Петербургъ. 1897 г.

Если не ошибаемся, «Lés confessions» Жанъ-Жака Руссо были переведены покойнымъ Ѳ. Н. Устряловымъ (сыномъ извѣстнаго историка) еще въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ, но появились въ печати только частью. Теперь мы имѣемъ «Исповѣдь» въ полномъ видѣ и въ прекрасномъ переводѣ. Первыя шесть книгъ «Исповѣди» были написаны знаменитымъ французскимъ философомъ въ 1766 и 1767 году въ Англіи, во время пребыванія Руссо у Юма, остальныя—въ г. Три (Tгуе) между 1768 и 1770 годами. Свою исповѣдь, или, вѣрнѣе, свое жизнеописаніе Руссо останавливаетъ на 1766 году, передъ самымъ своимъ отъѣздомъ въ Англію. Такъ какъ большинство лицъ, о которыхъ онъ говоритъ въ «Исповѣди», были еще въ живыхъ, то намѣреніемъ Руссо было опубликовать свои записки только въ 1800 году, но владѣльцы рукописи нашли возможнымъ не слѣдовать волѣ покойнаго писателя и выпустили въ свѣтъ «Исповѣдь» въ 1781 году, въ Женевѣ, но только первыя шесть книгъ, гдѣ не встрѣчается почти ни одного изъ лицъ, въ то время бывшихъ въ живыхъ. Новое изданіе (на этотъ разъ полное) вышло въ 1788 г. и вызвало настоящую бурю противъ Жанъ-Жака Руссо. Извѣстный Лагарпъ, воспитатель императора Александра 1-го, и адвокатъ Сорванъ оспаривали факты, приводимые въ «Исповѣди»

но не съумѣли убѣдить публику въ томъ, что Руссо намѣренно лгалъ. Съ тѣхъ поръ самая тщательная критика вполнѣ выяснила, что въ «Исповѣди» нѣтъ никакой преднамѣренной лжи, но только освѣщеніе фактовъ далеко не всегда правильно. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Руссо, когда приступилъ къ составленію своихъ записокъ,—находился въ состояніи маніи преслѣдованія, — маніи, которая и привела его къ насильственной смерти. Во всякомъ случаѣ, «Исповѣдь»—одно изъ великихъ произведеній XVIII вѣка, по своей оригинальности, по необычайному литературному таланту, съ которымъ она написана и, наконецъ, вслѣдствіе того, что эта книга составляетъ самый важный матеріалъ для изученія XVIII столѣтія. Болѣе или менѣе обстоятельный анализъ этого произведенія, имѣющаго такое огромное литературное и историческое значеніе, потребовалъ бы цѣлой книги, потому что даже въ обширной журнальной статьѣ нельзя было бы выяснить множество самыхъ важныхъ подробностей. Поэтому, здѣсь мы только отмѣчаемъ появленіе въ русскомъ переводѣ этого замѣчательнаго произведенія, прибавляя, что переводъ Устрялова сдѣланъ очень добросовѣстно, и мѣстами—изящно.

Иллюстрированная сказочная библіотека Ф. Павленкова.

№ 79. **Испанскія сказки**. Оферо. На всякій случай. Дядя корыстолюбіе.

№ 80. Птица—правда. Маленькая принцесса Наро. Козильда. Жена архитектора. Переводъ М. В. Ватсонъ.

№ 81. **Перро**. Красная шапочка. Котъ въ сапогахъ. Спящая красавица. Синяя борода.

№ 82. Золушка. Мальчикъ съ пальчикъ. Волшебницы. Хохликъ. Пер. Б. Д. Порозовской.

Предлагаемыя въ 4-хъ книгахъ сказки принадлежатъ талантливымъ писателямъ Испаніи (Труэба, Кабальеро) и Франціи (Перро). Испанская писательница Бель (Бенъ?) де Фибръ, извѣстная по сказкамъ подъ псевдонимомъ Кабальеро, старательно изучивъ народныя легенды и преданія, облекла ихъ въ художественную форму; ея сказки, дыша непосредственнымъ чувствомъ, уносятъ въ богатый міръ народной фантазіи, а силой драматизма положеній героевъ заставляютъ переживать съ дѣйствующими лицами ихъ горести и радости. Жаль, что изъ ея сказокъ, въ которыхъ она, по собственному выраженію, «поэтизируетъ дѣйствительность, не измѣняя ея», выбрана только одна «Птица правды».

Тотъ фактъ, что сказки Перро были когда-то переведены Тургеневымъ, что многія изъ нихъ послужили сюжетомъ для сцены, что дѣти почти всѣ на перечетъ сумѣютъ ихъ разсказать, достаточно говорятъ за интересъ и красоту этихъ милыхъ созданій испанской литературы.

Дѣтскій театръ. *Б. Гусевъ.* **Томъ Сойеръ**. Комедія въ 2-хъ картинахъ. Сюжетъ взятъ изъ романа Марка Твэна «Приключенія Тома». Спб., 1896 г. Цѣна 30 к.

По всѣмъ даннымъ, театръ въ представленіи г. Гусева долженъ имѣть цѣлью смѣшить и смѣшить безъ конца, чѣмъ-бы ни былъ вызванъ этотъ смѣхъ. Какъ поучительно вывести мальчика съ дохлой кошкой въ рукѣ, какъ полезно дать дѣтямъ для заучиванія наизусть такіе шедевры, какъ: «вздоръ какой! мало ли что она мелетъ. Старухи всегда пустяки болтаютъ», или: «мы съ дѣвчонками не водимся»; «вотъ покойница мамка тоже была дѣвчонка», «отецъ мальчишка»; сколько воспитательнаго смысла въ разговорѣ—между мальчикомъ и дѣвочкой:—«Ты никогда не была помолвлена?»—«Не знаю, какъ это бываетъ»—«очень просто: ты обѣщаешь какому нибудь мальчику, напримѣръ, мнѣ, ни за что не выходить замужъ за кого нибудь другого, кромѣ меня: потомъ цѣлуешься со мной и дѣло съ концомъ». Наполнивъ книжку подобными «штуками», которыя хорошо показываютъ его педогогическія пріемы и сознавая при этомъ отвѣтственность своего поста,—авторъ предпосылаетъ своему произведенію «Предисловіе», основная мысль котораго заключается, вѣроятно, въ слѣдующихъ словахъ: «Пусть дѣти ростутъ здоровыми, бодрыми духомъ... пусть видятъ жизнь какъ она есть, безъ фальшивыхъ покрововъ и они поймутъ ее, и выростутъ гуманными, энергичными людьми. Въ силу сказаннаго, не считаю нужнымъ прилагать какія либо указанія относительно устройства сцены, декорацій и пр.».

Одна просьба къ автору: нельзя ли ему для прогулокъ по садамъ россійской словесности, съ цѣлью насаждать продукты своего творчества, выбрать закоулокъ подальше отъ той нѣжно оберегаемой клумбы, которая называется литературой для дѣтей?

Библіотека Дѣтскаго Чтенія.

Д. Н. Маминъ Сибирякъ. **Бѣлое золото**. Повѣсть. Москва, 1897 г. Ц. 50 к.

Вильямъ Стоддардъ. **Сынъ оружейника**. Тридцатый годъ по Р. Х. Повѣсть. Съ англійскаго А. Н Рождественской. Со многими рисунками. Москва, 1897 г. Ц. 30 к.

А. А. Кизеветтеръ. **День царя Алексѣя Михайловича.** (Сцены изъ жизни Москвы XVII вѣка). Москва, 1897 г. Ц. 10 к.

Если по дѣтской литературѣ написано сравнительно мало хорошихъ книгъ, то, во всякомъ случаѣ, къ числу малыхъ сихъ должно отнести эти три новыя изданія «Библіотеки Дѣтскаго Чтенія». Онѣ дадутъ дѣтямъ интересныя картины изъ тѣхъ областей жизни, какъ прошлой, такъ и современной, знаніе которыхъ будетъ большимъ или меньшимъ вкладомъ въ ихъ умственную жизнь. Одна перенесетъ ихъ въ совершенно своеобразный міръ нашихъ сибирскихъ «старателей» и попутно дастъ

не лишнія свѣдѣнія о дѣлѣ на пріискахъ; другая изъ повѣстей — нѣсколькими художественными штрихами, къ сожалѣнію отрывочными, случайными, очертить передъ ними идеи и бытъ народа, среди котораго явился Христосъ. За вѣрность эпохѣ «Сценъ изъ жизни Москвы въ XVII в.» достаточно говорятъ не только тѣ источники, по которымъ составлена книга (Забѣлинъ, Котошихинъ и др.), но и само имя автора; простымъ и въ то же время дѣльнымъ языкомъ г. Кизеветтеръ нарисовалъ точную картину старой русской жизни. Для иллюстраціи описанія авторъ озаботился приложеніемъ къ тексту рисунковъ, которые выполнены довольно недурно для такого дешеваго изданія.

II. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ:

Н. А. Бѣлоголовый. **Воспоминанія и другія статьи.** Москва. 1897 г.

Наслѣдники Н. А. Бѣлоголоваго возымѣли прекрасную мысль издать отдѣльной книгой воспоминанія этого во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнаго человѣка. Будучи докторомъ съ обширной извѣстностью, Н. А. Бѣлоголовый, тѣмъ не менѣе интересовался литературой, искусствомъ, общественной и политическою жизнью, находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ лучшими представителями русской литературы, многое зналъ и многое видѣлъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, его «воспоминанія», написанныя непритязательно, просто и правдиво, а иногда образно и рельефно, представляютъ значительный интересъ и выгодно выдѣляются въ нашей литературѣ воспоминаній и записокъ. Справедливо замѣчаетъ издатель «Воспоминаній», что немногіе изъ общественныхъ дѣятелей оставляютъ послѣ себя такую чистую, свѣтлую, такую добрую и славную память, какъ знаменитый врачъ-гуманистъ Николай Андреевичъ Бѣлоголовый. Въ изумительной гармоніи сочетались въ этой крупной и разносторонней личности высокія качества сердца, ума и характера, не только не заслоняющія одно другое, какъ это, къ сожалѣнію, не разъ встрѣчается въ жизни, но и прекрасно дополняющія другъ друга. Въ настоящей книгѣ собрано все то, что когда-либо писалъ Бѣлоголовый. Къ числу собственно воспоминаній принадлежали «Воспоминанія о декабристахъ» (Бѣлоголовый былъ сибирякъ и былъ друженъ со многими декабристами), «А. В. Поджіо», «Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ», «М. Е. Салтыковъ», «С. П. Боткинъ», «Клиническій профессоръ Полунинъ», «Поѣздка на Уралъ въ 1866 году», «На о. Рюгенѣ», «Изъ сибирскихъ воспоминаній», «Три встрѣчи съ Герценомъ», «Свиданіе съ гр. Л. Н. Толстымъ». Къ другимъ статьямъ, о которыхъ упомянуто въ заглавіи, принадлежатъ: «Болѣзнь А. Н. Некрасова», «Кое-что о болѣзни Тургенева», «Гигіена и демографія»; но и эти статьи, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ характеръ воспоминаній. Бѣлоголовый не былъ писателемъ и литераторомъ въ точномъ смыслѣ этого слова, кажется даже, что и по своей спеціальности (медицинѣ) онъ писалъ очень мало; но въ его памяти накопилась такая масса фигуръ, фактовъ и обстоятельствъ, интересныхъ и имѣющихъ общественное значеніе, что онъ чувствовалъ потребность подѣлиться съ нами и уже подъ конецъ жизни принялся «вспоминать» на бумагѣ. Такимъ образомъ и составилась настоящая книга, составляющая прекрасный матеріалъ для характеристики времени, къ которому относятся воспоминанія Бѣлоголоваго. Къ книгѣ приложена, кромѣ того, біографія, написанная г. Джаншіевымъ (нѣсколько кудревато) и «Памяти Н. А. Бѣлоголоваго» г. Крылова; а также портреты самого автора, П. И. Борисова, А. П. Юмперскаго, А. В. Поджіо, гр. М. Т. Лорисъ-Меликова, С. П. Боткина, М. Е. Салтыкова и видъ могилы Бѣлоголоваго.

Грѣхи юности (гигіеническая библіотека Н. Лейненберга). Соч. *В. Зигерта.* Перев. съ нѣм. Одесса, 1897. Стр. 32. Цѣна 30 к.

Эта брошюра, увѣнчанная въ оригиналѣ преміей общегерманскаго гигіеническаго союза, является горячимъ призывомъ къ возмужалой молодежи, къ родителямъ, воспитателямъ и учителямъ. Здѣсь разсмотрѣны причины, рано вызывающія и поддерживающія ненормальное половое возбужденіе, и указана связь между этимъ явленіемъ и условіями домашней и общественной гигіены. Слѣдствія «грѣховъ юности» разобраны довольно бѣгло, хотя авторъ до нѣкоторой степени преднамѣренно избѣгаетъ мрачныхъ красокъ въ описаніи ихъ послѣдствій, особенно онанизма. Онъ предполагаетъ, съ одной стороны, что послѣдствія эти общеизвѣстны, а съ другой стороны, не желаетъ повергать читателей изъ числа «грѣшниковъ» въ чрезмѣрное отчаяніе. Способами борьбы съ указаннымъ зломъ авторъ считаетъ: 1) распространеніе здравыхъ понятій о половой потребности и половыхъ болѣзняхъ, 2) привлеченіе вниманія семьи, школы и общества къ созданію наиболѣе гигіеническихъ условій физическаго и нравственнаго воспитанія, 3) неусыпный надзоръ за дѣтьми и подростками и соединеніе мягкости и настойчивости по отношенію къ тѣмъ, кто замѣченъ въ порочныхъ склонностяхъ. Заслуживаютъ большого сочувствія указанія автора на значеніе для устраненія половыхъ отклоненій такихъ факторовъ, какъ правильное чередованіе умственнаго и физическаго труда съ отдыхомъ и сномъ, нормальное питаніе, обильное пользованіе

воздухомъ и солнечнымъ свѣтомъ. Въ заключеніе авторъ напоминаетъ, что достиженіе молодыми людьми почти полнаго полового воздержанія со всѣхъ точекъ зрѣнія должно считаться чрезвычайно цѣннымъ благомъ для отдѣльныхъ лицъ и общества.

Заиканіе, лепетаніе, шепелявость. Популярно разработано *Григоромъ Фильрозе.* Рига, 1897 г. Изданіе К. Г. Зихмана. 23 стр. Ц. 30 к.

Авторъ этой брошюры, основатель курсовъ для заикающихся въ г. Ригѣ, указываетъ на вліяніе недостатковъ разговорной рѣчи, на душевное равновѣсіе больныхъ и ихъ общественное положеніе, говоритъ о большомъ процентѣ излечиваемыхъ вполнѣ (84%), о получающихъ существенное улучшеніе (10%) и о значеніи институтовъ для страдающихъ разстройствомъ рѣчи. Справедливо, что такія разстройства нерѣдко происходятъ отъ небрежнаго отношенія къ органу рѣчи въ дѣтствѣ и, съ другой стороны, отъ нѣкоторыхъ психическихъ или нервныхъ страданій. Какъ въ первомъ, такъ отчасти и во второмъ случаѣ, они могутъ быть излечиваемы соединеніемъ педагогическихъ пріемовъ и физическихъ упражненій. Первые заключаются въ постепенномъ пріученіи косноязычнаго къ спокойной, равномѣрной рѣчи, вторыя состоятъ въ гимнастикѣ мускуловъ языка и дыхательнаго аппарата. Очень важенъ примѣръ и изученіе передъ зеркаломъ пріемовъ произношенія буквъ и слоговъ, а также общее воздѣйствіе на нервную систему.

Авторъ дѣлаетъ ошибку, говоря объ несуществующихъ «*мускулахъ легкихъ*». На самой обложкѣ брошюры, авторъ,—основатель курсовъ для заикающихся, заявляетъ, что «успѣхъ леченія зависитъ отъ личности лечащаго». Это производитъ впечатлѣніе рекламы.

Полезная библіотека. *Альфредъ Майльсъ.* **Естественная исторія** въ разсказахъ, живописующихъ природу, нравы и обычаи животныхъ. Переводъ Марка Басанина. Спб., 1897 года. Ц. 50 к.

Едва-ли можно принести какую нибудь «пользу» изданіемъ подобныхъ книгъ. Популяризація никогда не должна терять характера простого и яснаго изложенія научныхъ данныхъ для широкаго круга читателей, причемъ данныя науки не должны быть искажаемы ни въ малѣйшей подробности. Предлагаемая книга не только не уважаетъ часто выводовъ науки, но прямо всю ту область, о которой трактуетъ наука зоологія, низводитъ до степени какихъ-то побасенокъ и анекдотовъ. Если Линней причислялъ лемуровъ къ обезьянамъ, то изъ этого далеко не слѣдуетъ, что наука не пошла далѣе и что этотъ дальнѣйшій ходъ нужно игнорировать (см. стр. 25); теперь лемуры отдѣлены въ особую группу—«drosimiae» («полуобезьяны или лемуры»). Наука говоритъ намъ, что суслики относятся къ «грызунамъ» и именно къ семейству «бѣлки»; напрасно вы искали бы ихъ среди «грызуновъ» въ книгѣ Майльса; авторъ нашелъ лучшимъ причислить ихъ къ «псовымъ», а переводчикъ не преминулъ сихъ послѣднихъ окрестить «семействомъ собакъ». Впрочемъ чего же ожидать отъ книги, истинное названіе которой не «естественная исторія», отъ которой она далека, а—сборникъ анекдотовъ о животныхъ

III. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

В. Корнаковъ. **Азбука графической грамотности** (настоящее руководство написано по программѣ, выработанной въ особыхъ совѣщаніяхъ при Постоянной Коммиссіи по техническому образованію Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, происходившихъ въ 1893 году подъ предсѣдательствомъ профессора Н. И. Макарова. Эта программа напечатана въ журналѣ «Техническое Образованіе», № 5, за 1894 годъ). С.-Пб. 1897 г. Цѣна 85 коп.

Книга представляетъ собой первый опытъ учебника графической грамотности, задачи которой, по опредѣленію автора — «научить учениковъ понимать графическія изображенія»—во первыхъ, и во вторыхъ «научить ихъ графическими изорбаженіями выражать извѣстныя представленія и понятія». Руководство имѣетъ въ виду низшія профессіональныя училища, двуклассныя сельскія, младшіе классы общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и воскресные и вечерніе курсы для взрослыхъ рабочихъ и ремесленныхъ учениковъ. Задавшись цѣлью изложить курсъ линейнаго черченія, авторъ сознаетъ, что объ руку съ нимъ должно идти ознакомленіе учениковъ съ геометріей, но предлагая свой курсъ людямъ, мало способнымъ къ отвлеченному мышленію, онъ стремится и не затруднить ихъ, а только наглядно показать справедливость той или другой геометрической истины, необходимой для практическаго приложенія. Составитель приноравляетъ «Азбуку» главнымъ образомъ къ цѣлямъ именно практическимъ и ведетъ изложеніе такимъ путемъ, чтобы выработать въ ученикахъ навыкъ къ черченію, къ точной работѣ, къ обращенію съ вѣрными инструментами. Одной изъ особенностей этого курса служитъ введеніе русскаго алфавита для обозначенія частей.

Для техническихъ школъ, воскресныхъ классовъ, для взрослыхъ рабочихъ и ремесленныхъ учениковъ, вообще для тѣхъ, кому нужно для графическихъ занятій усвоить ихъ грамоту—руководство вполнѣ пригодно, такъ какъ написано толково, просто и систематично; но для классовъ, хотя бы и младшихъ, общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній оно совершенно не-

желательно. Всѣ геометрическія положенія провѣряются въ «Азбукѣ» путемъ измѣренія, наглядно. Однако, преподаваніе геометрическихъ истинъ, какъ готовыхъ, въ такомъ, не провѣренномъ критически, видѣ, безъ указанія пути, посредствомъ котораго можно дойти до сознанія, что эта истина вѣрна всегда и вездѣ—полезно только для тѣхъ, «умъ которыхъ мало способенъ къ отвлеченному мышленію» и условія жизни которыхъ оставляютъ время на изученіе только самаго необходимаго, для ближайшаго приложенія на практикѣ, лишать же учениковъ среднихъ (общеобразовательныхъ) учебныхъ заведеній той несомнѣнной пользы, которую дастъ имъ геометрія изощреніемъ мышленія, пріученіемъ критически провѣрять положенія, не принимая истинъ на вѣру—нельзя. Въ старшихъ классахъ ученики уже способны къ такого рода «умозрѣнію», а для младшихъ «Азбука»—и трудна и сложна; да черченіе тамъ въ томъ объемѣ и по той программѣ, какъ предлагается въ руководствѣ, и не понадобится; оно начинается съ того возраста, когда ученикъ садится за геометрію и уже способенъ къ отвлеченному мышленію (въ соотвѣтствующемъ здѣсь значеніи слова).

П. Шеймикъ. **Учебникъ права внутренняго управленія** (полицейскаго права). Особенная часть. Выпуски 8-й и 9-й. Одесса, 1897 г.

Наши университетскіе учебники по административному (или полицейскому) праву пишутся по шаблону нѣмецкихъ руководствъ, при чемъ, конечно, отличаются отъ послѣднихъ скудостью своего содержанія. Г. Шеймикъ рѣшилъ затратить годы на составленіе своего учебника и каждый годъ, начиная съ 1891 г., издаетъ по небольшому выпуску. Это обстоятельство выгодно отразилось на содержаніи его учебника. Вышедшіе теперь два небольшихъ выпуска, посвященные сельскому хозяйству, лѣсному хозяйству и горному хозяйству, обнаруживаютъ въ авторѣ желаніе приступать къ дѣлу съ надлежащей подготовкой. Однимъ изъ крупныхъ недостатковъ вышедшихъ выпусковъ является скудость свѣдѣній, сообщаемыхъ г. Шеймикымъ объ иностранныхъ государствахъ. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣляется § 15-й 8-го выпуска, состоящій изъ слѣдующихъ двухъ строкъ: «въ Англіи лѣсовъ осталось не много. Тамъ нѣтъ и законовъ, регулирующихъ частное лѣсное хозяйство». Послѣднее совершенно невѣрно, а первое относительно невѣрно: Англія лѣсами богаче нашей Украйны и нашихъ южныхъ степей.

Лексисъ. **Производство и потребленіе благородныхъ металловъ за послѣднее десятилѣтіе.** Переводъ съ нѣмецкаго А. Гурьева, Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Г. Гурьевъ принялся за переводъ статистической работы проф. Лексиса во имя своихъ служебныхъ функцій, всѣмъ давно извѣстныхъ. Въ предисловіи къ переводу онъ поясняетъ, что работа Лексиса богата данными, опровергающими одинъ изъ предразсудковъ, мѣшающихъ трезвому отношенію къ намѣченной у насъ денежной реформѣ. «У насъ еще и до сихъ поръ, говоритъ г. Гурьевъ, придерживаются воззрѣнія на золото, какъ на «узкое одѣяло», которое, по словамъ Бисмарка, всѣ страны хотятъ перетянуть къ себѣ. Между тѣмъ, въ настоящее время ни о какомъ узкомъ одѣялѣ не можетъ быть и рѣчи: условія мірового снабженія золотомъ измѣнились самымъ кореннымъ образомъ». Добыча золота постоянно увеличивается и мы, собирая свой металлическій запасъ, не причинили никакого поврежденія металлическому запасу другихъ странъ. Статистическая работа проф. Лексиса, безспорно, свидѣтельствуетъ о быстромъ развитіи золотопромышленности въ послѣднее время. Но у насъ, кажется, никто изъ спеціалистовъ и не оспаривалъ этого факта, а г. Гурьевъ желаетъ поучать именно «нашихъ спеціалистовъ». Спеціалисты и не спеціалисты выражали сомнѣніе на счетъ того, что наше собранное путемъ займовъ золото удержится въ странѣ, если его выпустятъ изъ кладовыхъ государственнаго банка. Наша способность къ охраненію нашихъ золотыхъ запасовъ, во всякомъ случаѣ, стоитъ внѣ условій снабженія золотомъ мірового рынка. На міровомъ рынкѣ и 25 лѣтъ тому назадъ золото имѣлось въ достаточномъ количествѣ, а у насъ оно не держалось. Г. Гурьевъ упрекаетъ противниковъ намѣченной у насъ денежной реформы въ томъ, что они не обращаютъ никакого вниманія на «фактическія обстоятельства накопленія нашего золотаго запаса». Упрекъ совершенно незаслуженный. Кто-же не говорилъ о томъ, что наши золотые запасы скоплены путемъ займовъ? Въ своей статистической работѣ проф. Лексисъ, конечно, объ этомъ не упоминаетъ, такъ какъ онъ и не имѣлъ въ виду выяснять фактическія обстоятельства накопленія нашего золотаго запаса. Въ заключеніе считаемъ нужнымъ замѣтить, что самая работа проф. Лексиса для спеціалистовъ ничего новаго не представляетъ, такъ какъ она на двѣ трети составлена изъ данныхъ, позаимствованныхъ изъ публикуемыхъ ежегодно отчетовъ директора американскаго двора («Report of the Director of the mint»).

К. Ф. Одарченко. **Нравственныя и правовыя основы русскаго народнаго хозяйства.** М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Подъ такимъ общимъ заглавіемъ г. Одарченко объединилъ рядъ своихъ статей, печатавшихся въ «Русской Мысли» и «Русской Бесѣдѣ». Эти отдѣльныя статьи авторъ признаетъ частями одного цѣльнаго изслѣдованія и располагавшихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1 ч. Русская крестьянская община въ связи съ народнымъ характеромъ; 2 ч.

Капиталистическое хозяйство; 3 ч. Отношеніе производителей къ потребителямъ; 4 ч. Къ вопросу о деньгахъ и золотой валютѣ кредитнаго рубля. Г. Одарченко вѣритъ въ будущность и силу общины. «Какія-бы мрачныя и тяжелыя картины, говоритъ онъ, ни навѣвали намъ мысли о будущемъ. мы надѣемся, что воплощенная въ образѣ русской общины правда,—правда босая, загнанная и забитая,—переживетъ все, какъ пережила уже много, переживаетъ и откроетъ новый невидимый еще путь для развитія русскаго народа, а можетъ быть и для человѣчества». Суть дѣла, заключается, конечно, не въ своеобразной колоритности слога (босая правда и т. д.), а въ томъ, что въ данномъ случаѣ одного колоритнаго описанія вѣры въ непреоборимую силу общины, по меньшей мѣрѣ, недостаточно. Вѣра, конечно, великая сила, но когда приходится защищать извѣстный интересъ съ фактами въ рукахъ, то нужно дѣйствительно опираться на факты. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи г. Одарченко безусловно слабъ и нерѣдко подкрѣпляетъ свою вѣру въ непреоборимую силу нашей общины ссылками, прямо не выдерживающими никакой критики. Такъ. онъ утверждаетъ, что «главною причиною разложенія германскихъ общинъ слѣдуетъ считать индивидуалистическія стремленія нѣмецкаго характера» (112 с.). На самомъ-же дѣлѣ община среди германскихъ народовъ разлагалась въ силу многихъ причинъ и условій, далеко не изобличающихъ нѣмецкій народъ въ индивидуалистическихъ стремленіяхъ. Г. Одарченко тутъ повторилъ изъ славянофильской азбуки самую азбучную погрѣшность, и погрѣшность, притомъ, едва ли не измышленную и потомъ повторявшуюся въ силу традиціи и по привычкѣ.

Во всякомъ случаѣ, 1-я часть объ общинѣ написана тепло и если она мало говоритъ уму, то много говоритъ за то сердцу. Изъ другихъ частей книги заслуживаетъ вниманія четвертая, гдѣ авторъ критикуетъ планы объ упорядоченіи нашей денежной системы. Его критика нерѣдко попадаетъ въ цѣль, но его собственные планы о «трудовой валютѣ» относятся къ числу тѣхъ вольныхъ выходокъ противъ науки, которыми такъ щеголяютъ у насъ кн. Мещерскій и г. Шараповъ.

Дружининъ. **Общепонятные законовѣдѣніе.** М. 1898 г. Ц. 1 р.

Г. Дружининъ усердно работаетъ въ интересахъ распространенія свѣдѣній о дѣйствующемъ русскомъ законодательствѣ среди всѣхъ слоевъ читающей публики. Онъ уже выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько популярныхъ юридическихъ изданій, оцѣненныхъ по достоинству на столбцахъ нашего журнала и вообще во всей нашей періодической печати. Появившееся теперь «Общепонятное законовѣдѣніе» составлено человѣкомъ опытнымъ въ популяризаціи юридическихъ свѣдѣній и знающимъ нашу среднюю читающую публику. Мы затруднились бы указать другого человѣка, столь подготовленнаго къ составленію подобныхъ изданій. Конечно, въ книгѣ г. Дружинина имѣются пробѣлы, но они выкупаются рѣдкими, такъ сказать, педагогическими достоинствами «Общепонятнаго законовѣдѣнія».

Г. Дружининъ назначаетъ свое изданіе для самообразованія. Всѣ, желающіе воспользоваться книгой г. Дружинина, въ интересахъ самообразованія, не ошибутся въ своемъ выборѣ. Въ дешевой книгѣ они найдутъ толковое и ясное изложеніе не только основныхъ законовъ, законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, но и законовъ о школахъ, о земскомъ и городскомъ самоуправленіи, о торговлѣ и промышленности, о сельскомъ управленіи и т. п. Заслуживаетъ вниманія и введеніе къ «Общепонятному законовѣдѣнію». Тутъ всѣ интересующіеся вопросомъ о распространеніи юридическихъ знаній среди народа найдутъ по этому вопросу цѣнныя библіографическія указанія.

Бутми. **Къ вопросу денежной реформѣ.** Изд. 2-е. Одесса 1897 г.

Г. Бутми ведетъ энергичную борьбу противъ монометализма (въ формѣ золотого обращенія) вообще и противъ намѣченной у насъ денежной реформы въ особенности. Онъ съ рѣдкимъ воодушевленіемъ доказываетъ, что эта реформа пагубно отзовется на интересахъ среднихъ и высшихъ классовъ населенія. Онъ желаетъ, чтобы въ этомъ убѣдились всѣ грамотные люди въ Россіи, и мы, съ своей стороны, желаемъ, чтобы они не вынесли другого убѣжденія, прочитавъ небольшую книгу г. Бутми. Къ сожалѣнію, г. Бутми всѣ свои доводы, пригодные именно для непосвященныхъ въ теорію денежнаго обращенія, ослабляетъ защитой серебра и серебрянаго рубля. Представимъ себѣ, что «серебро» и «серебряный рубль были бы выпущены въ слѣдующихъ его словахъ: «если мы убѣждены въ томъ, что эта денежная реформа пагубна для Россіи, что она разоряетъ наше земледѣліе и нашу промышленность, что она приноситъ съ собою обѣднѣніе среднихъ классовъ, то интересы Россіи должны быть для насъ на столько важны, что мы не должны терять энергіи, но обязаны для блага Россіи всѣми предоставленными намъ законными средствами стремиться къ всестороннему выясненію вопроса и отстаивать законный порядокъ вещей и понынѣ законный серебряный рубль» (139 стр.) Съ предложеннымъ нами пропускомъ серебра и серебрянаго рубля эти слова вѣрно передаютъ настроеніе большинства грамотной Россіи.

Ш. Сеньобосъ. **Политическая исторія современной Европы.** Часть вторая Спб., 1897.

Второй томъ «Политической исторіи современной Европы» (о первомъ мы дали

отчетъ въ седьмой книжкѣ «Сѣв. Вѣстн.») посвященъ исключительно внутренней жизни западно-европейскихъ государствъ, матеріальнымъ условіямъ политической жизни и эволюціи политическихъ партій въ XIX вѣкѣ, начиная съ 1814 года. Необходимо, однако, прибавить, что послѣднія главы сочиненія,—вѣроятно вслѣдствіе большой сложности описываемыхъ явленій, а можетъ быть, также вслѣдствіе отсутствія вполнѣ достовѣрнаго матеріала,—не представляютъ той ясности въ изложеніи и той фактической опредѣленности, какими отличалась первая часть сочиненія. Авторъ только резюмируетъ явленія, или, вѣрнѣе, констатируетъ ихъ, но послѣдовательнаго хода событій и эволюціи ихъ не даетъ. Такъ, упомянувъ о соглашеніи Россіи съ Франціей въ 1891 году, авторъ указываетъ на соперничество Россіи и Англіи въ восточномъ вопросѣ, вслѣдствіе избіенія армянъ въ Турціи; Англія предлагала заставить султана ввести преобразованія въ пользу его подданныхъ христіанъ, но Россія приняла сторону султана, чтобы разстроить вмѣшательство о преобразованіи. Эта политика, прибавляетъ авторъ, разъяснена одной фразой, приписываемой русскому послу: «Мы не хотимъ, чтобы въ Арменіи намъ устроили новую Болгарію». При поддержкѣ Франціи, Россія парализировала Англію. Австрія и Германія, чтобы избѣжать осложненій на Востокѣ, примкнули къ русской политикѣ, и европейскій концертъ не предъявилъ султану никакого рѣшительнаго требованія. Общія заключенія, къ которымъ по временамъ приходилъ авторъ, отличаются иногда большою оригинальностію и обличаютъ въ авторѣ не только человѣка превосходно владѣющаго матеріаломъ, но также и вдумчиваго, умѣющаго правильно освѣщать факты. Говоря о политической эволюціи въ Германіи, напримѣръ, онъ замѣчаетъ, что съ основанія германской имперіи нѣмецкое общество подвергается двумъ эволюціямъ. Одна изъ нихъ монархическая, бюрократическая, военная, исходящая отъ прусскаго правительства и стремящаяся передѣлать всю Германію по образцу Пруссіи, возстановляя тамъ въ правильной формѣ старый порядокъ божественнаго права и духовной власти. Другая эволюція — демократическая, — исходитъ изъ населенія новыхъ большихъ городовъ и промышленныхъ областей, но начинаетъ распространяться по селамъ и проникаетъ даже въ консервативныя партіи путемъ агитаціи. Между этими двумя вѣяніями,—монархическимъ, духовнымъ и военнымъ, воплощаемымъ Вильгельмомъ II, и другимъ—демократическимъ, свѣтскимъ и промышленнымъ, противорѣчіе до того рѣзкое, что надъ всей политической жизнью Германіи тяготѣетъ несомнѣнная путаница. Съ этимъ замѣчаніемъ, конечно, нельзя не согласиться. Съ другой стороны, авторъ съумѣлъ талантливо и ясно намѣтить эволюціи какъ мѣстныхъ, такъ и международныхъ партій (католической и соціалистической) и показать ихъ значеніе въ политической жизни современнаго европейскаго общества. Странно, однако, что, подробно излагая внутреннюю жизнь каждаго въ отдѣльности изъ европейскихъ государствъ, Сеньобосъ выпускаетъ Россію и говоритъ о ней только тамъ, гдѣ дѣло касается международныхъ отношеній. Какія причины заставили автора сдѣлать этотъ пропускъ,—нѣтъ возможности догадаться, но несомнѣнно, что его полезное и прекрасно написанное сочиненіе въ значительной степени страдаетъ отъ этого пропуска.

Отчетъ о дѣятельности Комитета по устройству сельскихъ библіотекъ и народныхъ читаленъ за 1896 годъ. Харьковская типографія губернскаго правленія.

Харьковское губернское земство, предоставляя уѣзднымъ земствамъ дѣло первоначальнаго народнаго образованія, своей задачей поставило попеченіе о дальнѣйшемъ умственномъ развитіи народа. Рука объ руку со стремленіемъ губернскаго земства идетъ дѣятельность Комитета по устройству народныхъ читаленъ и библіотекъ. Объясняя подобное положеніе вещей, губернская управа обратилась въ докладѣ къ губернскому земскому собранію «съ искреннѣйшей просьбой о назначеніи въ распоряженіе комитета впредь до устройства полной сѣти библіотекъ въ Харьковской губерніи, ежегодной субсидіи въ томъ размѣрѣ, какъ таковая была выдана въ 1896 г., а именно по 4.300 руб.». Комитетъ, основывая средства для своей дѣятельности главнымъ образомъ на субсидіи земства, стремится также и къ тому, чтобы пополнить его начинанія. Харьковское губернское земство, открывъ въ 1879 г. центральный книжный складъ и устраивая отдѣленія его въ уѣздныхъ городахъ, задалось цѣлью снабжать школы книгами и учебными пособіями; въ концѣ учебнаго года комитетъ организовалъ продажу книгъ для внѣшкольнаго образованія (особенно по земледѣлію, огородничеству, садоводству, ремесламъ и промысламъ), перенося торговлю книгами и въ глухія мѣстности губерніи. Имѣя главнымъ пунктомъ своей программы—полную организацію библіотекъ въ предѣлахъ Харьковской губерніи, комитетъ въ 9-ти уѣздахъ основалъ съ 1-го января 1896 г. по 1-е января 1897 г. 26 библіотекъ (около половины ихъ приходится на Харьковскій уѣздъ), изъ которыхъ каждая содержитъ отъ 200 до 700 томовъ, при чемъ наименьшее количество подписчиковъ, приходящихся на одну, судя по своду данныхъ изъ отчетовъ, простирается отъ 41 до 589 человѣкъ, а выдан-

ныхъ книгъ отъ 193 до 4,956 на каждую библіотеку. Нѣкоторую неопредѣленность въ сводѣ данныхъ изъ отчетовъ представляетъ изъ себя графа прихода: «Разныя полученія и за испорченныя книги». Подъ этой рубрикой помѣчено, что съ библіотеки въ с. Новой Астрахани полученно 135 р. 50 к., сумма, обращающая на себя вниманіе среди другихъ, выраженныхъ въ большинствѣ случаевъ только въ копѣйкахъ, и тѣмъ не менѣе смыслъ ея остается загадкой. Статистическія данныя, собранныя комитетомъ о положеніи внѣкласснаго чтенія, проливаютъ свѣтъ на этотъ вопросъ. Большинство корреспондентовъ комитета указываетъ на улучшеніе хода школьныхъ занятій, на развитіе чтенія группами на «посидѣлкахъ» и «вечерницахъ»; отмѣчаютъ, какъ фактъ повсемѣстный—самое сочувственное отношеніе населенія къ библіотекамъ и посѣщеніе ихъ даже крестьянами дальнихъ губерній, не имѣющихъ библіотекъ. Благодаря этимъ сообщеніямъ, ясно видны и пробѣлы нашей народной литературы; отчетъ комитета особенно подчеркиваетъ два наиболѣе важныхъ и замѣтныхъ: это во-первыхъ — недостатокъ разрѣшенныхъ книгъ, трактующихъ о сельскомъ хозяйствѣ и ремеслахъ и неудовлетворительность имѣющихся по этимъ вопросамъ книгъ, во-вторыхъ—крупный пробѣлъ популяризаціи положеній юридическихъ, правовыхъ. Улучшеніе обычнаго права возможно только черезъ постепенное введеніе въ народную среду идей личнаго и имущественнаго права, нарушенія слова, договора и т. п. Комитетъ, обращая вниманіе читателей на эти пробѣлы, надѣется, что люди, свѣдущіе по вопросамъ указанныхъ отраслей знанія, дадутъ хорошо составленныя популярныя книги, въ которыхъ такъ нуждается народная масса.

Руководство къ устройству и веденію публичныхъ народныхъ чтеній. Съ приложеніемъ каталога книгъ, одобренныхъ для публичныхъ народныхъ чтеній. Составлено харьковской комиссіей по устройству народныхъ чтеній. Харьковъ. 1897 г. Цѣна 50 к.

Харьковская комиссія по устройству и веденію народныхъ публичныхъ чтеній изданіемъ своего руководства даетъ возможность каждому заинтересованному въ этомъ, не прибѣгая къ справкамъ, разбросаннымъ въ различныхъ изданіяхъ, вполнѣ оріентироваться въ дѣлѣ, имѣя въ рукахъ только эту книжку. Здѣсь онъ найдетъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, начиная съ тѣхъ, которыя касаются исходатайствованія разрѣшенія на устройство чтеній и кончая каталогомъ разрѣшенныхъ для народныхъ аудиторій книгъ. Предусматривая малѣйшее возможное затрудненіе, входя подробно въ каждую мелочь—общество дало въ отдѣльныхъ главахъ планы для устройства аудиторій, скамей, экрановъ, нѣсколько главъ посвящено описанію прибора для полученія свѣтовыхъ картинъ, какъ «обыкновеннаго», такъ и «отражательнаго» типа и принадлежностей того и другого. Точные рисунки и чертежи (изъ которыхъ нѣкоторые созданы спеціально для руководства) служатъ необходимымъ дополненіемъ къ тексту техническихъ свѣдѣній. Недорогая цѣна книги дѣлаетъ ее вполнѣ доступной для желательнаго широкаго распространенія.

К. К. Случевскій. **По Сѣверо-Западу Россіи.** Томъ I. По сѣверу Россіи. Томъ II. По западу Россіи. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1897.

Наша литература крайне бѣдна хорошими описаніями путешествій, и лучшіе изъ нихъ выдаются болѣе литературными, чѣмъ научными достоинствами. Первое требованіе, которое приходится предъявить въ этомъ отношеніи ко всякому описанію, заключается въ томъ, чтобы оно не только давало занимательный разсказъ о болѣе или менѣе любопытныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о болѣе или менѣе случайныхъ впечатлѣніяхъ автора, а рисовало бы описываемую страну, какъ она есть, если не во всѣхъ, то по возможности въ разностороннихъ проявленіяхъ ея жизни. Для этого требуется вдумчивое и проницательное наблюденіе путешественника, требуется стремленіе къ уясненію неизслѣдованныхъ сторонъ и умѣнье подмѣтить типическія черты. Книга г. Случевскаго, подобно большинству существующихъ у насъ, «путешествій», возникла иначе, и авторъ руководился, повидимому, другими стремленіями. Маршрутъ его путешествія былъ опредѣленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ сопровождалъ Великаго Князя Владиміра Александровича въ шести путешествіяхъ по сѣверной и сѣверо-западной Россіи. Во многихъ отношеніяхъ это ставило автора, несомнѣнно, въ исключительно благопріятныя условія, но въ общемъ едвали могло послужить къ увеличенію внутреннихъ достоинствъ книги. И дѣйствительно, наблюденія автора и въ особенности его сужденія во многихъ случаяхъ носятъ явно случайный и односторонній характеръ. Взоръ его приковываютъ вообще только тѣ «достопримѣчательности», которыя обыкновенно показываются пріѣзжимъ гостямъ, при чемъ, однако, даже и въ этомъ отношеніи встрѣчаются пробѣлы. Къ такому описанію достопримѣчательностей присоединяются въ его книгѣ компилятивные историческіе обзоры и краткія свѣдѣнія о торговлѣ и промыслахъ описываемой мѣстности. *Новаго* и *самостоятельнаго* книга даетъ, поэтому, немного. Ея главное достоинство заключается въ томъ, что въ легкомъ изложеніи она даетъ возможность безъ труда ознакомиться съ главнѣйшими данными относительно тѣхъ мѣстностей, которыя довелось увидѣть автору въ своихъ, захватывающихъ весьма обширный районъ, путешествіяхъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

По поводу открытія медицинскихъ курсовъ.—Защитница женскихъ правъ въ XVIII в.—Искусственное приготовленіе золота.

По поводу открытія медицинскихъ курсовъ.

Какъ извѣстно, въ началѣ академическаго года совершилось открытіе вновь возрожденныхъ женскихъ медицинскихъ курсовъ, и въ газетахъ появилось очень скромное извѣщеніе, что въ такой-то церкви будетъ въ 12 часовъ молебенъ. Объявленіе это прошло совсѣмъ незамѣченнымъ и, за исключеніемъ профессоровъ и то не всѣхъ, да студентокъ, постороннихъ лицъ не явилось. Торжество было, дѣйствительно, скромное, даже очень скромное. Чувствовалась какая-то подавленность и далеко не ликующее или праздничное настроеніе.

Не такъ, конечно, праздновали медицинскіе курсы день своего открытія двадцать-пять лѣтъ назадъ. Тѣмъ не менѣе, вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи, послѣ всѣхъ трудностей, съ которыми приходилось бороться, восторжествовалъ надъ всѣми препятствіями. Борьба была упорная, сильная и продолжительная. И вотъ, наконецъ, многимъ женщинамъ вновь открыто широкое поле высшаго образованія, полезной дѣятельности, возможности честно зарабатывать кусокъ хлѣба и не быть бременемъ семьи. Вопросъ этотъ не возбудилъ особеннаго вниманія общества и печати, онъ какъ-то прошелъ тихо, точно въ самомъ дѣлѣ онъ не близко затрагиваетъ близкіе интересы общества, хотя-бы даже со стороны «экономической», если ужъ другія стороны дѣла игнорируются. Казалось-бы, мы не можемъ особенно похвалиться большимъ количествомъ образованныхъ женщинъ (по правдѣ говоря, и мужчинъ тоже). Понятно, что столь продолжительное прекращеніе фукціонированія медицинскихъ курсовъ имѣло вліяніе на пониженіе уровня образованныхъ женщинъ. Повидимому, закрытіемъ курсовъ насъ хотѣли вернуть къ тѣмъ временамъ давно прошедшимъ, когда женщины не допускались къ роли воспитательницъ и настоящихъ помощницъ въ трудовой жизни. Вотъ почему вопросъ этотъ—близкій вопросъ всякой недостаточной семьи и въ нравственномъ, и въ экономическомъ смыслѣ. Да-

вая доступъ къ высшему образованію, мы предоставляемъ дѣтей вліянію образованныхъ женщинъ, открываемъ дочерямъ право на независимое существованіе, на кусокъ хлѣба, предупреждаемъ невыносимое существованіе ихъ въ семьѣ, для которой онѣ безъ образованія являются тяжелымъ бременемъ. А мы какъ будто все это забываемъ. Теперешнее положеніе семьи совсѣмъ, вѣдь, не то, что прежнее, и «экономическій» вопросъ играетъ въ ней теперь весьма серьезную роль, о которой прежде и не думали. Прежде было просто, какъ проста была и вся прежняя русская жизнь. Дѣти росли въ «патріархальныхъ» семьяхъ до восьми-лѣтняго, девяти-лѣтняго возраста на рукахъ нянекъ, лакеевъ и гувернеровъ. Прежніе корпуса ежегодно выпускали массу образцовыхъ офицеровъ, а институты приготовляли благовоспитанныхъ дѣвицъ, которыя краснѣли даже отъ одного слова «говядина». При такой системѣ и браки совершались несравненно легче, во-первыхъ, всегда давалось приданое въ видѣ сотни-другой крестьянъ и даже самыя захудалыя барышни получали не меньше двухъ «дѣвокъ», во-вторыхъ, внимательность государственнаго казначейства къ воспитанію помѣщичьихъ дѣтей тоже вліяла на быстрое рѣшеніе брачнаго вопроса.

Гражданскія отношенія въ тѣ времена ограничивались наказаніемъ строптивыхъ слугъ, а занятія политикой сводились къ пылкимъ разсужденіямъ, что «Россія первая страна въ свѣтѣ и никто ей не указчикъ». Когда въ воздухѣ запахло войной, говорили: «мы ихъ шапками закидаемъ». И всѣ смотрѣли съ легкимъ сердцемъ, какъ полки за полками проходили въ Крымъ солдаты... Шапками, правда, мы ихъ не закидали и ничего, кромѣ плохихъ ружей, не показали, но, по крайней, мѣрѣ мы освободили крестьянъ. Затѣмъ, кто не помнитъ, кто не знакомъ по прежнимъ журналамъ съ эпохой нашего возрожденія. У всѣхъ была опредѣленная задача—освобожденіе крестьянъ, какъ краеугольный камень всѣхъ дальнѣйшихъ реформъ...

Теперь мы вступили въ періодъ отдохновенія отъ реформъ. Масса готовыхъ пристать къ господствующему направленію поплыла по теченію, а болѣе хищные и бузсовѣстные бросились въ водоворотъ наживы, которая охватила современное общество, и пошло хищеніе направо и налѣво такое, что даже самимъ вдругъ стало страшно.

За это время и семья наша совсѣмъ измѣнилась. Дѣтей надо самимъ воспитать, образовать, кормить, поить, обуть. Жить стало дорого. Приходится чуть-ли не усчитывать куски въ семьѣ. Перспективы впереди для дѣтей весьма смутныя. Болѣе слабыя, пассивныя натуры пойдутъ обычной пробитой колеей, образуя контингентъ «къ добру и злу постыдно равнодушныхъ», энергичныя, себялюбивыя натуры сдѣлаются хищниками, а что станется съ тѣми отзывчивыми, экспансивными, честными натурами, которыя захотятъ жить иначе,—объ этомъ читатель самъ догадается. Они задохнутся въ тяжелой атмосферѣ жизни и отцвѣтутъ, не успѣвши разцвѣсть.

Но, думается мнѣ, что дѣти наши доживутъ до лучшихъ временъ и имъ не придется быть въ положеніи «кающихся дворянъ», и тѣмъ важнѣе готовить ихъ заранѣе къ предстоящей жизненной борьбѣ и дать имъ серьезное образованіе, чтобы они лучше насъ послужили народу своими знаніями. Какъ-бы мужчина ни былъ образованъ, ему не дотянуть до себя женщину полуобразованную, но зато вполнѣ несомнѣнно, что она оттянетъ его книзу. Пониженіе уровня женскаго образованія уничтожаетъ и умственное равенство между мужчиной и женщиной и отражается очень печально на семьѣ и на общественныхъ нравахъ. До сихъ поръ насъ губило во всемъ то, что мы были націей заурядностей. Заурядность была причиной нашего внутренняго безсилія, заурядность была причиной, что Европа не считаетъ насъ европейской страной и мы не имѣемъ, или имѣемъ очень мало духовныхъ союзниковъ.

Н. Геренштейнъ.

Защитница женскихъ правъ въ XVIII в.

Осенью текущаго 1897 г. исполнилось ровно сто лѣтъ со дня смерти первой поборницы женскихъ правъ, предвозвѣстницы женскаго движенія, Мэри Вольстенкрафтъ Годвинъ. Имя ея у насъ мало кому извѣстное, предано забвенію и въ Европѣ, и представительницы современнаго женскаго движенія врядъ-ли предполагаютъ, что сто лѣтъ тому назадъ въ Англіи жила и боролась женщина, осмѣлившаяся въ своемъ знаменитомъ «A Vindication of the Rights of Woman» впервые обратиться ко всему цивилизованному міру съ указаніемъ на права женщины. Тяжелое дѣтство выпало на долю этой женщины. Она родилась 1759 г., въ окрестностяхъ Лондона, въ семьѣ мелкихъ фермеровъ и съ ранняго дѣтства мучительныя сцены тяжелой семейной жизни протекали предъ ея глазами: грубый деспотъ отецъ терзалъ и тиранилъ жену и дѣтей, требуя отъ нихъ абсолютнаго подчиненія себѣ и сопровождая свои требованія ударами и кулаками. Безропотно, безмолвно переносила тиранію семья и слово возмущенія, слово протеста ни разу не сорвалось съ устъ страдалицы-матери, терпѣливо и кротко повторявшей: «Потерпимъ, моя Мэри, буря скоро пройдетъ». Тяжелыя семейныя сцены глубоко западали въ душу впечатлительной дѣвочки, но не кротость и терпѣніе рождали онѣ въ ней,—горячій, гнѣвный протестъ загорался въ этой дѣтской душѣ, и еще дѣвочкой Мэри устраиваетъ въ своей комнатѣ настоящую баррикаду, пытаясь оградить свою старшую сестру Елизу отъ того семейнаго ада, который устраивалъ ей ея мужъ. Позднѣе, она даетъ у себя пріютъ своей шестнадцати-лѣтней замужней подругѣ, чуть не убитой подъ пьяную руку развратникомъ и пьяницей мужемъ. Безотрадныя картины положенія женщины въ семьѣ непрестанно проходили предъ ея глазами и пламя протеста горѣло сильнѣй и сильнѣй. Мэри не довольствуется проявленіемъ

его въ своей частной жизни, защитой подруги, сестры, въ умѣ ея зарождается мысль вступить въ открытую общественную борьбу, указать обществу на тяжесть положенія женщины, склонить его къ защитѣ ея правъ, и вотъ Мэри начинаетъ учиться, работать надъ собой, дѣлать изъ себя образованнаго человѣка. Съ героической настойчивостью преодолѣваетъ она всѣ трудности этой сложной задачи, не имѣя никакихъ помощниковъ, кромѣ силы своей воли. Ей было 28 лѣтъ, когда она написала свой первый трудъ: «Мысли о воспитаніи дѣвочекъ и о поведеніи женщины въ главнѣйшихъ обязанностяхъ, налагаемыхъ на нее жизнью». Свою рукопись она снесла извѣстному въ то время лондонскому издателю Джонсону, поощрившему ея первые литературные шаги. Джонсонъ не только согласился напечатать первое произведеніе Мэри Вольстенкрафтъ, но даже предложилъ ей участвовать въ издаваемой имъ «Review analytique» и втеченіе долгаго времени она писала для его журнала «Нравоучительные разсказы для дѣтей»—педагогическія сказки съ оттѣнкомъ философіи, какъ это было въ духѣ конца XVIII в.; вмѣстѣ съ тѣмъ она много переводила съ французскаго, нѣмецкаго, голландскаго, перевела даже Лафатера. Книжный магазинъ Джонсона былъ мѣстомъ встрѣчи англійскихъ литераторовъ того времени. Здѣсь собирались они подъ предсѣдательствомъ своего издателя. Здѣсь познакомилась Вольстенкрафтъ съ двумя писателями, оказавшими сильное вліяніе на ея душевный и умственный складъ. Одинъ изъ нихъ—былъ Thomas Payne, другъ Франклина, успѣвшій пріобрѣсти въ Соединенныхъ Штатахъ громкую извѣстность своимъ памфлетомъ на «Здравый смыслъ»—«The Commun sense», гдѣ онъ защищалъ право колоній по отношенію къ метрополіи. Вышедшій изъ народа, бывшій сначала простымъ рабочимъ, затѣмъ лавочникомъ и приказчикомъ, Payne принадлежалъ къ партіи передовыхъ, стремившихся къ возстановленію республики Кромвеля, но съ большей свободой, чѣмъ это было при немъ. Ему было тогда 50 лѣтъ, но возрастъ не охладилъ въ немъ юношескаго жара, онъ горячо и пылко высказывалъ свои убѣжденія. Главнымъ собесѣдникомъ Пэна у Джонсона былъ Wiliam Godwin, человѣкъ лѣтъ 30 ти, перешедшій отъ самой искренней и глубокой вѣры къ не менѣе глубокому сомнѣнію и агностицизму. Сынъ священника и почти священнослужитель, онъ считалъ себя нравственно обязаннымъ порвать съ вѣрованіями, которыхъ больше не раздѣлялъ. Подобно Мэри Вольстенкрафтъ онъ вдохновлялся французскими энциклопедистами и мечталъ пересоздать общество, положивъ въ основаніе его разумъ. Одной изъ излюбленныхъ темъ для бесѣдъ и споровъ въ магазинѣ Джонсона былъ вопросъ о бракѣ и Пэнъ заявлялъ, что бракъ—цѣпь и, какъ всякая цѣпь, долженъ быть разрушенъ. Онъ даже прибѣгалъ нерѣдко къ слову: «свободный бракъ». Godwin,—отбросивъ свои прежнія вѣрованія, стремился пересоздать человѣчество. Мэри внимательно прислушивалась къ рѣчамъ литературныхъ людей, внося подчасъ въ ихъ споръ новые аргументы, высказываясь противницей брака

въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ, и доказывая, что міръ будетъ спасенъ женщиной. Многіе животрепещущіе вопросы затрогивались въ этомъ маленькомъ кружкѣ. Вспыхнула великая французская революція и въ отвѣтъ на порицанія ея. Пэнъ написалъ свои знаменитыя «Права человѣка». Опровергали нападки на нее и Бэркъ, и Вольстенкрафтъ, и это опроверженіе создало ей славу и поставило ее на ряду съ именитѣйшими писателями Англіи.

Пользуясь завоеванной извѣстностью и полагая, что пришелъ, наконецъ, моментъ поднять самый дорогой ей и вмѣстѣ самый наболѣвшій вопросъ, она издаетъ въ 1792 г. свое знаменитое «A Vindication of the Rights of Woman»—«О востановленіи правъ женщины». Сорвавъ маску лжи съ пресловутой галантности, Мэри Вольстенкрафтъ обнаруживаетъ всю силу грубости и лжи, скрывающихся подъ прикрытіемъ внѣшняго уваженія въ отношеніяхъ мужчины къ женщинѣ. Книга изобилуетъ фактами, документальными доказательствами. Мэри Вольтенкрафтъ далека отъ идеализаціи женщины. Рисуя женщину зачастую въ очень мало лестномъ для нея видѣ, она не отрицаетъ ни ея низшаго умственнаго развитія, ни недостаточности ея образованія, но имѣя все это въ виду, она указываетъ на возмутительное неравенство, которому справедливость должна положить конецъ. Она требуетъ для женщины не привиллегій, а правъ. Книга Мэри Вольстенкрафтъ имѣла необычайный успѣхъ не только въ Англіи, но и въ Европѣ и была переведена на всѣ почти европейскіе языки, кромѣ французскаго.

Замѣчательно, что на 35-мъ году жизни Мэри Вольстенкрафтъ вступила въ гражданскій бракъ съ нѣкимъ Imlay, послѣдовала за нимъ въ Парижъ и жила тамъ среди ужасовъ Террора. Ея названный супругъ до такой степени мучилъ и терзалъ ее, что она рѣшила купить себѣ освобожденіе цѣною жизни. Съ этой цѣлью, вернувшись въ Лондонъ, она бросилась въ Темзу; но попытка покончить счеты съ жизнью ей не удалась. Ее спасли отъ смерти и старое ярмо мучительной жизни съ Imlay продолжало попрежнему тяготѣть надъ нею. Только въ 1795 г. освободилась она отъ своего ига: спасаясь отъ преслѣдованій, Imlay бѣжалъ изъ Лондона. Вскорѣ послѣ того Мэри Вольстенкрафтъ вышла замужъ за своего стараго друга Годвина, успѣвшаго пріобрѣсти себѣ громкую извѣстность своими романами, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательнымъ является «Калебъ Уильямсъ». Мэри Вольстенкрафтъ была счастлива съ Годвиномъ, но счастье длилось не долго. Въ 1797 г. родилась у нихъ дочь, впослѣдствіи ставшая женой Шелли, и вскорѣ послѣ ея рожденія Мэри Вольстенкрафтъ была унесена родильной горячкой. Годвинъ глубоко и искренно скорбѣлъ о ней и написалъ ея жизнь и мемуары.

С. М.

Искусственное приготовленіе золота.

За послѣднее время снова сталъ на очередь забытый вопросъ, такъ сильно волновавшій алхимиковъ среднихъ вѣковъ, вопросъ объ искусственномъ приготовленіи золота. Алхимики, потративъ на разрѣшеніе этой задачи много силъ и энергіи, оставили наукѣ цѣнное наслѣдство въ видѣ громаднаго количества фактовъ. Многіе изъ этихъ фактовъ имѣютъ важное научное значеніе, но для достиженія цѣли, поставленной средневѣковыми учеными, они не давали ничего. Для алхимика Джемса Прайса, члена Royal Society, въ Англіи, неудачная попытка приготовленія золота послужила даже причиной самоубійства. Есть, правда, историческія свидѣтельства, могущія привести ученаго въ недоумѣніе относительно безрезультатности работъ алхимиковъ. Такъ знаменитый химикъ конца XVI и начала XVII вѣка Ванъ Гельмонтъ сообщаетъ, что при помощи философскаго камня, полученнаго имъ отъ неизвѣстнаго лица, ему удалось превратить ртуть въ золото. Точно то-же передаетъ Гельвецій, ученый XVII в., получившій также отъ таинственнаго незнакомца философскій камень, дѣйствіемъ котораго свинецъ превращенъ былъ въ золото. Существуютъ и другія сообщенія; всѣ они отличаются необыкновенной таинственностью и неопредѣленностью. Какъ-бы то ни было, вопросъ объ искусственномъ приготовленіи золота не возбуждался около ста лѣтъ и можно сказать уже отошелъ-было въ область исторіи. Къ тому-же, помимо привлекательной гипотезы о единствѣ матеріи (теоретической основы изысканій алхимиковъ), стремленіе ума къ обобщенію нашло нѣкоторое удовлетвореніе въ періодическомъ законѣ Д. И. Менделѣева.

Открытіе простыхъ тѣлъ, въ родѣ аргона и гелія, для которыхъ нѣтъ совершенно вакансіи въ системѣ Менделѣева, а такъ-же ученіе о единствѣ энергіи снова заставляютъ задуматься надъ существованіемъ единой общей субстанціи для всѣхъ тѣлъ природы, въ томъ числѣ, конечно, и для вожделѣннаго металла. Тѣмъ не менѣе довольно неожиданными явились извѣстія о двухъ случаяхъ искусственнаго приготовленія золота въ Америкѣ. Одинъ случай имѣлъ мѣсто въ Чикаго въ маѣ 1897 года. Эдуардъ Брайсъ нашелъ способъ приготовленія золота изъ сурьмы и свинца. Для провѣрки его открытія директоромъ монетнаго двора Соединенныхъ Штатовъ была назначена коммиссія экспертовъ, которая нашла, что способъ Брайса даетъ возможность получать золото, *примѣшанное* къ сурьмѣ и свинцу въ большемъ количествѣ, чѣмъ это было раньше, но что никакого приготовленія золота здѣсь не имѣется.

Гораздо сложнѣе дѣло въ другомъ случаѣ. Нью-іоркскій химикъ-поэтъ Стефанъ Эмменсъ превращаетъ серебро въ золото (первый опытъ въ августѣ 1896 года); но сообщенія свои по этому вопросу онъ облекъ въ таинственно-философскій языкъ, очень напоминающій Раймунда Лулла и другихъ ученыхъ XIII вѣка, такъ что открытія его провѣрить невозможно. Прежде чѣмъ излагать открытіе Эмменса, я въ немногихъ сло-

вахъ напомню работы другого американскаго ученаго Кэри Ли (1889 г.), которыя послужили для Эмменса исходной точкой. Обработывая извѣстнымъ образомъ растворъ азотнаго серебра (ляписа), Кэри Ли получалъ серебро въ видѣ фіолетоваго, на воздухѣ синѣющаго осадка; серебро въ этомъ видѣ растворяется въ водѣ и даетъ совершенно прозрачный растворъ краснаго цвѣта. Если обработать извѣстнымъ образомъ этотъ растворъ, можно получить серебро, уже не растворимое въ водѣ, при разныхъ условіяхъ различныхъ цвѣтовъ и въ одномъ случаѣ золотисто-желтаго, по внѣшнему виду вполнѣ напоминающее золото. Всѣ эти разновидности серебра, названныя аллотропическимъ серебромъ, легко переходятъ въ обыкновенное.

Возвращаемся къ Эммeнсу. Поводомъ къ его изысканіямъ послужило слѣдующее обстоятельство. Приготовляя въ 1892 году химически чистые желѣзо и никкель, онъ получилъ «нѣкоторое вещество», совершенно не похожее на эти металлы, какъ они описываются въ руководствахъ. Подвергнувъ аналогичнымъ реакціямъ кобальтъ, онъ получилъ тотъ-же продуктъ. Это навело его на мысль, что существуетъ нѣкоторая субстанція, общая для цѣлыхъ группъ простыхъ тѣлъ, причемъ группы соотвѣтствуютъ группамъ—системы Менделѣева [1]). Придя къ такому выводу, Эмменсъ оставилъ работы съ группой желѣза и обратился къ первой группѣ системы Менделѣева, гдѣ находятся золото и серебро, надѣясь изъ серебра получить элементарную субстанцію, а изъ нея приготовить золото. Кэри Ли, говоритъ Эмменсъ, произвелъ измѣненія въ молекулярномъ строеніи серебра, получая послѣднее въ растворимомъ состояніи, т.-е., раздробилъ частицу серебра на болѣе простыя части. Идя далѣе, можно достигнуть полнаго разложенія молекулы на тѣ элементы, изъ которыхъ, какъ можно заключить по предыдущему, слагается золото. При помощи «нѣкоторыхъ» приборовъ и «нѣкоторыхъ» физическихъ методовъ Эммeнсу удалось произвести дальнѣйшее раздробленіе частицы серебра и получить вещество, которое въ обыкновенномъ состояніи ни золото ни серебро, но можетъ быть превращено въ то или другое, т.-е. является какъ-бы сырымъ матеріаломъ, изъ котораго приготовляются эти металлы самою природою. Назвавъ вновь полученное тѣло «Argentaurum» (серебро-золото) и давъ ему химическій символъ Ar, Эмменсъ приступилъ къ уплотненію частицы argentaurum'а для превращенія его въ золото. При производствѣ этого процесса пришлось, какъ пишетъ Эмменсъ, употребить такіе сильные источники энергіи, что жизнь работавшихъ подвергалась опасности. Несмотря на всѣ трудности, желаемый результатъ былъ достигнутъ, т.-е. было получено вещество по химическимъ и физическимъ свойствамъ тождественное съ зо-

[1]) Въ письмѣ къ Круксу отъ 21-го мая 1897 г., помѣщенномъ въ № 1270 журнала «La Nature», Эмменсъ такъ поясняетъ свой выводъ: «Я смотрю на графитъ и алмазъ, какъ на вещества, способныя переходить другъ въ друга, т.-е. считаю ихъ веществами одинаковыми, отличающимися расположеніемъ своихъ частицъ. Подъ превратимостью золота и серебра я понимаю ни больше, ни меньше того, что только-что мною было сказано по поводу алмаза и графита».

лотомъ, въ началѣ, правда, въ микроскопическихъ размѣрахъ, но ходъ превращенія показалъ, что послѣднее обстоятельство зависитъ только отъ недостатка нужныхъ приборовъ, съ устройствомъ которыхъ открытіе можно примѣнить для коммерческихъ цѣлей. Итакъ, серебро превращено въ argentaurum, argentaurum—въ золото. Все это нисколько не противорѣчитъ принятому въ химіи періодическому закону: въ системѣ Менделѣева есть вакантное мѣсто для argentaurum'а между золотомъ и серебромъ. Къ сожалѣнію, Эммensъ не даетъ описанія химическихъ и физическихъ свойствъ argentaurum'а. Въ настоящее время онъ занятъ приготовленіемъ прибора съ очень сильнымъ давленіемъ, при помощи котораго будетъ получать ежемѣсячно до 4,000 фунтовъ золота; а пока, хотя и не въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, но всетаки со значительной выгодой въ «Argentaurum laboratory» ведется превращеніе въ золото *мексиканскихъ* долларовъ. Это уже большой шагъ впередъ въ сравненіи съ дорогимъ приготовленіемъ золота изъ аллотропическаго серебра.

Въ своей брошюрѣ: «Arcana Naturae» («Тайны природы») о самомъ превращеніи Эмменсъ говоритъ слѣдующее: «Мы не употребляемъ никакихъ химическихъ реактивовъ или дорогихъ веществъ, а пользуемся энергіей въ различныхъ ея видахъ, какъ-то: теплотой, электричествомъ, магнетизмомъ, тяжестью, сцѣпленіемъ, химическимъ сродствомъ, х—лучами и т. д.». «Наша главная затрата—время, нужное для того, чтобы произвести желательныя молекулярныя измѣненія». Серебро подвергается слѣдующимъ пяти операціямъ: 1) механической обработкѣ, 2) плавленію и измельченію, 3) механической обработкѣ, 4) обработкѣ окислами азота и 5) очисткѣ. Причемъ главная роль принадлежитъ механической обработкѣ, состоящей въ давленіи при очень пониженной температурѣ.

Нужно отмѣтить странное значеніе, которое придается мексиканскимъ долларамъ. Вотъ что пишетъ Эмменсъ объ этомъ въ письмѣ къ Круксу: «Можетъ ли данный опытъ удаться съ чистымъ серебромъ или съ какимъ-либо сплавомъ серебра, отличнымъ отъ того, который употребляется монетнымъ дворомъ Соединенныхъ Штатовъ при приготовленіи мексиканскихъ долларовъ, я не могу сказать. По моему мнѣнію, очень возможно, что и самое серебро въ различныхъ случаяхъ можетъ быть различнымъ въ отношеніи своего молекулярнаго устройства». Въ 1848 г. французскій фотографъ Tifferau, находясь въ Мексикѣ, произвелъ превращеніе серебра въ золото. Пріемъ, подробно описанный имъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Въ азотную кислоту, предварительно выставленную на два дня на солнце, бросаютъ стружки изъ сплава серебра и мѣди въ такой пропорціи, какъ онѣ заключаются въ мексиканскихъ долларахъ; происходитъ сильная реакція; смѣсь оставляютъ стоять 12 дней, затѣмъ доливаютъ водой и оставляютъ еще на 5 дней. Послѣ этого жидкость выпариваютъ, осадокъ кипятятъ съ азотной кислотой и получается золото. Такихъ опытовъ Tifferau произвелъ три. Пріѣхавъ во Францію, онъ сорокъ лѣтъ пытался повторить тоже самое и что результаты были самые плачевные. Эмменсъ объясняетъ это тѣмъ,

во Франціи Tifferau работалъ не съ мексиканскими долларами и не имѣлъ такого яркаго солнечнаго свѣта, какъ въ Мексикѣ. Самъ же Tifferau полагаетъ, что въ мексиканскомъ воздухѣ носится «ферментъ», способный превращать серебро въ золото.

Читая описаніе операцій превращенія мексиканскихъ долларовъ въ золото, мы видимъ здѣсь поразительное сходство съ туманными описаніями алхимиковъ. Повторить работъ Эмменса нѣтъ никакой возможности, такъ какъ каждая изъ пяти операцій можетъ быть произведена на тысячу различныхъ способовъ. А точнаго описанія онъ не намѣренъ давать, потому что всѣ эти работы—дѣло чисто коммерческое, «a case of sheer Mamon-seeking», являются предпріятіемъ американскаго акціонернаго общества: «Argentaurum Sindicate». Общество уже приготовило нѣсколько небольшихъ слитковъ золота на сумму около 1,000 долларовъ; слитки были признаны за золото пробирной палатой и куплены монетнымъ дворомъ Соединенныхъ Штатовъ. Кого интересуетъ только научная сторона дѣла, тому Эммensъ предлагаетъ способъ провѣрки открытія. «Если вы желаете», говоритъ онъ, «получить золото въ небольшомъ количествѣ, если полученіе его изъ серебра интересуетъ васъ только съ научной точки зрѣнія, если вы не станете гоняться за дешевизной полученія этого драгоцѣннаго металла, то вамъ стоитъ лишь произвести слѣдующій опытъ. Возьмите *мексиканскій* серебряный долларъ; монетный дворъ Соединенныхъ Штатовъ удостовѣряетъ, что мексиканскіе доллары въ томъ видѣ, какъ они чеканятся въ настоящее время, не содержатъ золота или содержатъ его лишь ничтожные слѣды. Итакъ, возьмите мексиканскій д олларъ и помѣстите его въ ступку или въ такой сосудъ, изъ котораго не будутъ выскакивать кусочки, когда этотъ долларъ будетъ измельчаемъ. Затѣмъ подвергните этотъ долларъ сильному, быстрому и продолжительному толченію, но при такихъ условіяхъ, чтобы онъ не могъ даже ни на одно мгновеніе разогрѣться. Для этого вся операція должна производиться при условіяхъ весьма значительнаго искуственнаго холода. Продолжайте этотъ процессъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и въ результатѣ вы получите замѣтное количество золота». Нужно замѣтить, что при этомъ можетъ имѣть мѣсто случай, аналогичный случаю съ Брайсомъ, т. е. можетъ быть, способъ Эмменса даетъ возможность получать золото, *содержащееся* въ мексиканскихъ долларахъ. Эммensъ посылалъ въ пробирную палату для анализа мексиканскій долларъ, но золота въ немъ не оказалось. Если анализъ пробирной палаты подтвердится учеными, открытіе Эмменса должно быть признано. Въ такомъ случаѣ, прежде всего наука должна претерпѣть цѣлый переворотъ: то, что раньше считалось недѣлимыми атомами, оказывается сложнымъ. Далѣе, какія измѣненія будутъ въ денежномъ обращеніи и золотопромышленности? А пока можетъ случиться только повышеніе цѣны серебра, въ особенности мексиканскихъ долларовъ и повышеніе цѣны на акціи «Argentaurum Sindicate» и, слѣдовательно, увеличеніе благосостоянія членовъ акціонерной компаніи.

Н. Т.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый Государь
Господинъ Редакторъ.

Г-жа Полина Віардо прислала мнѣ письмо, въ которомъ сообщаетъ о похищеніи у нея писемъ покойнаго И. С. Тургенева и проситъ меня предупредить русскія изданія противъ напечатанія этихъ писемъ, если къ нимъ обратятся съ подобнымъ предложеніемъ.

Прилагая при семъ письмо Г-жи Віардо, въ русскомъ переводѣ, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ напечатать его въ ближайшемъ № Вашего изданія.

Примите увѣреніе въ моемъ почтеніи

В. Герардъ.

Парижъ, 21 ноября 1897 г.

Многоуважаемый г. Герардъ.

Значительное количество писемъ, адресованныхъ мнѣ Иваномъ С. Тургеневымъ, были у меня похищены, гдѣ, когда и кѣмъ, я того опредѣлить не могу.

Лицо, во владѣніи котораго они нынѣ находятся и которое утверждаетъ, будто оно пріобрѣло ихъ при какой-то распродажѣ, увѣдомило меня, что оно намѣревается предать ихъ гласности. Лицо это скрываетъ отъ меня свое имя, но, повидимому, оно живетъ въ Орловской губерніи

Я поручила отвѣтить этому лицу, что я воспротивлюсь всѣми законными средствами опубликованію этихъ писемъ.

Лучшее средство, которое находится въ моемъ распоряженіи, чтобы воспрепятствовать такому нарушенію моихъ правъ собственности на эти письма — есть обращеніе ко всей русской прессѣ съ оповѣщеніемъ о кражѣ, жертвою которой я сдѣлалась, и съ предупрежденіемъ противъ могущаго появиться предложенія отдать эти письма въ печать,—предложенія, которое никто не могъ-бы принять, не предвидя моего права преслѣдовать его за это.

Поэтому я была-бы Вамъ очень признательна, если-бы Вы сообщили содержаніе этого письма въ русскіе газеты и журналы, съ просьбою напечатать его; можно надѣяться, что послѣ этого ни одно изданіе не можетъ добросовѣстно приложить руку къ подобному обману.

Примите, многоуважаемый господинъ Герардъ, заранѣе мою благодарность и выраженіе моего глубокаго уваженія.

Полина Віардо.

Прошу покорно всѣ изданія, въ которыя я по недосмотру не прислалъ-бы настоящаго заявленія, перепечатать его.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» втеченіе ноября мѣсяца.

Авенаріусъ В. П. Гоголь-студентъ. Спб. 1898, Ц. 1 р. 50 к.

Алексѣевъ М. Т., Варшавскій Е. С., Гедройцъ, А. К. Способъ леченія и рецепты с.-петербургскихъ клиникъ. По клив. лекц. гг. проф. И. В. М. Акад. ч. I. Спб. изд. К. Л. Риккера. 1897 г. Ц. 1 р. 40 к.

А. Т. Г. Буря. Комедія въ 3-хъ дѣйств. Кіевъ. 1897. Ц. 50 к.

Бартъ А. Религіи Индіи. Переводъ подъ ред. и съ предисловіемъ Кн. С. Трубецкаго. М. 1897. Ц. 1 р.

Бенъ-Ами. Собраніе разсказовъ и очерковъ. Т. I. Одесса, 1898. Ц. 1 р. 25 к.

Билыловськый К. А. Складка. Спб. 1897.

Брэмъ П. Божій міръ. М. 1897. Ц. 30 к.

Буткевичъ С. Дневникъ дѣвочки съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Спб. 1897.

Бьернстьерне Бьернсонъ. Полное собраніе сочиненій, т. VII. Перев. съ норвежскаго М. В. Лучицкой. Кіевъ-Харьковъ. 1897. Ц. 35 к.

Веберъ Максъ. Биржа и биржевыя сдѣлки. Перев. съ нѣм. 1897. Ц. 15 к.

Венгеровъ С. А. Русская поэзія. Вып. VI. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Веригинъ К. Іоганъ Генрихъ Песталоцци. Ревель. 1897.

Вихляевъ П. А. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губ. Тверь. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Гельмгольцъ Г. Популярныя рѣчи. Пер. подъ ред. О. Д. Хвольсона. и С. Я. Терешина. Ч. I. Спб. 1898. Изд. 2-е пересмотрѣнное и исправленное К. Л. Риккера. Ц. 1 р.

Герра Константинъ. Исторія одной любви. М. 1897. Ц. 40 к.

Гирнъ Г. А. Анализъ вселенной въ ея элементахъ Москва, 1898. Ц. 2 р.

Гнѣдичъ П. Исторія искусствъ. Т. III. Вып. II. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1897. Цѣна за все изд. въ 12 вып. 12 р.

Гюго Викторъ. Гернани. Перев. С. С. Татищева. Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ—23 к.

Доганович Анна. Ѳомка-дуракъ. Изд. второе. Москва, 1897. Ц. 20 к., въ папкѣ—30 к.

Дюкло Э. Пастеръ. Броженіе и самозарожденіе. Перев. подъ ред. и съ предисл. К. Тимирязева. Научно-популярн. библ. «Русской Мысли». М. 1897. Ц. 40 к.

Дитя и Мать. Сборникъ разсказовъ. М. 1897. Ц. $1^1/_2$ к.

Женскія профессіональныя школы 1895—1896. М. 1897.

Загоскинъ М. Н. Юрій Милославскій Изд. М. О. Вольфъ Спб 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Зиммель Г. Проблемы философіи исторіи. Перев. подъ ред. В. Н. Линда. Москва. 1898. Ц. 60 к.

Златовратскій Н. Н Сочиненія. т. III. Изд. третье. Москва. 1897. Ц. ва три тома 4 руб.

Ивинъ А. Въ городѣ и деревнѣ. Москва. 1897. Ц. 30 к. въ папкѣ—40 к.

Извѣстія книжныхъ магазиновъ тов. М. О. Вольфъ. Спб. 1897.

Икономовъ В. Ѳ. Древній Египетъ. М. 1892. Ц. 35 к.

Калымовъ. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Изд. второе. 1898. Москва. Ц. 25 к., въ папкѣ—35 к.

Кернеръ ф.-Мерилаунъ. Жизнь растеній. Перев. со 2-го нѣм. изд. съ библіогр. указат. и ориг. дополн. А. Генкеля и В. Траншеля подъ ред. проф. И. П. Бородина. Вып. I. Спб. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». 1898. Ц. 50 к.

Кругловъ А. В. Новая Звѣздочка. Три разсказа. Москва. 1897. Ц.—20 к. въ папкѣ—30 к.

Геніальный поморъ. Изд. второе. Москва, 1897 г. Ц. 25 к., въ папкѣ—35 к.

К-ой М. Очерки и замѣтки. Москва 1897. Ц. 1 р.

Леббокъ Дж. Муравьи, пчелы и осы. Пер. съ англ. Л. П. Никифорова. Общеполезн. библ. для самообр. Изд М. В. Клюкина. М. 1898. Ц. 2 р.

Левинсонъ Г. Русско-нѣмецкій карманный словарь. Кіевъ. 1887. Ц. 60 к.

Лейкинъ Н. А. Сусальныя звѣзды. Романъ. Спб. 1898. Ц. 1 р. 20 к.

Леоновъ Макс. Стихотворенія. Изданіе второе дополн. 1898. Москва. Ц. 75 к.

Линдеманъ К. Э. проф. Основы общей зоологіи. Съ 175 рис. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. 1897. Ц. 1 р. 60 к.

Лудзскій М. А. Паровыя и ручныя прачешныя по системѣ О. Шиммеля. Второе изданіе съ 46 рис. въ текстѣ Спб. 1897. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 80 к.

Лукьянская В. Воспоминанія часового мастера. По Эркману-Шатріену. М. 1898. Ц. 30 к.

Любите дѣтей, прочтите! Спб. 1897.

Манка А. проф. Основы терапевтики и фармакологіи. Пер. со 2-го изд. подъ ред. и съ добавл. Пр.-доц. И. В. М. Акад. Е. И. Котляра, тт. I и II. Спб. Изд. журн. «Соврем. Медиц. и Гигіена». Ц. 8 р.

Мерсье А. Срѣзы изъ центральной нервной системы. Перев. съ франц. съ пре-

дисл. Проф. В. М. Бехтерева. Спб. 1897. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 1 р. 40 к.

Милль Дж. Ст. Основанія политической экономіи. вып. III. Все изд. въ 5-ти вып. Ц. 2 р. 50 к. Кіевъ. 1897.

Народное образованіе въ Херсонской губ. въ 1896 г. Херсонъ, 1897.

Неустроевъ А. А. Картинная галлерея Императорскаго эрмитажа. Изд. И. Ефрона. Спб. 1898. Ц. 1 р. 75 к.

Ожешко Элиза. Колдунья. М. 1897. Ц. 3 к.

Орловъ Ф. Письма молодого солдата. Спб. 1898. Ц. 55 к.

Острогорскій А. Н. Педагогическія экскурсіи въ область литературы. М. Изд. К. И. Тихомирова. 1897. Ц. 1 р. 50 к

Отчетъ о постройкѣ открытой сцены на верхнемъ гуляньѣ въ г. Пензѣ. За 1896 и 1897.

Отчетъ Кіевскаго литературно-артистическаго общества. Кіевъ, 1897.

Отчетъ о дѣятельности учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній. М. 1897.

Отчетъ о дѣятельности Орловской городской публичной библіотеки за 1896 г. Вятка, 1897.

Паркеръ Т. Лекціи по элементарной біологіи. Съ 88 рис. Перев. съ 2-го англ. изд. съ измѣн. и дополн. пр.-доц. В. Н. Львова. М. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 1898. Ц. 2 р. 50 к.

Петерсонъ О и Балабанова Е. Западноевропейскій эпосъ въ трехъ томахъ, т. II. Скандинавія. Спб. 1898. Ц 2 р.

Петровъ К. Ѳ. Русскій языкъ. Спб. 1898. Ц. 50 к.

Покровскій К. Путеводитель по небу. Изд. А. Ф. Маркса. Ц. 2 р. 50 к.

Порфировъ П. Кв. Горацій Флаккъ. Оды. Книга первая. Спб. 1898. Ц. 50 к.

Порѣцкій П. д-ръ астрономіи. Новая наука и академикъ Имшенецкій. Ковно. 1897.

Пружанскій Н. Герои жизни. Спб. 1898. Ц. 1 р. 25 к.

Постановка обученія рукодѣлію въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ. 1895—1896. М. 1895.

Ранке I. Человѣкъ. Перев. со 2-го нѣм. изд. д-ра мед. А. Л. Синявскаго. подъ ред Д. А. Коропчевскаго. Вып. 1. Спб. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». 1897. Ц. 50 к.

Риль А. Ницше Фридрихъ, какъ художникъ и какъ мыслитель. Перев. съ нѣм. З. Венгеровой. Спб. 1898. Ц. 50 к.

Роміасъ Сергѣй, Деревня нашего времени. Очерки. М. 1897. Ц. 1 р.

Ротъ О. Клиническая терминологія. Пер. съ IV нѣм. изд. Спб. 1898. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 4 р. 40 к.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Томы 99 и 100. Спб. 1897.

Свободный сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губерніи. Т. XIII. Тверь. 1897.

Севастопольскій В. О томъ, чѣмъ и какъ удобрять землю. М. 1897. Ц. 15 к.

Степановъ Е Ц. О мѣропріяхъ австрійскаго правительства для улучшенія профессіональнаго образованія въ Австріи. Спб. 1897. Ц. 30 к.

Страсбургеръ Э. и Нолль Ф. Учебникъ ботаники для высшихъ учебныхъ заведеній. Общая часть. Перев. со 2-го переработаннаго нѣм. изд. подъ ред. проф. Х. Я. Гоби. Съ 232 рис. въ текстѣ. Спб. 1898. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 2 р. 80 к.

Страшевичъ Л. Взгляды на Н. А. Милютина на учебное дѣло въ Ц. Польскомъ. Спб. 1897.

2-й съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію 1895—1896. Ч. I—II—III. Москва. 1896.

II-й съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи 1895—1898. Спб. 1896.

Тепловъ К. А. Сельскія огнеупорныя постройки. Спб. 1897. Ц. 12 к.

Тихоміровъ Д. И. Педагоческіе курсы въ Москвѣ. М. 1897.

Треворъ-Бетти О. Во льдахъ и снѣгахъ. Перев. съ англ. А. Филиппова. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Трайль Г. Д. Общественная жизнь Англіи. Т. III. Перев. съ англ. П. Николаева. М. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

Уйдъ. Нелло и Патрашъ. Пер. съ англ. М. 1897. Ц. $1^1/_2$ к.

Ф-ть Гр. Завоеваніе воздуха. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Куно-Фишеръ. Философія пессимизма. Одесса. 1897. Ц. 20 к.

Шеймнмъ П. Учебникъ права внутренняго управленія. Выпуски 8-й и 9-й. Одесса. 1897.

Шерръ I. Всеобщая исторія литературы. Вып. XXII.

Шуфъ В. (Борей). На Востокѣ. Спб. 1897. Ц. 75 к.

Царовскій Ив. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Кутаисъ. 1897. Ц. 10 к.

Щербачевъ Дм. Практическій курсъ клинич. изслѣдованія мочи. Для врачей, студ. и фармацевтовъ. Съ 43 рис. въ т. Спб. Изд. К. Л. Риккера. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Якунинъ Ив. (Захарьинъ). Графиня-тюремщица. М. 1897. Ц. $1^1/_2$ к.

Яснопольскій Н. П. О географическомъ распредѣленіи государственныхъ доходовъ и расходовъ въ Россіи. 3 т. Кіевъ, 1890—1897 г.г. Ц. 7 р.

Въ 1898 г. журналъ будетъ издаваться **по той же программѣ**, въ томъ же объемѣ и **при томъ же составѣ редакціи** и главныхъ сотрудниковъ, что и въ предыдущемъ году.— Годовые подписчики получатъ въ 1898 г. безплатно:

1. Сборникъ статей по сельскому хозяйству. И. А. Стебута
2. Руководство по огородничеству. М. В. Рытова. Вып. III.
3. Шесть проектовъ сельскохоз. построекъ (въ краскахъ).

Новые подписчики могутъ получить первые два выпуска «Руководство по огородничеству» М. В. Рытова вмѣсто **1** р. **20** к. за **80** коп.

На годъ **6** руб., на полгода **3** р. съ перес. Разсрочка по **1** р.

Ред. А. Мертваго. **Петербургъ, Невскій, 92.** **Изд. И. Машковцевъ.**

Открыта подписка на 1898 годъ

НА ПОЛИТИЧЕСКО-ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„СИБИРЬ",

посвященную интересамъ всей Сибири и сопредѣльн. съ нею мѣстн. Издается безъ предварительной цензуры въ С.-Петербургѣ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: В. Ангарскій (В. Л.), В. В. Бартеневъ, Ю. И. Безродная, В. Бенкевичъ Брониславскій, В. И. Вагинъ, Н. А. Варпаховскій, К. А. Вернеръ, Л. П. Волковъ, Е. А. Ганейзеръ, Д. М. Головачевъ, П. М. Головачевъ, В. С. Голубевъ, В. Ю. Григорьевъ, С. Я. Елпатьевскій, И. Н. Жуковъ, М. В. Загоскинъ, И. В. Ингеницкій, А. А. Кауфманъ, Д. А. Клеменцъ, Н. Н. Козьминъ, Г. И. Качерецъ, А. Б. Клюге, В. Ф. Костюринъ, М. А. Кроль, М. А. Круковскій, В. М. Крутовскій, Г. Ф. Кудрявцевъ, В. В. Лесевичъ, Л. С. Личковъ, Н. Любичъ, В. М. Михеевъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Л. Мельшинъ, А. Н. Мошинъ, Н. Надеждинъ, В. А. Ошурковъ, М. А. Плотниковъ, Г. Н. Потанинъ, Ф. И. Поярковъ, М. Рафаиловъ, В. И. Семидаловъ, В. И. Семевскій, Н. Л. Скалозубовъ, Е. А. Смирновъ, А. М. Спасскій, В. Студницкій, В. С. Илличъ, В. Л. Сѣрошевскій, Н. И. Степановъ, Ф. Ф. Филимоновъ, Г. Ц. Цыбиковъ, С. Л. Чудновскій, П. Ю. Шмидтъ, А. С. Шерстобитовъ, Е. Г. Шольцъ, Д. И. Шрейдеръ, А. В. Эповъ, А. А. Ярилевъ и др.

Подписка на газету и объявленія принимаются въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи (Саперный пер., д. 19).

Программа газеты:

1) Телеграммы. 2) Передовыя статьи. 3) Хроника мѣстной жизни. 4) Корреспонденціи. 5) Статьи по различнымъ вопросамъ, относящимся до тѣхъ мѣстностей, которымъ посвящена газета. 6) Сообщенія по дѣламъ общественныхъ управленій. 7) Переселенческое дѣло. 8) Школьное дѣло. 9) Извѣстія о дѣятельности учебныхъ и благотворительныхъ обществъ. 10) Судебная хроника. 11) Торгово-промышленный отдѣлъ. Извѣстія и справочныя свѣдѣнія по всѣмъ родамъ торговли и промышленности. Рыночныя цѣны. Биржевые бюллетени. 12) Внутреннее Обозрѣніе. 13) Заграничное обозрѣніе. 14) Фельетонъ. 15) Разныя извѣстія. Мелочи. 16) Объявленія.

Подписная цѣна: На годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на три мѣсяца 2 руб. 50 коп.

Редакторъ-Издатель К. Л. Михайловъ

Самая дешевая большая ежедневная газета на Югѣ Россіи.

При этомъ № прилагаются: 1) Объявленіе книгоиздательства Германа Гоппе. 2) Для подписчиковъ, живущихъ въ городахъ, почтовые бланки для перевода денегъ отъ конторы «Сѣвернаго Вѣстника».

ОПЕЧАТКА:

...исках за Леонардо-да-Винчи», на страницѣ 224, въ ... слѣдующая опечатка: «въ 1478 г. на мѣстѣ казни»— ...9 г. на мѣстѣ казни».